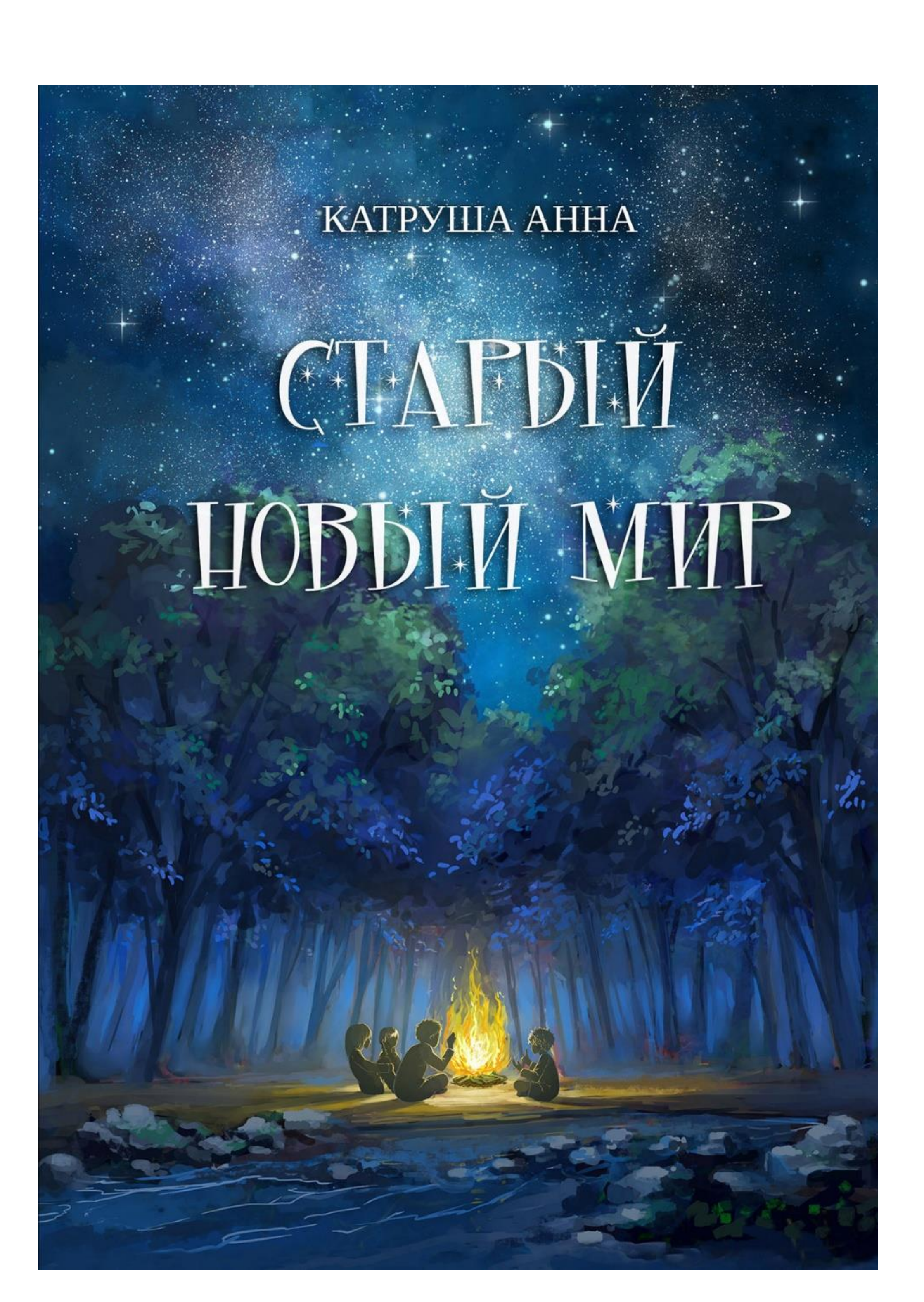

КАТРУША АННА
СТАРЫЙ
НОВЫЙ МИР

Катруша Анна

СТАРЫЙ НОВЫЙ МИР

Редактор-корректор *Михаил Божко*
Художественный редактор *Катруша Анна*
Художник-иллюстратор *«Ombobon artworks»*
E-mail: katrusha.books@gmail.com

ISBN 978-966-949-255-5

Странствующий рассказчик по имени Фантаст в новом городе встречает девочку с непростой проблемой и решает помочь ей. Это знакомство кардинально меняет их жизни, яяяцьведь у них появляется общая цель – путешествие в самое опасное место на земле. По воле случая они встречают ещё двух попутчиков, и вместе им предстоит преодолеть нелёгкий путь, который навсегда изменит их жизни, а так же узнать ужасную правду о мире, в котором они живут, и решить, под силу ли им исправить ошибки прошлого…

Жанр: приключения, фантастика, антиутопия.

От автора

Почему умирают миры? Наверно по той же причине, по которой умирают люди. Просто приходит их время, или они сильно болеют, или их убивают… Мир такой же беззащитный и хрупкий, как и любой из нас. Достаточно одного неосторожного движения, неверного шага или ошибочного решения, чтобы всё обратилось в пепел. Но почему же умирает этот мир?..

Почему его континенты раздроблены на островки оставшейся жизни и больше в них нет единства? Почему земля обеднела, мегаполисы стоят в руинах и высотки продолжают падать, не в силах более хранить память о прошлом? Почему люди сломлены и в их хрупких телах и сердцах не осталось желания жить?..

Пожалуй, мы все знаем почему. И причина всегда одна и та же…

Попрошу только об одном: когда Вы будете читать эту книгу, то столкнётесь с очень странным миром, который, скорее всего, заставит Вас испытать некоторое замешательство, и Вы подумаете, что мы никогда не докатимся до такого. Но именно это моя просьба – читая, не отпускайте мысль, что мы ближе к этому миру, чем нам кажется...

Приятного чтения!

Старый новый мир

***

«Я пишу эти слова, чтобы люди знали, кто они и в чём их истинное предназначение. Я прожил свою жизнь, совершив множество ошибок, но эта ошибка слишком велика, и вся ответственность лежит только на моих плечах...

Я пишу эту записку, понимая, что это последние минуты моей жизни. И как самый ужасный отец на земле, я провожу это время не с семьёй, а в мастерской, в которой, как я думал, строил новый мир… Но как же далеко я был от истины!

Я думал, у меня получится сломать этот механизм диктатуры, изменить устаревшую экономическую систему, реформировать политическую и в конечном итоге подарить людям лучший мир. Но я не смог! Я переоценил свои силы и взял на себя слишком много! Я потерпел неудачу! И вместо того, чтобы построить новый мир, я разрушил его своими же руками…»

– Глава 0 –

Новое начало

Если задуматься, это мгновение бывает только раз на вечность. Этот миг уникален и больше никогда не повторится. Это и делает его таким ценным. Даже незначительные вещи становятся настоящим чудом, если смотреть на это под таким углом, но с какой стороны не посмотри – этот закат был великолепен.

Близился трепетный момент соприкосновения солнца с верхушками многоэтажек вдали. Поразительно, насколько гармонично природа сочетает такое обилие цветов и оттенков.

Небесный купол был окрашен в синие и фиолетовые цвета, в то время как небеса к линии горизонта буквально пылали, утопая в красных, желтых и розовых тонах. Лучи заходящего солнца стремительно пробивались сквозь облака, освещая и согревая этот мир и его жителей… Так на верхушке заброшенного здания, нашел укрытие один очень юный путешественник, забравшийся так высоко, чтобы насладиться этим поразительным закатом.

В завитках его волос было нечто таинственное. Что-то от корней древа миров, а что-то от волн океанов, прародителей всего живого на земле. Обладатель ярко рыжих кудрявых волос сидел на выступающем подоконнике последнего этажа одной из многочисленных высоток, бесстрашно свесив ноги вниз над суетливыми улицами мегаполиса.

Юношеский пушок на щеках, немного детские черты лица, но уже совсем не детский взгляд. Он с восхищением любовался закатом, стараясь не упустить ни единой детали.

Перед ним простилалась пелена, укрывающая верхушки многоэтажных домов. Туманное марево с блеском переливалось под лучами заходящего солнца. Птицы, пролетавшие мимо, задевали своими крыльями воздух и взлетали всё выше, говоря о чём-то на непонятном человеку языке. Ветер подстрекал мысли разлетаться прочь, а многослойные пушистые облака стали венцом этой будоражащей воображение картины. Волшебный вид.

Подул слегка тёплый ветер, и он блаженно закрыл глаза. Чувства переполняли его. Всё в эту минуту было волшебным, и все детали слились воедино – неповторимая картина, где мир и человек были единым целым. Мальчик ощущал, что буквально растворяется в происходящем вокруг него. Он не решался открыть глаза, опасаясь, что так он спугнёт это непередаваемое чувство единения его с целым миром, но всё же его покой был нарушен.

По звуку шагов он понял, что кто-то приближается и ему пришлось открыть глаза. Он спокойно повернул голову и увидел чумазую девочку, чьи румяные щёки горели на фоне бледной кожи лица.

Лицо круглой формы, с немного пухлыми щеками и курчавым носом, который тоже был красным на самом кончике. Светлые косы ниже плеч были ужасно растрёпаны, руки исцарапаны, а одежда грязнее, чем обычно у жителей города. Карманы грязной

розовой безрукавки были чем-то набиты, и это что-то заметно выпирало. Светло-серые спортивные штаны были необратимо испачканы, а ещё она умудрилась где-то нахватать репяхов и они густо облепили её штаны снизу. Когда парень посмотрел на её обувь, то на его лице непроизвольно появилась улыбка – большой палец левой ноги торчал из порванного кроссовка. Она носила множество интересных браслетов на обеих руках, хотя в общем это не сглаживало первое впечатление настоящей неряхи.

Он поспешил отвернуться от неё, чтобы их взгляды не пересеклись, а вот она наоборот не сводила с него своих любопытных голубых глаз.

Девочка подошла к нему и села на подоконник, свесив ноги с противоположной стороны. Какое-то время они молчали, и первым тишину нарушил парень:

– Если ты будешь сидеть лицом к зданию, то пропустишь удивительный закат.

Девочка осторожно покосилась на него.

– А ты сюда ради заката пришел?

– И да, и нет. Я хотел проследить, всё ли хорошо и заодно полюбоваться закатом.

– Проследить? Ты что, повелитель солнца? – засмеялась она.

– Нет, конечно! – засмеялся он в ответ. – Но коекак мы связаны.

– И как же?

– Все мы дети света.

Парень на мгновение потерял бдительность и повернулся лицом к незнакомке. Как только их взгляды

встретились, улыбка тут же пропала с лица девочки. Глаза загадочного любителя закатов были в точности цвета солнца. Благородный, бездонный, золотой цвет мерцал подобно драгоценному камню. Его глаза гипнотизировали и будто утягивали куда-то. Девочка, не моргая смотрела в них, пока парень снова не отвернулся.

– Не смотри в них долго.

– Это что, вот те штуки, которые меняют цвет глаз? Линзы? – спросила она, придя в себя.

– Это не линзы.

– Не бывает такого цвета глаз!

– Ну, вот у меня такие.

– Не верю. Это точно линзы.

– Ладно, только не долго. Вот смотри.

Он пошире открыл глаза и наклонился вперёд к девочке. Она совсем не была готова к такому жесту, поэтому на мгновение растерялась и чуть не потеряла равновесие. Парень тут же схватил её за локоть и не дал сорваться.

– Осторожней, не забывай, где ты! – выругал он её.

– А не чего так внезапно… – девочка запнулась.

– Внезапно что?

– Ну… наклоняться.

Он беззаботно улыбнулся ей и снова повернулся лицом к закату.

– Вот смотри, начинается.

Но девочка не повернулась к закату, она покосилась на парня. Никогда раньше она не видела

настолько рыжих людей, и при этом на его лице не было ни одной веснушки.

Он был явно младше неё, но ненамного. Как и все, он носил грязную подранную одежду. На нём была зелёная толстовка с длинными не по размеру рукавами, капюшоном и карманом кенгуру. Джинсовые бриджи чуть ниже колена когда-то были светлыми с красивыми потёртостями – сейчас серые с грязными пятнами со всех сторон. К ним была прикреплена цепь медного цвета, свисающая сбоку бедра, и это придавало ему некой крутизны. Левое ухо было проколото кнопкой и было не совсем понятно, как она там держится и не выпадает.

В общем, выглядел он довольно обыденно, хотя было в нём кое-что необычное. Возможно из-за цвета глаз и волос, а может, это было и вовсе не при чём, но этот парень сразу выделялся из толпы. Он был чужой этому месту. Какой-то необъяснимый свет исходил от этого мальчика, и он с первых секунд общения располагал к себе.

Парень закатил рукава, и девочка увидела бесчисленное количество самых разных браслетов, верёвочек, цепочек и фенечек на обеих руках, но они были там не только для красоты. Девочка сразу обратила внимание на шрамы на руках и ногах. «Видимо не сладко живётся выделяющимся из толпы…», – подумала она.

Сине-оранжевые кроссовки, зашнурованные причудливым способом, тоже были непомерно велики.

– Хватит пялиться на меня… – еле слышно ответил парень.

– То в глаза смотреть нельзя, то на тебя – скучный ты.

– Я скучный? – парень чуть не подпрыгнул на месте. – Ты просто меня не знаешь!

– Стало бы весельчак?

– Ну не то чтобы весельчак… но не зануда это точно!

Сперва девочка боролась с собой, но затем от души засмеялась. Ей понравилось, как завязался их разговор, и она решила сесть поудобней. Девочка облокотилась спиной о стену, протянув ноги вдоль подоконника. Теперь и она наконец-то повернула голову к закату.

– Давай покурим, – предложила она. – У меня есть сигареты.

Парень застыл.

– У тебя есть сигареты?..

– Да, валом.

– Сигареты или самокрутки? – он решил удостовериться в правдивости услышанного.

– Сигареты, – хитро ответила девочка.

– Врёшь! Настоящие? Из табака?

– Ну а с чего же ещё?

Она молча достала из кармана своей безрукавки пачку и протянула ему одну сигарету – таких он ещё не видел. Они были в картонной упаковке красного цвета, скручены очень аккуратно, ровно, без малейших неровностей. Не то, что самокрутки городских

перекупщиков. Те небрежно делали свой товар, потому что знали, что на него всё равно найдутся покупатели. А таких он ещё ни разу в своей жизни не видел.

Он покрутил сигарету в руках и неуверенно поднёс к носу. Так вот он какой, аромат того, что старшие называли «настоящим табаком».

Из того же кармана девочка достала спички. Сначала она дала подкурить своему собеседнику, потом подкурила сама. Этот жест о многом говорил. Девочка сделала глубокую затяжку и пустила несколько ровных колец, которые за считанные секунды таяли в воздухе, оживая в причудливых образах в воображении парня.

Он провёл последнее кольцо дыма взглядом и поднёс сигарету к своим губам. Вкус этих сигарет был настолько хорош, что он вдохнул слишком глубоко и закашлялся. Ему стало крайне неловко, ведь она могла подумать, что он никогда не курил. А это как минимум странно. Здешние все курящие. Всё, что способно тлеть обязательно попадёт в самокрутку.

Она повернулась посмотреть, не слишком ли поперхнулся дымом её собеседник, но убедившись, что всё в порядке, снова перевела взгляд в сторону заката, ничего не сказав по этому поводу.

Огромный красный шар уже наполовину спрятался за верхушками безликих высоток мегаполиса.

– Солнце почти потухло… – зачарованно произнесла девочка.

Парень удивлённо посмотрел на неё и улыбнулся.

– Солнце не тухнет, оно заходит за горизонт.

– Ага, а я дух Белого Пса.

– Не веришь мне?

– Звучит не убедительно. Заходит за горизонт, это как вообще? У него что, ноги есть?

Парень снисходительно улыбнулся.

– Солнце преданно служит этому миру, оберегает его, даёт свет, тепло и жизнь. Оно не перестаёт гореть ни на секунду и уж тем более не потухает! Земля вращается вокруг Солнца и таким образом, с одной стороны земли – день, а с другой – ночь. Потом наоборот.

– Ага, как же, вращается, – девочку позабавили эти слова, но парень выглядел вполне серьёзно. – Это не может быть правдой. Мы бы чувствовали, что вращаемся. Предметы бы падали. Дома бы падали!

– Верить или нет, решать тебе. Но я не вру.

– Чем докажешь?

Парень многозначительно вздохнул.

– Ничем не докажу.

– Ну вот. Так что ты…

– А что тебе говорит твой внутренний голос? – перебил он её.

– В смысле?..

– Что ты чувствуешь, когда я говорю тебе, что Земля вращается вокруг Солнца и находится в окружении других планет и звёзд?

Девочка ничего не стала отвечать. На самом деле ей было жутко от этих мыслей. Земля вращается, есть другие планеты. Источников подобных знаний здесь

было не много. Ста́ршие, которые пользовались неоспоримым авторитетом, говорили, что это большое желтое пятно – Солнце, место, где они живут – Земля. Больше они сами ничего не знали. Они не могли знать больше, чем им рассказали старшие, которым это же поведали их старшие. Так откуда же этот загадочный рыжий парень знает больше, чем они?

– Все ответы уже есть в тебе. Нужно только научиться слушать себя.

Девочка обняла себя руками и стала всматриваться в небесный купол, где уже виднелись первые звёзды и луна. Было не по себе, но что-то ей подсказывало, что он прав. Кто же он такой? Не может же быть, чтобы он был тем самым парнем…

– А чем ты вообще занимаешься? – внезапно спросила девочка. – Ну, в смысле ты явно неместный.

– Я вечный странник.

Такой ответ её не устроил.

– Просто странник и всё?

Парень добродушно улыбнулся.

– Ну да.

– И ничего особенного такого не делаешь?

Он заулыбался ещё шире.

– Или спроси прямо, или не юли. Что значит делать что-то «особенное»? Жизнь человека и его труд не могут быть особенными или нет. Все просто живут и выполняют свою роль. Ищут себя и своё место, пытаются найти свою судьбу.

– Веришь в судьбу? – удивилась девочка.

– Смотря, что понимать под судьбой.

– Ну как же – уже готовая дорожка. Что бы ты ни делал, как бы не пытался, всё за тебя давно решили.

– Ничего не предопределено заранее. Ты сам намечаешь в голове путь и делаешь всё, чтобы пройти по нему. Конечно, далеко не всегда получается так, как задумано, но у человека всегда есть выбор. За тебя никто не решает. Даже сейчас – ты увидела меня и могла бы пройти мимо, но ты решила познакомиться. И кто знает, как твоё решение изменит наши судьбы, – улыбнулся он. – Есть судьба мира, и есть судьба каждой отдельной души. Эти два понятия неразрывно связаны. Они создают картину мира. Человек сам выбирает, куда ему идти и сам принимает решения, от которых в дальнейшем будет зависеть судьба целого мира.

– Ты хочешь сказать, что от решений одного человека может зависеть целый мир?

– Именно это я и говорю.

– И я смогу изменить мир?

– Если это твоя цель, то да.

Она улыбнулась, но в её глазах была печаль.

– Почему ты грустишь?

– Разве под силу одному человеку изменить всё это?.. – она печально опустила глаза вниз на улицы мегаполиса. – Крысы, помойки, грязь, болезни. Сироты при живых родителях, бездомные, хотя вокруг одни дома. Страх, безразличие, ненависть, злоба…

– Ты… не любишь этот мир? – с опаской спросил парень.

– Не знаю. Я люблю жить, но иногда мне кажется, что... Боги слишком сильно наказали нас…

– Боги? – удивился парень.

– Тише! А то ещё разозлятся. Постой… ты что, не веришь в Богов?

– Смотря в каких.

– Ну, в тех, которые наказали нас за то, что мы подобрались слишком близко к небу. Все знают, чем выше к небу, тем больше злятся Боги.

– Нет, в таких не верю. Таких богов не существует. Это всё дело рук самих людей.

Голубые глаза девочки недовольно буравили парня.

– Бред! Стали бы люди сами рушить мир, в котором живут? Это же глупо!

Парень печально улыбнулся:

– Поверь мне, те, кто над вами думают точно так же…

– Странный ты.

– Ничуть не страннее тебя. Ты тогда что забыла так высоко? Ты вроде бы веришь в богов, которые наказывают за это.

– Я ищу здесь кое-кого. И если понадобится, я нарушу запреты всех богов ради него.

Парня очень заинтересовали эти слова.

– А кого именно?

Девочка ничего не ответила. Она только крепче стиснула руки на груди и отвернулась.

– Я тоже здесь кое-что ищу, – сказал парень.

– Ну, я не ответила тебе, поэтому не буду лезть в твои дела и спрашивать, что ты ищешь.

– А я всё же расскажу, – улыбнулся он. – Мне нужны любовь, мудрость и сила.

Девочка, улыбаясь, перевела взгляд на парня:

– Я говорила тебе, что ты странный?

– Эй! – он засмеялся в ответ.

– Не знаю, что творится у тебя в голове, но этого ты здесь точно не найдёшь.

– Будем надеяться, что ты не права. Если этого здесь и, правда, нет – мир обречён.

Небесный купол был уже практически синим. Они сидели молча, каждый в своих мыслях, и смотрели на закат. И когда света в помещении уже практически не осталось, парень сказал:

– Спасибо тебе за сигарету и за слова. Больше за слова. Я пойду, пока ещё немного светло, поищу, где остаться на ночь.

Мальчик сразу же слез с подоконника и металлическая цепь на его бедре зазвенела.

– Зачем тебе искать ночлег? Можно остаться здесь… – она говорила тихо и смотрела вниз, будто чего-то стыдилась.

– Ну, ты явно здесь не в первый раз, вот я и подумал, что здесь твой, как его… – парень задумался на секунду, – точно, дом.

Девочка печально посмотрела на него.

– Ты же знаешь, здесь ни у кого нет дома, – она тяжело вздохнула. – С приходом весны, мы с братом перебрались на эту высотку. Мало кто поднимается на последние этажи. Я очень удивилась, когда увидела тебя здесь.

Парень не перебивал её и не расспрашивал, он терпеливо ждал продолжения.

– Несколько дней назад мой брат пропал. Просто исчез, оставив свой медальон и только… – она достала из-под кофты монетку с дырочкой, продетую в грязную тёмно-серую нить. – Каждый день я ухожу на его поиски, а потом, ближе к закату, возвращаюсь сюда, в надежде, что он вернётся на это место. Но как видишь, его здесь нет… и… – затем ещё немного помедлив, добавила: – и мне страшно быть здесь одной.

Парень медленно подошел к девочке и положил руки ей на плечи. Этот жест её очень смутил. Признаться, что тебе страшно, значит показать свою слабость, показать свою слабость – значит стать посмешищем. Она ждала чего угодно, только не тёплых рук на своих плечах.

– Я останусь с тобой. Эту ночь ты проведёшь без страха.

Она посмотрела на него и очень нежно улыбнулась. Он снова сел рядом на подоконник.

– У тебя кофта без рукавов. Тебе не холодно? – спросил парень.

Они отрицательно покачала головой.

– Днём, конечно, хорошо, но по ночам ещё прохладно.

– Мне совсем не холодно, – ответила девочка, и они улыбнулись друг другу.

Она достала из пачки ещё по сигарете.

– Бери, покурим. У нас вся пачка на эту ночь.

Сигареты затлели в сумерках.

– Так ты ищешь своего брата?

– Угу.

– Есть идеи, куда он мог отправиться?

– Одна хуже другой…

– Извини, что лезу не в своё дело, но… неужели вы так близки?..

– Да. Он моя семья.

– Удивительно.

– Я знаю, что ты думаешь, что это странно. Но мне плевать на весь этот чёртов мегаполис и его обычаи. У меня есть семья.

– Я не думаю, что это странно, я думаю, что это удивительно.

Лицо собеседницы было освещено только с одной стороны блеклым светом полной луны и звёзд. Такое освещение создавало таинственную атмосферу.

Она подняла на него свои глаза:

– А что ты думаешь о том, как мы живём?

Некоторое время парень молчал, подбирая слова. Затем серьёзным тоном произнёс:

– Этот мир сломлен и скоро умрёт, если всё останется так, как есть. Люди устали, раз за разом, вставать из руин и на этот раз решили просто ничего не делать. Вот только это путь в никуда.

– Раз за разом? Хочешь сказать, в прошлом уже было такое?

– Да, и не раз. И всегда люди находили в себе силы, чтобы двигаться дальше. А сейчас всё иначе. Разрушения произошли не только снаружи, но и внутри…

Девочка смотрела на этого загадочного парня, освещенного лунным светом, и гадала, что же за человек перед ней.

– Откуда ты всё это знаешь?

– Ну… Я много путешествую. Разговариваю с разными людьми. Всё, что я знаю, я услышал от других и считаю, что мой долг рассказать это остальным.

– Погоди… Ты всё-таки не обычный путешественник. Скажи честно ты... Тебя зовут Фантаст?

Девочка настойчиво сверлила его взглядом.

– Ну да… Но у меня несколько имён. Можешь звать меня ещё Бл…

– С ума сойти! Ты тот самый Фантаст!

– Да ладно тебе… Тот самый, скажешь тоже, – парень немного смутился после таких слов.

И хотя приятно было до ужаса, но всё же по натуре он был человеком скромным, и не привык к подобным словам. Он неуклюже почесал затылок и улыбнулся.

– Мой брат все уши про тебя прожужжал!

– Твой брат? – удивился Фантаст.

– Да, за день до того, как он пропал, он пришел ко мне и рассказал про отважного путешественника, который обошел полземли и знает всё! О том, что сверху и что снизу, что внутри и что снаружи…

– Твой брат сильно преувеличил мои заслуги, – Фантаст снова почесал затылок. – И я не обошел полземли!

– Расскажи, какой он, мир за пределами мегаполиса? – девочка умоляюще смотрела на него. Парню не хотелось расстраивать её, но соврать он не мог.

– Не хочу тебя разочаровывать, но везде одно, и тоже. По правде говоря, я даже не замечал, как меня-

лись города. Но здесь интересней, чем в других местах. Сам ваш мегаполис кажется чем-то нереальным. Эта надстройка… у меня даже слов нет. Я пришел к вам, когда луна была растущей, и уже успел завести много новых знакомых. На удивление, меня здесь очень тепло встретили. Хотя были и не очень приветливые парни в чёрном…

– Ты так много видел, так много знаешь… Это здорово…

– Прекращай смущать меня. Я обычный парень, которому не сидится на месте. Иду туда, куда подсказывает внутренний голос, вот и всё.

После этого они оба поутихли. Им нужно было осознать то, что только что узнали друг о друге. Девочка не могла поверить, что сидит рядом с тем, кто наделал столько шума в мегаполисе своими рассказами о мире. Фантаст – человек, знающий столько, что она и вообразить не может, но что самое удивительное, он был вне мегаполиса, он видел другие города, других людей.

Фантасту тоже было о чём подумать. У девочки есть брат, и они держатся вместе. Всегда! Не удивительно, что ей страшно быть одной. Обычно это перерастаешь. Приходит со временем, ведь чаще всего ты один. А они вместе.

Он встречал на своём пути таких людей, которые вопреки этой уличной философии отрешенности, держались вместе и дорожили своими узами. Но их очень мало, и нельзя позволять таким людям терять друг друга.

– Я пойду завтра с тобой на поиски. Я хочу тебе помочь.

– Спасибо тебе большое, но это мой брат. Тебе незачем ввязываться в это.

– Нет, я так хочу. Обещаю, мы найдём его.

Она еле заметно улыбнулась и опустила голову.

Парню вдруг пришел в голову вопрос:

– Почему ты сразу дала мне сигарету?

Она немного колебалась с ответом.

– Ну… Когда я тебя увидела, я подумала, что ты чужой этому месту, а значит тебе чужды и его предрассудки. Наверное, поэтому…

– Отчасти ты права. Я, правда, здесь чужой, – парень поднял глаза к звёздам. – Иногда я просто не понимаю, зачем я здесь.

– Никто не понимает, – ответила она, тяжело вздохнув.

Вдруг внимание девочки привлёк шелестящий звук. Фантаст протянул ей что-то, и девочка в потёмках не сразу поняла, что это было.

– Это же леденец! – изумилась она.

Это был один из четырёх украденных им леденцов с клубничным вкусом. Девочка вопросительно посмотрела него.

– Бери, у меня есть ещё. Потом дам твоему брату, когда найдём его, – сказал он и закинул конфету в рот.

Девочка поднесла лакомство ближе к глазам, чтобы хоть как-то удалось рассмотреть её. Это такая редкость – сладости. Она нетерпеливо содрала обёртку и кинула конфету в рот. Вкус был отменный.

Конфета моментально привела в восторг вкусовые рецепторы, и девочка, позабыв обо всём на свете, смаковала этот редчайший дар.

– Не умеешь плести косички случайно? – внезапно спросила она.

– Нет, конечно, я же парень! – этот вопрос его весьма удивил. – Плетение косичек это по части девчонок.

– Зря ты так, эти заплёл мой брат. Прямо перед тем, как пропал… – она опустила глаза и принялась расплетать косы. – Но они уже слишком растрепались, нужно переделать, а я не умею…

– И какая ты после этого девчонка? – парень решил её немного подзадорить.

– Обыкновенная девчонка. Я много чего другого умею, – немного хвастливым тоном ответила она. – Не менее полезного.

Её хитрая улыбка спровоцировала парня, и он понял, что сейчас начнётся соревнование. Он немного поёрзал, усаживаясь поудобней.

– А ну, посмотрим кто кого!

– Вот ты можешь сварить суп из желудей? – первый ход был за девочкой. – Я уверена, что нет.

– Конечно могу! Это все могут. Мне кажется, мы рождаемся с навыками готовки всей этой уличной бурды. Впитываем с воображаемым молоком матери.

Такой ответ не воодушевил девочку. Она не думала, что парень способен на готовку, ведь её брат не умел этого делать.

– Ладно, твоя очередь! – ещё более раззадорено сказала девочка.

– Хмм… Я уверен, что ты и разу не сможешь подтянуться на руках.

– Чего? Я, по-твоему, такая хилая? Могу и даже больше раза!

После такого ответа Фантаст проникся большим уважением к девочке, ведь в сильном теле – сильный дух.

– Хорошо, я уверена, что ты не умеешь мастерить обереги.

– Шутишь? Я мастер в создании оберегов! – парень полез в карман своих грязных бриджей, и какое-то время старательно искал там что-то. – Вот! Это мой оберег – камушек! Я всегда ношу его с собой! Сейчас конечно не видно, но на нём нацарапано солнце с одной стороны, как символ жизни и света, а с другой стороны глаз – мудрость и мысль. Гляди!

Он приложил камушек к своему лбу так, чтобы на нём был изображен глаз, затем перевернул и положил на макушку солнцем вверх.

– Держи, рассмотри!

Девочка очень осторожно взяла камушек. Она не совсем понимала парня, потому что по здешним меркам, это вообще не оберег, но она видела, как много значит для него эта вещь, и не хотела обидеть. Лунного света оказалось достаточно, чтобы рассмотреть рисунки.

– Твоё солнце больше похоже на цветок… – девочка протянула ему оберег обратно и улыбнулась.

Парень ещё раз внимательно посмотрел на своё солнце.

– Согласен, рисую я не очень, – ответил он и спрятал камушек обратно в карман. – Но важно не то, как это выглядит, а то, какой смысл ты в это вкладываешь.

Девочка слушала его и удивлялась. Он слишком своеволен для мегаполиса. Ей было очень интересно расспросить его о том, есть ли у него друзья или как с ним обращались в детстве, но ловила себя на мысли, что в этом нет смысла.

– Ну а ты? – он прервал её мысль. – Какие ты обереги делала?

– Как-то мы с братом сделали оберег из вороньего крыла, верёвки и ореховой скорлупы, – энергично начала девочка. – Мы нашли баллончики с краской у большой стены, ну ты знаешь, где…

– …где, все стены исписаны в бесконечно много слоёв, знаю! Я сегодня был там! – весело подхватил парень.

– Да, там мы нашли зелёный, красный и фиолетовый баллончики. Сделали в скорлупках дырочки и покрасили их остатками краски. Пришлось разрезать баллончики, они уже не брызгали. Я помню, мы потом долго не могли отмыть пальцы от этой едкой краски, – она рассказывала эту историю сквозь смех и выглядела очень забавно с только одной расплетённой косичкой. Про вторую она позабыла и увлеклась игрой. Распущенные волосы вились и непослушно торчали. – А потом мы ещё кончики перьев покрасили в зелёный и связали это всё веревкой. Получилось

очень красиво! Нам с братом очень нравился наш оберег. Он должен был отгонять от нас придурков. Знаешь Молта и Кетча?

– Нет, – отрицательно покачал головой Фантаст.

– Точно, ты же не отсюда… Тебе повезло, что ты их не знаешь, редкостные придурки. Они были старше и постоянно доставали нас с братом. Они же этот оберег у нас и украли…

– Мне жаль… – сочувственно ответил парень.

– Нет, что ты, оберег своё дело сделал! Они украли его, а парни, которые были ещё старше их самих, увидели его и отобрали, избив, конечно же. А потом ещё Молта собака покусала в этот же день. После этого они нас не трогали. Говорили, что мы с братом колдуны и немного побаивались. Вот такая история. Обереги работают, и я думаю, ты прав – главное вложенный смысл. Вот мы с братом хотели, чтобы он отгонял придурков, он и отогнал их!

Девочка закончила свой рассказ, и ей почему-то стало очень тепло на душе. Она до этого никому не рассказывала таких историй. Только она и брат – больше никого. Этого парня она встретила только сегодня, а рассказывает ему истории, как будто знает уже много лет. Это было странно, но в то же время приятно.

Ей ничего больше не приходило в голову для игры «кто кого». Да это было и не нужно. Наступило молчание, но неловкости не возникло. Всё было естественно и на своих местах, и мысли тоже была те, что нужно. Не тяжелые, не вязкие, а светлы и лёгкие. Не

хотелось нарушать тишину, этот момент был хорош и без слов. И они оба с головой ушли в себя.

Сколько они так сидели, сложно сказать, но луна уже скрылась за другой стороной многоэтажки.

– Давай разведём костёр, предпочитаю видеть лицо собеседника, – предложил Фантаст.

Девочка ничего не ответила, только молча слезла с подоконника и скрылась в темноте. Парень тревожно провёл взглядом её силуэт, растаявший во мраке. Ему показалось, что это не он попросил девочку пойти раздобыть огонь, а само Забвение позвало её и она откликнулась. Услышала голоса предков и пошла на их зов в мир, где властвуют фантомы прошлого, и нет места будущему… Но спустя несколько минут он услышал чирканье спичек и увидел неподалеку от себя маленький огонёк, затем второй и третий – она зажгла свечи.

– Иди за мной, – девочка взяла банку со свечами и пошла.

Как зачарованный он следовал за незнакомкой, от которой веяло магией и тайной. Он был готов поклясться, что она провидение, порождение света и тьмы, дочь земли и неба, дух прекрасной звёздной ночи или навязанное коварным мраком видение. Мистическая правда о сотворении этого мира. Вот кем она была в эту самую минуту. В её силуэте, освещенном тёплым светом, парень увидел откровение жизни. Ещё минута и он умер бы от такого наплыва чувств – сердце почти не билось, дыхания не было. Он был полностью погружен в это видение. Он стал частью

чего-то большего, единым с целым миром. Ему не хотелось, чтобы это мгновение заканчивалось. Он хотел бы провести вечность, следуя за ней. Вот она, губительность истины: тебе кажется, что ты прикасаешься к свету, но на самом деле ты прикасаешься к огню…

Вдруг силуэт исчез – девочка свернула в другую комнату здания.

Это было настолько неожиданно, что парень застыл и ещё несколько секунд приходил в себя.

– Ты где? – выглянула она из дверного проёма. – Ты идёшь?

– Угу… – и парень поспешил в комнату.

Сомнений не было, ему был дан знак. Он на верном пути.

Она завела его в комнатку поменьше, без окон и с рыхлыми стенами. Всё как везде.

Девочка села у стены, облокотившись об неё спиной, парень же сел напротив, предварительно расчистив ногой пол от обломков кирпичей, битых стёкол и бумажек.

Девочка протянула ему ещё одну сигарету, и он с благодарность принял её. Сигарета медленно тлела и наполняла комнату запахом табачного дыма.

Парень обратил внимание на лежащий в углу светло-серый подранный рюкзак. Он немного поборолся с собой, чтобы не задавать раздражающих вопросов, ведь не все любят расспросы, но любопытство взяло верх.

– А что в том рюкзаке?

Девочка повернула голову в сторону, где лежал рюкзак, и задержала на нём свой взгляд. Затем последовал неожиданный для парня ответ:

– Ничего.

– И всё?

– Да. Случайно нашла пару дней назад, вроде бы не сильно порванный, решила оставить себе. И в нём ничего нет.

– Скукотища… – не скрывая своего разочарования, ответил парень. – Я подумал, что там может быть одежда или запасы еды.

Девочка в ответ хихикнула.

– У тебя хороший смех, – отметил он вслух.

– А разве смех может быть плохой?

– Нет, но бывает неуместный смех, или смех, чтобы понравиться человеку. Есть злой смех или высокомерный – когда смеются над тобой, – после небольшой паузы парень продолжил: – а твой хороший, настоящий.

– Не вижу смысла выдавливать из себя что-то, чтобы понравиться кому-то. А смеяться над кем-то – последняя низость.

После этих слов Фантаст задумчиво посмотрел на неё.

– Я рад, что встретил тебя сегодня. С тобой просто и уютно, – он улыбнулся ей и опустил глаза.

Её щёки моментально вспыхнули румянцем. Ей не часто говорили приятные вещи, тем более вот так в лоб. Как себя вести в подобных ситуациях она не знала. Ей сделали комплимент. Она не была уверена, но по её скромным подсчётам первый раз в жизни.

– Спасибо… – она тихо выдавила из себя одно слово и опустила голову, сделав вид, что рассматривает огонь горящих свеч.

Сделать ли ответный комплимент – она не знала, ведь в таких ситуациях ещё не была. Уютно ли кому-то с ней? Девочка никогда не задумывалась о таких вещах. Да какая разница, собственно. Ей никто не нужен, кроме брата – они семья. Спустя несколько минут она успокоила эту бурю эмоций в себе, её щеки поутихли и больше не пылали.

Ей тоже было приятно в компании этого странного парня, но он постоянно отводил глаза. Ей, как чемпионке в гляделки, это не очень нравилось.

– Почему в твои глаза нельзя долго смотреть? Тебя из-за цвета донимают?

– Нет, вовсе нет. Глаза — это путь к душе человека. Если долго смотреть в них, то в их блеске можно разглядеть огонь души, но в мою душу заглядывать опасно. Там можно увидеть то, что ты ещё не должна видеть, узнать то, что тебе ещё рано знать… – таинственно произнёс обладатель золотых глаз.

Сначала девочка внимательно слушала парня, но затем расплылась в улыбке и от души засмеялась.

– Да ты младше меня! Откуда там взяться тому, что мне ещё рано знать?

Он засмеялся в ответ.

– И то верно.

Они замолчали, но всё так же продолжали улыбаться. Девочка чувствовала себя очень непринуждённо рядом с этим незнакомцем, хотя не любила посторонних.

Тем временем парень начал готовиться ко сну. Он улегся на спину, закинув руки за голову. Девочка внимательно следила за его перемещениями. Его огненные волосы даже при тусклом свете были удивительно яркого цвета. На вид он был самым обычным парнем. Сколько ему лет, девочка не могла определить, потому что толком не умела считать, но он был немного младше неё. И несмотря на это, он уже много где побывал, видел столько необычного и знает кучу интересного о мире, в котором они живут. Такой юный, а уже идёт своим путём. Она была искренне восхищена, но в то же время ей было грустно. В отличие от него, ей не чем было похвастаться. Всю свою жизнь она провела здесь, в этом мегаполисе. Ничего особенного не умеет и не знает.

– Ты никогда не задумывалась, зачем строили настолько высокие дома? Я взбирался сюда очень долго – это же не практично.

Девочка неуверенно начала:

– Я как-то… эмм… я читала в одной из книг, что такие высокие дома были нужны, потому что людей было очень много, точное количество не скажу, но, в общем, чтобы у всех мог быть дом, начали строить такие высокие здания, как это…

Она изо всех сил вспоминала слова старших, но в точности передать их не смогла. Но всё равно прозвучало, как ей казалось, убедительно. Она сама не поняла, почему так ответила, зачем соврала про чтение. Она не умеет читать, как и практически все.

Фантаст даже привстал после её слов.

– Ничего себе… Ты умеешь читать! А я не умею. Это очень классно. Ты знаешь вещи, которые многие не знают, ты читала о прошлом. Наверно книги – это очень увлекательно… – он не мог прийти в себя – рядом с ним сидит читающая девочка. – Ты такая умная, я таких людей ещё не встречал! – эти слова были адресованы ей прямо в глаза, но она тут же их отвела.

Ей было ужасно стыдно, что она обманула его. Зачем она так сказала, чего хотела добиться? Но что сделано, то сделано, не скажешь ведь, что пошутила. С таким не шутят. Уметь читать – это очень серьёзная вещь. Но как теперь отделаться от этого жгучего чувства вины перед этим пареньком. Он остался с ней ночевать, чтобы ей не было страшно, а она его обманула. И зачем ей только понадобилось выглядеть в его глазах лучше, чем она есть? Хотя, что скрывать, это был её самый большой недостаток.

Она всегда и во всём хотела быть первой или лучшей. В уличных драках, в плевках на дальность, в лазанье по пожарным лестницам. Она любила прихвастнуть и задеть кого-то своими умениями. Но мало кто знает, с каким трудом ей давались эти навыки. Сколько раз она сбивала колени, исцарапывала руки или рассекала голову при падении. Девочки обычно старались вести более пассивный уличный образ жизни, но не она. Она должна была быть сильной ради брата, быть для него примером, быть способной защитить его.

Но в этот раз она не испытала чувства гордости за себя. Она успокаивала себя тем, что Фантаст, ско-

рее всего здесь не задержится, скоро покинет мегаполис, и они больше не увидятся. Но зато она останется в его глазах читающей девочкой. Пусть будет так.

– А ты про Нижний город что-то читала?

– Эээ, ну да… немного…

– Зачем его построили?

– Этого я не знаю…

– А что построили первым, Нижний или Верхний?

– Этого я тоже не знаю… Я как-то этим не интересовалась.

– Странно жить в таком месте и не интересоваться им, – улыбнулся Фантаст.

Все жители этого мегаполиса знали о Нижнем городе, но никто понятия не имел, зачем он нужен. Огромная свалка из разрушенных домов и старых вещей, которые было невозможно оттуда вытащить. А что творилось в затопленных частях Нижнего города, и подавно никто ничего не знал. Странное место по рассказам тех, кто там был, но девочка туда ни разу не спускалась.

– Может твой брат там?

– Я как-то даже не думала об этом, – у девочки появился блеклый луч надежды, что её брат не ушел далеко, а всего лишь в Нижнем городе. Но этот луч тут же угас, ведь в том месте погибнуть проще простого. Сам спуск туда чего стоит.

Её мрачные мысли нарушил вопрос:

– Расскажи мне больше про своего брата. Опиши внешность и когда ты его видела в последний раз. Может я смогу помочь.

Она собиралась с мыслями. Думать о пропаже брата было нелегко. С момента его исчезновения прошло три дня, и всё это время её одолевали ужасные мысли.

– Ну… он немного выше меня, но не сильно. Мы родились вместе и очень похожи. У него тоже светлые волосы, как и у меня. Глаза не такие голубые, как мои, но тоже голубые. У него очень громкий смех и всегда с собой синий рюкзак. В нём обычно верёвка, пару ржавых ножей на всякий случай, нерабочий мобильник, его гордость – коллекция жестяных пробок, гаечный ключ, обложка от книги, которую он выиграл на спор и поломанный свисток. Последний раз он был одет в красную курточку с одним рукавом и джинсы. Ещё у него забавная родинка на щеке, вот тут, но он её не любит. Говорит, что она выглядит как прилипшая грязь, но мне нравится, хотя ему очень идёт. Даже не знаю, что ещё рассказать…

– Красная курточка и синий рюкзак. Светлые волосы и голубые глаза. Так это был твой брат… Я помню наш разговор с ним!

– Правда? Когда? Как давно?

– В первый же день, как я пришел в эту часть мегаполиса, я встретил седого старика, который рассказывал забавные истории на ступеньках здания на главной улице.

– Это Король Ступенек! А мой брат здесь при чём?

– Так вот, твой брат слушал его истории, я тоже подошел. Байки Короля Ступенек были хороши,

слово за слово, и мы с ним уже начали говорить о самом разном. В общем, твой брат тоже присоединился к разговору, когда мы заговорили о мечте.

– О мечте?

– Парень с огромной мечтой – так он мне представился.

– Да, он всегда был мечтателем…

– Я не знаю, о чём точно он говорил, но я увидел в нём дух путешественника и помог обрести уверенность. Какая бы мечта не была, он должен следовать за ней, иначе жизнь будет прожита напрасно!

– Мечта… О какой же именно мечте вы говорили? У него их много, – девочка прикусила большой палец и напряженно думала.

– О, я вспомнил, он говорил, что у него есть желание, которое он обязательно исполнит. Но его одолевали сомнения. Я помог ему поверить в себя. Нельзя же всю жизнь жить в страхе неудачи. Нерешительность – вор наших возможностей! Так я ему и сказал. Мы с ним потом ещё немного поговорили, без зевак. Твой брат славный парень. Я уверен – он на верном пути! Правда, он так и не сказал, чего желал. Но это и не важно, тебе не стоит беспокоиться, он знает, что делает.

– Мечта, желание, цель… Желание. Желание… Не может быть… – прошептала она.

Фантасту показалось, что с этими словами из неё вылетела и душа.

– Что? Ты что-то вспомнила? – парень привстал.

Он с тревогой смотрел на неё, она же смотрела прямо перед собой, ничего не видя. Она не могла

прийти в себя от осознания, что брата, правда, нет в городе. Она везде его искала, и нужно признать, что он, скорее всего, за переделами мегаполиса. Но чтобы он пошел туда…

Девочка думала, что её брат шутил, когда изредка упоминал это место. Оттуда не возвращаются. И в лучшем случае, смельчаки умирают по дороге туда. В худшем – всё же добираются до того места и проходят через ад…

– Эй, не молчи, пожалуйста, – Фантаст сел напротив неё.

– Подумай сам, – шмыгнув носом, начала девочка, – куда отправляются, когда хотят исполнить заветное желание?

Фантаст какое-то время сидел, пытаясь собрать воедино кусочки мозаики, но затем одна очень страшная мысль начала появляться в голове.

– Ты же не думаешь, что он пошел в…

Он не договорил, предоставив ей возможность самой закончить предложение, и её глаза ответили.

– Неужели правда… заброшенный про́клятый Парк Развлечений в соседнем мегаполисе?!

– Не произноси вслух! – встрепенулась девочка. – Ты же знаешь, само только название приносит несчастье…

Славно известное место, толкающее людей на безрассудства. Этот Парк – не просто заброшенная территория, это про́клятое место, которое сделает всё, чтобы ты не вышел оттуда живым. Оно будет испытывать тебя и пытать. Оно даст тебе всего один шанс, чтобы пройти через адские мучения и получить в

награду самое заветное желание. Чего бы ты ни жаждал, Парк способен дать тебе это, но испытания невообразимы и ужасны. Пойти туда значит добровольно встретиться со своими страхами лицом к лицу.

– Оттуда не возвращаются…

– Погоди, у вас же в мегаполисе живёт парень, который выжил! У него ещё имя такое странное… Точно, Страж! Этот парень выжил, значит это реально!

Она вопросительно посмотрела на Фантаста.

– А ты его лично знаешь? Парня, который вернулся?

– Нет, но…

– Лучше бы он не возвращался…

Фантаст не знал, что делать, как себя вести и что ей сказать, чтобы подбодрить. Но взглянув на неё ещё раз, он понял, что нет таких слов, способных вывести её сейчас из этого состояния. Её мысли были полностью поглощены Парком и теми ужасами, которые её брату предстоит пройти.

– Ладно, ложись спать… – предложил Фантаст. – Постарайся отдохнуть, а завтра на свежую голову решим, что будем делать.

– Не чего тут решать. Я пойду за ним, – после этих слов девочка легла на грязный пол там же, где и сидела.

– Нет, вставай, – парень осторожно приподнял её, держа за локоть.

Она не сопротивлялась. Видимо, её мало интересовало, что сейчас происходит вокруг.

Фантаст снял с себя толстовку и постелил на землю, сделав для девочки место для сна, а сам остался в белой футболке, давно потерявшей свою белизну.

– Одень обратно, ночи холодные. Середина весны только, – она попыталась отдать толстовку, но он остановил её.

– Я не замёрзну.

– Надень её обратно, – её голос был слабым, а в хрупком теле совсем не осталось сил. – Пожалуйста.

– Хорошо… – ответил он и помог ей прилечь. Правда, девочка не заметила, что толстовка так и осталась лежать на земле.

– Я помогу тебе найти брата. Отныне у нас с тобой один путь.

Фантаст ещё какое-то время не ложился спать. Он смотрел на спящую девочку и думал о чём-то своём. Он осторожно положил ладонь ей на макушку и, сделав глубокий вдох, закрыл глаза. Ещё несколько секунд он колебался, но всё же решил убрать руку.

«Это ни к чему…», – подумал он и тоже лёг спать.

Девочка спала очень тревожным сном. Во сне к ней приходили тени и говорили, что её брат у них в плену, и чтобы вернуть его, нужно принести в жертву самое ценное – жизнь. Она предложила свою, и тени согласились, но прежде чем мрак поглотил её, появился Фантаст. Все тени вмиг исчезли не в силах сопротивляться яркому свету души этого человека.

– Тебе следует больше ценить свою жизнь, ведь она принадлежит не только тебе, – сказал, озарённый

светом Фантаст, и его слова эхом пронеслись по сознанию спящей девочки.

– Глава 1 –

Закон и справедливость

Прохладный ветер, гуляющий между стен, разбудил девочку первой. Фантаст мирно сопел неподалёку от неё, скрутившись калачиком. Его лицо выглядело умиротворённо. Он был в мире снов, и сны его были безмятежны и легки, а вот девочка не сразу пришла в себя после своего сновидения.

Какое-то время она сидела, потупивши взгляд, и не могла собраться с мыслями. Её брат покинул город и отправился в самое опасное место на земле. Но зачем? И почему один? Как он мог её оставить… Эти мысли съедали её изнутри, но выбора у неё не было – она любила брата всем сердцем и ни секунды не сомневалась в своём решении пойти за ним и остановить.

К месту рождения стольких суеверий и мистических сказаний лежит нелёгкий путь. Девочка успокаивала себя мыслью, что её брат, как один из самых медлительных жителей мегаполиса, потратит на дорогу намного больше времени, и что его фора в три дня не помешает ей вовремя прийти на помощь. Нужно успеть догнать его и отговорить. Чего бы он ни желал – оно того не стоит.

Девочку мучала жажда, не говоря уже о чувстве голода. Было бы неплохо подкрепиться перед дорой, да и в сам путь хотелось бы взять что-то съедобное.

Хотя сейчас главным было не то, где раздобыть провизию, а как бесшумно выйти из этой комнаты, не разбудив Фантаста.

Ей смутно помнились его слова о том, что он поможет ей в поисках брата, но подвергать его таким испытаниям она не хотела. Это был очень хороший человек, а хорошие люди имеют дурную привычку страдать во имя других.

Она вдруг заметила, что толстовка Фантаста, которую она вчера вроде бы как заставила его одеть обратно, всё-таки лежит под ней. С одной стороны досадно, ведь её ослушались, но с другой стороны, оказалось, что это приятно, когда о тебе заботятся.

– Спасибо тебе, Фантаст. Надеюсь, с тобой всё будет хорошо. Как и со мной. Может, ещё увидимся… – прошептала она.

Девочка достала из кармана безрукавки ту самую пачку сигарет, которую они курили вчера, и оставила на кофте. Бесшумно забрав свой рюкзак, она покинула комнату.

Десятки и десятки этажей вниз рыхлыми ступеньками и девочка оказалась у выхода из здания. День оказался более чем погожий. Она прикрыла глаза ладонью, чтобы утреннее солнце не так слепило, и была уже готова двигаться дальше, как вдруг по всему телу пробежал озноб. Свирепый волк с холодным взглядом смотрел на неё со стены высотки. Сомнений быть не могло:

– Страж… – испуганно прошептала она.

Вчера этого рисунка здесь не было. Что это? Знак?

В этом забытом богами городе в живых остался только один безумец, который рискнул отправиться в Парк за желанием, и вернулся. За всю историю мегаполиса, многие пытали удачу, но лишь трое смогли пройти испытания. Первых двух уже давно нет в живых, а вот последний вернувшийся – более чем живой, и самое страшное, что Парк исполнил его заветное желание…

Он страх этих улиц, его безжалостный Закон. Закон, установленный им же. Безразличный, жестокий, не признающий ничего, кроме собственной стаи. И как только ему удаётся контролировать этих негодяев? Но принято считать, что именно это и было его желанием – научиться подчинять себе людей. Ему нет равных в силе – никому не удалось победить его в бою. А его свирепый взгляд пробирает до костей и не оставляет иного выхода, кроме как подчиниться. Вот она сила Парка. Иначе не объяснить власти этого юнца над сотнями взрослых и обезумевших дворняг.

Он назвал себя голосом справедливости и начал вершить правосудие. Вот только безграничная власть и сила со временем превратили его в монстра, не знающего пощады.

Девочка снова посмотрела на рисунок. Если она хочет спасти своего родного брата, ей нужно встретиться со Стражем и спросить у него, как добраться до Парка, и если повезёт, получить хотя бы намёк на то, какие испытания ему пришлось там пройти…

– Я смогу… – и отбросив все сомнения, она начала свой путь.

Девочка шла через лабиринты безлюдных улиц этого района. Самые высокие здания обходили стороной, опасаясь гнева богов или коварства духов, поэтому вся жизнь кипела в центральной части города.

Издали начал доноситься детский смех и голоса взрослых, звон подвешенных пустых банок, шелест пакетов, и, конечно же, звуки уличной музыки. Осталось пройти по узкому проходу, свернуть на улицу Гнилых Зубов, затем ещё один маленький поворот, чтобы пройти между высоток Дня и Ночи, и наконец-то попадаешь на главную улицу мегаполиса – улицу Свободы.

Замечательная погода заставила всех покинуть сырые высотки и выйти на улицу. Народу было не сосчитать. Мелькали самые разные лохмотья на людях – кто в чём, кто как, кто где. Ни работы, ни дома, ни забот, ни ответственности. Каждый считал своим святым долгом отбыть подобно мученику отведённые ему годы на этой бренной земле, и не оставив за собой ни малейшего следа, кануть в небытие. Но всё даже не так поэтично, ведь люди просто проживали свои короткие жизни, постоянно сталкиваясь с болезнями, холодом, голодом и скукой.

Этот город был мёртв, как и все города на земле. Странники рассказывали, что один город мертвее другого, другой грязнее какого-то, иной более разрушен предыдущего и так до бесконечности... Но даже так, даже в таком жалком мире, было место жизни.

Дети играли, измазывая себя и стены грязью. Самые находчивые вскрывали пустые баллончики из-под краски и прямо пальцами рисовали свои шедевры

везде, где доставали. Другие махали палками и смеялись от неподдельного счастья, вызванного чудесной погодой. Никаких тебе запретов или наставлений. Делай что хочешь, играй, сколько хочешь и с кем хочешь.

Веселись, пока можешь, ищи пропитание, верь в приметы, слушай ста́рших, найди ночлег до захода солнца, оставь свой след на стене, сделай себе оберег, пойди в храм и попроси лучшую жизнь в другом мире. Никаких запретов, никаких границ. Просто следуй за всеми и меньше думай, ведь от этого можно сойти с ума, или ещё хуже – стать отшельником…

Старые поломанные флайкары без дверей и двигателей, нерабочие сенсорные панели, разбитые витрины давно заброшенных магазинов, искорёженные роботы – всё это было неотъемлемой атрибутикой главной улицы, ведь с этим всем было так весело играть.

Пахло сыростью, трухлым деревом и мокрым бетоном. Ветер стремительно носился по улицам, смешивая эти запахи. Взрослые собрались в кучи и что-то громко обсуждали, и даже сквозь споры был слышен смех.

Король Ступенек уже успел собрать вокруг себя немного народу и начал травить свои истории, в конце которых он всегда оказывался тем самым парнем, из-за которого началась суматоха.

Три близняшки Лола, Лила и Лула, уже приступили к своим обыденным обязанностям и стригли, причёсывали и заплетали всех желающих. Девочка

посмотрела на свои растрёпанные волосы и подумала, что тоже было бы неплохо сходить к ним.

Некоторые музыканты уже исполняли свои песни, некоторые только «настраивались».

Хэт – обладатель самого громкого и диковинного инструмента в мегаполисе, уже выставлял свои бочки и разминал кисти. Ещё в детстве он увидел на затёртом билборде парня, играющего на такой штуковине и потратил полжизни на поиски и сборку своего знаменитого «бум-бума». Не зависимо от погоды он всегда носил чёрную кожанку и чёрные обрезанные перчатки. К тому же он был грозой всех девчонок в мегаполисе.

К нему не спеша шли Крышелюб и Эрвин, играющие на двух странных железных дудках. Раш уже настраивал свою гитару, на которой было всего пять струн, правда, он об этом не знал, потому что не умел считать. Но и на этих пяти струнах он умудрялся играть такие вещи, которые никто в мегаполисе больше не мог. Судя по тому, что Свист ошивался около этих ребят, сегодня поёт он. Свист был не очень симпатичным малым, но его звонкий высокий голос сделал его знаменитым в своих кругах.

Фанатки уже облепили Хэта и игриво о чём-то с ним говорили. Девочка закатила глаза, – она никогда не любила этого типа.

Здешние музыканты были очень почитаемыми людьми, ведь в мегаполисе из развлечений только и было, что гонять котов и собак, рисовать на стенах, выпивать в бункере или играть в «азартном хвосте».

Поэтому музыканты и пользовались такой популярностью. Их музыка вызывала самые разные эмоции, вдохновляла рассказчиков, в том числе, Короля Ступенек. Любители танцев не могли представить себе и дня без музыки. Даже гонять котов и собак становилось вдвойне веселее, когда Хэт играл свои безбашенные ритмы. Музыка не прекращалась даже зимой. В холода горожане обустраивались в бункере. Там температура была примерно одинаковой в любое время года. Внутри разжигались костры, а хитроумная вентиляция, придуманная их предками, выводила дым на улицу, и люди спокойно продолжали веселиться.

Какая-то малышня играла в прятки-догонялки возле поломанного флайкара. Детвора промчалась прямо перед девочкой, чуть не сбив её с ног. Она немного замедлила шаг – хотелось дольше побыть частью этого ленивого веселья.

Она давно не помнила такого прекрасного дня. Тепло утреннего солнца медленно разливалось по продрогшему за ночь телу и время от времени мурашки щекотали её спину. Ветер стремительно бегал по улицам, разнося чарующую надежду на новый день, но эту самую надежду девочке нужно оставить здесь, на этой шумной улице, ведь не известно, что с ней приключится в ближайшие несколько часов… Встреча со Стражем и его бандой не вещает ничего хорошего. Никогда не знаешь, чего от него ждать. Всё зависит от его настроения. И если сегодняшняя чудесная погода не достучалась до него, то можно прощаться с жизнью. Но сейчас она беззаботно шла по главной улице и упивалась этой атмосферой.

Главная улица была самой широкой в городе от этого и стала любимым местом горожан. От неё ветками в стороны уходили улицы поменьше, которые проходили между домов. В этих городских лабиринтах очень легко заблудиться, но жители давно уже выучили здесь каждый закоулок. Конечно, никто не знал весь мегаполис, ведь он огромен. Более того, мало кто вообще догадывался о его настоящих размерах. В основном все проживали свою жизнь там, где родились, перемещаясь от одной высотки к другой, но некоторые непоседы любили бродить по лабиринтам мегаполиса, и когда уходили путешествовать по городу в начале весны, возвращались обычно к концу сезона. Хотя ничего необычного такие путешественники не рассказывали.

Весь мегаполис застроен подобными высотками, и чем глубже уходишь в него, тем больше разрушенных домов встречаешь. Их район – центральный, самый уцелевший, но и здесь есть завалы. Рядом с этими завалами основали своё поселение самые странные и нелюдимые обитатели мегаполиса – отшельники. Они не признавали уличные законы, но и идти против них не могли в виду своей немногочисленности, поэтому просто решили жить отдельно от всех и следовать своим жизненным устоям.

Если свернуть вправо от главной улицы, то рано или поздно выйдешь к гипермаркету. Сейчас это место служит средством обмена пожитками. Каждый может принести туда вещи, которые уже надоели или не приносят пользы, и так же каждый может взять оттуда то, в чём он сейчас нуждается.

Здесь есть и странные постройки, не похожие на обычные высотки. Так, например, немного в сторону от главной улицы есть непонятное здание. Оно не такое высокое, как остальные, но гораздо шире. Сейчас это абсолютно бесполезная постройка, ведь оттуда уже давно вынесли все столы и книги, – эти предметы прекрасно горели.

И, конечно же, все улицы сходились к главной площади. Огромная площадь, выложенная некогда ровными гладкими плитами, теперь уродливая покорёженная и забрызганная кровью. Именно туда направлялась девочка. Именно на главной площади основали своё логово стражи, попутно прибрав к рукам все дома вокруг, сделав их своим постоянным убежищем. В отличие от горожан, которые постоянно меняли место проживания, эти никуда не уходили.

Девочка хотела продумать, что скажет Стражу, но как только представляла его лицо, все мысли куда-то исчезали. Она никак не могла собраться – одна мысль была мрачнее другой, но тут из этого омута переживаний её выдернул знакомый голос:

– Ээээй, стой! Стооооой!

Фантаст мчался к ней по главной улице. Словами не передать, как она была рада его видеть. Да, она его оставила, это было её решение, но как же страшно идти к Стражу одной!

Горожане радостно приветствовали парня, пока тот шел к девочке. Кто-то махал рукой, кто-то жестом подзывал к себе. Фантасту здесь были рады, ведь его истории внесли некое разнообразие в скучную жизнь мегаполиса. Он радостно улыбался людям в ответ и

говорил, что спешит. Девочка была очень рада, что он нашел её.

– Ты совсем с ума сошла? – начал он, когда наконец-то подошел к ней. – Ты собралась к Стражу в одиночку?! Ещё и сигареты оставила! Чем ты собралась расплачиваться за информацию?

Она не знала, что ответить, только признательно смотрела на него.

– А как ты понял, что я иду к Стражу?

– Это первое, что приходит в голову – узнать, как ему удалось выжить.

– Ты не обязан мне помогать, – её голос был напрочь лишен уверенности. – Это будет самое опасное путешествие в твоей жизни и не факт, что нам удастся вернуться живыми… И это мой брат, а не твой, ты не должен…

– Нет уж! – решительно прервал он её. – Пойдём вместе! За мою жизнь можешь не беспокоиться. Я стар и мудр, верь мне – человек не умирает, он перерождается. Это тебе к сведенью.

Он важно поднял указательный палец вверх и с видом настоящего мудреца изрёк эти слова. Вот только из его уст они звучали довольно нелепо. Насчёт мудрости он возможно и прав, но насчёт старости – явно погорячился. Внешне он был очень юн. Его лицо покрывал светлый пушок, вместо жесткой щетины, которая обычно росла на лицах взрослых. К тому же он был ростом немного ниже девочки. Но перечить она не стала. Только улыбнулась этому загадочному пареньку и снова повернулась в сторону главной площади.

– Дело твоё, я тебя предупредила!

Она уже была готова продолжить путь.

– Постой, может, мы сначала зайдём в гипермаркет, возьмём что-то, чтобы расплатиться со Стражем? – предложил парень. – Он ничего не скажет просто так.

Девочка недоверчиво посмотрела по сторонам, затем подошла ближе к Фантасту и, наклонившись к его уху, прошептала:

– У меня в рюкзаке целый блок сигарет…

– Что?! Целый блок?

– Тише! – девочка понимала, в какие неприятности они попадут, если об этом узнают. – Та пачка, которую я оставила тебе, была из этого блока. Мы с братом украли её у торговца по имени Здоровенный Сэм. Слыхал про такого?

– У самого Сэма? Ничего себе! Подожди… Так ты мне вчера соврала! Когда я спросил, что в рюкзаке, ты сказала ничего!

– Да, извини, но сам понимаешь… блок сигарет!..

– Ну да, опасно с таким богатством в рюкзаке расхаживать…

Они говорили шепотом, но девочка понимала, что этим они наоборот привлекают больше внимания.

– Пошли, – сказала она.

– Но как? Как вы смогли стащить что-то у самого Сэма? – всё ещё не мог поверить в её слова Фантаст.

– Ну… украли мы не совсем у Сэма, а у его напарника. Он заболтался с одной красавицей и оставил свой мешок без присмотра.

Девочка была довольна собой, а парень же не скрывал восхищения. Украсть что-то у знаменитых перекупщиков было действительно выдающимся поступком. Торговцы славились своей жестокостью и суровым нравом – они не прощали краж. А об этих двух торговцах вообще складывали легенды.

– Но всё-таки, давай сперва зайдём в гипермаркет. У меня нет рюкзака, твоя кофта без рукавов, да и вдруг повезёт, найдём что-то съедобное и… мало ли, к чему приведёт наш поход к Стражу. Возможно, придётся спасаться бегством!

И хотя Фантаст сказал это в шутку, они оба понимали, что смешного тут мало. Такое развитие событий вполне реально.

– Ты прав, пошли, – согласилась девочка. – Кстати, а почему у тебя нет рюкзака? Ты же путешествуешь.

– Если вкратце – его укрыли, – беззаботно улыбнулся Фантаст.

– И ты так спокойно говоришь об этом?

– Ну конечно! Это всего лишь вещи. Я не переживаю по таким пустякам.

Девочка снова покосилась на этого удивительного странника.

– Кстати, а откуда ты знаешь про Стража? Ну, в смысле, ты ведь не отсюда.

– В первый же день, когда я пришел к вам, меня сразу встретили эти парни в чёрном – стражи. И как они только узнали, что я пришел?.. Здесь же куча народу!

– Да, Страж следит за теми, кто приходит и уходит из города. Не пойму, какая ему разница. Хотя я вообще его не понимаю…

– Странные ребята. Спрашивали откуда я, где уже бывал, и куда иду. Я рассказал всё, как есть и они меня отпустили. Уже позже один добрый человек рассказал мне, что это были «стражи» и у них есть лидер по имени Страж. Видимо проблем с фантазией у них не меньше, чем с воспитанием.

Девочка пропустила шутку мимо ушей и опустила голову. Страж – это истинное воплощение ужаса для всех горожан. Не лютые холода, не вспышки болезней, не голод, а Страж. От страха неприятно засосало под ложечкой. Неужели она и, правда, собирается встретиться с ним?..

Чтобы добраться до гипермаркета, нужно было свернуть с главной улицы и идти всё время прямо. Это было значимое место в мегаполисе, но далеко не лучшее для пополнения запасов. В мегаполисе все сделки проходили посредством обмена чего-то на что-то, и бартер тщательно контролировался стражами, но гипермаркет был местом, где обмен происходил не из рук в руки, и меняли не конкретные вещи, а просто приносили то, чем добровольно хотели поделиться.

Они всего лишь свернули с главной улицы, но по ощущениям попали в совершенно другой город. Здесь не играли дети, не шумели музыканты, никто не травил свои истории. Те не многие, кто всё же вышел

на улицу этим погожим днём, рылись в мусорных баках в поисках неизвестно чего, или стирали вещи в дождевой воде, собравшейся в ржавых ёмкостях. Были и те, кто просто сидели на ступеньках в полном одиночестве, покуривая самокрутку. В общем, атмосфера полного безразличия к такой прекрасной погоде.

Какой-то вредный ребёнок бросил что-то плохо пахнущее с верхнего этажа, но девочка и Фантаст ловко увернулись от вонючего неопознанного летящего объекта и продолжили свой путь. Они ускорили шаг – хотелось, как можно скорее пройти эту улицу.

Спустя какое-то время людей наконец-то стало больше, и уже совсем скоро они добрались до гипермаркета. Это место находилось довольно далеко от главной улицы, поэтому в этой части мегаполиса были свои музыканты, свои рассказчики, свои шумные дети и их не менее шумные питомцы.

Заходя в гипермаркет, Фантаст поздоровался с каким-то лысым бородатым стариком. Девочку этот факт удивил, ведь Фантаст совсем недавно пришел в мегаполис, и уже успел обзавестись знакомыми, с которыми можно так просто здороваться.

В самом гипермаркете оказалось не много народу. Кто-то перебирал вещи, в поисках чего-то нужного, а кто-то наоборот подыскивал подходящее местечко для своих «даров».

В гипермаркете было три этажа, но все оставляли свои вещи на первом. Сразу у входа стояли две огромные белые колонны, на которых были нарисованы

правила этого здания – стрелка вверх и стрелка вниз, как символы равного обмена.

– Что мы оставим здесь взамен? – спросила девочка, озадаченно глядя на правила.

– Ну… мы не сможем оставить столько, сколько возьмём, но мы собрались в очень опасное путешествие, нам простительно.

Фантаст улыбнулся ей и пошел к первой же куче вещей. Он снял с себя ремень и положил его туда.

– Не спадут? – шутливо спросила девочка.

– Ну, буду надеяться, что нет. В крайнем случае, подвяжу верёвкой, всё равно за толстовкой не видно.

Девочка решила оставить здесь несколько браслетов и поломанный смартфон, найденный некогда её братом. Она решила, что если он не взял его с собой в поход, значит, старый гаджет ему не особо нужен. Девочка осторожно положила свой взнос в общую кучу и пошла на поиски одежды.

Долго выбирать кофту она не стала. Девочка схватила первый попавшийся трикотажный гольф серого цвета и одела его поверх бежевой майки, которая уже была на ней. Водолазка была немного больше нужного размера, поэтому села, можно сказать, идеально.

Фантаст не стал тратить время на вещи, и пошел сразу на поиски рюкзака. Он долго перерывал кучи пожитков в поисках чего-то подходящего, и вскоре удача улыбнулась ему: прямо у стены лежал только что залатанный красный рюкзак. Латки были сделаны тканью разных цветов и, видимо, в разное время и разными людьми. Это говорило о большой истории

этой, невзрачной на первый взгляд, вещицы, поэтому рюкзак сразу приглянулся Фантасту.

Переодевшись, девочка пошла на поиски более практичных для похода вещей. Она озадачено присела возле кучи хозяйственных принадлежностей и с мрачным видом принялась перебирать её.

Фантаст, запихивающий в рюкзак верёвку, заметил это и виновато опустил глаза.

– Эй, слушай… – нерешительно начал он, – а ты… злишься на меня? За то, что я вдохновил твоего брата пойти в Парк…

Девочка перестала паковать рюкзак.

– Твоей вины здесь нет. Он давно рассказывал мне о Парке и тайком планировал поход. Он ещё в начале весны зачем-то начал стаскивать в здание разные вещи. Я тогда не придала этому значения, а теперь всё понимаю… Они нужны были ему для похода. Ты не виноват. Он рано или поздно пошел бы туда. Это просто случайность.

– Случайностей не бывает, – серьёзно произнёс Фантаст. – Все наши действия, решения, слова, и даже сама наша жизнь – не случайны. Значит так нужно. Мы догоним его, и он не пострадает, – уверенно сказал парень.

Девочка легонько улыбнулась Фантасту и продолжила напихивать рюкзак всякими полезными вещами. В кучах старого добра они каким-то чудом нашли пару фляг, очень маленький котелок и две ложки, вилку с покорёженными зубцами, лезвие от ножа, почти пустую зажигалку, несколько спичек и коробок к ним, погнутые кружки, изоленту и другие

вещи, которые, по их мнению, могли бы пригодиться в походе.

Дальше они пошли на поиски провизии. В гипермаркет редко приносили еду, ведь она была в большом дефиците, но в мегаполисе помимо бродяг-собирателей, были и те, кто еду выращивал. Эти люди жили здесь, как короли, потому что у них всегда было что-то для бартера, да и со стражами у них были совсем другие отношения, потому что даже эти дикари не решались кусать руку с едой.

Довольно редко, но всё же случалось, что кто-то по доброте душевной приносил сюда что-то съедобное, но после длительного поиска подобного акта милосердия, девочка и Фантаст поняли, что сегодня им не повезло – еды здесь не было. Этот факт их очень огорчил. Достать еду в мегаполисе можно в разных местах, но везде нужно иметь хоть что-то для обмена.

– Я могу достать пару сигарет с блока. Может Большая Мо даст нам за них пару картошек, – предложила девочка.

– Может ей сгодится что-то отсюда?

– Вряд ли. У её пса игрушек больше, чем здесь вещей... К тому же, это всё старое и никому не нужное.

– Никому, кроме нас, – с улыбкой подметил Фантаст, чтобы хоть как-то подбодрить девочку. – Отчаянным путешественникам всё сгодится!

Она и, правда, немного повеселела. Этот паренёк был, как луч солнца и ему невозможно было не улыбнуться в ответ.

Здесь им больше не чего было делать, и они поспешили покинуть гипермаркет. Когда Фантаст и девочка спускались по ступенькам, тот лысый бородатый старик всё ещё сидел и грелся на солнышке.

– Прощай, Гуру, – учтиво сказал Фантаст.

Старик поднял только одно веко, чтобы посмотреть, кто сказал эти слова, но когда увидел, что это Фантаст, то открыл второй глаз.

– Собрались куда-то? – добродушно поинтересовался тот.

– Да, идём на очень опасное дело, – гордо ответил Фантаст.

– А оно точно опасное?

– Ещё как!

– Отлично! Я жду историю!

И он засмеялся во весь голос, широко открыв свой беззубый рот. Паренёк тоже засмеялся, девочка же только слегка улыбнулась, и то из вежливости. Знал бы этот старик, куда они собрались, то не смеялся бы…

Фантаст пожал ему на прощание руку и уже почти сошел со ступенек, как вдруг старик окликнул его:

– Эй, погодь! Ходи сюда!

Он достал из кармана своей порванной курточки несколько небольших сморщенных картошек и протянул их парню. Фантаст удивлённо посмотрел на старика.

– Мо принесла сегодня утром, ну я и взял себе немного. Ну как немного – почти всё! Но я как чувствовал, что нужно было брать с запасом! Держи, вам пригодится.

Фантаст с благодарностью принял эту картошку и положил её к себе в рюкзак. Девочка тоже подошла к старику сказать спасибо. Он снова громко засмеялся и закрыл глаза, продолжив принимать солнечные ванны.

– Это уже что-то, – улыбнулся Фантаст. – Это добрый знак.

Девочка тоже была рада такому повороту событий, но всё же ребята решили наведаться к Большой Мо. Та была торговкой с опытом, и им пришлось отдать все сигареты с пачки, которую они курили вчера. Зато их съедобные припасы пополнились ещё сморщенной картошкой и какой-то неизвестной им крупой в особо маленькой упаковке.

Девочка и Фантаст вернулись на главную улицу и спекли пару картошин у общего костра. Бездумно расходовать припасы было нельзя, поэтому пришлось довольствоваться этим малым.

Дальше нужно было наполнить флаги водой. Источников питьевой воды в мегаполисе было много: начиная от скоплений дождевой воды в любой ёмкости, заканчивая небольшими озёрами. Они решили прогуляться к ближайшему водоёму. Ещё был не сезон купания, поэтому вода в озере была относительно чистой. Им снова пришлось свернуть с главной улицы и немного прогуляться между домов. Вдруг внимание Фантаста привлекло одно необычное здание.

– А это ещё что?..

– А, это Пик Страха. Местная достопримечательность, – безразлично сказала девочка.

А вот Фантаст не мог быть так спокоен при виде этой высотки. В мегаполисе много разрушенных построек, но эта была уникальной. Часть здания была будто откушена гигантским животным, которое оставило в конструкции овальную брешь. Уцелела большая часть здания и крыша, под которой на несколько десятков этажей вниз образовалась пустота в форме полукруга.

– Как оно ещё стоит? – удивлялся Фантаст.

– По легенде часть здания откусил дух Белого Пса, но даже я в это не верю. Духи намного меньше в размерах, – после этих слов девочка дважды хлопнула в ладоши и дунула в них.

– А это зачем? – удивился Фантаст.

– В смысле? Это же обряд, чтобы плохие духи не пришли. Тебя старшие не научили?

– Нет, – улыбнулся парень. – Там, откуда я родом, таких традиций нет.

– Ты серьёзно?.. Как же вы тогда злых духов прогоняете? Давай научу тебя. В наших краях без таких знаний не выжить, – важно сказала девочка и с энтузиазмом принялась учить Фантаста обряду.

Когда важнейший для выживания урок был выучен, Фантаст снова посмотрел на здание.

– Так значит, крыша этой высотки называется Пик Страха? Там настолько страшно?

– Крышей никого не удивишь, тем более это не самое высокое здание в мегаполисе. Пиком Страха

назвали ступеньки, которые проходят прямо над обрывом!

– Ты врёшь!

– Нет, чистая правда! Там есть этаж, который разрушен сильнее всего, и на нём уцелели только одни ступеньки, которыми можно подняться выше. Только самые смелые смогли пройти там и забраться на крышу! У неё, кстати, тоже есть название – Вершина Блаженных.

– Ничего себе… И ты была там? На крыше? Поднималась по Пику Страха?

– Нет, конечно! Я была на том этаже, но просто чтобы посмотреть. Там жуть, как страшно! Эти ступеньки как будто висят в воздухе! От одного вида ноги подкашиваются, и ты уже никуда не хочешь! – засмеялась девочка. – Его не зря так назвали. Хотя поговаривают, что там есть какая-то шахта, но в ней нет ни пожарной лестницы, ни выступов, так что Пик Страха – единственный способ подняться на крышу.

Фантаст задержал свой взгляд на этом здании. Его внутренний голос пытался что-то сказать, но пока что он не понимал, что именно. Им снова пришлось свернуть, и Пик Страха пропал из виду, и вот за новым поворотом показалось небольшое озеро. Раньше, по всей видимости, здесь был парк, но сейчас от деревьев остались только пеньки.

Девочка набрала полную флягу и разом выпила её, жадно глотая воду. Она присела на весеннюю лужайку с молодой травой и задумчиво смотрела на водную гладь.

Фантаст тем временем снял толстовку и принялся запихивать её в рюкзак, после чего тоже присел рядом с девочкой.

– У воды всегда спокойнее, – улыбнувшись, произнёс он.

– Я как раз не о спокойных вещах думаю. Знаешь, у нас всё равно мало еды для такого длинного пути. Может, стоит… зайти в бункер?..

– Мне говорили, что туда лучше не соваться.

– Ну, мы же всё равно собрались к стражам.

Фантаст ничего не отвечал, он обдумывал их перспективы.

– Я боюсь, что там нас могут попросить открыть рюкзаки и показать содержимое. Блок сигарет станет большой проблемой.

– Тут ты прав…

– А у вас нет больше мест торговли? Свободный рынок или ещё кто-то, как Мо.

– Из тех, кто сам выращивает, сейчас торгует только Мо, а рынков у нас нет. Если хочешь что-то, то нужно идти в бункер.

– Это очень странно. Везде, где я бывал, люди свободно обмениваются товарами.

– Мы – не везде. У нас стражи разнесли все свободные рынки, когда начали наводить «порядок». Бункер – единственное место, где можно что-то раздобыть. Есть ещё перекупщики, но и они приходят только по определённым дням по договорённости со Стражем.

– Тогда я сам спущусь туда. Только дай мне пачку сигарет. Постараюсь наменять как можно больше на неё.

Девочка обеспокоено посмотрела на него.

– А ты уверен? Стражи отличаются от горожан, они не рады чужим.

– Не волнуйся за меня. Я сговорчивый, – улыбнулся он.

Попасть в бункер было не сложно, сложнее выбраться оттуда.

Бункер представлял собой сложную подземную сеть коридоров и туннелей, которые вели к огромным большим комнатам со странными дверьми. Люди толком не знали для чего он строился, но были очень рады тому, что эти комнаты были до отвала наполнены продуктами в жестяных банках. Имена героев, сумевших открыть те огромные двери, по сей день произносят с огромным уважением. Они подарили горожанам шанс на выживание в те далёкие времена, когда люди были ещё не так умны, чтобы разводить голубей или выращивать картошку, но их труды пропали даром, когда до бункера добрался Страж. Не без помощи, но он со своей сворой открыли двери в остальные комнаты и прибрали к рукам всё, что там нашли.

Входов в бункер было много по всему городу, и ещё остались не открытые комнаты в других частях мегаполиса. Поэтому стражи замуровали большинство входов, оставив только несколько в центральной части, чтобы проще было контролировать свою сеть.

Девочка осталась на главной улице и присела около Короля Ступенек, делая вид, что внимательно слушает его рассказы, хотя всё о чём она могла сейчас думать – это бункер и Фантаст. Но вопреки её опасениям он очень быстро вернулся и даже без единой царапины.

– Ты всё? Ты как? У тебя получилось? – она набросилась на него с расспросами.

– Да, всё прошло хорошо, – улыбнулся Фантаст. – Мне рассказывали жуткие истории о бункере, но ребята там довольно приветливые. Мы поторговались немного и за ту пачку сигарет мне дали две банки тушенки, при чём, довольно большие. И ещё одну поменьше я выиграл в карты, – гордо произнёс Фантаст.

– Удивительно… Я была там всего один раз с братом, нас обобрали до ниточки, и вышли мы оттуда, прикупив всего лишь малюсенькую банку бобов! Паршивых бобов! А ты с тремя банками тушенки вернулся. Ты просто волшебник!

– Я не волшебник, я Фантаст! – просиял парень, довольный собой.

Теперь все приготовления были завершены, и оттягивать дальше было нельзя – пора идти к Стражу. Удачный поход Фантаста в бункер прибавил им немного сил и настроения, но чем ближе становилась площадь, тем ощутимей сосало под ложечкой.

Девочка заметно нервничала, а Фантаст был сосредоточен. После всех рассказов о Страже ему хотелось лично увидеть этого человека и посмотреть ему в глаза.

Но добраться до площади было не так-то просто. Со стороны главной улицы она была забаррикадирована разным хламом. Баррикада была настолько зыбкой, что любой, кто пытался перелезть через неё, падал в этот хлам и шумно барахтался, не в силах выбраться самостоятельно. Так стражи ловили любопытных проныр и своих врагов. Поэтому те, кто хотели попасть на площадь, были вынуждены ходить в обход. Вот только эта дорога была не из приятных… Она проходила через отдельный город в городе, если можно его так назвать. Всеми ненавистный район изгоев.

Если стражей боялись, отшельников обходили стороной, то этих просто ни во что не ставили. Их ровняли с мусором, обзывали, нередко даже били, набрасываясь толпой. Всему виной – прошлые обиды.

Раньше, когда ещё и самого Стража не было в живых, источником всех бед были изгои. Грабители, насильники, торговцы увеселительными препаратами и чем похуже получили свою дурную славу заслуженно. Такие негодяи всегда сбивались в кучи и промышляли свои грязные делишки вместе. К ним быстро приклеилось имя изгоев, что только прибавило остроты конфликту. И хотя со временем всё поутихло, а от старых изгоев почти ничего не осталось, но если кто-то чем-то не понравился мегаполису, его клеймили таким прозвищем, обрекая на вечную дурную славу. По старой привычке такие ребята собирались в свою отдельную стаю и курили самокрутки днями и ночами напролёт, проживая свои жизни

намного быстрее остальных горожан. Их улицы славились грязью, инфекциями, высокой смертностью и жестокими правилами, а с появлением стражей их и без того нелёгкое положение стало хуже некуда. Так конфликт разгорелся с новой силой.

Изгои не просто так поселились вокруг площади стражей. Они взяли в кольцо их логово в надежде, что однажды смогут задушить их подобно удавке, но стражи побеждали и количеством, и силой. Заняв выжидательные позиции вокруг площади, они не оставили девочке и Фантасту другого выбора, кроме как пройти через их район.

Ребята неуверенно переглянулись и шагнули в другой мир – холодный и не приветливый. Вместо музыкантов улицы штурмовали дилеры, продающие или меняющие наркотики, различные расслабляющие препараты с неизвестным сроком годности или выпивку, от которой запросто можно было умереть. Всё, что могло прибавить красок серой уличной жизни, было здесь. Дилеры шныряли из одного угла в другой, лениво высовывались из окон первых этажей или открытых дверей. Они внимательно рассматривали пришедших, и на их лицах была огромная палитра эмоций: от удивления до отвращения.

Кто-то особо невоспитанный нагло провёл рукой по ярким волосам Фантаста. Парень резко отшатнулся и удивлённо посмотрел на того, кто это сделал. Тот бродяга застыл, смотря на свою руку, и не двигался.

– Чего он хотел?.. – прошептал Фантаст.

– Не знаю… – ответила девочка дрожащим голосом. – Пошли быстрее.

Но только они попытались двигаться дальше, как вдруг какой-то не высокий щетинистый дилер с самокруткой во рту преградил им путь.

– Что ищите, детки? – насмешливо спросил тот.

– Ничего… – неуверенно ответил Фантаст.

Мужчина мерзко улыбнулся одним уголком рта.

– Здесь так не бывает. Все сюда приходят за чем-то, – он выпустил струю вонючего дыма на ребят. Фантаст медленно завёл девочку за себя.

– По правде говоря, мы идём к Стражу, – более уверенно сказал парень.

– К Стражу? Аха-ха-ха! – разразился громкий, скребущий барабанные перепонки, смех. – К этому сосунку? Вы слышали это, парни, детишки идут к самому Страаааажу!

Все дилеры, находящиеся вблизи начали тошнотворно посмеиваться.

Девочка и Фантаст думали, что имя Стража немного припугнёт их. Последнее, что они ожидали услышать, как бродяга в изорванном тряпье назовёт Стража «сосунком».

– Хорошие детишки, у меня к вам просьба. Выполните маленькую просьбу для хорошего дяди из улицы Вонючей Пасти?

Фантаст и девочка неуверенно кивнули.

– Передайте Стражу наилучшие пожелания от Оскала и скажите, что мы не забыли ту холодную осень, когда они покрасили «свою» площадь в красный цвет… кровью наших братьев… – его голос был

ледяной, а взгляд полон ненависти. Девочка знала, о чём говорит этот дилер, Фантаст не имел ни малейшего представления. – И скажите, что мы обязательно отомстим.

Оскал начал медленно топать ногами, призывая своих товарищей присоединиться к нему. Один за другим, изгои подхватывали этот ритм, пока весь их район не загудел. Кто-то стучал, кто-то хлопал, но большинство топали, грозно и чётко.

Этот плотный звук как будто сдавливал. Девочка и Фантаст прижались друг к другу, чтобы пережить этот дьявольский шум. Она уже слышала его и не раз, но никогда не была в эпицентре событий. Так эти люди проклинали стражей, и поселились они вокруг площади неспроста, ведь раньше именно изгои жили там…

Наконец-то топот прекратился. Ребята открыли глаза, и Оскал стоял перед ними с безразличным видом.

– А теперь убирайтесь отсюда. И не забудьте передать Стражу послание.

И все изгои снова попрятались в дома или скрылись за ближайшими высотками.

Спустя пару минут ребята снова начали дышать, ещё через несколько – продолжили идти на дрожащих ногах.

Фантаст больше всего на свете сейчас хотел узнать, что же произошло той осенью, но место и время было не подходящее, чтобы вести подобный разговор, поэтому он оставил эти вопросы на потом.

Они ещё долго петляли этими дилерскими лабиринтами, время от времени натыкаясь на любопытных торговцев, которые так и норовили припугнуть детей.

С каждым новым поворотом, людей становилась всё меньше, и вот наконец-то они вышли на главную площадь. На этом месте всё обрывалось, всё теряло смысл. Дыра в пространстве и времени, место-призрак, которое существовало, но все делали вид, что его нет. Место, которое обходили десятой дорогой, и о котором упоминать было плохой приметой. Как ни странно, это был центр мегаполиса. Огромная по размеру площадь, окруженная высотными сооружениями. Что было в тех домах – уже давно позабыто, для чего строилась эта площадь – никого не интересовало. Сейчас от этого места отнимало дыхание.

Высотки, окружающие площадь, были бы рады рухнуть на это место, похоронить его под грудой железобетона, лишь бы люди больше не страдали здесь. Они были готовы пожертвовать своей многовековой историей, чтобы это место перестало быть «этим местом». Чтобы исчезло навсегда, или хотя бы поменяло своё значение.

Но это всего лишь дома, громоздкие и неподвижные. Стражи долгое время уродовали облик этих сооружений, рисуя на них символику своего братства. В основном это были свирепые волки или огромные глаза. Таких изображений по всему городу тоже хватало. Всё это было неотъемлемой частью их жизни, культуры и философии.

Конечно, это всё было чистой воды варварством, но когда Страж показывался в мегаполисе и толкал свои громкие речи, никто не осмеливался возразить ему. Все, как будто под влиянием магии, слушали вожака, и никому даже в голову не приходило перебивать его или спорить. Это было колдовство, чары Парка, – другого объяснения у горожан не было. Некоторые даже признавались, что после его выступлений подумывали примкнуть к нему. Так велика была сила этого жестокого лидера.

Но вожак и его стая просто так не покажутся. Есть негласный зов стражей. Вначале этот зов и правда, служил людям. Если по каким-либо причинам тебе нужна была защита, то ты звал боевым кличем стражей, и они приходили на помощь, чтобы справедливость восторжествовала, но это давно в прошлом. Стражи свято верят своему предводителю, который внушил им, что все их деяния на благо города. Что все те истязания, расправы, налёты, избиения – это к лучшему и что таким образом они вершат правосудие.

– Ну что, ты готова? – спросил девочку Фантаст.

Она не стала отвечать, просто поднесла ладони ко рту, создавая рупор и набрав побольше воздуха в лёгкие, завыла по-волчьи. Стражи не заставили себя ждать.

Со всех сторон лавиной начали приближаться человеческие силуэты, одетые в чёрные лохмотья. Ковыляющие, чертыхающиеся, звенящие фигуры приближались. Они окружили этих двоих, и круг был отнюдь не спасательный. Это больше было похожу на

удавку, которая вот-вот затянется у тебя на шее. Дышать, правда, было не чем. Не только из-за страха, но ещё из-за ужасного зловонного запаха перегара. Грязные, не бритые, уставшие. Далеко не все были похожи на бойцов. Даже не так, мало кто вообще смахивал на «защитников». Бо́льшая часть людей была здесь, потому что это гарантировало им безопасность, в частности от самого Стража. Некогда хилые и загнанные уличные мальчишки теперь стали частью стаи и принялись гордо исповедовать «ценности», которые с ценностями ничего общего не имели.

Гематомы на лицах, красные потёки в глазах, желтые зубы и хорошо, если они есть. Почти у всех были скверные, тёмные, смазанные татуировки на руках. Обмотанные звенящими цепями, они смотрелись весьма нелепо. Больше похожи на узников, чем на членов банды, но сказать им это никто не осмеливался.

Цепи опоясывали всё: были вместо ремней, наматывались на руки как браслеты, свисали с бёдер, вились вокруг сальных шей. Пирсинг везде, где только можно и, конечно же, кольца – отличительная черта стражей. На всех десяти пальцах рук обязательно должны быть кольца. Это своего рода кастеты, которые так же были подтверждением того, что ты в стае.

Ни у кого нет одинаковых колец. Стражи были помешаны на этих атрибутах. Днями и ночами они мастерили их, придумывая, как и из чего они будут сделаны, а воплотив в жизнь свои задумки, обяза-

тельно хвастались на общих собраниях. Они различают друг друга по этим железкам на пальцах, – на лица можно даже не смотреть. Главное, чтобы твоё кольцо было уникальным. За повторение избивали и как следствие выгоняли из стаи.

Эти смотрины затянулись. Фантаст и девочка, уже давно пожалели, что ввязались в это. Всего каких-то пару минут, но им казалось, что они застряли здесь в бесконечной временной яме. Ужасное колдовское место, а не центральная площадь, но их мучения наконец-то подошли к концу. Толпа начала затихать и податливо расступаться, чтобы всеми уважаемый вожак мог подойти к этим чужакам и решить их судьбу. И вот наконец-то сам Страж предстал перед ребятами собственной персоной.

Полная противоположность своей стаи. Конечно, он тоже был увешан цепями и носил десять колец на всех десяти пальцах рук, но энергия, которой он обладал, была совсем иной. От него исходил ужасающий, покоряющий дурман. Он был воплощением силы и уверенности. Так и хотелось склониться перед ним.

Высокий, стройный, темноволосый. Его широкие плечи были облачены в чёрную косуху с множеством металлических вставок. К шее подступали языки чёрного пламени – татуировка, берущая начало в глубинах его сокрытой ото всех души. Густая тёмная щетина росла в разные стороны. Рукава были по локоть закачены и не скрывали его знаменитые на

весь мегаполис татуировки. Говорят, они сами появились на его теле после того, как он прошел испытания Парка.

На левой руке Стража был изображен образ человека, разрушающего всё, на что он обратит свой взор. На правой руке был образ противоположный – человек-творец, дающий жизнь всему, к чему прикоснётся. Добро и зло, правда и ложь, жизнь и смерть. «Создатель и Разрушитель» – так прозвали эти татуировки в мегаполисе. О них ходило много слухов, но абсолютно все были уверены в том, что у них мистическое происхождение, ведь не мог человек нарисовать что-то настолько реалистичное, поражающее и пугающее одновременно.

Страж скрестил руки на груди и вопросительно посмотрел на незваных гостей. Как только девочка заглянула ему в глаза, она тут же отшатнулась назад – такого ледяного взгляда она в жизни не видела. Цвет его глаз был настолько блеклым и пустым, что казалось, будто у них и вовсе нет цвета. В точности, как у северного волка.

Девочка окончательно потеряла волю, при виде Стража воплоти. Дыхание перехватило, сердце колотилось так громко, что звуки любопытной толпы звучали приглушенно. Инстинкты вопили убегать, но она не могла даже пошевелиться, а вот Фантаст внимательно смотрел на человека перед собой.

На самом деле он немного слукавил перед девочкой, сказав, что узнал про Стража в первый день своего прибытия сюда, ведь именно Страж был истинной целью его визита в этот мегаполис. Слава о

человеке, подчиняющем себе сердца и которому по силе нет равных, вышла далеко за пределы даже этого города. Фантаст, в своём поиске не мог обойти стороной такого человека. Возможно, ему под силу изменить мир. Так или иначе, золотые глаза Фантаста уже изучали его душу и вопреки ожиданиям не нашли ни малейшего намёка на свет.

Вожак настойчиво молчал. Он вопросительно приподнял левую бровь.

– Нет, я вас не тороплю, – его голос был низким и хриплым.

Фантаст покосился на девочку – она была безумно напугана. Нужно выручать её.

– Приветствую тебя, Страж. Я странник и зовут меня Блюм, хотя чаще меня называют Фантаст. Я здесь, чтобы помочь ей. Мы не отнимем много твоего времени.

Выражение лица Стража никак не изменилось после этих слов – на нём всё так же была маска полного безразличия.

– Почему нужно ей, а говоришь ты?

– По всей видимости, она боится тебя.

– А тебе разве не страшно?

– Ни капли, – Фантаст тоже старался сохранять невозмутимость на своём лице.

– Странник значит. Не знаешь, кто я такой?

– Я понял кто ты, как только увидел тебя.

– Значит, ты знаешь, что любое неверное слово может стоить вам жизней.

– Да.

– И даже так ты не боишься?

Толпа поутихла. Все внимательно слушали беседу их великого предводителя с этим ребёнком. Редкое удовольствие наблюдать нечто подобное, ведь к Стражу давно перестали приходить с просьбами.

– Мне нечего бояться.

– А как же смерть?

– Её нет.

– Что же случится, если я убью тебя?

– Моё тело вернётся к земле, а душа переродится в новом теле.

– Глупый юный странник. Это и называется смерть.

– В любом случае, меня это не пугает.

Блюм и Страж внимательно смотрели друг другу в глаза.

– Что ж, по какому делу вы пришли?

– Прежде чем задать вопрос, я должен передать тебе послание от изгоев. Мы были вынуждены пройти через их район. Они просили передать наилучшие пожелания и сказали, что не забыли ту холодную осень, и что обязательно отомстят. Я не знаю вашу историю и обычаи, прости мне эти слова, но не передать их я не мог.

Толпа возмущённо начала шуметь: «Опять эти изгои… Как они посмели… Не простим… Этот малой уже мёртв…»…

Все были уверены, что этот парень сейчас поплатится за свою дерзость, но на всеобщее удивление Страж поднял руку в знак того, чтобы все успокоились.

– Тише. Я тебя понял, продолжай.

Девочка постепенно начала приходить в себя. Фантаст спокойно разговаривал со Стражем, и было не похоже, что тот настроен агрессивно. Хоть его внешний вид и внушал смертельный страх, но пока что он вёл себя вполне обычно.

– Спасибо. У нас к тебе два вопроса. Платим блоком настоящих сигарет.

Толпа зашумела с новой силой: «Блок настоящих сигарет… Откуда у них сигареты… Врут… Точно врут…»…

– Интересно, блок один, а вопроса два, – высокомерно сказал Страж. Затем добавил: – Покажите.

Не удивительно, что вожак захотел доказательств, ведь настоящие сигареты настолько редки, что слабо верится в то, что какие-то дети могли принести целый блок.

Блюм начал стягивать с плеч девочки рюкзак. Та молниеносно спохватилась и продолжила искать блок самостоятельно. Они предусмотрительно положили его на самое дно, поэтому достать его теперь было не так-то просто. Она нервно искала блок, переворачивая всё содержимое вверх дном.

Наконец-то она нашла его и протянула Стражу, показывая, что не врёт. При виде таких сокровищ, стая начала шуметь и сходить с ума. Кто-то даже нагло попытался забрать сигареты, но Страж властно и громко приказал:

– Руки прочь. Этот блок ещё не наш, – после этих слов толпа поутихла. – Один блок – один вопрос.

– Но у нас два вопроса, – заметил Блюм.

– Ты играешь с огнём.

– Я и есть огонь.

Такая наглость заставила Стража почувствовать лёгкую ностальгию. Его власть была настолько крепка в этих краях, что такую дерзость местные давно перестали себе позволять. Его немного позабавила эта ситуация.

– И всё же, один блок – один вопрос.

– Хорошо, – сдался Блюм.

Он не знал, что важнее: узнать подробности дороги, или спросить какие именно испытания там были. С одной стороны, все знали, что идти нужно всегда прямо-прямо в сторону захода солнца, но этого, мягко говоря, не достаточно. С другой стороны, если они не успеют перехватить брата, то им тоже придётся проходить испытания, чтобы спасти его, и было бы неплохо знать, что их ждёт, но всё потеряет смысл, если они не доберутся туда.

– Как именно добраться до заброшенного про́клятого Парка Развлечений в соседнем мегаполисе? Нам нужны точные ориентиры.

Маска безразличия Стража треснула в ту же секунду, как только Блюм упомянул Парк. На этот раз толпа не зашумела – все стражи знали, что все вопросы о Парке под запретом.

– Пошли вон… – Страж старался говорить, как можно спокойнее, но было видно, что он вот-вот сорвётся.

Блюм удивился, а девочка, растерявшись, необдуманно начала:

– Но как?.. Мы же принесли блок… и…

– Я сказал, пошли вон! – прорычал Страж. – Я ничего не скажу про это место даже за сотню блоков сигарет!

Шум толпы медленно начинал нарастать. Они стали с большим любопытством рассматривать пришедших безумцев. Теперь им точно не уйти отсюда живыми. Наконец-то достойное зрелище.

– Но мой брат пошел туда один! Ему не выжить! Я должна догнать его и спасти! Пожалуйста, Страж… – её голос дрожал, как и вся она. Самый дорогой для неё человек в смертельной опасности. – Помоги, умоляю!

Скулы Стража яростно сжались. Его настрой изменился за считанные секунды. Холодный и безразличный лидер, вмиг превратился в безумца, от одного лишь слова «Парк». Он обжег девочку испепеляющим взглядом и двинулся в её сторону, но внезапно Блюм встал перед ней, заградив собой. На миг Страж остановился, – золотые глаза мальчика и правда, были лишены страха. Вожака это просто вывело из себя. Он кивнул головой кому-то из толпы и тот незамедлительно принялся с честью выполнять приказ своего предводителя. Он попытался схватить девочку за горло, но Блюм успел вовремя её оттащить.

– Руки прочь! – Фантаст крутил головой, ожидая новый выпад с любой стороны.

Стражи наконец-то получили возможность продемонстрировать свою преданность и умения вожаку.

– Так ты и есть тот самый Страж! – Блюм с презрением посмотрел на лидера. Он знал, что ему не защитить её от целой толпы. – Весна сменила весну

прежде, чем я пришел сюда, чтобы увидеть тебя лично. Я искал силу, но нашел лишь слабость… Далеко за пределами вашего мегаполиса ходят слухи о человеке, чей дух так силён, что ослушаться его невозможно. Тот, кто прозвал себя Законом и Справедливостью. Но что я вижу? Человечка, который кивает головой, чтобы девочку избили. В чём здесь сила?

Толпа уже не спешила расправляться с ними. Новая дерзость от рыжего парня должна была повлечь за собой реакцию Стража.

– Хочешь ощутить на себе мою силу? Хочешь узнать, что даровал мне Парк за тот ад, через который я там прошел?

– Страж, я вызываю тебя на честный бой! – юный голос Блюма не дрогнул и был полон решительности, но все здесь присутствующие понимали, что это его конец. В особенности девочка.

– Что?.. Не… надо… Не смей! – она вцепилась в его руку и боялась отпустить, ведь девочка знала, как только она сделает это, он погибнет.

Блюм наклонился к её уху:

– Все расступятся, когда начнётся бой. Тогда всё внимание будет приковано ко мне, воспользуйся этим и беги, что есть силы.

– Что?.. – с её глаз потекли слёзы. – Почему ты готов умереть ради меня?..

– Без таких, как ты, этому миру придёт конец, – он заботливо улыбнулся и вытер ладонью горячие слёзы.

– Я принимаю твой вызов, – прервал их Страж. – Я так понимаю, ты хочешь каким-то чудом выиграть для неё возможность сбежать.

Блюм старался не подать виду, но на какое-то мгновение он запаниковал. Неужели это так очевидно?

– Я не знаю в чём здесь причина, может там, откуда ты пришел другие порядки, но здесь – это бесполезная жертва. Видишь ли, в этом мегаполисе каждый сам по себе. Здесь ничем не обладают, ни с кем не строят связи, но вот мы ценим наши узы братства. Я нахожу твой поступок достойным, чтобы исполнить твоё желание. Уходи, девочка, и напомни всем в городе, что случается с теми, кто нарушает Закон.

Она была в ступоре.

– Но…

– Иди! Иди же! – заорал Блюм.

Его голос будто толкнул её и она, спотыкаясь, начала движение в сторону выхода.

Блюм послушно подошел к вожаку и встал напротив. Страж демонстративно развёл руки в стороны, чтобы толпа расступилась, как можно дальше.

Блюм закрыл глаза. Всё замерло: толпа стояла неподвижно в ожидании боя, девочка застыла на полпути к выходу, и только ветер гулял по площади, взъерошивая всем волосы.

Наконец-то Фантаст открыл глаза.

– Сейчас ты убедишься, что смерть есть, – холодно сказал Страж.

Блюм ничего не ответил. Он даже не собирался уклоняться или бить в ответ. В этом мире ему столько

раз доставалось, что и не сосчитать. Где-то его встречали радушно, как в этом мегаполисе, где-то проклинали и клеймили несусветным идиотом, попутно нанося телесные раны. Что же будет в этот раз?..

Это так странно, спокойно принимать свою участь. В памяти Блюма вдруг начал всплывать закат. Столь прекрасный и чарующий. Он сидел на высоком холме под ветвистым деревом и смотрел на горизонт, залитый красно-розовыми красками. Рядом с ним сидел ещё один человек. Кто же это был и почему именно это видение – он не знал, но невероятное тепло окутало сердце Фантаста. Это сон или воспоминание? Где же он мог его видеть? Точно, в далёких-далёких странствиях, которые повезло пережить его душе. Те закаты ему ни за что не забыть…

Страж небрежно засунул руки в карманы своей кожанки, давая понять, что он не считает Блюма противником равным по силе.

«Значит, будет бить ногой…», – подумалось Блюму. Будет ли нанесена смертельная рана, что подарит ему освобождение или он выживет и продолжит идти? Он порядком устал за эти годы. Может уже и правда, пора уходить. Тем более он спас хорошую душу, которой рано умирать. Что же сейчас произойдёт? О, магия неведенья – одна из величайших сил этого мира.

Удар и правда, был нанесён ногой. Не сказать, что это был удар чудовищной силы, просто сильный толчок в грудную клетку, после которого темнеет в глазах и появляется странный шум в ушах. Не то, чтобы дышать невозможно, но как-то тяжелее. Тело

предпринимает отчаянные попытки поймать воздух, а лёгкие не слушаются.

Шумно и жадно Блюм всё-таки схватился за новый глоток воздуха. Громкий кашель нарушил тишину, царящую на площади, и толпа удовлетворённо взорвалась:

«… Да так его! … Страж сильнее всех! ... Как он отлетел!».

Блюм с немалыми усилиями начал пытаться снова встать. Не подобает мужчине принимать смерть лёжа.

– Ну, как тебе моя сила?

– Да разве ж… кхем-кхем…это сила?.. – стоя на четвереньках процедил Фантаст.

– Блюм… – девочка сжимала свои руки в молитвенной позе и сквозь слёзы умоляла Духов и Богов спасти его. Она так и не сдвинулась с места, находясь на полпути к выходу.

Страж небрежно подошел к Блюму, который всё ещё был на земле. Он наконец-то достал руки из карманов и опустился на присядки напротив него. Положив руку Блюму на затылок, он поднял его голову так, чтобы тот посмотрел ему в глаза, а затем нанёс ещё один удар рукой в живот. Этот удар причинил какую-то особенно острую боль. Неужели Парк и правда, выполнил такое гнусное желание – быть сильнее всех, чтобы причинять боль?..

– Тогда узри же, силу, дарованную Парком.

Здоровенная рука Стража обхватила горло паренька. Блюм не сильно понимал, что происходит из-за последствий предыдущего удара. Страж встал,

подняв Блюма, держа за горло одной рукой, вторую же снова спрятал в карман.

– Посмотри мне в глаза!

Ненависть, что Фантаст увидел в них, заставила его тело содрогнуться от боли осознания, что на земле есть те, кто смотрят так. Пока есть такие глаза, мир будет стремительно идти к своему концу. Нельзя умирать.

Блюм вдруг схватил руку Стража в попытке убрать её от своего горла, но безуспешно. Даже обеими руками он не смог ничего сделать.

– Моя смерть… будет концом и для тебя… – процедил Блюм.

Страж ухмыльнулся одним уголком рта.

– Подчинись мне! Перестань сопротивляться! – громко и отчётливо прокричал Страж, дабы вся его свора услышала.

Блюм всё равно пытался убрать его руку и не понимал, почему у него это не выходит. Он мог свободно дышать, а значит горло сжато не сильно.

Вдруг какая-то слабость начала появляться в его теле. Блюму ничего не оставалось делать, кроме как разжать ладони. Руки безвольно повисли, и он больше не сопротивлялся. Всё тело, клеточка за клеточкой, начало погружаться в какое-то неизвестное ему чувство. Его сознание окутала пелена, а тело стало ватным. Блюм не понимал, что происходит, но он точно знал, что перестал сопротивляться, как и приказал Страж. Он изо всех сил хотел бы продолжить сопротивление, но никак не мог – тело не слушалось. Он замер в иступлённом оцепенении.

Страж отпустил горло и спрятал вторую руку в карман. Снова эта небрежная поза, говорящая, что никто не сравнится с тем, кто прошел испытания Парка.

– Падай.

Сам того не осознавая, Блюм упал, как и было велено.

– На этом и закончим.

Он достал из своего кармана нож и был уже готов пролить очередную кровь на эту площадь, как вдруг срывающийся женский голос остановил его:

– Нет! Не делай этого, умоляю!

Девочка упала на колени и закрыла глаза руками, чтобы не видеть того, что происходит.

– Убей меня! Не его! Умоляю! Прошу! Не отнимай его жизнь!

Страж удивлённо смотрел на неё – странное поведение для горожан.

– Теперь, когда я вижу, насколько сильно ты желаешь сохранить ему жизнь, я определённо заберу её, а твою оставлю. Чтобы ты помнила, к чему порой приводят желания.

– Что?..

– Можешь плакать, сколько влезет над телом этого идиота, но вынеси что-то полезное для себя из его смерти. Кому можно дерзать, а кому нет. Это важный жизненный урок, который я тебе дарю.

Страж сделал первый шаг навстречу неподвижно лежащему Блюму. Девочке казалось, что он шагает очень медленно. Видимо время было на её стороне и

дало ей шанс выйти из транса, чтобы под конец её короткой и не содержательной жизни сделать что-то безумное, но правильное.

– О да, я много чего вынесу из сегодняшнего дня… – она процедила эти слова сквозь зубы. – Ты… ты…Ты! – её голосом снова овладели слёзы, но она прокричала это так громко, как только могла. Ей всё-таки удалось отвлечь Стража от Фантаста. – Сколько бы у тебя не было желаний, сколько бы у тебя не было твоих шавок, ты и волосинки Блюма не стоишь! Не он идиот, а ты! И можешь избить меня за это, можешь убить, мне не жаль свою жизнь! Но я надеюсь, что с моей смерти ты вынесешь что-то полезное для себя, например, то, – она набрала побольше воздуха в лёгкие, чтобы со всей силы прокричать эти слова, – что ты не особенный! Ты такой же, как и все, брошенный своей вечно пьяной мамашей на произвол судьбы, жалкий, напуганный и голодающий ребёнок! Ты смертный! И рано или поздно тебя кто-то прикончит!

– Глупое создание! Никто не смеет даже подумать об этом! Мы – Стражи! Мы – единое целое! Мы изменим этот мир, сделаем его лучше! Мы и только мы искореним из этого гниющего города эгоизм и предательство! И не важно, сколько людей будет против нас, я своими собственными руками расправлюсь с каждым!

Толпа воинственно взорвалась. Эта свора бродяг свято верила в своё предназначение хранителей порядка и правосудия. Глядя на это всё, девочка поняла, что действительно вынесла урок, но не благодаря Стражу, а благодаря Блюму. Она поняла, что жизнь

может закончиться в любую минуту, и если в твоих силах сделать что-то, чтобы этот мир стал лучше, ты должен бесстрашно рискнуть.

Девочка встала с колен и гордо выпрямилась. Ораторство не её конёк, но ей было, что ответить Стражу.

– Вы – единое целое? – произнеся это, она поняла, что её никто не слышит. Тогда девочка подошла немного ближе. Толпа, конечно же, утихла. – Предательство всегда там, где много людей называют себя единым целым. Или ты думаешь, никто не хочет на твоё место?..

Вожак слушал всё это, и его грудная клетка вздымалась тяжело и часто. Он был зол ещё сильнее прежнего, а лицо было искажено отвращением и гневом к этому уличному существу. Он посмотрел на неё с такой смертельной ненавистью, что казалось, только этим взглядом он способен убить, но она ни о чём не жалела. Это то, что она могла сделать для мира, чтобы он стал немного лучше – посеять яблоко раздора. Ведь без стражей мегаполису будет лучше.

Затем она отвернулась от вожака и, глядя на толпу, сказала:

– Или вы думаете, что он бессмертный? У него было одно желание. Быть сильнее всех, не значит жить вечно!

Страж медленно начал движение в её сторону. Его глаза пылали ненавистью, а нож был крепко зажат в руке.

Но вдруг Страж почему-то остановился.

– Что здесь происходит? – спросил высокий темноволосый парень.

Его громкий голос ужасно испугал девочку. Все её мысли были о предстоящей смерти, поэтому она не заметила, как кто-то подошел сзади.

Обернувшись, она увидела троих высоких крепких парней. Они тоже были одеты во всё чёрное, увешаны цепями и носили кольца на всех пальцах, но очень отличались от той толпы стражей впереди. Девочка сразу поняла, что это трое из знаменитой семёрки Последователей Стража. Его приближенные.

В отличие от самого Стража, эти ребята никогда не появлялись в людных местах, не говорили пламенные речи и не агитировали вступать в их ряды, и уж тем более не марали руки, выполняя жестокие приказы Стража. В мегаполисе поговаривают, что эти ребята всё планируют, а Страж приводит это в исполнение благодаря своей нечеловеческой силе, но, по правде говоря, выглядели они совершенно не устрашающе для людей, которые стараются всегда держаться в тени. Их глаза были лишены той ненависти и злобы, переполняющей Стража. В то же время они имели большой вес в этих кругах, и в их появлении девочка увидела блеклый луч надежды на спасение Блюма.

– Кто ты? – обратился к ней один из Последователей.

– А? Я?.. – только и смогла выговорить она.

– Страж, что происходит?

Но главарь ничего не ответил, только бросил раздраженный взгляд на своих Последователей.

– Почему ты держишь нож? Намереваешься убить её? Парень, я так понимаю, уже мёртв…

– Посмотри, у него ярко рыжие волосы. Это что, Фантаст? – с настоящей тревогой спросил другой из Последователей.

Наконец-то Страж соизволил говорить:

– Я не запомнил имя этого глупца.

– Да, это Фантаст! Это он! – выкрикнула девочка в надежде, что знаменитые Последователи как-то изменят ситуацию, и она оказалась права.

– Страж, я не знаю, что здесь произошло, но этот странник обладает талантом рассказчика. Я встретил его пару дней назад и не смог оторваться от его истории.

– Так вот почему ты тогда опоздал?

Страж выглядел недовольно, но судя по всему слухи не врали, и эти парни действительно могли оказать на него влияние. Ненависть постепенно уходила и лицо вожака снова обретало человеческие черты.

– В любом случае, есть дела поважнее. Один из наших ищеек сказал, что видел, как какой-то изгой пробирался в бункер с южного входа, – сказал один из Последователей.

– Мы же замуровали его, – серьезным тоном сказал Страж.

– Вот именно. Стоит пойти проверить.

Разговор привёл его в чувство и, казалось, что он уже и позабыл про своё намерение убить.

– Отряд «Кости», со мной на разведку! Отряд «Клыки», найдите всех остальных Последователей и передайте, чтобы ждали нас в главном здании!

Страж безразлично начал идти в сторону выхода. Призванный отряд тоже пошел следом за ним. Остальные же начали постепенно расходиться, кто куда, но один из Последователей остался и опечалено смотрел на лежащего Блюма.

– Как жаль, что Фантаст убит. Это был хороший человек.

– Он не убит… – еле слышно ответила девочка.

– А? Что ты говоришь? – парень уже и забыл о том, что на площади был кто-то ещё.

– Он не успел. Спасибо вам. Спасибо тебе… – она подняла на него глаза полные благодарности и слёз.

Последователь же ничего не ответил. Он смотрел на приближающегося Стража. Когда тот подошел к ним, он покосился на девочку.

– Если твоему брату суждено вернуться оттуда живым, в чём я весьма сомневаюсь, я убью его у тебя на глазах. Это будет справедливым наказанием за твою дерзость, а если попробуешь покинуть мегаполис и отправиться за ним, твоя собственная жизнь оборвётся в ту же секунду.

Договорив это, Страж продолжил свой путь к выходу.

– Поспешила ты с благодарностью, – сказал тот Последователь и направился в нужном ему направлении.

Когда на площади не осталось никого кроме девочки, лежащего Блюма и самой Смерти, спокойно стоящей в сторонке, она медленно пошаркала к Фантасту и присела рядом с ним. Вытерев рукой снова

навернувшиеся слёзы, она размазала их по лицу вместе с грязью. Девочка не услышала, что приказал ему Страж. Она только видела, как тот упал. Да и сам по себе удар в грудь с ноги вещь опасная.

– Фантаст… Фантаст… – голос девочки срывался, но она настойчиво повторяла его имя в надежде, что тот очнётся. – Ну же открой глаза… Блюм…

Она опустила голову ему на грудь, и горе захлестнуло её.

– Прости меня… – прошептала она. – Прошу, прости … Я не хотела. Я, правда, не хотела…

И она осознала себя здесь. Девочка раньше уже испытывала подобное чувство, но не понимала его. Теперь поняла, и ей стало по-настоящему страшно.

Она здесь. Она на земле. Она это она. Положив руку к груди, она почувствовала, как дышит, как колотится её сердце. Стало ужасно страшно. Она здесь. Перед ней умирающий человек, далеко за стенами этих домов убийца и его приспешники. Над ней небо, которому нет дела до их бед. Под ней земля, которая впитала в себя кровь многих смертных.

Она шмыгнула носом и заплакала с новой силой, склонившись над телом. И снова, как в детстве, ей стало страшно – никто не придёт на помощь.

Издали начал доноситься цокающий звук, вперемешку с шарканьем, но она была не в состоянии думать об источнике этого звука.

– Хватит реветь, его ещё можно спасти.

Она резко обернулась на голос и застыла от удивления.

– Это ты… – прошептала она. – Помоги ему…

– Глава 2 –

Лекарь

Место, где Фантасту могли помочь, было не так уж и далеко от той злосчастной площади, но тащить его приходилось девочке, а это замедляло путь в разы. К тому же, два рюкзака провизии тоже легли на её плечи. Рядом с ней шумно хромал высокий темноволосый парень. В городе много таких, как он, отмеченных болезнью от рождения, но именно он такой один. Болезнь нанесла увечья телу, но не сумела даже прикоснуться к его чистой душе.

В этой части города его знал каждый. Его не любили, но уважали, некоторые даже боялись, приписывая колдовские умения, но большая часть людей, просто отдавала должное его существованию и не трогала его. Этот слабый на вид калека обладал даром врачевателя, и горожане прозвали его Лекарем. Он один из немногих во всём мегаполисе, кто умел читать. Он вёл жизнь отшельника, посвятив всего себя изучению древнего искусства медицины, и безотказно помогал всем, кто нуждался в его помощи. В мире, где от простуды можно запросто умереть, такой человек, как он, просто необходим. Неизлечимо болен сам, но всеми силами старается помочь другим. Это избранный им путь, его жизнь и философия.

Девочка чувствовала, что силы покидают её. Блюм хоть и был немного ниже ростом, но всё же был

тяжёлым. Вдобавок ко всему, после недавних слёз забился нос, и было трудно дышать.

– Ещё немного. Ты молодец, – сказал Лекарь.

У него был очень приятный низкий голос, и он немного расходился с его внешним видом. Девочка, не смотря на всё напряжение и концентрацию, засмущалась. Она и так не часто слышала подобные слова, а тут их произнёс не кто-нибудь, а сам Лекарь. Она давно восхищалась тем, что делает этот человек, но лично встретилась с ним впервые.

Лекарь был старше её, но насколько именно она не могла определить. У него была странная походка, и плечи находились на разном уровне, но он выглядел чудно́ не только из-за своей манеры ходьбы. Он придумал себе довольно необычный способ поддержания равновесия. Для одной стороны он использовал подмышечный костыль, который немного выравнивал плечи, а второй рукой он опирался на трость.

Наконец-то мучениям девочки подошел конец.

– Поворачиваем.

За поворотом было здание, которое выделялось на фоне всех остальных. Оно не было изуродовано безвкусными граффити или каракулями, на его стенах были нарисованы прекрасные цветы, хоть и выцветшие.

Лекарь будто прочитал мысли девочки:

– Один из пациентов нарисовал это после того как я вылечил его. Я ему очень благодарен, мне нравятся эти цветы.

Новое слово для девочки – «пациенты». Они никогда его не слышала раньше, но спросить, что это или кто, не решалась.

Лекарь со скрипом отодвинул входную дверь и вошел первым, чтобы быстро зажечь свечи. На улице было ещё довольно светло, но солнце не спеша приближалось к горизонту, и в помещении было хоть глаз выколи.

– Положи его на кушетку. То есть, на вот ту кровать, – сказал Лекарь, указывая на небольшой, сбитый своими силами, деревянный лежак.

Она старалась как можно аккуратнее уложить Блюма, придерживая голову. Лекарь тем временем уже зажег достаточное количество свечей и поковылял к избитому парню.

У девочки ужасно ныла поясница, горели уши и щёки, надоедливая стучащая боль в висках притормаживала понимание происходящего. Очень хотелось отдохнуть, и она бестактно уселась на другую кровать – уже более цивилизованную, застеленную синим покрывалом.

Лекарь с укором глянул на неё, и она молниеносно подорвалась.

– Это моя кровать, на неё не садись, пожалуйста, но можешь присесть на любую свободную кушетку.

Она решила никуда не садиться и стала в сторонке, чтобы не мешать.

Лекарь отставил в сторону костыль и трость, снял верхнюю чёрную кофру с капюшоном, и поко-

вылял мыть руки. Пока он был занят этими приготовлениями, девочка могла мельком посмотреть на самого загадочного жителя мегаполиса.

Волосы были цвета вороньего крыла, подстриженные неровным каскадом до плеч. Лицо было спрятано за прямой длинной чёлкой, падающей на глаза, – ему пришлось сколоть её заколкой назад, чтобы не мешала работать. Из кармана брюк он достал очки в тонкой металлической оправе и надел их.

На самом деле, это был красивый человек. Конечно, если не считать впалых щёк, синяков под глазами и высоченных уставших век болезненно серого цвета. Лицо было вытянутым, черты лица острыми. Он был очень бледным, и даже по местным меркам, он выглядел слишком худым. Вещи висели на нём, как на огородном пугале. Старые чёрные ботинки, чёрные потрёпанные штаны, тёмно-серая футболка, всего лишь несколько неприметных браслетов на тощем левом запястье – вот и вся одежда Лекаря.

Проковыляв к тумбочке, сделанной тоже самостоятельно, он стал доставать разные баночки с какими-то жидкостями. Он торопливо подносил ёмкости к горящей свече, и своими тёмно-серыми глазами внимательно читал надписи на этикетках.

Девочка же стояла в сторонке и неравно мяла ладони. Она знала, что Блюм в хороших руках, но даже так, он всё ещё без сознания.

– Как тебя зовут? – голос Лекаря выдернул её из омута самобичевания.

Девочка стояла в ступоре. Она вернулась в реальность, но стук в висках, всё так же не давал сконцентрироваться.

– У тебя имя есть?

– Да, конечно… – она закусила губу, не зная, что ответить. Вдруг её взгляд упал на тряпку на полу. – Тря…пи. Тряпи!

Лекарь оторвался от пациента и в полном недоумении посмотрел на девочку.

– Ладно, я стараюсь ничему не удивляться… – он легонько улыбнулся и вернулся к своему делу.

Девочка смутилась и тоже еле заметно улыбнулась. Действительно странное имя она назвала, но что было делать – тянуть паузу дальше было нельзя.

– Так, Тряпи, куда его били?

– В грудь. С ноги…

– Как всегда жестоко… – про себя сказал Лекарь. – Возьми на столе ножницы, нужно разрезать футболку. Мы так её не снимем.

Пару секунд она приходила в себя – ужасно рассеянное состояние, но потом рванула в сторону стола. На столе было столько всего, что ножницы она нашла не сразу. К тому времени, когда она наконец-то принесла инструмент, Лекарь уже осматривал Фантаста. Из-под задранной футболки виднелась большая синяя область. Девочке было больно смотреть на это – по всему телу прошел какой-то внутренний спазм. Видимо это и есть вина…

– Очень осторожно разрежь футболку, а я начну делать компресс, – скомандовал Лекарь.

Девочка аккуратно и не спеша принялась разрезать одежду. Ножницы были довольно тупыми, и ткань резалась плохо.

– Спасибо, дальше я сам.

Лекарь взялся руками за разрезанную до середины футболку и одним резким движением разорвал её до конца. Теперь можно было полностью оценить масштабы, нанесённого урона.

Лекарь прислонился ухом к грудной клетке Фантаста, которая еле заметно вздымалась, и с закрытыми глазами что-то внимательно слушал. Затем он принялся прощупывать рёбра, всё так же с закрытыми глазами.

– Рёбра не сломаны. Тряпи, возьми на той тумбочке самый большой бутыль и неси сюда.

Девочка послушно выполняла все его указания: доставала какие-то тряпки с полок, приносила флаконы с настоями, резала бинт. Когда всё было сделано, Лекарь очень тяжело встал, опираясь одной рукой на кушетку, второй на здоровую ногу. Затем, немного помяв колено, которое ныло после посиделок возле больного, произнёс:

– Ты не могла бы …

Не успел Лекарь договорить, как девочка уже схватила табурет, стоящий возле кровати и принесла ему. Он выглядел удивлённо:

– А как ты?.. Не важно, спасибо, – Лекарь устало улыбнулся и осторожно сел на стул, который, судя по всему, тоже был сделан руками этого бескорыстного гения.

– Это я должна тебя благодарить. Спасибо тебе, Лекарь… За то, что спас его… Спасибо… – еле слышно говорила она.

– На здоровье… – выдохнул Лекарь, и устало потёр свои глаза. – А ты молодец. У тебя выдержка настоящего врачевателя. Дотащила его, помогла раздеть и обработать раны.

Эти слова звучало добродушно. Девочке было очень приятно услышать такое от него. Она легонечко улыбнулась и опустила голову, чтобы Лекарь не увидел её моментально покрасневших щёк.

– У меня есть брат, которому я много помогала в детстве.

– Ну что ж, с сестрой ему повезло.

Лекарь снова добродушно улыбнулся и с немалыми усилиями встал. Затем принялся одевать свою чёрную толстовку.

Девочка смотрела на него, как зачарованная. Это и есть Лекарь. Совсем не таким она его представляла. Она слышала от остальных, что он жуткий, сгорбленный и мрачный, но этот человек не был жутким или неприветливым. Он много раз улыбался ей и несколько раз похвалил. Конечно, выглядел он не так, как обычно выглядят горожане, он, правда, был сутулым и его плечи находились на разном уровне, но это не мешало ему быть прекрасным человеком.

Как только Лекарь закончил работать с больным, очки тут же отправились в карман, затем он снял заколку, и чёлка снова упала ему на глаза.

– Он спит. Его жизни ничего не угрожает. Можно сказать, он легко отделался. Обычно, после

Стража у меня больше работы. Со временем он поправится, сейчас главное для него – спокойствие и отдых.

Эти слова были как дождь после многолетней засухи. На лице девочки появилась улыбка – с Фантастом всё хорошо.

– Он останется у меня на пару дней, а ты можешь идти.

Эти слова вернули её с небес на землю.

– Идти?..

– Ну да. Куда тебе нужно, к друзьям или к брату.

Она вспомнила, почему пострадал Фантаст и что её брат сейчас неизвестно где. Вспомнила так же и слова Стража, о том, что он убьёт её брата, если тот вернётся. Она ничего не узнала о Парке, Фантаст не сможет двигаться ещё долгое время и ей нужно отправляться на поиски одной, но сейчас идти опасно, ведь Страж мог послать кого-то следить за ней.

– Можно я побуду у тебя ещё немного? Пока окончательно не стемнеет? Стражи просто так не выпустят меня из города, а если появлюсь сейчас, буду как на ладони…

Лекарь обеспокоенно посмотрел на неё.

– Стражи не выпустят из города? А зачем тебе вообще уходить из мегаполиса?

Что сказать? Ответ потянет за собой другой вопрос и выяснится, что тот, кто должен лежать на этой кушетке – она, а не Фантаст.

– Я не знаю, как это объяснить… – и снова затянувшаяся пауза.

– Если хочешь моей помощи, говори всё как есть и прямо сейчас, а иначе уходи.

Его серьёзный взгляд обжигал. Девочка не решалась посмотреть ему в глаза. Рассказать всё или уходить. Почему-то она подумала, что попасться стражам не самый худший исход. Намного хуже, если Лекарь узнает, что она виновата в избиении этого доброго человека. Но достаточно ей было посмотреть в сторону лежащего Фантаста, как тут же чувство вины одолевало её. Она должна рассказать, и если Лекарь её прогонит – он будет прав.

– Я виновата в том, что его избили, – она опустила глаза. – Мой брат пропал. Он пошел в… ему зачем-то понадобилось желание, и он отправился в…

– …в заброшенный про́клятый Парк Развлечений, – закончил за неё Лекарь. – Теперь я понял. Вы пошли к Стражу, чтобы разузнать про Парк.

– Да… – еле слышно ответила девочка. – Но я не смогла и двух слов связать при виде Стража. Поэтому Фантаст... то есть Блюм, спросил его про Парк, и Страж вышел из себя. Блюм вступился за меня и его избили… а я… ему нагрубила, и он пообещал, что убьёт моего брата, если он вернётся, и мне покидать город запретил…

– Ты, конечно, даёшь… – Лекарю, правда, было жаль этих двоих. – Все знают, что тема Парка под запретом. Он никогда не рассказывает о нём, а любое упоминание о Парке приводит его в бешенство.

– Как бы там ни было, выбора у меня нет. Я должна идти. Должна спасти своего брата, должна догнать его и не дать вернуться в мегаполис…

Лекарь долго смотрел на неё, пытаясь понять, что она за человек и можно ли ей верить. Не каждый пойдёт на такое безрассудство ради кого-то. Девочка не знала, куда деть себя под таким напором. Она чувствовала на себе его изучающий взгляд.

– На мою кровать не садись. Можешь взять табурет или сесть на кушетку. Я пойду в мегаполис – кому-то ещё может понадобиться моя помощь. Уйдёшь, когда посчитаешь нужным. В пределах этой ночи, разумеется.

Лекарь взял костыль и трость, лампу с парой свеч, походную сумку через плечо и молча покинул свой дом. Девочка же стояла и пыталась понять, что он только что сказал. Он разрешил ей остаться. Лекарь не прогнал её и не осудил. Он помог ей.

– Спасибо… – обессилено прошептала она.

Девочка покосилась на табурет, стоящий у кровати спящего Фантаста, но садиться на него не стала. Она присела на пол возле рыжеволосого паренька и обняла свои колени. Девочка слышала его дыхание, и от этого становилось спокойней.

– Спасибо вам обоим…

За время, проведённое в доме Лекаря, девочка успела хорошо всё рассмотреть. У неё никогда не было дома, жили то там, то здесь, как и все в прочем, но это место было совершенно другим, и оно ей очень нравилось. Находясь в его доме, она чувствовала безопасность и ощущала комфорт.

Было что-то необычное в этом месте, и совсем не змеи и жуки в баночках со странными жидкостями, и

не запах чего-то незнакомого, а то непередаваемое чувство уюта, окружавшее её со всех сторон. Стены комнаты были увешаны полками и ни одна не пустовала. Где-то сушились травы, где-то стояли баночки или лежали какие-то странные металлические инструменты.

Девочка заметила у входа несколько висящих картин. Это было очень необычно. Зачем рисовать на доске, если можно нарисовать на стене?

Помимо кровати, на которой лежал Фантаст и кровати Лекаря, в комнате было ещё две кушетки, которые предназначались для больных. Сама комната была большой и просторной, поэтому даже такое большое количество мебели не мешало свободно передвигаться по ней.

И снова что-то необычное – позади двух других кроватей висела ширма. Было видно, что позади нет стены, ткань висела на натянутой верёвке. Любопытство одолевало девочку, но она не решилась проверить, что за ширмой. Она испытывала безмерное уважение к хозяину этого дома. Если он хотел, чтобы что-то было спрятано от любопытных глаз, значит так должно быть.

Ещё у входа стояла высокая вешалка, на которой висело несколько одинаковых халатов серого цвета. Девочка присмотрелась и увидела, что на одном из них была кровь. Ей стало не по себе. Не то, чтобы она боялась крови, в своей жизни ей не раз приходилось разбивать колени, получать порезы или рассекать губу во время драки, но это было довольно редко, а

Лекарь сталкивается с этим каждый день. Сколько же он повидал…

Мысли одна за другой мягко обволакивали сознание, и девочку начало клонить в сон. Здесь было очень тепло, поэтому глаза сами начали закрываться. И хотя ещё какое-то время ей удавалось бороться со сном, но всё же слишком много произошло за этот день.

Она встретила странного парнишку на высоте, на которую редко взбираются здешние. Сразу ему доверилась, втянула его в неприятности и получила важный жизненный урок. Обрела друга и героя в одном лице, а потом, пусть и не лучшим образом, но познакомилась с самым загадочным человеком в городе, с которым давно мечтала встретиться. В глубине души ей не хотелось оставлять Фантаста и уходить на поиски самой – было страшно и тоскливо. Только она нашла человека, который был близок ей по духу, как тут же нужно отправляться в путь, который возможно приведёт её к гибели. Но даже не это самое страшное – куда страшнее потерять брата…

Так она и уснула, сидя у кровати Фантаста. Но поспать ей удалось не долго. Сон был прерван тревожным звуком мужского голоса.

– Ей, вставай! Просыпайся, скорее!

– А?.. что такое?.. – девочка не сразу поняла, где она и кто её будит.

– Быстрее!

Лекарь схватил её за локоть, чтобы помочь встать. Девочка очень тяжело приходила в себя и не понимала, что происходит. Неужели он её так резко

выгоняет? Может она его чем-то обидела? Или ей нельзя было засыпать?

Она высвободилась от его рук и спокойно встала напротив него:

– Спасибо тебе большое, Лекарь. Ты спас замечательного человека. И прости за то, что я причинила тебе столько хлопот. Я всё поняла, я ухожу.

Она развернулась и пошла к выходу, стараясь ни на что не смотреть, чтобы не позволить тоске взять верх.

– Ты что, с ума сошла?! – шепотом прокричал Лекарь. – А ну вернись, живо!

И он очень резво поковылял к ней, снова схватил за локоть и потащил в обратном направлении.

– Тебя по всему городу ищут! Страж решил перестраховаться. Лучшие ищейки шерстят высотки, потому что кто-то из твоих знакомых дал наводку, что ты любишь бывать в высоких местах. Они заявятся ко мне с минуты на минуту, а ты уходить собралась!

На стене, прямо за кроватью Блюма висела мешковина, которая, как думалось девочке, выполняла декоративную роль, но Лекарь поспешно снял её, и там оказалась дыра. Она чернела и пугала, но врачеватель уже заталкивал туда девочку, и она понимала, что это единственный способ спасти её.

– Осторожнее! – он помог ей забраться в дыру. – Сиди тихо.

И мешковина закрылась, но уже совсем скоро снова открылась, и Лекарь протянул ей её рюкзак.

– Да, и смотри не чихни, здесь пыльно.

Ситуация более чем серьёзная, но ей стало смешно. Её ищут лучшие ищейки, а ей так спокойно не было уже давно. Она нащупала стену и медленно сползла по ней, обняла свои колени и закрыла глаза, чтобы не видеть темноты. Взамен она нарисовала в своём воображении ситуацию, когда она чихает и Лекарю приходиться придумывать смешные отговорки. Она легонько улыбнулась, хотя радоваться было не чему.

Девочка оказалась ближе к улице и могла отчётливо слышать шаги, кашель, чей-то смех и ругань, а ещё здесь было прохладней, но это всё были мелочи, на которые она совсем скоро перестала обращать внимание.

Ищейки не спешили к Лекарю. За несколько часов, проведённых в этом мрачном заточении, девочка успела заскучать и захотеть в туалет, но все её нужды померкли, как только она услышала чужие шаги в комнате за стеной.

– Ну, здравствуй, Альфред.

Холодок пробежал по её спине от ледяного голоса Стража.

Ей было очень страшно, но в то же время гнев потихоньку подбирался к ней. Мысленно она высказывала ему много интересного, но в реальности сидела тихо, как мышка.

– Здравствуй, Элай. Что привело тебя ко мне в столь поздний час? Неужели лекарство так быстро закончилось? – голос Лекаря был спокойным и ровным.

– Не смей называть меня так… – вожак проскрипел зубами и покосился на лежащего без сознания

Блюма. – Ты прекрасно знаешь, зачем я здесь. Как малец, кстати?

– Ужасно! Ещё немного и он был бы мёртв, он не встанет с постели как минимум две недели.

– Не нужно, Альфред, ему не нужна твоя защита. Я его больше не трону, если он сделает кое-что. Когда проснётся, передай ему, чтобы выметался из моего города и не возвращался. Иначе отправится к богам.

Девочка услышала шаркающий звук и поняла, что вожак пододвинул табурет, на котором сегодня сидел Лекарь. Злость становилась ощутимей, но она ничего не могла поделать. Главное, чтобы он не тронул Лекаря.

– И так, – снова начал вожак, сидя на стуле, – где она?

– Кто?

– Не прикидывайся, Ал.

– Я, правда, не понимаю, о чём ты говоришь.

Страж постепенно терял самообладание.

– Белобрысая малявка, которая помогла тебе дотащить сюда мальца.

– А, ты про девочку. Ну, она вон под той кроватью. Когда полезешь за ней, протри пыль заодно, пожалуйста, – Лекарь сказал это таким же спокойным тоном, как и всё прежде, и поковылял менять компресс Фантасту.

В ту же секунду табурет полетел с грохотом в сторону.

– Ты что, думаешь, я шутить сюда пришел?! – его грубый голос заставил девочку вздрогнуть. Она

напряглась всем телом, готовая в любую минуту выйти и сдаться, только бы он не тронул Лекаря.

– Не ломай мою мебель, ты не у себя в развалинах.

– Не зли меня… – прорычал вожак, скрипя зубами, стоя прямо позади Лекаря, мирно меняющего компресс Блюму.

Врачеватель закончил процедуру, встал и повернулся к Стражу:

– Ты знаешь лучше других моё правило не оставлять здоровых у себя. Её здесь нет! В очередной раз твои ищейки облажались! Здесь только избытый тобой до полусмерти мальчик, чью голову я сейчас бинтую! – Лекарь сказал это намного громче, с неприкрытым раздражением в голосе и прямо в глаза Стражу.

– А ты не боишься, что одной разбитой головой сейчас станет больше?..

– Только не о мебель, пожалуйста.

Девочка слушала их разговор с открытым ртом. Лекарь был просто бесстрашен! Его прекрасный голос играл интонациями, сменяя раздражение на ярость, ярость на спокойствие, а спокойствие на шуточность.

– Если это всё, что ты хотел узнать, то можешь идти, девчонки здесь нет. Я выставил её за порог, как только она дотащила сюда парня.

Они стояли напротив и прожигали друг друга взглядом. Сгорбленный Лекарь выпрямился, и они оказались почти одного роста. Один – массивный, ды-

шащий здоровьем, другой – тощий калека, просто чудом дышащий. Для девочки было загадкой как он может так смело отвечать самому опасному человеку в городе. Она сидела там, в той тёмной дыре, и восхищалась им. Болен сам, но помогает другим справляться с недугами. Слаб физически, но всё равно заступается за других.

– Не забывай, кто я, а кто ты, Лекарь.

– Я всегда помню, кто я. Каждый новый день я просыпаюсь, чувствую боль в ногах и вспоминаю, что я – Лекарь. И помню это каждую секунду на протяжении всего дня. Но что насчёт тебя? Каким ты был тогда и кем стал сейчас – два разных человека. Я уважал того Стража, тебя же знать не хочу. Выметайся из моего дома!

Искаженное гневом лицо Стража было почти красного цвета, лицо девочки, сидящей в тайной комнате, было практически белым, ведь она ждала, что сейчас в него полетят удары. Зубы Стража сжимались, скулы выпирали всё сильнее. Высокие веки Лекаря выглядели оскорбительно для вожака. Ему казалось, что его глаза полузакрыты, как бы скучают. Вот-вот и он заснёт во время их разговора. Рука Стража сжалась в кулак, кожа заскрипела.

– Просто хочу, чтобы ты знал… я благодарен тебе за то, что ты помог мне тогда, но сейчас я близок к тому, чтобы убить тебя.

– Я могу предложить успокоительные травы.

– Замолчи.

– Ладно.

Лекарь снова сгорбился, безразлично отвернулся от Стража и закопошился на диване с Блюмом, укрывая его подранным старым покрывалом, которое достал из-под дивана. Затем взял старый компресс и поковылял его стирать. Страж всё так же стоял на месте, сгорая от гнева.

– Как нога, кстати? – невзначай спросил Лекарь.

Страж ничего не ответил. Он постоял молча ещё какое-то время, затем сказал:

– Как тебе повезло, что я человек слова.

– А тебе повезло, что я человек дела.

Вожак бросил на него яростный взгляд и двинулся в сторону ширмы, висящей за пустыми койками. Девочка по звуку поняла, что Страж сорвал ткань. За ней оказалось несколько ровных рядов кроватей, на которых Лекарь размещал больных. Но тканью Страж не ограничился. Он толкнул ногой одну из пустующих коек, и та со скрипом сдвинулась с места. Затем вожак прошелся между всех пустых кроватей, сорвав с некоторых покрывала, а напоследок он перевернул тумбочку, стоящую у входа. Она упала со звуком бьющегося стекла и из-под неё начала просачиваться жидкость бурого цвета.

– Тц! – только и вырвалось у Лекаря. – Вот придурок…

– Классно… ты его… – прохрипел пациент со своей кушетки.

– О, ты проснулся! – по голосу Лекаря было слышно, что он действительно рад, что его пациент пришел в себя.

– Ты спас мне жизнь… Мою благодарность не выразить словами... Спасибо тебе…

– На здоровье, – Лекарь устало улыбнулся своему пациенту и сразу пошел к двери, чтобы закрыть стальную задвижку. – Можешь вылезать.

– Блюм! – девочка выглянула из-за ширмы и неуклюже начала выбираться из дыры в стене. – Блюм, прости меня! Мне очень жаль! Я знаю, что слов тут не хватит, но мне, правда…

– Не вини себя в случившемся. Я пришел к вам именно из-за него... Хотел увидеть силу, но увидел только страх и боль... Извини, что не сказал сразу, – Фантаст тепло улыбнулся девочке, и она улыбнулась в ответ.

А Лекарь тем временем взял половую тряпку и пошел ликвидировать последствия гнева Стража, но как только он доковылял до тумбочки и стал неуклюже наклоняться, чтобы поднять её, тут же подбежала девочка и поставила её на место.

– Я помогу.

– Ладно, – сказал Лекарь, протягивая тряпку. – Вот держи.

Она не совсем это имела в виду – что полностью уберёт всё сама. Не то, чтобы она была против, скорее находилась в смятении, ведь не знала, куда всё это убирать. Куда отжимать тряпку, а куда выбрасывать битые стекла.

– Как самочувствие?

– Мне станет легче, как только взойдёт солнце, – голос Фантаста был полон оптимизма.

– Это скоро.

– Спасибо тебе. Я даю слово, я отплачу тебе.

– Перестань. Я занимаюсь этим не для того, чтобы мне платили.

Блюм улыбнулся Лекарю и тот почувствовал настоящее счастье. Улыбка, спасённого пациента, и была платой за его работу. Этот парень ещё так юн, ему ещё столько всего предстоит сделать в этом мире, и ты ему в этом помог. Это чудесно. Так считал Лекарь.

Вдруг он услышал шелестящий звук, – Блюм достал из кармана джинсов конфетку в красной обёртке и протянул её Лекарю.

– Будем знакомы. Многие зовут меня Фантаст, но моё имя Блюм. Так же можешь звать меня То́фос, Ри́ши или Эйл.

Лекарь осторожно взял конфету из рук Блюма.

– Зачем тебе столько имён?

– Наверно, старая привычка… – улыбнулся Фантаст.

– Странный ты, – Лекарь улыбнулся своему пациенту в ответ.

– Где-то я это уже слышал…

– Я буду звать тебя Блюм. Все зовут меня Лекарь, но моё имя Альфред или просто Ал.

– Очень приятно, Ал.

Лекарь никогда до этого не ел таких сладостей. Первая в жизни конфета, подаренная очень странным пациентом, который привёл с собой не менее странную гостью.

Блюм лежал на кровати с полуприкрытыми глазами и почему-то улыбался. Лекарь осторожно посмотрел в глаза Фантасту – такой цвет он видел впервые. Среди жителей мегаполиса немало отклонений от нормы, такое уж время, но цвет этих глаз был, что ни есть фантастическим. Цвет золотых, сияющих в ночи звёзд, цвет предзакатного солнца – магический и завораживающий. Лекарь не мог отвести свой взгляд от них. Ему казалось, что он вот-вот что-то поймёт, что-то очень важное…

– Не смотри в них долго, – сказал Блюм, глядя вперёд себя.

– Прости, – пришел в себя Лекарь. – Очень необычный цвет. Это линзы?

– Нет, – улыбнулся Фантаст. – Но глаза у меня, правда, необычные. Они могут видеть души.

– И какая она, моя душа?

Блюм повернулся лицом к Альфреду:

– Прекраснее души я в этом мире не встречал.

Воцарилось молчание. Лекарь, который в своей жизни никогда не применял к себе слово «прекрасный», был растерян и в то же время смущён. Скажи это кто-нибудь другой, он бы подумал, что это очередная насмешка, но глядя в эти золотые глаза, он чувствовал искренность.

– Спасибо, Блюм, но от прекрасной души мало толку. Люди судят за другое...

– Я тоже её вижу! – выпалила девочка.

Она стояла в углу комнаты с пылающими щеками, растрёпанными волосами и с мокрой половой тряпкой в руках. Эти слова буквально вырвались у

неё. Конечно, она не видела его душу, но она видела, какой прекрасный человек перед ней. Столкнувшись с ним лично, она поняла, что все рассказы о его нелюдимости и мрачности – чушь. Это самый добрый и самый светлый человек из всех, кого она только встречала.

– Прекращайте говорить такое…

Альфред опустил голову и поковылял вглубь комнаты, поправлять покрывала на кроватях, которые сорвал Страж. Там в тени помещения, он хотел скрыть странное, не известное ему чувство теплоты, которое окутало его.

– У тебя замечательный дом, – сонно сказал Блюм. – Так приятно пахнет травами... Я посплю ещё немного... и вам советую отдохнуть. У нас впереди долгий путь…

Альфред, которому с трудом удалось усмирить бурю эмоций внутри, закончил поправлять покрывала и снова вышел на свет.

– У нас? – удивился он. – Ты никуда не пойдёшь после таких побоев.

Девочка тоже удивилась его словам. Неужели он до сих пор хочет ей помочь? Даже после того, как ему досталось из-за неё.

– Никакие травмы не страшны в дороге, когда с тобой рука об руку идёт такой талантливый врачеватель… – голос Блюма затих, он прикрыл глаза и уснул.

– О чём ты, Блюм? Эй…

Но Блюм уже не слушал. Он тихонечко сопел, пока Альфред и девочка молча стояли, переваривая его слова.

– Он всегда такой странный, Тряпи? – спросил Альфред.

– Я сама знаю его со вчера, – девочка поправила покрывало спящего Фантаста. – И… меня так не зовут… – она опустила глаза. Превозмогая стыд, она решила доверить этому человеку свой самый позорный секрет: – У меня нет имени…

– Глава 3 –

Спасайся бегством

Не смотря на события вчерашнего дня и вечера, ночь была на удивление тихой. Свечи медленно горели, Блюм мирно спал, а девочка и Альфред сидели на полу, распивая травяной чай, заваренный по его специальному рецепту.

Это был лучший чай в её жизни, а эта комната, не смотря на все сквозняки и щели, была очень уютной. Ей было интересно, почему здесь так приятно находиться? Постоянное место проживания – это как минимум странно. Зачем ограничивать себя стенами, если в твоём распоряжении столько домов и подворотен? Но попав в это место, девочка задумалась, что может, все неправы, говоря, что не должно быть ничего своего, что вещи сковывают и обременяют. Ничем не обладать, ничем не дорожить – так проще выжить в этом мире, и когда наступит твой час, тебе не будет жаль расставаться с жизнью, ведь в ней ничего не было. Ты приходишь в мир ни с чем, и уходишь из него таким же.

Каждый сам по себе, но, в то же время, все держались кучей. Все эти уличные истины, были полны несуразиц и во многом противоречили сами себе, но люди были слишком ленивы, чтобы думать об этом и принимали как должное все эти правила. Те же, кто вдумывались – становились отшельниками, над которыми все издевались, или превращались в таких как

Страж, что ещё хуже… Но Лекарь не похож ни на тех, ни на других. Обустроил себе дом, помогает людям, не прося ничего взамен, живёт согласно своим убеждениям, ни на кого не обращая внимания. Девочка прекрасно знала, что сначала и его прозвали отшельником. Он подвергался нападкам, как и любой, кто мыслит иначе, но его сила воли и вера в людей взяла верх над глупостью и жестокостью.

Девочке не хотелось нарушать тишину, но ей было так интересно, что же за человек перед ней. Лекарь был окутан тайной своего решения бескорыстно помогать людям и магией знаний, которыми обладал. Природа не наградила его красотой и здоровьем, но дала нечто большее, что девочка не могла увидеть, но ясно ощущала.

Хотелось как можно больше времени провести с ним и Блюмом, но она решила уйти перед самым рассветом, когда будет темнее всего. До этого момента оставалось каких-то пару часов, а затем она покинет этот дом и больше никогда не вернётся.

Хотелось впитать в себя все запахи этого помещения, насладиться каждой секундой, отпечатать в памяти каждую деталь. Это место волшебно, а эти люди удивительны. То, что она их встретила – само по себе чудо.

– Странно, – голос Лекаря был сонным и мягким. – У меня плохо циркулирует кровь, и я всегда мёрзну, особенно пальцы рук, но сейчас мне очень тепло. Я даже не вспомню, когда у меня в последний раз руки не были ледяными.

Девочка взглянула на спящего Блюма. Этот солнечный человек и правда, мог бы истончать еле заметное тепло. По крайней мере, их первое знакомство оставило такое впечатление.

Со свечи сбегал горячий воск. Лекарь сделал ещё пару глотков чая и поставил чашку.

– Не уходи.

– Что? – девочка очень удивилась этим словам.

– Не уходи на поиски брата, ты пропадёшь. Он свою жизнь не ценит, так хотя бы ты не рискуй своей зря.

В его голосе не было жалости или сочувствия, он просто здраво рассуждал.

– Мы всегда держались вместе, и все трудности тоже преодолевали вместе. Для меня нет особой разницы между его жизнью и моей. Если он погибнет, я даже не знаю, что будет со мной… Я должна была увидеть, понять, что он собирается делать, ведь он мой родной брат! У меня кроме него никого нет…

– Ты так привязана к нему?

– Угу… – еле слышно ответила она.

Лекарю было трудно понять, что должно быть в голове у человека, чтобы так к кому-то привязаться. Да, он её родной брат, но у него тоже полно родных братьев и сестёр, вот только он их не знает. Возможно, ему даже довелось лечить кого-то из них, но он постоянно один и такая связь между людьми для него в новинку. Этот феномен он изучал в книгах, читал и о целой науке, изучающей человеческие взаимоотношения, но все люди в его жизни – это пациенты, а они приходят и уходят. Близких у него нет.

С самого детства он понимал, что рождён не таким, как все. Ему часто говорили: «Молись богам и духам, чтобы выжить», но Альфред не молился и всё равно выжил. И тогда-то он и задумался, возможно, есть причина его существования. Должно быть, мир чего-то от него хочет и его силах что-то сделать или попытаться изменить. Обучившись читать, он начал интересоваться забытой всеми наукой медициной и решил помогать всем без разбору. Хороший человек, плохой человек, будь он отшельником, или стражем, да хоть самим чёртом – для него это не важно. Если он может что-то сделать, чтобы помочь справиться с недугом – его долг это сделать.

Но в этот раз всё было по-другому. Именно духовная связь заинтересовала его. Блюм пошел на верную гибель, лишь бы помочь ей, а она готова ослушаться Стража, чтобы спасти брата. Что руководит этими двумя?

– Слушай… – голос девочки звучал нерешительно. – Можешь не отвечать, но… почему Страж ничего тебе не сделал?..

Лекарь, не задумываясь, ответил:

– В своё время я ему очень помог. Как раз незадолго после его возвращения с Парка он свалился откуда-то. Сломал ногу в колене, да так что кость торчала. Он бы умер без моей помощи. Провалялся у меня чёрт знает сколько, я тогда жил не здесь, а в районе отшельников. Потом, когда поправился, вдруг стал зваться Стражем и наводить порядки, а мне как плату дал одно желание. Символично, согласись.

– Да уж… – подтвердила девочка мрачным тоном.

– И я попал в точку, когда попросил, чтобы ни он и ни одна его шавка меня не смели и пальцем тронуть. Но на мою тумбочку с настойками это видимо не распространяется… К тому же такие травмы бесследно не проходят, я всё ещё ему нужен.

– А тебе правда не страшно, что в какой-то момент Страж нарушит своё слово?

Лекарь шумно выдохнул.

– Нет. Чего мне бояться? За свою жизнь? Ну, умру и что? Мне нечего терять.

– Не говори так… – практически шепотом сказала девочка. – Блюм сказал мне, что жизнь не случайна, и, встретив сегодня тебя, я начала верить, что он прав.

– Я тоже думаю, что мы приходим в мир не без причины, но суть от этого не поменялась – меня в этом мире ничего не держит, да и сам мир особо не потеряет от моего исчезновения.

Ей стало очень грустно после его слов.

– Ну а ты?

– Что я?

– Ты-то почему Стражу нагрубила сегодня днём? Решила, что девочку не тронет?

Она пододвинула ноги ближе к себе и обняла свои колени. Немного помолчав, она начала:

– Меня вдохновил Блюм. Он знает меня второй день, а моего брата видел один раз в жизни, и всё равно он пошел со мной, чтобы помочь. Ещё и принял на себя столько ударов… – она помедлила, – а я в

свою очередь решила, что могу помочь всем в этом городе, если заставлю его стаю сомневаться в нём. Не знаю, что на меня нашло. Я, конечно, бываю грубой, но чтоб вот так, да самому Стражу…

Лекарь долго смотрел на неё своим рентгеновским взглядом и что он высматривал, было известно только ему. Девочка же изо всех сил старалась не покраснеть от такого пристального внимания. Она опустила голову ниже, и волосы скрыли почти всё лицо, оставив снаружи только грязный нос.

– Ты смелая, – Лекарь сонно потёр глаза. – Есть что-то притягательное в тебе и в твоём друге.

Девочка ничего не ответила. Она подумала, что Лекарь говорит больше о Блюме, чем о ней, ведь в ней нет ничего особенного или хотя бы интересного. Она не славилась фантазией, как Фантаст, и не была живой легендой, как Лекарь. Просто себе девочка, потерявшая брата.

– А, правда?.. – её голос был еле слышен. Очень хотелось узнать ответ, но и спросить было стыдно. – Ну... то, что ты никого из здоровых здесь не оставляешься, это правда? То, что ты сказал Стражу?..

Девочка сразу же пожалела о своём вопросе. Это же сам Лекарь. Сейчас ещё подумает, что она мнит из себя невесть что.

– Ну, не проходной двор конечно, но было пару раз, прятал людей. А что?

– Да нет, ничего. Я просто спросила, любопытно стало, – протараторив эти слова, она попыталась ему улыбнуться, а затем снова спряталась за волосами, чтобы не было видно, как она смутилась.

Теперь она точно знала, что в ней нет ничего такого, а Лекарь просто хороший человек, который помогает всем без разбору, вот и всё. Помыслив немного в этом направлении, она снова пришла к выводу, что её жизнь сама по себе не представляет ценности, и всё, что в ней ценно – сейчас на пути к Парку.

Время шло, свечи медленно горели, их свет завораживал и вводил в сонный транс. Нужно было говорить, чтобы не уснуть.

– Я представляла себе Стража другим, – сказала девочка.

– М? Каким же?

– Более рассудительным наверно. Он так легко вышел из себя. Это не похоже на человека, который управляет такой большой стаей.

– Да, тут ты права. Раньше он таким и был. Он был строгим, но внушал уважение и действительно пытался сделать мегаполис лучше. Но потом он сильно изменился. Ну, знаешь, после той осени… которую прозвали кровавой.

Девочке сделалось не по себе. Она вдруг ясно осознала, что могла умереть сегодня, ведь руки Стража в крови. Он отнимал жизни, и отнять ещё пару – не составило бы труда.

– Так что вам ещё повезло отделаться ушибами. Хорошо, что я встретил Занозу.

– Кого?

– Изгой по имени Заноза. Я встретил его, когда обходил город. Он и сказал мне, что двое детей пошли на смерть к Стражу.

– У тебя есть знакомые среди изгоев?.. – не то, чтобы девочка сильно удивилась, но в то же время с изгоями было не принято общаться.

– Я не одобряю их жизненный уклад, но, как я уже говорил, я помогаю всем без исключений. Не все выносят такую жизнь. Иногда проглотить пару просроченных таблеток кажется им хорошим решением. Я не могу их винить или осуждать – каждый справляется с такой жизнью по-своему. Среди них есть много хороших ребят как, например, Заноза. Если бы не он, мне бы и в голову не пришло пойти на ту прокля́тую площадь.

Девочка не стала ничего отвечать и потупила взгляд. Вдруг сзади послышался шорох. Блюм попытался перевернуться, но видимо боль в грудной клетке остановила его, и он сонно начал бормотать:

– Да… я буду осторошнее… не нащинай… – пробормотал Блюм.

– Это нормально. Это обезболивающее.

Лекарь и девочка заулыбались. Блюм затих, и в комнате снова воцарилось молчание.

– А ты сам веришь в Парк? В желание?.. – спросила она.

– Верю, – без колебаний ответил Альфред. – Возможно не до такой степени, как все, но мы живём в странном мире, и многим вещам я не могу найти объяснения. Вполне вероятно, что там есть что-то необычное, хотя я думаю, что легенды сильно приукрашены. Мой первый учитель часто рассказывал мне легенды о Парке после занятий. Я слушал их с боль-

шим удовольствием и признаюсь, мысленно даже отправлялся туда, но видимо не судьба, – Лекарь постукал себя по левой ноге и улыбнулся.

Девочка не знала, что ответить на эти слова. Она покосилась на ноги Лекаря – в штанах они выглядели обычно. На первый взгляд и не скажешь, что он чем-то болен. Единственное, что сейчас выдавало его недуг – странная обувь. Подошва на левом ботинке была намного толще другой. Ей было горько, ведь она ничем не могла ему помочь, но всё же было кое-что, что она могла, пускай и не такое масштабное, как исцеление Лекаря.

Девочка принялась активно рыться в своём рюкзаке и вскоре она протянула удивлённому врачевателю две жестяные банки без этикеток. Он сразу понял, что это.

– Вы и в бункер наведаться успели. Вы вообще отчаянные, я смотрю.

– Да, мы сегодня дров наломали на жизнь вперёд, – она легонько улыбнулась.

– Забирай обратно. Тебе нужнее в дороге.

– Мне одной этого много. Я оставила себе одну, – она осторожно поставила их на пол.

Лекарь взял самую большую банку и запихнул обратно ей в рюкзак.

– Давай я оставлю себе одну, – тепло произнёс он.

Девочка почувствовала, что Лекарь улыбнулся, но она так и не осмелилась посмотреть ему в глаза.

– Спасибо тебе, Альфред… за всё.

– На здоровье. А как вы вообще решились пойти в бункер? После того, как его прибрали к рукам стражи, там стало просто невозможно, – ничего лучше сонный Альфред не придумал для поддержания разговора.

– Ну, идти в такой дальний путь без еды было бы глупо…

– Это да, это да… – Альфред руками помог себе пододвинуть ноги ближе к себе.

– Странное местечко этот бункер, – неловко подметила девочка после небольшой паузы.

Ей нравилось разговаривать с Лекарем. Его приятный голос и необычные знания восхищали её. Ей не хотелось молчать рядом с ним, но в тоже время она боялась сказать что-то глупое.

– Эмм… – Лекарь немного отодвинул чёлку, закрывающую глаза. В этот момент девочка позволила себе мельком посмотреть на него, но тут же отвела взгляд. – Бункер изначально задумывался, как просто стальная конструкция, которая будет надёжно держать мегаполис над Нижним городом, – Лекарь начал иллюстрировать рассказ своими палкоподобными руками, – но если верить старому учебнику по истории, который я как-то нашел, правда, там половины страниц нет, а другая половина частично размыта водой, но не суть. В последний момент в конструкцию внесли изменения и сделали бункер на случай ядерной войны… Хотя странно, вроде бы в мире тогда велось массовое разоружение. Отсюда и предание, что всё оружие уничтожили.

Девочка внимательно слушала Лекаря. Она давно догадывалась, что бункер строили не только, чтобы напихать его матрасами и консервами.

– И что? Она была?

– Кто? – не сразу понял вопрос Ал.

– Война.

– Ну… – Альфред скрестил руки на груди, – я думаю, да. Раз мы живём так…

– Я не знаю другой жизни, но мне кажется, раньше жили лучше.

– Да, я тоже так думаю.

– Я даже слышала, что у каждого был свой дом, и жили семьями.

– Да, жили… – ответы Альфреда становились всё тише.

– Это было в той книге по истории?

– Не то чтобы… Почему-то во всех учебниках по истории, которые мне попадались, писали только о войнах и конфликтах.

– При нашей первой встрече Блюм сказал, что такое уже случалось. Неужели вся наша история – это сплошные войны и разрушения? Неужели не было ничего хорошего?

– Конечно, было. Было и есть, – Лекарь попытался ободрить девочку. – Я полагаю, всё зависит от нас.

– Ты изменишь этот мир, Альфред. Я уверена в этом.

Дальше наступило молчание. Лекарь понимал, какие слова сейчас скажет девочка. Он дал ей столько

времени, сколько ей требовалось, чтобы произнести их.

– Пожалуй, мне пора…

Вихрь мыслей пронесся у неё в голове. Это место было таким тёплым, а люди замечательными – ей так не хотелось уходить. Душа всеми силами билась и кричала изнутри, отговаривая девочку от этого решения, но сразу же успокаивалась, как только перед глазами ставал образ её родного брата. Она встала с пола, надела на плечи рюкзак и напоследок оглядела комнату. Вот теперь точно всё. Теперь она, как земля после многолетней засухи, впитала в себя всё в этом помещении. Девочка знала, что всё в жизни нужно делать резко и без сомнений, иначе можно так ни на что и не решиться. Она упорно шла к выходу, хотя каждый новый шаг к двери давался ей всё труднее. Решив напоследок попрощаться с Лекарем, она резко развернулась и не ожидала, что очутится прямо в паре сантиметров от него. Девочка сразу же отступила назад, неловко опустив глаза вниз.

– Спасибо тебе большое, Лекарь. То есть, Альфред…

Она должна. Она больше никогда не увидит этого человека. Ведь даже если им удастся выжить в Парке, в мегаполис вернуться вряд ли получится – Страж ни за что не простит их. Поэтому она должна перебороть себя. И она смогла.

Девочка подняла голову и посмотрела в глаза Альфреду. Она уже смотрела на его лицо украдкой, но вот так прямо ни разу. И вот она стоит зачарованная ими, и не может оторваться от них. Глаза, которые

неоднократно прожигали её сегодня, теперь прожигались ею. Она смотрела-смотрела и наконец-то увидела то, о чём говорил Блюм – путь к душе человека. Ей казалось, что в этих серых бездонных глазах, она правда видит его великую душу. Девочка поняла, что если она скоро умрёт, даже в следующей жизни ей будут видеться эти глаза, смотрящие на неё сверху вниз. Во снах и лицах она будет искать именно этот взгляд, который приведёт её к этой бессмертной душе.

Лекарь не понимал, что происходит. Почему она так пристально смотрит на него и о чём сейчас думает. Ему в глаза смотрели очень редко, и он не знал, как себя вести. Он не выдержал её напора и первым отвёл взгляд.

Девочка тут же начала поспешно снимать с руки браслет, сплетённый причудливыми узелками из красной бечёвки, и протянула его Лекарю.

– Тебе не обязательно его носить, просто оставь у себя. Выживу или нет – я не вернусь. И я знаю, что много прошу, но если в твоём доме будет что-то от меня, возможно, мне удастся переродиться травой, которую ты однажды сорвёшь, чтобы спасти чью-то жизнь…

Он стоял растерянный и не знал, что ответить. Так и не подобрав слова, он протянул руку, чтобы взять браслет.

– Спасибо за всё…

И открыв щеколду, она покинула его дом, оставив на пороге с браслетом в руках.

Лекарь положил браслет на тумбочку и стал прокручивать в голове её слова. Что же не так? Пациент

– такой же, как и все, и она, пришедшая с пациентом, такая же, как и все. Но что же тогда так скребёт внутри? Подобное чувство возникает, когда не можешь решить, как именно лечить человека. Думаешь, как лучше поступить, боишься ошибиться и подобрать не то лечение. Но сейчас какой выбор стоит перед ним? Нет никакого выбора. Он помог Блюму, а она ушла на поиски брата. Своё дело он сделал. Тогда в чём же причина?.. Странное неуютное чувство внутри. Будто что-то не так.

– Чего ты от меня хочешь?.. – спросил он свою душу.

Лекарь оперся спиной о стену, закинул голову и погрузился в размышления, при чём, сам не понимал в какие. В голове был образ девочки, просто девочки без имени и чёткой судьбы, без великих заслуг и талантов. Просто себе очередной человек, которого он был вынужден встретить на своём пути.

– Ты знаешь про выбор души? – послышался голос Блюма из угла комнаты. Лекарь повернул голову на звук, но ничего не ответил. – Душа, перед тем как переродиться, решает какой опыт хочет получить в новой жизни, но когда она снова приходит в мир, совершенно не помнит, чего так страстно желала. В отличие от разума. Он-то всегда хочет, чтобы ты был в безопасности. Может разумнее остаться дома и жить, как и жил, но вот только этого ли хочет твоя душа? Что говорит твой внутренний голос, Альфред?

– Блюм, я ужасно устал, чего ты хочешь? – Альфред, слушал Фантаста через слово, ему не хотелось вдумываться.

– Я хочу, чтобы тот, кто годами спасал других, наконец-то спас себя.

– Меня не нужно спасать.

После этих слов Альфред поковылял к рабочему столу и принялся там убирать. Не самое подходящее занятие перед рассветом, но ему нужно было что-то делать, чтобы не думать.

– Иди за ней. У вас с ней один путь. Сам ведь признался, что хотел отправиться в Парк.

– Так ты всё слышал? – как можно безразличнее сказал Альфред, не прекращая убирать.

Блюм ничего не ответил. Он только молча наблюдал за Лекарем, который суетливо наводил порядок на рабочем столе. Что-то он засовывал в ящики стола, что-то относил на полки. Какие вещи с полок наоборот прятал в тумбочки. Так же он не забыл попереставлять вещи местами на стеллажах. Затем снова открыл дверцу тумбочки и хотел взять что-то оттуда, но замер. Тогда он не выдержал:

– Ну что ж, Блюм, давай серьёзно посмотрим на ситуацию. Я калека, помимо больных ног, у меня искривлён позвоночник, бывают приступы мышечной боли, судороги, хватает сердце, не редко кружится голова, зрение не ахти, а ещё у меня в принципе мышцы ни к чёрту! Мало ли чего я хочу, важнее то, что я могу. Я могу помочь горожанам. И продолжу это делать!

Всё-таки Лекарь схватил пару бутылочек с настоями с той тумбочки и понёс их зачем-то на полку, хотя только что принёс их оттуда. После, он принялся переставлять вёдра и швабры, которые стояли в углу – Альфреду показалось, что они стояли не

на своих местах. Дальше с ещё большим энтузиазмом он принялся завешивать ширму, которую оборвал Страж.

Блюм продолжал наблюдать за этим всем с заботливой улыбкой. Такой рассудительный и спокойный Лекарь, насупивши брови, носился по своему дому и переставлял зачем-то по несколько раз одни и те же вещи.

В какой-то момент он остановился и посмотрел на то, что держал в своих руках.

– И зачем я схватил чайник и казан?

– Наверное, хотел положить их в походный рюкзак.

Лекарь перевёл взгляд на Блюма, лицо которого выражало полное спокойствие и безмятежность.

– Только казанок оставь, – начал Блюм, – у меня есть. Ты лучше бери побольше настоев и бинтов. Дорога будет не из лёгких.

Альфред так и стоял с чайником и казанком посреди комнаты.

– О, призрак Бредди Бура! Да чёрт с тобой!

Лекарь выдвинул из-под своей кровати ящик с вещами и достал оттуда походный рюкзак, который принялся незамедлительно собирать.

Он ковылял от полки к полке, от тумбочки к тумбочке, набивая свой рюкзак разными баночками, коробочками, свёртками и инструментами, в общем, всякими полезностями, которые могли бы спасти жизнь человеку в пути.

Его рюкзак не выбивался из общей картины его стиля одежды, он тоже был серый и неприметный. По

габаритам чуть меньше, чем у Блюма, но внутри была куча отсеков, а снаружи много карманов, так что Лекарю было, где разгуляться. Пока Альфред бегал из угла в угол, Блюм потихоньку привстал и сел на краю кровати. Он закрыл глаза и собирался с мыслями.

Грудная клетка болела, голова кружилась, в глазах всё двоилось, но он знал, что это скоро пройдёт. Не в первый раз ему доставалось. Хотя в этот раз состояние было очень странным – его не сильно беспокоила боль, скорее слабость в теле.

– Ты можешь оставаться здесь, сколько понадобится. Когда кто-то придёт, скажешь, что я покинул город и скоро они перестанут сюда ходить. Если хочешь, можешь остаться здесь до моего возвращения, – Альфред замолчал. – Ну, я конечно оптимист… «если я вернусь» нужно было сказать.

– Ты обязательно вернёшься. Я лично прослежу за этим, – Блюм улыбнулся довольно вымученной улыбкой.

– Эй, а ты куда встал? – опешил Альфред.

– Я иду с вами.

Альфред приостановил сборы.

– Ты не выдержишь такую длинную дорогу в этом состоянии. Боль будет преследовать тебя ещё очень долго, вплоть до потери созна…

– Альфред, мы же теперь товарищи, верь в меня.

Магические золотые глаза Блюма были как будто две звезды, раскалённые жаждой этого человека жить, а сам он был полон решимости.

– Альфред, у меня к тебе огромная просьба, ты не мог бы дать мне какую-нибудь футболку? Моя порвана.

Лекарь ещё испытывал некие сомнения на этот счёт, но тело само понесло его к коробке с вещами, и он дал Блюму одну их своих старых футболок. Чёрную и помятую, но зато немного меньше по размеру, чем те, которые он носил сейчас. Фантаст тут же принялся её одевать, но как только поднял руку, чтобы просунуть в рукав, тут же одёрнул её вниз.

Альфред помог ему одеться, но он был обеспокоен состоянием своего пациента.

– Не переживай ты так. Мне станет намного легче, как только утренний ветер коснётся моего лица. К тому же, мне не привыкать. Это не самый тяжелый случай.

– Почему тебя вообще трогают? Ты не дурак, не искалечен, не уродлив на лицо. Или людям вообще не нужен повод для издевательств?

– Меня не просто так прозвали Фантастом. Я рассказываю правду об этом мире, и некоторых она пугает.

Альфред возобновил свои сборы.

– Не думал перестать рассказывать? Ну, чтобы не били?

– Даже не подумаю! – голос Блюма стал крепче. – Я же не выдумал всё это.

– Расскажешь мне парочку?

– Ну, раз уж нас ждёт смертельно опасное путешествие, я просто обязан выговориться!

Они улыбнулись друг другу. Лекарь закинул на плечи свой рюкзак и протянул руку Блюму, чтобы помочь встать с кровати. Блюм без колебаний принял помощь и через минуту они уже были в шаге от самого безумного решения в их жизни.

Лекарь обернулся, чтобы осмотреться перед выходом. Он не был сильно сентиментальным человеком, но это место много для него значило. Он жил здесь уже достаточно долго и называл его своим домом. Ни у кого нет дома в этом городе, а у него есть, и только потому, что Альфред сам сделал его таковым. Очень многие вещи сделаны собственноручно или принесены благодарными пациентами, и теперь они останутся без своего хозяина. К тому же здесь столько плодов его труда: записи, наработки, насушенные травы, настои, выжимки.

Блюм чувствовал его тоску, но он знал, что привязанности к вещам очень быстро проходят, ведь они иллюзорны.

Фантаст, держась рукой за больной бок, подошел к столу, на котором горели свечи, и задул их. В ту же минуту перед глазами Лекаря всё померкло. Весь его дом погрузился во мрак, а вместе с тем и в его сердце забрались сомнения.

Что он делает? Неужели он правда собирается покинуть свой дом и отправиться в путешествие ради того самого заветного желания? Неужели возможно он исполнит его? А может и погибнет… Это всё было ужасно странно, но ещё более странным было то, что всем своим нутром он чувствовал, что должен пойти

на это. Он должен был сделать этот шаг навстречу неизвестному.

Хотя страх и сомнения одолевали его, но в качестве противовеса здесь был Блюм.

– Не грусти, ты скоро сюда вернёшься.

– Как ты можешь быть в этом уверен?

– Просто верь мне.

– Но как же горожане?.. – Альфред чувствовал вину за то, что собирается покинуть этих людей.

– Я же сказал, ты уходишь не навсегда. К тому же ты можешь помогать людям в пути. Сомнения крадут наши мечты.

Всё равно было страшно, но страх – неотъемлемая часть человеческой природы. Лекарь открыл дверь и в дом ворвался свет.

На удивление шаг за порог дома дался ему очень легко. Альфред удивился той гармонии и безмятежности, которая царила вокруг. Это утро было волшебным. Горожане ещё спали, спрятавшись в домах – на улице было ни души.

Альфред поднял глаза к небу. Прекрасный розово-золотистый рассветный купол раскинулся над головами юных искателей приключений. Для Альфреда это был не просто рассвет, это был рассвет его души. Да, можно жить в страхе или в печали, можно сидеть на месте и жалеть себя всю жизнь. Тебе решать – провести всё отведённое время, виня кого-то в том, что случилось или попытаться всё изменить. Можно один раз поднять глаза вверх и понять, насколько непостижимо огромен мир, и насколько иногда велики́ наши мечты.

Альфред подумал, что уже очень давно ему не было так легко дышать.

– Пошли, – с улыбкой произнёс Фантаст.

Альфред сделал пару шагов, как вдруг вспомнил кое-что.

– Постой, я забыл кое-что, – он на мгновение зашел обратно в дом и тут же вышел из него.

Блюм был рад видеть Альфреда таким. Все его страхи и тревоги превратились в надежду. Он совершенно не знает, куда приведёт его этот путь, но в этом и всё веселье. Одна из самых волнующих вещей в этом мира – неизвестность. До чего же прекрасно не знать, что таит за собой новый поворот. И даже если выбранный тобой путь не оправдает надежд, всё равно это будет иметь смысл, ведь ты прошел его, а значит твои ноги стали крепче, дух сильнее, а душа мудрее.

Альфред ковылял, опираясь, то на костыль, то на трость и выглядело это довольно мрачно. Обычно он стеснялся ходить с кем-то рядом и старался избегать прогулок в людных местах, потому как не любил, когда его рассматривали, но с Блюмом он чувствовал себя спокойно и совершенно не стеснялся. И дело было даже не в том, что он спас ему жизнь, и не в тех словах, которые они друг другу говорили, дело было в самом Блюме.

Он был лёгким и светлым – очень приятный человек. Он полон надежд, не испорчен завистью или высокомерием, бескорыстен в своих поступках и не по годам мудр. Лекарь почему-то чувствовал, что

Блюм способен его понять. Конечно не в полной мере, ведь многие вещи нужно пережить самому, чтобы осознать, но даже так, он ощущал неподдельную доброту и искренность этого мальчика.

– Куда же она могла пойти?.. – вслух размышлял Блюм.

Альфред вдруг вспомнил, что они вышли не на прогулку и что сначала ещё нужно отыскать девочку, ведь у неё была приличная фора, пока они собирались. Но он и Блюм могли идти спокойно, ведь за их головами не охотились Стражи, а вот девочка должна была соблюдать осторожность, чтобы не попасться. Это усложняло её поиски в разы.

Они бродили по городу, и за каждым новым поворотом никого не было. Лекарь не понимал, по какому принципу Блюм выбирает маршрут, но почему-то решил полностью довериться ему. Он в любом случае не знал, куда идти, а Фантаст выглядел довольно уверенно. Так или иначе, двигались они в направлении выхода из мегаполиса, а значит, они на верном пути.

Вдруг они услышали шорох и шум идущих ног.

– Наверное, это она. Нужно её позвать, – предложил Лекарь.

Но не успел он набрать воздух в лёгкие, чтобы окликнуть её, как Блюм резко прижал Альфреда к стене дома за мусорным баком и прикрыл ладонью рот.

Шаги прошли, и по звуку Лекарь понял, что идущих пар ног было две, а значит это точно не девочка. По шарканью и звону цепей ребята определили, что

это были стражи. Вот только шли они почему-то в противоположном направлении.

– Может Страж и жестокий человек, но не глупый. За твоим домом могли следить. Пошли за ними, – прошептал Блюм.

Теперь ребятам нужно было идти осторожно и тихо, а значит, способ передвижения Лекаря мог стать проблемой.

– Блюм, помоги мне, – шепотом обратился к нему Альфред.

Фантаст только сейчас обратил внимание, что костыль Лекаря был механическим. Альфред без проблем сложил его пополам при помощи несложного механизма. Блюм посмотрел на это, как на чудо.

– Наши предки были не дураки, – с улыбкой произнёс Альфред. Он протянул ему свой укороченный костыль вместе с тростью и повернулся спиной. – Там есть завязки, привяжи, пожалуйста.

К рюкзаку было прочно пришито несколько верёвочек, которыми можно было надёжно прикрепить костыль и трость, чтобы не нести в руках.

Теперь всё было готово для бесшумного передвижения. Блюм и Лекарь следовали за стражами, стараясь оставаться незамеченными.

– Куда идти-то сказали? – спросил один из них, попутно высморкавшись на землю.

– Вроде к району отшельников.

– К тем чокнутым? Там жуть, как воняет.

– Везде воняет. Её там видели. Приказы Стража не обсуждаются.

– Что за муха укусила Стража? Сдалась ему та мелочь.

– Ну, вот пойди к нему и спроси.

– Ага, щас… Ты видел, как он вчера в бункере отыгрался? Говорят, те трое ещё долго ходить не смогут…

– Тц! Трынди поменьше, да пошевеливайся!

Блюм и Альфред всё прекрасно слышали. Только Фантаст остановил Лекаря и потянул его совсем в другом направлении.

– Ты чего? – тихонечко спросил тот.

– Район отшельников? Разве это не в другую сторону от нужного нам выхода? Нам же в сторону заката.

– И то верно.

– Что в том районе находится? Что-то приметное или особенное.

– Да ничего. Кроме самих отшельников, конечно.

– Зачем ей уходить вглубь мегаполиса?.. – Блюм насупил брови.

Снова послышались шаги – ещё какие-то Стражи шли в том же направлении. Сомнений не было, девочка там, и, если её поймают – ей не поздоровится.

Блюм и Лекарь ушли немного в сторону от стражей и ускорили шаг, насколько могли. Блюм знал, он чувствовал, что она где-то там. Нужно было полностью довериться своей интуиции. Они шли, петляя между домов, и Лекарь никак не мог взять в голову, что руководит Блюмом при выборе направления. Он

просто следовал за самым загадочным пациентом в его жизни и старался не думать ни о чём плохом.

Вдруг они увидели сидящую за мусорным баком девочку, напуганную до чёртиков, с какой-то ржавой острой железкой в руках, которой она, по-видимому, была готова отстаивать своё право на жизнь до самого конца.

Блюм и Лекарь, осмотревшись вокруг и убедившись, что поблизости нет стражей, пошли прямо к ней.

Увидев, что кто-то приближается, девочка встрепенулась и была уже готова бежать, но вместо этого застыла от удивления и даже выронила своё подручное оружие.

– Блюм, Ал… – прошептала она и с её глаз ручьём полились слёзы. – Мне страшно, Блюм. Как только я вышла из дома, за мной сразу погнались стражи! Я еле унесла ноги, а потом они снова нашли меня, и я ушла в эту сторону, я не знаю, что мне делать!

– Для начала успокойся, – заботливо сказал Блюм и положил руку ей на макушку. – Мы не дадим тебя в обиду.

В отличие от Блюма, Альфред не был так уверен.

– Что делать то будем? – обеспокоено спросил он.

– Видишь эти решетки? – спросил Блюм, указывая на огромные железные вставки в земле. – В центральной части таких нет. Знаете, что это означает?

– Что это окраина мегаполиса, – неуверенно ответила девочка.

– А ещё? – задорно спросил Блюм.

– Что под нами нет бункера. К чему ты клонишь, Блюм? – недоумевал Лекарь.

По выражению лица Фантаста было понятно, что в его голове зреет какой-то план. Только судя по направлению мысли, план будет не из лёгких. И тут Альфред всё понял.

– Нет. Даже не думай об этом. Блюм, я в жизни не спущусь туда.

– У тебя есть идеи получше?

– О чём вы? – испуганно просила девочка.

– Блюм, природа малость не подумала, что я однажды захочу лезть по пожарной лестнице вниз на десятки метров…

Блюм серьёзным взглядом окинул Лекаря, – тому и вправду будет сложно спускаться. Альфред продолжил:

– Ноги то ходят, но периодически не слушаются, а там одно неверное движение – и я погиб… – нависла тишина, пока Блюм обдумывал свой план. – Наверно здесь моя погоня за мечтой и закончится… Это изначально было глупой идеей.

– Альфред… – Блюм пока не знал, что делать, но он был уверен, что судьбы их теперь навечно связаны, ведь просто так люди не встречаются. Они должны были найти друг друга, должны были поговорить и отправиться в погоню за мечтой. Здесь всё не закончится – обязан быть выход. Он ждал знак.

– Да и на что я рассчитывал. Туда идти невесть сколько! Я дольше пары часов обычно по городу не

хожу, а тут соседний мегаполис. Ладно, пожалуй, мне…

– Пошли.

– Блюм, я же говорю, я не спущусь.

– Есть идея. Пошли.

– Да о чём вы, чёрт возьми?! – прокричала шепотом девочка.

– Мы спустимся в Нижний город, – серьёзно ответил Блюм.

– Чего?! Как мы туда спустимся? Я там никогда не была, Алу будет тяжело, а тебя вообще вчера избили!

Лекарь только сейчас вспомнил, как буквально несколько часов назад менял компресс на его жуткой гематоме. Ещё совсем недавно Блюм еле дышал, а теперь по виду и не скажешь, что он был избит до полусмерти.

– Тебе не стоит беспокоиться об этом. Альфред мастер своего дела, я уже здоров.

Девочка была озадачена. Одно дело Блюм, он действительно молод и силён духом, но Лекарь, хоть и силён духом, как никто другой, но до опытного лазутчика ему далеко. Выдержит ли он этот путь?

– А где сам вход? – спросила девочка.

– Вон там, – Альфред указал пальцем на чернеющую дыру в земле неподалёку от решетки.

– Это и есть вход?.. – девочка знала, что в районе отшельников находится один из спусков в Нижний город, но она никогда бы не подумала, что он выглядит так. Просто зияющая дыра.

– Да, центральный вход поприветливее выглядит… – заметил Альфред. Хоть он никогда и не спускался туда, но частенько ходил возле центрального входа, который находился за старой лечебницей. Там хотя бы ограждение какое-то было, а здесь только мрак, просачивающийся сквозь эту дыру. Если по неосторожности туда свалиться – можно прощаться с жизнью.

Блюм обратился к девочке:

– У тебя в рюкзаке была верёвка. Когда ты доставала блок сигарет Стражу, я заметил верёвку. Она ещё есть?

– Да, – ответила она.

– Отлично. Давай её.

– Это и есть твой план? – опешил Лекарь.

– Да, – Блюм уже держал верёвку в руках и обматывал себя ею. Крепко-накрепко завязав её каким-то замысловатым узлом, он начал обвязывать Лекаря, затем девочку. – Ты полезешь первой, Альфред будет вторым, а я замкну цепочку, и если вдруг кто-то из вас сорвётся, я буду вас держать.

– А если сорвешься ты?.. – тревожно спросила девочка.

– У меня нет выбора, я удержусь любой ценой.

Они украдкой подбежали к входу.

– Ну что, ты готова? – посмотрел Блюм на девочку. – Осторожно ставь ногу на первую ступеньку.

Девочке было ужасно страшно, но стражи пугали её сильнее. Она развернулась спиной к входу и посмотрела на лица двоих парней, стоящих перед ней. Золотая пара глаз смотрела на неё решительно, как бы

подбадривая и давая понять, что всё будет хорошо. Вторые же глаза тоже были напуганы. Этот страх на лице Лекаря помог ей собраться. Этот человек спас Блюма, её и помог практически каждому в этом городе, и теперь он нуждается в помощи. Теперь он напуган и растерян. Не время бояться.

Девочка чудом нашла первую ступеньку и осторожно полезла вниз, намертво цепляясь руками в железные поручни, затем Блюм помог Альфреду и был уже готов спускаться сам, как вдруг:

– Вот они! – ребята содрогнулись. Они были замечены каким-то стражем. – Все сюда, скорее!

И хотя голос преследователя звучал отдалённо, но медлить было нельзя – каждая секунда сомнений могла стоить им жизни. Когда замыкающий цепочку Блюм полностью спрятался в глубинах туннеля, он напоследок поднял глаза к небу и прошептал:

– Помоги нам…

И всё исчезло. Всё, кроме страха перед беспросветной тьмой и неизвестностью. По ступенькам какое-то время нужно было спускаться в полном мраке, по ужасно узкому бетонному туннелю. Если отодвинуться на вытянутые руки назад, то спиной можно прикоснуться к влажной стене.

– Мне страшно… – послышался голос девочки.

Она дрожащими руками жадно впивалась в ржавые мокрые поручни, изо всех сил стараясь не сорваться.

– Это ненадолго! – крикнул Блюм.

Его голос съели плотные бетонные стены, замыкающие их в кольцо. Узкое пространство душило и

давило, заставляло сердце биться в несколько раз быстрее, а руки неистово дрожать. Глаза были открыты, как можно шире, в попытке поймать хоть какой-то свет, но это было безуспешно. Лекарь даже не догадывался, что его рассудительный хладнокровный ум способен поддаться такой убийственной панике. Как бы он не старался, ноги всё равно путались и время от времени соскальзывали, но благодаря намертво вцепившимся рукам он как-то держался и не давал себе сорваться с губительной высоты. Тем более от этого зависели жизни его товарищей. Блюм не сможет удержать двоих падающих человек.

Вдруг по спине девочки прошел холодок. Она глянула вниз и увидела еле заметный свет. Ей очень хотелось прокричать эту благую весть, но она воздержалась, ведь стражи были уже в пути, и это выдало бы их местонахождение.

И вот наконец-то этот проклятый туннель закончился. Никто из ребят никогда сюда не спускался, поэтому они не знали, что такое Нижний город и как он выглядит. Вместе с долгожданной свободой от бетонного могильника, им открылся вид настолько невообразимый и прекрасный, что в ту же секунду, как они увидели Нижний город, у них перехватило дух.

Панорама Нижнего была настолько фантастической, что слабо верилось в реальность увиденного. Целый город был спрятан под их мегаполисом всё это время, и всё что отделяло эти два параллельных мира – железная конструкция и массивные колоны, подпирающие её.

Громадные высотные дома лежали друг на друге как напоминание о том, что ничто не вечно. Руины прошлого, освещённые рассеянными лучами дневного света из решеток Верхнего города, простилались на многие сотни километров вдаль. Город был практически полностью разрушен, и лишь малая часть уцелела, но и на этих участках архитектура была необратимо повреждена.

Ребята спускались как раз над уцелевшей частью, но с той высоты, на которой они находились, было прекрасно видно, что целый мегаполис прошлого буквально скатился в яр. Лавинообразно руины сползали вниз, как будто в здоровенный овраг, которому не было видно конца, а дальняя часть Нижнего попросту была затоплена. Завалы ушли под воду, и было чудо, что вода не поглотила и эту часть города.

Эмоции от увиденного были настолько сильны, что казалось, будто грудную клетку зажало в тиски, но каждая секунда восхищения могла стоить им свободы. Стражи были на подходе, и лестница содрогалась под их массивными руками.

– Ай!

Нога Альфреда соскочила, но он удержал себя руками и не сорвался, но тут появилась другая проблема, о которой Альфред даже не подозревал, ведь он никогда не бывал на такой высоте.

–425ooot, чёрт, как высоко! Как же высоко! Я не могу! Нет! Дальше нет!

– Ал, не смотри вниз! Смотри на поручни! Ты сможешь! – прокричал Блюм.

– Не смогу! – Альфред вцепился руками в решетки с такой силой, что пальцы побелели.

– Ползи!

– Я не могу!!

– Просто ползи! Мы не сорвёмся, мы не умрём здесь, Ал! Я даю тебе слово!

Стиснув зубы, Лекарь снова возобновил схождение по этой парящей в невесомости железной лестнице, впиваясь в поручни дрожащими руками.

Альфред чувствовал, как он тормозит скорость девочки и Блюма. Будучи между ними, он не мог отвязаться, чтобы они продолжили движение без него. Пот стекал по лицу, руки судорожно сжимали ржавые поручни, разум был затуманен страхом. Никто из ребят не осмеливался поднять глаза наверх, чтобы понять, где находятся стражи – проще было ползти в неведении.

Каким-то чудом они спускались вниз, а стражи всё не могли догнать их, но расслабляться было рано.

Блюм посмотрел вниз, – первые крыши были уже совсем скоро. Лестница заканчивалась на одном из самых высоких зданий здесь. Чудом уцелевший дом был мостом между этими двумя схожими, но в тоже время, совершенно разными, мирами.

Вдруг, как гром средь ясного неба, послышался рёв какого-то стража:

– Попались!

Внушительная рука, потянулась к голове Фантаста, чтобы схватить его за кудрявые волосы, но в этот самый момент из-за резкого движения, страж потерял равновесие. Вторая рука, которой он должен был

крепко держаться за поручень, соскользнула, и неминуемая гибель настигла бы парня, если бы не Блюм. Он схватил стража за руку и с криком боли попытался остановить его падение, но удержать взрослого человека на весу не смог. Их руки разомкнулись, но этого мгновения хватило, чтобы незнакомец снова схватился за поручень.

Ошарашенные ребята и напуганный страж, замерли в оцепенении.

– Зачем ты… меня спас… я же…

– Чего стоим, ползём дальше! Там ещё идут сверху!

Громкий голос Блюма вернул всех в реальность и спуск продолжился. Вот только страж не стал снова гнаться за ними. Он не мог совладать с чувствами, нахлынувшими на него. Он чуть было не погиб. Если бы не тот мальчик, он бы точно не сумел снова схватиться за поручень. Но зачем он ему помог, ведь он их преследователь?..

– Чего встал?! Ползи дальше, ленивый пень!

Двое других стражей доползли до того бедолаги, но это было уже не важно – ребята достигли крыши.

Когда девочка ступила на ровную поверхность, ноги подкосились, и она упала. Альфред тоже не сумел совладать с собой и рухнул следом за девочкой.

– Вставайте быстрее!

С помощью Блюма Альфред кое-как продолжил идти. Мысли в его голове бегали и спотыкались друг о друга, не давая сконцентрироваться. Он был поглощён паникой и полностью доверил свою жизнь Блюму.

Фантаст повёл ребят к краю крыши.

– Разве нам не туда? – девочка указала на открытый люк.

– Нет, там ничего не видно. Можно запросто сорваться, а свеча нас выдаст.

А ведь и правда, несмотря на то, что в мегаполисе был день и светило солнце, здесь был полумрак и свет от немногочисленных решеток доходил не дальше первых крыш.

– Вот! Здесь пожарная лестница сбоку здания!

Поскольку ребята всё ещё были связаны одной верёвкой, все без возражений последовали за Блюмом. Ползти по этой лестнице было не менее трудно. Усложнял схождение ещё и тот факт, что света становилось всё меньше с каждым новым шагом, а поручни были ещё более ржавыми и скользкими.

– Чёрт, они по боковой лестнице полезли!

– Мы за ними, а вы на перехват через здание!

Эти слова издалека донеслись до ребят. Они уже благополучно спустились на землю и были бы готовы продолжить путь, если бы видели куда идти.

– Нам нужен свет, – сказала девочка, отвязываясь от ребят вслепую.

– Нет. Это выдаст наше местоположение.

– Но как же мы будем идти? Здесь нет света!

– Есть, просто его здесь мало. Потерпи, скоро глаза привыкнут. Я пойду первым, – сказал Блюм, запихивая верёвку к себе в рюкзак, и предусмотрительно спрятал свою набедренную цепь в карман, чтобы лишний раз не шуметь.

Стражи, которые отправились за ними в Нижний город спонтанно, тоже были лишены источника света, но их присутствие было легко обнаружить благодаря отборной ругани и чертыханью всякий раз, когда они врезались во что-то.

Блюм был прав, глаза действительно привыкли к темноте. Тьма укрыла их от опасности, хоть и сама по себе таила немало бед. На более широких улицах было немного светлее, на узких улочках между домами было практически ничего не видно. Поворот за поворотом, ребята бесшумно двигались по заброшенным улицам Нижнего города.

К огромному удивлению девочки, старый мегаполис был практически такой же, как и Верхний, только более мрачный и практически весь разрушен. Ничего такого, что рисовала её фантазия после рассказов старших, которые здесь были. Она в какой-то степени была даже разочарована, ведь местные легенды об этом месте были самыми интересными. И вот она стоит на этих самых улицах и ничего не происходит: на них не набросились духи, стены не стали с ними говорить, и крыс размером с человека нет. Крыс вообще нет – все они перебрались в Верхний город.

Лабиринты старого города серые, однотонные, трухлые и опасные. Много суеверий окутывает это место, но всех так и тянет сюда, будто магнитом, ведь опасность и желание испытать судьбу всегда искушают юные сердца.

Здесь время идёт другим чередом. Кажется, что его здесь и вовсе нет. Время застыло для этого места

в тот самый момент, когда люди ушли из него. Здесь ничего нет, здесь не осталось жизни – только руины прошлого. История, которую никто уже не помнит...

Ребята единогласно решили отдохнуть пару минут. Какое-то время они стояли каждый в своих мыслях, переводя дух и приходя в себя. Они живы и им удалось уйти от стражей, но каждый боялся заговорить об этом, чтобы не спугнуть удачу.

– Нужно идти, – шепотом сказал Блюм.

– Согласна… – ответила девочка.

Звук собственного голоса показался ей странным. Она так долго кричала у себя в голове, что теперь говорить таким тихим и размеренным голосом было не привычно.

Ещё несколько секунд все стояли неподвижно, а затем двинулись. Лекарь иной раз постеснялся бы идти при ком-то, так сильно ковыляя, но не в этот раз. Сейчас его мир перевернулся. Он и предположить не мог, что когда-то окажется в Нижнем городе. Он всегда думал, что его жизнь будет состоять только из лечения больных да сбора трав, но судьба преподнесла ему сюрприз и неизвестно, сколько ещё преподнесёт.

Каждый новый шаг сопровождался болью. Альфред чувствовал ужасную усталость после такого эмоционального всплеска. Поясница тоже ныла, а руки были стёрты до крови о ржавое железо.

Вдруг послышался топот и ругань стражей. Ребята переглянулись и моментально ускорили ход.

Они наткнулись на пугающий вход, который вёл куда-то под землю. Что это и для чего было нужно, никто из ребят даже не представлял, но все знали, что

спуститься в подземелье Нижнего города плохая примета – быть беде. Но что если беда уже настигла тебя? Пожалуй, в таком случае примета отменяется. Ребятам показалось, что скрыться в таком месте не плохая идея, и они украдкой подобрались к входу.

Осторожно спускаясь по ступенькам один за другим, они плавно теряли остатки видимости и в скором времени шли вслепую. Всех вёл Блюм. Он шел очень осторожно, прощупывая каждую новую ступеньку, прежде чем поставить ногу, но в какой-то момент нога Блюма оказалась по щиколотку в воде.

– Дальше идти нельзя, – Блюм сказал это шепотом, но даже так, его голос эхом разнёсся с чудовищной громкостью.

Вдруг послышались голоса сверху, и ребята замерли.

– Сам туда иди! Это подземелье Нижнего!

– Я спускался в подвал того дома, так что теперь твоя очередь!

Пока стражи ругались, у Блюма в голове родилась идея. Он очень осторожно потянул друзей за рукав, как бы намекая, чтобы они беззвучно ползли на середину ступенек. Лекарь сразу понял, чего хочет Блюм. Все, кто сюда спускаются, идут вдоль стены, держась за поручень, ведь здесь такая темнота, что хоть глаз выколи.

И Блюм оказался прав. Бедолага, отправленный в подземелье Нижнего, прошел мимо ребят, и очень громко выругался, когда вступил в воду.

– Чёрт бы побрал Стража с его вечными приказами! – выругался голос из темноты. – Гвоздь, здесь

их нет! Здесь полно воды и воняет как изо рта Мелкого!

И без того звонкое эхо было в разы увеличено страхом. Казалось, будто этот звук может порвать барабанные перепонки.

Страж уже в более быстром темпе пошел наверх, всё так же придерживаясь стенки.

– Нет их там!

– Черт… Черт! Что мы скажем Стражу? Он нас поубивает, если мы не приведём этих малявок!

– Что скажем? Скажем, чтоб сам шел их искать, раз ему больше всех надо.

– Да. Вот так ему и скажешь, смельчак ты наш!

– Чёрт, я же только что был в подземелье Старого города. Не к добру это… – оба стража дважды хлопнули в ладоши.

Их голоса доносились издалека, но из-за гула в ушах казалось, будто они говорят с другой планеты.

– Пошли дальше искать…

Звук шагов со временем исчез, и ребята наконец-то смогли расслабиться. Их жизни спасены на неопределенный срок.

– Глава 4 –

Гений

Когда пришло время выбираться, первым пошел Блюм. К их счастью на улице никого не оказалось, и они благополучно добрались к одному из уцелевших зданий. Пришлось зажечь свечу, ведь внутри был полнейший мрак.

Нижний город был миниатюрой Верхнего, только дома были намного ниже, поэтому было не сложно подняться на последний этаж.

– Останьтесь здесь, я схожу на крышу, осмотрюсь и вернусь к вам, – сказал Блюм.

Никто не стал возражать.

Фантаст очень быстро вернулся к ребятам, чтобы сообщить хорошие новости:

– Всё чисто, мы здесь одни.

– Отлично… – устало прошептал Лекарь.

Девочка улыбнулась Блюму и Альфреду и блаженно закрыла глаза, облокотившись спиной о стену. Пусть и ненадолго, но они в безопасности.

Блюм полез в рюкзак за флягой с водой, а Лекарь достал ещё пару свечей. Все трое сидели на пыльном полу и приходили в себя.

– Ну и денёк… – сказала девочка.

– Да, это уж точно! – послышался недовольный голос из темноты.

Ребята содрогнулись от этого звука. На пороге в их временное убежище стоял высокий светловолосый незнакомец с книгами в руках.

Все моментально подорвались. Блюм вышел вперёд, загородив собой друзей, Лекарь схватил трость и угрожающе выставил её впереди себя, а девочка взяла в руку кирпич.

– О, великий Рэймонд… – раздражено прошептал незнакомец.

– Не двигайся! Мы тебя не тронем, если ты не нападёшь! – хладнокровно сказал Лекарь.

Но незнакомца это ничуть не напугало, он пренебрежительно приподнял одну бровь.

– Нда… – держа в одной руке книги, незваный гость поставил вторую себе на пояс. – Похоже, что я нападаю?

Его голос звучал высокомерно и даже вызывающе.

– Мы тебя предупредили, – продолжил Лекарь. – Если ты не настроен нападать, будь добр покинуть нас, чтобы мы…

– П-покинуть вас?! – опешил парень. – Это я попрошу вас покинуть меня! Я уже неделю как не могу насладиться долгожданным уединением! Пару дней назад на меня совершили налёт воришки, а сегодня не день, а сумасшествие какое-то! То стражи галопом носятся по улицам, то нахожу странную компашку в своей мастерской!

– А с другой стороны, он может пойти к Стражу и сказать, что видел нас, – тихонько сказала девочка.

– Точно, он может побежать к Стражу… Останешься с нами, пока всё не уляжется. В полночь мы уйдём своей дорогой, – Блюм пытался говорить, как можно серьёзнее, но из уст мальчика эти слова звучали не убедительно.

– То есть ты мне приказываешь?

– У тебя нет выбора, – отозвался Альфред.

У незнакомца была очень живая мимика, и каждая пренебрежительная эмоция была отчётливо видна на его лице.

– Хорошо, – преспокойно ответил парень. – А так?

Свободной рукой он достал из-за спины пистолет и наставил его на Лекаря. Все замерли в оцепенении.

– Не может быть… – прошептала девочка. – Всё оружие…

– Уничтожили? – закончил за неё незнакомец. – Наивная. Пока на земле есть человек, оружие будет существовать.

– Ты прав, но только в руках человека оно обретает такой жестокий смысл, – серьёзным тоном ответил Блюм.

Девочка понимала, что они в безвыходном положении.

– Прости нас, пожалуйста, мы очень напуганы… За нами гонится Страж и его свора. Мы случайно оказались именно в этом здании. Не нужно оружия, прошу… – она выкинула кирпич и умоляюще посмотрела на незнакомца.

Тот окинул её оценочным взглядом, затем перевёл своё внимание на Альфреда, всё так же державшего трость вытянутой.

– Я тебя знаю, – внезапно сказал он с заинтересованным видом.

– Меня все знают, – холодно ответил Лекарь.

Он единственный из всей компании старался не подавать признаков тревоги или страха, хотя тоже был напуган.

– Ты лечишь всех без разбору, а ты, – он обратился к Блюму, – видимо тот сказочник, который недавно наделал шуму в нашей части города. Волосы и глаза и впрямь необычного цвета.

– Я не сказочник, я Фантаст, – ответил Блюм.

– Какая разница, всё равно глупости, – сказал парень и навёл дуло пистолета на Блюма.

– Подумай о своей душе, ей придётся расплачиваться за это. Всё плохое возвращается вдвойне, – попытался разбудить человечность в незнакомце Блюм.

Парень сожалеюще поджал губы.

– Я не верю в души, малыш. Ну а ты, что скажешь? – обратился он к девочке.

Она решительно выпалила:

– Настоящая глупость в жестокости! Каждый может упрекать кого-то, держа в руках пистолет!

– Вот как… – теперь прицел был наведён на неё.

Её порыв был ошибочным, вот о чём она думала в тот момент. Нельзя было грубить ему. Если сейчас кто-то пострадает, то это будет её вина.

– Смелая девушка в наше время редкость. Ладно, я убедился в том, что вы хорошие ребята.

После этих слов парень спрятал пистолет за пазуху своих светлых джинсов и направился в дальний угол комнаты, совершенно не обращая внимания на оторопевших ребят.

– Прошу меня извинить за такой холодный приём, но дело в том, что неделю назад ко мне наведались стражи, перевернули всё вверх дном и украли несколько не очень ценных, но достаточно нужных в хозяйстве вещей, – он осторожно складывал книги в углу комнаты, пока говорил это.

Ребята только сейчас начали замечать, сколько всего находилось в этом помещении. Сначала усталость, затем угроза жизни не дали им возможности осмотреться.

В этой комнате был огромный стол, заваленный тетрадками, чертежами и настольными принадлежностями. Два высоких стеллажа были полностью заставлены книгами, тетрадями и какими-то вещими, но книги были не только в шкафах, они были везде!

По всей комнате были разбросаны отвёртки, гаечные ключи, неизвестные детали, а в углу комнаты стояли банки с какой-то тёмной жидкостью. Комната была большой, и света от свечей не хватало, чтобы рассмотреть всё, что здесь находилось.

Ребята были настолько ошарашены, что не могли прийти в себя, а незнакомец тем временем непринуждённо хозяйничал в своих владениях.

Найдя спички, он подошел к столу и взял какую-то продолговатую стеклянную колбу, обрамлённую ржавым железом с ручкой. В мгновение ока комнату

залил густой желтый свет, от чего ребята даже немного прижмурились.

– Лампа!.. – устало, но радостно сказал Лекарь. – Я понял, кто ты.

– Только сейчас понял? Эх, а я надеялся, что я более узнаваемая персона.

Лекарь бросил на пол свою трость и, опираясь о голую стену позади, медленно съехал по ней на запыленный пол. На его лице была еле заметная улыбка.

Их голоса звучали добродушно, будто они были старыми друзьями, которые давно не виделись. Это совсем сбило с толку Фантаста и девочку.

Они переглянулись, недоумевая.

– Так вы знакомы? – спросил Блюм.

– Лично нет, но наслышаны друг о друге, – ответил незнакомец.

– Вы тоже его знаете… – начал Лекарь. – Оглянитесь: книги, инструменты, лампа. Вы знаете много людей в мегаполисе, у кого есть лампа?

Но девочка и Блюм всё ещё не могли понять, кто стоит перед ними.

– Позвольте представиться, меня зовут ЭрДжей1-25-67-9.

– Что? – это всё, что смог вымолвить Блюм.

– Да, моё имя не совсем в духе мегаполиса, но я как-то вычитал в одной книге, что в будущем, людей будут нумеровать, а не называть именами, и я подумал, вот же оно – будущее! И назвал себя этим кодовым именем. Оно легко расшифровывается. Буквы выбрал рандомно, просто понравилось, как звучит, а

вот цифры имеют значение. Начну с первой: 1 – я первый пронумерованный человек, 2 – это…

– Стой, что? – девочка тоже не могла понять, о чём говорит этот странный человек.

Смех Лекаря перебил напряженную мыслительную работу девочки и Блюма.

– Это Изобретатель! – пролил свет на происходящее Альфред.

После этих слов на лице незнакомца появилась неприкрытая гордость. Он сдержано улыбнулся и приподнял подбородок.

– Изобретатель? – переспросил Блюм.

– Ты и есть… ты тот самый?.. – опешила девочка.

– Это моё второе имя, – с ложной скромностью ответил ЭрДжей1-25-67-9.

Лекарь уже полностью расслабился, а девочка и Блюм наоборот были настолько взволнованы, что даже забыли о том, что несколько минут назад он наставлял на них пистолет.

– Я не из этого мегаполиса, но я столько слышал о тебе! Ты создаешь невероятные вещи!

– Так это ты починил водоотвод в южной части мегаполиса? – восторженно спросила девочка.

– Да, было дело.

– Это ты соорудил тот мост в районе Разлитых Берегов? – восхитился Блюм.

– Истинно верно, малыш. Ну, вернее, я разработал план и сделал чертежи, а строили жители мегаполиса.

– И ты открыл те знаменитые двери в бункере?

– Ага. Хотя этим не особо горжусь, потому что это только укрепило власть Стража…

– Ты вернул время горожанам из Горных Дорог!

– Я не вернул время, я починил часы! – засмеялся Изобретатель.

– А, правда, что это ты устроил тот подрыв на площади стражей?

– Да, да, да, это всё я и только я. У меня богатое воображение, но ещё более богатый ум.

– Ничего себе… – прошептала девочка.

Это и восхищало, и разочаровывало одновременно. Этот смазливый светловолосый парень и есть Изобретатель? Девочка не таким его себе представляла. Она думала, что он намного старше их, а этот парень по виду всего лишь чуть старше Альфреда, а может они и ровесники. И она почему-то представляла его в очках и сутулым, а у этого парня была идеально ровная осанка, никаких очков, а смазливостью он обставлял даже Хэта, местного музыканта, любимца всех девчонок.

У Изобретателя были правильные черты лица, острые скулы, заострённый нос и выразительные светло-серые глаза. Короткие светлые волосы непослушно торчали в разные стороны, что только прибавляло крутизны его образу. Да и одет он был поприличнее, чем остальные. Светлые джинсы были на удивление чистыми, бордовый вязаный свитер был ему по размеру, а из-под свитера аккуратно выглядывало горлышко светлой футболки. Обут он был в красные кеды без единой дырочки, а запястье левой руки украшали настоящие часы. Не говоря уже о его

знаменитой на весь мегаполис электрической лампе! Сделал он её из старого декоративного светильника в форме керосиновой лампы и солнечной батареи, прикреплённой сверху. Хотя горожане предпочитали думать, что он договорился с духами света.

– Так, ты Лекарь и Фантаст. Это ваши настоящие имена или прозвища?

– Моё имя Альфред.

– Меня зовут Блюм, хотя у меня много имён. Можешь обращаться ко мне Ри́ши, То́фос или Фотиме́с – как тебе удобней.

– Ого. Ну а ты?

Девочка ничего не ответила и молча опустила глаза.

– Смотри, доиграешься, я ведь твой «старший». Как придумаю обидное имечко, и не сможешь отвертеться.

– А к чему ты устроил весь этот цирк с пистолетом? – вдруг спросил Альфред.

– В опасной ситуации человек показывает своё истинное лицо. Вы не струсили, это радует, но первоочерёдная причина, чтобы убедиться, что вы не новый ход Стража. Из-за моих подвигов мы с ним немного не в ладах, как вы сами, полагаю, догадываетесь. Да и вообще, многие зарятся на мои изобретения. Постоянно приходится менять место работы, а столько вещей не так-то просто переносить с места на место, – Изобретатель начал усаживаться на пол. Девочка и Блюм решили, что уже можно расслабиться и тоже присели. – Я только пару недель назад перебрался сюда, а тут вы. Конечно первое, что приходит

в голову, что вы его ищейки! Сегодня стражи весь день носятся туда-сюда. По словам одной из моих прелестных почитательниц, всему виной двое нарушителей, посмевших наконец-то усомниться в Страже! Подарок судьбы – и вот они вы! Ну, рассказывай, как это, дать пощёчину самому опасному человеку в мегаполисе? – ЭрДжей лукаво посмотрел на девочку.

– Какую пощёчину? – переспросила она.

– Да ладно, не скромничай. Которую ты отвесила Стражу вчера днём, и теперь он грозится тебя убить, а за компанию и малыша, потому что он избил кого-то из стражей. Без обид, малыш, по правде говоря, ты не выглядишь, как борец, но в этом мире всё возможно! Слухи быстро расходятся. Не тушуйтесь, рассказывайте во всех красках!

ЭрДжей поёрзал, усаживаясь поудобней, в предвкушении их рассказа. Девочка и Блюм в недоумении переглянулись.

– Ничего такого не было, ЭрДжей1 и 1… извини, я дальше не запомнила...

– Просто ЭрДжей. Но стой, как это не было?

– Блюм не бил его, это Страж ударил Блюма ни за что, ни про что, а я просто нагрубила ему, – ответила девочка.

Изобретатель был откровенно разочарован.

– Ох уж эти дамы с улицы Пьяной Розы, вечно всё преувеличивают! – раздосадовано сказал он. – Вчера ночью, как раз немного после вашего маленького приключения, пришлось мне выбраться в Верх-

ний город, чтобы забрать у одного из моих поставщиков, имя упустим – на меня работать опасно, несколько весьма нужных мне деталей для одного моего нового проекта, который я пока что держу в секрете. Без обид, мы с вами не друзья. Но проект великой важности, поэтому к отбору деталей я подхожу с особой внимательностью. В Нижнем городе можно попытаться найти такие детали, но они старше, дольше лежали без дела, а значит хуже. Мне нужно лучшее, что может предложить мегаполис!

Ребята уже сбились со счёта, сколько раз они удивлялись странностям знаменитого Изобретателя. Он вставлял эти совершенно ненужные детали в описание происходящего с такой непринуждённостью, будто суть рассказа была именно в них. Он свободно жестикулировал двумя руками и всячески передавал тонкости своего настроения мимикой.

– Так вот, когда я забрал эти детали и сделал ещё несколько немало важных дел, уже было утро! Я хотел осторожно пойти обратно к спуску в Нижний город, но что я увидел? Стражи, как собачонки прочёсывали весь город в поисках чего-то или кого-то. Мне было опасно высовываться, ведь я понятия не имел, кого они ищут. Вдруг меня! И тогда-то мне на помощь пришла одна из моих прелестных почитательниц – Алисандра из улицы Пьяной Розы. Она несколько раз выказывала мне своё безмерное восхищение. Весьма искусно, по секрету скажу я вам.

– Так стоп! – выпалила девочка. – Мы поняли. В мегаполисе тебе рассказали приукрашенную исто-

рию, как обычно это бывает у нас в мегаполисе. Привычное дело. Мы поняли, ЭрДжей… Тебя ведь можно называть просто ЭрДжей? – попыталась перевести тему девочка, чтобы он опять не начал смущать её подробностями той истории про Алисандру, которую она знала лично.

– Да, можете звать меня так. Изобретатель мне тоже нравится, но как имя никуда не годится. И так, – он внимательно обвёл взглядом каждого, – главный вопрос – так что же так разгневало Стража, что заставило вас бежать в самое «прокля́тое» место мегаполиса? В Нижний город?..

Девочка дважды хлопнула в ладоши и сильно дунула в них.

– Ты серьёзно? – Изобретатель снова приподнял одну бровь.

– Что? Мало ли кто придёт после таких неуважительных слов об этом месте!

– Яясно… – Изобретатель не был человеком здешних суеверий. Такая реакция не сказать, что его удивила, ведь практически все здешние жители сделали бы точно так же, но в то же время он не любил подобные вещи, они его раздражали. – А менее эмоциональные ответы будут?

Девочка осуждающе посмотрела на него.

– Ну… – начал Блюм. – По некоторым причинам, нам понадобилось узнать у Стража, как добраться к… заброшенному Парку Развлечений…

И хотя название этого места было не принято произносить вслух, потому что оно притягивало несчастье, но Блюму подумалось, что хуже уже не будет.

ЭрДжей внимательно смотрел на Блюма, ожидая продолжения.

– А дальше?

– Ну и ещё узнать, какие испытания ему пришлось там пройти.

– И всё?

– Всё? По-твоему, этого мало? – возмутилась девочка.

– К Парку путь лежит строго на запад или «всегда в сторону заходящего Солнца». Сперва вдоль старой железной дороги, затем пустырь, потом лес. Идти примерно неделю, а испытаний там никаких нет, это я вам гарантирую.

Даже Лекарь выглядел удивлённо после его слов.

– Откуда ты всё это знаешь? – недоверчиво спросил он.

– Парк давно тревожит мой ум. Столько рассказов, мифов, страшилок об одном и том же месте. Самое интересное, что почти все они сходятся. Но я человек науки, поэтому знаю, что нет там никаких испытаний. В мире не существует волшебных желаний или магии!

– Пф! – раздраженно вырвалось у девочки.

– Что такое, малышка?

– Ты так говоришь, будто был там! Не веди себя так, будто всё знаешь!

– Я знаю не всё, но в разы больше, чем некоторые недалёкие жители этого пыльного местечка. Верь голосу здравого смысла – там. ничего. нет.

Девочка не скрывала своей злости, она упрямо смотрела на Изобретателя, скрестив руки на груди.

– Ну, не дуйся, перчик.

– Как ты меня назвал? – ещё пару издёвок и она была готова взорваться.

– Верить или не нет – это твоё личное право, но что насчёт запада и других ориентиров? Как ты узнал? – вмешался Лекарь, пока спор не превратился в ссору.

– Ну, для меня в этом городе все двери открыты.

– Они всегда открыты… – пробурчала под нос девочка.

– Да, спасибо, перчик, удачно подметила. Но не суть! Я знаю тех, кто знал тех, кто знал тех, кто был лично знаком с… Бредди Буром!

– Со вторым вернувшимся? – Альфред задумался. – Думаешь, можно верить этим словам?

– Ручаюсь! Я даже был готов уже как-то отправиться туда, но дело так и не дошло до воплощения.

– Чего? Струсил? – не унималась девочка.

– Нет, малышка, был слишком занят более полезным делом – изобретательством. Хотя доказать горожанам, что нет никакого Парка, не чего жить суевериями и слушаться плохиша Стража – это не менее полезное дело. Ну что ж, я так понимаю, вы идёте в Парк, а мне бы как раз не помешало ненадолго исчезнуть из мегаполиса. В общем, я с вами!

– Ни за что! – выкрикнула девочка.

В этот момент свечи, которые были у ребят, одновременно потухли, и единственным источником света в этой комнате осталась лампа ЭрДжея.

Блюм внимательно смотрел на свечи и пытался истолковать это.

– Это знак, – сказал он.

– В знаки я не верю, малыш, но кажется да, нам по пути.

– Нет, нам не по пути. Оставайся в мегаполисе и делай свой новый очень важный проект, а мы пойдём искать моего брата!

– Твой брат пошел в Парк? – озадаченно переспросил ЭрДжей.

Девочка поняла, что сказала лишнее.

– Да, он пропал несколько дней назад... Он давно хотел туда отправиться за желанием. В нашей части города его нигде нет. Вряд ли он пошел в другую часть. Скорее всего, он отправился в Парк.

– Мои поздравления, перчик, твой брат смышлёней тебя.

– Что, прости? – гнев снова нарастал.

– В отличие от тебя он не пошел к Стражу узнавать дорогу, а обратился ко мне. Сэкономил время и здоровье.

– Что ты имеешь в виду?

– Ровно четыре с половиной дня назад меня нашел светловолосый парень, цвет глаз в точности, как твой, ростом может, чутка выше, и с родинкой на щеке. Не удивляйся, у меня феноменальная память на лица. Хотя не только на лица. И спросил он, как добраться к Парку, предварительно, конечно же, наведя

справки, где я бываю и как со мной можно договориться. Как я и сказал – смышлёный. Расплатился этим.

ЭрДжей встал и взял с полки плату за информацию.

– Его гаечный ключ! – воскликнула девочка.

– Хромированный. Так что, перчик, мой моральный долг сопроводить тебя к твоему драгоценному брату, ведь вина лежит на мне, – он наиграно свёл брови, сделав огорчённый вид.

– Не переживай, – попытался взбодрить девочку Лекарь. – Зато мы точно знаем, куда он пошел.

– Именно! – бодро ответил ЭрДжей. – И так, в поход нужно брать только самое необходимое! Я мигом! – он принялся энергично перебирать свои вещи. – Можешь не волноваться, малышка, не существует испытаний Парка, и я всем это докажу!

– Ага, и Страж нам померещился… – недовольно пробурчала девочка себе под нос. – А зачем тебе вообще идти туда, рисковать своей драгоценной жизнью, если можно узнать всё от нас?

– Ммм, перчик, наконец-то пошли интересные аргументы! Но как я уже сказал – я человек науки. Я верю только тому, что увижу собственными глазами. Поэтому я быстро собираю вещи, и мы идём с вами развеивать этот глупый миф!

Девочка посмотрела на Блюма и Альфреда в поисках поддержки, но, похоже, что они были не против. Девочке ничего не оставалось, кроме как смириться.

– Кстати, у вас пожевать ничего не найдётся? – вдруг спросил Изобретатель.

Девочка и Альфред переглянулись – у них не было ничего такого, только консервы и сырая картошка, а вот Блюм тут же полез в карман брюк.

– Вот, держи, – он протянул ЭрДжею конфетку.

– Ого, сладости! Спасибо, малыш!

ЭрДжей кинул конфету в рот и принялся собирать вещи.

– Я помню про своё обещание, – улыбнулся Блюм девочке. – Я найду другую конфету твоему брату и обязательно отдам ему, когда мы встретимся.

Изобретатель заканчивал свои сборы, и на это ушло намного больше времени, чем ребята рассчитывали. Все были обеспокоены грядущим побегом, но по безмятежному поведению ЭрДжея и весёлой мелодии, которую он насвистывал, стоит отметить неприлично талантливо, было не понятно, то ли его не беспокоит предстоящий побег, то ли он, таким образом, себя успокаивает.

Девочка была не в восторге от того, что этот тип теперь идёт вместе с ними. Несмотря на то, что это знаменитый Изобретатель, особой симпатии к нему она не испытывала. Всё, что она о нём узнала за эти несколько часов, что он высокомерный, заносчивый, эгоистичный себялюб, который делает что хочет, не задумываясь о том, как это отразится на ком-то другом. Причём эпитеты: умный, талантливый, красивый, гениальный – у неё в голове уже не звучали. Она

была полностью поглощена его выходкой с пистолетом, оскорбительным отношением к традициям и верованиям горожан, тем, какое прозвище он ей дал, и его сверхподвижной бровью, которую он то и дело, постоянно надменно поднимал.

Мысли Альфреда полностью были заняты планированием побега. Блюм тоже выглядел серьёзно, ведь он понимал, что шансов выбраться из этой передряги не много.

– Такс, я всё собрал.

– Наконец-то, – холодно ответил Лекарь. – Ты всё это хоть унести сможешь?

– А кто сказал, что это всё я буду нести один? – лукаво спросил ЭрДжей.

– Что?! – выкрикнула взвинченная девочка. – Ты хочешь сказать, что думаешь, будто кто-то из нас будет нести это вместо тебя? Ну, уж нет!

– Ну чего ты, перчик, ну вот ту, маленькую сумочку, – эта провокационная фраза сделала своё дело. Она была в бешенстве.

– Да кто ты такой, чтобы давать мне прозвища?! И вообще, знаешь, что, ты…

– Хватит, – перебил её Лекарь, – он нарочно провоцирует тебя, – Альфред перевел взгляд на ЭрДжея. – Столько вещей нам ни к чему. Всё, что не можешь унести сам, оставляй здесь, и точка.

– Всё веселье испортил… – пробурчал ЭрДжей.

Девочка стояла и сгорала со стыда всё ещё красная, как перец, но уже без того запала.

– Ладно, теперь серьёзно, дельце опасное. Блюм, можешь взять вот ту сумку? Эй, Блюм. Выйди из транса.

Блюм посмотрел на Изобретателя, а затем перевёл взгляд на вещи, как бы оценивая ситуацию.

– Вещи – это бремя. Особенно для путешественников. Чем больше вещей, тем тяжелее двигаться вперёд.

Все ненадолго застыли. Когда человек с таким юным лицом говорит такие вещи, становится слегка не по себе. И хотя Блюм говорил о вещах, но почему-то каждый из ребят вспомнил что-то своё, с чем давно пора было бы расстаться.

За этой суматохой и провокациями все забыли, что их сейчас ждёт. Блюм вернул их к реальности. Человек, который славился своей фантазией, разбил их собственные иллюзии.

– По ходу пути вещи можно обменять на что-то. Например, на еду, воду или ночлег. Эти штуки особой ценности не представляют, но это может спасти нас в какой-то момент.

Пожалуй, впервые за всё время их знакомства ЭрДжей был серьёзен. Даже голос звучал по-другому, более мужественно. Вот теперь он был больше похож на Изобретателя.

– В этом ты прав, – Блюм приложил руку к подбородку, размышляя, как лучше поступить.

– А вообще я собрал эти пакеты, чтобы спрятать, потому что я ничего тут не оставлю на съедение стражам! Они всё равно все поголовно глупые и не сооб-

разят, для чего эти шедевры предназначены. Всё необходимое и годное на обмен в моём рюкзаке, и я понесу его сам, – его голос снова приобрёл тот высокомерный тон и на последних словах он подмигнул девочке.

Не в силах бороться с собой она снова вспыхнула, но на этот раз решила быть умнее и не отвечать.

– Такс, последний штрих.

ЭрДжей подошел к небольшой книжной полке и снял её со стены. Все замерли в предвкушении нового сюрприза от Изобретателя. Тот взял с другой полки жесткую проволоку, изогнутую крюком с одной стороны, просунул её в трещину в стене, повернул и потянул на себя, и чудо – кирпич начал выдвигаться.

ЭрДжей засунул руку в чёрную зияющую дыру в стене и принялся доставать оттуда консервы. Пять жестяных банок отправились ему в рюкзак. Ребята стояли ошеломлённые.

– Я понимаю, на что ты их обменял, но не понимаю как, – сказал Альфред. – Тебя должны были схватить, как только ты появишься на пороге в бункер. Там ведь одни стражи.

– Я не сунусь в бункер, даже если мне бесплатно предложат сотню банок! Я взял их не там. Как я уже говорил, для меня в мегаполисе все двери открыты, – самодовольно сказал ЭрДжей.

– Все, кроме бункера, – невзначай подметила девочка, которая выглядела вполне довольной своим замечанием. Она лукаво посмотрела на Изобретателя.

ЭрДжей не обиделся и не разозлился, даже наоборот, он улыбнулся и хитро посмотрел на девочку.

– Нужно будет их взорвать…

– Давайте потом решим проблему с дверями. Сейчас нужно как можно скорее закончить сборы, – сказал Ал.

– Кстати, говоря. Сейчас мне нужно, чтобы вы отвернулись.

– Зачем? – удивилась девочка.

– Есть кое-что, что до поры до времени я хочу сохранить в секрете, чтобы потом увидеть ваш неподдельный восторг, когда достану это в пути.

– Какое-то изобретение? – взволновано предположил Блюм.

– Лучше, малыш, – ЭрДжей выглядел ещё хитрее и самодовольней.

Всех одолевал интерес, но они решили, что сборы закончатся скорее, если они поступят так, как попросил Изобретатель.

Они отвернулись, и их любопытство подверглось неимоверным пыткам, пока ЭрДжей кряхтел и пыхтел, усердно запихивая это «что-то, что лучше, чем изобретение» к себе в рюкзак.

– Готово! – радостно оповестил их Изобретатель. – Ну, а теперь…

Они повернулись и увидели, что Изобретатель достал из тайника ещё один пистолет.

– Вы узнали о моём секретном хранилище. Вы видели слишком много. Мне придётся вас убить, – он протер пистолет рукавом. – Шутка! Где-то прочитал

и всегда хотел это сказать. Расслабьтесь, вы чего! Какой из меня убийца?

– Тяжело тебе наверно с таким чувством юмора, – безразлично подметил Альфред.

– Ну и зачем тебе второй? – недоверчиво спросил Блюм.

– Тот, который вы видели – игрушечный. Им даже муху не убить.

– Что?! – за пару секунд у девочки в голове пролетело несколько сцен, где она даёт заслуженный пинок этому наглецу.

– А ты думала, я каждый день расхаживаю с полной обоймой? Оружия действительно нет, в Верхнем так точно... А если и получится здесь найти какую-нибудь пушку, то сначала её нужно ещё починить. Я уже молчу о том, как сложно найти патроны. В этом всего один, к примеру.

– Пойдёмте уже, – сказал Ал.

– И то верно, – ЭрДжей взвалил на свои плечи упакованный им рюкзак. – Возможно, я слегка перестарался…

Затем он взял ещё по сумке в руки.

– Перчик, ты отвечаешь за свет! Бери лампу.

– Не называй меня так…

– Ну, тогда скажи, как тебя зовут.

– Никак.

– И что мне тебя «никак» звать?

– Никак не зови! Нет у меня имени… – она решительно зашагала к выходу из комнаты, унося с собой свет.

– Чего?.. Неужели старшие пришли в профнепригодность и больше не дают имена? – никто не ответил ему. – Ну а брат тоже без имени живёт?

– Его зовут Потти! – уже на выходе прокричала девочка.

– Как? Потти?.. Странная вы парочка…

Блюм молча взял третью сумку с изобретениями и тоже направился к выходу. Лекарь наконец-то отвязал костыль и пришел в смятение, ведь никогда не подумал бы, что будет рад своим палкам.

Все, кто шли сейчас вниз по ступенькам, были в плену сомнений. Все, кроме ЭрДжея. Он даже не обернулся, когда выходил из помещения. Лекарь этому очень удивился. Его собственное сердце до сих пор щемило от мысли, что он покинул своё рабочее место, своё убежище, свой дом…

– Тебе не жаль оставлять своё пристанище? – спросил Ал.

– О чём ты? – искренне удивился Изобретатель.

– Ну, мы забрали изобретения, но все твои книги, чертежи, записи и куча других вещей остаются здесь. Стражи могут наведаться и всё разнести, к примеру.

– Ал, сначала разрушение – затем воссоздание. Это не только науки касается. В этом принципе заключена сама жизни. Я не привязываюсь ни к кому и ни к чему, потому что прекрасно понимаю, что понятие «вечность» придумали романтики, а жизнь такое слово просто не знает. Всё созданное рано или поздно превращается в пепел, чтобы дать начало чему-то новому. Всё, что они уничтожат, я сотворю заново, все записи, которые они сожгут, я напишу ещё раз. Они

не смогут ничего уничтожить, потому что на месте старого появится новое. И так будет всегда.

– Мне бы твою решимость.

– А тебя что, беспокоят оставленные тобой вещи?

– Да, – печально ответил Альфред. – В них вся моя жизнь.

– Ну, так сидел бы дома и не рыпался.

Девочка, которая шла впереди всех, освещая дорогу, внимательно слушала разговор и уже была готова высказаться, но тут ЭрДжей продолжил:

– Но вот ты здесь. Спускаешься по ступенькам здания Нижнего города. Нижнего, Ал! Готов поспорить, что ты даже не предполагал, что когда-нибудь окажешься здесь! Какой с этого вывод? Твоя жизнь не там, где много вещей, над которыми ты трудился, а там, где ты есть сейчас. Там, где ты чувствуешь, что в эту самую минуту правильно быть. Так что, ни о чём не жалей. Прогуляемся в Парк, провертим мозги, вернёмся, и даже если стражи напакостят – ничего страшного! Нет ничего непоправимого, пока ты жив.

Блюм внимательно слушал Изобретателя. Он был приятно удивлён мудрости этой юной души.

– Когда вернёмся, я сделаю тебе ноги, – Альфред чуть не споткнулся после услышанного. – Чуда не будет, но ходить станет легче, гарантирую.

– Было бы не плохо, – неуверенно улыбнулся Лекарь.

– И я рад нашему знакомству, Альфред. Если быть откровенным, я восхищён твоими трудами.

– Взаимно, ЭрДжей.

– Я бы пожал тебе руку или похлопал по плечу, но, увы, они обе заняты.

Девочка и Блюм услышали добродушный смех позади и тоже заулыбались.

Эти двое нашли общий язык. Оба талантливы, сильны духом и прошли через схожие испытания, чтобы стать теми, кем они стали. Борьба велась не только с непонимающими людьми вокруг, но и с самим собой. Трудности, лень или разочарования не смогли даже притронуться к сердцам этих двух. Они преодолели эти преграды самостоятельно и не потеряли себя.

Они должны были встретиться. Рано или поздно, каждый человек оказывается на своём месте. Там, где он должен быть и в окружении тех, кто способен понять и поддержать. Поистине судьбоносная встреча. Блюм думал об этом всю дорогу, пока они спускались.

Лекарю было довольно тяжело идти по этим ступенькам – они были очень рыхлыми и ненадёжными. Поручня не было, костыль он не использовал и опирался только на трость.

– Ты как? – спросил ЭрДжей, когда в очередной раз нога Лекаря соскочила со ступеньки.

– Нормально, – Лекарь посмотрел на две огромные сумки в руках Изобретателя. – Ты сам-то как, не тяжело?

– Мысли – вот настоящая тяжесть! А это цветочки, – засмеялся ЭрДжей.

Хоть он и храбрился, но было видно, что он подустал от такой нагрузки. Благо уже виднелся выход, а значит, он скоро избавится от этой ноши.

На улице по-прежнему был мрак, несмотря на то, что со сточных решеток Верхнего пробивался свет. Значит, день ещё не закончился.

Вокруг не было ни души. Лампа ЭрДжея горела очень ярко и хорошо освещала дорогу. Девочка вышла на середину улицы и внимательно что-то слушала, затем изрекла:

– Кажется, духи этого места не станут нам мешать.

– О, великий Рэймонд… – взмолил ЭрДжей. – Ты меня в могилу сведёшь раньше Стража! Духи? Серьёзно? Я думал, ты слушаешь, не слышны ли чьи-то шаги, а ты духов выискивала?!

– Мы же на земле Нижнего города! Это место кишит духами!

– Да я живу здесь почти всю жизнь! Здесь никого нет!

– Здесь, правда, никого нет, – сказал Блюм.

– Спасибо, малыш, может тебя она послушает.

– Но нельзя недооценивать руины прошлого. Подобные места хранят в себе память о страданиях и утратах тех, кто жил здесь.

– О нет, и ты туда же… – ЭрДжей умоляюще посмотрел на Альфреда, ища поддержки, но Лекарь, кажется, и не слушал.

Он отошел в сторону, где света почти не было, чтобы никто не видел, как он массирует больную ногу.

– Ладно, суеверные вы мои, сейчас нужно спуститься немного вниз по этой улице к одному неприметному подвальчику. Там я свои вещи и оставлю.

– Я останусь здесь, – отозвался из темноты Лекарь.

– Почему? – удивлённо спросил Блюм.

– Я буду вас задерживать, а времени не так уж и много.

– Мы без тебя не пойдём, – сказала девочка. – Как же мы тебя здесь оставим. А вдруг стражи вернутся?

– Тем же лучше дня вас. Схватят меня, вы переждёте и отправитесь в путь.

– Это всё ужасно мило, Альфред, но мы идём вместе, – решительно сказал Изобретатель.

– Разве это не рационально?

– Нет, – ответил он. – Наиболее рационально в опасном путешествии иметь с собой доктора.

Девочка была возмущена таким ответом. Она ожидала других аргументов.

– Не слушай его, – вмешалась она. – Теперь мы одна команда. Ты должен всегда быть с нами.

– Мы до вчерашнего дня не знали друг друга, а теперь вместе отправляемся в путь, – начал Блюм. – В этом мире ничего просто так не происходит, Альфред. Задумайся, сколько сил приложила Вселенная, чтобы мы нашли друг друга. Нельзя разделяться.

– Пффф… – отозвался Изобретатель. – Вселенная это конечно хорошо, но посмотри на всё с другой стороны. Нам ещё идти чёртову неделю к Парку Раз-

влечений. Так что, считай, что это тренировка на малой дистанции. Да и мы прекрасно знали, на что идём, когда брали тебя с собой.

И тут девочка буквально подпрыгнула на месте.

– Мы знали? То есть ты хочешь сказать, ты знал?!

– Ну да.

– Да ты позже всех присоединился к нам! Ты вообще ничего не решал!

– Что? Я знаю Нижний город, как свои пять пальцев. Я мозг операции! Так что я многое решал и решаю.

– Жаль я ничего не решаю, иначе не взяла бы тебя!

– А вот это было обидно… Знаешь что, ты, мелкая…

– Стоп! – прервал их Лекарь. – Так всё, я иду. Смотрите, я иду.

И он начал движение, но остальные не шелохнулись. Девочка и ЭрДжей ещё какое-то время испепеляли друг друга взглядом, но на этом их перепалка и закончилась.

– Пойдёмте, чего встали, – сказал Альфред. – А куда идти, кстати?

– Вон туда, к тому спуску, – сухо ответил ЭрДжей и отвернулся.

Девочка залилась краской, но извиняться перед Изобретателем не собиралась. Она пошла первой, освещая путь, сразу за ней следовал Изобретатель, во всю показывая своей гордо поднятой головой, как он обижен. Блюм и Альфред шли позади них.

Фантасту хотелось как-то помочь им помириться, но сейчас было лучше не вмешиваться. Когда встречаются два огненных характера, пламя может выйти из-под контроля.

Лекарю было немного стыдно, что он не сразу пошел со всеми. Это был довольно незрелый поступок – предложить разделиться, но нужно признаться, что где-то глубоко внутри он хотел посмотреть, что они скажут и как отреагируют. Оставят его и пойдут, или сделают то, что они и сделали.

Альфреду было очень приятно осознавать, что они решили не оставлять его. И пусть аргументы Изобретателя были не самыми лестными, но всё же Лекарь понимал, что за этой скорлупой безразличия и высокомерия сидит такой же непóнятый человечек, как и они все.

– Перчик! Поворачиваем! – скомандовал Эр-Джей.

– Не называй меня перчиком, понял? Мне не нравится.

Ей, правда, не нравилось это прозвище и у неё были на то причины.

– А может, я тебе имя дать хочу? Что же ты без имени всю жизнь?

– Не нужно мне такое имя. Моё забрали…

– Как знаешь, моё дело предложить. А забрали-то за что? Эй! Эй, ты! Игнорируешь? Ну и ладно.

Блюм обеспокоено наблюдал за их словесной перепалкой и видел, что они по-настоящему злятся. Будет тяжело в пути, если они постоянно будут устраивать подобное.

– Неужели люди, правда, придают такое большое значение словам? – Блюм обратился к Лекарю, пока они шли позади.

– Да, Блюм, придают. В этом наша величайшая слабость, но мы не можем не слушать окружающих.

– Почему? Это всего лишь слова.

– Перчи… – Изобретатель запнулся на полуслове. – Эх, а такое имя могло бы быть! Пошли, спустишься со мной, у меня обе руки заняты.

И она молча направилась в указанном направлении.

– Да уж… – сказал себе под нос Изобретатель и поспешно зашагал за источником света.

– Блюм, – продолжил Лекарь, – к сожалению, когда мы приходим в этот мир, нам никто не объясняет, кто мы и зачем здесь. Мы изучаем себя через других. Нам говорят, какие мы и мы начинаем в это верить.

Блюм не видел сейчас лицо Альфреда, но отчётливо слышал грусть в его голосе.

Когда на свет появляются такие, как он, в этом странном мире все ждут, когда они быстрее уйдут из него, ведь такие люди обуза. Но Лекарь один из немногих, чья воля к жизни оказалась сильнее чьих-либо слов и предубеждений. Мало того, что он выжил, так он ещё и обрёл цель. Он выбрал себе путь и уверенно шел по нему с самого начала. Не удивительно, что он столкнулся с непониманием и ненавистью.

– Я могу только представить, что тебе довелось слышать за свою жизнь, Альфред, но если ты, правда, познавал себя через других, поверь и в мои слова тоже

– ты прекрасен во всём! Твоя жизнь, твои поступки, решения и ты сам – это всё восхищает меня. Сколько душ я видел – твоя чище всех.

– Спасибо, Блюм… – еле слышно ответил Альфред.

Рука Фантаста легла ему на плечо.

– Однажды ты всё поймёшь. Поймёшь, что это было не зря и у всего были причины. И тогда не останется сомнений, не останется страха.

Вдруг вдали показалось мерцание лампы. Эр-Джей и девочка уже шли к остальным, как вдруг она обратила внимание на само здание, с которого они только что вышли.

– О, дух Белого Пса, что это?.. – прошептала она.

Лампа осветила нижнюю часть здания и ребятам открылись жуткие надписи и рисунки. На старой потрескавшейся стене было изображено нечто напоминающее обряд. Три стрелки образовывали треугольник, в верхнем углу которого находилось солнце, два нижних угла были отданы неизвестным символам, а в центре треугольника был изображен человек с пустым кругом внутри. Это было не единственное изображение здесь, но лишь оно уцелело.

Альфред подошел ближе и попытался прочесть надпись:

– *Твоё тело, разум и … бала... баланс нарушен… ты в руках См… оставь своё ди…* – он внимательно смотрел на надписи, но они были слишком избиты временем, чтобы их можно было разобрать.

– Не трать своё время, это невозможно прочесть, – безразлично сказал ЭрДжей. – Всё давно постиралось или отпало вместе с облицовкой зданий.

Изобретатель был вполне спокоен, ведь он привык к здешним видам, а вот остальные трое были глубоко поражены увиденным. Даже обрывки этих надписей наводили ужас. Было абсолютно не понятно, о чём здесь говорилось, но это было посвящено явно нехорошим вещам.

– Этой жутью полон весь Нижний город. Не обращайте внимания, – ЭрДжей закинул на плечи рюкзак. – Такс, я всё сделал. Теперь дело за малым. Пора в путь!

Ребята наконец-то оторвались от пугающих «посланий» и посмотрели на ЭрДжея. Он выглядел раздражающе оптимистично. Все были окутаны тревожными мыслями о предстоящей попытке бегства. Нужно снова подняться в Верхний город, да так, чтобы не попасться стражам, но, похоже, Изобретателя это не трогало. Он постоял со всеми молча за компанию, переводя дух, а затем решительно двинулся вверх по улице, откуда не так давно ребята пришли к этому зданию.

– Эй, чего стоим? Блюм, Ал, пошли! И ты, безымянная.

Но девочка не сдвинулась с места. Она держала фонарь, освещающий её удивлённое лицо.

– Мы спустились с того входа. Предсказуемо подниматься тем же путём.

Теперь Изобретатель выглядел растеряно.

– Вы что… наверх собрались?! Как такая идея вообще могла прийти вам в головы?

– А как ты собрался покинуть город? Это единственный путь… – ответила девочка.

ЭрДжей закатил глаза – такой глупости от них он не ожидал.

– Идти по Верхнему городу – гибель! А у меня ещё слишком много не воплощённых идей, чтобы умирать в столь юном возрасте! Идите за мной, я покажу вам другой путь.

И ЭрДжей повёл ребят вверх по центральной улице. Они уже прошли место их сегодняшнего спуска и продолжали идти вверх.

– Та-дам! – Изобретатель указал рукой на его альтернативный способ побега.

Вот только увидев его, ребята не пришли в восторг.

– Мы спускались уже сегодня в такое место, оно залито водой, – сказал Блюм.

– Нет, малыш, оно не залито водой. Как ты мог заметить, мы долго поднимались вверх по улице, и это было не для того, чтобы полюбоваться красотами Нижнего города. Как я уже говорил, я знаю это место, как свои пять пальцев, и знаю, в каких туннелях есть вода, а в каких нет.

– Туннелях?.. – насторожено переспросила девочка.

– Да, это вход в туннель. Во времена, когда транспорт не летал по воздуху, он ходил под землёй. Жуть конечно, но это не что иное, как транспортные пути! А поскольку завалы Нижнего города вторично

перерабатывались для строительства Верхнего, система доставки сырья наверх была просто необходима! Так что, спустившись сюда, мы попадём в туннель с железнодорожными путями, который и выведет нас к подножью Верхнего!

– За пределы мегаполиса? – удивился Альфред.

– Именно.

– У ума сойти… – вырвалось у него.

– Не благодарите. Это ещё раз доказывает, что без меня вы бы пропали, – самодовольно произнёс Изобретатель. – Туннель, конечно, вещь неприятная, идти придётся вверх и довольно долго, но ничто не может длиться вечно! Рано или поздно мы выйдем из него. Выше нос, команда!

Ребята радостно переглянулись и начали спускаться в подземный туннель.

– Глава 5 –

Навстречу неизвестности

Как и говорил Изобретатель, туннель не длился вечность. Рельсы вывели ребят наружу, на долгожданный свежий воздух. Несколько часов они шли под землёй мрачным безжизненным туннелем, из которого даже крысы сбежали. Уставшие и грязные, они были вне себя от счастья, когда наконец-то вышли на поверхность. Туннель обрывался резко, и дальше железная дорога шла уже без него, а сам выход был похож на огромную жестяную банку.

Выйдя наружу, ребята остановились не сразу. Они ещё какое-то время шли по инерции навстречу прекрасному закату, пока наконец-то не поняли, что туннель закончился, и можно было остановиться.

– Мы сделали это, – устало прошептал Лекарь.

– Но где же мы? – спросила растерянная девочка.

– Мы на верном пути, – послышался голос Эр-Джея позади. – Мы покинули город.

После этих слов на лицах Альфреда и девочки отразился ужас осознания этого. Они никогда не покидали город и не думали, что покинут. Никогда.

Впереди неизвестность. Никто не знал, что станет с ними буквально в ближайший час, что уж говорить про целый день. Каждый новый поворот таил в себе угрозу, каждый новый шаг отделял их от места, в котором они родились, выросли и прожили всю

жизнь. Беспокойство и страх перемен терзали их сердца.

Переполненная этими чувствами, девочка обернулась назад, но увидела совсем не то, на что рассчитывала. У неё даже рот приоткрылся от удивления. Она смотрела во все глаза, но не могла определить реально ли то, что предстало её взору.

– Ты чего это? – удивился ЭрДжей.

Затем он перевёл свой взгляд на Альфреда и тот выглядел точно так же.

– Что это?.. – спросил Ал.

– Наш мегаполис.

– Это понятно, но… почему он стоит на этой штуке?

Живя в самом городе, девочка и Ал даже не подозревали, что мегаполис может так выглядеть со стороны.

Железная стена высотой в добрую сотню метров вырастала прямо из земли и простилалась так далеко, что не было видно её конца. Девочка и Ал повидали за сегодня немало и думали, что их уже ничем нельзя удивить, но стальная конструкция, которая держала на себе город и была для него землёй, просто отнимала дар речи. Её высота и размер заставляли чувствовать себя песчинками, лежащими подле горы.

– А вы что думали? Мегаполис не просто так прозвали «Верхним». И это только видимая часть! Эта конструкция – настоящий предмет искусства. Только задумайтесь, какой вес она выдерживает! В народе перекрытие нарекли «великой стеной», хотя, конечно же, это никакая не стена.

ЭрДжей важно поставил руки в боки и многозначительно посмотрел на закат.

– И всё-таки карты не врали – действительно западная сторона.

Девочка оторвалась от огромной стены и удивлённо посмотрела на ЭрДжея:

– Ты что, не ходил этим туннелем до этого?

– Не-а. Ни разу.

– Но ты же так уверенно говорил о том, где мы выйдем…

– Ну, железная вера в свою правоту один из моих талантов!

Девочка слишком устала, чтобы злиться или ссориться. Они вышли, где нужно, и это главное.

– Что будем делать дальше? – спросил, сидящий на земле Блюм.

– Ну, до заката всего ничего, а идти в потёмках, пусть даже с лампой, не самая лучшая идея. Заночуем здесь. В туннеле можно развести костёр и спрятаться. Дым никого не привлечёт, животных даже отпугнёт, если здесь что-то водится, а завтра с первыми лучами солнца отправимся в дорогу.

Никто не стал возражать. По правде говоря, все только этих слов и ждали.

Альфред был очень рад, что все решили заночевать здесь. Хоть он и решил для себя, что будет идти в общем темпе, чего бы ему это не стоило, но это рвение никак не соответствовало самочувствию. Альфред буквально валился с ног. Одна только мысль о новом шаге заставляла ныть всё тело, – он был на пределе.

– Так, на всякий случай, пока солнце окончательно не село, я пойду, осмотрюсь. Кто знает этих стражей, мало ли.

И ЭрДжей с уверенным видом достал из рюкзака свой пистолет и пошел в разведку. По нему не скажешь, что он зверский устал, как ребята, но это и не удивительно, ведь ему не пришлось спасаться бегством первую половину дня.

– Я пойду поищу что-то, что горит, – сказала девочка, сбрасывая с плеч свой рюкзак. Она медленно поплелась в противоположную сторону от ЭрДжея.

– А я тогда обустрою наш лагерь.

Блюм с трудом встал и начал перетаскивать брошенные вещи в железную конструкцию туннеля. Затем начал расчищать там местность, чтобы все могли устроиться максимально удобно. Из найденных камней он выложил круг для будущего костра и принялся доставать из рюкзака консервы.

– А мне что делать? – спросил Альфред самого себя.

Все уже разошлись в разные стороны, а он всё так же стоял не в силах сдвинуться с места. Мысленно он уже давно был в туннеле и помогал Блюму готовить ночлег, но вот тело совсем не слушалось. Ноги гудели, пекли, и в тех слабых мышцах, что у него были, чувствовалось нервное покалывание.

– Альфред, иди сюда! Я не хочу портить порядок в твоём рюкзаке, но мне нужны ложки! Я видел, ты их брал! – прокричал Блюм, выглянув из туннеля, а затем снова исчез в глубине конструкции.

Но Альфред остался на месте. Он закрыл глаза и молча слушал шум ветра. ЭрДжей и девочка исчезли из поля зрения, Блюм был где-то в той жестяной банке, а он стоял здесь и не мог сделать ни единого шага.

– Какой же я жалкий… – снова он укорил себя за то, в чём был совершенно не виноват.

А ветер всё так же летал вокруг, развивая его волосы. И думалось Альфреду, что он тоже ветер. Что он такой же лёгкий и быстрый, что он тоже может вот так запросто менять своё расположение. Сегодня здесь, завтра там, в чьих-то волосах или в степи, между высоток или где-нибудь в горах. Свободный и неуловимый.

Он растворился в этих мыслях и в природе, что его окружала. Ему было спокойно и хорошо. В этом месте он впервые и в первый раз покинул город. Ему нечего терять, так уж сложилась его жизнь, так почему бы не побыть на минутку ветром. Никому не нужен, никому не дорог, один во всём мире. Интересно, большой ли мир?.. Есть ли предел всему этому? Ему нравилось думать, что нет. Вот только свой придел он сегодня узнал…

– Альфред… – тёплая ладонь Блюма легла ему на плечо.

Лекарь, всё ещё находясь под впечатлением от этого порыва, не сразу понял, почему этот человек подошел к нему и почему его полёт был прерван, но постепенно он начал возвращаться в реальность. Он вспомнил, где он, оглянулся вокруг, и усталость снова ударила по ногам.

– Альфред, есть нечто прекрасное в уединённом общении с природой, но если тебе нужна помощь, не стоит стыдиться её просить.

Блюм вытянул из-под руки Лекаря костыль и встал на его место. Второй рукой он крепко обхватил своего товарища, и они вместе начали делать первые шаги. Альфред податливо пошел с ним.

– Никому не говори, ладно?.. – тихонечко попросил он.

Лекарю не обязательно было просить об этом, Блюм и так всё прекрасно понимал.

Когда они наконец-то добрались до туннеля, Фантаст помог Альфреду сесть, облокотившись спиной о стену.

– Не холодно?

– Нормально, спасибо... – Лекарь принялся массировать свои ноги.

– Сильно болят?

– Могло быть и хуже. Есть болезни и пострашнее этой.

Блюм задумчиво смотрел на Альфреда.

– Если бы я мог, я бы отдал тебе своё здоровье, но сейчас…

Блюм не успел договорить, как в него полетела щепка.

– Совсем дурак? Не говори так. Я ни за что бы не взял твоё здоровье! Ни твоё, ни ещё чьё-то. Я занялся врачеванием именно потому, что хотел избавить как можно больше людей от этой боли. Да, сам я болен, но мне приносит истинное наслаждение помогать

другим и видеть, как они поправляются. Есть причина, по которой я родился именно таким, или нет, но именно это сделало меня Лекарем. Это помогло мне найти себя.

Блюм улыбнулся.

– Ты истинный мудрец.

– Нет в этом мудрости, – ответил Альфред. – Одни рождаются больными и плачутся, что не родились здоровыми. Другие рождаются здоровыми и жалуются, что не родились красивыми. Рождённые красивыми хнычут, что не родились ещё какими-нибудь. Человеку всегда будет не достаточно того, что у него есть.

– Но это же воровство у самих себя, – ответил Блюм, усаживаясь напротив Лекаря. – Это бесчестная кража времени, которое человек может провести счастливо.

– Скорее всего, так и есть, но мы ничего не можем с собой поделать. В любом случае, забирать чьё-то здоровье я бы не стал. Это противоречит всему, за что я борюсь.

Нависла пауза, и Блюм ушел в свои мысли. Он совсем забыл о том, что расчищал место для ночлега.

– Не грусти, Блюм. Скоро Парк, а там и новые ноги.

Альфред улыбнулся после этих слов и скрестил руки на груди. Этой улыбкой он мог бы провести кого угодно, но только не Блюма.

– Не нужно, Ал, я всё вижу.

– Ты о чём?

– Я отправился следом за девочкой, потому что хотел помочь ей найти брата, и не собирался загадывать желание в Парке, но теперь я понял, как могу тебе помочь. Я загадаю его, Альфред.

Лекарь был по-настоящему удивлён.

– А как ты?..

– Фууух, как же я устала… – на входе в туннель внезапно появилась девочка. – Это всё, что я сумела собрать.

Она положила найденные ветки рядом с кругом из камней.

– О, отлично! Этого вполне достаточно, – ответил Блюм и принялся разводить костёр.

А вот Альфред всё ещё обдумывал их беседу. Это была просто игра слов или Блюм, правда, всё понял?..

Солнце уже полностью скрылось за горизонтом, все приготовления к ночлегу были завершены, а Изобретатель всё ещё не вернулся. Пусть у него и был пистолет, но это всё равно не гарантировало ему безопасность. В голову девочке закрадывались неприятные мысли. Хоть ЭрДжей её и раздражал, но всё же в глубине души она волновалась, не случилось ли чего. Блюм уже собирался идти на его поиски, как вдруг высокий силуэт Изобретателя появился у входа в туннель.

– Поблизости никого нет, – первым делом он изрёк итог своего похода и пошел прятать пистолет, как ни в чём не бывало.

– Почему ты так долго? Солнце уже село!

– Переживала за меня? – не упустил возможность подразнить девочку ЭрДжей.

– Ещё чего! – она скрестила руки на груди и сделала невозмутимое лицо, хотя была рада, что он вернулся целым.

– Ну, что ж, теперь, когда все в сборе, можно и поужинать, – Блюм с хозяйственным видом принялся раздавать всем ложки. – Я открыл только одну банку тушенки – продовольствия нужно экономить. ЭрДжей, я не стал лезть в твой рюкзак, доставай свою ложку.

ЭрДжей ничего не ответил, просто открыл свой рюкзак и достал оттуда не только столовые приборы, но и небольшую баночку консервов.

– За мной не нужно ухаживать, я полностью автономная единица. Я – независим.

Трое ребят переглянулись. Девочка наклонилась к Блюму и шепотом спросила:

– Какая единица?..

– Я сам не понял…

– Это было не очень красиво и не очень уместно, – сказал Лекарь.

– Ммм… – прозвучало вместо ответа.

Но все слишком устали и были слишком голодными, чтобы продолжать этот разговор.

Ложки жадно нагребали еду и, может из-за усталости, а может и правда, эта тушенка была невероятно вкусной. Банка, которую ребята разделили на троих, улетучилась моментально. ЭрДжей же ел не спеша, задумчиво глядя на костёр и все могли только гадать, чем занята голова юного гения. Если Альфред

был рад общению и всегда стремился к людям, то ЭрДжей наоборот – искал уединение, но ведь его никто не заставлял присоединяться к группе, он решил это сам.

Вдруг Блюм вспомнил их недавний поход к Стражу.

– Могу я вас спросить кое о чём?

– О чём же? – Лекарь удивился такой официальности.

ЭрДжей даже оторвался от костра и посмотрел на Фантаста.

– Я не из этого мегаполиса и не знаю вашу историю. Когда мы были в районе изгоев, они говорили что-то про кровавую осень. Как я понял, это связано со Стражем. Вы не могли бы мне рассказать об этом?

– Эх… – тяжело выдохнул Изобретатель, отставляя в сторону опустошенную банку. – Что тут рассказывать, Страж и его компания, дабы самоутвердиться и показать своё численное преимущество, пошли махать кулаками. Назвали они свою благую миссию – «зачистка площади». Вроде бы как центральное место не должно быть «в руках этих грязных», – цитата, а они типо чище… Ну в общем изгои оказались более агрессивными, чем предполагалось, и простая потасовка превратилась в так называемую «кровавую осень». Много изгоев тогда погибло, да и ряды стражей немного поредели, но, тем не менее, тогда они отвоевали себе главную площадь.

Все сидели в мрачной тишине. Люди в мегаполисе старались проживать свои малосодержательные

жизни тихо и мирно, надеясь на лучшую жизнь в следующем перевоплощении, поэтому такие события оставляли особенно глубокие шрамы.

– Я помню Стража ещё до того, как он стал страхом этих улиц, – начал Альфред. – Обыкновенный парень был. Звали его Эла́й. Я тогда был мелким, почти не помню его, но помню, что ему частенько доставалось от ста́рших. У него была мечта, о которой он громко заявлял. Говорил, что изменит мир к лучшему, что наведёт порядок и, что всем будет хорошо. Все думали, что это детские фантазии, но не тут-то было. Он отправился в Парк за желанием и вернулся только спустя три года, ну, или как у нас говорят, через три весны.

– Ого… – вырвалось у девочки.

Таких подробностей она не знала. Она умела считать до пяти и примерно понимала, что три сезона это достаточно много для путешествия, пусть даже в Парк.

– Да. Вернулся и сразу сломал себе ногу. Я его лечил тогда на старом месте, когда ещё жил в районе отшельников, как подобает отшельнику, – Альфред слегка улыбнулся, – а сам Страж очень изменился. Уже не орал во всю глотку о мечте, а говорил о конкретных целях и был готов воплощать их. Он заявил, что три весны длилось его испытание, и он сумел одолеть призраков Парка, за что Парк наградил его знаменитыми татуировками в знак того, что он победил, и исполнил его желание – стать сильнее всех, подчинять себе других. Тогда все ринулись с ним тягаться в силе, и никто не смог его победить. Так он и начал

собирать свою стаю, где все беспрекословно подчинялись ему, и в те дни он, правда, менял мегаполис к лучшему.

– А что он делал? – спросил Блюм.

– Я пришел к нему с идеей системы сточных вод, чтобы горожане могли нормально купаться, ведь это уменьшает вероятность заболеваний, и они тут же принялись воплощать её!

– Под моим чутким руководством! – дополнил ЭрДжей. – Да, я сотрудничал с ними. Оросительная система на окраине мегаполиса, хранилище для еды в старом элеваторе, свободный рынок в бункере – это всё были мои идеи, воплощённые руками стражей. Кстати и те двери в бункер они меня попросили отрыть. Договорились, что когда откроем оставшиеся двери в центральной части, то они будут охранять припасы и раздавать их зимой, когда еды меньше всего, но вместо этого они просто прибрали всё к рукам и стали продавать пайки, а не раздавать. А после зачистки я вообще оборвал с ними всякую связь. Меня тут же начали искать и угрожать. Я мягко намекнул им тем взрывом на площади, что меня лучше не трогать, но это помогло только на время. Но я хорошо умею прятаться!

– Интересно, когда тьма овладела его душей?.. – поник Блюм.

– Я с самого начала понимал, что эта система не жизнеспособна, – продолжил ЭрДжей. – Вся власть в руках одного. Рано или поздно он захочет большего. Больше признания, поклонения, почитания, страха. Так и случилось! Первая чистка. Потом вычистили

гипермаркет. Прошлись волной по другим частям мегаполиса. Кое-где им даже дали отпор, но на этом всё и закончилось. Дальше была зачистка жилых домов, но, благо, никто не погиб. Всех просто согнали ближе к центральной части, чтобы было легче управлять. Все считают его умным, а я считаю, что он осёл, ничего не понимающий в стратегии и тактике. Обыкновенный обиженный ребёнок. Просто он наведался в Парк и тут же стал местным божеством.

– Но ведь у него и, правда, есть особенные силы… – перед глазами девочки сразу всплыл образ падающего Блюма по велению Стража.

– Та бред это всё! Подчинение! Ты сама-то хоть раз видела эту его «магию»?

Девочка и Блюм помрачнели на глазах.

– Чего молчим? Сказать не чего? Правильно. Потому что это сказки горожан в чистом виде. Не бывает так, чтобы приказал и…

– Он использовал её на мне… – тихо сказал Блюм.

– Что?.. Ты врёшь!

Блюм отрицательно покачал головой.

Теперь молчал Изобретатель. Он, конечно, не допускал даже малейшей вероятности волшебства и магии Парка, но он ещё не встречал тех, кто испытал на себе его особую силу. Обычно те, кто удостоился такой чести – погибали.

– А как это произошло? – спросил Альфред. Он, как и Изобретатель, не знал об этом.

– Это всё было так странно… Он ударил меня ногой в грудь и это был обычный удар, пусть и очень

сильный, но я всё понимал. Я чувствовал боль, ощущал своё тело, даже пытался сопротивляться, но когда он применил эту силу, я просто выпал из реальности. Он приказал мне не двигаться, и я не смог ничего сделать – тело просто не слушалось. Я изо всех сил хотел снова поднять руки, но никак не мог… Перед глазами всё поплыло, и я перестал сопротивляться.

– А что он сделал до того, как приказал? – с серьёзным видом спросил ЭрДжей.

– Ударил меня. А, ещё схватил за шею. И всё…

– Схватил за шею… схватил за шею… Возможно, отгадка кроется в этом жесте… – ЭрДжей приложил руку к подбородку и ушел в размышления. – Возможно, что-то связанное с акупунктурой или болевыми точками… Шея, шея, шея… там сонная артерия. Ал, если пережать сонную артерию, возможен побочный эффект в виде онемения конечностей?

– Онемение такого рода исключено! Тело всеми силами будет бороться за свою жизнь, поэтому эффект будет обратный – человек будет отталкивать нападающего. Сопротивление, и в случае неудачи – резкая потеря сознания.

– Обморок… Блюм, ты был в сознании?

– Да, пожалуй. Я ещё понимал, что происходит, когда вмешались какие-то ребята. Потом всё как в тумане, а дальше я очнулся уже у Альфреда.

– Хмм… Странно, что ты выжил. Обычно он не щадит тех, на ком применяет свою хвалёную силу.

– Нас спасли Последователи, – сказала девочка.

– Семёрка показалась на глаза? Неожиданно.

– Да, они вмешались, и Страж ушел куда-то по делам. Мы чудом остались живы…

– В любом случае, это никакая не магия, не волшебство, не сила Парка или ещё какой-то бред. Просто нужно хорошенечко всё проанализировать. Вот бы посмотреть на это всё со стороны!

– Блюм не мог ослушаться его приказа, что это, если не магия?!

– Это не его сила, – неожиданно сказал Блюм.

– Что ты имеешь в виду? – удивилась девочка.

– Я не знаю, как это объяснить, но это не его сила.

– Вот видишь, – самодовольно подхватил ЭрДжей, – даже Блюм внемлил голосу здравого смысла!

– Не может столь тёмная душа обладать такими силами… – закончил он свою мысль.

– А нет, показалось… – отметил для себя Изобретатель. – Перчик, и вы все, слушайте и внимайте моим словам. Мы придём в Парк, и не будет там никаких волшебных испытаний, злых духов и желаний! Страж просто обманщик и возможно неплохой оратор, но не более! И я вам всем это докажу, когда мы придём в Парк.

– Даже не знаю, чего я хочу больше, чтобы Страж оказался обманщиком или чтобы там, правда, были силы, способные выполнить желание… – задумчиво сказал Альфред и принялся готовиться ко сну.

Он достал из рюкзака тёплую кофту и очень маленькое одеяльце, на котором еле помещался, а сам рюкзак стал подушкой.

– Стой, ты уже спать? – удивился ЭрДжей.

– Ну да. Для меня это был очень сложный день.

– И что, вот так просто возьмём и уснём?

– А что ещё делать? – пробурчала девочка, которая тоже мостила себе место для ночлега.

– Ну, как это что? Я ничего о вас не знаю, вы ничего не знаете обо мне. Самое время узнать друг друга получше, сблизиться, стать единым целым, командой.

Все слышали в его голосе сарказм.

– К чему эта провокация? – спросил Лекарь.

– Никакой провокации, простое знакомство! Ну, с чего начнём? Во сколько кого бросили родители? Или кто был самым ярым обидчиком детства?

Наступило тяжелое молчание – у каждого здесь были горькие воспоминания.

– Я спать, – после небольшой паузы ответила девочка и отвернулась от костра и ребят.

– Я как раз подбирался к вопросу о тебе, Перчик. Почему у тебя нет имени? Ты, кажется, сказала, его у тебя забрали. Щекотливая тема – вечный позор. И за что?

Она ничего не ответила.

– Блюм, а ты, что скажешь? Откуда столько шрамов на руках и ногах?

Блюм посмотрел на свои руки, но отвечать тоже не стал, поэтому продолжил готовиться ко сну.

ЭрДжей перевёл взгляд на Лекаря. Тот умиротворённо смотрел на догорающий костёр.

– Свою первую в жизни медицинскую книгу я нашел в мусорном баке, в который меня закинули парни постарше. Я увидел её там, среди вонючих, гниющих отбросов, чудом уцелевшую, пусть и не

полностью. Книга – такая редкость! Я боялся, что если я сразу начну вылезать с ней, то они у меня её тут же отнимут. Поэтому я сидел там довольно долго, выслушивал их шуточки и ждал, когда они уйдут. Это был конец зимы, и сидеть в железном баке было довольно холодно, но я не сдавался. Сидел там, пока им не наскучило, и они ушли. Вылез я с большим трудом конечно, но книга была у меня. Я промёрз до костей, потом ещё заболел, но я в жизни не был так счастлив. Я тогда не умел читать, но от других знал, что в книгах записаны знания, а в этой я увидел картинки людей с разных ракурсов, и что самое главное – там были нарисованы здоровые ноги. Я подумал, что это может мне помочь, – печально улыбнулся Альфред. – Это дало мне надежду, хоть и мнимую, но я был рад, что у меня появилось что-то своё.

Пыл Изобретателя поубавился, впервые за всё их знакомство его лицо приняло сочувствующее выражение. Альфред перевёл свой взгляд с костра на Эр-Джея:

– Ну что, ты чувствуешь, как мы сблизились? По твоим ощущениям, мы уже единое целое?

Изобретатель понимал, что здесь не нужен ответ, поэтому просто отвёл свой взгляд, в то время как Лекарь выглядел спокойно и расслабленно.

– Мать бросила меня так рано, что я даже не помню её лица. Как я выжил – представления не имею. Самые ярые обидчики детства – все, кого я тогда знал.

– Мне жаль…

– Не смей меня жалеть.

Он не злился на ЭрДжея за эти расспросы. Многое пришлось перерасти и спрятать глубоко внутри. Потребовалось немало времени, но всё же Альфред нашел в себе силы, чтобы простить своих обидчиков и смириться с тем, что он не в силах изменить.

Больше ЭрДжей ничего не спрашивал, и Альфред решил не бороться с желанием спать. Он свернулся калачиком на своём маленьком покрывальце и завернулся в кофту. Сон мгновенно окутал сознание Лекаря и тот провалился в звёздное небо. Он долго-долго падал, потом куда-то бежал. Там были и Блюм, и девочка, и ЭрДжей. Они все куда-то бежали, а звёзды меняли своё расположение, направляя их, пока они наконец-то не увидели свет и не вышли с туннеля…

Так начался новый день…

– Глава 6 –

Компаньоны

Утро было тёплым и солнечным. В железную конструкцию туннеля проникали яркие лучи утреннего солнца, и на свету можно было увидеть, как в воздухе летает пыль.

Первой проснулась девочка. Она не сразу поняла, где она, поэтому какое-то время просто лежала с приподнятой головой, пытаясь восстановить в памяти события вчерашнего дня. Воспоминания её не обрадовали, даже больше – она почувствовала острую тревогу внутри. Это чувство пробежалось по телу неприятным разрядом и заставило в ту же секунду окончательно проснуться.

Она осторожно направилась к выходу из туннеля, чтобы никого не разбудить. Её взгляд остановился на спящем Альфреде. Его длинная чёлка спа́ла с лица и полностью открыла его. Бледная кожа, впалые щёки, огромные веки, но, не смотря на его болезненный вид, выглядел он вполне расслаблено. Девочка улыбнулась и пошла дальше к выходу.

Она надеялась, что когда покинет эту угнетающую ржавую конструкцию, то ей станет легче, но этого не случилось. Ни тёплое весеннее солнце, ни выход из туннеля не помог ей справиться с тем ужасным ноющим чувством внутри. Позади неё город, в котором ей желают смерти, а впереди неизвестность. Что же она натворила?..

Но пути назад нет. Где-то там далеко, в этой самой неизвестности, находится её брат – самый дорогой для неё человек. Она должна сделать всё, что в её силах, чтобы спасти его. От Парка или от Стража – это уже другой вопрос. Главное догнать его и не дать совершить эту ошибку.

Девочка присела на землю и погрузилась в эти мысли. Они были ужасно тяжелыми для неё, но она была не в состоянии прогнать их. Она настолько ушла в свои размышления, что даже не услышала звук приближающихся шагов позади. Поэтому когда Изобретатель присел с ней рядом, она громко ойкнула и дёрнулась от неожиданности.

– Нельзя же так пугать!

– Да кто пугает то? Я проснулся, тебя на месте нет, подумал, может одна уже ушла.

– Я, по-твоему, настолько глупая? – немного обождав, она добавила: – Я понимаю, что мне и дня не прожить без вашей помощи. От меня толку мало.

– Ну, как-то же все справляются без чьей-либо помощи. Ты чем хуже?

– Я так не умею...

– Как ты живёшь вообще? Ты совершенно не приспособлена к одиночеству, – зевая, произнёс Изобретатель.

Девочка ничего не ответила. Только сильнее опустила голову, позволив растрёпанным волосам полностью скрыть из виду глаза.

– Я долго думал, почему горожане выбрали такой способ жизни: рано оставлять детей, жить самим по себе и сбиваться в кучи, только когда это выгодно

всем. Потом понял – один ты можешь гораздо больше. Тебя никто не отвлекает и не ограничивает. Поэтому я и не привязываюсь ни к кому, – завершил свои размышления ЭрДжей.

После этих слов он встал с корточек, и, сделав несколько разминочных движений корпусом, пошел обратно в туннель, чтобы разбудить остальных. Он не понимал девочку, правда не понимал, но почему-то после этого короткого разговора ему и самому стало грустно. Правда, ненадолго. Он грустил ровно до того момента, пока не зашел обратно в туннель.

А девочка всё так же не могла выйти из этого состояния. Переживания истощали её изнутри. Вставать было очень тяжело, будто на плечах было ещё не меньше двух таких, как она.

Девочка посмотрела на ржавый туннель, затем перевела взгляд на видневшиеся вдали верхушки высоток её родного города. Брат дороже ей всей этой груды развалин.

В этот момент из туннеля вышел сонный Блюм, почёсывая свою огненную шевелюру, за ним следом проковылял Лекарь, затем показался и ЭрДжей. Он что-то сказал, и все трое засмеялись. Девочка не придала значения словам, она сконцентрировалась на интонациях. Голоса были спокойные, даже радостные.

С лица Блюма не сходила улыбка. Его светлая душа была рада новому дню и новой компании. Лекарь хоть и выглядел немного встревоженным, но в его глазах была заметна надежда. Этот человек наконец-то освободился, хотя сам ещё это не понял.

Девочка смотрела на них и не могла понять, что это за тёплое и трепещущее чувство вытесняет тревогу и страхи. Вот они – люди, которыми восхищается весь мегаполис, которыми восхищается и она.

– Эй, ты, там! Иди к нам! – позвал девочку ЭрДжей.

Её минутный наплыв чувств моментально был развеян этими словами.

– Как ты меня назвал? Эй ты?!

Вернувшись ко всем, она стала помогать собирать вещи. Их вчерашний ночлег был спонтанным, поэтому сборы прошли быстро.

Девочка провела взглядом поломанные рельсы. Какое-то время они шли прямо, а затем сворачивали в сторону и скрывались из виду. Если верить легенде, то идти нужно всё время прямо-прямо в сторону заката, никуда не сворачивая. Ребята закинули рюкзаки на плечи и ещё какое-то время молча стояли, всматриваясь в горизонт.

– Да уж, сплошной пустырь под открытым солнцем, – недовольно подметил ЭрДжей. – Но из всего можно извлечь пользу, – и Изобретатель достал из рюкзака лампу, одев её наперевес.

– Ну и зачем она тебе сейчас? – удивилась девочка.

– Пусть заряжается, пока мы в пути. Тем более идти целую вечность…

– Значит, не будем терять времени, – сказал Альфред и решительно поковылял вперёд, опираясь на своих «помощников».

Все понимали, что эти слова были адресованы, прежде всего, ему самому. Поэтому остальные без каких-либо договорённостей решили держать темп Альфреда.

Шли они молча. Сложно сказать, сколько длилось это молчание, но оно затянулось даже по местным меркам, но казалось, что дискомфорт от него испытывал только Блюм. Ему хотелось о чём-то поговорить с ребятами, узнать что-то о них, развеять этот мрачный настрой, но лицо Альфреда было серьёзным и сосредоточенным, девочка была грустной и шла, смотря под ноги, а ЭрДжей был в своих мыслях. Блюм не знал, как завести разговор, чем поинтересоваться и у кого первого, поэтому они и дальше шли, не говоря ни слова, пока Изобретатель сам не нарушил тишину:

– Так и будем идти молча всю дорогу? Или вы хотите провести последние дни вашей жизни в немом унынии?

– Это не последние дни нашей жизни, мы пройдём испытания и обязательно выживем, – серьёзно ответила девочка. – И почему это «наших»? Ты тоже идёшь с нами!

– Из нас двоих я обладатель блистательного ума. Не Парк представляет угрозу, а возвращение в мегаполис.

– Так ты не о Парке беспокоишься? – удивился Блюм.

– Нет, конечно! – воскликнул тот. – Я уверен, что мистика, приписываемая Парку – это очередные суеверия горожан, а вот Страж – это угроза. Такое он с рук не спустит.

– Даже так, ты пошел с нами, а значит, Страж опасен и для тебя.

– Ошибаешься, Перчик. Как ты помнишь, я присоединился к вам в Нижнем городе, в момент, когда стражей там не было, а значит, меня никто с вами, беглецами, не видел. Я вне подозрений, – самодовольно произнёс ЭрДжей.

– Сначала испытания Парка пройди, а потом языком чеши…

– Ой, Перчик, да ладно, испытания Парка? Серьёзно думаешь напугать меня этими россказнями?

– Зря ты так говоришь о Парке, ЭрДжей, – вмешался Блюм, предчувствуя новую ссору. – Этот мир полон загадок и тайн, мы не можем знать наверняка, что нас там ждёт.

– Зачем ты вообще идёшь, если не ради желания? – раздраженно спросила девочка. – Все мы идём туда с целью, а ты будто ради веселья пошел, от не чего делать!

– Я иду туда, Перчик, с целью ещё более великой, чем ваша. Я хочу доказать всем глупеньким запуганным людишкам в нашем городе, что нет в мире таких вещей, которые не может объяснить наука, и что Парк – это всего лишь порождение страхов и фантазий, как собственно и сила Стража.

– А как ты тогда объяснишь его власть над людьми? – не унималась девочка. – Как говорят, его

невозможно ослушаться. Я как-то подслушала разговор стражей на улице. Они говорили, что когда он приказывает им что-то, они ничего не могут с собой поделать и выполняют. Почему они не могут ослушаться его?

– Мозгов своих нет потому что!

– Давай лучше у Блюма спросим, он ведь попадал под его чары.

– Малыш сам же вчера сказал, что это не его сила. Не может быть так, понимаешь? Я не верю в чудеса, в суеверия, в обереги эти ваши, по всему городу навешали! Вот от чего они защищают? От ветра, или может от холода, или того же Стража? От того, что ощутимо может ударить тебя по лицу или заставить твой зад замёрзнуть. Но нет, мы защищаемся от кого? Вот скажи мне, Перчик.

– Ты не понимаешь, злые духи…

– От духов! Да! Обереги защищают от злых духов! – перебил девочку ЭрДжей. – Вот ты лично видела хоть одного духа?

– Нет, но я знаю тех, кто видел!

– И ты, конечно же, им поверила… – закатил глаза Изобретатель. – Блюм, вот ты видел хоть одного духа?

Фантаст какое-то время не отвечал, подбирая нужные слова. Он чувствовал, что настрой у этого разговора далеко не дружеский, нужно говорить осторожно.

– ЭрДжей, одного разума недостаточно, чтобы в полной мере понять этот мир. То, что ты видишь или

слышишь – только часть тех удивительных вещей, которыми наполнена жизнь. Да, возможно духи во плоти не летают по городу, но не нужно говорить, что в мире нет ничего необъяснимого. Магия есть во всём, что нас окружает, и в нас самих. Волшебство в самой жизни, понимаешь?

– Малыш, я ценю твой творческий потенциал, но это всё тоже далеко от истины.

– Каждый человек своими руками выстраивает собственную истину, исходя из полученного им опыта.

– Не плохо сказано, но нет. Истина одна, и она имеет формулу!

Блюм раздосадовано выдохнул.

– Так тебе её никогда не постичь.

– Много ты понимаешь.

После этих слов Изобретатель отвернулся от компании и скрестил руки на груди.

– Я согласна с Блюмом. Волшебство существует, а мысль о том, что оно в нас самих мне нравится ещё больше!

Девочка и Фантаст улыбнулись друг другу.

– Улыбка друга – это тоже магия этого мира, – радостно изрёк он. – А тебе, ЭрДжей, стоит попробовать больше чувствовать и чаще слушать своё сердце.

Изобретатель приподнял одну бровь, но ничего не ответил на этот раз. Не смотря на его холодный ум и самообладание, в этот раз всё же что-то в нём немного вскипело, но показывать это он не стал. Просто сделал для себя вывод, что девочка немного глуповата, и к тому же своевольна, что в сумме может стать

проблемой. Блюм неисправимо наивен и мыслит, как ребёнок, что не удивительно, ведь он младше всех. Вся надежда была на Альфреда. По тем слухам, что доходили до него, он мог смело предполагать, что Лекарь человек умный и начитанный. Как ни как, он тоже изучает древнюю науку, пусть и в другой области.

– А ты что молчишь, Ал? – спросил ЭрДжей. – Твоё мнение по поводу волшебства, духов, магии, проклятий улиц и прочего…бреда? – ЭрДжей специально выделил интонацией последнее слово.

– Духи, проклятия и суеверия, правда, местами лишены всякого смысла, – запыханно начал Альфред.

– Вот! – самодовольно выкрикнул ЭрДжей. – Хоть кто-то здравомыслящий среди нас!

– Я не договорил, – продолжил Альфред. – Многие из перечисленных тобой вещей навязаны страхом. Логика – это только малая часть нашего разума, – Альфред делал паузу после каждого предложения, стараясь не спеша набирать воздух. – Все твои мысли и знания, полученный опыт, убеждения – это осознанное. Это то, что ты понимаешь и то, на что можешь оказывать влияние, но ведь так бывает не всегда…

Когда человек находится в ситуации, которую не в силах контролировать, когда увиденное или услышанное не поддается логическому объяснению, что тогда? Как обезопасить себя от того, что ты не в силах сдерживать? Неизвестность пугает сильнее всего. Если в городе кто-то увидел что-то, чему не смог дать объяснение – проще назвать это духом и вбить себе в голову, что оберег поможет. Таким образом, человек

спасён и больше нет страха. Кто-то увидел, что одному это помогло, и тоже сделал оберег. И так все в безопасности, вот и всё.

– Это и есть глупость!

– Это есть самозащита. Ты не можешь называть всех людей глупыми только потому, что они хотят быть в безопасности. Посмотри, как мы живём. Опасность отовсюду! Человечество не выжило бы в таком шатком и нестабильном мире без веры. И я сейчас не только о богах, приметах и суевериях говорю. Это может быть что угодно – добрый дух, законы Вселенной, Бог за облаком, да хоть священный придорожный камень! Пусть это не научно, но это даёт веру на спасение, и по своему опыту врачевателя скажу тебе, что нет ничего сильнее веры.

– Вот именно! Как ты можешь защищать такие абсурдные вещи, если ты врачеватель? Твои пациенты молятся богам и духам, но спасаешь их ты, а не мистические силы!

– Как-то раз, у меня был очень плохой пациент. Я думал, что он не переживёт эту ночь и я решил не лукавить и сказал ему об этом, а он ответил мне: «Конечно, я выживу, ведь ты меня вылечил». Я был уверен, что он не доживёт до утра, но он выжил, и жив по сей день! Потому что он верил, что опасность миновала. И вообще, подумай, о чём всегда просят духов, о чём молятся Богам? Все молитвы, все до одной – они о здоровье, ЭрДжей. Если выдуманные боги или духи хотя бы на долю секунды вселяют людям надежду на выздоровление или на жизнь без боли, то я считаю, что это имеет место быть.

ЭрДжей переваривал информацию, полученную от Альфреда, и был ею не удовлетворён. Он всё равно считал, что абсолютно прав, а Ал использует слишком размытые аргументы.

– То есть, ты считаешь, что верить в духов хорошо?

– Никакого вреда это не несёт.

– Я тебя не понимаю… – пробурчал ЭрДжей.

– Это вполне нормально, ЭрДжей, ведь мы все мыслим и думаем по-разному. По-разному смотрим на одни и те же вещи, и одни и те же вещи вызывают у нас совсем не одинаковые чувства. Я думаю, именно поэтому мы часто не понимаем друг друга, хотя разделяем один и тот же мир. И как жить и во что верить – это выбор каждого. Ты можешь не принимать чужую точку зрения, но ты должен понимать, что и другой человек делать это тоже не обязан.

ЭрДжей только открыл рот, чтобы сказать новый аргумент, как Альфред его опередил:

– Давай закроем эту тему, она не ведёт нас к общему мнению и мы её не обсуждаем, а спорим. Всё равно мы не знаем правды, – поставил он точку в этой дискуссии.

На этом их разговор и закончился – дальше они шли в тишине, размышляя каждый о своём, и Блюма уже устраивало, что все молчат, но ведь с другой стороны это не выход. Если всё путешествие пройдёт так, то это катастрофа...

Они шли уже добрых полдня без привала, Лекарь явно устал, хоть и пытался всеми силами делать вид,

что это не так. На горизонте начало виднеться одинокое дерево с длинными пологими ветками. Листьев на нём ещё не было – только молодые почки, но какую-то тень оно всё же создавало.

– Эй, Ал, устал? Сделаем привал? – спросил ЭрДжей.

– Я не устал… – мрачно ответил Лекарь.

Девочка видела, каких усилий ему стоит дорога, она не собиралась оставаться в стороне.

– Конечно он устал! Сейчас же делаем привал!

– Я сказал, что не устал! Не нужно меня жалеть! – Альфред в непривычной ему манере прокричал эти слова и буквально выместил всю ту усталость и злость на девочку.

Щёки вспыхнули, а к глазам подступили слёзы. Она опустила голову и шла, глядя себе под ноги. Ей было очень горько, ведь она хотела, как лучше.

Лекарь сразу же пожалел, что накричал на неё, но почему-то выплеснув это, ему стало легче. Но ведь нельзя так срываться на людях, тем более на этом комке сплошных эмоций.

– Ух ты, если бы я так тебе ответил, ты бы меня уже на кусочки пыталась порвать, – будто невзначай заметил ЭрДжей.

– Я не пойму, тебе нравится меня злить? – теперь у девочки появился повод выместить на ком-то свой гнев.

– Вот об этом я и говорю, – дальше подначивал ЭрДжей.

Всё снова выходило из-под контроля.

– Так, всё, стоп! – закричал Блюм. – Так дальше продолжаться не может! Сейчас мы молча доходим до дерева и делаем привал, и во время привала пытаемся друг друга не злить, не оскорблять и не обижать. ЭрДжей не задирается, Альфред не требует от себя невозможного, а ты не срываешься по любому поводу. Нам быть в дороге ещё очень долго, проявите хотя бы уважение!

Альфред и девочка молча направились к дереву, понимая, что Блюм прав, ЭрДжей же скептически отнесся к его замечаниям. Он не воспринимал всерьёз его и девочку, но так уж вышло, что он и сам подустал, поэтому без возражений пошел следом за всеми.

Ребята дошли до дерева и рухнули на пыльную землю у его корней. Настроение у всех было, что ни есть паршивое. Урчание в животах напомнило им, что они сегодня ещё не ели, поэтому все принялись разбивать мини-лагерь, всё так же молча. В общих приготовлениях не учувствовал только ЭрДжей. Он снова показательно достал собственные консервы и на этот раз никто ничего ему не сказал. Остальные решили спечь по картошке.

Блюм смотрел на это всё и не знал, что делать. Он понимал, что ему одному не хватит сил, чтобы сплотить ребят. Для этого понадобится как минимум чудо.

После небольшого перекуса и отдыха настроение у всех явно улучшилось. Лица уже не были та-

кими хмурыми, и атмосфера стала более дружелюбной, но всё равно чувствовалось, что между этими людьми ещё не установилась связь.

Когда девочка доставала флягу с водой, она случайно зацепила медальон и тот выпал из рюкзака. Все обратили внимание на блестящую вещь, лежащую в пыли. Девочка поспешила положить его обратно.

– Перчик, что это?

– Медальон моего брата, – холодно ответила она.

– А почему не оденешь? Может потеряться, с твоей то неряшливостью.

Она нарочно пропустила последнюю фразу мимо ушей.

– Отдам ему, когда увижу, и пусть сам носит свой медальон. Мне не нужны прощальные подарки… – затем немного погодя добавила: – И не называй меня больше «перчик», понял?

– Но как-то же тебя нужно называть.

После этих слов девочка задумалась.

– Имя должно что-то означать, и его нужно заслужить… – грустно ответила она.

– Имя «Альфред» я выбрал себе сам. Так звали автора моей первой медицинской книги, и я решил перенять его.

– И я сам себе имя придумал, – сказал ЭрДжей. – Эти причуды про «заслужить» оставь глупышам из мегаполиса. Вот тебе, Перчик, задание: если не хочешь, чтобы я называл тебя всю оставшуюся жизнь «Перчик», до конца этого дня, ты должна сама придумать себе имя.

Какое-то время девочка колебалась, но затем решительно выпалила:

– Ладно! Так и поступлю! Жизнь моя висит на волоске, так что я могу себе позволить собственное имя!

– Вот это настрой, вот это я понимаю, – с долей сарказма сказал ЭрДжей и положил свою огромную ладонь на макушку девочки и похлопал несколько раз по ней, напоследок, взъерошив волосы.

Это было настолько неожиданно, что она даже не успела как-то среагировать. И когда ЭрДжей убрал свою руку, девочка так и сидела в шоке с торчащими во все стороны волосами.

– А это, что сейчас было?..

– Порыв, – непринуждённо ответил ЭрДжей. – Я руководствовался не разумом, а чувствами – и вот результат.

Блюм и Альфред не скрывали улыбку.

– А что? Учусь жить сердцем, чувствовать момент и всё такое. Как ты и просил.

Блюм вдруг почувствовал, что что-то изменилось. Возможно, чудо и не понадобится. Шаг за шагом эти души осознают, что они встретились не просто так, и когда они это поймут, то их пути больше никогда не разойдутся.

– Блюм, а как ты себе имя выбрал? – поинтересовался ЭрДжей.

– Никак, мне его дали.

– Кто? – искренне удивился Изобретатель. – Имечко довольно странное.

– Ей! – девочка толкнула его в плечо.

– Ничего, – добродушно ответил Блюм. – Имя, правда, не обычное, но мне его дала сама Земля. Так что я горжусь, что меня так зовут.

– Эмм, Блюм, не хочу тебя расстраивать, но земля не может говорить. Земля – это… земля, – Эр-Джей попытался перевести разговор в шутку.

– Ошибаешься, мой друг. Земля – это великая и мудрая душа, она умеет чувствовать, видеть, слышать и даже говорить. Просто люди не понимают её слов. Я здесь только благодаря ей.

Разубеждать Блюма было бесполезно. Все нормально относились к его странностям, ведь по сути каждый здесь по-своему не вписывался в местные рамки нормальности. Ребята прекрасно знали, что своё второе имя – Фантаст, он заслужил благодаря рассказам о мире, вселенной и космосе. Возможно, это как раз тот случай, поэтому никто не стал его перебивать или доказывать обратное.

– Ну и как это было? – спросил Изобретатель.

– Только не смейтесь, мой рассказ – чистая правда! – сказал Фантаст, улыбаясь.

Все переглянулись и тоже заулыбались. Конечно, никто не думал, что Земля в действительности дала имя Блюму, но в тоже время было интересно узнать, как это было. Они уселись поудобней и были готовы слушать.

– Как-то раз, не так давно от моего появления на земле, меня избили без особой причины. Я лежал на земле, а накануне как раз прошел дождь. Я спросил Землю, почему меня не принимают? И в ответ она

дала мне имя. На луже, рядом с которой я лежал, появился пузырь, и он лопнул прямо возле моего уха, издав звук «блюм».

Какая-то секунда удивлённого молчания и все взорвались смехом. Ребята буквально схватились за животы и смеялись до слёз.

– Эй! – тоже улыбаясь, попытался возмутиться Блюм. – Это не шутка!

– Но как же… это же… – сквозь смех пытался сказать ЭрДжей. – Прости, малыш, но это самая смешная история имени, которую мне доводилось слышать!

– Ты бы затмил этой историей Короля Ступенек! – сквозь смех сказал Альфред.

– Да, это точно, – вытирая слёзы, подтвердил ЭрДжей.

Ребята уже успокаивались, и Блюм был рад, что его история заставила их улыбаться. Их смех не был надменным или злым, и смеялись они не над ним, а над комичностью ситуации.

– А со временем мне дали второе имя – Фантаст. Тут, я думаю, не нужно ничего объяснять.

– Чёрт, пузырь на луже. Ну, ты даёшь, – Изобретатель смотрел на Блюма и удивлялся.

– Да, в этом мире полно удивительных вещей, – с видом истинного мудреца изрёк Фантаст.

– И ты одна из них.

После этих слов ладонь ЭрДжея легла на макушку Блюма и его волосы встретили ту же участь,

что и у девочки, но Фантаст был и без того очень кудрявым, поэтому лохматее не стал. В этом жесте было много тепла.

ЭрДжей не понимал почему, но он вдруг стал совершенно по-другому смотреть на Блюма. Да, он полная противоположность ему самому, и обладает всеми нерациональными качествами, которые он терпеть не может, но почему-то этот рыжий, золотоглазый парень располагал к себе. Он искренний, добрый, уверенно идёт своей дорогой и не обращает внимания на то, что о нём думают.

Но не только это занимало мысли Изобретателя. ЭрДжей совершенно не понимал, почему ему так весело в этой компании. Его всегда раздражали другие люди. Они глупые и загнанные в угол собственной ленью и нежеланием думать, и каждый из здесь присутствующих тоже вполне себе имел недостатки, но почему тогда с ними просто и весело? Это требовало размышлений. Он ненадолго отложил эти мысли, при условии, что обязательно к ним вернётся, а сейчас было кое-что поважнее.

– И так, – начал ЭрДжей, удобно усаживаясь под деревом, – оставим ненадолго веселье и поговорим о цели путешествия. Перспективы наши неутешительны, но всё возможно, если придумать хитроумный план.

– Вот только планировать не чего, – грустно подметила девочка. – Всё, что мы знаем, что в Парке нас ждут смертельно опасные испытания!

– Поубавь свой пыл, Перчик. С вами я, а значит, миссия обречена на успех! И так, – взял на себя внимание ЭрДжей, – перспективы у нас так себе, но благо, у вас есть умный я. И не смотри на меня так, Перчик. Да, именно мой ум и дальновидность помогут нам в этом «смертельно опасном» приключении. Но это при условии, что Парк не выдумка, а я знаю, что это выдумка, поэтому оно не смертельно опасное, а скорее просто небезопасное, но дабы успокоить ваши умы, я предлагаю вашему вниманию… – ЭрДжей полез в рюкзак и какое-то время искал в нём что-то. – Та дам! – он достал маленький коричневый блокнот со спиральной пружинкой и ручкой, прикреплённой к нему. – Вы знаете, что я иду с вами не ради желания, а с целью разоблачить этот глупый миф. Для нашего города Парк имеет особое значение, потому что у нас проживало три человека, которым удалось вернуться оттуда живыми. Парк навевает страх и ужас. Сама мысль о нём пропитана отчаянием и…

– ЭрДжей, – аккуратно начала девочка, – ты не мог бы покоро…

– Тсс! – указательный палец ЭрДжея просигнализировал о том, что Изобретателя перебивать не стоит. – Так вот, именно этот страх и порождает огромное количество сказаний, мифов и легенд, окутывающих это место. В своё время меня заинтересовал тот факт, что все те ужасы, которые люди описывают, никогда там не быв, как ни странно, в большинстве случаев совпадают. Возник вопрос, откуда они взяли эти факты? Главным источником сведений о

Парке является, уже давно покинувший наш мир, Бредди Бур.

– Ooox… – девочка не сдержала эмоций. – Старшие постоянно пугали нас его духом. Говорили, что все трусы будут наказаны Бредди Буром.

– Если верить слухам о нём, – возобновил рассказ ЭрДжей, довольный, что произвёл такое впечатление на слушателей, – он был вторым, кто вернулся из Парка. Желание он попросил не какое-нибудь, а чтобы все рассказанные им истории были чертовски смешными! Да кто же просит такое?.. Но суть не в этом. В отличие от Стража, он не скупился на рассказы об этом месте. Всё, что горожане знают о Парке, они узнали от этого болтуна, истории которого, по слухам, действительно были такими, что все животы рвали, хотя я склонен думать, что у него просто талант от природы. А теперь, ближе к сути, – он поднял руку, в которой держал свой блокнот, напоминая о нём. – Заинтересовавшись этими бреднями, я решил собрать некоторые факты про Парк, ну хотя бы для будущих поколений. Всё же я надеюсь, что однажды люди образумятся, и снова будут изучать науки, а не слепо верить в нелепые страшилки. В этом блокноте все самые часто повторяющиеся факты про Парк. Ну, вы готовы услышать, на что мы себя обрекли, если верить Бредди Буру и компании?

Девочка закусила нижнюю губу, Блюм нервно сглотнул, даже Ал выглядел более обеспокоено.

ЭрДжей с наслаждением наводил страх на ребят. Он обвёл всех лукавым взглядом и начал повествовать:

– Первое упоминание о Парке, как о магическом месте, было намного раньше Бредди Бура. Старая Сицилия, мать матери, сложно сказать кого, ведь семьями давно никто не живёт, когда была ещё жива, поведала мне, что она узнала о Парке от своей матери, которая к слову, бросила её в довольно зрелом возрасте, что уже само по себе странно.

Лекарь и девочка внимательно слушали ЭрДжея, они знали упомянутую леди, а потому были вовлечены в рассказ. Блюм же не знал, кто это, но усердно делал вид, что понимает, о ком идёт речь.

– Она рассказала, как однажды в детстве баловалась, как и положено детям, чем весьма раздражала мать, и та, чтобы усмирить её рассказала ей историю о том, как один сорвиголова отправился в Парк Развлечений, чтобы подвергнуться немыслимым испытаниям и попробовать добыть желание, но, увы, так и не вернулся. И ещё мать добавила, что если та не перестанет баловаться и раздражать её, то она отведёт её в Парк и оставит там, на съедение духам. Поскольку Парк находился не за соседним бугром, а неисчислимо далеко, Сицилия решила, что лучше не злить мать, ведь даже, если она выживет, то не найдёт дорогу домой. Это даёт мне все основания, думать, что Парк не более чем детская страшилка.

Но, тут в её рассказе появляется некий Фостер Завоеватель! Первый человек, вернувшийся с Парка, но вот неудача – он был немым, и поведать об ужасах, которые там увидел, не смог. Всю оставшуюся жизнь, он провёл как отшельник на окраине города, куда мало кто приходил. Этот факт только подтверждает,

что Парк выдумка, ведь Фостер хоть и вернулся, но рассказать ничего не смог. Кстати многие считают, что он попросту не сумел озвучить своё желание, поэтому и вернулся ни с чем. Но дальше становится интереснее, ведь следующий отчаянный малый, который вернулся, был славно известный Бредди Бур, который рассказал очень много!

Я не смогу опровергнуть ни одно его слово, пока не увижу всё своими глазами, поэтому пока что его истории – самый достоверный источник сведений об этом месте. Немаловажным фактом является то, что спросить у него лично я не мог, потому что родился после его смерти, и вполне вероятно, что нынешние слова уже намного зловещей оригинала, ведь люди любят приукрасить, – ЭрДжей аккуратно раскрыл свой блокнот. – Самые, на мой скромный взгляд, интересные факты про Парк:

Факт №1: идти нужно всё время прямо-прямо, в сторону заката. Это уже знаем.

Факт №2: чтобы добраться к Парку, нужно будет пройти через каменистый пустырь, а потом через лес. Есть примечание. Цитата: «Отбрось все сомнения, иначе лес поглотит тебя». Конец цитаты. Понятия не имею, о чём этот бред, но Сицилия была та ещё фантазёрка.

Факт №3: нужно остерегаться города-призрака. А вот это интересно. На моей карте нет никаких других городов, кроме нашего и соседнего мегаполиса с Парком…

Факт №4: на входе в Парк стоят два хранителя, они спросят цель твоего визита, и если ты совершь

или слукавишь, то они убьют тебя на месте. Бред полный.

Факт №5: если хранители разрешат тебе проходить испытания, то нужно будет заключить с ними контракт кровью, и если ты расскажешь, какие именно испытания прошел, то в тот же миг сгинешь. Как удобно, да?

Факт №6: в Парке нет людей. Там живут только духи, черти и нечисть. Ну, это и про наш мегаполис можно сказать…

Факт №7: испытания проходят в несколько этапов и каждый из них смертельно опасный. Ох уж эти сказочники.

Факт №8: после посещения Парка ты станешь другим человеком. Ты увидишь другой мир, и перед тобой станет нелёгкий выбор. Отбрось свою человечность, чтобы твоё желание сбылось…

ЭрДжей закончил свой рассказ и закрыл блокнот. Все сидели тихо и думали об опасностях, которые их ждут. Нужно признать, что уверенность ЭрДжея в мифичности этого места заразительна. Все волей-неволей задумались, что возможно Изобретатель прав, и ничего такого там нет, но в то же время перед глазами стоял образ Стража, которому все подчинялись из-за его устрашающей силы.

– Ну, в любом случае, назад пути нет, – продолжил ЭрДжей. – Страж точит на вас зуб, твой братишка ушел уже очень далеко, так что только вперёд!

Видя, что все по-прежнему никак не реагировали на его слова и находились в каком-то трансе, ЭрДжей решил расшевелить их своим козырем.

– Но я не сказал самую главную деталь. Как мы уже не раз слышали, идти нужно прямо, прямо и только прямо в сторону заката, но это немного размытые ориентиры, вы согласны? – девочка посмотрела на него в недоумении. – Есть ли шанс, что вы знаете, что это и для чего оно нужно?

И он достал со своего рюкзака что-то круглое, металлическое и сверкающее на солнце. Что-то, что безошибочно приведёт их в Парк.

– Компас! – радостно воскликнула девочка.

– Ого, Перчик, ты знаешь что это! – по-настоящему удивился ЭрДжей.

– Прекрати называть меня перчиком! И да, я знаю что это. У Потти был такой, – она осторожно взяла компас из рук ЭрДжея и принялась внимательно рассматривать. – Только у моего брата он был меньше и не такой красивый.

Девочка передала его Альфреду.

– Хоть я и не разделяю твою уверенность в том, что в Парке нет испытаний, но компасу я рад.

Дальше железный путеводитель по праву перешел в руки Блюма. Он крутил его и вертел, а стрелка всё время указывала в одну сторону.

– Он что, сломанный?

– Вот мы и нашли того, кто не смыслит в географии, – улыбнулся ЭрДжей. – Он работает правильно, малыш.

Блюм так и не понял, чему все так рады. Он всегда полагался на внутреннее чутье и не представлял, как эта железка со стрелочкой может им помочь. Он

осторожно протянул компас обратно ЭрДжею и тот засунул его в карман своих брюк.

– Ну что, отдохнули? – спросил Изобретатель, вставая с земли.

– Да… – все нехотя согласились и начали одевать рюкзаки.

Но не успели они далеко отойти от места отдыха, как на горизонте начало виднеться какое-то строение. ЭрДжей посмотрел на компас, и понял, что оно немного отходит от нужного курса, но не критично, а значит, можно пройтись к нему без особой потери времени.

– Эй, народ, вы видите там вдали какое-то здание? – и он указал рукой в нужную сторону.

Все дружно принялись всматриваться. И действительно, на горизонте что-то виднелось, но с такого расстояния было невозможно понять, что конкретно это было.

– Такс, команда, идём к нему! – уверенно заявил ЭрДжей.

– А ты не хочешь сначала спросить наше мнение? – спросила девочка.

– Да брось! Впереди какое-то здание, возможно там есть что-то полезное или интересное, и ты ещё сомневаешься, стоит ли туда идти? И к тому же, я ваш лидер, а команды лидера не обсу…

– Ты кто?! – вскрикнула она. – Кто это решил? Ты сам?

Блюм тоже был не сильно доволен таким заявлением, а Альфред даже остановился от удивления и вопросительно посмотрел на ЭрДжея.

– Наличие единственного путеводного инструмента и холодного рассудка не даёт мне права быть лидером? Это вполне логично.

Девочка громко и уверенно ответила:

– Значит так, лидера у нас нет, всё решать мы будем вместе! Будем голосовать!

– Лидер должен быть! Тем более дело опасное и требует здравого мышления, а после нашего недавнего разговора, я пришел к выводу, что все вы… – ЭрДжей сделал паузу, подбирая нужные слова, – излишне восприимчивы…

– Глупые, суеверные и нерациональные, – закончил за него Альфред.

– Я сказал не это.

– Но подумал так.

– Я сказал то, что сказал.

– Но имел в виду то, что имел в виду.

– Ал, кажется, нить разговора была слегка утеряна… Не о том речь.

– Да! Речь о твоём эгоизме и… и ещё раз эгоизме, и нежелании с нами считаться! – выпалила девочка.

– Ох, Перчик, а ну-ка поподробней! В чём это мой двойной эгоизм? В том, что я хочу, как лучше? Хочу, чтобы у нашей команды был умный лидер?

– А про «не считаться с нами» промолчал… – сказал Блюм Альфреду.

– Угу…

– В том, что ты всё пытаешься решить один! А нас вон сколько!

– Сколько? – заносчиво спросил ЭрДжей, будучи уверенным, что девочка не умеет считать.

На мгновение она прекратила перепалку, обвела всех взглядом и начала загибать пальцы.

– Один, два… три…четыре… Нас четыре! Чтобы ты знал, я умею считать аж до пяти!

– Оооо, столь могучий мозг был сокрыт от нас до этого момента… Да куда мне до столь великого математика?

– Как ты меня назвал?!

Блюм и Альфред уже даже не пытались остановить перепалку. Они терпеливо ждали, когда эти двое выплеснут эмоции и успокоятся.

– Да уж, ей много не нужно, чтобы выйти из себя, – сказал Блюм.

Альфред ещё какое-то время стоял молча, затем на его лице появилась еле заметная улыбка.

– Всегда нравились такие люди. Никаких ограничений.

Фантаст удивлённо посмотрел на Лекаря и затем тоже улыбнулся.

– Вот уж не подумал бы.

А девочка всё не уступала:

– Мы всё будем решать вместе! Сейчас и всегда! Либо так, либо иди один и будь сам себе лидером!

– Я старше всех, умнее, дальновиднее и поэтому мне лучше знать, что правильнее для всех! И я-то могу пойти сам, а вот вы без меня пропадёте!

– Ладно, хватит, остановитесь, криком дело не решишь, – попытался вмешаться Лекарь, но особых результатов это не принесло.

– Тииииииихоооооо! – прокричал Блюм. Эти двое больше не ругались, но испепеляли друг друга взглядом. – Я за то, чтобы всё же сходить к тому зданию, потому что там, правда, может быть что-то полезное.

– Аха! – победно выкрикнул ЭрДжей.

– Но! Это был мой голос. Теперь спросим, что думает Альфред.

– Я тоже за, чтобы пройтись туда, – непринуждённо ответил он.

– Большинством голосов принято решение пойти к зданию. ЭрДжей, ты, несомненно, умнее нас всех, но «лидер» в нашем случае не уместный статус, ты так не думаешь? Это ведь путешествие к мечте. Мы все здесь попутчики или компаньоны. У нас одна цель, хоть и разные мотивы, – добродушно сказал Блюм.

ЭрДжей скрестил руки на груди и недовольно произнёс:

– Компаньонами нас тоже сложно назвать.

После этих слов он отвернулся от ребят и продолжил путь. Остальные решили не отставать.

Девочка шла позади всех, и её пылающие щеки можно было увидеть за версту. Она всё ещё была зла на ЭрДжея, но в то же время чувствовала стыд перед Альфредом и Блюмом, что в очередной раз не сумела сдержаться.

– Эээй, да это же… – полный восторга начал ЭрДжей.

– …супермаркет! – закончил за него Лекарь, в чьём голосе тоже была слышна радость.

– А! Что я говорил! Это же заброшенный супермаркет посреди пустыря за городом! Всё, что мы там найдём – будет наше!

Глаза ЭрДжея загорелись азартом. Здесь он сможет отыскать много полезного для себя. Из таких мест жители всегда забирают в первую очередь съедобное и вещи, и не трогают то, что для ЭрДжея действительно ценно: инструменты, материалы, книги и хозяйственные принадлежности.

И ЭрДжей прав, это место находится за пределами города, а значит посетителей здесь не много. Люди в принципе не любят покидать места, в которых родились, так что у ребят были все шансы найти в этом супермаркете что-то полезное.

С виду супермаркет ничем не отличался от тех, что были в мегаполисе, разве что размером – он был меньше и всего в два этажа. Огромная красно-синяя вывеска, которая висела над входными дверями, где-то потеряла несколько букв и выглядела как:

«СУ Е МАРК Т». Но было ни к чему читать надпись, чтобы понять, что это за место. Огромные стеклянные окна, припавшие многолетней пылью, разбитый порог перед входом у парадной двери, погнутые поручни вдоль ступенек.

Блюм подошел к главному входу и остановился возле больших стеклянных дверей. ЭрДжей встал рядом с ним и начал пытаться заглянуть в здание через запыленное стекло, прикладывая руки ко лбу, чтобы яркое солнце не мешало исследовать неизведанную территорию.

– Всегда удивлялся таким дверям, – сказал Блюм. – Нет ручек.

И он попытался как-то разжать пальцами намертво сцепленные двери.

– Им не нужны были ручки, они работали автоматически, – с умным видом ответил ЭрДжей и отошел от двери в поисках чего-то тяжелого.

– Как это «автома…автоматчески»? – переспросил Блюм.

– Раньше, до того, как мы стали жить так, как живём сейчас, всё функционировало благодаря электричеству, которое я обязательно однажды верну людям. Так вот, эти двери открывались сами по себе, когда к ним кто-то подходил. «Автоматически». Запомни это слово. Сразишь какую-нибудь девчонку в мегаполисе, когда вернёшься. Они падкие на такие штучки.

Девочка закатила глаза и причмокнула.

– Что, Перчик, не веришь? У меня было много девчонок. Всё потому, что я красив, умён и знаю много интересных словечек. Блюм, отойди в сторону.

После этих слов он наконец-то подобрал с земли то, что искал – довольно увесистый камень. Сделав уверенный замах, он кинул его со всей силы в стеклянные двери. Блюм хоть и стоял достаточно далеко, решил закрыться руками от возможных осколков на всякий случай, только в этом не было нужды. Камень не только не разбил стекло, он даже не оставил на нём ни малейшей царапины.

Блюм и Альфред удивились этому, а вот девочка, наслаждаясь моментом, триумфально произнесла:

– Да, ЭрДжей, видимо все твои силы ушли на девчонок.

Определённо лучший момент для неё за весь день. Блюм, Альфред и девочка переглянулись и залились смехом.

– Ч-что?! Да стекло слишком прочное просто! – ЭрДжей вытянул руки вперёд, указывая на очевидный факт. – Эй, оно уплотнённое! Его не дураки строили, оно толще обычного и прочнее!

Но его аргументы никто не слушал. ЭрДжей не знал, как себя вести. В таком неловком положении он ещё не был, а троица никак не унималась и добродушно смеялась, что есть силы.

– Ладно, ЭрДжей, прости, просто это действительно смешно, – сквозь смех сказал Альфред. – Давай ещё раз. Только целься в то же самое место.

– Зачем? У нас же есть могучий мыслитель женского пола, вот пускай она и думает!

Блюм тоже уже успокоился. Это стекло действительно прочное, значит нужно думать дальше. Но как же быть? И тут внутренний голос шепнул Фантасту заглянуть за угол здания. Он непринуждённо пошел вдоль стены и свернул.

– Эй, ребята, – сказал Блюм, выглянув из-за угла. – Я, кажется, понял, как мы сможем войти!

– Ты же у нас здесь «умнее всех», а додумался только камень кинуть!

– Я хоть что-нибудь пытаюсь сделать, в отличие от тебя!

– Ребята, – позвал ещё раз Блюм.

– Я уступаю нашему «лидеру» в этом вопросе! Ты же у нас гений!

– Вот именно, что я – гений! Моя сила в разуме, а не в руках! Бросать камни по твоей части!

– Ребята! – громче повторил Блюм.

На его слова откликнулся только Альфред, который в недоумении наблюдал за очередной перепалкой и не решался встревать в это опасное дело. Он посмотрел на Блюма и пожал плечами.

– Ладно, – спокойно ответил Фантаст и кивнул Лекарю, подзывая к себе.

Блюм и Альфред скрылись из поля зрения за углом супермаркета.

Небольшая неприметная дверь тёмно-синего цвета, по всей видимости, служила запасным выходом. Блюм подошел и дёрнул за облезлую ручку – дверь оказалась закрыта.

– Хмм… – он присел на корточки. – Знаешь, что я думаю, Альфред, всё это здание, все окна и двери запылены, а эта дверь выглядит довольно чисто, тебе так не кажется?

– Да… – согласился он.

Блюм смёл рукой песок с порога, и они отчётливо увидели дугообразные следы многократного открытия дверей. Фантаст принялся внимательно исследовать дверь на наличие потайных механизмов, после чего полез в рюкзак за ножом. Он просунул лезвие в щель между дверью и стеной и одним точным движением открыл её.

– Так просто? – удивился Ал.

– А зачем всё усложнять? – улыбнулся Фантаст. – Там был крючок.

Блюм и Альфред осторожно заглянули вовнутрь.

– Вау… – вырвалось у них.

Лекарь быстро принялся привязывать трость и костыль к рюкзаку, понимая, что в таком месте его руки не должны быть ничем заняты. Всё это происходило на фоне не прекращающейся перепалки между девочкой и ЭрДжеем.

– Эй там, хватит ссориться, вы должны это увидеть! – крикнул Блюм, высунувшись из-за угла.

– Твои способности сильно преувеличивают! Никакой ты не Изобретатель! Всё изобрели до тебя!

Эта фраза поставила точку в их перепалке. ЭрДжей ничего не стал отвечать на это оскорбление. Он обжог девочку ледяным взглядом, и она поняла, что сказала лишнее. Изобретатель невозмутимо направился к супермаркету и даже не удивился открытой двери, просто прошел мимо ребят и исчез в полумраке здания.

Блюм и Альфред переглянулись. Девочка стояла, мрачно опустив голову, и уже сто раз пожалела о сказанном, но одна мысль об извинениях приводила её в бешенство. Нет, извиняться она точно не будет, он сам напросился. Скрестив руки на груди, она медленно пошла к двери и тоже зашла в супермаркет.

Блюм и Лекарь ещё раз печально переглянулись, осознавая всю опасность ситуации, ведь впереди огромный путь, а эти двое не заладили с самого начала, но все эти мысли сразу же улетучились, как только они тоже перешагнули порог супермаркета.

Внутри было огромное помещение, высотой в два этажа, набитое самыми разными вещами. На удивление в этом супермаркете не было полок и стеллажей – вещи лежали на полу, отсортированные в кучи по назначению. Расстояние между ними было в самый раз, чтобы свободно передвигаться и ничего не цеплять.

Второй этаж, вернее то, что от него осталось, угнетающе висело над их головами. Подняться туда можно было только по одной, довольно ветхой на вид, стремянке. Из рваных краёв второго этажа торчала покорёженная арматура, а дополняло эту картину освещение. Из огромных окон второго этажа солнечные лучи ниспадали каскадом на все эти сокровища.

Ребята давно уже позабыли о цели своего путешествия и полностью увлеклись поиском нужных им вещей.

Вот только Блюм чувствовал себя неуютно. Конечно, это место было интересным, но что-то ему подсказывало, что здесь не стоит задерживаться. Его внутренний голос предупреждал об опасности.

– Ребята, нам нужно уходить, – встревожено сказал он.

– Не знаю, как вы, а я отсюда никуда не уйду. Кажется, моё желание уже исполнилось, – довольно произнёс ЭрДжей и принялся рыться в огромной куче хозяйственного инвентаря.

Девочка нашла кучу с обувью и приметила себе одну пару. Она сняла свои непомерно большие порванные кроссовки и обула новые розовые кеды. Они

сидели намного удобней и на вид были почти, как новые. Она повертела ногой, постукала носочком о землю, попрыгала, и после этих движений поняла, что эта пара – лучшая обувь, которая только у неё была.

Лекарь дольше всех искал свой райский уголок и всё-таки нашел. Он не стал рыться или выискивать что-то, он просто принялся запихивать себе в рюкзак всё подряд: вату, бинты, маленькие бутылочки, упаковки с таблетками, тюбики и всё, что могло пригодиться в его профессиональной деятельности.

– Вы меня слышите? Нам нужно убираться отсюда, срочно! – Блюм предпринял ещё одну попытку вернуть искушенным ребятам здравый смысл.

– Что тебе не нравится? – недовольно спросила девочка, перешнуровывая свои новые розовые кеды чёрными шнурками с другой пары.

– Он прав, нужно быстрее отсюда убираться, – холодным тоном подтвердил ЭрДжей, выбирая между двух отвёрток с разными рукоятками.

– Да почему же? – недоумевала девочка.

ЭрДжей не стал ей отвечать, только бросил раздражённый взгляд в её сторону.

– Подумай сама, дверной крючок был сделан самостоятельно, при чём, он был довольно хорошо замаскирован, вещи сложены в кучи по назначению, на второй этаж ведёт стремянка. Это чей-то склад! – пытался быть голосом здравого смысла Блюм.

– Именно! – подтвердил ЭрДжей. – Я уже взял, что хотел, можем уходить, пока сюда никто не вернулся.

– Сейчас, ещё минутку, – взмолил Альфред. – Блюм, подойти сюда, пожалуйста! Мой рюкзак уже еле закрывается, можно я положу кое-что в твой?

Блюм жалобно посмотрел на остальных, но казалось, что больше никто не чувствовал угрозу. Даже ЭрДжей, который был с ним согласен, не спешил уходить.

Блюм подошел к Альфреду, как тот и просил, и терпеливо ждал, пока он превращал его собственный рюкзак в раздутый шар, набивая его всевозможными медикаментами.

– Спасибо! – радостно сказал Альфред, довольный, что смог найти столько всего полезного.

– Ну, наконец-то… – прошептал Блюм. – А теперь пойдёмте отсюда, я чувствую что-то очень нехорошее.

– Блюм, это твоё «нехорошее» просто результат бурного воображения. Расслабься, – сказал ЭрДжей и похлопал Блюма по плечу. – Какая странная ширма вон на той стене…

ЭрДжей указал на огромный проеденный молью и временем кусок ткани, прикрывающий часть стены.

– Да, очень странная ширма, а теперь уходим!

Все уже взяли, что хотели и направились к выходу.

– Интересно, а что же на втором этаже… – вдруг сказала девочка.

– Да ладно… – простонал Блюм.

– Хмм… – почесал подбородок ЭрДжей. – Побывать в таком месте, так и не узнав, что же на втором этаже? Да, это было бы безрассудно! – воскликнул он.

– Нет, нам нужно на выход! – не унимался Блюм.

Но ЭрДжей был уже на полпути к стремянке. Он ловко вскарабкался по ней наверх, но залазить на второй этаж не стал.

– Здесь ничего нет… – он разочарованно обвёл взглядом завалы второго этажа.

Изобретатель уже принялся спускаться, как вдруг яркий солнечный блик больно ударил ему по глазам. Он подобрал маленький металлический предмет, от которого свет был отражен.

– А может и не совсем ничего… Гляньте, что нашел! – довольно сказал ЭрДжей, когда спустился вниз.

– Ну и зачем тебе это? Выглядит довольно бесполезно, – сказал Лекарь, одевающий на свои плечи до предела раздутый рюкзак.

– Никогда не знаешь, что может пригодиться! А этой штучке я найду применение. Это специальный ключ, им ремонтируют…

– Замечательно, ЭрДжей, а теперь может, мы всё-таки уберёмся отсюда? – перебил Изобретателя не на шутку взволнованный Блюм.

– Хорошо, хорошо, уходим, малыш. Зря ты так паникуешь. Кто бы ни был хозяином этих роскошных владений, ему нас не достать. Хоп! И мы уже ушли!

– Я бы не был так уверен на твоём месте, – чужой низкий хриплый голос заставил ребят содрогнуться.

Опасения Блюма были не напрасны – хозяин этих роскошных владений вернулся…

– Глава 7 –

Расплата

Возвращение хозяина супермаркета повергло ребят в ужас. Они обернулись и увидели коренастого мужчину средних лет, разодетого в лучших традициях перекупщиков.

Этот человек был одет в кожаные брюки и грязную чёрную кожанку с кучей разных карманов. Кожанка не сходилась на нём из-за необъятного выпирающего живота, а чёрная выцветшая футболка была расшита всевозможными нашивками. Он носил две тряпичные сумки наперевес и одну барсетку на груди, а на руках были чёрные обрезанные перчатки.

Волосы как смоль, глаза как два угля. Из-за такого тёмного цвета волос особенно выделялась плешивость его неопрятной бороды, но хуже засаленной щетины выглядели брови. Они были похожи на неровно постриженные кустарники и никак не разделялись переносицей, а росли одной единой линией.

Владелец супермаркета смотрел на них с лютой ненавистью и усмехался. Все узнали этого устрашающего человека. Самый знаменитый перекупщик в этих округах – Здоровенный Сэм.

– Привет, Сэм! – как можно непринуждённее попытался сказать ЭрДжей.

– Здарова, Изобретатель. Помнится, ты ещё с того раза задолжал мне.

– Хе-хе… Разве? Не припоминаю…

– Украл набор гаечных ключей и сейчас тем же занимаешься.

В руках ЭрДжей держал свою находку со второго этажа. Он тут же выбросил её и поднял руки вверх, показывая, что больше ничего не взял.

– То был не я, Сэм. Как ты мог так плохо обо мне подумать?

ЭрДжей нервно сглотнул. Конечно то был он! Он столько всего украл у Сэма, что тот даже не догадывается.

Вдруг в дверь начала пролазить ещё одна фигура, но уже не такая обширная и воинственная. Парень с огромными усилиями затащил в здание какой-то мешок и принялся тащить его спиной к ребятам. Он кряхтел и пыжился, пока волочил его, и даже не подозревал, что здесь незваные гости.

– Знаешь, Сэм, в следующий раз сам будешь тащить бартер, – сказал тот парень, вытягиваясь в полный рост и разминая спину.

Но главарь даже не обратил внимания на жалобу компаньона. Он внимательно изучал своих жертв и одну за другой смаковал мысли о том, как же накажет этих воришек.

– Ты меня слушаешь вообще? – возмущённо спросил второй торговец и наконец-то повернулся лицом к несчастным путешественникам. – Ой-ой…

Девочка сразу узнала этого перекупщика – это у него они с братом свистнули блок сигарет, когда тот отвернулся, чтобы поболтать с миловидной Саванной

с улицы Разноцветных Черепов. Тогда-то они и стащили у него блок с вот такого же мешка, неосторожно оставленного открытым.

Этот парень был не так широк в плечах, но выше и моложе своего напарника. Он был менее знаменит, чем Здоровенный Сэм, но его тоже хорошо знали, ведь он его верный помощник – Высоченный Билли.

В отличие от своего напарника, Билли не стал смотреть на них, как на живую мишень. Блюму даже показалось, что он немного испугался, увидев их, но поскольку они не могли внушить ему страх, это означало только одно – он боится того, что сейчас предпримет его товарищ.

– Что будем делать, воришки? – спросил Здоровенный Сэм.

– Послушай, – начал Блюм, – мы обычные путешественники, забрели сюда случайно. Мы сейчас же вернем всё, что взяли и спокойно уйдём. Хорошо?

– О да… Вы вернёте всё, что взяли.

Хриплый громкий смех обрушился на них со всех сторон в этом гулком помещении. Мурашки пробежали по спине каждого из ребят.

– Так мы договорились? – неуверенно переспросил Блюм, но вместо ответа на землю полетел плевок.

Здоровенный Сэм поднёс к губам два пальца и очень громко свистнул – в супермаркет залетели две огромные собаки. Они выглядели ещё более свирепо, чем их хозяин. Высокие, тощие, плешивые, исцарапанные и искусанные. Они послушно подбежали к Сэму и уселись по обе стороны от него.

– Ничего себе собачки… – нервно вырвалось у ЭрДжея.

– Вот, смотри, я всё выкладываю… – поспешил предпринять что-то Блюм, чтобы не злить Сэма ещё больше.

Все тут же панически ринулись вываливать на пол всё, что взяли, и уже через минуту награбленное осторожно лежало в отдельной кучке возле ребят.

– Видишь, мы всё вернули. Нам не нужны неприятности. Ну, мы пойдём? – Блюм внимательно смотрел на Здоровенного Сэма, всё ещё надеясь на мирную развязку этой истории.

– Вы не пойдёте. Вы побежите. Взять их!

– Ах ты! – только и вырвалось у Блюма.

Собаки не люди, их не нужно уговаривать. Они тут же сорвались с места и помчались на ребят.

– Все на второй этаж! – закричал Блюм.

Ребята среагировали мгновенно. Все как один ринусь к единственному возможному спасению – к стремянке, на которую собаки никак не могли взобраться.

Блюм побежал вместе с Альфредом, поддерживая его с одного боку.

– Ал! Блюм! – закричала девочка. Она видела, что собака вот-вот догонит их.

– Чёрт! – выругался ЭрДжей и резко затормозил, чтобы ринуться на помощь товарищам.

Вот только им самим не помешала бы помощь. Собак было двое, и пока одна догоняла Альфреда с Блюмом, вторая приближалась к ЭрДжею и девочке.

– Беги! Беги! – закричал Изобретатель, подталкивая её.

– Аха-ха-ха-ха! – с величайшим удовольствием засмеялся Здоровенный Сэм. Он давно так не веселился.

– Остановись, Сэм, пожалуйста! Сэм! Они же ещё дети! – Высоченный Билли тем временем пытался вразумить своего напарника. – Сэм! Сэм, пожалуйста! Они разорвут их!

– Не мешай!

Здоровенный Сэм оттолкнул своего компаньона и с азартом продолжил наблюдать за зрелищем.

– Тьфу! – выругался парень и направился к выходу. – Я в убийстве принимать участие не буду!

Вот только ему никто не объяснил, что закрыть глаза на преступление равносильно самому преступлению…

– Прячься за меня! – скомандовал Фантаст Лекарю.

Блюм схватил первое, что попалось из ближайшей кучи вещей, и это был пустой рюкзак. Фантаст еле успел создать преграду между ним и свирепым животным. Массивные челюсти собаки сомкнулись на рюкзаке, и она начала неистово мотать головой, пытаясь разорвать в клочья помеху между ней и жертвой.

– Убегай! – прокричал Блюм.

Альфред был ужасно напуган. Он понимал, что его шансы убежать ничтожно малы, поэтому вместо того, чтобы спасаться, он начал искать глазами что-то, что могло бы их спасти, – и нашел. На одной из

куч лежала верёвка. Лекарь тут же помчался доставать её.

– Что ты делаешь?! Убегай! – закричал Блюм, находясь в схватке с разъярённым зверем.

Он обвязал колону одним концом верёвки, на втором же сделал впопыхах петлю. Он не был уверен, что такая верёвка выдержит это свирепое животное, но попытаться стоило.

Тем временем собака уже растерзала рюкзак, который Блюм любезно подсунул зверю в пасть. Фантасту ничего не оставалось делать, как отпустить вещь, иначе, следующее, на чём сомкнулись бы челюсти – был он сам.

Зверь ещё какое-то время терзал рюкзак, но потом вспомнил, что перед ним кое-что, что терзать будет намного интереснее – человек. Собака зарычала и присела, готовясь к прыжку. В это мгновение Лекарю удалось закинуть петлю на шею пса, и когда животное сделало рывок, верёвка потянула его назад.

Альфред уже успел отойти на безопасное расстояние и широко раскрытыми глазами смотрел на привязанную собаку. Она громко рычала и клацала зубами, не способная выбраться из ловушки.

– Получилось… – прошептал Альфред. – У меня получилось! Да!

– Мы спасены! – победно закричал Блюм. – Ты нас спас! Ал, ты нас спас!

Здоровенный Сэм презрительно посмотрел на этих двоих, но на свободе всё ещё была вторая собака.

ЭрДжей и девочка были уже почти у лестницы, когда Изобретатель решил обернуться, чтобы посмотреть, насколько близко к ним пёс, и в этот самый момент, потеряв бдительность, он зацепился ногой за торчащую из пола арматуру и с ужасным криком боли упал на землю. Злосчастная арматура оставила глубокую рану, и обездвиженный ЭрДжей с ужасом понимал, что это конец, – собака была слишком близко. Он закрыл руками лицо, чтобы не видеть происходящее, но вместо звука смыкающихся челюстей услышал крик и глухой удар.

ЭрДжей с опаской приоткрыл глаза и увидел перед собой девочку. Она держала в руках увесистый брусок, которым не слабо ударила собаку по морде.

– Перчик, ты…

– Вставай! Побежали! – скомандовала она.

Блюм и Лекарь к тому времени уже подбежали к ним, и, схватив шокированного ЭрДжея под руки с обеих сторон, помчались к лестнице, пока собака, не пришла в себя.

– Аха! – победно прокричал ЭрДжей, которого тянули спиной к лестнице. Он прекрасно видел лютое лицо Сэма и его ненависть в глазах.

– Выкуси, плешивая морда! Да, я спёр твои ключи тогда! И можешь поцеловать меня в жо… Ай!

Блюм и Лекарь начали подталкивать ЭрДжея, чтобы тот лез наверх. Он прибывал в таком шоке, что даже не чувствовал боли от раны на ноге.

Следом за ним пошла девочка, затем Лекарь и последним начал подниматься Блюм. Вторая собака

уже отошла от удара и кинулась на ребят, но безуспешно, – её челюсти схватили воздух. Ребята успели подняться на безопасную высоту, а пёс лаял и рычал снизу.

– Да! Мы сделали это! – победно кричал ЭрДжей, видя искаженное гневом лицо Здоровенного Сэма.

– Ну и зачем ты это делаешь? Зачем злишь его ещё больше? Нам же ещё выбраться отсюда как-то нужно! – паниковала девочка.

– Да, я как-то об этом не подумал... Надо же, у меня шок!

Эмоции ЭрДжея не соответствовали ситуации. Он не выглядел, как человек, который только что находился на волосок от смерти. Девочка обвела его встревоженным взглядом.

– ЭрДжей, твоя нога…

– А что с ногой?

Внезапно ЭрДжей почувствовал какое-то странное жжение в районе лодыжки. Он посмотрел на свою правую ногу и ужаснулся – низ его джинсов был весь в крови.

– Присядь, я посмотрю, – сказал Альфред и осторожно закатил калошу на штанах. – Артерия не задета, но порез довольно глубокий…

Первым делом Лекарь полез в рюкзак за короткой эластичной верёвкой, которой туго обвязал ногу выше пореза.

ЭрДжей с интересом наблюдал за этим всем.

– Жгут. Чтобы замедлить кровоток, – объяснил Лекарь.

– Я догадался, – вымучено улыбнулся ЭрДжей.

Затем Альфред достал флягу с водой и принялся промывать рану.

Девочка тем временем подошла к Блюму, который стоял на краю второго этажа и смотрел на Сэма и его псов. Фантаст выглядел не на шутку разозлённым, – его лицо было серьёзным, брови сведены, губы сжаты.

Сэм поднял свои глаза-угли на Блюма и их взгляды пересеклись. Золотые глаза Блюма горели огнём гнева за своих друзей, глаза Сэма были полны жажды зрелищ и крови. Перекупщик криво улыбнулся и пошел в сторону той странной ширмы, висевшей в стороне. Фантаст внимательно вёл глазами фигуру Здоровенного Сэма.

– Почему ты так поступил? – прокричал Блюм.

Сэм молча шаркал ногами и медленно приближался к старой ширме.

– Отвечай!

Но перекупщик даже не собирался этого делать.

– Отвечай мне! – голос Блюма эхом ударился о голые стены супермаркета.

– Блюм, успокойся... – простонал ЭрДжей. – Чего ты ждал? Посмотри на него.

– Глупый ты малец, – спокойно сказал Сэм, дойдя до ширмы. – Я так поступил, потому что захотел. Барахла у меня навалом, а вот с весельем туго. Вы вломились на мой склад, зашли на мою территорию, а здесь я главный! Я самый знаменитый перекупщик трёх мегаполисов! Меня почитают, меня уважают! Могу себе позволить немного развлечься.

– Развлечься? Калеча или убивая?!

– Блюм… не надо… – девочка попыталась как-то успокоить не на шутку разозлённого товарища.

– Главный? Почитаемый? Уважаемый? Да чего ты стоишь без своего барахла?

– Аха-ха-ха! – громкий смех Сэма в очередной раз громом прокатился по помещению.

– Запомни Сэм: всё, что ты делаешь – возвращается к тебе! Ты ответишь за все свои деяния!

– Да ну?

После этих слов он сдёрнул со стены ширму, и за ней оказалась большая железная дверь.

– Посмотрим, чего стоят твои громкие слова! – сказал Здоровенный Сэм и открыл эту дверь. – Взять их, ленивые псины!

И собака, которая была не привязана, мигом рванула к двери, в то время как Сэм пошел отвязывать второго пса.

– Эмм, ребята… – начал ЭрДжей, – по-моему, эта лестница ведёт прямо…

– Сюда! – прокричала девочка.

Погоня была не окончена.

– Все вниз! – скомандовал Блюм. – И бегите к выходу!

Все рванули к лестнице, а Блюм помчался к краю второго этажа, на ходу доставая из своего рюкзака верёвку.

– Блюм, что ты творишь? – прокричал ЭрДжей.

– Просто убегайте!

Фантаст привязал верёвку к торчащей арматуре на краю второго этажа, затем подёргал её, проверяя, надёжно ли она привязана. К тому времени псы уже

добрались до второго этажа, и был отчётливо слышен их лай. Блюм не стал дожидаться их появления. Он намотал верёвку на руку в несколько раз и немного отошел, чтобы сделать разбег.

– Блюм, не глупи! – ЭрДжей понял, что Фантаст собирается делать. – Блюм! Блюююм!

Но было уже поздно. Он сделал разбег по такой траектории, чтобы не просто спрыгнуть, а приземлиться около той злосчастной двери.

Ребята только и видели, как Блюм, озарённый лучами света из огромных окон, спрыгивает со второго этажа и летит вниз, огибая красивый полукруг. Зрелище было, что ни есть фантастическое. Даже Сэм смотрел на это, открыв рот.

Приземлился Блюм, правда, не очень мягко. Он не рассчитал длину верёвки, поэтому оказался чуть выше, чем нужно. Лететь обратно было не выходом, поэтому ему пришлось отпустить верёвку и спрыгнуть с приличной высоты. Он упал на ноги и, сделав кувырок по пыльному полу, сразу подбежал к двери, чтобы закрыть её. Теперь собаки были отрезаны, а Блюм так и стоял, облокотившись обеими руками о дверь, и тяжело дышал.

Остальные замерли на стремянке, завороженные зрелищем, но теперь они были в безопасности, – собаки не могли их достать, а вот Сэм мог.

Он уже направился в сторону Фантаста, чтобы расправиться с ним своими руками, как вдруг произошло нечто очень странное. Что именно, тяжело сказать с ходу. И Сэм, и ребята замерли, прислушиваясь,

не показалось ли им, но нет, это не была игра воображения. Еле ощутимый толчок повторился, затем повторился с новой силой. Такое чувство, будто кто-то ударил огромным кулачищем из-под пола супермаркета.

– Что за?.. – спросил, недоумевая Сэм.

– Что происходит? – испуганно спросила девочка.

Снова толчок, – со стен здания посыпалась пыль.

– Не может быть… – прошептал ЭрДжей.

После чего очередной толчок заставил посыпаться с потолка штукатурку. Теперь у Изобретателя не было сомнений.

– Землетрясение! Быстро все на выход!

– Что?! – оторопел Лекарь. – Опять?!

– Просто убегай, Ал! – начал подталкивать Лекаря ЭрДжей.

А земля всё ощутимей содрогалась.

Сверху начала падать штукатурка огромными пластами, пыль стояла столбом. Ребята спустились с лестницы и, что есть силы, побежали к выходу. Остался неподвижным только Блюм. Он испепелял глазами испуганного Сэма. Тот понимал, что если это здание рухнет, то весь его товар окажется погребённым в руинах.

Они смотрели так друг на друга какое-то время, затем Блюм повернулся и открыл дверь, за которой скулили собаки, умоляя выпустить их. Два пса вылетели из-за двери, но нападать на Блюма не стали, лишь помчались к выходу, чем ускорили и ребят.

Лицо Сэма исказилось неистовым гневом. Он был уверен, что землетрясение это дело рук Блюма, но не успел перекупщик сделать и шагу, как внушительный пласт штукатурки с потолка упал прямо ему на голову, и тот отключился.

Когда трое ребят вышли из здания, их встретил растерянный Билли.

– Что происходит?! Сэм ещё там? – прокричал он.

– А где Блюм? – испуганно спросила девочка.

– Нет, малыш!

Новый толчок земли здание просто не выдержало. Задняя стена начала рушиться, потянув за собой часть крыши.

– Блюм всё ещё внутри! Его завалит!

– Их нужно вытаскивать оттуда! – решительно сказал Билли и направился в центр бедствия.

– Чёрт тебя дери, Фантаст! Если меня там завалит, я тебя прибью!

ЭрДжей уже направился к зданию, как тут в дверном проёме показалась огненная шевелюра Блюма, но к друзьям он почему-то не спешил. Фантаст развернулся к ним спиной и начал вытаскивать что-то из здания. Что-то огромное, чёрное и косматое. Это был Здоровенный Сэм. Тот самый Сэм, который пытался навредить им веселья ради. Но Блюм не мог поступить иначе, он просто не мог оставить человека погибать, несмотря ни на что.

– Сэм! – радостно закричал перекупщик и побежал на помощь.

Высоченный Билли взвалил на свои плечи друга и пошел с ним подальше от здания, и как только все были на безопасном расстоянии, супермаркет рассыпался и превратился в руины.

Толчки прекратились. Все стояли и смотрели на пыльную гору строительных материалов.

– Я стараюсь ничему не удивляться, но сейчас я просто в шоке, – сказал Альфред.

– Четвёртое землетрясение на моей памяти, – подметил не менее шокированный ЭрДжей.

– Угу…

– Спасибо тебе, незнакомый малый, – сказал Высоченный Билли. – Ты спас Сэма, хотя он плохо с вами обошелся…

Блюм внимательно смотрел своими золотыми глазами в душу этого парня.

– Этот путь не сулит ему ничего хорошего. Его душа в месте, где нет света. Ты его единственный друг, ему нужна твоя помощь. Стань для него светом и укажи верный путь. Найдите ремесло по совести и живите честно, ведь совесть человека и есть его судьба.

Вскоре ребята возобновили свой путь. Напарник Сэма провожал их взглядом до тех пор, пока они не скрылись из виду.

Со временем горизонт стал преображаться. Розовые тона разлились по всему небосводу и первые звёзды стали приветствовать странников. Несмотря на то, что это был открытый пустырь, ветра почти не было – тихая идиллия. И не скажешь, что недавно

было землетрясение. Это был очень странный день и наконец-то он близился к концу.

И без того уставшие, ребята еле волокли ноги, стараясь не жаловаться на новую проблему – камни под ногами.

Девочка постоянно ойкала и спотыкалась, ведь после похода в супермаркет она и вовсе осталась без обуви, а ЭрДжей ощутимо прихрамывал. Хотя перевязка остановила кровь, но рана всё ещё нуждалась в обработке, а сам ЭрДжей в отдыхе. Как ни странно, но его опорой стал Альфред.

– И как ты так живёшь?.. – спросил хромающий ЭрДжей у прихрамывающего Лекаря.

– Привык, – пожал плечами и улыбнулся Альфред.

Блюм посмотрел на идущих сзади ребят – все выглядели хуже некуда.

Первым не выдержал ЭрДжей:

– Делаем привал прямо здесь.

– Но здесь нас ничего не защищает… – и хотя девочка сказала это, но она уже сняла с плеч рюкзак и присела, положив голову себе на колени.

– По правде говоря, здесь даже нет, с чего развести костёр, – заметил Лекарь, усаживаясь рядом с ЭрДжеем.

– У нас есть твоя трость, – попытался пошутить Изобретатель.

– Я бы на твоём месте так не острил, мне ещё твою рану обрабатывать.

Они улыбнулись друг другу, и ЭрДжей устало похлопал Альфреда по плечу. Блюм, единственный,

кто ещё не присел, он задумчиво всматривался в горизонт.

Вдруг холодок пробежал по их спинам, – порыв свежего ветра донёс ароматы, различимые только загадочному Фантасту.

– Пойдемте, ещё немного, – произнёс Фантаст. – Пока солнце не село.

– Смысл? Дальше всё равно такой же пустырь. Да и к тому же, дорога начинает подниматься, а в нашем состоянии будет трудновато идти вверх, – досадно подметил ЭрДжей.

– Дальше деревья и вода, – сказал Блюм и медленно продолжил идти.

Все переглянулись, но возражать не стали. Если Блюм прав и дальше деревья и вода, то они спасены, вот только в это верилось с трудом. Все неохотно одели рюкзаки и поплелись за Фантастом.

ЭрДжей достал из кармана компас, – они снова немного ушли в сторону от маршрута. Сперва он хотел возразить, но интерес брал верх. Неужели Блюм действительно интуитивно ведёт их к месту, где они смогут нормально провести ночь?

Наконец-то их терпение окупилось. Подъём привёл их к краю небольшого яра. Стоя на возвышенности их взору открылся потрясающий вид заката. Облака каскадом ниспадали до самого горизонта. Небо плавно переходило от синего к голубому, от голубого к желтому, от желтого к розовому, а затем к красному. Но самое главное – они нашли, что искали.

Это был райский уголок посреди безжизненного пустыря. Блюм оказался прав – здесь действительно

была вода и деревья. Пусть вода была всего лишь небольшим ручейком, а деревьев было несколько, но этого было предостаточно, чтобы заночевать в тепле и безопасности.

Порывисто дул прохладный ветер, и ЭрДжей блаженно закрыв глаза, расправил руки в стороны, наслаждаясь моментом.

– Да, малыш, ты нечто. Удивительная интуиция.

И все двинулись спускаться вниз к ручью, окруженному деревьями, но это было не всё, что оказалось за бугром. Солнце уже почти село и на горизонте остался лишь силуэт каких-то шпилей и домов. ЭрДжею показалось, что это маленький городок, но такие маленькие города уже давно не строили. В любом случае, они всё узнают завтра. На этой мысли он позволил себе расслабиться.

У ручья оказалась приятная мягкая трава и гладкие камни. Первым делом все бросились пить, а уже потом делать костёр. К счастью, сегодня ребята быстро с этим управились. И вот она, долгожданная минута покоя – все сидели вокруг костра и молча смотрели, как танцуют языки пламени, но вдруг девочка взяла свою флягу и снова пошла к ручью. Она набрала свежей воды и подошла к ЭрДжею. Тот уже и забыл о своём боевом ранении и сидел в полной отрешенности.

Девочка осторожно начала промывать порез. Лекарь смотрел на это с каким-то чарующим восхищением. Это он должен был обрабатывать ему рану, ведь он Лекарь, но он совершенно забыл об этом. Он забыл, а она нет.

– Ты… молодец… – смущённо сказал Альфред и полез рыться в своём рюкзаке, чтобы найти что-то для перевязки.

– Ну, я же сестра… – и на её уставшем лице появилась очень тёплая улыбка, от которой Альфред не сразу смог оторваться.

Он почесал затылок и продолжил рыться в своём рюкзаке. Блюм с нежностью наблюдал за этим всем.

– Я думаю, это вам пригодится.

Вдруг со своего рюкзака Фантаст начал доставать вещи из супермаркета.

– Что за?.. – только и вырвалось у ЭрДжея.

– Блюм, когда ты успел? – спросил радостный Лекарь, которому вручили две упаковки бинтов, вату и какую-то бутылочку.

– Когда вы уже выбежали, Сэма ударило по голове, и он отключился. Я быстро схватил несколько вещей, которые вы хотели взять. Извини, Ал, я схватил первое, что попалось под руку, и я не знаю для чего этот пузырёк.

– Это спирт, и это очень кстати! Спасибо тебе.

Девочке он протянул те самые кеды, которые ей так понравились. Она осторожно взяла их в руки и посмотрела на Блюма с большой благодарностью. У них была хорошая подошва, так что завтрашний путь по каменистой дороге будет ей даваться легче.

ЭрДжею он протянул тот самый странный предмет, найденный им на втором этаже. Тот взял его в руки и недолго раздумывая, замахнулся, чтобы выбросить.

– Ты чего? – удивилась девочка.

– Не полезь я на второй этаж за ним…

Но его рука замерла, – он не решался выкинуть железку.

– А чёрт с ним! – и спрятал её в боковой карман рюкзака.

– Это всё, что я успел взять, извините. Нужно было ещё вытащить Сэма.

– Ты не представляешь, насколько здорово то, что ты сделал, – сказала девочка.

– А что ты взял себе? – поинтересовался ЭрДжей.

Блюм грустно опустил глаза.

– Для себя я вынес важный жизненный урок… А ещё футболку! Я ведь одолжил эту у Ала, – и он принялся переодевать футболку на новую – голубую с затёртым рисунком апельсина и надписью «Орандж» над ним.

– Не грусти, – девочка попыталась взбодрить Блюма.

– Я в порядке. Просто, неужели люди, правда, забыли истинные ценности и перестали жить по совести?..

– Блюм, не все такие, как Сэм.

– Вот именно, – подхватил ЭрДжей. – Тебе достаточно поднять глаза, чтобы увидеть все лучшие ценности в одном флаконе.

Девочка скептически посмотрела на ЭрДжея.

– Надеюсь, ты сейчас про Альфреда, а не про себя… – сказала она, и все засмеялись.

Ветер игриво подхватил их смех, языки пламени весело подпрыгивали, тепло было снаружи и внутри.

– Думаю, вы правы. В мире много хороших людей, но и плохих не мало. Думаю, даже больше…

– Это не важно, Блюм, – начал Лекарь, занимаясь приготовлениями к перевязке. – Есть плохое, есть хорошее, есть красивое и уродливое, справедливое и не очень, да и сами мы, то в гору, то вниз, живём, не зная зачем, но правда в том, что так и должно быть. Без плохого, не было бы хорошего.

– Без тьмы не было бы света, – дополнил Блюм, глядя на костёр. – Ты поистине прав.

А Альфред тем временем взял спирт, смочил им новенькую вату и принялся протирать вокруг пореза.

– Ай! Чего ж так больно то?.. – скривился ЭрДжей.

– А ты как хотел, вон какой порез глубокий! Терпи.

– Терплю… – но по ЭрДжею было видно, что терпение давалось ему с трудом.

– У тебя ещё цветочки. Иногда мне приходится делать операции без анестезии. Вот там людям по-настоящему больно. Настолько больно, что не все выживают…

– А что это такое? Ана-сте… – попыталась повторить девочка.

– Это специальное средство, с помощью которого можно обезболить часть или всё тело. Человек засыпает и ничего не чувствует, а мне приходится давать закусывать тряпку…

– Как-то звучит… не обнадеживающе, – заметил ЭрДжей.

– Это ты мягко сказал! Раньше у меня были препараты, в том числе и анестезия… – Альфред печально опустил глаза.

– А сейчас? Закончились? – спросила девочка.

Альфред ненадолго оторвался от перевязки, погрузившись в печальные воспоминания.

– Я тогда жил в районе отшельников, у нас там свой вход в бункер имелся. Про него мало кто знал, ведь наш район не сильно любят, и тогда как раз открыли девятые двери центрального бункера, ты должен помнить, когда ещё гуляния устроили, – обратился Альфред к ЭрДжею.

– Да, конечно помню. Я тогда и решил, что, когда вырасту, открою остальные. Тоже хотел, чтобы в мою честь гуляния устроили, – засмеялся ЭрДжей.

– Ну а я вместо гуляния решил спуститься туда. В то время он был ещё не под властью стражей, и я подумал, что раз все веселятся наверху, то в самом бункере будет не много народу. Я был почти прав – там вообще никого не было. Всю еду вынесли, а медикаменты ещё не успели. Целых три коробки! Представляете? Антибиотики, обезболивающие, жаропонижающие, вакцины против вирусов, шприцы-комарики с анестезией. Они такие крохотные, чтобы можно было в экстренной ситуации ввести небольшую дозу и незамедлительно оказать помощь. Эти шприцы – вершина анестезиологии! Абсолютно безопасные, не нужно вводить в позвоночник и нет никаких рисков осложнений на сердечно-сосудистую систему. Я про них только в книжках читал, в жизни ни разу не видел, а тут… несколько коробок с таким

богатством! И главное, что люди-то не понимали, что нашли. Для них тушенка была ценнее, чем это, и я подумал, что… ну…

– Что ты найдёшь для них более полезное применение, – улыбнулся ЭрДжей.

– Да и… я украл их. Все три коробки. Мне было очень стыдно, но я же не для себя или для продажи в три дорога. Я собирался лечить ими всех и вся – так и поступил. Тогда-то обо мне и заговорили в мегаполисе, ведь многие стали поправляться, а уже потом, гораздо позже, меня ограбили, а дом сожгли… Я решил не восстанавливать то место и перебрался в высотку недалеко от площади.

Все молчали. Нужно было время, чтобы переварить услышанное.

– Кто мог сделать такое?.. Ты ведь помогал людям. Зачем?.. – девочка искренне не могла понять этот поступок.

– Изгои? – предположил ЭрДжей.

– Я думаю, да. Кому ещё могут понадобиться таблетки и шприцы в этом городе. Но сейчас у меня есть антибиотики и другие лекарства. Я договорился со Стражем и некоторые препараты со вскрытых бункеров попадают ко мне, но анестезии больше нет.

– И после этого ты всё равно всем помогаешь… мне это не понять, – задумчиво сказал ЭрДжей.

– А разве ты сам поступаешь не так же? Разве ты изобретаешь не с целью поделиться этим с другими?

ЭрДжей отвёл свой взгляд в сторону.

– Ну, с какой-то стороны ты прав, Альфред. Моя величайшая цель – вернуть людям электричество, но

пока что я не знаю как. По правде говоря, даже не знаю, с чего начать. Одно дело оживить какую-нибудь солнечную панель и подключить к ней гаджет, но вернуть всему мегаполису свет – это… сложно. Мягко говоря, сложно. В общем, я зашел в тупик…

– Точно… – осенило девочку. – Так вот зачем ты пошел в Парк! Я так и знала! У тебя тоже есть желание, которое ты хочешь загадать!

ЭрДжей удивлённо посмотрел на неё. Затем на смену удивлению пришла улыбка.

– Перчик, не выдумывай, – улыбаясь, сказал он. – Цель моего путешествия не изменилась. Нет такой силы, которая сделала бы всё вместо тебя без каких-либо усилий. Всё в жизни достигается трудом, нет исключений, понимаешь? Такова наша природа – мы должны стараться и делать, ведь иначе за нас это никто не сделает. Ни духи, ни Боги, ни Парк. Всё только в наших руках.

– Готово, – сказал Лекарь, закончив перевязку.

– Спасибо, Альфред.

– На здоровье. И хотя я надеюсь, что Парк не выдумка, и я смогу загадать своё «величайшее» желание, но я согласен с ЭрДжеем. Труд – единственный путь к достижению цели, ведь даже Парк просто так не отдаст желание. Нужно сначала пройти его испытания.

После этих слов Альфред встал и пошел к ручью ополоснуть руки и заодно набрать воды в его небольшой чайник.

ЭрДжей посмотрел на свою повязку на ноге. Альфред очень бережно сделал её – нога была не перетянута, узелок был завязан очень аккуратно. Альфред не должен помогать ему, но помог. Девочка спасла его сегодня от собаки, а Блюм спас их всех. А что делал он весь день? Какое-то странное чувство засело в его груди. Он знал, что это, но не знал, что с этим делать.

В то же время все вокруг непринуждённо делали свои дела: Альфред возился с чайником, девочка готовила себе ночлег, Блюм искал что-то в рюкзаке.

– Кхем… я думаю… – неуверенно начал ЭрДжей, прикрыв рот рукой, – вернее, я уверен, что мне нужно перед вами… извиниться. Я был не прав, когда пытался решать всё за вас, и к тому же, по большей части, это моя вина, что мы попались Сэму. Если бы не моё любопытство, возможно никто из вас не обратил бы внимание на то здание, и мы пошли бы спокойно дальше. И я знаю, что именно я сею раздор в нашей компании, я такой. Я эгоистичный, грубый, нетерпеливый, высокомерный. Жизнь отшельника не предполагает общение, знаете ли, и… я постараюсь с этим всем бороться, по мере возможности, конечно. Я буду стараться, потом что… ну просто… что ж я как маленький! – выругал себя Изобретатель. – Вы мне нравитесь. Все вы. – Он скрестил руки на груди и отвёл взгляд.

Ребята переглянулись и заулыбались. Одного только вида смущённого ЭрДжея было достаточно, чтобы простить его за всё сказанное сегодня.

– У меня в жизни не было никого. Конечно, была мать и отец, и братья и сёстры, наверно тоже имеются, только я уже и не помню их. Я был очень доставучий, всё время обо всём расспрашивал, поэтому меня бросили рано. Так что, как только я обнаружил Нижний город, сразу перебрался туда и стал жить как отшельник. Даже более уединённо, чем отшельник. Я всегда один. Поэтому я такой невыносимый, как ты и сказала. Перчик, извини за всё, что я там нагородил, и ты Блюм прости. Ты для меня открытие. В тебе почти нет логики, но ты точно знаешь, что тебе нужно и куда ты идёшь. Ты не читаешь, не пишешь, не изобретаешь, но иногда у меня такое чувство, что ты знаешь больше меня, и это для меня в новинку. И да, когда я сказал про все лучшие ценности в одном человеке, конечно же, я имел в виду Альфреда. Не себя точно. Я не могу им быть. Ал, ты тоже прости. Я уверен, я и тебя успел обидеть… – и он виновато опустил глаза.

Никто не смотрел на него осуждающе. У всех во взгляде было понимание и такая же вина.

– Ты не обидел меня, – мягко ответил Альфред. – Наоборот, это я должен попросить прощение… – Лекарь посмотрел на девочку. – Прости меня за то, что нагрубил тебе в пути… Ты пыталась мне помочь, а я выместил всю злобу на тебя, хотя тот, на кого я по-настоящему должен злиться – это я сам… Простите, что я для вас обуза…

Девочка очень серьёзно смотрела на Лекаря.

– Ты меня очень сильно обидел, Альфред. Я прощу тебя, если пообещаешь мне одну вещь.

Все в недоумении посмотрели на неё. Альфред нерешительно кивнул, давая согласие на обещание.

– Ты больше никогда не скажешь и не подумаешь, что ты для нас обуза.

На какое-то мгновение Альфред растерялся, но затем тихо произнёс:

– Постараюсь… – и он улыбнулся ей. – Я уже испугался, что ты действительно так сильно обиделась.

– Я не могу на тебя обижаться... – девочка нежно улыбнулась ему, но тут она заметила хитрый взгляд ЭрДжея. – В смысле могу! Но не стану. Ну, там, если повод был бы, а так-то повода не было! Ну, если и да, то может немного. Да и вообще я не обидчивая…

– Мы поняли, Перчик. Дыши.

Парни добродушно засмеялись, а смущённая девочка не знала, куда себя деть. И что на неё только нашло. Щёки снова запылали, но благо, это было не так заметно при таком освещении.

– Надо же, мне стало легче, – сделал для себя удивительный вывод ЭрДжей.

– Кхем-кхем! – покашлял Блюм, глядя на девочку.

Она знала, о чём говорят его глаза. Извиняться она не любила больше всего в жизни, но она действительно провинилась перед ЭрДжеем.

Собравшись с духом, она выпалила на одном дыхании:

– Прости меня за всё, особенно за то, что сказала тебе перед входом в супермаркет! Я вспылила и не должна была наговорить тебе то, что наговорила! Прости!

ЭрДжей опустил глаза.

– Дело в том, что ты была права – сам я ничего не изобрёл. Я не заслужил своё имя Изобретателя.

– Ты изобретёшь много прекрасных вещей, под твоим началом будет возведён не один прекрасный город, ты побываешь во многих уголках Земли, вернёшь людям электричество и напишешь много полезных книг, – пророчески изрёк Блюм.

ЭрДжей попытался улыбнуться.

– Проехали, – он устало потёр свои глаза.

– Я тоже хочу извиниться перед всеми вами, – тихо сказал Блюм после небольшой паузы.

– А ты-то за что? Ты единственный, кто сегодня никому не нагрубил, – сказал ЭрДжей.

– Мне есть, за что просить прощение…

– Ты чего вдруг?

– Это я так, – легонько улыбнулся Фантаст. – Прощать и просить прощение – удивительный опыт для души. Это требует зрелости ума и твёрдости духа, и если человеку хватило мудрости и силы попросить прощения или простить, то его душа получает важный жизненный урок и растёт над собой.

– В таком случае, мы тебя прощаем, – с улыбкой произнесла девочка.

– Лучше и не скажешь, – произнёс Лекарь и начал осторожно разливать чай по чашкам.

– Ты вообще сегодня герой, малыш. Твой безумный прыжок – это было нечто! – засмеялся ЭрДжей.

– Да ладно, – смущённо почесал затылок Блюм. – Настоящий герой Альфред. Вы видели, как он ту собаку привязал? Я бы в жизни не додумался!

– А Перчик что сделала? Видали? Не побоялась главное, сориентировалась! А я вообще в шоке был! Не соображал совершенно! Мне даже понравилось – бежишь и не думаешь. Красота!

Все засмеялись, прокручивая в голове сегодняшние приключения. Сейчас это всё казалось забавным, а ведь тогда было совсем не до смеха.

– Так, держите. Это мой любимый чай, – и каждый из ребят получил от Альфреда по маленькой чашечке с чем-то ароматным.

Девочка осторожно взяла кружку и поднесла её к носу. Запах этого чая был восхитительным. Приятный свежий аромат немного щекотал нос, но в то же время успокаивал.

– Что это? – наслаждаясь ароматом, спросила она.

– Это мята. Нашел прямо у этого ручья, когда наполнял флягу. Только-только проросла, но я не удержался и нарвал, чтобы заварить нам чай.

– Мята… – шепотом повторила девочка.

– Угу. Очень интересное растение. Сорванные листья можно добавлять в пищу или заваривать в чай. Она обладает целебными и успокаивающими свойствами.

– Мята, – девочка выглядело обеспокоено.

– Да, мята, – подтвердил Лекарь, не понимая причин её волнения.

– Точно, Мята! – радостно прокричала девочка.

– Ты чего? – удивился ЭрДжей.

– Моё имя! Я должна была выбрать себе имя до конца этого дня. Я хочу, чтобы меня звали Мята!

Девочка сияла от счастья, а парни удивлённо переглянулись – они уже и забыли про этот разговор.

– Ты уверена? – спросил Лекарь. – Это название растения…

– Да я никогда в жизни не была так уверенна! Спасибо тебе, Альфред.

Улыбка не сходила с её лица, да и ребята выглядели вполне радостно, не смотря на такой странный денёк.

– Зря, очень зря. Перчик тебе шло больше, – заметил ЭрДжей.

Девочка недовольно скрестила руки на груди.

– Ага, как же, мои щёки. Знаешь, не обязательно указывать на недостатки человека…

– Чего?

– В смысле? – даже Лекарь удивился.

– Да ладно вам, мои щёки. Они моментально краснеют по любому поводу. С меня всё детство смеялись и дразнили из-за них. А что я могу сделать, у меня кожа светлая просто!

Было видно, как ей неловко говорить об этом, – детские обиды самые глубокие.

– Щеки… Значит, щёки… – собирал воедино кусочки картины ЭрДжей. – То есть всё это время, когда я называл тебя Перчик, ты так злилась, потому что думала, что я дразнил тебя из-за щёк?

– А из-за чего ещё?

– Из-за красных щёк, на которые я до этого момента даже внимания не обращал?

– Ну а из-за чего ещё?! Стой, что? Не обращал внимания? Так ты не из-за этого?..

– Не-а.

– Я тоже не заметил, – сказал Альфред.

– А я всегда смотрю на душу человека, мне нет дела до того, как кто выглядит, – улыбнулся Блюм.

– Но почему тогда Перчик? Меня всё детство дразнили красными овощами. Потом прозвали Красной, но это было недостаточно унизительно, поэтому один остряк из старших придумал мне новое имя… – девочка собиралась с силами, чтобы произнести это слово. – Мне прозвали…По… поми… Помидорчик...

– Кх… – ЭрДжей прикрыл рот рукой, стараясь не засмеяться. – Как в воду глядел…

– Эй… – Блюм легонько толкнул его локтём.

– В общем, так продолжалось некоторое время, но я, знаете ли, не из тех, кто будет просто молча терпеть. Избила пару наглецов, потом меня стали звать «эй ты», – не лучше. А потом у меня… забрали имя…

– Ох уж эти обычаи – то дают имена, то отбирают, – засмеялся ЭрДжей.

– Тебе смешно, а мне знаешь, как тяжело было? Тех, у кого забирают имя достают больше других!

– Да уж, Перчик, у тебя даже обидчики странные были. Кто дразнит из-за щёк?

– А ты из-за чего меня так прозвал, если не из-за этого?

– То есть свой взрывной характер ты даже в расчёт не брала?

– Какой ещё взрывной характер? Нормальный у меня характер! Эй! Хорош ржать!

Не только ЭрДжей, но Блюм с Альфредом тоже улыбались.

– Я называл тебя Перчиком, потому что мне нравилась твоя реакция, но я и предположить не мог, что это было из-за такой ерунды, как красные щёки. Да уж, не много нужно человеку, чтобы вбить себе в голову, что он чем-то хуже других.

Лекарь прокашлялся:

– Очень красные щёки являются симптомом некоторых заболеваний, но это не твой случай. Как врачеватель, могу заверить тебя, что у тебя просто здоровый румянец.

– Ладно, раз ты думала, что я всё это время дразнил тебя, как я могу загладить свою вину? – внезапно спросил ЭрДжей.

– Чего это ты такой добренький? – подозрительно спросила Мята.

– Эй, я всегда такой! Сама доброта и отзывчивость!

Она ещё какое-то время пристально смотрела на него, проверяя, не шутит ли он, затем всё же решилась:

–Ты умеешь плести косички?

– Ты серьёзно? – засмеялся Изобретатель. – Я умею всё.

Чай был допит, Мята сидела довольная заново заплетёнными косичками, Блюм подбросил в костёр дров. Наконец-то они могли отдохнуть.

– Ну, всем хороших сновидений, – ЭрДжей лукаво посмотрел на Мяту. – Особенно тебе, Перчик.

Девочка, которая в этот момент ставила пустую кружку на землю, чуть не выронила её.

– Эй, в смысле, Перчик? Уговор был, если я придумаю себе имя до конца этого дня, то ты перестанешь так меня называть! – возмутилась она.

– Именно! – хитрая улыбка не сходила с лица Изобретателя. – Ты должна была сама придумать имя, а если на чистоту, Перчик, если бы не Ал, ты бы и знать не знала о таком слове, как «мята». Так что формально, имя ты себе не придумала, его тебе дал Альфред.

Девочка посмотрела на Лекаря и Блюма, ища в их глазах поддержку, но те только пожали плечами. Они понимали, что ЭрДжей так просто не сдастся, да и имя Перчик ей тоже шло. Она могла вспылить, накричать, отругать, но как только видела, что кому-то нужна её помощь, сразу преображалась. Она умела заботиться. Это качество редко встречается в этом мире, поэтому и Перчик, и Мята – оба имени подходили ей.

– И раз уж мы выяснили, что я не дразнил тебя, у тебя просто нет выбора. Смирись.

– Я буду звать тебя, Мятой, – весело сказал Блюм.

– И я, – улыбнулся Альфред.

– Ну а на моё понимание можешь даже не рассчитывать, Перчик!

ЭрДжей подмигнул ей и отвернулся, удобно умащиваясь возле костра. Блюм тоже уже свернулся калачиком, и только Лекарь ещё обустраивал себе место для ночлега.

– Приятных сновидений, Мята.

Какое-то время они смотрели друг на друга, затем всё же Лекарь продолжил свои приготовления ко сну.

Девочка уснула не сразу, не смотря на колоссальную усталость. Было обидно, что ЭрДжей всё равно будет называть её Перчиком, но в то же время одна светлая мысль не оставляла её в покое – Альфред дал ей имя…

– Глава 8 –

Наследие прошлого

После вчерашних изматывающих приключений ребята долго отсыпались. Яркое солнце, проступающее сквозь ещё не озеленившиеся ветви дерева, разбудило ЭрДжея, и он сонно приоткрыл глаза. Его часы показывали за полдень, а никто даже не думал просыпаться.

– Эй, подъём! Нам пора собираться.

Блюм и Альфред сонно зашевелились, Мята же продолжала дальше спать.

– Подъём, Перчик!

– Не называй меня Перщик… – сонно промямлила она.

Но даже не любимое имя не заставило её встать, и она продолжала лежать с закрытыми глазами.

– Как скажешь. Как тебя там? А, вспомнил, Поми-до… – ЭрДжей был в ударе с самого утра.

– Только попробуй сказать это… – после этих слов она наконец-то начала шевелиться, правда, медлительнее всех.

Ребята прекрасно выспались и чувствовали себя бодро, а вот Мята наоборот, не могла собраться. Она медленно поплелась к ручью, чтобы умыться, но даже прохладная вода не привела её в нужное состояние. В отражении она увидела, что её косички снова растрепались, но ей так даже больше нравилось.

Все принялись пополнять запасы пресной воды, Лекарь вдобавок ещё нарвал каких-то трав, кроме мяты. Это место было очень необычным. Если подняться обратно по склону, то выйдешь на неприветливый пустырь, а здесь тихо, уютно, растёт зелень и течёт ручей. Странный ландшафт у этого места, но благодаря ему, ребята смогли безопасно провести ночь.

И всё же кое-что здесь было слишком странным, например – пугающий город вдали. Даже находясь внизу впадины, ребята могли видеть верхушки зданий и шпили. Вчера вечером все заметили силуэт этого места, но никто не смог понять, что это.

ЭрДжей внимательно всматривался в горизонт, и у него была парочка сумасшедших идей, но вспоминая последствия его вчерашнего любопытства, он решил ничего не говорить.

– Ну что, идём? – спросил Блюм.

– Ага, – сказал Альфред и потянулся к своему рюкзаку.

Взгляд Мяты упал на одну маленькую деталь на запястье Лекаря, которую она не заметила в суматохе предыдущих дней.

– Это же…

– Что? А, я уже и забыл, что одел его, – улыбнулся Лекарь. – Он мне понравился, так что я захватил его перед уходом.

На руке Альфреда был браслет, который она подарила ему при их первой встрече. Этот браслет был особенным для неё, ведь он был задуман как оберег от всего плохого. Она плела его с большим усердием,

и теперь её работа украшает запястье человека, которым она безмерно восхищается.

Мята смущённо улыбнулась ему и тоже направилась следом за ребятами, а Альфред вдруг вспомнил слова, с которыми она оставила этот браслет. Она хотела переродиться травой, которой Альфред вылечил бы кого-то, а теперь он дал ей имя Мята. Дал ей имя…

– Эй, ты чего там застрял? Сейчас будет не сладко, подъём крутой! Иди сюда, поможем! – прокричал ЭрДжей.

Его слова вернули Альфреда к реальности, и он тут же поковылял за остальными.

Когда они преодолели утомительный подъём, загадочный город вдали можно было рассмотреть получше. Из яра он выглядел не таким внушительным, но теперь, оказавшись с ним на одном уровне, ребята поразились его масштабам.

Постройки уже не выглядели такими низкими, а шпили, как оказалось, не уступали высотой многоэтажкам мегаполиса. И ладно эти разно-габаритные здания, но одно строение выделялось даже на их фоне. Оно было выше всех остальных, по крайней мере, вдвое. Каскадом оно сужалось к верху, пока не превращалось в шпиль, который пронзал небосвод.

– Я надеялся, что у нас получится обойти это место, но, кажется, выбора особо и нет, – задумчиво произнёс ЭрДжей.

– Угу… Нам и целого дня не хватит, если пойдём в обход, – подметил Альфред.

– Ладно, тогда сперва сверимся с компасом. Малыш, иди покажу, как он работает. Малыш?

Но он не услышал ответ, поэтому обернулся посмотреть, почему тот не идёт и застыл в ужасе.

– Нет… – прошептал Блюм. – Это же…

Фантаст рухнул на колени и закрыл глаза, не в силах смотреть на увиденное. Все молча стояли и пытались принять то, что открылось их взору.

Вчера в сумерках они не придали значения тому, почему посреди пустыря вдруг оказался яр, но теперь дневной свет открыл им правду – это был не яр и был он здесь не один.

Мята не понимала, что именно она видит, но почему-то внутри всё переворачивалось от этого вида. Она не решалась спрашивать, что это, возможно потому что не хотела знать.

ЭрДжей присел рядом с Блюмом и серьёзно произнёс:

– Да, малыш, это оно. Это воронки от бомб… – он положил руку ему на плечо. – Блюм, но открой глаза, посмотри. – Не сразу, но всё же Фантаст нашел в себе силы сделать это. – Да, вон те дальние выглядят не очень, но вот эти уже ничего. Та, в которой ночевали мы, присмотрись. В ней растут травы и деревья, которые укрыли нас от опасности этой ночью, течёт ручей, который напоил нас. Там даже растёт мята! Не расти она там, Перчик, так бы и осталась Перчиком, а так я подумаю, и может однажды, начну называть её Мятой.

Блюм легонько заулыбался и вытер рукой навернувшиеся слёзы.

– Малыш, не годится мужчине быть таким сентиментальным, – ЭрДжей потрепал его огненную шевелюру.

– Спасибо, ЭрДжей.

– Обращайся.

Мята за всё это время не проронила ни слова. Она догадывалась, что в прошлом произошло что-то плохое, но размер этих воронок был ужасен, хотя хуже всего было видеть Блюма таким.

– Пойдёмте, не будем терять времени, – решительно сказал ЭрДжей, – я, кажется, знаю, что впереди…

И затем он протянул руку Блюму, чтобы помочь подняться.

Хотя Фантасту всё ещё было горько от увиденного, но идя позади своих друзей, глядя им в спины, он чувствовал надежду. Прошлое не изменить, но будущее в их руках. В руках каждого, кто есть сейчас на этой земле…

Воронки остались далеко позади и со временем силуэт на горизонте начал превращаться во внушительный комплекс удивительных построек разных размеров и форм. Чем ближе они подходили, тем больше невообразимых деталей им открывалось, и эти здания явно строились не для того, чтобы в них жили. По периметру это место было окружено высоким забором из проволоки, а сверху над ней проходило три ряда внушительных по толщине тросов.

Подойдя ближе, ребята не спешили искать вход, и какое-то время просто стояли лицом к лицу с этим

пугающим местом. ЭрДжей внимательно рассматривал ограждение, – он подошел к нему впритык, посмотрел на него сбоку, отошел подальше и присел, чтобы посмотреть снизу.

Остальные, недоумевая, наблюдали за ним и не могли понять причину такого странного поведения. Напоследок он провёл пальцами по сетке забора – на его руках осталось немного сажи.

– Великий Рэймонд… – прошептал ЭрДжей. – Я отказываюсь в это верить…

– Да что такое?! – не выдержала Мята. – Может, поделишься с нами? Объяснишь? Зачем ты это сделал? И что всё это значит?! Это что-то плохое?

– Это ограждение находилось под напряжением, – сухо ответил он.

– Спасибо, ЭрДжей, теперь всё стало на свои места! – съязвила девочка.

– Я его нашел… – он перевёл взгляд с ограждения на верхушку самого высокого здания со шпилем вдали. – Нашел…

– Эмм, ЭрДжей, – начал Альфред, – правда, может расска…

– Пойдёмте! – воскликнул Изобретатель и решительно зашагал вдоль забора.

– Куда? – озадачено переспросил Лекарь.

– Искать вход, конечно же!

За ним незамедлительно последовал Блюм, махнув остальным рукой, чтобы они не отставали. Мята и Лекарь неуверенно переглянулись и тоже пошли вслед за ними, но идти пришлось не долго. Будто по

заказу в заборе оказалась огромная дыра, через которую можно было беспрепятственно попасть вовнутрь.

– А может не…

Но ЭрДжей пролез в дыру раньше, чем девочка успела договорить.

Когда они попали внутрь городка, первое время не было ничего необычного. Прямая дорога вела их вдоль построек высотой всего в несколько этажей. Это были очень странные дома, со всех сторон окруженные трубами, рейками, пожарными лестницами и другими коммуникациями. Некоторые здания были соединены мостиками между собой. Всё вокруг заросло деревьями, травой и вьющимися растениями, но вся эта зелень ещё только просыпалась ото сна, поэтому не мешала ребятам двигаться вперёд.

Друзья проходили один перекрёсток за другим, но ничего особо не менялось. Такие же серые и низкие постройки, ничем не отличающиеся между собой, но если поднять глаза выше, то где-то там, далеко, высочили невообразимые строения. Всем было интересно увидеть, откуда торчат эти шпили и что за огромные лопасти прикреплены к ним.

Друзьям пришлось ещё долго идти просто прямо, прежде чем что-то начало меняться, хотя изменениями в архитектуре это сложно назвать, – просто на их пути встречалось всё больше и больше разрушенных построек. Практически у всех были выбиты окна, реже можно было увидеть здания с пробитыми стенами. Чем дальше вглубь шли ребята, тем значительнее становились повреждения. В какой-то

момент их путь преградили завалы здания, сошедшего лавиной. У друзей просто не было выбора и им пришлось обходить его по другой улице.

Возле зданий нередко валялись гироскутеры, флайскутеры или небольшие одноместные машины. ЭрДжей с грустью смотрел на них, потому что пройти весь комплекс пешком, казалось, было просто нереальной задачей, но друзья не сдавались и шли дальше.

Время от времени ребятам встречались похожие воронки в земле, и им приходилось их обходить. Это отнимало ещё больше времени и сил, но выбора всё равно не было.

Огибая очередную воронку, они были вынуждены свернуть с улицы, по которой шли, и новый поворот не разочаровал их.

– Что это?.. – поразилась Мята.

Огромные железные пластины, размером с двух-трёхэтажное здание, ровными рядами тянулись на много километров вперёд. Эти плоские сооружения стояли под определённым углом и были направлены в одну сторону.

– Это, Перчик, солнечные батареи.

– ЭрДжей, так они должны быть рабочими! – взволновано сказал Альфред. – Мне рассказывали отшельники, что такие батареи не имеют срока годности и могут служить веками.

– Ну, это если верить тем, кто их построил... – улыбнулся ЭрДжей. – Пойдёмте дальше, хочу к тому высокому зданию.

– Но как же твоя мечта вернуть свет? Они же рабочие, – удивилась Мята.

На что ЭрДжей только улыбнулся в ответ.

Пройдя поле солнечных батарей, ребята вышли к тем самым высоченным шпилям с лопастями, которые оказалось ветрогенераторами, но это было не последнее потрясение на сегодня. Дальше архитектура построек кардинально менялась.

Больше не было тех скучных и однообразных домов всего в несколько этажей. Центральная часть этого комплекса была застроена зданиями-гигантами. Их размеры поражали не высотой, а размахом. Они были очень плотно выстроены друг к другу, и стояли в шахматном порядке. Окна этих зданий были полностью застеклены, но из-за тёмной тонировки было невозможно рассмотреть, что внутри.

Эти здания располагались вдоль просторной аллеи, и к каждому вёл внушительный парадных вход. Посередине аллеи находилась великолепная статуя девушки, держащей в своих руках шар, символизирующий планету.

Как ни странно, но в этой части комплекса не было никаких воронок от бомб или других разрушений – всё осталось нетронутым. Поэтому ребята беспрепятственно двигались в сторону главного центрального здания, попутно восхищая невообразимой архитектурой.

И вот наконец-то их долгий путь привёл их к главной площади. Несколько десятков нерабочих фонтанов окружали главное здание этого места.

– Ооох… – только и вырвалось у Мяты.

Друзья завороженно смотрели на удивительное сооружение, высотой до небес. В прошлом оно было

идеально белого цвета, но время и невзгоды оставили на этом чистом полотне свои мрачные следы. Но даже так, это строение восхищало.

Конструкция ярусами поднималась вверх, постоянно сужаясь, и на самом верху виднелся шпиль. Казалось, будто он пронзал небосвод, доказывая силу человека и его мысли.

Это здание стояло, как неприступная крепость, показывая всем своим видом, что оно не падёт, что бы ни происходило вокруг. Оно будет стоять здесь вечно, храня в себе память о былом величии человечества.

– Что это за место? – девочка пыталась сложить воедино все кусочки увиденного, но не могла даже предположить, куда их завела судьба.

– Это место, куда я всегда мечтал попасть… Я искал его всю жизнь… Я столько раз выходил за пределы мегаполиса в надежде найти его, но всегда искал не там… – ЭрДжей взялся за голову. – Я его нашел…

Эти слова так и не дали желанный ответ ребятам, но узнать больше от ЭрДжея они сейчас не могли. Он выглядел очень растеряно и полностью ушел в свои мысли. Никто не осмеливался прерывать его внутренний диалог.

– Ой, что это я… – постепенно ЭрДжей начал приходить в себя. – Это… это место – это легендарная электростанция величайшего учёного всех времён – Рэймонда Джефферсона! Гения физики, наноэлектромеханики, неокибернетики, робоинженерии, отца спиритоэнергетики, создателя проекта Верхних городов, инженера-строителя, который собственноручно

возвёл наш с вами мегаполис и подарил людям неисчерпаемый источник энергии! Это место – его жизнь. Он здесь трудился, творил, создавал… здесь…

– Создатель Верхнего города? – удивилась Мята.

– Неисчерпаемый источник энергии? Разве это возможно? – недоверчиво спросил Ал.

– Для него не было ничего невозможного! Он был величайшим человеком! Он опережал своё время, он был строителем нового мира, пока… пока что-то пошло не так. С ума сойти… – Изобретатель снял свой рюкзак и бросил его прямо там, где стоял. – Вы меня простите, я немного не в себе. Я мечтал найти это место, сколько себя помню, но всегда шел совсем в другом направлении… Вот же дурак… Вы не против, я прогуляюсь, осмотрюсь. Просто нужно немного привести мысли в порядок. Я мигом!

ЭрДжей быстро зашагал в сторону уцелевших ангаров сбоку от здания-гиганта.

– Стой, ЭрДже…

Но не успела девочка договорить, как её остановил Блюм, положив руку ей на плечо.

– Пусть идёт. Ему это, правда, нужно, – Блюм тепло улыбнулся, – а мы пока что устроим привал: разведём костёр и спечём картошку.

– Да, на запах еды он точно вернётся... – попытался пошутить Лекарь.

– О великие духи этой большой белой высотки, помогите избежать очередных неприятностей… – жалобно сказала Мята, доставая из рюкзака картошку.

– Даже если так – это не плохо, – с улыбкой ответил Блюм. Девочка и Лекарь вопросительно посмотрели на него. – Какие же это приключения, если всё идёт гладко?

Но даже таким положительным настроем Блюму не удалось окончательно развеять сомнения Альфреда и Мяты.

А тем временем ЭрДжей нетерпеливо изучал окрестности. Огромные ангары, склады, хранилища, за ними гектары солнечных батарей, неизвестные ему генераторы размером с грузовик, а вдали возвышались шпили. Он ходил и вертел головой во все стороны, стараясь рассмотреть всё и сразу.

Заглянув в один из складов, ЭрДжей увидел множество коробок, разбросанных по всему помещению. Он вскрыл одну из них и увидел маленький генератор, такой же, как на улице, только уменьшенный во множество раз. Он покрутил коробку, пытаясь найти на ней хоть что-то, но ни этикетки, ни инструкции, ни даже каких-то пометок не было.

Он искал в самых потайных закоулках своего мозга информацию об этих генераторах, но, по всей видимости, он ничего не знал о них.

Для чего предназначались эти вещи, частью какого механизма они являлись – было для него загадкой, но само нахождение здесь приводило его в неописуемый восторг.

Он не мог поверить, что наконец-то нашел знаменитую электростанцию Рэймонда. Каждый миллиметр этого комплекса был доказательством того, что можно жить не так, что можно жить лучше. Так

раньше и было. Все эти удивительные вещи результат тяжелого труда многих поколений, – голова кружилась от этих мыслей. Он пошел дальше исследовать это царство технологий, прихватив с собой один из генераторов.

Поиски привели его к куполообразному зданию, в котором не было ничего, кроме шара на пьедестале. Он подошел к нему ближе и увидел, что поверхность шара напоминает микросхему, а на пьедестале была не рабочая сенсорная панель. ЭрДжей вытер ладонью многолетний слой пыли и увидел маленькие трещинки. Даже если он запустит её, этот шар уже вряд ли заработает.

Всё было странным в этом месте – склады полностью забиты товарами, производственные части не разрушены. Будто ещё вчера здесь кипела работа, будто время просто остановилось для этого места... Не было ни следов борьбы, ни огромных разрушений, кроме тех воронок. Как же тогда это место погибло?

Погруженный в эти мысли, ЭрДжей опустил глаза, и впервые заметил то, что было у него под ногами. Во всех помещениях на полу лежал чудовищный слой пыли. ЭрДжей присел и набрал немного себе в ладонь. Для пыли слишком тяжелая, для песка слишком лёгкая. Он так и не понял, что это такое, но решил не задерживать на этом внимание.

В соседнем ангаре он увидел огромный конвейер, на котором находились какие-то сферы полупрозрачного белого цвета. Они были разных разме-

ров, и самые маленькие спокойно помещались взрослому человеку в руку. ЭрДжей взял одну и принялся изучать её.

Она была не полностью круглой и имела скошенную сторону с металлической пластиной, чтобы сферы могли устойчиво стоять. Он поймал себя на мысли, что это чем-то похоже на лампочку, пусть и с таким странным креплением. Он какое-то время вертел её у себя в руках и хотел уже положить обратно, как вдруг она засветилась.

– Что за?!

От неожиданности он отбросил её, и та полетела на пол. Сфера не разбилась, лишь испачкалась пылью и постепенно потухла.

Он поспешил поднять сферу и принялся искать кнопку, которая привела механизм в действие, но ничего такого на ней не было. Только та металлическая пластинка, которая, вероятно, служила кнопкой включения. ЭрДжей хотел нажать на неё, просто чтобы удостовериться в своей теории, но не успел он это сделать, как сфера снова засветилась.

– О, великий Рэймонд… да сожрёт меня дух Белого Пса прямо сейчас… это же… свет! Свет от лампочки!

ЭрДжей держал в своих руках настоящее чудо и не мог в него поверить.

– Но как?.. Она что, не потеряла заряд или… или… энергия воздуха… или что? Ха! С ума сойти!

ЭрДжей отложил эту лампочку и принялся брать в руки каждую, лежащую на конвейере, но, сколько

он не пытался, ни одна снова не загорелась. Только та единственная.

Он схватил рабочую сферу и пошел вдоль конвейера посмотреть, куда он ведёт. Огромные механические руки после упаковки этих сфер в коробки отправляли их на другой конвейер, который был похож на маленькую железную дорогу и доставлял лампы прямо в…

– Башня Рэймонда?..

Путь второго конвейера вёл прямо к прекрасной, утончённой, величественной башне Рэймонда. Ни бомбы, ни катаклизмы, ни даже само время не смогли нанести урон этой обители науки и развития.

ЭрДжею нужно было попасть в здание, чего бы это ни стоило. На парадную дверь рассчитывать не приходилось, а вот рейки этого конвейера вполне себе могли стать счастливым биллетом вовнутрь. Вот только вспотевшие руки или сильный порыв ветра могут стоить жизни, ведь рельсы какое-то время шли вверх вдоль здания, пока не сворачивали вглубь башни Рэймонда. Но любопытство и желание попасть в здание оказались сильнее знаменитого холодного рассудка Изобретателя.

Нужно обдумать, как лучше это сделать, а сейчас стоило вернуться к ребятам.

Первое, что он увидел, когда вернулся – недовольное лицо Мяты.

– Ну наконец-то! У нас костёр погас, картошка давным-давно остыла, мы даже в слова поиграть успели! Где ты был столько времени?

– Прости, Перчик, – только и ответил ЭрДжей.

Наконец-то все были в сборе. Ели ребята молча, по мере возможности подавляя желание наброситься на Изобретателя с расспросами. Они понимали, что ему нужно дать время, и он сам выложит всё в мельчайших подробностях, но вот обед подходил к концу, а он всё так же не проронил ни единого слова.

По завершению обеда, ЭрДжей небрежно вытер руки о свои светлые джинсы, чем очень удивил ребят, ведь он был самым опрятным человеком из всех.

Всё так же молча и сосредоточено он достал из рюкзака сложенную во много раз бумажку. В его руках она превратилась в огромное полотно с какими-то странными рисункам и линиями.

ЭрДжей аккуратно положил её на землю, предусмотрительно зафиксировав с четырёх сторон камнями. Затем взял ручку и принялся что-то дорисовывать.

– Что это? – спросил Лекарь? – Карта мегаполиса?

– Нет, это карта страны.

Альфред подсел к ЭрДжею и принялся внимательно изучать её. Много чего было перечёркнуто или наоборот дорисовано ручкой. Не сразу, но Альфред нашел на карте их мегаполис и понял, что рисует ЭрДжей – он отмечал новое открытие.

– А что это такое, страна? – спросила Мята.

Все парни удивлённо посмотрели на неё.

– В смысле, что такое страна? Разве твои старшие не рассказывали тебе?

– У меня как-то не сложилось общение со старшими, знаешь ли… – пробурчала девочка. – Мне рассказывали, что есть наш мегаполис, за ним ещё мегаполис и так очень много раз.

– Темнота дремучая... Есть города – они же мегаполисы, а есть страны. Страны состоят из мегаполисов.

– Зачем так усложнять?

– Да это упрощено до предела! – выпалил ЭрДжей.

– Этот участок зарисован волнами. Я прав? – спросил Блюм.

– Да, малыш. Догадываешься, что это?

– Конечно. Моё путешествие началось с этого места.

– Ты серьёзно? – удивился ЭрДжей. – Ты родом из Затопленного мегаполиса? Как там живут вообще?

– Ну, далеко не весь мегаполис затоплен. Рассказы, как всегда преувеличены, но нам самим было интересно жить в затопленных районах. Это было весело, – улыбнулся Блюм. – В основном мы передвигались на маленьких самодельных лодках или плотах. В некоторых районах глубже, в некоторых воды по колено – там можно и пройтись. Но были и участки, где вообще уже никто не жил. Там было очень глубоко... Высотки, такие как ваши, полностью покрыты водой! Я нырял, чтобы посмотреть на них, но дыхания хватало только чтобы подплыть к крышам.

– Всегда хотел попасть туда, но Затопленный так далеко... У меня нет столько времени на поход.

– Сходи как-нибудь, это место того стоит. Второго такого нет.

Девочка покосилась на карту. Оказывается, существуют страны и в них находятся мегаполисы. Ей стало интересно, а много ли стран, много ли мегаполисов и вообще, насколько огромен мир? Она никогда особо не задумывалась о размерах мира, в котором живёт, но сейчас, глядя на маленький кусочек карты, который оказался их городом, она поняла, что вокруг неё всё это время находилось пространство невообразимых размеров. Это всё так странно. Вокруг неё целый мир, о котором она ничего не знает.

Она прослушала часть разговора, уйдя в свои размышления, но тут в её голове возник вопрос, которым она давно задавалась, но не могла найти ответ. Теперь с ними Изобретатель и возможно он что-то знает.

– … и тогда я решил отправиться южнее, но и там ничего не было…

– ЭрДжей, – перебила его рассказ девочка, – а ты случайно не знаешь… как произошло всё это? Ну, я имею в виду, наша жизнь, наш мегаполис, руины Нижнего города, воронки…

– Ох, Перчик, спроси что полегче… – тяжело выдохнул ЭрДжей. – Понимаешь, вся современная литература находится на электронных носителях, которые я сейчас не могу включить.

– Что это за носители?

– Планшеты, телефоны, ноутбуки – все те интересные штуки, которыми вы сейчас орехи колите. На них можно было записывать разную информацию,

поэтому, если я верну электричество, вполне возможно, что данные всё ещё будут там, и я смогу ответить тебе на твой вопрос.

Мне удалось как-то запустить несколько смартфонов при помощи солнечных батарей, и тут я обнаружил две большие проблемы. Первая – аккумуляторы не долговечны и их большая часть уже неисправна, а вторая проблема – те несколько смартфонов, которые мне удалось включить, были забиты настоящей ерундой! Какие-то игры, куча одинаковых фотографий, диалоги ни о чём! Я не смог найти и капли полезной информации! Нашел всего несколько художественных книг, но они не пролили мне свет на происходящее. Современной печатной литературы практически нет, ведь люди веками сжигали всё, чтобы греться и готовить еду. Ту крупицу современных знаний, что у меня есть, я нашел у отшельников. Они прятали книги, журналы и прочие вещи, ценность которых горожанам неведома. Я располагаю информацией из Нижнего города, а это тысячу шагов назад. Даже эта карта – она старая и не соответствует тому, что есть сейчас, поэтому здесь так много моих пометок. Если верить карте, то на этом месте должно быть озеро, поэтому я и не пытался искать здесь электростанцию, но, как вы могли заметить, тут нет воды, зато находится последняя надежда этого мира на возрождение.

– Я много путешествовал, разговаривал с мудрыми людьми, но никто не может сказать ничего точно, – подтвердил Блюм.

– То, что я знаю наверняка – был большой ресурсный кризис. Люди слишком долго истощали планету и начались проблемы: наводнения, землетрясения, провалы в грунте. Так, например, город, в котором жил Блюм был частично затоплен, наш Нижний город – просел. Этот кризис затянулся на много десятилетий и охватил весь мир. И вот, когда всё вышло из-под контроля, когда города один за другим начали превращаться в руины, появился молодой и амбициозный гений – Рэймонд Джефферсон! Он взялся просто из ниоткуда! Движимый желанием изменить мир к лучшему, он ломает старую систему и её законы. Он создаёт первый в мире высокотехнологичный мегаполис, автономно работающий и полностью обеспечивающий себя энергией – наш Верхний город! Творение, стоя́щее на руинах прошлого, но устремлённое в будущее. Мегаполис, основанный на твёрдых моральных принципах и убеждениях, город без оружия и изъянов! Это цитата, между прочим. Так вот, Рэймонд собирает команду молодых и талантливых учёных и делает просто невозможное – он использует эту разрушительную энергию природы в своих интересах и создаёт… неисчерпаемый источник электричества! Он создает целую науку об энергии вокруг нас в дальнейшем названной спиритоэнергетикой! Бум! И сразу произошел технологический скачок во всех сферах! Ведь энергия больше не заканчивалась. Машины летали, высотки возводились невообразимо быстро! Он дал всем людям бесплатное электричество, но самое главное, он изменил мир. Я уверен, что он умер в глубокой старости с чувством полностью исполненного

долга. Так и должен прожить гений. Создать что-то стоящее и кануть на века в памяти людей, как непревзойдённый создатель! – горящие глаза ЭрДжея после такого воодушевлённого рассказа внезапно стали грустными. – Хотя кого я обманываю, его никто не помнит…

Такие были технологии и где теперь это всё? Сколько старых книг по истории я прочёл, ни одна не дала мне ответ на мой главный вопрос: что с нами не так? Мы разумный вид, наделённый талантом, воображением и силой. Так что же нам мешает жить? Вся наша история – это хождение по кругу и совершение одних и тех же ошибок. За каждым шагом вперёд мы обязательно делали два назад. А сейчас так все сто! Почему мы оказались здесь? Как мы это допустили? Хотя я толком не знаю, что произошло, но воронки от бомб и руины в некоторых частях мегаполиса ясно дают понять, что мы снова совершили ту же ошибку…

– А зачем нужно было строить город над городом? Не проще было бы построить новый на устойчивой почве? – вдруг возник вопрос у Лекаря.

– Я не знаю почему, но думаю, Рэймонд пытался этим доказать, что нет ничего, с чем человек не смог бы справиться. По крайней мере, я верю в это.

Все выглядели подавлено, на лице Блюма была настоящая боль и горечь. Он слушал ЭрДжея с закрытыми глазами и всё это время представлял у себя в голове ужасы того времени. Такие огромные воронки, такие глубокие раны… Самое мучительное для

Блюма было то, что эти бомбы были сброшены на людей самими же людьми…

– Малыш…

Он открыл глаза и прошептал:

– Если бы я… только мог…

– О чём ты вообще? Тебя тогда ещё на свете не было! Правда о том времени давно утеряна, но мы здесь, а это уже что-то. Если мы здесь, значит, мы в силах что-то изменить.

ЭрДжей повернулся лицом к главному зданию.

– У меня будет к вам огромная просьба, пока вы ещё здесь.

– Пока мы ещё здесь, ты хотел сказать, – исправила его Мята.

ЭрДжей опустил глаза.

– Так ты… не пойдёшь с нами дальше?.. – спросил Альфред.

Это было так неожиданно для ребят. После всего, что они пережили вместе, мысль о том, что один из них не продолжит путь, была ужасной.

– Так быть не должно. ЭрДжей, ты должен быть с нами, – с тревогой сказал Блюм.

– Вы и так много времени потеряли из-за меня. Вам пора идти. Разоблачение Парка и его магии важная цель, но теперь, когда я нашел электростанцию, я не могу себе позволить тратить время на поход. Я должен остаться здесь и работать, и у меня есть к вам просьба. Я хочу залезть в башню Рэймонда и попытаться открыть дверь изнутри, но сам я не справлюсь. Кто-то должен помочь мне снаружи.

Решение ЭрДжея настолько потрясло ребят, что они через слово слушали его просьбу. Первым собрался Блюм.

– Хорошо, мы поможем тебе. Это твоё решение, и мы будем его уважать.

Девочка и Лекарь с непониманием посмотрели на Блюма, ведь они наоборот ждали от него речей, которые могли бы как-то повлиять на ЭрДжея.

– Спасибо, малыш. В таком случае, не будем терять времени.

Когда ребята увидели, каким образом ЭрДжей собрался лезть наверх, они начали сомневаться в его гениальности.

– ЭрДжей, а ты понимаешь, что если ты упадёшь, то уже никогда не вернёшь людям электричество? – озадачено спросил Лекарь.

– Не дрейфь, Ал! Я тебе не какой-нибудь задохлик с книжками, я – Изобретатель! В каких только местах Нижнего я не лазил, с каких только переделок не выбирался!

ЭрДжей был полон решимости. Он снял с себя свитер и отдал его Мяте, затем закинул на плечи рюкзак, подвязал свою лампу верёвкой наперевес и заранее включил её.

– Да ты посмотри на эти рейки! Они же… они… старые, и ненадёжные, и пыльные, и… и твоя нога! У тебя же рана! Мало ли что! – Мята всеми силами старалась отговорить ЭрДжея, но он проигнорировал её слова.

– Мальчика мужчиной делают смелость и решительность. Мне наверх!

Он одним шагом преодолел несколько нижних реек и начал взбираться.

– ЭрДжей, неизвестно, сколько им лет! Вдруг они отпадут или рука соскользнёт! – предприняла последнюю попытку девочка.

– Он не сорвётся, – неожиданно сказал Блюм.

– Вот, Перчик, у Блюма потрясающая интуиция. В таких вопросах я ему доверяю больше, чем себе. Если он сказал, что не сорвусь, значит так и будет.

– Дело не в интуиции, – улыбнулся Блюм, – просто я в тебя верю.

ЭрДжей замер. Он никогда не сомневался в правильности своего пути, но никто и никогда не говорил ему, что верит в него. Всего несколько слов, но они придали ему столько сил и храбрости.

Затем Блюм сказал:

– У мира большие планы на тебя, ЭрДжей.

– Это у меня большие планы на этот мир!

На лице ЭрДжея не было и капли страха – только решимость. Он быстро успокоил бурю эмоций внутри и сосредоточился на подъёме, а ребята внизу замерли, наблюдая за опасным восхождением своего друга.

Лезть было действительно очень тяжело, но всё было выполнимо, если подойти к вопросу с головой. ЭрДжей осторожно брался за новую рейку, предварительно проверяя её. Ему было не занимать опыта в лазании благодаря руинам Нижнего города.

Он лез по рейкам вверх, пока они не начали плавно заворачивать вглубь здания. ЭрДжей заглянул туда:

– О, великий Рэймонд, ты должно быть шутишь…

Рейки продолжали идти дальше вглубь здания подобно маленькой шахте, по которой что-то подавалось вовнутрь.

Наконец-то ребята смогли облегчённо выдохнуть, когда фигура ЭрДжея скрылась в проёме. Альфред даже положил руку на сердце, – так сильно оно колотилось.

– Блюм, – обратился к нему Ал, – почему ты поддержал его? Почему не попытался остановить?

– Он не останется здесь. Я уверен, что он пойдёт с нами, но попасть в это здание ему тоже нужно.

Все озадачено посмотрели на неприступную крепость Рэймонда.

– А нам что делать? – спросила девочка.

– Пойдёмте к двери, будем ждать его там.

Изобретатель полз уже довольно долго, а туннель всё не заканчивался. Он осторожно повернулся назад, чтобы посмотреть, сколько он прополз, но света от окна не увидел. Значит, туннель шел не ровно, хотя ЭрДжею казалось, что он никуда не сворачивал. Он сделал глубокий вдох-выдох и продолжил ползти, но буквально через несколько метров он увидел провал – рейки сворачивали вниз под крутым углом. ЭрДжей застыл, не зная, что ему делать дальше.

Он снова обернулся – позади полная тьма, он подсветил вниз – спуску нет конца. Вокруг него кромешная тьма, а он давно не заряжал лампу. Что если она перестанет работать именно здесь? Что если дальше будет провал вниз? Что если дальше будут развилки и он заблудиться в них?

Или вдруг он выползет из шахты, но не сможет выбраться обратно?

– Вот, чёрт… Воооот, чёрт! Чёрт… Только не сейчас…

Дыхание ЭрДжея участилось, сердце заколотилось, как бешенное и началось головокружение. Он шумно и жадно хватал воздух ртом, стараясь вдохнуть, как можно глубже, но воздуха всё равно будто не хватало. Рука разжалась, и лампа упала, но чудом не разбилась. ЭрДжей начал пытаться выбить стену шахты, но эти жалкие попытки сделать выход здесь и сейчас провалились.

– Чёрт! Чёрт! Выбивайся, чёрт бы тебя дери!

Последняя попытка выбить стенку ногой тоже провалилась, и он обессилено откинулся назад, дрожа всем телом.

– Тише, тише, тише… Дыши… Это временно… Это пройдёт. Всё пройдёт... ЭрДжей, что ты как маленький, первый раз что ли... Не позволяй панике брать верх. Думай. Думай. Всегда думай. Никогда не паникуй. Думай...

Звук собственного голоса успокаивал. Он сидел, облокотившись спиной о холодную стену шахты. Его знобило, хотелось, как можно скорее вернуться об-

ратно на свежий воздух, но сейчас это было невозможно. Он забрался уже очень глубоко. Один, посреди этой узкой тёмной шахты.

– Тшшш….

ЭрДжей одной рукой гладил себя по плечу – это успокаивало. Сам он сидел с закрытыми глазами и пытался хоть как-то анализировать ситуацию.

ЭрДжей наконец-то сумел полностью совладать с собой. Он сделал глубокий вдох и выдох, снова одел лампу наперевес и принялся менять своё положение так, чтобы теперь ползти вниз по рейкам, как по лестнице.

Света сразу стало намного меньше, и он мельтешил из-за движений тела. Зрительный раздражитель ужасно мешал, и паника снова подбиралась к нему, но вдруг в его голову пришла одна мысль, которая вмиг вернула ему уверенность и трезвость мысли. Почему он сразу об этом не подумал? Там снаружи его друзья. Если его долго не будет, они пойдут за ним. Он больше не один. Раньше, когда в подобных местах случались приступы, он понимал, что его никто не спасёт, никто не придёт на помощь, но сейчас всё было иначе, а ещё ему вспомнились слова Блюма.

Не время жалеть себя, сдаваться на полпути или отступать. ЭрДжей взял лампу в зубы, и теперь было прекрасно видно, за какие рейки хвататься.

Он спускался вниз, осторожно прощупывая ногами каждую рейку, и в какой-то момент плоская поверхность вернулась, и шахта снова шла прямо. ЭрДжея это очень обрадовало, потому что держать лампу в зубах оказалось той ещё задачкой. Он снова

переместил лампу в руку и полз на четвереньках, и вот его усилия были вознаграждены, – впереди начал виднеться свет. Это могло означать только одно – выход!

Шахта заканчивалась, но рейки продолжали идти дальше по мостику. ЭрДжей выполз на него и во все глаза смотрел вокруг себя. По одну сторону от мостика был провал, упасть с которого означало умереть, а с другой – была площадка, на которой могла бы разместиться добрая сотня людей.

ЭрДжей осторожно спрыгнул с конвейера и даже не обратил внимания на боль в ноге. Он и его мысли были полностью заняты местом, в которое он попал. Крепость Рэймонда во всей красе.

– О… великий… Рэймонд! Да! Чёрт тебя дери, я сделал это!

ЭрДжей даже подпрыгнул от счастья, чем вызвал облако пыли под ногами. Всё вокруг было даже лучше, чем он себе представлял. Свет, проходящий из запыленных огромных окон выше, был тусклым, но этого вполне хватало, чтобы рассмотреть всё вокруг. Даже в самых смелых своих мечтах он не мог предположить, что это здание внутри выглядит так.

– С ума сойти…

Если поднять голову, сотни таких же мостиков проходили сверху, по бокам и скорее всего ниже. Помимо мостиков в здании было множество конструкций разной геометрической формы. Сферические комнаты, будто левитировали в воздухе, но пыль выдавала потайные тросы. Дальняя стена была покрыта

идеально ровными треугольными камерами хранения. Сбоку от них проходили нерабочие эскалаторы. Они вели к уже более обыденным офисным этажам, но ЭрДжей был уверен, что если подняться туда, то и там можно было бы найти что-то удивительное.

Он подошел к бортику смотровой площадки и положил руки на запыленные поручни.

– Он был здесь, стоял здесь…

ЭрДжей уже давно забыл, что его целью было открыть двери, и он на всех порах двинулся изучать башню Рэймонда. Площадка пересекала всё здание, и посередине находился лифт, который доставлял людей на другие этажи. Ему жуть как хотелось попасть в кабинет Рэймонда, но скорее всего он находился на самом верху, а сейчас туда никак не добраться.

Как же всё здесь было изящно и продумано до мелочей. Дух захватывало от осознания того, что когда-то эта идея родилась в голове обычного человека, кто-то разработал чертежи, а затем руки мастеров возвели это здание и оно ожило. Мысль, обыкновенная мысль превратилась в великолепное строение.

Здесь, конечно, давно никого не было, но на площадке пыли лежало даже больше, чем в ангарах, и красные кеды ЭрДжея моментально превратились в серые.

Он завороженно рассматривал всё, что попадалось его взору. ЭрДжей шел вдоль площадки и открывал для себя всё новые и новые углы обзора. Он и не заметил, как пересёк всё здание и оказался у стены.

Как же хотелось увидеть больше, побывать на верхних площадках, зайти в те сферические комнаты,

но, по всей видимости, его экскурсия здесь и закончится. Опечаленный этой мыслью, он снова повернулся к стене.

– Да ладно… Рэймонд, ты серьёзно?

Сбоку в стене была неприметная серая дверь с табличкой «Запасной выход» над ней.

ЭрДжей не сразу её заметил, потому что она была практически одного цвета со стеной. Как и все современные двери, она не имела каких-либо ручек или других вспомогательных механизмов. Сбоку находилась небольшая панель с одной только красной кнопкой.

Проведя рукой по запыленной кнопке, ЭрДжей без каких-либо мыслей нажал на неё и к его величайшему удивлению, дверь с шипящим звуком приоткрылась.

– Что за?! – отпрянул ЭрДжей.

Он тут же закашлялся, ведь механизм вызвал облако густой пыли.

Дверь открылась не полностью, но в ней появился небольшой зазор в несколько сантиметров. Этого было вполне достаточно, чтобы просунуть туда пыльцы и попытаться открыть дверь вручную. Сантиметр за сантиметром он протягивал скрипящую дверь вдоль стены, пока не образовался проход достаточного размера. Запыханный ЭрДжей вытер пот со лба и незамедлительно полез в новообразовавшийся дверной проём.

Он оказался на крохотной лестничной площадке, с которой можно было подняться на другие этажи. И, несмотря на огромное желание пойти выше, всё же он

решил сначала спуститься, чтобы попытаться отворить главную дверь.

Спускаться пришлось не долго, и уже совсем скоро он стоял у двери, ведущей на первый этаж. Механизм снова заел, лишь немного приоткрыв проход, но ЭрДжей быстро справился с преградой и оказался в огромном холле первого этажа.

Здесь совсем не было окон и такой большой зал невозможно было осветить при помощи одной только лампы, поэтому внешний вид этого помещения остался для ЭрДжея загадкой.

Он побродил немного, но так и не смог сориентироваться, с какой стороны должна быть входная дверь. Здесь было довольно прохладно и очень жутко. Хаотичное хождение по холлу привело к тому, что он уже не знал, откуда пришел.

Он решил двигаться прямо, чтобы упереться в стену, но внезапно его путь преградили турникеты. Ровный ряд блоков с сенсорными ключами и закрытыми поручнями когда-то давно охраняли вход в офис от посторонних.

– Ну, ваш будущий начальник прибыл.

И он ловко перепрыгнул через них.

Ступеньками он поднялся выше на пролёт с лифтами, но не стал задерживаться возле них и пошел дальше по лестнице. Так он попал на смотровой балкон, с которого можно было бы увидеть весь холл, но света от лампы хватило только, чтобы осветить ряд турникетов снизу. Неудовлетворённый таким положением вещей, ЭрДжей снова двинулся на поиски

лестницы или запасного выхода, но не обнаружил ничего подобного. Подняться выше с этого этажа было уже невозможно.

Он побрёл обратно к ступенькам, чтобы спуститься, как вдруг заметил ещё одну дверь.

Обыкновенная серая дверь с круглой ручкой посреди огромного смотрового балкона, была больше похожа на розыгрыш. Откуда в таком месте взялся подобный элемент интерьера? Сбоку от двери он увидел электронный ключ, и он выглядел намного внушительней, чем остальные. Кроме сканера для ладони, здесь ещё была цифровая панель.

Дверь была закрыта, и было логично, что она не откроется, как и все остальные, но конкретно эта дверь была какой-то не такой. Взять хотя бы эту странную круглую ручку. Все двери с ручками остались в прошлом, в Нижнем городе, например. Шанс был один на миллион, но ЭрДжей решил попытать удачу. Он осторожно повернул её и к его величайшему удивлению дверь со скрипом открылась. Густой желтый свет осветил чьё-то рабочее место. ЭрДжей осторожно вошел в комнату, оставив дверь открытой.

Комната была небольшой по размеру и без окон. Здесь царил идеальный порядок, даже не смотря на огромный слой пыли. Все вещи лежали ровно и опрятно, в комнате стоял книжный шкаф, рядом стол и стул. Немного дальше вдоль стены находился небольшой диванчик, а возле входной двери вешалка.

ЭрДжей первым делом подошел к шкафу и стал рассматривать содержимое. Полки были полностью

заставлены книгами в порядке от самых высоких к самым низким. Пальцами он пробежался по пыльным корешкам и остановился на случайной книге. Поставив лампу на стол, ЭрДжей принялся изучать содержимое книги «Наука и духовность. Философские размышления о мире и роли человека в нём». Он открыл её и просто перелистал, не читая, затем захлопнул и посмотрел на корешок: «Автор Рэймонд Николас Джефферсон».

Он положил эту книгу на стол и взял следующую – «Физико-математическое моделирование электроэнергетических систем». Дальше он принялся хаотично доставать книги одну за другой: «Электрогенераторы будущего», «Искусство, наука и духовность – три точки равновесия человечества», «Практическое использование природной энергии в тяжелой промышленности», «Мир как шахматная доска. Политические игры на выживание», «Цена комфорта», «Квантовая физика простым языком», «Эволюция разума», «Робототехника и искусственный интеллект», «Как сделать мир лучше. Пошаговая инструкция для начинающих», «Современные экологические технологии», «Мой путь учёного: от юного мечтателя к созидателю будущего», «Экономическое обоснование внедрения генераторов типа «Альфа» в строительной отрасли», «Наноэлектромеханика. От теории к практике», «Основы спиритоэнергетики»…

Все книги были авторства Рэймонда и имели самое разное содержание: от философских заметок до фундаментальных научных трудов.

ЭрДжей рухнул на стул под тяжестью знаний, которые держал в своих руках.

– О великий Рэймонд…

Этот шкаф, высотой почти до потолка, был полностью заставлен книгами одного автора. Это ключ ко всему!

Наконец-то Изобретатель оторвал свой взгляд от книжного шкафа и повернулся к столу. На нём стояли три ультратонких монитора, а в поверхность стола была вмонтирована сенсорная панель, которая видимо, служила клавиатурой. Тут же лежал планшет и блокнот с ручкой. На стене над мониторами висела куча фотографий, и на всех был Рэймонд. Выцветшие снимки рассказывали историю его жизни, начиная с юности, заканчивая фотографией, где он, по всей видимости, держал внучку.

Рука ЭрДжея потянулись к блокноту. С первой страницы поражал безупречный почерк гения прошлого: буквы были написаны без наклона, идеальным, как будто печатным, почерком.

«Не доверяю я этим писакам из популярных журналов. Сам напишу биографию. Не хочу, чтобы это было сухое изложение фактов из моей жизни в хронологическом порядке. А ведь эти журналисты именно так и сделают. Как всегда, расскажут, какой университет я закончил, во сколько изобрёл первый генератор, но ни слова не скажут о моём любимом блюде, или о любимой книге, и, конечно же, не напишут о моём любимом занятии детства – смотреть на облака и представлять, что же это…

... Моя привычка сначала писать книгу от руки, а потом набирать, уходит корнями в моё бедное детство. Мне не повезло родиться в стране, чьи природные ресурсы были истощены более развитыми странами. Те государства потом и вышли на уровень высоких технологий, став лидерами рынка, оставив опустошенные и экономически нестабильные страны второго мира далеко позади. Мир условно разделился на очень богатых и очень бедных, и я принадлежал ко вторым. Дома не было ноутбука или компьютера, зато он был у моего лучшего друга Норберта. Поэтому я всегда писал сначала от руки, затем приходил к нему и набирал текст ночи напролёт...

... Почему я начал с астрофизики? Меня всегда манил космос. Математическая бесконечность, которую нередко можно встретить в уравнениях, заставляет людей думать о чём-то весьма абстрактном, но на самом деле бесконечность находила выход и в нашем мире. Я видел бесконечность во всём: в небе, в глазах моей матери, в самой нашей жизни. Даже смерть не казалась мне концом. Я всегда верил в то, что я есть бесконечность, я есть космос, я есть мир. Я всматривался в ночное небо чаще, чем в микросхемы. Я всегда искал там ответ на свой самый главный вопрос: «Зачем я здесь?»...

... Да, переживала мать за меня здорово. Все мальчишки в 7 лет с мячом бегают, девочек за косички дёргают, а я сидел в своей маленькой так называемой «лаборатории», которую обустроил в подвале, и потел над примитивными роботами, которые

в странах большой пятёрки люди могут без проблем себе позволить. Но у нас всё было совсем по-другому, а я очень хотел, чтобы у мамы было меньше работы по дому, поэтому первым делом собрал хоум хелпера из деталей, найденных на свалке. Мама похвалила меня тогда и сказала, что у неё самый заботливый сын в мире, но такие роботы потребляют слишком много электричества, и нам это просто не по карману. Так начались мои поиски решения новой проблемы…

…У нас по соседству жил старик, от которого постоянно разило чесноком и спиртным. Все считали его сумасшедшим из-за безумных рассказов о прошлых жизнях. Он утверждал, что в одной из них жил на другой планете в народе, который умел использовать энергию внутри себя для самых разных целей. Хоть это и было бредом, но я тогда подумал, что если бы я действительно мог заряжать лампу от себя, то родителям не приходилось бы столько работать, чтобы платить по счетам…

…Большим толчком к созданию первого генератора стала победа на школьной ярмарке, где моё изобретение высоко оценили учителя. Это очень вдохновило меня. Я придумал крайне простой механизм, преобразовывающий воздух в электричество, но проблема была в количестве получаемой энергии. Выход был настолько незначительным, что для того, чтобы получилось зарядить хотя бы смартфон, мне пришлось бы построить такой же механизм, размером с пятиэтажное здание! Это никуда

не годилось, мне нужно было искать дальше. Я начал изучать более серьёзные материалы…»

Каждая новая страница рассказывала ЭрДжею о событиях жизни Рэймонда. Такое действительно не прочитаешь ни в одной биографии. Самые мельчайшие подробности его детства и юности.

ЭрДжей перелистнул разом много страниц и оказался во временах университетской деятельности Рэймонда:

«… И вот опять Джейн злилась, что я пропустил день её рождения, но я не мог не поехать на ту конференцию. Я должен был быть там, должен был выступить с речью и проголосовать за демонтаж той прокля́той последней атомной электростанции! Окончательный отказ от ядерной энергетики был вопросом времени, ведь немалая часть земли была просто не пригодна для жизни после катастроф прошлого столетия. Необходимость в альтернативных источниках энергии была как никогда высока. Я чувствовал, что разгадка рядом, я знал, что вот-вот что-то открою. Я чувствовал это каждой клеточкой своего тела. Я знал, что смогу послужить этому миру…

… Но грант получил не я, а ребята с проектом нового топлива для ракет. На исследование космоса выкидывалась куча денег и ресурсов. Передовые страны надеялись найти другую пригодную для жизни планету, ведь кто первым её найдёт – будет монополистом и будет иметь эксклюзивное право установить уровень цен на рынке. Во сколько они интересно оценили бы будущее человечества? Думаю,

не дёшево… Но как же по всем новостям расхваливали тот «прорыв» – зонд, отправленный к Глизе 581-с. А ведь мы потеряли с ним связь. Если там, правда, есть жизнь, действительно есть другие люди и другая пригодная планета, надеюсь мы никогда не найдём её. Хватит одной искалеченной Земли во Вселенной…

… То о чём меня просили, о чём расспрашивали на каждой новой конференции. Прогресс, высокие технологии, гонка за комфортом, за упрощённой жизнью. Все учёные мира трудятся, чтобы удовлетворить бесконечные потребности людей в новомодных гаджетах. Неужели все забыли истинную цель науки? Для чего гении прошлого творили, ради чего шли на верную гибель только бы посадить зёрна истины! Никто уже не ищет разгадку таинства жизни, никто не пытается понять природу человека! Мы остановились на том, что человек – это животное, наделённое привилегиями над другими биологическими видами, потому что у нас есть машины, которые делают за нас много разных дел. И этого определения всем было достаточно, а мне было страшно. Я не какой-то набор элементов и не животное на вершине пищевой цепи! Я – жизнь, наделённая сознанием, я – пытливый разум, жаждущий ответов. Я – душа, ищущая просветления. Я сам есть источник энергии для себя и для мира…

… Экономический кризис отходил на второй план. Меня интересовал кризис духовный. Перемены должны начаться с головы, а не с кошелька. Я был

под большим впечатлением после той драки двух пьяных мужчин, которые оказались сторонниками разных политических партий. Я беспомощно смотрел на то, как они избивали друг друга и видел то, как остальным это нравилось. Всплеск эмоций, выброс адреналина, кровь, насилие – сильнейшие возбудители человеческого интереса к жизни. Я хочу изменить мир, но что, если мир не захочет меняться? Что если смотреть на пьяные потасовки окажется для людей более интересным занятием, чем трудиться ради всеобщего блага?.. Стоит ли это моих усилий?..

... И тогда в одном журнале написали, что нашли новые месторождения газа и нефти. Газа и нефти! Я от души посмеялся. Земля давно уже пуста! Всё, что нам было дано – мы с гордым видом уничтожили, а того что придумали взамен – недостаточно, чтобы обеспечить всех жителей земли хотя бы необходимым минимумом. Жалкое зрелище. Нужно было не только брать, но и отдавать взамен...

... А кто-нибудь думал об этом, когда утверждал тот чёртов проект «очистки» планеты. Только вдумайтесь – космическая радиоактивная свалка! После провала проекта колоний на Каллисто, правительство подумало, ну не оставлять же столько ресурсов пропадать. Вернуть построенное на Землю было дорого, а радиоактивные отходы, любезно оставленные нашими пустоголовыми предками, нужно было срочно утилизировать из-за глобальной экологической программы, и решение напра-

шивалось само по себе. Гениально, ничего не скажешь! Проще вывезти отходы с планеты, чем создать нормальную систему переработки. Да, поступок достойный человечества…

... Прошло больше двадцати лет после великой катастрофы проседания целого города, а люди всё ещё не могли оправиться. Переселение прошло ужасно, даже в моём доме жили люди с зоны бедствия. Правительству не чем было платить им пособия, и работой обеспечить их они тоже не могли, ведь практически всё за нас делали машины. Потеряв близких, потеряв дома, потеряв надежду, люди больше не жили, они выживали… Я постоянно задавался вопросом: «А что я могу?..»

... Когда я держал её на руках, крохотную, спящую и совсем беззащитную, я осознал, что теперь я должен сделать этот мир лучше. Я обязан. Я привёл сюда эту новую жизнь, и я в ответе за неё. Я в ответе за мир, который передам ей, а она будет в ответе за мир, который передаст своим детям. И вот снова, бесконечность нашла выход в нашем мире…

...Наука не единственное, что терзало мой ум. Мистика и тайна, окутывающая всё живое и сущее, будоражила моё сознание куда сильнее. А что если тот безумный старик с моего детства был прав, и энергию, что в нас или вокруг, можно было бы преобразовать во что-то другое…

... Временно удалось подавить вновь разгорающийся конфликт между двумя великими странами, а

нам оставалось только гадать надолго ли это затишье?.. Было страшно жить по соседству с такими могущественными державами. Их амбиции были не понятны таким маленьким странам, как моя. Мы боролись за наше выживание, а они мерялись военной мощью и силой энергетических корпораций.

Их крупнейшие компании обеспечивали электричеством чуть ли не весь мир, и конкуренция между ними была далеко не здоровой. Да и их «технологии будущего» были, мягко говоря, устаревшими. Они конечно строили для виду поля солнечных батарей, но все прекрасно знали, что настоящим источником были те огромные тепловые электростанции, которые использовали в качестве топлива мусор. Идея отличная, реализация только хромала. Вообще, они обязаны успеху своего бизнеса банальной случайности. В своё время эта технология была передовой, ведь только подумайте – электричество с отходов! Просто мечта! Но у них не было шансов против действительно мощных инновационных технологий, таких как волновые турбины, геотермальные станции, биотопливо из водорослей или парящие ветряки. Вот только господство этих прекрасных технологий длилось не долго, ведь природные катастрофы, которые в одночасье охватили весь мир, разрушили большинство существующих станций. Природа окончательно вышла из-под контроля, и безопасно использовать эту энергию было уже просто невозможно. И тогда настал звёздных час этих ребят… Мусора было много, а времени на размышления ничтожно

мало. На волне всеобщей паники эти фирмы завладели львиной долей рынка, превратились в настоящих гигантов и принялись безжалостно давить конкурентов.

В угоду удешевлению производства, с технологиями они не заморачивались и оставили всё, как было ещё при их праотцах. Экологов заткнули фактом, что озоновый слой не разрушается, что было, пожалуй, самой животрепещущей проблемой того времени, а то, что такие станции уничтожали верхний слой грунта и загрязняли подземные воды, активно замалчивалось. И, конечно же, эти «продвинутые» станции было выгодней строить не у себя на земле, и в тот раз пострадала маленькая страна на севере. У всех стран поменьше есть внутренние проблемы и недовольство среди населения. Всего-то нужно сыграть на болевых точках населения, затем фаза гражданского конфликта, искусственно раздутая СМИ и пропагандой, напуганные люди якобы просят помощи у более сильной страны, вводятся миротворческие войска и… расчищается территория для «будущего»… Сколько?.. Сколько ещё это могло продолжаться? Сколько ещё человеческих жизней им было нужно?! Я понимал, что должен сломать эту систему, иначе дети так и будут умирать за чью-то прибыль, за несчастные цветные бумажки… «Этот век будет духовным или его не будет вообще». Тот, кто это сказал, был прав. Это время пришло. Сейчас или никогда…

... И все СМИ тогда трубили только обо мне и моём открытии неисчерпаемого источника электроэнергии. Всех восхитила моя технология, которая преобразовывала энергию бушующей природы в чистую энергию. Наша планета давно вышла из равновесия и та сокрушительная мощь, что так долго наводила на нас страх, теперь служила для нашего блага. Цунами, вихри, землетрясения, грозы, пролетающие кометы – это всё гнев природы, обрушенный на невеж, не понимающих своего счастья жить на такой прекрасной планете. Но мы переосознали содеянное, выучили трагические уроки прошлого и были готовы сотрудничать с Землёй. Моя технология стала первым шагом навстречу друг другу...

... На всех интервью меня спрашивали про тарифы, стоимость новых услуг, про то, как я собираюсь конкурировать с уже имеющимися компаниями. Никак. Я собирался обесценить рынок и дать людям бесплатную энергию. И это только начало. Я решил собрать команду. Мне нужны были люди, свободно мыслящие, духовно зрелые, чистые сердцем, светлые в своих помыслах и готовые полностью посвятить себя бравому делу. Моей целью не было дать возможность бесплатно заряжать гаджеты, флайкары или другие модные девайсы, – я собирался изменить этот мир. Ведь люди даже не подозревали, что за энергию я открыл....

... Моя технология покорила весь мир! Теперь не нужно было зависеть от большой сети и её тарифов, ведь каждый мог приобрести индивидуальный ис-

точник – генератор «Spirit of Nature» или SON. Генераторы классифицировались по размерам в зависимости от энергопотребления, и самый маленьких был размером с теннисный мяч! Покупатели платили невысокую цену и всего раз – когда приобретали этот генератор. Себестоимость была не высокой, а в сравнении с теми же солнечными батареями так вообще смешной, и закладывать в цену двойную прибыль мы отказались, хотя все финансисты и менеджеры старой школы кричали нам: «Это не рентабельно, это так не работает!» Ха! Мы получали столько заказов, что просто не успевали их обрабатывать, и моя маленькая компания всего за год переросла в гигантскую корпорацию, которая смело могла диктовать условия рынку.

Со всех уголков мира поступали государственные заказы, мы наконец-то были готовы к переменам! Это был новый шаг на пути к процветанию! На пути к миру, где люди будут равны и будут обеспечены всем необходимым! Вот оно наше спасение! Оно в сотрудничестве!..

...Корпорация работала как часы благодаря моей команде профессионалов. Свою миссию инженера я выполнил с лихвой, и был готов постигать новые сферы. Настал черёд проявить мне себя на политической арене.

Мне нужно было говорить с людьми простым и понятным языком, поэтому кроме научной литературы я начал издавать книги философского, культурного и духовного направления. Мои идеи равенства и

единства были с восторгом приняты обществом, поэтому я перешел к следующему этапу и заручился поддержкой влиятельных деятелей культуры, искусства, спорта, науки, лидеров мнений, представителей экологических и общественных организаций.

Да, я не придумал ничего нового и вёл такую же пропаганду, как это делали мои предшественники, но с одной маленькой поправкой – я не только обещал изменить мир, я уже его менял. Меня цитировали, приводили в пример, мои книги раскупались миллиардными тиражами, и когда моё слово стало иметь большой вес в мировом сообществе, я начал сильнее давить на антивоенный комитет, чтобы ускорить процесс всемирного разоружения.

К тому моменту военная мощь по своему развитию превосходила все другие сферы нашей жизни. Созданного за столько лет оружия хватило бы, чтобы десять раз уничтожить Землю. Все понимали, что следующая война стала бы просто последней. Не нужно ни тактик, ни стратегий, ни людей на фронте, ни танков. Просто нажми на все кнопки сразу, и ядерные ракеты полетят отовсюду: с космических станций, из-под воды, с полигонов на суше. Это был предел. Это была черта, которую нельзя переступать, потому что за ней нет ничего. Программа всемирного разоружения была единственным способом сохранить человечество…

… Падение тех устаревших энергетических империй было закономерным. Их нерушимая вера в свою власть, высокомерие и спесь не позволили им разглядеть во мне конкурента. Их аппарат управления был

так уверен, что «этот выскочка» ничего не сможет, что они даже не придали значения моему существованию, но когда была построена моя электростанция, было уже просто невозможно меня задавить. Все их попытки очернить меня или выставить мои технологии в плохом свете, раз за разом терпели неудачу. Как и их кровавый бизнес. В их дорогостоящих услугах уже никто не нуждался.

Ну что ж, в любом случае, им хватит на безбедную старость ещё в десяти поколениях. Их угасание – справедливый конец той еры, а мои технологии – это достойное начало новой... Еры равенства и возможностей!..

... И вот спустя шесть десятков лет от своего рождения, я снова вернулся к прежним изысканиям, что терзали мою душу с детства. Бесконечно всё, что нас окружает. Как донести это до людей? Как изменить их мышление? Как объяснить им, что мы едины? Что вся вражда между народами – это ложь, навязанная им правительством и крупными корпорациями, продающими жизнь по скидке всем, кто верит, что войны ведутся за правое дело...

Я вдруг понял тогда, что всю свою жизнь, шаг за шагом, я шел не к открытию вечного источника энергии, а к цели более значимой – объединению людей. Всё, через что я прошел, всё, что я создал, все, кого я встретил – всё вело меня к тому, чтобы я нашел ответ на вопрос как же сплотить всех. Ответом стал проект «Верхний город». Апогей всей моей жизни и моих трудов. Мы долго вынашивали эту

идею, терпели множество неудач, сталкивались с чудовищной критикой, но вот он был закончен и готов к эксплуатации.

Сначала один мегаполис, а затем и вся страна превратится в высокотехнологичный комплекс благодаря моей электростанции и трудам моих коллег. Все увидят, как мы живём, и тоже присоединятся к нам, и вместе мы сотрём все границы, размоем понятие народ и наконец-то перейдём к понятию человечество. Не нужно будет делить ресурсы, если они принадлежат всему миру. Не нужно нападать на соседнюю страну, чтобы отобрать что-то, потому что это и так уже твоё. Единственный народ, который я признаю – это человечество, а единственная страна – наша планета...»

– Великий Рэймонд...

ЭрДжей снова принялся перелистывать страницы, подбираясь к концу. Вышло у него или нет? Объединить весь мир в эпоху тотальных катаклизмов? ЭрДжей всем сердцем надеялся, что да.

«...И у меня неплохо получалось. Хотя, стоит признаться, что даже к семидесяти годам, я так и не переборол волнение перед публикой. Но всё же с каждым новым выступлением я говорил всё увереннее. Особенно, когда моя дорогая жена, три мои прекрасные дочурки и внук сидели в первом ряду. Я чувствовал их поддержку, и я знал, что справлюсь с волнением и не подсмотрю в лист с речью.

К слову, мир готов к переменам. Природа постепенно приходит в равновесие. Верхний город выдержал все землетрясения и ни одна высотка даже не

шелохнулась. Люди живут там, работают, учатся. Всё оживает. Мир, безграничный мир, о котором я так мечтал, почти достроен. Проекты переоснащения остальных городов страны уже готовы, всем соседним странам разосланы официальные пакеты документов о присоединении в единый альянс. Я уверен, что совсем скоро человечество взойдёт на новую ступень развития, и мы непременно преодолеем все кризисы вместе, как единое целое…».

Дальше страницы были не заполнены.

– Нет, стой, это же не всё… Нет, Рэймонд, пожалуйста, скажи, что ты написал ещё. Второй том или ещё что-то…

ЭрДжей принялся нервно перелистывать желтоватые старицы, и вдруг из блокнота вылетела бумажка, сложенная пополам, исписанная совсем не тем ровным почерком Рэймонда. Края этих листов были порванными, видимо страницы вырывались в спешке.

ЭрДжей нерешительно поднял листы с пола. У него было плохое предчувствие. Развернув их, он увидел слово, от которого внутри всё перевернулось – «Исповедь».

Вот он, ответ на вопрос, которым все задаются. ЭрДжей был уверен, что сейчас он узнает всё. Он собрался с силами и принялся читать.

«Я пишу эти слова, чтобы люди знали, кто они и в чём их истинное предназначение. Я прожил свою жизнь, совершив множество ошибок, но эта ошибка слишком велика, и вся ответственность лежит только на моих плечах...

Я пишу эту записку, понимая, что это последние минуты моей жизни. И как самый ужасный отец на земле, я провожу это время не с семьёй, а в мастерской, в которой, как я думал, строил новый мир… Но как же далеко я был от истины!

Я думал, у меня получится сломать этот механизм диктатуры, изменить устаревшую экономическую систему, реформировать политическую и в конечном итоге подарить людям лучший мир. Но я не смог! Я переоценил свои силы и взял на себя слишком много! Я потерпел неудачу! И вместо того, чтобы построить новый мир, я разрушил его своими же руками…

Неисчерпаемый источник энергии, высокие технологии, Верхний город, страна без оружия, мир без насилия, Вселенная без границ… Я грезил этим всем всю свою жизнь. Глупый идеалист! Я жил идеей о мире, мечтал вознести человечество на новую ступень эволюции – сотрудничества и взаимопомощи, но как же я был слеп! Раньше войны велись за ресурсы, но в тот момент, когда эти ресурсы исчерпались – электричество стало самым ценным источником энергии. И когда я подарил людям бесконечный источник этого самого электричества, я пошатнул их власть. Теперь я понимаю, что когда пошел наперекор всем тем людям, я совершил непоправимую ошибку. Эти монстры ни перед чем не остановятся!

Я мечтал стать лидером идеального государства, и даже не предполагал, что этого можно было добиться веками ранее, этому попросту не позволяли

случиться! Бесплатное электричество было не выгодным для тех, кто его продавал. Медицина не развивалась, потому что нужно было уменьшать постоянно растущую популяцию нашего вида. Зато военная промышленность с каждым годом набирала обороты, потому что война оказалась самым прибыльным бизнесом, а человеческая жизнь… не более чем ресурс для переработки…

Вот и мне сохраняли жизнь и терпели меня, пока я был им нужен. Пока они не придумали, как извратить мои разработки! Процветающий мир был не нужен им с самого начала!

Было слишком беспечно полагать, что никто не воспользуется моими знаниями во зло. Всё, что их интересовало – перспективы использования генераторов в военных целях. Войны неизбежны, пока миром правят деньги и люди, ослеплённые властью. Никогда во главе государства не стоять человеку честному и благородному. Ему это просто не позволят! Как же поздно я это осознал!

Меня ложно обвинили в создании сверхсильного оружия и под предлогом восстановления баланса в мире, сейчас моя страна… станет экспериментальным полем для испытания нового оружия! Созданного на основе моих же разработок!

Эксперимент на целой стране… Если вспомнить, такое уже было. Геноциды, концлагеря, голодомор, Хиросима-Нагасаки, испытания химического и биологического оружия, стёртый с лица земли в мгновение ока город после неудачной попытки протестировать генератор гравитационных волн…

Сколько раз человечество содрогалось от созданного им же оружия. Неужели ничего не изменилось? Неужели все те кошмары из учебников истории, от которых у меня шли мурашки по коже, сейчас воплотятся в жизнь?.. И все эти люди погибнут из-за меня!

Эти монстры решили, что ещё одна война вернёт людям страх и заставит их дальше крутить колесо этого механизма. Две сильнейшие страны сейчас сойдутся в великой битве… по заранее договорённому плану… Как же это бесчеловечно…

Мы строили бункер на случай ядерной войны, но… он не спасёт… Это страшнейшее оружие, что только было создано руками человека! Оно не должно было появиться на свет! Никогда! Сама мысль о таком вводила меня в ужас! И мои друзья, те, с кем я работал, знали об этом. Знали о моём обмане, об истинной природе этой энергии, но, несмотря на это… меня предали!

Люди, которым я доверял свои идеи, которые, как я считал, разделяли мои ценности, они продали мои разработки не в те руки. Это приговор для всех! Ведь я не обуздал никакую бушующую энергию природы! Я не преобразовал разрушительную силу тайфунов и землетрясений! Я открыл неисчерпаемый источник энергии внутри нас самих!

Во всём живом, чего касается солнечный свет, есть неуловимые вибрации удивительной природы. Энергия жизни… эфир… Души существуют! Души отовсюду! В каждом дереве леса, в каждой травинке, в каждой птице, парящей в небесах, в нас и в

нашей планете! Этот источник не угасает, потому что он берёт начало от самой жизни!

Эту энергию нельзя использовать, чтобы убивать! Ведь это не просто оружие. Это не пуля и не нож, уничтожающие плоть. Эти машины стирают всю сущность человека в прах без остатка… вместе с его душей…

И эта энергия больше никогда не появится на свет! Эти души не вернутся ни в наш, ни в иные миры! А ведь мы неразрывно связаны энергетическим обменом и когда души перестанут приходить в наш мир, тогда энергии будет попросту недостаточно для его существования, и планета начнёт умирать, а вместе с ней и люди!..

Медленно и мучительно они будут бороться с неизвестными науке заболеваниями, с природными катастрофами, с внутренним опустошением… Мы будем погасать поколение за поколением, пока… не останется жизни…

Последствия будут непоправимы! И самое страшное, что это коснётся каждого живущего! Ведь эта энергия – она едина! Мы все едины в прямом смысле! Все наши души родом из одного истока. Мы связаны невидимой нитью, недоступным для глаз потоком, который ни в коем случае нельзя разрывать!

Меня звали отцом нового мира, а я не породил ничего, кроме жестокости! Да лучше бы я вовсе не изобретал всё это! Как же я был самоуверен! Как велико моё невежество!

Я не оказался избранным, коим считал себя всю жизнь. В конечном итоге, я обыкновенный смертный

человек... И всё, что я сделал за свою жизнь теперь не имеет никакого смысла...

Как же мне горько, что я не могу напоследок обнять своих дочерей и внуков. Как же они ещё молоды, как мало пробыли в этом мире, ничего ещё не успели! Это моя вина... Это всё моя вина! Даже в свои семьдесят три года, я всё так же люблю жизнь и не хочу умирать. Я хочу остаться в том прекрасном светлом мире, который строил всю жизнь для своей любимой семьи. Хочу нянчить внуков и внучек, гулять с ними, учить их, быть рядом с ними! Хочу, чтобы они прожили длинную и счастливую жизнь! Хочу видеть, как они растут, хочу слышать их звонкий смех, но... все, ради кого я жил, уже мертвы...

Простите меня, простите, умоляю, простите своего глупца деда! Хотя, как такое можно простить?.. Все эти души будут несправедливо стёрты с лица земли навечно и это всё только моя вина!

И после всего этого, мне даже не хватило смелости уничтожить свои труды. Ведь как отец может убить своё дитя? Я только надеюсь, что однажды, если им суждено быть найденными, они попадут в нужные руки и послужат своей истинной цели – добру. Я прячу их здесь, потому что моя крепость не падёт, пока работает внутренний генератор, а к тому времени, как он исчерпает себя, будет чудо, если люди ещё будут на земле...

Как ужасно гудят их турбины, как сотрясается земля от их варварских бомб, как неистово кричат люди... Люди, которых я обрёк на эти муки, на эту

ужасную смерть от оружия, превращающего всё живое в пыль…

Хотел бы я забрать все их страдания себе. Может так я бы хоть немного искупил свои грехи… Сейчас, стоя перед ликом смерти, Господь, которого я отрицал всю свою жизнь, прошу, молю тебя, заклинаю…спаси этот мир. Помоги, чтобы жизнь не угасла…

А мне пора идти. Я встречу свою смерть лицом к лицу».

ЭрДжей пытался безуспешно остановить слёзы, вытирая их рукой, но жидкость продолжала бежать по щекам.

– Что же… за оружие такое?.. – он схватился за голову и пытался остановить непрерывный поток видений того времени.

Что может быть страшнее атомных бомб? И зачем было оборачивать всё уничтожением стольких людей? Неужели, правда, нет предела жестокости человека? А что если он зря пытается вернуть людям тот мир? Что если люди не стоят того? Ведь они никогда не перестанут убивать друг друга. Никогда не образумятся, и даже в самом развитом мире найдутся те, кто поставят свои интересы превыше интересов целого народа. Что если у него получится вернуть людям тот мир и тогда… всё снова повторится? Что если мир совершит ту же ошибку?

– Ааа!

ЭрДжей со злости перекинул стул, на котором сидел. Он нервно заходил из стороны в сторону, пока комок гнева не вышел из его груди, и он не опёрся

спиной о стену. Он сполз по ней вниз и теперь сидел на холодном полу мастерской великого гения прошлого.

– Зачем?.. Ведь можно было… не так… Остановись…

Но мысли даже не думали прекращать роиться в его голове. Одна за другой они проедали его сознание, прокладывая путь сомнениям.

Учебники истории не врали – раз за разом люди совершали одни и те же ошибки, и нет гарантий, что не совершат ещё раз.

Спустя какое-то время ЭрДжею всё же удалось взять себя в руки. Он снова подошел к столу и открыл выдвижной ящик. Как он и думал, там он нашел то, чему был бы до смерти рад ещё час назад, но теперь он непонимающе смотрел на толстую папку, перевязанную несколькими шнурками. Из-под обложки в разные стороны торчали уголки бумажек с чертежами и записями. Всё же он нашел в себе силы взять эту папку, и она показалась ему самым тяжелым, что ему доводилось держать в руках. Он не стал раскрывать её и читать содержимое, просто засунул её вместе с биографией и посмертной запиской поглубже в рюкзак, взял в руки лампу и вышел из комнаты, даже не обернувшись.

На обратном пути ЭрДжей даже не отдавал себе отчёт о происходящем, он шел на автопилоте, уставившись в пол, и всё время размышлял о прочитанном. Оказавшись снова на смотровой площадке, он даже не поднял голову, чтобы ещё раз полюбоваться удивительной геометрией здания. Уставившись в пол,

он вдруг осознал, что находилось у него под ногами всё это время. Нет ни единого шанса, что даже за столько лет здесь скопилось такое количество пыли на полу…

Новый шаг стоил ему немалых усилий, но всё же он добрался до шахты и полез обратно на выход, совершенно забыв о том, что собирался открывать дверь.

На этот раз теснота шахты не пугала его. Он полз по ней, потупивши взгляд на рейки. Рой мыслей наконец-то улетучился и ЭрДжей чувствовал себя опустошенным.

Преодолев подъём, он снова оказался в том длинном прямом коридоре, который выведет его к ребятам. Ребята. Нужно собраться. Они не должны видеть его таким. Он не сможет рассказать им правду. Не сейчас. Как он объяснит им, что именно то, что он искал всю жизнь, погубило мир?

Он остановился, поставил лампу и похлопал себя по щекам, затем достал флягу с водой, чтобы умыться и намочить голову. Прохладная вода освежала и приводила в чувство, и ЭрДжею действительно стало легче. Ему подумалось, что сейчас было бы хорошо оказаться возле того ручья, который был в яру. Вернее, в воронке от бомбы…

Спрятав флягу, ЭрДжей продолжил путь, но внезапно, он почувствовал какие-то вибрации в шахте. Снова землетрясение? Нет, слишком мало и к тому же теперь он отчётливо слышал какой-то глухой звук. ЭрДжей вытянул вперёд лампу и стал ждать. Сначала

показалась рыжая шевелюра, затем появился и сам Блюм.

– ЭрДжей! – радостно крикнул тот и прибавил ходу.

У Изобретателя всё ещё в голове была каша, поэтому он так и остался стоять на четвереньках с лампой в руке, удивлённый появлению Блюма.

– Ты в порядке? Цел? Как рана на ноге? – Блюм засыпал ЭрДжея вопросами о его самочувствие, как только добрался до него.

– Рана?..

ЭрДжей уже и забыл о ране на ноге, о том, как он её получил и куда они сейчас направляются. Все эти проблемы теперь казались чем-то далёким и незначительным.

– Что с тобой? – Блюм с тревогой смотрел на ЭрДжея.

– Да вот… ползу на выход. А ты чего здесь?

– Тебя очень долго не было, ты так и не подошел к двери, а ведь уже вечер! Мы все очень волновались, и я решил отправиться на твои поиски.

– Вы волновались за меня?

– Ну конечно!

ЭрДжей посмотрел в глаза Блюму и улыбнулся.

– Малыш…

Ладонь ЭрДжея рухнула на кудрявую макушку Блюма.

– ЭрДжей, что случилось? – серьёзным тоном спросил Блюм.

– Ничего. Поворачиваем.

– А как же дверь?

– Не стоит открывать эту дверь. Не сейчас, по крайней мере.

– Что ты нашел там?..

– Здесь нет того, что я искал.

Блюм буравил ЭрДжея взглядом. Он прекрасно видел, что Изобретателя что-то тревожит, но не мог пока понять, что именно. Но сейчас нельзя было давить на него и расспрашивать, – так он сделает только хуже.

Спускаться оказалось намного сложнее. Теперь от решительности ЭрДжея ничего не осталось, и его руки неуверенно хватались за рейки, пока мозг всеми силами пытался переключить внимание от депрессивных мыслей на спуск.

И всё же Блюму и ЭрДжею удалось удачно спуститься на землю.

– Ну, наконец-то! Где ты так долго был? Почему не подошел к двери? И… и почему у тебя волосы мокрые? – набросилась на ЭрДжея взволнованная Мята.

Но тот ничего не сказал в ответ, просто стоял и мягко улыбался, глядя на неё сверху вниз.

– Ну и чего ты лыбишься? Знаешь, как мы переживали?!

– Главное, что всё обошлось. Нашел что-то? – спросил Альфред.

– Вы не поверите что там, – наконец-то ЭрДжей собрался с мыслями. – Там огромные смотровые площадки, куча каких-то мостиков, переходов, конвейеров. Чтобы пройти через этаж с одного конца в другой нужно стоoолько времени, я даже не знаю сколько!

Там внутри всё просто сверкает гениальностью! Там есть круглые комнаты, будто в воздухе висят!

– Да не рассказывай… – девочка недоверчиво посмотрела на Изобретателя.

– Правду говорю, Перчик! Я в жизни такого не видел и никогда о таком не читал. Шахта вывела меня на смотровую площадку, и оттуда видно несколько этажен вверх и вниз, но света мало, и я увидел только крупицу от того, что там есть.

– А что насчёт двери? – спросил Альфред

– Нууу… На смотровой площадке стоит лифт, но двери герметично закрыты. И я… так и не смог куда-то попасть. Шахт больше не было, лестниц тоже, в общем, мне не удалось найти ничего стоящего. Так что двери… сейчас никак не открыть.

– И ты всё это время просто стол возле лифта?

– Нет, конечно! Я… я пытался открыть его. Ломом.

– Ломом?

– Ну, там валялись какие-то металлические трубки, и я взял одну и пытался вскрыть двери, но они оказались сильнее меня, а потом я…

ЭрДжей жестикулировал больше обычного, улыбался шире, чем всегда, да и голос его звучал громче, – это сразу бросалось в глаза. Но Ал и Мята списали это на эйфорию от увиденного, и только Блюм видел фальшь в этом всём. ЭрДжей чувствовал на себе испытывающий взгляд Фантаста и больше всего на свете сейчас боялся встретиться с ним глазами. Один только взгляд в его золотые бездонные глаза – и его

маска треснет. Он не готов рассказать им правду, которую поведал ему Рэймонд. Не сейчас.

Лагерь по просьбе ЭрДжея разбили на улице, а не в помещении. Никто не понял почему, ведь идеально ночевать под крышей, но Блюм снова его поддержал, и Мята с Альфредом не стали возражать. Эта ночь была удивительно тёплой, так что, они могли позволить себе это.

ЭрДжей сидел, немного отстранившись от всех. Тяжесть в груди никуда не исчезла, он всё ещё не знал, что ему делать дальше, но где-то глубоко внутри он чувствовал, что ответ кроется в его друзьях. В судьбу он не верил, но и случайность имеет свою математическую формулу, и не нужно было проводить расчёт, чтобы понять, что встретились они не просто так. Тепло костра и сидящих рядом друзей согревало ЭрДжея, но по спине всё равно иногда пробегали мурашки от осознания того, сколько людей погибло здесь ни за что…

– Держи, – Альфред протянул ЭрДжею чашку с чаем. – Здесь мята и ромашка.

ЭрДжей осторожно взял чашку в свои руки. Ароматный пар медленно поднимался над горячей жидкостью и растворялся в атмосфере.

– Спасибо…

– На здоровье.

Глаза Альфреда, как всегда были скрыты за длинными волосами, но ЭрДжей чувствовал заботу, с которой они смотрят. Мята никогда не унывала, но было понятно, что она не перестаёт переживать за

брата ни на секунду. Блюм был младше всех, но ЭрДжей чувствовал настоящую мудрость, исходящую от него. Может рассказать? Если подумать, вряд ли кто-то особенно расстроится, ведь все и так уже живут хуже не куда. Правда в том, что он сам не мог принять это. В него не стали бы меньше верить его друзья, не перестали бы поддерживать, но он сам разуверился в правильности своего пути. Такие вещи нужно обдумывать самостоятельно.

Он отпил чай, и кипяток ошпарил язык. Не нужно спешить. Никогда не стоит спешить.

ЭрДжей отставил чашку, чтобы чай немного остыл, а сам полез в свой рюкзак. Он достал банку с тушенкой, открыл её и протянул ребятам. Все вопросительно посмотрели на него.

– Вы покормили меня днём.

– Да чего ты…

– Но я делаю это не только из-за этого, – не дал договорить Альфреду ЭрДжей. – Я очень благодарен вам за всё. Правда.

Альфред подумал, что это его способ попрощаться, ведь ЭрДжей сообщил днём, что останется здесь.

– Спасибо, – произнёс Лекарь и взял жестяную банку.

Все достали свои ложки, кроме ЭрДжея.

– А ты не будешь? – удивилась Мята.

– Нет, я не голоден.

И пока все восстанавливали силы тушенкой, ЭрДжей достал свой блокнот и с весьма серьёзным видом принялся что-то писать в нём.

– Что пишешь? – поинтересовалась девочка.

– Пытаюсь понять, что мне делать дальше. Сложно просто думать. Мыслей настолько много, что детали теряются. Мне проще размышлять на бумаге. Так я не теряю из виду предыдущие мысли.

Он говорил это всё, не отрывая взгляд от блокнота. Его рука резво что-то выводила и Мята немного приподнялась, чтобы посмотреть, что он там так размашисто пишет, и весьма удивилась, когда увидела помимо записей какие-то схемы и стрелочки.

– Если хочешь посмотреть, просто подсядь ко мне, а не заглядывай. Это сбивает.

– Хм! Больно надо! – она скрестила руки на груди и показательно отвернулась.

Но сразу же пожалела об этом, потому что Блюм и Альфред уже подсели с обеих сторон к ЭрДжею и с большим интересом смотрели на то, что он там рисует. Её детское упрямство не позволяло ей подойти к ЭрДжею, поэтому она принялась с важным видом споласкивать ложки после ужина и что-то перекладывать в своём рюкзаке.

– Это двери того лифта?

– Да, а это ключ, сюда нужно прикладывать ладонь. Ха, только сейчас понял, что зря пытался его открыть, ведь даже, если бы попал в кабинку, далеко бы не уехал.

Ребята засмеялись, а Мята принялась активнее убирать после ужина.

– Ого, это такие комнаты там? – заинтересовано спросил Блюм.

– Да. Если присмотреться, там сзади тросы. Вот тут и… вот тут. А попасть туда можно только с верхних мостиков.

– А что за спираль?

– Если честно, сам не понял. Возможно ступеньки, возможно очередной конвейер. Они были очень далеко, и я не смог рассмотреть их как следует.

Мята старалась как можно меньше шуметь, перекладывая вещи в рюкзаке, чтобы не прослушать что-то.

– Ничего себе! – восхитился Блюм. – Я и не думал, что можно строить такой дугой.

– Ну, эластичные затвердевающие материалы изобрели ещё до открытий Рэймонда, так что ничего удивительного.

Это стало последней каплей. Мята отставила рюкзак и решительно зашагала к троице. Она с непринуждённым видом грубо втиснулась между Блюмом и ЭрДжеем и стала рассматривать его записи и зарисовки.

– Карявенько нарисовано.

– Ч-чего?! Это схема, а не предмет искусства!

– Какая разница – криво!

– Да суть не в красоте вообще! А в том, что это помогает мне сосредоточиться, не упустить детали и всё продумать! Тебе поня… А чего это вы все лыбитесь? Ой, да ну вас!

ЭрДжей захлопнул блокнот и начал запихивать его в рюкзак. Принять то, что он попался на такую детскую провокацию от Мяты, он не мог.

– Ничего, смейтесь-смейтесь. Я вам это ещё припомню, – ЭрДжей важно поднял указательный палец вверх, что ещё больше рассмешило ребят, а потом он и сам волей-неволей начал улыбаться.

Слышать смех своих друзей для ЭрДжея было настоящим счастьем. Он впервые осознал это. Сидя тесно зажатый между ними, он ясно ощущал их тепло, жизнь, струящуюся сквозь них, и видел в их глазах… бесконечность? Неужели об этом писал Рэймонд? Как он мог раньше этого не замечать? Бесконечность нашла выход и в их ограниченном мире. Задолго до их рождения другие люди жили, создавали, разрушали, восстанавливали, смеялись, плакали, жили, умирали… Это продолжится и после их смерти. Волны времени вечно будут омывать историю человечества, приводя их к взлётам и падениям. Молитвы Рэймонда были услышаны – жизнь не угасла, и пока есть те, кто умеют так искренне смеяться и жить, ЭрДжею есть, что защищать. У него всё ещё есть повод, чтобы попытаться вернуть миру былую силу, но что если…опять…

– Такс! Настало время для кое-чего особенного! – такое заявление от ЭрДжея стало настоящей неожиданностью. – Как вы помните, когда вы были у меня, я достал кое-что из своего тайника, попросив вас отвернуться.

– Что-что, что лучше изобретения! – взволнованно воскликнул Блюм.

– Всё верно, малыш. Вы готовы узреть вершину творения человечества?

ЭрДжей отошел от ребят, чтобы те не подглядывали, и запустил руку поглубже в недра своего рюкзака. Фантазию ребят будоражили мысли о том, что же это может быть.

– Та-дам!

– Эмм… – Альфред даже не пытался скрыть недоумение.

– Хи-хи… – вырвалось у девочки.

ЭрДжей гордо держал в руках бутылку! Обыкновенную продолговатую стеклянную бутылку, наполненную какой-то тёмной жидкостью. Он демонстративно поднес её ближе к свету.

– Я много чего мастерю, но это мой шедевр. Своими золотыми руками я делаю этот напиток. Ближе к южному краю мегаполиса есть сад, в котором растёт вишня. Конечно же, дети быстро её объедают, но то, что падает можно превратить в этот диво напиток. Ну, кто хочет опробовать этот дар богов?

– Нет, спасибо, я не пью, – Альфред пожал плечами.

– Я тоже откажусь… – сказала Мята, которой было не по себе после рассказа о гнилых фруктах.

– А я попробую! – с радостью отозвался Блюм.

– Вот истинный ценитель! Тебе понравится, малыш. Откуда бы ты ни пришел, куда бы ни завела тебя судьба, знай, лучше напитка тебе не отыскать во всей Вселенной! – и он протянул ему откупоренную бутылку.

Блюм осторожно взял её и сначала понюхал, чтобы полностью насладиться вином. Запах немного смутил его, но ЭрДжей творит удивительные вещи

своими руками, скорее всего алкоголь у него тоже отличный. Но стоило Фантасту сделать первый глоток, как кисло-горький напиток со странным гниловатым привкусом обжег горло. Блюм сразу же попытался убрать бутылку, но ЭрДжей не дал ему это сделать, и у бедолаги не было выбора, кроме как сделать ещё несколько глотков.

– Не стесняйся, пей. Я не жадный! Я рад поделиться своим шедевром. Я знаю, что больше такой вкуснятины тебе не доведётся попробовать.

К глазам Блюма подступили слёзы, и на какое-то время он разучился дышать. Мята и Альфред изо всех сил старались не рассмеяться в голос, наблюдая за этим.

– Может, всё-таки будете? – ещё раз предложил ЭрДжей остальным.

– Нет-нет, спасибо.

– Не-не-не…

– Дело ваше, – и он отпил свой диво-напиток, и, похоже, в отличие от Блюма, ему, правда, нравилось.

– Аааaах! Эта даже крепче предыдущей!

– Во всех своих будущих жизнях мне не забыть этот отвратительный вкус… – тихонечко сказал Блюм Алу, когда пришел в себя и снова сел возле него.

Альфред похлопал его по плечу.

– Дать водички?

– Ты меня спасёшь!..

– Ааааx! Как легко пьётся! А послевкусие какое! Что, малыш, крепковато для тебя? Понимаю, это выпивка для настоящих мужчин.

Блюм с небывалым удовольствием выпил обычной воды и отрешенно стал смотреть на костёр. Послевкусие действительно незабываемое…

А ЭрДжей тем временем всё пил и пил, и преображался на глазах. Он полностью снял с себя маску высокомерного всезнайки и во всё горло рассказывал истории о своих приключениях. В основном истории были о девчонках и о том, как он пакостил стражам и еле уносил оттуда ноги. Теперь Альфред и Мята не стеснялись смеяться в голос. ЭрДжей оказался тем ещё сорванцом. Помимо его знаменитого подрыва базы стражей, он подшучивал над ними по мелочам. То пускал ложные слухи, то путал их ищеек, ставил ловушки, а однажды ему даже удалось подкупить перекупщика, и тот продал Стражу синюю краску для волос под видом его привычной чёрной.

ЭрДжей уже не сидел, он лежал прямо на земле, закинув руки за голову. Его рассеянный взгляд был устремлён в небо.

– Жизнь… так…прекрасна! Аха-ха-ха!

Мята наклонилась к Альфреду:

– Интересно, у него много этой дряни?

– Не знаю, но надеюсь, что да.

Они снова рассмеялись, но Блюм не разделял их веселье. Он внимательно смотрел на ЭрДжея, блуждающего в своих мыслях. Хоть он и смеялся до слёз, пока рассказывал свои истории, но глубоко внутри его явно что-то тревожило, и это что-то как-то связанно с тем, что он нашел в башне Рэймонда.

– Чем он так опечален?.. – вырвалось вслух у Блюма.

– Что? О чём ты? – удивился Альфред, который его услышал. – Посмотри на него, ему весело.

– Тааак, нужно отлить… – ЭрДжей встал и пошатался в сторону ангаров.

Блюм провёл его взглядом и вскоре тоже пошел за ним.

Они встретились, когда ЭрДжей, пошатываясь, уже возвращался. Их взгляды пересеклись и то ли от алкоголя, то ли, правда, глаза Блюма сияли, как звёзды в ночи. Но списав всё на алкоголь, ЭрДжей встряхнул головой и прошел мимо Блюма в сторону лагеря, как вдруг его остановил голос Фантаста:

– Ты никогда не знаешь, к каким последствиям приведут твои действия. Во благо ты сделал что-то или во зло, определит только точка зрения. Обычно мы делим вещи на «плохие» и «хорошие» в зависимости от того, как они влияют на нас, но в широком смысле поступки на таковые не делятся. Всё, что мы принимаем в себя и отдаём – это опыт, который мы обязаны обратить в мудрость, а сам мир полон противоречий. Здесь есть добро, прорастающее из злых деяний, и зло, рождённое из добрых побуждений. Последствия не всегда такие, как хочется, но если опустить руки и просто жаловаться – вообще ничего не измениться. Ты же Изобретатель – человек, который не оборачивается, покидая свой дом. Откуда эти сомнения?..

ЭрДжей чувствовал на себе взгляд Фантаста, но был не в силах повернуться. Слабость в теле после выпивки брала верх, и ЭрДжей, ничего не ответив, просто продолжил свой путь. Где-то глубоко внутри

он хотел бы поговорить с Блюмом, – ни с кем другим он не поделился бы своими переживаниями. Если однажды наступит такой момент, когда ему будет в тягость нести свои мысли в одиночку, он обязательно поделиться ими с Блюмом, но не сейчас. Позже. Позже он обязательно поговорит с ним по душам. Может после возвращения в город, или ещё когда. У ЭрДжея вдруг появилась масса вопросов к Блюму. Откуда-то взялось чувство, что он может дать на них ответы. Но сейчас он был вялым и пьяным и этот разговор ни к чему не привёл бы. Однажды. Так для себя определил ЭрДжей.

– Спасибо, малыш… – это всё, что он проронил, находясь уже далеко от Блюма. Сказано это было настолько тихо, что он даже не был уверен, что тот услышал его. Но он услышал.

Фантаст всё так же смотрел ему в спину. Ему не удалость достучаться до ЭрДжея и его сомнения никуда не ушли. Тьма подбиралась к его сердцу. Нужно рассеять её как можно скорее.

ЭрДжей вернулся первым и умостился поближе к костру. Оказывается, ночь не такая уж и тёплая, но здесь было очень хорошо. Он протянул руки ближе к пламени и наслаждался теплом.

Вскоре Блюм тоже вернулся и все были в сборе. Мята мечтательно подняла глаза к небу. Небосвод был украшен немыслимым количеством мерцающих звёзд, и это великолепие заставляло сердце трепетать.

– А что это за полоска через всё небо? – спросила Мята.

– Это путь… как же его… – пытался вспомнить Альфред.

– Млечный путь, – ответил Блюм.

– Что такое «млечный»? Странное слово.

– Белый всегда был цветом молока матери, с которым мы впитываем жизнь. Поэтому его и назвали Млечный путь. Иными словами, это дорога жизни. Ты пройдёшь по ней, когда придёт время.

Мята снова перевела взгляд на небо.

– Вон та самая яркая, или мне кажется?

– Да. Здесь её зовут Сириус, и она намного ярче Солнца. Губительно ярче. Поэтому рядом нет планеты с жизнью.

– Солнце звезда? – удивилась Мята.

На что ЭрДжей ответил высокомерным смешком. Мята недовольно посмотрела на него, но он лежал с закрытыми глазами и не увидел её возмущения.

– Да, Солнце тоже звезда, – спокойно ответил Блюм.

– Получается, ты не всё выдумываешь, малыш, – отозвался ЭрДжей.

– Я ничего не выдумываю. Я много путешествовал, и все свои знания очень долго собирал по крупицам, прислушиваясь к мудрости других душ. Может, по мне и не скажешь, но я знаю очень много. Гораздо больше, чем кажется на первый взгляд.

– Я знаю, что ты смышлёный парень. Ты ещё совсем юн и твоё «очень много» не так уж и много, а ты уже успел обзавестись собственной точкой зрения.

– Моё путешествие длиться намного дольше одной жизни, ЭрДжей. Я жил задолго до появления в

этом мире и буду жить после ухода из него. Это касается и всех вас.

– Как-то не убедил, – с долей сарказма ответил ЭрДжей. – Знаешь, даже если ты каким-то чудом прав, и все эти штуки вроде перерождения существуют, то это всё равно не имеет никакого значения. Будет у меня следующая жизнь или нет, но здесь у меня есть только один шанс. Я не смогу исправить ошибки этой жизни после смерти, а я жив здесь и сейчас. Это всё, что я хочу знать.

– О каких ошибках ты говоришь?

– Да это я так, к слову…

– А я только и надеюсь на перерождение… – мрачно ответила Мята. – Это не жизнь, а сплошной кошмар. Мне иногда кажется, что в этом месте я расплачиваюсь за ошибки из прошлой... Такой мир только и годится для наказания!

Блюм улыбнулся Мяте:

– Я открою тебе тайну – твоя душа сама выбрала время и место бытия. Ты сама выбрала этот мир, Мята. Если ты это сделала, значит, у тебя были на то причины. Жди, всему своё время. Твоя истина однажды откроется.

– Я не верю, что сама выбрала это место! Здесь плохо, с какой стороны не посмотри…

– Может всё не так уж и плохо? Как насчёт людей, которые сейчас рядом с тобой?

Блюм, Мята и Альфред улыбнулись друг другу, ЭрДжей же только что-то недовольно пробурчал себе под нос. Этот день сильно утомил ребят, и все успели заснуть раньше, чем погас костёр.

– Глава 9 –

Чудо

Его губы шевелились, он что-то говорил, вот только Мята не могла разобрать что именно. Она вопросительно посмотрела на ЭрДжея, но тот в ответ начал смеяться с неё, буквально схватившись за живот. Он смеялся до слёз и тыкал в неё пальцем. Тут откуда-то появился Блюм и стал с интересом наблюдать за происходящим.

Мята возмутилась:

– Какого он ржет надо мной?!

Но вместо ответа Блюм обратился к ЭрДжею:

– Я рад, что ты с нами.

Картинка начала расплываться, краски блекнуть, затем другие краски начали проявляться перед глазами. Постепенно сознание возвращалось к Мяте и ей наконец-то удалось навести резкость.

Оказывается, все уже проснулись и даже успели собраться. Альфред делал перевязку ЭрДжею, пока тот беззаботно разговаривал с Блюмом.

– Я рад, что ты с нами, – Блюм повторил слова со сна.

– Так вы и пяти минут без меня не протяните, как я могу вас бросить!

«Хорошо, что это был сон»… – подумалось Мяте.

– О, Перчик, с добрым утром. Ты, кажется, моё имя во сне бормотала.

– Тебе показалось… – мрачно пробурчала она. – Почему вы меня не разбудили?

– Блюм не дал. Он сказал, что, когда человек крепко спит, его душа путешествует в верхних мирах, или циклах, или где-то там, а ты так крепко спала, что даже слюнки пустила. Кстати, вытри. И мы не стали тебя будить.

Девочка смущённо вытерла рукой влажные губы.

– Не только в верхних мирах. Во сне человек имеет доступ ко всем меридианам времени. Он может заглянуть и в прошлое, и в будущее, может поговорить с другими душами и даже с самим собой.

– Ты не исправим, – шутливо сказал ЭрДжей.

– Так ты с нами? Всё-таки Блюм оказался снова прав, – сонно сказал Мята.

– В чём это? – удивился Изобретатель.

– Ну, когда ты полез в башню, Блюм сказал, что чувствует, что ты не останешься здесь.

– Потрясающая интуиция, малыш. Ну, изучить здание я пока всё равно не могу, поэтому, да, я с вами. Придётся тебе потерпеть меня ещё немного, Перчик. Спасибо, Ал, – ЭрДжей поблагодарил Альфреда за перевязку.

– На здоровье.

Мята кое-как умылась, собрала вещи, но не смогла собраться с мыслями. Ещё долгое время она шла в полудрёме и постоянно думала про тот дурацкий сон.

Этот день шел на удивление тихо и размеренно. После того, как электростанция скрылась из виду, на

горизонте не возникало никаких новых построек, странных зданий или других опасных мест. Ребята нашли общий темп и шли в нём добрые полдня, пока Альфред окончательно не устал. В этот раз он не строил из себя героя и прямо попросил привал. Все с радостью согласились, потому идти под таким жарким солнцем было просто невыносимо. Все поснимали кофты и всё чаще и чаще уменьшали запасы воды в своих флягах.

Это могло стать настоящей проблемой, потому что голой неприветливой каменистой почве конца-края не было. ЭрДжей то и дело обращался к компасу, чтобы удостовериться, что они на верном пути.

Ветер постепенно усиливался, и появилась новая проблема – песок. Он был везде: попадал в глаза, был на зубах, на одежде, под одеждой, в обуви, и даже в ушах, но ребята неустанно шли, иногда делая небольшие привалы, чтобы восстановить силы. Сегодня, они не встревали ни в какие передряги и шли весь день. Это оказалось чертовски утомительным занятием. Спасаться от Здоровенного Сэма и то было проще, чем идти по такому безжизненному пустырю целый день.

К вечеру начало резко холодать, а ветер стал ещё более беспощадным и кусал за все открытые части тела. Те, у кого были капюшоны, были вне себя от счастья, но вот у ЭрДжея был только свитер. Поэтому ему пришлось надеть на голову старую футболку Ала, которую ему вернул Блюм после похода в супермаркет.

Тот ещё видок был у ребят. Измученные, уставшие, голодные, они плелись цепочкой в неизведанные дали, и даже Блюм не чувствовал ничего хорошего впереди.

На красивый закат никто не обратил ни малейшего внимания, все уставились себе под ноги и шли в своих мыслях. Друзья сами того не понимая, ушли немного в сторону от своего маршрута и даже не придали этому значения. Гудящие ноги сами несли их, пока на горизонте не стало виднеться что-то отдалённо напоминающее дом.

– Что это там? – первым обратил внимание ЭрДжей. – Вон, смотрите! Здание!

Все тут же подняли головы, чтобы своими глазами увидеть возможное пристанище на эту ночь.

– Там, правда, что-то есть, – подтвердил Лекарь, прищурив глаза.

– Скорее идём туда! – у ЭрДжея откуда-то вдруг взялись силы, и он прибавил ходу.

Остальные же не смогли отыскать в себе подобный резерв и шли по-прежнему медленно.

Стоило подойти к этому зданию ближе, как сразу становилось понятно, что оно было жилое! Дом был двухэтажный, но внушительных размеров, крыша, по всей видимости, тоже использовалась в качестве жилья. Большие входные двери с двух сторон освещались факелами, чтобы можно было легко найти дом в темноте. Дорожка, ведущая к входной двери, была красиво украшена камнями по бокам, и создавала впечатление аллеи, приглашающей путешественников внутрь. Значит хозяин не против гостей, иначе не стал

бы так привлекать к себе внимание. Более того, позади этого дома располагался огромный огород и сад, ограждённый хиленьким заборчиком из сетки.

Все вчетвером не могли понять, правда это или за день им так сильно голову напекло, но чем ближе они подходили к дому, тем сильнее была слышна музыка и смех. Это было очень странно. Это пустырь, самый настоящий, но откуда же тогда люди внутри?

ЭрДжей подошел к окну и попытался заглянуть в него, но тёмная плотная занавеска надёжно защищала здание от посторонних глаз.

Блюм обратил внимание на коряво повешенную вывеску над дверью с надписью, сделанной от руки. Было видно, что надпись постоянно обновляют.

– Ей, Мята, что там написано? – спросил Блюм.

Девочка не сразу поняла, что обращаются к ней, но когда до неё дошла суть вопроса, она просто впала в ступор. Мята совсем забыла, что соврала ему при первой встрече, что умеет читать, но ведь она не умеет! На мгновение её одолела паника. Если ЭрДжей узнает… он будет издеваться над ней всё оставшееся время!

– Эмм… ну… – Мята подняла глаза на вывеску и прищурилась, пытаясь хоть как-то выиграть время.

– Трактир… – запыханно сказал Лекарь.

– Стоп, стоп, стоп… Блюм спросил сперва тебя, Перчик? Ты что же, читать умеешь?

Мята не знала, что ответить. В этот раз её спас Альфред, который просто случайно не понял, кому был адресован вопрос.

– Да, умеет, – опередил её Блюм. – Когда мы только встретились, она рассказывала мне истории, которые не узнаешь, не умея читать. О прошлом человечества!

– Ничего себе, Перчик, растёшь в моих глазах! Почему молчала? Я тут тебя в местные неучи записал, а ты оказывается, посвящённая! – ЭрДжей улыбнулся и похлопал огромной ладонью по её макушке.

Конечно, ей это не понравилось, но она и слова поперёк не сказала, потому что в этот раз все иные чувства были заглушены виной и стыдом.

– Ну… я очень плохо читаю. Очень-очень плохо, и вообще… – замялась Мята.

– Это не важно, ты молодец, – улыбнулся Альфред.

Так стыдно ей ещё не было. Кому-кому она могла соврать, но только не Альфреду.

– Ну что, заходим? – спросил ЭрДжей. – Оттуда доносится прекрасная музыка и сладкий женский смех. Мне это нравится. Возможно, это награда за нашу общую решительность, терпимость, отвагу и мой ум.

Лекарь с Блюмом переглянусь, и шутливо закатили глаза. Это был идеальный момент для Мяты подколоть ЭрДжея, но она смотрела себе под ноги и даже не услышала, что он сказал.

Изобретатель обеими руками толкнул от себя деревянную двойную дверь, и та со скрипом открылась, но к их удивлению за ней оказался не зал, как они ожидали, а ступеньки, которые вели вниз. Ребята начали спускаться, не отрывая глаз от стен. По обе

стороны висели различные картины, фотографии, рисунки, музыкальные пластинки и вырезки из газет.

Большие входные двери позади медленно закрылись, и ребята замерли возле нижней двери. Из щели пробивался густой желтый свет, а звук музыки, разговоров и смеха здесь просто громыхал.

ЭрДжей уже протянул руку, чтобы открыть эту дверь, как вдруг она открылась сама. Перед ними стоял молодой парень с необычной причёской синего цвета.

– Привет, чувачки! – незнакомец поздоровался и начал подниматься по ступенькам, преодолевая сразу несколько за раз, и через пару прыжков он был уже снаружи.

Ребята провели его удивлённым взглядом и, теперь им ещё больше захотелось узнать, что же творится там внутри. Решительный шаг через порог второй двери и им открылся Трактир во всей красе.

Здесь царила атмосфера веселья, граничившего с безумством. Небольшой зал был битком набит людьми всевозможных возрастов и сословий. Дикие танцы, вопли и ругань, карточные игры, мелкие потасовки и море выпивки скрашивали досуг гостей этого заведения.

С одной стороны зала находилась невысокая самодельная сцена с музыкантами, с другой – стояли деревянные столы для тех, кто хотел спокойно выпить, а в центре, позабывши обо всём на свете, гости плясали дикие неописуемые танцы. Их башмаки горели от таких энергичных движений. Музыка снаружи казалась более ритмичной. Войдя же в Трактир, стало

понятно, что музыканты играют, что хотят и в разнобой.

В Трактире происходило настоящее безумие. За одними столами крепкие мужчины соревновались в силе своих рук, за другими – травились уморительные истории, а кое-где посетители уже заснули, пуская слюни на поверхность стола.

Никто из друзей никогда не видел таких оживлённых, шумных и весёлых пивных. В их родном мегаполисе подобное место было в руках стражей, а потому там было неприветливо, странно и плохо пахло. Туда ходили, чтобы напиться и ничего не помнить. Здесь же всё было совершенно иначе. Это место было приятным и тёплым, и здесь царила атмосфера полного радушия.

Ребята так и стояли на входе, сраженные этим весёлым сумасшествием.

– Ущипните меня… – пробормотал ЭрДжей и тут же почувствовал неприятный щипок за руку. – Ау!

– Ты сам попросил, чувак.

ЭрДжей обернулся и увидел беззаботно улыбающегося парня, того самого, который недавно вышел отсюда. Он легонько стукнул его кулаком в плечо и затерялся в толпе.

Трактир был завален хламом и в нём буквально не было пустого места. Но все эти, бесполезные на первый взгляд, вещи очень гармонично вписывались в общую картину и создавали атмосферу домашнего уюта. Горшки, вазы, картины, вырезки из журналов и газет, музыкальные пластинки, белый бюст лысого

мужичка, красные бусы, граммофон, странный ящик с кнопками, запыленная сушка, здесь даже висела шкура лисицы! Чтобы рассмотреть всё, понадобилась бы целая ночь! Но сюда приходят явно не чтобы любоваться интерьером.

Ребята начали аккуратно пробираться через толпу танцующих к барной стойке, за которой не покладая рук работали трое парней.

Похоже, что эта стойка была сердцем заведения. Все подходили туда, говорили о чём-то с трактирщиками и уходили с полными кружками. Но добраться до стойки было полбеды, ещё нужно было как-то втиснуться между другими посетителями, чтобы поговорить с теми парнями. С большими походными рюкзаками это было очень сложно, но ЭрДжей, который не отличался особыми манерами, нагло отодвинул одного подвыпившего старикашку и тот ушел к своему столу с пустой кружкой, даже не заметив, что она всё ещё пуста. Так ЭрДжей выиграл для ребят шанс занять место у стойки.

Обстановка позади стойки тоже удивляла. У самой дальней стены стояли стеллажи высотой от пола до потолка заставленные бутылками с сомнительным содержимым и всё тем же старым хламом. Немного сбоку находилась лестница, ведущая наверх. На самой стойке тоже стояли стеклянные бутыли. Они были большие, закупоренные пробками и с приклеенными этикетками, на которых вместо надписей были рисунки. На них были изображены ягоды, из которых делались эти напитки.

Трое ребят, работающих за стойкой, принимали заказы и брали в плату самые разные вещи, которые не всегда имели ценность, но, по всей видимости, для этого места это было нормально. Чтобы набрать выпивку парни ныряли куда-то под стойку. ЭрДжей заглянул за неё и увидел огромные деревянные бочки с клапанами. Пенная жидкость быстро наполняла кружки и отправлялась к гостям.

Эти трактирщики были настоящими крепышами, – видимо бочки приходилось таскать именно им. Футболки, что были на них, обтягивали воинственные торсы. Их лица были довольно похожи, но сразу бросалось в глаза, что они все разного возраста. Такая внешняя схожесть могла означать только одно – эти трое были братьями.

Самый старший выглядел брутальнее, чем остальные. На его лице была жесткая тёмная щетина, а вырез на футболке обнажал густую растительность на груди. Хотя остальные два пока что выглядели не так неотёсанно, но видимо скоро их ждала та же участь. У всех троих были немного вьющиеся тёмно-каштановые волосы, карие глаза и довольно большие уши.

Мускулистая волосатая рука старшего брата хлопнула по стойке прямо перед ребятами и те немного испугались, но добродушный мужской голос спросил их:

– Что будем пить, братцы и сестрёнка? – он подмигнул Мяте и улыбнулся.

Смущение взяло верх над девочкой и её щеки вспыхнули. У этого, грубого на первый взгляд, мужчины оказался низкий, но очень мягкий голос и удивительно обаятельная улыбка.

– Эмм… ааа… – только и смог выдать ЭрДжей.

Какой бы высокий у тебя не был интеллект, он не поможет, если вопрос будет задан врасплох.

– Понял, выбираете ещё. Если что, вот того симпатягу зовут Гейн, самого младшего – Мэтт, а моё имя Тод! Зовите, когда определитесь!

Парень от души засмеялся и пошел к другим посетителям. На глазах у ребят была откупорена одна из тех больших стеклянных бутылок с рисунками на этикетках. Расплатился человек не чем-нибудь, а едой.

Перед ним поставили не кухоль, а три стеклянные рюмки. Их налили до краёв и выставили вряд перед человеком в выцветшем чёрном плаще. Он выпил три рюмки одну за другой и приложил кулак ко рту, после того, как последняя была опустошена. По его выражению лица стало понятно, что это очень крепкий напиток.

– С каждым годом всё крепче, Тод! – довольно прорычал человек в плаще.

На его руках были чёрные обрезанные перчатки, а в ушах много металла. Он был чем-то похож на стражей, но, пожалуй, стражи обделались бы, увидев его исполосанное шрамами лицо.

– Куда на этот раз?

– Горы. Хочу себе накидку из медвежьей шкуры!

– Смотри сам не стань накидкой!

– Бывай! – и человек в чёрном плаще покинул Трактир.

– Жуть… – вырвалось у Мяты.

– Папа! – радостно закричал Гейн и направился к пожилому мужчине, который каким-то образом оказался за стойкой. Ребята были так увлечены всем происходящим, что не заметили, как со второго этажа спустился высокий коренастый мужчина пожилых лет.

– Папа, ну как там? – спросил Тод.

– Я думаю, всё будет хорошо. Не переживай. Она сильная! – и мужчина похлопал его по плечу.

Волосы этого старика уже раскрасила седина, но его гордый стан ничуть не уступал молодёжи. И хотя по долгу службы он обзавёлся внушительным пивным животом, но он был таким же крепким и дюжим, как и его дети. И теперь было понятно в кого они такие щетинистые и волосатые.

Главный трактирщик хозяйственно стал доставать с полки пивные кружки и ставить их ближе к стойке.

Блюм с интересом наблюдал за этим человеком – ещё одна мудрая душа на его пути.

– Какая прелестная девушка зашла к нам сегодня. Уже выбрала, что будешь пить? – старик обратился к Мяте.

Его заботливый голос и добрейшие глаза заставили её снова покраснеть. Она отвела взгляд, не зная, как вести себя после комплимента.

– Не смущайся! Я от чистого сердца! – и он разразился громким добродушным смехом. – Если ты

здесь, значит ты путешественница! Надеюсь, ты с хорошей компанией, а не с этим подозрительным блондином?

Захихикали все, кроме подозрительно блондина.

– Да расслабься, я шучу, парень.

И хотя ЭрДжей не оценил эту шутку, но решил в ответ промолчать.

– Это место удивительное! – восхищённо сказал Блюм. – Я и не знал, что где-то можно найти нечто подобное!

– В этом мире можно найти всё что угодно, огненная голова! А если найти не получается, то это всегда можно создать самому! – и он снова засмеялся во весь голос, от чего его пивной живот забавно задёргался. – Я жил когда-то в мегаполисе, бездушном и уродливом, впрочем, как и любой мегаполис на земле. Всем было наплевать на меня, но мне было не наплевать на всех. Я хотел, чтобы в мегаполисе было лучше, было приятнее и веселее. Я увидел это место на картинке в книге. Вон она! – и он указал на центровое изображение на стене, висящее в рамочке. – Я увидел и понял, что вот оно! Это то, чего я хочу! Это не дом, но это место, куда хочется вернуться. Я много раз пытался открыть Трактир в том городе, но меня раз за разом отвергали – устраивали налёты, грабили, исписывали стены… Но у меня была мечта, она звала меня и манила. И я пошел искать желание в Парк Развлечений! Сумасшедший, подумаете вы!

– Да уж… – в один голос сказала ребята, хитро переглянувшись.

– И что, ты нашел его? – спросила Мята.

– Нет, я туда не дошел. Я попал под дождь, под целую бурю! Она вытягивала из меня жизненные силы, я чувствовал, что конец близок! Ноги сами несли меня в неизвестность и привели в это место! Только тогда оно выглядело совсем иначе. Я заболел, отлежался несколько дней и когда пришел в себя – нашел здесь такую же книгу с такой же картинкой! Точь-в-точь! Я понял, что это то самое место! Это было оно!

– Наверно это был журнал… – тихонечко сделал замечание ЭрДжей.

– И я понял, что моё желание уже сбылось! Я остался здесь, начал возвращать этому месту жизнь. Странники иногда заходили ко мне. Они искали пристанище, а находили нечто большее. Слава о моём месте быстро разлетелась по ближайшим мегаполисам и вскоре сюда стали наведываться не только случайные скитальцы. Люди специально искали это место, чтобы своими глазами увидеть его!

– Народу здесь и правда, не мало, – подметил ЭрДжей.

– Ну, так середина весны, сезон путешествий начинается! Все покидают свои мегаполисы в поисках лучшей жизни. Вряд ли они её находят, но суть не в том, куда ты придёшь, вся прелесть в самом путешествии!

– Но как вы делаете столько выпивки? – поинтересовался Лекарь.

– Раньше этот неприветливый пустырь был сельскохозяйственными угодьями, и по рассказам земля давно перестала родить. Но когда я сюда пришел, я

подумал, почему бы не попробовать. Может уже что-то изменилось? В моём мегаполисе были люди, которые выращивали фрукты и зерновые. Я воспользовался знаниями, которые получил от них, попытался посадить дерево и со временем оно прижилось! Земля снова стала родить! Так и живём. А если чего не хватает, то у меня много друзей среди перекупщиков. Я собираю за сезон много добра, а затем обмениваю его на продукты, виноград, хмель и вишни.

– А чем тебе платят за выпивку? – спросил ЭрДжей, чтобы убедиться, что здесь принимают всё.

– Кто чем может. Это бартер, сынок. Знаешь, что такое бартер? Я поясню, это…

– Не стоит, я знаю, спасибо, – опередил старика ЭрДжей. – И сколько нам полагается выпивки за… – Изобретатель засунул руку поглубже в свой рюкзак и достал оттуда несколько вещей, отложенных для обмена.

На стойку были выложены отвёртка без рукоятки, лезвие бритвы, иголка и карандаш.

– О, какие полезные в быту вещи! – оценил бартер хозяин.

Он кивнул Тоду, и каждому было налито по кружке пенного хмельного напитка.

– Отдыхайте, друзья! Вы дома! – и он снова добродушно засмеялся. – Меня зовут Дюк! Зовите, если буду нужен!

– Постой, Дюк! – позвала его Мята.

– Что, красавица?

– А ты случайно… ну, сюда случайно не заходил парень моего возраста? Цвет волос, как у меня, глаза,

как у меня, в красной курточке с одним рукавом и синим рюкзаком? А, ещё у него родинка на лице!

– Хмм… – почесал щетину Дюк. – А длина волос?

– Короткие. И торчат в разные стороны.

– Нет, точно нет. Был один блондин твоих лет пару дней назад, но у него были волосы до плеч. Извини, милая, твоего друга здесь не было.

– Пап, подойти сюда! Нужна твоя помощь! – крикнул Тод.

– Иду! Ну, отдыхайте! – и хозяин Трактира пошел по своим делам.

Мята опустила голову.

– Перчик, выше нос! Догоним! Не здесь, значит дальше.

– Угу… – печально согласила она.

– Давай, взбодрись! У нас впереди ночь полная выпивки и веселья.

Приятный мягкий запах пива дразнил обоняние, и ребята решили не затягивать с дегустацией.

– Вкуснее я ничего в жизни не пила! – воскликнула девочка.

– Это удивительное место! – восхитился Альфред.

– Да… – хозяин снова вернулся к ребятам. – Я начал с ничего, с идеи, которую никто не одобрял, а теперь об этом месте ходят легенды и люди специально приходят сюда, чтобы испить наше фирменное пиво. Так я встретил свою жену…

– Что? – хором спросили ребята?

– У тебя есть жена?.. – переспросила Мята.

– Конечно! Когда я покинул мегаполис, я сбросил все оковы тех странностей и суеверий! Никто не мог осудить меня или навредить мне. Я делал то, что хотел и был горд собой. В один прекрасный летний вечер она спустилась этими ступеньками и застыла, завороженная этим местом, а я был заворожен ею. Я сразу понял, что она отсюда никуда не уйдёт! Я тогда подумал, что судьба дала мне силы, чтобы осуществить мечту, только ради того, чтобы встретить её! Я влюбился по уши! Я бы зря прожил свою жизнь, если бы позволил ей уйти тогда, но моя сговорчивость и романтика этого места сделали своё дело! Моя любимая Элисия подарила мне троих прекрасных сыновей, сегодня подарит четвёртого! Так что, выпьем же за эту ночь, за всех нас и за наши мечты! Мечта предела не имеет!

– Мечта предела не имеет! – хором повторили все, кто был здесь, и выпивка полилась рекой.

Хозяин пошел наверх проведать свою дорогую жену, сыновья же открыли ещё одну бочку пива.

Все были под впечатлением от увиденного и услышанного, но больше всех была взволнована Мята. Она была очарована хозяином Трактира и его историей. Его поступки и решения вдохновляли и вселяли надежду. Неужели это, правда, его дети? Его родные дети, не брошенные голодать и замерзать на улицах мегаполиса, живут со своими родителями и работают на общее благо. Так вот значит, что такое семья… Мама, папа, дети, дом. Голова шла кругом от этих мыслей, а может от хмельного напитка, ведь не

смотря на полученный шок, оторваться от бокала было просто невозможно.

Немного сладковатый, но в то же время с горькими нотками напиток очень быстро исчезал из бокалов. Это пиво имело восхитительный аромат трав и хмеля, и не смотря на горчинку, оно оставляло мягкое и приятное послевкусие.

Глоток за глотком тревоги уходили всё дальше, пока и вовсе не исчезли. Сразу стало легко и ноги сами начали отстукивать ритм песен. У всех горели щёки и блестели глаза.

Но Альфред не стал злоупотреблять и отодвинул от себя бокал, который был ещё наполовину полным.

– Ты чего? – громко спросил ЭрДжей, перекрикивая музыку.

– Я не хочу много пить.

– Да брось, сегодня такой прекрасный вечер, отдохни, друг!

– Алкоголь вреден…

– Вреден для здоровья? Ал! – ЭрДжей закинул руку ему на плечо и пододвинул бокал обратно.

Все четверо подняли свои кухоли, и Изобретатель решил сказать тост:

– Я знаю, за что мы выпьем. За здоровье!

Вдруг Альфред начал смеяться, да так, как ещё никогда не смеялся прежде – громко и до слёз. Друзья и сами смеялись, только не с ним, а с него, ведь они не понимали причину такой перемены настроения.

Альфред выдавил из себя сквозь смех:

– Пить… пить за здоровье?! Аха-ха-ха! Кто же пьёт за здоровье? Это же глупо!

Все засмеялись ещё громче.

– Это не логично, ЭрДжей, ну подумай сам!..

– Просто пей, Альфред, просто пей!

И друзья чокнулись деревянными кружками.

– Это очень смешно, это, правда, смешно! – не мог угомониться Альфред.

– Всё, Ал, напился с полкружки! – смеясь, констатировал ЭрДжей. – Эй, трактирщик, подлей-ка этому пьянчуге!

– Только пиво или может что покрепче? У нас есть ещё вино, сидр, эль и лечебные настои, которые и мёртвого поднимут, – Гейн похлопал по одному из тех больших бутылей с манящей жидкостью тёмного цвета.

– Хмм… – ЭрДжей оценочно посмотрел на бутыль. – Мёртвого говоришь… А как насчёт одного зануды? Что скажешь, Ал?

– Нет, я точно пас.

– Да ладно тебе! Всем по рюмочке. Неужели тебе не хочется узнать какой вкус у этого эликсира жизни? Что за дивный запах будет ласкать твоё обоняние? Кто знает, какую грань твоего сознания откроет этот напиток… Издавна великие мастера призывали муз именно таким великолепным способом, испивая просветление из чаши … Ну или из рюмки!

Все зачарованно следили за полётом мысли ЭрДжея и засмеялись, когда дослушали, куда его мысль долетела.

– Вау, парень, ты не странствующий рассказчик часом?

– О нет, нам хватает и одного карманного философа! – и он взъерошил волосы Блюма.

– Всё равно рюмки три, так что я не буду, – пробурчал Альфред.

– Да и к тому же расплачиваться нужно едой. Не самый лучший вариант для нас, – дополнил Блюм.

– А ну верните мне мою украденную рациональность! Нахватались и учат меня. Меня, Изобретателя!

– Изобретатель? – переспросил трактирщик.

– Да, моё второе имя. Дарованное мне великим стадным мнением, – заулыбался ЭрДжей.

– Кстати, твои часы работают? – внезапно спросил Гейн.

– Что? Часы? – ЭрДжей посмотрел на своё запястье. – Ну да. А ты знаешь, что это и для чего?

– Не сравнивай нас с горожанами! – гордо сказал Гейн. – Отец многому научился у приходящих людей и научил всему нас. Перекупщики часто предлагают часы, но все они не рабочие. Как и эти, – он достал с одной из полок часы в пластмассовой синей коробочке. – Если починишь, ты и твои друзья можете пить всё, что хотите сегодня.

– И даже этот манящий напиток?

– Именно.

– Хмм… Тогда Альфред не отвертится… Что ж, работать сегодня в мои планы не входило, но грех не воспользоваться таким заманчивым предложением! Приступим!

Занырнув в свой рюкзак поглубже, ЭрДжей достал оттуда какие-то инструменты и принялся чинить

часы. Ребята с интересом окружили его и внимательно наблюдали. Уже немного подвыпивший ЭрДжей не всегда попадал инструментом, куда хотел с первого раза, но он настойчиво и уверенно продолжал крутить винтики механизма.

– Готово!

ЭрДжей настроил их время по своим и протянул Гейну.

– Они... идут!!

– Ну что ж, Гейн, сообщай плохие новости своему отцу, я разорю ваше заведение! По рюмке этого манящего пойла и по кухолю эля мне и мои друзьям! – ЭрДжей победно стукнул рукой по стойке.

– Будет сделано! – трактирщик обновил содержимое бокалов. – Скоро у нас родится ещё один брат, и ты запустил эти часы. Это добрый знак.

– И он ещё просил не сравнивать их с горожанами… – с улыбкой произнёс ЭрДжей.

– Кстати, вещи можно оставить в том шкафу, чтобы не мешали. Он запирается на ключ, ключ у Тода, так что переживать не стоит, – Гейн указал рукой на подобие шкафа в углу заведения.

– Ага, щас… – недоверчиво буркнул ЭрДжей.

– А это отличная идея! – сказал Блюм и принялся забирать рюкзаки.

– Эй, стой, ты серьёзно? Хочешь отнести наши вещи туда? Ты не заметишь, как нас обчистят!

– Да ладно тебе, что у нас красть? – шутливо сказала Мята.

– Одни верёвки да котелки… – подтвердил Альфред.

– Может это у вас не чего красть, а у меня здесь сокровища этого мира!

– Вы – сокровища этого мира, – с улыбкой сказал Блюм и унёс все рюкзаки раньше, чем ЭрДжей понял, что произошло.

Он ещё какое-то время недоверчиво поглядывал на шкаф, но вроде бы никто не пытался его взломать, и ЭрДжей расслабился.

Трое братьев вернулись к своим обязанностям, а друзья принялись наслаждаться новым напитком. После долгой мольбы, ЭрДжей всё же уговорил Ала попробовать настой из ежевики. Тот оказался безумно крепким, но и в такой же степени вкусным. Содержимое рюмки обожгло гортань, оставив после себя приятный холодок с ягодным привкусом. Вкус настолько превзошел ожидания ЭрДжея, что тот решил понаглеть и выпил ещё пять таких же. Остальные не захотели, и всё оставшееся время наслаждались элем.

Блюму очень нравилось происходящее. Он редко пил, но сегодня был какой-то особенный вечер. Хмельной напиток полностью вытеснил их тревоги и ребята, позабыв обо всём на свете, веселились от души.

Какая-то девочка, по виду чуть старше Блюма, подошла к нему:

– Пошли танцевать!

– С радостью! – ответил Блюм, и они затерялись в толпе.

– А у малыша нет проблем со знакомствами. Перчик, пошли танцевать! – выкрикнул ЭрДжей.

– Что?! – Мята не услышала вопрос.

– Танцевать, говорю, пошли!

И ЭрДжей бесцеремонно схватил Мяту за локоть и утащил в самую гущу событий. Альфред провёл их взглядом и задержал его на толпе танцующих людей. Зал был набит битком, все плясали, спотыкались, падали, вставали и снова пускались в пляс. Если бы он упал, то не смог бы так же просто встать. Он никогда не танцевал.

Даже алкоголь не смог спасти его в этот вечер от грустных мыслей. Хоть он и вырвался из мегаполиса, но не перестал быть собой. Он подтянул к себе бокал и пригубил содержимое. Веселье сменилось сонливостью, тяжелые мысли сгущались, подобно грозовым тучам, но тут из этого мрака его выдернула рука, которая осторожно легла на плечо. Альфред обернулся и увидел Мяту. Она нежно улыбнулась ему и без слов кивнула головой в сторону танцующих.

От удивления Альфред даже приоткрыл рот.

– Нет, Мята, ты же знаешь, я не… не смогу…

Но она стояла на своём. Она убрала руку с плеча и протянула её ладонью вверх. Её щеки пылали, глаза блестели, косы растрепались. Она была прекрасна. Эта мысль вихрем пронеслась в голове Ала, и он вопреки здравому смыслу протянул ей руку в ответ и, оставив возле стойки костыль и трость, поковылял к танцующим.

– А как же ЭрДжей? – Альфред всё ещё сомневался в том, стоит ли ему идти и предпринял последнюю попытку избежать этого.

– За него можешь не переживать, – лукаво сказал Мята, и указала рукой на Изобретателя, который кружился в танце с двумя девушками сразу.

Альфред нервно сглотнул. Теперь точно не было ничего, что могло бы предотвратить его позор. Он совершенно не знал, что делать и как танцевать. Ал посмотрел на остальных, но легче не стало. Кто-то прыгал, кто-то крутился, выбрасывал ноги вперёд. Самым простым вариантом было поднять руки вверх – многие так делали. Альфред неуверенно поднял свои руки-грабли и начал ими странно размахивать.

Мята тут же засмеялась, а Альфред был готов провалиться сквозь землю.

– Я знал, что это плохая идея… – и он уже направился обратно.

– Нет, стой! – Мята схватила его за руку и потянула обратно. – Извини… я не с тебя смеялась. Просто это выглядело… забавно.

Мята очень хотела, чтобы он наконец-то потанцевал. Танец – это свобода души и тела, это время, когда ты можешь ни о чём не думать, ни о чём не тревожиться и просто наслаждаться моментом. Ты отдаешься какому-то мистическому потоку энергии, который управляет тобой и ведёт тебя. В танце нет места мыслям, тревогам и страхам. В танце есть только страсть и свобода. Именно это Мята хотела показать Альфреду.

– Вот, смотри.

На этих словах она сделала шаг навстречу Альфреду, затем сделала шаг назад. Потом снова проделала это, держа его за руки. Альфред примерно понял,

что нужно делать, но только он не рассчитал силу и то, что нужно одновременно иди друг на друга, и вместо шага вперёд, сделал шаг назад. Руки разомкнулись и Ал врезался спиной в кого-то сзади. Обернувшись, чтобы извиниться, он и не понял в кого врезался, – позади него все беззаботно танцевали. Никому не было дела до чьих-то неудачных попыток впервые потанцевать.

– Расслабься, – сказала Мята и снова взяла Альфреда за руки.

На этот раз они сделали синхронно шаг навстречу друг другу. Затем назад, снова вперёд и снова назад. Затем Мята начала делать такие же шаги в сторону. Альфред начал понимать, что к чему и все меньше и меньше думал о движениях, просто интуитивно двигался то туда, то сюда. Мята начала усложнять движения. Она взяла его за одну руку и каким-то волшебным образом прокрутилась под ней. Ал не понял, как это произошло, но выглядело очень красиво. Мята была ростом ниже его плеч, поэтому проделать такое ей было не сложно. Лекарю даже не нужно было высоко поднимать руки.

Затем они шагали вперёд и в бок, затем, она показала ему движения плечами. Все было так странно, так не привычно, но лучше, чем сейчас, он себя не чувствовал никогда. Мята всё время была рядом, держала его за руки и направляла. Альфред впервые за многие годы был счастлив. И хотя он понимал, что со стороны его танец выглядел не так хорошо, как хотелось бы, но сейчас, в это самое мгновение, впервые в

жизни, он смотрел на себя с любовью. Он не видел себя, но представлял, и делал это в хорошем свете.

Ноги гудели, даже болели, но Альфред на удивление не предавал этому значения. Он уже и сам начал придумывать движения. Песни звучали одна за другой, не давая возможности отдохнуть, и казалось, что сердце вот-вот разорвётся. Альфред был уже готов сдаться усталости, но вдруг у него открылось второе дыхание и сил хватило ещё на песню.

Пот стекал с их лбов, тёк по пояснице, – было очень жарко и нужно было остыть. Они снова пошли к стойке и Ал удивился, как легко ему идётся. Вернувшись туда, они поняли, что потеряли свои места – там уже кто-то был. Они начали искать другое, и нашли у самой лестницы. Мята и Ал очень удивились, увидев под ней Дюка и его троих сыновей, оторвавшихся от своей работы.

Люди у стойки уже начинали негодовать, но никто и не собирался идти принимать заказы. Все четверо отвернулись от посетителей и что-то обсуждали, стоя ко всем спиной.

– Дюк, что случилось? – крикнула Мята.

Хозяин ничего не ответил, но когда он обернулся, Мята увидела в его глазах слёзы. Она без раздумий обогнула стойку и зашла за неё, чтобы узнать у хозяина, что произошло. Альфред последовал за ней.

– Что случилось? Почему ты плачешь? Это кровь?.. – Мята испугалась, увидев руки Трактирщика.

– Она умирает… И малыш умирает! Элис не может родить! Я не понимаю, что не так. Она уже трижды мать, всё должно было быть хорошо! – голосом полным отчаяния прокричал Дюк. – Я… я даже не знаю, что делать… Всё всегда проходило легко и от меня требовалось только принять ребёнка и перерезать пуповину, а сейчас я… я вообще не знаю, что мне делать!

Он был убит горем. Сыновья тоже не могли больше сохранять спокойствие, и горькие слёзы подступили к их глазам.

– Я – Лекарь! И я сделаю всё, чтобы спасти их!

– Ты врачуешь?.. – с надеждой в голосе переспросил Дюк.

– Тод, найди мой рюкзак, он сшит с мешковины и принеси его наверх. Гейн, раздобудь воды, чистой. Принеси её в тазу, подогрей, но смотри, чтобы не была горячей. Мэтт, найди самый крепкий напиток, который только есть.

– Спирт?

– То, что нужно! Его и ведро воды ко мне наверх. Эту воду греть не нужно. Ещё нужна тряпка, чистая. Самая чистая, чтобы завернуть малыша. Мята, пошли со мной, будешь помогать! – и Альфред, не дождавшись ответа, поковылял наверх.

Все ещё несколько мгновений находились в ступоре, но потом тут же принялись выполнять указания Альфреда.

– Прошу, помоги… помоги им… – сквозь слёзы шептал хозяин.

Мята перед тем, как пойти наверх, обернулась. Вокруг стойки было много народу, но к её огромному удивлению никто не пил. Те, кто были недовольны тем, что выпивку больше не подают, тоже стояли молча. Мята сначала даже не заметила, что музыка тоже прекратилась. Все переживали за хозяина и его семью. Это было очень странно, но на размышления не было времени, и она быстро побежала наверх.

Первое, что увидела Мята, когда забежала в комнату, где рожала Элисия – море крови на полу. Девочка не видела всего из-за спины Альфреда, но этого уже было достаточно, чтобы её охватил ужас.

Элис лежала на заботливо постеленном ложе из одеял и простыней. Только все простыни были скомканы и испачканы кровью.

Хозяин не преувеличил, когда сказал, что она умирает. Она была бледной, лоб покрыт холодным потом, а к лицу прилипли тёмные пряди волос. Элисия не тужилась и не кричала, как должно быть по рассказам. Просто лежала и стонала, пока дух покидал её тело. Мяту трясло, но она должна была взять себя в руки, чтобы помочь. Она осторожно подошла ближе и увидела всё своими глазами. Содержимое желудка подошло к её горлу, и она прикрыла рот руками, пытаясь совладать с собой.

Сзади послышались шаги – братья принесли вещи, которые просил Ал.

– Хорошо, оставляйте всё и закройте двери.

Когда дверь захлопнулась, Ал быстро подошел к рюкзаку и незамедлительно начал приготовления: сколол чёлку, одел очки, достал какую-то бутылочку

из кармана и поковылял к ведру с водой тщательно мыть руки.

– Мята, открой рюкзак и найди бутылочку с надписью «Нашатырь».

Мята сразу же упала на колени и начала панически рыться в рюкзаке.

Лекарь откупорил бутылку с самым крепким настоем, вылил немного содержимого себе на руки и растёр.

– Мята, «на-ша-тырь». Быстрее!

Ал уже подошел к Элис и был готов принимать роды.

– Альфред, я… – неуверенно начала Мята.

– Не паникуй, у тебя получится. Так, Элисия, Элис, ты меня слышишь? Тебе нужно толкать ребёнка.

Вместо ответа женщина болезненно простонала. Она хотела поднять руку, но сил не хватило, и рука упала на простыни.

– Мята!

– Я… – дрожащими руками она доставала из рюкзака всё подряд, не только бутыли.

– Плохо, должно быть пуповиной обвит... Мята!

– Ал, я… я… Я не умею читать! Прости меня, прости! Я не знаю, что искать!

Он обжег её сердитым взглядом и тут же отвернулся.

– Неси рюкзак и всё, что вытащила ближе.

Она быстро выполнила его указание.

– Вот этот! – он указал окровавленным пальцем на маленькую бутылочку с белой этикеткой. – Откупори и осторожно поднеси ей под нос, только плавно. И смотри сама не вдохни.

Мята дрожащими руками сделала то, о чём попросил Ал, и Элисия открыла глаза. Только выглядела она всё равно так, будто сейчас снова упадёт в обморок.

– Элис, толкай ребёнка! Давай!

– Ааааа! – женщина только и смогла, что прокричать от боли и сознание снова начало покидать её.

– Снова? – спросила Мята.

– Не сейчас. Иди сюда. Открой рюкзак пошире. Вот этот чёрный пенал. Достань и открой.

Развернув его, Мята увидела набор металлических блестящих инструментов, среди которых были странные ножи, округлённые на конце.

Альфред взял один из этих ножей и ополоснул его и руки спиртом. Когда Мята увидела, куда направлено орудие и где Альфред собирается делать надрез, она не выдержала и отвернулась.

– Дай ей нашатырь! – скомандовал Альфред.

Не сразу, но роженица ненадолго пришла в себя.

– Элис, толкай! Ты сможешь! Давай! Ещё немного, чтобы я смог ухватиться! Один, два, три! Толкай! И ещё раз! Один, два, три!

Элисия стиснула зубы и из последних сил боролась за жизнь своего чада. Издав неистовый крик, она предприняла последнюю попытку.

– Есть, держу! – сказал Ал и начал очень осторожно вытягивать малыша.

Какое-то мгновение тишины, затем шлепок и малыш начал плакать – громко и пискливо.

– Жив… Мы успели! Мята, быстро помой руки в том ведре и бери малыша!

Молниеносно выполнив указание, Мята подошла, чтобы взять это крошечное существо. Она ничего в своей жизни не делала с такой осторожностью.

Лекарь тем временем перерезал странную трубочку, соединявшую малыша и маму.

– Омывай его тёплой водой с таза, только осторожно. Главное придерживай голову, но ни в коем случае не сжимай её! Омоешь, вон там лежит тряпка – нужно завернуть.

И Мята уже не думала о происходящем. Она держала в руках эту новую жизнь, и в голове за секунду рождался миллион мыслей. Новая жизнь. Новая судьба. Что ждёт это крошечное существо? Она всем сердцем надеялась, что только хорошее. Её окутало чувство, которое она неоднократно испытывала, когда была с братом, только теперь оно было сильнее. В последний раз такое было, когда они с братом были намного младше, и он заболел, а она ухаживала за ним, укрывала подранным одеялом и спала с ним в обнимку, чтобы ему было теплее. С глубин души вырвалось это старое воспоминание, а вместе с ним и тёплое обволакивающее желание заботиться о ком-то.

У Альфреда же не было возможности расслабиться, – ему нужно было спасать Элисию. Он смешивал настойки, давал ей какие-то таблетки и пытался остановить кровотечение.

Мята как раз закончила закутывать малыша, когда Альфред снова позвал её.

– Ты мне нужна. Иди сюда!

Мята уже успела забыть, какой ужас творился там. Она старалась всеми силами не смотреть на место, откуда пришел в этот мир ребёнок. Она уже переборола себя, и её больше не мутило, но осознавать, что это и есть рождение новой жизни, было жутко и страшно. Она знала, откуда берутся дети и как появляются на свет. В своё время её посвятили в это таинство старшие, но только одно дело послушать об этом, а другое увидеть всё своими глазами. Обилие крови и жуткий запах сводили её с ума, но не успела она переварить эти мысли, как Альфред попросил её продеть нитку в иголку, – всё же она не до конца смогла совладать с собой. Выполнив его просьбу, она снова вернулась к малышу, чтобы ненароком не увидеть что-то, от чего ей станет плохо.

Наконец-то было сделано всё от них зависящее. Осталось только немного прибраться. Альфред с Мятой уложили Элис удобней, убрав те ужасные окровавленные простыни. Она была без сознания, но её жизни больше ничего не угрожало.

Мята складывала бутыли и инструменты, пока Альфред отмывал руки. Она время от времени косо поглядывала на него, но он даже не думал поворачиваться в её сторону. Мята очень переживала, но не решалась спросить, злится ли он на неё из-за лжи. Ответ был очевиден. При других обстоятельствах всё можно было бы перевести в шутку или розыгрыш, но сегодня эта ложь могла стоить жизни малышу. Как

оказалось, при спасении человека каждая секунда на счету. На этот раз всё обошлось, но если бы она дольше рылась в рюкзаке в поисках этикетки, которую заведомо не могла прочесть, кто знает, что могло бы случиться…

Малыш уже не плакал, он мирно сопел на том месте, где его положила Мята. Лекарь проковылял к малышу и бережно взял его на руки. Мята завороженно смотрела на Альфреда, держащего младенца. Он осторожно провёл своим длинным костлявым пальцем по маленькому нежно-розовому носику, и вдруг Мяту пронзило странное чувство. Она представила Ала с малышом на руках в его собственном доме в мегаполисе.

По её щекам скатились две слезинки. Она быстро их вытерла и вернулась в реальность. Это внезапное видение оставило странную пустоту в её сердце, но усталость была слишком велика и Мята отпустила эту мысль. Затем подошла ближе к Алу.

– Спасибо, что родилась здоровой… – прошептал Альфред.

– С Элис всё в порядке? – спросила Мята.

– Да, главное спокойствие и уход. Здесь за ней присмотрят, как нельзя лучше.

Девочка завороженно смотрела на малыша.

– Можно мне?

– Конечно, – Альфред передал ей ребёнка. – Осторожно с головой.

Она держала его на руках, слышала его странный запах и чувствовала тепло. Это было откровение – новая жизнь.

– Ты мне очень помогла сегодня, спасибо. У тебя выдержка настоящего врачевателя… – после этих слов он не спеша поковылял к двери.

– Как мы выживаем в этом мире, Альфред?.. Такие крошечные, без защиты и любви? Нас бросают раньше, чем мы успеваем понять, что нас бросили. Как?.. – прошептала Мята.

– Никак, – Альфред открыл двери. – Можете входить.

И в дверь залетели Дюк и трое сыновей, которые всё это время были там и ждали. Следом за ними в комнату стали заглядывать и те, кто пришел поддержать семью.

– Малыш запутался в пуповине и был в неправильном положении. Элисия спит, ей нужно спокойствие и уход. Я позже расскажу, что нужно делать… – устало сказал Альфред.

– Спасибо тебе… Спасибо… Мою благодарность не выразить словами… Ты и твои руки спасли две жизни! Мою семью… Ты – великий человек. Спасибо тебе! Спасибо… – сквозь слёзы говорил Дюк.

Он держал на руках своё новорожденное чадо, смотрел на него, и слова благодарности сами срывались с его губ.

– Он дышит… Он будет жить… Это чудо. О, дорогая, мне так страшно думать, что я мог вас потерять… – Дюк с ребёнком на руках присел около своей спящей жены. – Ты спас мою семью от великой трагедии… Как мне отблагодарить тебя?

– Я попросил бы, чтобы вы не бросили ребёнка, но я знаю, что именно так вы и поступите, а мне ничего не нужно.

Все, кто были в этой комнате и те, кто стояли в дверном проёме, все смотрели сейчас на Лекаря и глаза их были полны благодарности и надежды. Они увидели, как человек, обыкновенный человек сделал то, что уже долгое время считалось невозможным.

Среди этих глаз были одни особенные, которые смотрели на Альфреда не только с благодарностью, но и с восхищением. Мята забилась в угол комнаты и пыталась прийти в себя. Осознать то, что сделал Альфред, и что сделала она. Её ледяные руки дрожали, плохо вымылись и были ещё розоватыми от крови. Нет у неё никакой выдержки, она ужасно испугалась, а вот Альфред не колебался ни на миг. И опыт здесь не при чём. Он был рождён для этого. Его судьба спасать людей. Мята ясно осознавала, что жизнь не случайна. Что каждый приходит сюда за чем-то. Но зачем же пришла она?..

– Сынок… – прошептал Дюк малышу.

– Это девочка.

– Что? У меня дочь? – переспросил хозяин. – У меня появилась дочурка?

– Да, – после этих слов Альфред направился к выходу.

– Дай ей имя.

– Что?..

– Ты спас её, стал проводником в этот мир. Дай ей имя.

Эта просьба застала его врасплох. Он ужасно не любил внимание, а сейчас он был посреди комнаты, полной народу, все смотрели на него и ждали ответа. Ему было ужасно неловко, но также было и по-настоящему приятно.

Дать имя ребёнку. Имена дают старшие, а он отшельник. Ему по праву не полагается такая почесть, но здесь действуют другие законы, в этом месте прорастают семена любви. Альфред посмотрел на беззащитный серый свёрток в руках Дюка. Она жива. И будет жить.

– V*itae vitem*… вите...– задумчиво прошептал Альфред. – Вита. На языке врачевателей это означает «жизнь».

– Вита… Прекрасное имя для моей дочурки.

Блюм и ЭрДжей были среди тех, кто остался стоять в коридоре. Они тоже с восхищением смотрели на своего друга и гордились тем, что идут с ним бок о бок. ЭрДжей, который всю жизнь считал себя самым талантливым и гениальным, преклонялся перед его поступком не меньше других. Всё, что он создал за свою жизнь – было не живым и имело ценность только в руках человека. То, что сейчас сделал Альфред, заставило его понять, насколько незначительны его собственные труды.

Блюм вытер навернувшиеся слёзы рукавом толстовки.

– Мужчине не годится быть таким сентиментальным, малыш, – улыбнулся ЭрДжей.

– Вблизи всё иначе… – прошептал Блюм.

ЭрДжей легонько потрепал огненные кудри Фантаста. Он и сам был близок к тому, чтобы пустить скупую мужскую слезу, хотя и не понимал, откуда такой наплыв чувств. Он никогда не испытывал особого трепета от рождения ребёнка, но сейчас всё было так странно, так противоречиво. Люди, которые пришли сюда, правда, были рады за хозяина. Это были не просто зеваки, которым хотелось поглазеть. Неужели наконец-то разум взял верх над инстинктами? Может, люди снова готовы к развитию, культуре, наукам, другой жизни? Может сегодня родилась не только эта девочка?..

Дюк ещё раз поблагодарил Альфреда и тот наконец-то смог направиться к выходу из комнаты. Он опустил глаза и смотрел себе под ноги, чтобы не привлекать ещё больше внимания. Ему было очень неуютно среди такого большого количества людей и хотелось, как можно скорее покинуть комнату, но вдруг чья-то рука легла ему на плечо – это был ЭрДжей. Он крепко сжал его плечо и улыбнулся ему. Эта улыбка о многом сказала. Альфред легонько улыбнулся в ответ и снова опустил глаза, чтобы продолжить путь, но вдруг кто-то похлопал его по спине, и на этот раз это был не знакомый ему человек. Альфред удивлённо посмотрел на него, а тот произнёс:

– Молодец.

Ал растерянно кивнул головой и снова попытался идти, но всё новые и новые руки осторожно ложились ему на плечи, пока он пробирался через толпу. Кто-то говорил спасибо, благодарно смотрел в

глаза или просто улыбался. Так продолжалось до самого выхода из Трактира.

Слёзы подступили к его глазам. Он помогает не ради выгоды или благодарности, но все эти люди сегодня заставили его сердце забиться с новой силой. Он понял, что нужен, понял, что способен что-то изменить и достучаться до других.

Альфред был уже у внутренней двери, когда заметил, что музыка больше не играет, что все эти люди, которые были сегодня вечером в Трактире, переживали за семью хозяина. Оставили своё веселье и пьянство, чтобы поддержать их. Это стало для Альфреда откровением. Люди, незнакомые люди способны сопереживать…

После пережитого за этот вечер, Лекаря покинули все силы. Усталость навалилась неподъёмным грузом, ноги были ватными, снова вернулось ощущение опьянения, только теперь хотелось не веселиться, а спать. Альфред еле преодолел ступеньки и, приложив немало усилий, чтобы распахнуть большую входную дверь, он наконец-то ощутил приятный бодрящий запах ночной прохлады. Мурашки пробежали по спине Альфреда, и он приобнял себя руками, чтобы стало теплее. Хотя это не особо помогло от холода, зато немного успокоило. Он отошел от Трактира, свернув за угол, где свет от горящих урн и факелов едва касался его лица. Тут ему наконец-то стало спокойно.

Сначала он смотрел себе под ноги, затем по давней привычке поднял глаза к небу. Он не понимал, что он там ищет, но ему нравилось смотреть в глаза

бесконечности. Нравилось думать, что кто-то за ним присматривает и немного направляет. Особенно часто такие мысли одолевали после сложных дел, подобных этим родам. Родилась ещё одна душа. Куда она отправится и куда придёт? Обречена ли она на одиночество или найдёт здесь своё место и после обретёт покой?.. Кто-то же её сюда направил, как-то же она нашла выход в этот мир. Если конечно душа есть. Но с другой стороны, почему бы ей не быть.

Странно такому человеку, как он, верить в существование души, ведь кто-кто, а Альфред знает, что за грудной клеткой нет маленького светящегося комочка энергии, но как же ему жить без этой веры? Он чаще других видит смерть, и что за ней нет ничего для наших оболочек. Но куда тогда уходит сам человек? Его взгляды, воспоминания, знания? Неужели это всё тоже исчезает в тот миг, когда сердце перестаёт биться? Альфред хотел верить, что нет, что весь жизненный опыт забирает с собой душа, которая будет жить вечно…

Альфред начал подмерзать, но он был не готов вернуться. Хотелось как можно дольше побыть здесь, на свежем воздухе, в компании прохлады и небесных тел. Но его уединение нарушили чьи-то шаги. Ему не нужно было поворачиваться, чтобы узнать кто это. Почему-то он вдруг понял, что знает звук этих шагов на память.

– Зачем ты соврала? – спросил он, так и не повернувшись.

– Я не знаю… – виновато ответила Мята. – Когда мы только встретились с Блюмом, и я узнала, что он

и есть Фантаст, я так удивилась, так разволновалась... Это же Фантаст! За те несколько дней, которые он провёл в мегаполисе, я столько всего услышала о нём. Странник-рассказчик, повидавший так много, знающий обо всём на свете… Поэтому, когда я его встретила, мне тоже захотелось как-то вырасти в его глазах. Слово за слово, и я пересказала то, что мне рассказали старшие, будто я сама это вычитала…Так я и соврала… – Альфред ничего не отвечал. – Ты злишься?..

На самом деле он ни капельки не злился на неё, его одолевало другое чувство.

– Я не понимаю тебя, – он наконец-то повернулся к ней. – Зачем тебе понадобилось приписывать себе что-то, чтобы казаться лучше? Зачем пытаться быть кем-то другим, если ты и так удивительный человек, Мята?

Она оторопела и не могла подобрать слов. Поэтому смущённо опустила глаза вниз и нерешительно начала:

– Не говори ерунды… Я самая обычная, и у меня нет…

– У тебя есть всё, чтобы гордиться собой и любить себя! И уж тем более у тебя есть всё, чтобы тебя уважали и любили…

Теперь Мята точно не знала, что ответить. Альфред видел, что ей нужно было время обдумать свой поступок и сделать выводы, поэтому он решил оставить её одну и направился в Трактир.

– Научи меня... – еле слышно сказала Мята.

– Что? – Лекарь подумал, что ему послышались эти слова.

– Научи меня, Альфред. Я хочу помогать тебе. Научи читать, обучи врачеванию. Ты сказал, что у меня есть выдержка. Сегодня и в тот день, когда лечил Блюма.

Теперь у Альфреда не было слов. Он и не думал о таком – взять себе ученика. Те секунды, которые он находился в полнейшем ступоре, для Мяты казались вечностью. Она уже сто раз пожалела о том, что спросила, ведь на положительный ответ не стоит и надеяться. Это же Лекарь, а она человек без имени. С чего ему соглашаться?

– Ладно, – коротко ответил Лекарь.

– Что? Ты, правда, возьмёшь меня в ученицы?..

– Возьму. Выдержка врачевателя у тебя действительно есть, я не врал, но ничего не обещаю. Посмотрим, будет у тебя получаться или нет. Начнём с чтения.

После этих слов Альфред возобновил свой путь к Трактиру и вскоре его ковыляющий силуэт скрылся из виду за углом дома, а Мята стояла на месте и не могла поверить в то, что только что произошло. Она попросилась к Лекарю в ученицы и тот согласился! Альфред будет её учить. Она научится читать и возможно однажды сможет так же, как и он, спасать человеческие жизни.

Окрылённая этими мыслями она тоже направилась к Трактиру, но за углом, к её большому удивлению, её ждал ЭрДжей. Его серьёзное выражение лица вернуло её с небес на землю.

– Ты понимаешь, что только что сделала?

– О чём ты? – Мяту очень насторожили его слова.

– Ты никогда не вела жизнь отшельника и вряд ли твои обиды сравнятся с тем, через что прошел Альфред. И в отличие от тебя, у которой всегда был брат, он всю жизнь один. С самых малых лет он никого не подпускал к себе и жил с мыслью, что он навсегда одинок, а теперь он берёт себе ученицу. Ты понимаешь, что это означает? Он увидел в тебе человека, которого готов пустить дальше, чем остальных. А ведь после твоего появления в качестве помощника у него вся жизнь полетит вверх тормашками, ты нарушишь весь его привычный быт. И это всё не плохо. Это даже хорошо, но ты понимаешь, что это всё не шутки? Если вдруг ты захочешь уйти, ты разобьёшь его.

Мята ни на секунду не сомневалась с ответом.

– Я не отступлю. Я буду учиться у него и не сдамся на полпути. Впервые в своей жизни, я не чувствую, что совершила ошибку. Впервые я приняла решение и не сомневаюсь в нём.

ЭрДжея удовлетворил такой ответ. Он ещё какое-то время сверлил её испытывающим взглядом, но затем улыбнулся и взъерошил волосы.

Он понимал, что сейчас произошло между этими двумя. Он всё видел, и в нём, и в ней. Хотя, скорее всего, сами они ещё ничего не поняли. Ему страшно хотелось помочь им, подтолкнуть их к осознанию этого, но вмешиваться в такие вещи лучше не стоит. Да и сантименты не по его части.

– И так, Перчик, значит, мы не умеем читать. Я, конечно, знал это с самого начала. Тебя выдал твой

испуганный вид. Но всё же приятно видеть сейчас твоё виноватое личико. И то, что ты теперь учишься у Ала, не значит, что я дам тебе поблажки. Будешь выслушивать свою кару за это враньё порционно каждый день. Соврать о чтении! Это же святыня!

– Ладно, я это заслужила…

ЭрДжей снова взлохматил её волосы, и они пошли в Трактир.

И никто не заметил, что за этим всем сверху наблюдал Блюм. Он осторожно притаился на краю крыши и любовался судьбами своих друзей.

– Глава 10 –

Лучшая часть путешествия

Мята сонно зашевелилась и приоткрыла глаза. Парни уже проснулись и что-то тихонечко обсуждали между собой, чтобы не разбудить её. Солнечный свет мягкими лучами проходил сквозь стекло окон и падал на деревянный пол.

– О, Перчик, с добрым утром.

– Доброе утро… – Мята привстала, пытаясь понять, где она и почему так хочется пить.

Ребята спали как убитые после утомительной дороги и выпивки, которой Дюк неустанно поил их в честь рождения его первой дочери. Но, даже не смотря на количество выпитого алкоголя, похмелья не было, и это утро было сказочно приятным и спокойным. Хозяин разместил ребят на втором этаже в одной из жилых комнат. Ал пытался вежливо отказаться, чтобы не создавать неудобств, но Дюк и слушать ничего не стал, поэтому ребята провели ночь в тёплой уютной комнате, спали на матрасах, и у каждого была своя подушка. Такая невиданная роскошь показала им, как важен комфорт в вопросах сна. Тело было отдохнувшим, лёгким и готовым к новым свершениям.

ЭрДжей почесал проступающую светлую щетину на лице.

– Я больше не смогу жить, как прежде. Что я делал всё это время? Я сконцентрировался на механике

и электронике, а нужно было… разжиться матрасом и подушкой! Я всегда спал то на столе, заснув во время чтения, то доползал до покрывал, скомканных в углу. Матрас и подушка, кто бы мог подумать… Вершина человеческих изысканий!

– Когда вернусь в мегаполис, первым делом, сделаю себе матрас, – сказал Альфред. – Спать на деревянном диване ужасно. Хотя и довольно полезно… правда, сейчас я в этом уже не уверен…

– К хорошему привыкаешь быстро, – с улыбкой подметил Блюм.

ЭрДжей посмотрел на свои часы:

– Ох, три часа дня… Нам пора!

Трактир днём был совершенно не похож на то безумное заведение, в которое ребята попали вчера вечером. Посетителей практически не было, а те, кто сидели за столами, проводили время, неспешно попивая свои напитки. Музыкантов не осталось, поэтому в доме было тихо. Когда ребята снова спустились на первый этаж, их сразу же с улыбкой на лице встретил Тод.

– А вы, однако, любители поспать, – засмеялся старший брат.

– Ты влил в меня вчера целую бочку пива! Чудо, что я вообще жив!.. – ЭрДжей подсел к Тоду за барную стойку, и они принялись что-то обсуждать.

– Нужно забрать наши вещи и выдвигаться, – сказал Альфред остальным.

– Согласна.

– Куда это вы выдвигаться собрались? – позади послышался громкий голос Дюка. – Я вас никуда не

отпущу, пока не накормлю своим фирменным завтраком!

– Еда? – отозвался ЭрДжей. – Вот это я понимаю забота о посетителях!

– Вы не просто посетители, вы мои друзья! Альфред спас мою любимую жену и дочурку. Я даю вам клятву, что вы всегда можете найти в моём доме пристанище. И если вам когда-нибудь понадобится моя помощь, помру я на том самом месте, если откажу! Клянусь!

Дюк хлопнул два раза в ладоши и стукнул кулаком в свою грудь. Ребята переглянулись и заулыбались, а вот Альфред был смущён. Для него помощь людям была чем-то естественным, само собой разумеющимся.

– Ну, хватит мне языком чесать, пора браться за дело! Сейчас я покажу вам пищу богов! – и его пивной живот задёргался от смеха.

Хозяин подмигнул Мяте и пошел готовить еду.

Мята тоже присела за барную стойку:

– Он такой замечательный… – сказала она Тоду.

– Старик? Я знаю, что в мегаполисах все живут сами по себе, но я выросший в семье, не могу себе даже представить такое. Хотя многие после бокальчика другого рассказывают мне о том, что такая жизнь именно то, чего они хотят. Никаких обязательств, ничто не держит, полная свобода, но, если честно, не сильно я им верю. Иметь свой дом, трудиться в нём, делиться плодами своей работы с другими, я думаю, это даёт куда больше свободы. Все, кто отправляются в путешествия, преследуют одну

цель – найти лучшую жизнь, но далеко не все понимают, что их цель гораздо ближе, чем им кажется. Просто надеяться на чудесное стечение обстоятельств куда проще, чем трудиться для исполнения мечты. Я так считаю. Ладно, пойду, помогу старику, – Тод улыбнулся и зашел в дверной проём за барной стойкой.

– Они все здесь замечательные, – подсел к Мяте Блюм.

Альфред тоже начал взбираться на высокий стул, стоящий около стойки. Вчера этих стульев не было из-за аншлага, творящегося вокруг, но сейчас никого не было и можно было спокойно присесть и отдохнуть.

Альфред только сейчас задумался о том, что ему чего-то не хватает.

– А вы случайно не знаете, где мой костыль или трость? – спросил он у ребят.

– О, точно! – воскликнул ЭрДжей. – Костыль наверху, я отнёс его туда вчера.

– А трость?

– А трость пропала, – со спокойным видом ответил Изобретатель.

– Как пропала?

– Видимо кто-то прихватил её себе на память о твоём великом подвиге, – высказал догадку ЭрДжей.

– Всем доброго утра! – со второго этажа спустились остальные братья.

– Эммм… Гейн, Мэтт, извините, но вы случайно не видели мою трость? Я вчера оставил её у стойки.

– Трость?.. Так это была твоя?.. – растерянно переспросил Мэтт.

– Была?..

– Прости, когда гулянье продолжилось, видимо кто-то у барной стойки споткнулся об неё, и сломал. Я нашел её утром и уже выбросил, но могу принести обратно, если хочешь! – предложил Гейн.

– Не нужно, спасибо. Обойдусь костылём…

– Мне очень жаль, – удручённо произнёс Мэтт.

Гейн неловко улыбнулся поникшему Альфреду и оба брата тоже поспешили на кухню.

– Смотри на все положительно, – сказал ЭрДжей.

– И чего здесь хорошего?

– Ну, я же обещал изобрести что-то для тебя по возращению в мегаполис. Считай это знаком свыше.

– С другой стороны мы скоро будем… – Мята понизила тон, – в Парке. А там желание, и костыли вообще больше не понадобятся.

Альфред тяжело вздохнул и опустил глаза.

– Ладно, не велика потеря.

– А зачем ты вообще используешь и костыль, и трость? Разве это удобно?

– Если честно, это уже больше привычка, чем необходимость. Попробовал и мне понравилось. При ходьбе… корпус меньше шатается…

Ребята видели, что Альфреду неловко говорить об этом, поэтому оставили расспросы.

Со временем до них начал доноситься чудесный аромат свежеприготовленной еды.

– Интересно, что это будет? – ЭрДжей сгорал от нетерпения.

– Какая разница, – весело сказал Блюм. – Они вкладывают чувства в приготовление, а значит, это будет самая вкусная пища!

Наконец-то в дверном проёме показался Дюк. Он нёс в руках две тарелки, а за ним следом шел Тод.

Когда перед ребятами предстал их завтрак, то они поняли, что хозяин не шутил про «пищу Богов». Это были жареные яйца с мясом кролика. Феерия аромата будоражила вкусовые рецепторы и заставляла желудки молить хотя бы о кусочке этого блюда. Гейн и Мэтт принесли травяной чай, сделанный по специальному рецепту Дюка.

– Ешьте, не стесняйтесь! – добродушно сказал Дюк.

И друзья буквально набросились на еду. Блюдо было ещё горячим, яичный желток таял во рту, а мясо кролика было на удивление мягким и сочным.

– Ммм, Дюк, это…это…

– Шедевр! – закончил за Мяту ЭрДжей.

– Это наименьшее, что я могу для вас сделать.

– А откуда кролик? – спросил ЭрДжей, запихивая очередной кусок за щёку.

– Так ведь дальше лес, – ответил Тод.

– Точно, среди ориентиров было озеро и лес… – вспомнил Изобретатель.

– Да, если идти строго на запад, то вскоре вы выйдите к небольшому озеру, а за ним начинается лес, в котором мы постоянно охотимся, собираем травы, грибы и ягоды. Вот только… даже мы, местные, вглубь никогда не заходим… – мрачным тоном сказал Тод.

– Настоятельно советую обойти лес с восточной стороны. Так дольше, зато безопасней, – серьёзно произнёс Дюк.

– Мы и так потеряли много времени. Обходить не вариант, – ответил ЭрДжей с набитым ртом.

– А что не так с лесом? – спросил Альфред, настороженный этими словами.

Дюк принял задумчивый вид:

– Одни называют его лесом Забвения, другие лесом Истины, а третьи и вовсе предпочитают не упоминать о нём. Многие люди вошли в него и не вернулись… Но те, кому удалось выжить, рассказывают жуткие истории о том, как блуждали в лабиринтах леса целую вечность, покинув мир живых… Говорят, что если в твоём сердце есть сомнения, то ты обязательно заблудишься. Лес испытает тебя и либо дарует ответы на твои вопросы, либо заберёт тебя навечно… Но с вами всё будет хорошо, вы ведь умные ребята и не пойдете через него! – Дюк снова рассмеялся во весь голос.

Было понятно, что он пытается нагнать на них страху, чтобы они не шли через лес, но ребята и так потеряли много времени, а значит прохождение не минуемо. От этого друзья немного напряглись. Вся их дорога была сплошным загадочным стечением неудачных обстоятельств, а теперь ещё этот «лес Забвения».

– Да ладно вам, чего вы такие серьёзные? – отшутился ЭрДжей. – С нами и так уже произошло много странных вещей. Что нам какой-то лес?

– Теперь кто-то из нас точно там потеряется, – мрачно сказал Альфред.

– С чего ты это взял?

– Ну… это же мы.

– О великий Рэймонд… Доедайте и пойдёмте.

ЭрДжей был единственным, кто ни капельки не испугался рассказа хозяина. У него было такое замечательное настроение после комфортного ночлега и сытного завтрака, что ничего не могло его испортить, в особенности очередные суеверия.

Вдруг со второго этажа отдалённо послышался детский плач. Ребята перестали жевать, чтобы удостовериться, не послышалось ли им. Хозяин незамедлительно пошел на второй этаж, Тод, Гейн и Мэтт последовали за ним.

Альфред наспех запихнул в рот остатки завтрака и поковылял следом. Мята не знала, стоит ей подниматься с ним или нет. Помочь она уже ничем не могла, но ей очень хотелось сейчас быть там. В конце концов, она теперь его ученица и понаблюдать за происходящим будет полезно. Она тоже быстро умяла еду и побежала наверх.

– А я останусь здесь, спокойно доем и без спешки упакую рюкзак, – сказал ЭрДжей и отпил чай.

– Как знаешь, – Блюм встал из-за стойки и когда был уже у первых ступенек, будто невзначай произнёс: – Хотя странно конечно, что ты не хочешь посмотреть, для кого собираешься строить свой замечательный развитый мир.

Эти слова не прошли мимо ЭрДжея, и вскоре он тоже поднялся посмотреть на малышку. Когда он зашел в комнату Альфред давал какие-то указания Дюку по уходу за ослабленной женой и новорождённой дочкой.

Элисия выглядела по-прежнему плохо. Её глаза были еле открыты, кожа и губы бледными, но её ослабленная рука прижимала к себе крошечный свёрток, лежащий рядом. Вита беспокойно дышала и мышцы её лица подёргивались. Она не понимала, что происходит вокруг, почему её вытащили из тёплого лона матери и что это за странные громкие звуки исходят отовсюду. Единственным спасением была рука матери, обнимающая её. Мостик, связывающий её с этим миром.

– Спа…сибо… те… – попыталась выговорить Элис.

– Не трать силы на слова. Лучшей благодарностью будет выжить, окрепнуть и вырастить дочь, – Альфред улыбнулся ей.

Она посмотрела в глаза своему спасителю и по её щекам скатились две одинокие слезинки. Мать, насколько это было возможно, сильнее прижала ребёнка к себе и закрыла глаза. Альфред обратился к Дюку:

– И помни про время кормления. Молоко должно регулярно отходить. Вот эти капли я оставлю вам, на случай, если поднимется температура, вот это – на случай кровотечения, хотя если придерживаться режима, осложнений быть не должно. Это для растирок,

а это ранозаживляющая мазь. Не вставать, не напрягаться, полный покой и отдых.

Хозяин кивнул, понимая ответственность, которая легла на его плечи по уходу за женой и ребёнком.

Альфред наклонился к малышке. Он снова провёл своим пальцем по её крохотному носику, от чего она недовольно скривилась. Хоть он и был её спасителем, но сейчас ей нужна была только мама. Альфред улыбнулся и поспешил покинуть комнату.

Последним вышел ЭрДжей. Он до последнего не мог понять, что он чувствует, глядя на младенца. Его не переполняла любовь или желание заботиться, скорее он чувствовал… надежду. Даже если он не сможет, даже если не успеет – время не прекратит свой бег. Найдутся те, кто сломают этот проклятый круг и у мира будет будущее…

Дорога звала ребят отправляться за новыми приключениями и, тепло распрощавшись с жителями Трактира, друзья снова отправились в путь.

В этот день солнце было спрятано за густыми облаками и было не жарко. Друзья быстро нашли общий темп и непринуждённо двигались, наслаждаясь дорогой.

По сравнению со вчерашним безжизненным пейзажем, сегодняшняя природа была куда приветливее. На пути всё чаще появлялись лужайки и кустарники, да и деревьев становилось больше. Трава в этих местах была выше и сочнее, целые поляны мелких цветов росли россыпью. Изредка можно было наткнуться

на кроличьи норы или увидеть пробегающую полевую мышь. Природа оживала, а значит не за горами обещанный водоём. Ландшафт был, на удивление, ровным на протяжении всего сегодняшнего пути, но вот впереди начал виднеться высокий зелёный холм, за которым, по всей видимости, скрывалось озеро.

Большая глубокая лужа – примерно так представляла себе озеро девочка. Такая же грязная и плохо пахнущая, как и у них в мегаполисе. В их родном городе было несколько небольших водоёмов, сделанных искусственно, вероятно в декоративных целях, но об этом никто не знал и расценивал их как источник питьевой воды. Водоёмы чудом функционировали благодаря дальновидности и мастерству инженеров прошлого. Правда, за годы их небрежного использования они обмельчали и превратились в большие глубокие лужи, и дождевой воде стали доверять больше. Из-за таких мало приятных воспоминаний о водоёмах, Мята не ожидала увидеть то, что открылось их взору.

Взобравшись на холм, ребята замерли, сраженные величием и красотой этого места. Озеро было утонченной овальной формы с кристально чистой водой. Облака точь-в-точь отражались в нём, будто в зеркале. Вокруг озера колосилась трава, росли деревья и цветы, а водная гладь то трепетно содрогалась от малейших порывов ветра, разбивая идеальное зеркало на миллионы кусочков, то успокаивалась.

– С ума сойти… – вырвалось у Мяты.

Но природа решила окончательно сразить их своим великолепием. Ветер прогнал густые облака,

которые застилали небосвод с самого утра и солнечные лучи упали на землю. Свет двигался от видневшегося вдали леса и до озера, прошел тёплой волной сквозь них и оставил после себя золото, рассыпанное на поверхности воды. Друзьям пришлось прищуриться – как восхитительно отражался свет маленьких бликов.

Успокаивающая водная гладь манила уставшие души и те без колебаний направились к озеру.

Это место, скрытое от людей высоким холмом, редко видело здесь гостей, поэтому озеро вокруг заросло густой травой. С какой стороны не посмотри – нет возможности поступиться к нему, но от прозорливой души Блюма ничто не скроется. Он опять доверился своему внутреннему голосу и шел туда, куда его приглашало озеро. Так друзья вышли к небольшому песчаному пляжу. Как появилось это место, и как его нашел Блюм – оставалось для всех загадкой, но это было и не важно. Все мысли улетучивались в этом царстве гармонии.

Это было идеальное место для лагеря. Здесь росли высокие деревья, вход в воду был плавным и не заросшим, а на берегу лежали огромные пологие валуны, и некоторые были высотой с ЭрДжея.

Ребята не спеша пошли к валунам. Влажный песок налипал на подошву, и им пришлось снять обувь. Мята зарылась пальцами в прохладный песок и улыбнулась. Снаружи их окружает холм и стена из травы. Нет ни малейшего шанса, что новая беда настигнет их здесь. Они в безопасности…

Молча и неспешно друзья принялись обустраивать лагерь. Они ещё даже не поели и не присели, а силы уже постепенно восстанавливались в их телах и сердцах.

ЭрДжей медленно выкладывал из рюкзака консервы и был задумчив. Человек всегда испытывает волнующую слабость в таких местах. От осознания себя частью чего-то огромного и непостижимого. К тому же, у ЭрДжея теперь были вопросы к самому себе, и где лучше всего искать на них ответы, как не у водного зеркала?

ЭрДжей подошел к озеру, чтобы наполнить флягу и ушел в свои размышления. Он мог бы долго вести этот внутренний диалог, если бы поток холодной воды не окатил его руку.

– Ааа! Перчик, холодно же! – возмутился он.

– Ничего, закаляться полезно, – с умным видом сказал Альфред, который тоже подошел к берегу пополнить запасы воды.

И в это же мгновение поток обрушился и на него. Лекарь от неожиданности даже выронил свою флягу.

– Очень полезно, Ал! – звонко смеясь, подтвердила Мята.

– А чего ты смеешься, думаешь, мы не обольём тебя в ответ? – ЭрДжей уже погружал свои руки в воду, чтобы зачерпнуть побольше.

– Вот именно… – мрачно сказал Альфред, поднимая свою флягу из песка.

– Думаю, вы оба мазилы, каких свет ещё не видел, и облить меня вы сможете только в своих мечтах!

– Ох, Перчик…

Долго приглашать ЭрДжея не пришлось, он тут же плеснул воду на Мяту, но она так мастерски увернулась, что ни одна капелька не попала на неё.

– Может, достанешь какое-нибудь изобретение из своего рюкзака? Голыми руками тебе со мной не справиться! – она лукаво улыбнулась парням и побежала вдоль берега, приглашая ребят поиграть в догонялки с водой.

– Ну, держись! – ЭрДжей набрал воды в руки и побежал за ней.

Лекарь тихонечко встал и пошел к своему рюкзаку:

– Здесь нужна тара побольше…

Догонялки не привели ЭрДжея к желанному результату. Мята была чертовски проворной. Мало того, что она уклонялась от всех его атак, так она ещё успевала дразнить его и показывать язык. Но вот кара настигла и её – Блюм облил Мяту, держа в руках одну из чашек Ала.

– Кого вам действительно не удастся облить, так это меня! – уверенно заявил он. – Я ведь родом из затопленного мега...ааа!

Альфред стоял позади него с чайником в руках:

– Вот эта тара в самый раз.

Смех вперемешку с плеском воды создавал удивительную гармонию звука. Хоть вода и была холодной, но друзьям было очень жарко. Они носились друг за другом по пляжу с флягами и чашками от души веселясь. Парни, не переговариваясь, вступили в сговор против Мяты, и ей пришлось уклоняться ото всех сразу, но вот свою главную жертву она выбрала

сразу. Если у Блюма и Альфреда было ещё хоть какое-то время, чтобы перевести дыхание, то ЭрДжей не мог себе позволить расслабиться ни на секунду.

Когда они окончательно устали, то осознали, что вся их одежда промокла до ниточки, но это того стоило. Такой выброс эмоций, опустошил запасы их энергии до последней капли, но наполнил до верха потрясающим тёплым чувством дружбы.

Они переводили дыхание, стоя на берегу озера.

– Как ты там…сказала… – говорил ЭрДжей, пытаясь отдышаться, – только в ваших мечтах?.. Ты мокрее всех, Перчик.

– Это потому что вы … все трое обливали меня… Это было не честно! – она изобразила наигранную обиду, но в душе была очень рада так повеселиться.

– Отдаю тебе должное… – продолжил он, – если бы это был бой один на один, ты бы ни оставила мне и шанса…

Мята заулыбалась в ответ, довольная, что произвела на ребят такое впечатление.

– Только что теперь делать?.. – спросил Альфред, выжимая свои волосы.

– Как это что? – отозвался Блюм. – Купаться!

Все удивлённо посмотрели на Блюма, который уже успел снять с себя футболку и кинуть её в сторону. Штаны, которые держались на верёвке вместо ремня, за секунду спали на землю, и, выпрыгнув из кроссовок, он с разбегу залетел в озеро. Перед глазами ребят только и промелькнули огненная шевелюра и трусы Фантаста. Ребята даже не успели ничего сказать и стояли, открывши рты.

– Чего стоите? Вода отличная! – прокричал Блюм, который уже прилично отплыл от берега.

– Сразу видно, что человек из затопленного мегаполиса… – озадаченно сказал Ал.

– Ух, малыш, ты истинный мужчина! Даже не подал виду, что вода ледяная! Я иду к тебе!

– Чего? – в один голос удивились Ал и Мята.

И ЭрДжей принялся готовиться к заплыву. Правда, у него это получилось не так быстро и эффектно, как у Блюма. Мокрая футболка прилипла к телу и не хотела сниматься, да ещё и застряла в голове, – он смешно пританцовывал, пытаясь её снять. А чтобы сбросить кеды ему пришлось немного попрыгать на одной ноге, но всё же после нехитрых манипуляций, он тоже стоял в одних трусах у озера и был готов встретить холод лицом к лицу. Правда, встречал он его не так быстро и не так уверенно, как Блюм. С первых секунд погружения, он начал издавать смешные звуки и тихонечко подбадривать себя.

– Да какой я мужчина после этого! Аааа!

И он, прибавив ходу, поплыл к Блюму, который успел уже доплыть до середины озера и развернуться обратно.

Мята и Альфред с улыбкой смотрели на происходящее. ЭрДжей подплыл к Блюму и оставшимся на берегу были слышны отдалённые голоса:

– Как холодно! – кричал ЭрДжей.

– Как хорошо!

– Как хорошо… и холодно!

– Сумасшедшие… – сквозь смех прошептала Мята.

– Я стараюсь ничему не удивляться... – сказал Альфред и тоже рассмеялся.

Они подняли разбросанные вещи этих двух и пошли раскладывать их на тёплые, нагретые солнцем валуны. Им тоже нужно было снять с себя вещи и оба чувствовали неловкость. Мяте было неудобно, потому что Ал парень, а Алу было стыдно, потому что он стеснялся своего тела. Тем более было стыдно показывать свой тощий скелет Мяте…

– Эмм… Я пойду посижу с той стороны камней, пока моя одежда не подсохнет… – смущённо сказала Мята и собралась уходить.

– Вот возьми, – Альфред протянул ей свою чёрную кофту с капюшоном. – Ты девочка и тебе… нельзя быть в мокром белье. Нужно снять всё, чтобы не простыть. Посиди в моей кофте, пока твоя одежда не высохнет.

Её румянец на щеках вспыхнул с новой силой. Она быстро схватила кофту, поблагодарила Ала и скрылась за одним из высоких валунов.

Если бы не длинная чёлка Альфреда, то можно было бы заметить, что он тоже смущён. Только он сам не понимал почему. Он же врачеватель. Это обычное дело – дать совет человеку по уходу за своим здоровьем.

Он шмыгнул носом и принялся раздеваться, пока Блюм и ЭрДжей не вернулись. Хоть они и парни, но показываться им нагишом ему тоже не сильно хотелось. Он снял с себя одежду и сел немного сбоку от валунов, так, чтобы хотя бы часть его тела была скрыта от глаз.

– Оооох, как же хорошо после купания! Я будто заново родился! – послышался голос ЭрДжея.

– Ты рождаешься заново каждый день!

– Карманный философ… – засмеялся ЭрДжей. – М? А где Альфред? – удивился Изобретатель, когда они дошли до валунов.

– Я здесь.

– Я тебя не сразу заметил. Ты чего там спрятался?

– Ну… я тут посижу.

– А где Перчик?

– Она сохнет с другой стороны.

– Отлично, мужской клуб! Снимаем труселя!

Синхронно белье ЭрДжея и Блюма отправилось сохнуть на валун. Сам ЭрДжей стал лицом к солнцу, закинул руки за голову и с закрытыми глазами блаженно наслаждался солнечным теплом.

Блюм полез к себе в рюкзак, достал оттуда нож и пошел к ближайшему дереву на поиски веток. Он вернулся с двумя длинными, достаточно прямыми палками, уселся на валун и принялся затачивать их с одной стороны.

– Читаешь мои мысли, малыш, – одобрительно сказал ЭрДжей. – Ещё немного побездельничаем, и пойдём ловить рыбу. Кстати, Блюм, там рядом с тобой мой рюкзак лежит, достань, пожалуйста, лампу, пусть заряжается.

Альфреду было и смешно и стыдливо наблюдать за этими двумя. Когда-то давно люди точно так же собирались племенами у озёр и рыбачили голышом. В этом было что-то от древней первобытной силы

наших предков. Но сейчас, глядя на них, эти мысли почему-то веселили Альфреда. Он всячески боролся с собой, чтобы не рассмеяться.

– Мы не пойдём в лес сегодня? – вдруг спросил Альфред.

– Не думаю, что это хорошая идея – закат не за горами. Мы максимум зайдём в лес и нужно разбивать лагерь. А там, где водятся кролики, водятся и те, кто охотятся на них. Будет лучше отправиться в лес завтра, и пройти через него за один день.

– Да, ты прав. Интересно, насколько правдивы рассказы… – задумался Блюм.

– Нет там и капли правды! Лес, как лес. Завтра убедишься в этом сам.

Мята отдалённо слышала их разговор. Она и сама понимала, что так правильно, но почему-то сейчас, оказавшись в одиночестве, когда никто не отвлекал её от мрачных мыслей, она задумалась о брате. Она облокотилась спиной о нагретый валун, положив подбородок себе на колени, и размышляла с закрытыми глазами. Одна мысль появлялась в голове, затем другая лениво вытесняла предыдущею, и так всё время. Это был очень хороший день, но он практически не приблизил её к родному брату. Она не знала где он, в порядке ли, но она отчётливо осознавала, что он жив. Она чувствовала это, ведь он был частью её самой. Главное, что он жив, остальное совершенно не важно. Нужно гнать от себя плохие мысли и радоваться дороге, компании, природе. Нужно ценить каждый день, вот только… имеет ли она право так

беззаботно наслаждаться жизнью, пока её брат неизвестно где? Возможно, было бы лучше проснуться раньше остальных и отправится дальше в одиночку, но правда в том, что пока она жила в мегаполисе, с ней и за сезон не происходило столько, сколько здесь происходит за день. И всё благодаря ребятам. По сути, она была бы уже мертва, не помоги ей тогда Блюм с Альфредом. Нужно жить, пока бьётся сердце. К такому не сложному, но удивительному выводу она пришла для себя. Больше мысли не сменяли друг друга. Полдня в пути, потраченные силы на догонялки, тёплое солнце и уютная кофта Альфреда, пахнущая травами, завели её в мир снов, и она задремала.

Когда Блюм и ЭрДжей вернулись со своей рыбалки, Альфред был уже одет и возился с костром. Солнце уже село за горизонт, и тонкая полоса красно-розового цвета практически растворилась, уступив место сияющим звёздам. Отражение в воде удваивало красоту момента, и Альфред ненадолго отвлёкся от костра, засмотревшись на закат.

– Эй, Перчик, возвращайся к нам! На ужин… рыба! – но Мята не спешила выходить. – Перчик! Ау!

Альфред закончил разводить костёр и пошел на другую сторону от валунов.

Мята спала крепким сном, скрутившись калачиком, прижавшись спиной к нагретым за день камням. Она дышала глубоко и ровно, находясь в глубоком сне.

– Мята… – Альфред позвал её издалека, но реакции не последовало. Тогда он присел рядом с ней и потормошил за плечо. – Мята, просыпайся.

– Ммм, что слущилось… – она как всегда медленно и лениво приходила в себя после сна, но всё-таки вспомнив, где она находиться, тут же вскочила. – Что? Я что-то проспала? Мы уходим?

– Нет, ничего такого, Блюм и ЭрДжей наловили рыбу, и мы скоро будем ужинать. Одевайся и приходи к нам.

Он встал и пошел обратно, напоследок взглянув на неё искоса. Его толстовка, которая была немного велика и на него самого, на Мяте выглядела очень забавно. Она была ей почти по колено, а рукава свисали, скрыв даже ладони. Альфред улыбнулся и подумал про себя, что это выглядело довольно мило.

Вскоре Мята пришла к ребятам, и компания была в сборе. Сегодня звездное полотно было вдвойне прекрасней, ведь теперь сияние было не только над их головами, но и изумительно отражалось в воде. Лунная дорожка вела прямо к костру, и казалось, будто по ней можно было подняться к звёздному небу. Эти мерцающие огни завораживали, но заставляли чувствовать себя одиноко, поэтому ребята кучнее сели вокруг костра и стали наслаждаться теплом.

– Ну как улов? – поинтересовалась Мята.

– Я еле поймал одну рыбину, а Блюм целых три, представляешь? И он сделал это буквально сразу!

– И всё остальное время ты пытался выловить свою одну? – улыбнулась Мята.

– Это был вопрос принципа! Зато я её поймал. А ты мог бы ещё наловить, между прочим, вместо того, чтобы смеяться над моими первыми попытками порыбачить! – проворчал ЭрДжей.

– Если ты берёшь больше, чем тебе нужно, то совершаешь преступление. Земля дала нам этот чудесный ночлег, река дала нам воду и еду. Нельзя злоупотреблять добротой. Этой рыбы вполне достаточно, – сказал Блюм и принялся осторожно счищать чешую ножиком.

– Тебе может и достаточно такой рыбинки, а мне нужно много еды. Тем более реке не поубавится ещё от парочки.

– Ну, тогда иди и рыбачь, – Блюм торжественно протянул ЭрДжею заострённую палку.

– Язвишь? Одобряю.

– А я вот долго могу обходиться без еды, – похвасталась сомнительным достижением Мята. – Мы както с братом поспорили, кто сможет дольше ничего не есть. Я выиграла и продержалась… раз…два… – Мята загибала пальцы. – Четыре… Четыре дня!

– Понимаю, – сказал ЭрДжей. – Чем сильнее развит мозг, тем больше пищи ему необходимо.

– Угу… – Мята не сразу поняла смысл сказанного, но когда парни начали расплываться в улыбке, до неё дошел смысл слов. – Чего?!

И в ЭрДжея полетело всё, что попадалось ей под руку.

– Эй-эй, это наша провизия! – через смех возмутился ЭрДжей.

– Это последнее, что ты видишь в своей жизни!

– Ладно, Перчик, успокойся, я пошутил, – сквозь смех сказал Изобретатель.

Мята в шутку пригрозила ему кулаком, от чего ЭрДжей только шире заулыбался.

– Так вот какая на запах жареная рыба… – упоительно сказал Альфред, глубже вдыхая приятный аромат дымка.

Все последовали его примеру и тоже принюхались к аромату. В водоёмах мегаполиса рыба не водилась, перекупщики не носили быстро портящиеся продукты, а значит, никто из жителей Верхнего города не знал, какая на вкус и запах жареная рыба на костре. Блюм легонечко улыбнулся при виде ребят, которые притихли, наблюдая за тем, как готовится эта пища.

Рыба медленно жарилась, испускала сок, который капал в костёр и от этого дым становился ещё гуще и ароматнее. Со временем рыба стала ещё меньше и будто совсем высохла. Под зажаренной корочкой проступали рёбра скелета, а от плавников и хвоста практически ничего не осталось – они обгорели.

Блюм осторожно выдернул торчащие в песке палочки с рыбой и начал раздавать их друзьям. Те с благодарностью приняли неизвестную им пищу и осторожно принялись есть.

Рыба была очень вкусной, мягкой и сочной. Единственный недостаток – это мелкие косточки, которые не позволяли проглотить её за раз, но с другой стороны это продлевало процесс трапезы, и ребята действительно насытились всего одной рыбкой.

– Рыбы – удивительные создания, – начал Блюм. – Они могут дышать под водой, передвигаться и вверх, и вниз, а общаются они при помощи вибраций звука или окраса. В вашем мире этим прекрасным существам посвящено созвездие.

– Где? – удивилась Мята.

– Вон смотри. Следи за моим пальцем, – Блюм описал странную фигуру в небе.

– Это не похоже на рыбу... Ты только что это придумал? – заулыбалась девочка.

– Нет, Мята, я ничего не придумывал. Это созвездие рыбы. На небе всё неоднозначно. Звёздное полотно таит в себе множество ответов, но чтобы увидеть их над собой, сначала ты должна отыскать их в себе. Мир и его тайны откроются тебе, когда ты найдёшь мир внутри себя. Ты тоже когда-то была и рыбой, и рысью, и деревом, и даже камнем на берегу реки. Во многих своих жизнях ранее твоя душа жила под водой, парила в небе, прорывала туннели под землёй. Ты этого не помнишь, но это помнит твоя душа, – улыбнулся Блюм.

– Ей бы больше пошло быть улиткой, – пошутил ЭрДжей.

– Очень смешно, – буркнула Мята.

– Да, Перчик, это смешно. Правда, Ал?

Альфред ничего не ответил, лишь улыбнулся и потянулся к чайнику, которым играл в обливание сегодня днём. Вскоре запах уже знакомой всем мяты наполнил воздух свежестью, и ребята принялись не спеша сёрбать чай, чтобы не обжечь язык. Альфред же отставил чашку и полез в рюкзак за блокнотом.

– Что ты делаешь с таким умным видом? – поинтересовался ЭрДжей.

– Готовлю алфавит на завтра.

– А, значит, занятия начнутся с утра пораньше?

– Правда? Я завтра научусь читать? – Мята чуть не подпрыгнула от таких новостей.

Но вместо ответа Альфред и ЭрДжей только засмеялись.

– Эй, вы чего?..

– Завтра ты начнёшь учить буквы. Буквы – это условные символы, которыми записываются слова, – мягко пояснил Альфред.

– Пока не выучишь все до одной, о чтении можешь даже не мечтать!

– Всё верно. Буквы располагаются в определённом порядке, и всего их 32… – сказал Альфред и принялся записывать по одной букве на каждой стороне листочка.

– 32… – прошептала Мята. На одной руке она загнула три пальца, на второй – два. – Всего лишь? Я быстро выучу их!

– О великий Рэймонд… – засмеялся ЭрДжей. – Кстати говоря, твои эти шаманские нашептывания перед тем, как посчитать – тоже не дело. Считать до пяти, всё равно, что не считать вообще! Решено!

ЭрДжей тоже полез в свой рюкзак за блокнотом.

– Альфред будет учить тебя читать, а я научу считать, если твой мозг осилит это, конечно. Блюм, а ты можешь чему-то научить?

– О, конечно! Я могу научить читать звёздные карты, находить места особой энергетической силы,

могу рассказать законы мироздания и раскрыть некоторый секреты жизни!

Все трое удивлённо смотрели на Блюма, загоревшегося не шуточным энтузиазмом.

– Ясно. Читать и считать вполне достаточно.

– Эй, это ещё более древние знания, чем все ваши науки! Это тоже важно знать!

– Конечно- конечно…

Мята слушала шуточную перепалку ребят, выяснявших, какая наука важнее и улыбалась, хотя в душе была очень взволнована. Получится ли у неё? Если так мало людей на земле умеют читать, должно быть это очень трудно.

– Кстати, говоря, а как вы научились читать и писать? – поинтересовался Блюм.

– Отшельник Шо, – коротко ответил Ал.

– Шо? Он учил тебя? – на лице Мяты была тревога и удивление.

– Ты знаешь о нём?

– Только понаслышке от старших…

– Удиви меня. Что о нём говорили твои «старшие»? – ёрничал ЭрДжей.

– Что он злой колдун, который убивает хороших духов и продаёт их злым, а взамен они продляют ему жизнь…

–Аха-ха-ха! – не выдержал ЭрДжей. – Он просто не глупый старик, который любил книги и собирал их, покуда мог.

– У него было много книг о самом разном, о медицине в том числе, – решил оправдать честное имя своего учителя Альфред. – Жил он так долго, потому

что следил за здоровьем. Именно Шо научил меня читать и дал очень много книг о травах, народной медицине и современной медицине в том числе. Все книги, которые у меня есть, я взял у него. Ну, кроме той, которую нашел в мусорном баке. Я пришел к нему с просьбой рассказать, что там написано, а он предложил научиться читать. Хотя я не жил у него, а только приходил заниматься, это был первый человек, который не гнал меня и не обижал. Тогда-то я и задумался, почему те, кто называют себя нормальными, ведут себя, как звери, а те, кто признаны идиотами, более человечны. Что-то не сходилось.

– Если у большинства совпадает точка зрения, это ещё не делает её истиной! – подвёл итог ЭрДжей.

– Да, примерно так я тогда и начал думать. Кстати о Парке я узнал именно от Шо. Он рассказывал мне много интересных историй о магии, лесных духах, затерянных мирах. Я так любил эти легенды. Это была своего рода награда, если я хорошо постарался на занятии.

Среди отшельников было очень много хороших людей. Я учился не только у Шо. Камбер помогал мне с математикой – мне нужны были основы, чтобы делать смеси.

– Я тоже учился у Камбера! К Шо я ходил на уроки письма, а читать меня учил Рэй, – сказал ЭрДжей.

– О, Рэй! Однако какие похабные истории он рассказывал…

– В образовательных целях, прошу заметить! За это я его и уважал, – засмеялся ЭрДжей.

– А помнишь его странный стол?

– Перевёрнутая ванна! Как такое забудешь?

– И откуда он только достал её?

– Как дотащил и как додумался перевернуть, чтобы использовать в качестве стола?

– А шкаф Люция, в котором он спал? Или Сибиус?

– Ооо, Сибиус, маньяк просто, до чего он любил свои алоэ.

– Они росли везде!

Альфред и ЭрДжей весело вспоминали своих учителей и их причуды, перебивая друг друга и дополняя воспоминания.

– Выходит у нас были общие учителя. И как мы так долго не могли встретиться? – задумчиво произнёс Альфред.

– Ну, видимо, иногда нужна маленькая непоседливая блондиночка, чтобы два гения встретились.

– Это кто маленькая-то?

– Ну чего ты, Перчик. Ты всегда останешься для меня маленькой, вспыльчивой, непоседливой…

– Знаешь, ЭрДжей, – перебила его Мята, – не зависимо от того, пройдём ли мы испытания Парка, живым ты домой не вернёшься…

– Ох, как я напуган! Хорошо, теперь взяла весь этот свой запал и перенаправила на… образование! – ЭрДжей продемонстрировал ей результаты своих трудов. В его руках были бумажечки со странными рисунками в виде палочек. Выглядело не привычно, но она поняла, что это и есть знаменитые цифры. – И учти, малышка, поблажек я тебе не дам. Не будешь

хватать на лету – брошу эту затею. Я не из тех, кто станет тратить своё драгоценное время на лентяев. Но вот тебе дополнительный стимул – как только научишься решать уравнения с двумя неизвестными, перестану называть тебя Перчиком.

– Правда? – восторженно переспросила Мята.

– Да.

– Не врёшь?

– Слово настоящего мужчины.

– Я сделаю это, чего бы мне это не стоило, и ты больше никогда не будешь называть меня этим ужасным прозвищем! – Мята ликовала. Это был её шанс избавиться от назойливого имени, и заодно впечатлить ребят. – А когда мы начнём эти равнины учить?

– Пфф… – ЭрДжей чуть не засмеялся вслух. – Равнины никогда, а уравнения… Всё зависит от тебя, но, думаю, затягивать не станем. Основы выучим и сразу к сложному.

– Да!

Альфред наклонился к ЭрДжею и спросил шепотом:

– Ты серьёзно собрался учить её этому?

– Конечно нет! Если она научится складывать и вычитать это будет чудом…

– Мята ваша первая ученица? – спросил Блюм.

– Я всегда давал советы, когда ко мне обращались, но учить не доводилось. Поэтому да, – ответил Альфред.

– А я однажды попытался учить горожан, но без толку. Сделал что-то вроде школы, обосновался на

первом этаже одной из высоток. Сказал нужным людям, где и когда, чтобы они донесли до масс, а по итогу… Я хотел научить их основам – чтению и арифметике, или хотя бы элементарно в днях недели ориентироваться, во времени. Знаете, что мне ответили? «Зачем мне знать, сколько сейчас времени, если оно всё равно закончится?». Вы представляете? Я был готов учить их, терпеть их, и всё для того, чтобы им же было лучше, но нет, они в неведении предпочитают жить! И я забросил эту затею, ведь невозможно научить того, кто этого не хочет. До сих пор удивляюсь тому, как всё это было организовано в прошлом, ведь тогда читать умели все!

– Все? Это невозможно! – засмеялась Мята.

– Так было раньше.

– Ты серьёзно? И что, все-все были умными?

– Ну, это вряд ли… но, по крайней мере, были не так ограничены узким представлением о мире.

– Не опускай руки, – подбодрил его Блюм.

– Люди разучились учиться. Парадокс, но это факт. Лень приятнее труда, а смерть легче жизни – это всё, что они хотят знать.

– Самой природой нам заложено познавать, и стремиться к большему. Это никуда не делось, просто стало еле заметно тлеть, но у тебя получится разжечь этот огонь. Я в этом уверен.

– Спасибо за поддержку, малыш, но по правде говоря, иногда мне становится просто страшно. Когда задумываюсь о том, в каком состоянии мир, люди… Мне страшно думать о том, как бессмысленно они проживают свои жизни. Ничего не хотят, ни к чему не

стремятся, ни о ком не заботятся… Меня одного недостаточно, чтобы разжечь этот огонь.

– Ты и не будешь один, – улыбнулся Фантаст. – Может, ты и не увидишь, как мир возродится, но в твоих силах посадить семена перемен и верить, что однажды они взойдут. Ты ведь и сам так думаешь. Ты не сдался, я вижу это по твоим глазам.

– И откуда только ты всего этого нахватался?.. – ЭрДжей сделал захват и начал взъерошивать непослушные волосы Фантаста.

– Перестань! – смеясь, протестовал Блюм.

– Да, малыш, я не сдался, но давай решать проблемы по мере их поступления. Для начала посвятим в ряды умных людей одну непоседливую, шумную, несдержанную… – Мята бросила на ЭрДжея шуточный разозлённый взгляд, – … но подающую надежды ученицу.

Она была удовлетворена таким окончание предложения.

– А ты сам-то не хотел бы научиться читать? – ЭрДжей обратился к Блюму.

– Я и так умею читать.

– Да ладно?

– Я читаю людей по их глазам.

– Всё с тобой понятно…

Блюм широко улыбнулся, довольный своим многозначительным ответом.

– Я смотрю, тебе понравился мой «захват истины».

ЭрДжей снова обхватил Блюма за шею, не давая возможности высвободиться и начал костяшками пальцев взлохмачивать его волосы.

Дурачась, Изобретатель забыл, что на его коленях лежал блокнот. Когда они боролись с Блюмом, он упал на землю и раскрылся. Альфред поспешил его поднять, чтобы искры от костра ненароком не попали на него. Запись, сделанная на раскрывшейся странице, привлекла его внимание. Посреди бесчисленного множества маленьких изображений атомных соединений, большими буквами была написана фраза:

– «Что внутри, то и снаружи». Что это? – спросил Ал.

– Что? – переспросил ЭрДжей, всё ещё воюя с Блюмом, который не собирался так просто уступать в этот раз. – Что там?

– Фраза: «Что внутри, то и снаружи», – Альфред перевернул блокнот, чтобы ЭрДжей увидел запись.

– Ах, это…

– Где ты это услышал? – Блюм уже не сопротивлялся. Ему, как и Альфреду, было интересно услышать, что скажет ЭрДжей.

– Ну… Я это прочитал в записях одного учёного… Ну как, учёного. Ну да, он определённо был учёным. Это так, записал, чтобы подумать немного. Ничего особенного.

ЭрДжей забрал блокнот и поспешил спрятать его.

– Так а что это означает? – спросила Мята.

– Как бы тебе сказать, – начал ЭрДжей, – всё в мире состоит из элементарных частиц – атомов. Абсолютно всё – и дерево, и воздух, и огонь и рыжая голова Блюма в том числе. Мы, как и весь мир, состоим из одинаковых маленьких частичек. Поэтому, что у нас внутри, то и снаружи. Как-то так.

– Чем больше думаешь, тем дальше от истины оказываешься, – все вопросительно посмотрели на Блюма. – Да, мир действительно состоят из мельчайших частиц, но сейчас всё гораздо проще. «Что внутри, то и снаружи» означает, что мы живём в мире, и мир живёт в нас. То, что я уже сегодня говорил Мяте.

– Малыш, эти слова написал учёный. Вряд ли он имел в виду что-то настолько… абстрактное…

– Человек, в чьих трудах ты прочёл это, знал о неделимости человека и мира. Энергия вокруг – ничем не отличается от энергии внутри. Пусть вы мне и не верите, но внутри каждого из вас зреет мир, которым вы однажды станете.

Мята мечтательно подняла глаза к небу:

– Тогда в моём мире не будет мегаполисов, высоток и развалин. Там будет много озёр, лесов и полян с цветами. А ещё не будет зимы!

– А в моём люди будут магами, – удивил всех Альфред.

– Вот это поворот, – засмеялся ЭрДжей.

– Я не только медицинскую литературу читал. У меня есть несколько любимых художественных книг, и они рассказывают о вымышленных мирах. Я зачитал их до дыр! Я бы хотел побывать в таком мире, где

есть магия, волшебники, друиды, фантастические существа… Где человек тесно связан с природой и черпает свои силы из неё, – увлечённо рассуждал Лекарь.

– Ну ладно, раз на то пошло, в моём мире будет куча роботов и сверх мощной техники. Научные центры, лаборатории, экспериментальные поля – этого всего будет в избытке. Мы будем строить космические корабли, и летать на другие планеты и в другие галактики!

– Вам это никто не позволит, – улыбаясь, ответил Блюм.

– Что значит, не позволят? Возьмём и полетим, куда нам надо.

– А далеко эта галактика ваша? – полюбопытствовала Мята.

– Ох, Перчик, даже не знаю, что тебе сказать с твоим умением считать только до пяти…

– Ну, скажи, сложно, что ли? Сколько сезонов туда идти? Больше пяти?

– Пешком? – ЭрДжей не сдерживал смех. – Ты собралась в другую галактику пешком добираться?

Блюм и Альфред тоже улыбались.

– Ну, это не честно! Чего вы все смеетесь? – надула щёки девочка.

– Мята, ближайшая галактика находится вооон там, – Блюм поднял указательный палец вверх, указывая на небо. – И человеку туда никогда не добраться.

– Ещё как добраться! – самоуверенно заявил ЭрДжей. – Вот верну электричество, и как полетим с соседями знакомиться.

Блюм и ЭрДжей перебрасывались шуточными фразами, а вот Мята сидела всё так же с надутыми щеками, – она снова не знала того, что знали остальные. Это её очень огорчало. Нужно как можно быстрее научиться читать, чтобы быть в курсе всего, о чём они говорят.

– Блюм, а ты чего молчишь? Какой мир ты бы хотел?

Фантаст очень удивился этому вопросу.

– Ох… – он почесал затылок и поднял глаза к небу. – Я был бы рад стать миром, в котором будут жить такие же чистый души, как ваши, так что, пожалуй… – Блюм остановился и задумчиво стал смотреть на огонь. – …Мир без войн и насилия. Мир без стран и лидеров. Тёплый мир с множеством морей и океанов. Люди в этом мире решали бы все свои конфликты песней или танцем. Соблюдали бы обряды, суть которых была просто в веселье. Дети бы рождались в любви и не знали голода, и никто бы не знал страданий… – он еле заметно улыбался и всё так же смотрел на огонь.

– Из всех наших миров, твой, малыш, самый нереальный. Магия ещё куда не шла, но мир без насилия… Это невозможно.

ЭрДжей легонько стукнул кулаком в плечо Блюма, чтобы привести его в себя и это подействовало. Фантаст наконец-то оторвал свой взгляд от костра.

– Ну, на то он и вымышленный мир, – улыбнулся Блюм немного натянутой улыбкой.

– Ладно, давайте допивать чай и ложиться спать, – предложил Альфред.

– Да, раньше ляжем, раньше встанем. Да, Перчик?

– Эй, чего ты это только мне сказал? – возмутилась Мята.

– Ну, ты у нас спишь дольше всех.

– А вот и нет!

– А вот и да! Кстати говоря, я переплёл тебе косички в Трактире, а они уже снова растрепались. Я бросаю это гиблое дело.

– Что? Но я так привыкла к ним!

– Учись сама плести.

– Как я сама научусь?! – возмутилась она.

– Не мои проблемы, – лукаво улыбнулся ЭрДжей

И Мята, чтобы хоть как-то отомстить ему, ткнула пальцем в его рёбра.

– Эй-эй-эй! – ЭрДжей тут же отпрянул.

Ребята удивились такой реакции.

– Ты что… – начала Мята, – щекотки боишься?

– Нет! – моментально выпалил ЭрДжей.

Трое друзей хитро заулыбались, глядя на свою жертву.

– Только попробуйте.

Они переглянулись, и ЭрДжей понял, что у него нет ни единого шанса...

Это был ленивый и приятный день. И пусть сегодня они преодолели совсем малую части пути, но зато нашли такое замечательное место. Найти то, что не искал – лучшая часть путешествия.

Костёр уже давно погас, угли практически не источали свет, и ребята спали крепким сном. Все, кроме ЭрДжея.

«Что внутри, то и снаружи». Что же это означало для Рэймонда. Что же всё-таки за энергию он открыл?

ЭрДжей тихонечко встал, взял свой рюкзак и пошел на другую сторону валунов. Там, при свете лампы, он наконец-то решился открыть папку с разработками легендарного учёного прошлого, подарившего человечеству неисчерпаемый источник энергии…

– Глава 11 –

Потеряйся, чтобы найтись

Жаркое солнце и прекрасная погода были сегодняшними попутчиками ребят. Многослойные пушистые облака лениво плавали по ярко голубому небу, отвлекая Мяту от занятий.

– Да запомнила я!

– Ни черта ты не запомнила! Если хочешь чему-то научиться, прекрати упрямиться и думай! Запоминай! Само не выучится. Что это за цифра?

ЭрДжей достал из своей стопки листик с цифрой «5».

– Так, виточек один… значит это либо два, либо та новая… как её… шесть что ли… нет, это не шесть, там кружочек…

– Что ты там бубнишь?

– Это два. Точно, два!

– Уверена?

– Да.

– Точно?

– Да точно!

– Отныне ты будешь получать щелбан за каждый неверный ответ. Подставляй лоб!

– Чего?!

Методы обучения ЭрДжея были и простыми, и сложными одновременно. Всё, что от неё требовалось на сегодня – запоминать. Просто брать и запоминать. Только это было чертовски сложно для Мяты. Сам

факт того, что один не первое число уже ввело её в ступор. Оказывается, есть кружочек под названием ноль, а после пяти есть ещё столько же цифр, а после тех цифр, есть ещё бесконечно много других цифр, циклично повторяющихся по возрастанию…

Её мозг и без того был перегружен, а он ещё заставляет запоминать, как эти цифры выглядят. Мята надеялась, что её сразу начнёт учить Альфред, но они успели пройти только несколько первых букв, прежде чем в разговор влез ЭрДжей, и они переключились на цифры. Она очень хотела постараться сегодня, но после Изобретателя и его жестких методов, её мозг был больше ни на что не способен.

– Какая самая первая цифра?

– Один… Ой, нет, кружочек! В смысле ноль!

Мята успела вовремя защитить свой лоб при помощи рук, и ЭрДжей не успел щёлкнуть по нему.

– Хорошо. А из этих двух выбери мне последнюю цифру?

Девятка и десятка красовались на двух листочках бумаги. Она не знала правильный ответ, поэтому предусмотрительно не убирала руки ото лба.

– Вот та, с виточком.

– Девять?

– Да.

– Уверена?

– Значит вот та! Без виточка.

– Уверена?

– Ааааа, ты меня запутал…

– Если не знаешь, так и скажи.

– И ты опять меня по лбу щёлкнешь!

– Ну разумеется!

– ЭрДжей, – вдруг обратился к нему Блюм.

– Чего?

Повернувшись лицом к Фантасту, суровый учитель и сам схлопотал щелбан.

– Эй, ты чего это? – возмутился ЭрДжей, потирая лоб.

– Обучения Мяты должно стать уроком и для тебя. Так ты её никогда не научишь, или куда хуже – отобьёшь само желание учиться. Покажи мне те цифры.

– И откуда ты такой премудрый у нас взялся?..

ЭрДжей протянул Блюму карточки с цифрами. Блюм внимательно смотрел на них.

– Не удивительно, что это начало. Смотри, Мята, ноль – это круг. В нём нет начала и нет конца, а точнее он есть началом, и есть концом. Поэтому в последней цифре снова есть ноль. Это непрерывный цикл. Дальше ведь тоже есть цифры и я уверен, что там тоже есть нули.

– Да есть… – пробурчал ЭрДжей.

– Замкнутый круг! – просияла Мята. – С него началось, им и закончилось! Спасибо, Блюм!

– Не за что. Что там дальше? – улыбнулся Блюм.

– Ничего. Учите пока алфавит, а я подумаю, – ЭрДжей забрал бумажки у Блюма раньше, чем тот успел ещё что-то сказать.

Гордость Изобретателя была задета, но стоит признать, что эта ерунда с циклом сработала. Значит с Мятой нужно работать ассоциациями. Он и подумать не мог, что учить кого-то может оказаться так

сложно. Сам он всегда схватывал всё на лету без всяких хитростей.

– Ладно, давай повторим буквы, которые выучили… – сказал Альфред без особого энтузиазма.

Мята не единственная, кого расстроил внезапный урок арифметики. Альфред вчера очень долго готовился к их первому занятию, обдумывал, что будет рассказывать и в какой последовательности. Он долго не мог уснуть, проговаривая в голове материал несколько раз, и хотел изложить ей всё именно так, как распланировал, но теперь он полностью выбился из настроя и не знал, стоит ли вообще продолжать.

– Так, я точно запомнила «Бэ», потом идёт «Вэ»… Значит первая буква… Первая буква…

– Сейчас я докажу, что я отличный учитель! – снова вмешался ЭрДжей. – Внимайте моим педагогическим способностям: «А» – Альфред! Ну вот, Перчик, первую букву ты теперь точно не забудешь!

Блюм и ЭрДжей переглянулись и хитро заулыбались, а вот Мята и Ал синхронно покраснели. Альфреда спасла его длинная чёлка, а девочка с заново заплетёнными косичками никак не могла скрыть своё смущение.

– Да, спасибо, я запомнила… – пробормотала она.

– Ладно, побереги пока свой мозг, кажется, об этом месте упоминал Дюк. Вон большой трухлявый пень, поваленная сосна и валун в виде лисицы. Хотя где он видел такую страшную лисицу?.. И да… действительно огромный дуб. Он не врал, когда говорил о его размерах.

Многовековой гигант был заметен издалека. Его пологие потрескавшиеся руки-ветки держали целый мир, ставший домом для многих обитателей леса. Свежие молодые листья ещё только начинали прорастать и напитываться солнцем.

– Значит, дальше начинается лес Истины… – Блюм выглядел тревожно.

– Нужно держаться вместе и ни на что не отвлекаться, – Альфред тоже отнесся серьёзно к словам Дюка.

– Не преувеличивайте. «Лес, как лес», – сказал ЭрДжей и бесстрашно вошел во владения дикой природы. Ребята быстро последовали за ним, чтобы ненароком не разделиться, но чем ближе ребята подходили к дубу, тем отчетливее видели новую странность – к широкому стволу дерева была прибита какая-то табличка. Когда друзья подошли ближе, то увидели надпись. ЭрДжей не скрывал своего раздражения, Альфред же недоумевал.

– Что? Что там написано? – теряла терпение девочка, которой было страшно даже предполагать, что там могло быть.

– Здесь написано, – начал Альфред: – «Потеряйся, чтобы найтись».

– Бред какой-то. Пойдёмте! – фыркнул ЭрДжей и зашагал вперёд.

– Сам факт того, что здесь что-то написано, пугает. Людей, которые умеют писать, так мало, – задумчиво произнёс Блюм.

– Ничего пугающего! – резко ответил ЭрДжей. – Кто-то, кто умеет писать, решил пошутить и нацарапал этот бред.

– Да, но… дело в том, что людей, умеющих читать, примерно столько же, сколько и умеющих писать, – продолжил свою мысль Блюм. – Зачем же тогда всё это? Такое впечатление, будто эта надпись предназначалась…

– Нам… – закончила Мята.

Альфред подошел ближе к табличке, чтобы рассмотреть её.

– Эта доска не трухлая. Судя по всему, она здесь не так давно.

– Ах… – девочка схватилась за голову.

– Что случилось?

– Перчик?

– А что если… испытания Парка уже начались!

– Да чтоб тебя!.. Ты сведёшь меня в могилу раньше Стража! – потерял терпение ЭрДжей. – Мы просто пройдём через этот лес, и ничего аномального не произойдёт. Мы просто будем держать курс по стрелке компаса, и всё будет хорошо! Никто не потеряется, ёлки не оживут, и никого не сожрут духи! Тебе ясно? А ты, Блюм, прекрати сеять панику в умах особо суеверных.

И хотя Мята промолчала в ответ, но её страхи никуда не делись. ЭрДжей решительно зашагал вперёд, и у остальных не было выбора, кроме как последовать за ним. На самом деле все, кроме Изобретателя испытывали тревогу. Легенды слагают не без причины. Пусть не настолько буквально, как сказал Дюк, но

лес, по всей видимости, таит в себе опасность. И всем оставалось только гадать, что за жуткое место им предстоит пройти. У каждого были свои страхи на этот счёт: начиная ядовитыми змеями, заканчивая злыми духами… Но вот они всё глубже заходили в лес, а пейзаж особо не менялся, разве что деревьев становилось больше.

Природа выглядела на удивление приветливо. Это не были жуткие заросли, обещающие долгую и мучительную смерть, это был обыкновенный лес. Преимущественно хвойный, но и лиственные деревья здесь были не редкостью.

Песочный грунт был усыпан иголками и листьями. Поляны зелёного пушистого мха боролись за территорию с полянами каменных роз. Благодаря полевым цветам гамма цвета расширилась. Эти чудеса флоры выглядели совсем не так, как на картинках в книгах, которые были у Альфреда. Он шел очень осторожно, стараясь не травмировать никакие растения, и вообще ступать грубыми ботинками по такой чистой и первозданной почве, Альфреду казалось просто преступлением. Подошва оставляла вмятины и нарушала многовековой покой этого места.

Основания деревьев часто были усыпаны грибами на тонких ножках, но Альфред сразу предупредил, что эти грибы трогать не стоит. На некоторых кустах уже была зелёная и незрелая завязь, которую тоже, как оказалось, нельзя было есть.

Слаженность ритма жизни этого места поражала. На первый взгляд казалось, что в лесу ничего не происходит, и время для этого места остановилось, но это

было лишь первым впечатлением. На самом деле, если присмотреться, то жизнь в этом, казалось бы, сонном царстве, кипела больше, чем в мегаполисе. Муравьи не покладая лапок возводили свои дворцы, птицы вили гнёзда, грызуны обживали норы, пауки плели серебристую паутину, переливающуюся на свету, а деревья, поскрипывая, будто переговаривались между собой. В лесу всё было живым.

Друзья были заворожены этим местом и его размеренностью. Природа здесь давно не видела человека, поэтому никак не реагировала на него. Лес дышал и жил своей жизнью, как ни в чём не бывало.

ЭрДжей в очередной раз проверил стрелку компаса, и, убедившись, что они идут в верном направлении, спрятал его в карман. Они шли уже несколько часов и ничего сверхъестественного не происходило. Иногда пробегали лисицы, чаще можно было встретить ежей, но в остальном лес не представлял особой угрозы, и все понемногу расслабились.

Мята шла позади всех, рассматривая лес. В мегаполисе она бы никогда не увидела столько зелени. Любуясь и удивляясь ранее невиданным растениям, она немного отстала от остальных.

– Чего ты там плетёшься, Перчик? Ты меня слышишь?

– Да слышу!.. – отмахнулась Мята. Она решила прибавить ходу, чтобы догнать ребят, как вдруг ощутила нечто пугающее. – Что это?.. – Мята замерла, пытаясь понять, что только что почувствовала.

– Ты меня не услышала? Давай к нам!

– Я не…

– О, великий Рэймонд… Ты что, издеваешься?

– Мята, что случилось? – Альфред уже пошел ей навстречу, как вдруг она закричала:

– Не подходи!

– Да что с тобой такое?! – раздраженный ЭрДжей двинулся к ней, но он и не подозревал, что повлечёт за собой это решение.

– Ах! – Мята замерла с широко разведёнными руками, балансируя.

– Что за? – оторопел ЭрДжей, стоящий в точно такой же позе.

– Не двигайтесь! – прокричал Блюм.

Те, кто остались в стороне заметили, что нога Мяты по щиколотку вгрузла в землю, а у ЭрДжея обе ноги немного вошли в грунт.

– Мне страшно! Что это?

– Всё будет хорошо! – пытался хоть как-то успокоить Мяту Альфред. – Постойте так, мы достанем верёвку! Главное не шевелитесь!

– ЭрДжей… – Мята была не на шутку напугана.

Почва, на которой они стояли, была как будто живая. Ноги погрузились в землю, но это не было похоже на песчаное болото из рассказов старших или на обычное болото, ведь воды здесь не было. Но чувство, что их куда-то затягивает, не пропадало, и в какой-то момент нога ЭрДжея под весом тела вошла в землю по колено и в мгновение ока участок земли, на котором стояли Мята и Изобретатель, ушел вниз, забрав их с собой.

– Мята! – Альфред был готов прыгнуть за ней, но Блюм не дал ему совершить этот опрометчивый поступок. Он оттащил его назад, и они оба упали, с ужасом наблюдая, как перед ними проседает земля.

– Нет, что же… Мята, ЭрДжей! – Альфред подобрался к обрыву.

– Вы живи? – прокричал Блюм.

– Да, живы мы… Не паникуй… – ответил ЭрДжей, выплёвывая землю, попавшую в рот.

– Слава богам и духам… – облегчённо выдохнул Альфред.

Мята, напуганная и грязная, никак не могла прийти в себя. Она оглядывалась по сторонам и всё равно не понимала, что произошло и почему они всё ещё живы. Наконец-то её блуждающий взгляд остановился на зияющей чёрной дыре, ведущей в саму преисподнюю. Повернув голову, она увидела ещё одну такую же дыру.

– Значит, кто-то когда-то от не чего делать любезно решил вырыть в этом странном лесу туннель… – проговаривал ситуацию ЭрДжей, стряхивая землю со своих волос. – Каким нужно быть идиотом, чтобы туннель в лесу рыть! Главное зачем?

Он встал и принялся отряхивать одежду от земли, песка и хвои.

– Вы точно в порядке? – спросил Блюм.

– Да. Вроде бы… – еле слышно ответила Мята.

Она тоже встала и принялась отряхивать одежду. Земля была везде, но это было самой маленькой проблемой, ведь теперь нужно было как-то выбираться отсюда, – туннель был прорыт довольно глубоко.

Бетонная плита, удерживающая «потолок», сломалась, и её куски валялись вперемешку с лесным грунтом. Стены же были ровными и гладкими, поэтому взобраться по ним было невозможно. Блюм сразу понял, что нужно делать и полез доставать из своего рюкзака верёвку. Он крепко привязал её к дереву и спустил в образовавшийся овраг. ЭрДжей, намотав верёвку на руку, подёргал, чтобы убедиться, что она выдержит.

– Годится! Перчик, вперёд.

Мята нерешительно подошла к верёвке. Она тоже подергала за неё, и всё указывало на то, что она крепко привязана. Девочка начала взбираться, хватаясь руками за верёвку, а ногами упираясь в стену туннеля. Подъём давался ей тяжело. При нормальных обстоятельствах она взобралась бы очень быстро, но после такого испуга её ноги и руки ослабли, и в них чувствовалась дрожь.

– Мята, давай, ты сможешь! – подбадривал её Альфред.

Она подняла голову, чтобы посмотреть, сколько ей осталось ползти, и была удивлена, что не преодолела ещё и половины. Сдаться на полпути она не могла, поэтому, сделав сильный рывок, продолжила взбираться. Причиной был тот рывок или духи леса снова вмешались, но в этот самый момент, верёвка оборвалась посередине. ЭрДжей успел вовремя подхватить Мяту, не дав ей упасть на землю.

– Быть того не может… Как она могла порваться, она же целая была! – ЭрДжей начал безрезультатно подпрыгивать в попытках схватиться за оборванный

конец. – Так, мне нужна моя верёвка. Моя верёвка где? У меня всегда с собой верёвка!

Он сидел возле своего рюкзака, перерывая его содержимое, но не находил желанный предмет.

– Чёрт… Я же выложил её с утра в Трактире, когда наводил порядок, а потом меня позвал Тод и я… забыл положить её обратно… Как я мог забыть верёвку? Что здесь вообще происходит?! Перчик, твоя где?

– Это и есть моя. Я отдала её Блюму, после того, как он оставил свою в супермаркете.

– Чёрт! Ал?

– У меня не было её изначально…

ЭрДжей приложил указательные пальцы к вискам.

– Думай, думай, думай….

– Что тут думать? Ты ведь понимаешь? Нужно потеряться, чтобы найтись… – Мята обняла себя руками.

– Нет, мы не будем разделяться!

– Но иначе никак… – она посмотрела на оборвавшуюся верёвку. – Если Альфред спустится, он точно не выберется отсюда, а мы ещё можем пойти дальше и попытаться найти выход в другом месте…

ЭрДжей понимал, что Мята права, но у него было такое чувство, будто его одурачили. Не может быть, чтобы суеверные легенды оказались правдой. Это обыкновенный туннель, вырытый в лесу. Духи и мистика тут не при чём, но порванная верёвка…

– Ладно, мы пойдём по туннелю. Благо я вчера зарядил лампу... Идите всё время на запад, как и

должны. Если мы выберемся, то тоже пойдём в том направлении.

– А если не выберетесь? – с тревогой спросил Альфред.

– Ну, тогда придётся принести кого-то из нас двоих в жертву духам леса.

Мята испугано посмотрела на Изобретателя.

– О, великий Рэймонд, да шучу я! Вернёмся сюда, а вам придётся снова наведаться в Трактир за верёвкой покрепче. Ну что, друзья, удачи, – ЭрДжей посмотрел на растерянных товарищей у края обрыва.

– И вам… – тревожно произнёс Блюм.

Альфред провожал Мяту обеспокоенным взглядом, пока она не скрылась в глубинах тоннеля вместе с ЭрДжеем.

Блюм положил руки на землю.

– Почему ты молчишь?.. – прошептал он. – Нужно идти. С ними всё будет хорошо, Альфред. – Блюм подобрал длинную палку, чтобы проверять грунт впереди себя. – Иди за мной.

В туннеле было сыро, влажно и холодно. Много мерзкой живности бегало по потолку и стенам. Свет был настолько непривычен для этих существ, что они не знали, как реагировать и куда деваться, поэтому частенько начинали движение в сторону ребят. Мяте было так неприятно и жутко, что она изредка даже подвизгивала от страха.

ЭрДжей на удивление сохранял спокойствие, но это была лишь внешняя оболочка. На самом деле па-

ника шла за ним по пятам и уже положила свои липкие руки на плечи юного гения. Но рядом с ним была Мята. Он не должен запаниковать, ни при каких обстоятельствах. Он должен остаться спокойным и вывести её отсюда. Хотя сейчас даже его блестящий ум был полностью парализован. Что это вообще за место такое?.. Туннель в лесу. Не где-нибудь, а в лесу. Кому понадобилось создавать такое и главное зачем? Ведь здесь не проходило никаких коммуникаций, но зато было множество жутких комнат и странных углублений, в которые ЭрДжей с Мятой боялись даже заглянуть.

Они шли уже довольно долго и иногда находили обвалы, похожие на тот, с которого сами попали сюда. Старые плиты были больше не в состоянии удерживать давление грунта, и проседали, но благо все завалы были не значительными, и можно было продолжать движение. Всё хорошо, пока они могут идти. Если они идут, значит, всё ещё есть надежда найти выход.

В какой-то момент на стенах начали появляться жуткие надписи и рисунки, а значит этот тоннель и впрямь дело рук каких-то ненормальных.

«Жизнь – это дитя смерти.

Чем глубже в землю, тем ближе к небу.

Оставь надежду и не верь.

Вера рождена из сомнений. Будь уверен в одном – это только начало страданий...»

– Что за?.. – вслух прошептал ЭрДжей.

– Что тут написано?

– Глупости всякие… – ЭрДжей посчитал, что Мяте не стоит знать, что за ересь он только что прочёл.

«Война призвана сохранить мир». Подпись – *«Идиот»*.

«Мы больны телом, больны душей и наше сознание пылает от этой боли. Мы беспомощны перед ликом Смерти, и никто не в силах излечить нас...»

«Если ад существует, то он на земле. За что нам всё это?..»

У одной надписи ЭрДжей задержался.

«Если ты отмечен Смертью, бросай своё дитя и уходи под землю. Мёртвые не спутники живым…»

Хотя Мята не могла прочесть надписи, но она не могла не видеть эти устрашающие рисунки, нарисованные отвратительным грязно-бардовым цветом.

– Будто кровью рисовали… – дрожащим голосом сказала она.

– Здесь очень влажно, кровь бы давно смазалась. Это краска.

Вот так. Нужно просто думать. Голова твой лучший друг в безвыходных ситуациях.

На стенах можно было увидеть всё: от обычных геометрических фигур до графических инструкций к каким-то обрядам. Многочисленные рисунки солнца и луны вперемешку с незнакомыми формулами, сбивали ЭрДжея с толку. Это не было похоже ни на одно фанатическое движение прошлого, о которых он узнал из книг Нижнего города.

Его глаза блуждали по стенам, спотыкаясь то о жуткие рисунки, то о надписи, полные отчаяния. Кто

были те люди, почему писали такое? И почему в туннелях? Что заставило их уйти под землю? Первая мысль - это, конечно же, атомная война, ведь земля способна защитить от радиации, но на бункер это совершенно не похоже, он должен быть более герметичным, да и глубина не подходящая.

«Мы не выжили тогда. Мы умерли. И продолжаем жить замертво. Наши тела покидают силы, а души разлагаются. Рэймонд во всём виноват…».

ЭрДжей остановился напротив этой записи. Так значит, это были не просто фанатики, это были те, кто выжили тогда, и они винили во всём… Рэймонда! ЭрДжей облокотился спиной о стену и взялся за голову. Последствия той войны оказались катастрофическими. Психика пострадала сильнее тел. Это происходило постепенно. Сознание медленно угасало, пока люди вовсе предпочли не думать…

– ЭрДжей, что с тобой? Тебе плохо?

– Нет, всё нормально…Извини… – еле слышно ответил Изобретатель. – Я постою немного, и мы пойдём дальше. Отсюда должен быть выход…

Мята понимала, что дело в надписях. Разозлится ли он, если снова спросить? ЭрДжей искоса посмотрел на неё.

– Я не скажу тебе, что здесь написано.

– Но…

– Пошли, Перчик.

ЭрДжей взял себя в руки, и они продолжили путь. Туннель то сужался, то расширялся. Где-то потолки были высокими, где-то так сильно опускались, что ЭрДжей мог достать до них, подняв руку. Были

развилки и заваленные участки. Подземные лабиринты заставили волноваться даже хладнокровного ЭрДжея.

Они шли неустанно этими туннелями, и в какой-то момент им показалось, что они действительно покинули мир живых. Всё, как говорил старик трактирщик. Только вот ответы не спешили появляться, а с каждой новой прочитанной фразой самих вопросов становилось только больше. Но одно ЭрДжей знал точно – это никакая не магия леса, не мистика и не духи. Это созданный людьми туннель, и если были те, кто придумал эти россказни, значит, они спускались сюда и смогли выбраться живыми. И снова логика не подвела ЭрДжея.

В какой-то момент вдали туннеля показался свет. Мята и ЭрДжей переглянулись и побежали к долгожданному выходу. Им казалось, что если не поспешить, то выход закроется прямо у них перед носом, поэтому они торопились к нему, как только могли, но выход не закрылся и не был обманом зрения. Они стояли у дыры в стене, которая была пробита сбоку туннеля. Солнечный свет слепил их и они, прищурившись, осматривали место выхода.

Эта часть туннеля проходила в одном из многочисленных холмов леса, поэтому чтобы выбраться, нужно было осторожно спуститься по склону.

ЭрДжей хотел подать Мяте руку, но она спустилась быстрее и проворнее его самого.

– Фух, мы на свободе! – блаженно прокричала Мята и, дважды хлопнув в ладоши, дунула. – Спасибо

Великие Духи этого леса, что позволили нам выбраться наружу.

– Перчик, ну ты даёшь… Меня поблагодари лучше!

– А тебя-то за что?

– Я не растерялся, у меня была лампа, я придумал несколько запасных планов, пока шел, а ещё я…

– Да если бы не ты, мы бы и не свалились!

– Чего? Это ты встряла ногой в землю, забыла? Я пошел к тебе, чтобы помо…

– А вот не надо было идти! Может, я бы выбралась, и всё было бы нормально!

Их очередная перепалка, как и все предыдущие, возникла на ровном месте, продолжалась без особых аргументов и не имела никакого смысла, но главное, что эти двое выплеснули накопившиеся эмоции. Никто и не думал обижаться или винить кого-то в чём-то. Просто так было быстрее всего прийти в себя.

Их спор закончился так же быстро, как и начался. Затем ЭрДжей достал компас.

– Будем идти по стрелке компаса, как и договорились.

– А как они будут знать куда идти?

– Там же Блюм, он живой компас. Кто-кто, а он точно знает дорогу.

– Да, он всегда знает, куда идти, но сейчас другой случай…

– Всё, перестань. Ты же была там. Никакие это не происки злых духов, это самый обычный лес. Ещё хоть слово о подобной чуши, и ты познаешь мой гнев.

– Ммм…

– Что ещё за «ммм» такое? – раздражённо кинул ЭрДжей.

– Ничего…

– Что ещё за «ничего»?

– Просто…

– Перчик, если ты хочешь вывести меня из себя, то у тебя получается…

– А ведь если задуматься, мы действительно не просто так потерялись.

– Чего?.. – ЭрДжей понимал, что это провокация, но не понимал к чему она.

– Будто сам лес подтолкнул нас заблудиться. Ты ведь тоже почувствовал тот мистический толчок?

– Перчик, ещё хоть слово…

– Духи этого места хотели, чтобы мы потерялись, чтобы теперь найтись. Очередное испытание, чтобы проверить наш дух и силу веры… – смех прорывался сквозь её речь, но она изо всех сил старалась говорить серьёзно.

– Ну, всё, ты доигралась!

Тем временем Блюм и Альфред шли по лесу, полностью полагаясь на интуицию Блюма. Они молчали всю дорогу и Ал не на шутку волновался. Блюм время от времени прикладывал руки к земле, пытаясь «услышать» её, но ответа не было.

– Ничего не понимаю… – растерянно прошептал Фантаст.

Его слова были не утешительными, но, по крайней мере, он снова заговорил. Алу ещё не доводилось видеть Блюма таким растерянным. Его взгляд всегда

был целеустремлённым и уверенным, сейчас же он смотрел себе под ноги и при этом умудрялся спотыкаться.

– Ну же, ответь мне… Не молчи…

– Блюм, слушай… – нерешительно начал Альфред.

– Прости. Я знаю, что это выглядит странно, но обычно она мне отвечает. Извини, это тоже звучало странно, – Блюм попытался улыбнуться.

– Я не о том…

Альфред не знал, продолжать свою мысль или нет, но почему-то ему казалось, что потерялись они не без причины, и раз уж так вышло, что они разделились, возможно, стоит попытаться следовать инструкции. Потеряться, чтобы найтись. Первая часть уже выполнена, теперь нужно найтись. Блюм сразу понял, в чём дело.

– Спрашивай.

– Да я так… Как ты думаешь, почему мы разделились? Это так странно.

– Я думаю, чтобы мы могли поговорить о том, о чём молчали раньше.

После этих слов Альфред ничего не говорил. Он думал точно так же. Не подумает ли Блюм что-то странное о нём, если он спросит? Хотя он и сам чудак, но всё же Альфред никому и никогда не открывался.

– Слушай, я давно хотел тебя спросить, но всё как-то повода не было. Да и ЭрДжей бы влез, я думаю…Ты постоянно говорить о том, что Земля – это великая душа способная чувствовать и говорить, и даже сейчас… Я всегда думал, что просто схожу с ума

от одиночества в своём доме, но мне кажется, что я тоже её слышу… Никто не говорит мне чётких слов, но меня будто кто-то… направляет, подталкивает. Меня всё время вели. Когда я нашел книгу, когда решил пойти к Шо, когда находил новые поля с травами, когда впервые лечил пациента. Мне всё время помогают. Я думаю, никто не даст мне верный ответ, но твои рассказы чем-то похожи на правду. Что ты думаешь об этом?

Блюм очень внимательно слушал Альфреда и после небольшой паузы начал серьёзным тоном:

– Душа, проживая жизни одну за другой, накапливает определённые знания и опыт, постепенно набираясь мудрости. Но пока она находится в этом цикле, она забывает о прошлом с каждым новым рождением, чтобы прожить эту жизнь с чистого листа. И такое путешествие по мирам длится очень долго, пока душа не созреет, вобрав в себя знания со всех своих жизней. Пережитого становится слишком много и тогда границы между сознанием мира и твоим собственным сознанием – ветшают, и Вселенная начинает открываться тебе. Ваши разумы постепенно сливаются, подготавливая твою душу к тому, что ждёт её впереди.

– И что же ждёт её дальше? – тревожно спросил Альфред.

– Разве тебе не хочется узнать всё самому? Всему своё время, Альфред. Но будь уверен, ты на верном пути.

Они снова шли молча. Альфред прокручивал в голове сказанное Блюмом.

– Ты ведь не придумываешь всё это? Так откуда же ты это знаешь? У тебя такая душа? Зрелая и мудрая?

– Она достаточно старая, но как оказалось, не достаточно мудрая.

Альфред покосился на Блюма. Сколько ему лет? Откуда он узнал все эти вещи? Как прошло его детство и что заставило его искать ответы за пределами этого мира?

Вдруг Альфред оступился – идти по лесу с костылём оказалось не лучшей идеей.

–Ты в порядке?

– Терпимо.

– Я уже говорил, если тебе нужна помощь, не бойся просить её. Это не показатель слабости.

– Я знаю, но ты ничего не можешь сейчас сделать.

– Я могу предложить ненадолго присесть вон на то поваленное дерево и отдохнуть.

Альфред задержал свой взгляд на прекрасной лесной поляне с лежащим на земле стволом ели, но ему не хотелось признавать, что он устал. Мята и Эр-Джей неизвестно где, нужно следовать плану и двигаться, чтобы как можно скорее снова встретиться с ними.

– Нет, пошли дальше, – коротко ответил он.

Рука, опирающаяся о костыль, почувствовала странный люфт. При каждом новом шаге расшатанность становилась ощутимей, и костыль начал непривычно поскрипывать. Альфред посмотрел на него, но не заметил никаких внешних повреждений.

– Хмм… Странно…

Он снова поставил его, чтобы продолжить путь, но не успел сделать и пару шагов, как его опора сломалась. Альфред чуть не упал, но Блюм успел подхватить его под локоть и помог восстановить равновесие.

– Ты как?

– Нормально… но вот костыль… – Альфред сожалеюще посмотрел на своего сломанного помощника. – Что бы там не говорил ЭрДжей, а этот лес, действительно не обычный. Столько случайностей подряд не бывает.

Костыль сломался в том месте, где был регулятор высоты, и теперь стало невозможно опираться не него.

– Я уверен, ЭрДжей что-то придумает, – попытался ободрить Альфреда Блюм.

– Что тут придумаешь. Я ведь не знаю, сколько лет назад он был создан, видимо отжил своё. Ладно, пошли, отдохнём немного…

Как только Альфред присел на поваленное дерево, он тут же принялся массировать колени. Они ныли сильнее обычного. Блюм присел рядом и сразу полез в рюкзак за флягой с водой. Он сперва протянул её своему другу, а уже потом утолил собственную жажду.

Альфред покосился на пьющего Блюма. Ему подумалось, что это очень сокровенно – разделить с кем-то воду.

– Удивительное место – лес, – задумчиво произнёс Блюм. – Хотя если подумать, все места удивительные… – и на его лице расцвела тёплая улыбка.

Ветер зашумел, и деревья закачались сильнее. Ветер донёс запах сырости, грибов и пыльцы. Альфред оторвал свой взгляд от земли и посмотрел на виднеющееся небо сквозь верхушки деревьев. Сколько ещё раз за свою жизнь он изумится красоте таких простых, казалось бы, вещей?

– Тц! – резкая боль в колене снова приковала его к земле.

Пока он массировал их, боль становилась менее заметной, но резкие прострелы могли случаться, когда угодно.

– Твоё тело всего лишь временное пристанище для твоей души, но в этом цикле оно есть основой твоей жизни, – сказал Блюм.

– Я понимаю, не нужно мне это объяснять. Прими себя и всё такое. Я принял, другого выбора у меня просто не было.

– Смириться и принять разные вещи, – Блюм внимательно смотрел на Альфреда, спрятавшего большую часть своего лица за длинной прямой чёлкой. – Ты заметил схожесть себя с миром? – спросил Фантаст.

– Я и мир?

– Оглянись вокруг. Тебя окружает великолепие форм, содержаний, размеров. В природе нет ничего ровного, ничего чистого, ничего состоящего только из чего-то одного. Всё связано и ничего не упущено. Всё взаимодействует, порождая невообразимые чудеса.

– К чему ты это всё?

– К тому, что ты тоже мир. Ты тоже лес с деревьями, ты тоже озеро с рыбой, ты мегаполис с высотками, ты планета со своим собственным небом. Ты прекрасное творение природы, ты одно из её чудес. Не обязательно принимать себя, можно принять этот мир. Со всеми его недостатками и изъянами, со всей его красотой и богатством. Осознай себя его частью и тебе не придёт в голову сомневаться в себе.

– По какому принципу мир даёт одним здоровое тело, а других делает калеками? Что я делал не так, как другие, чем заслужил это?..

Блюм перевёл свой взгляд на Лекаря, но его глаза были спрятаны за чёлкой, и он не видел их.

– Ал, послушай…

– Ничего, извини. Это я так... Один мой пациент сказал когда-то, что кому-то всегда тяжелее, чем тебе, а я задумался, кому тогда тяжелее всех?

Блюм вдруг понял, что ему не под силу рассеять эти сомнения в сердце Альфреда. Ни сейчас, ни позже. Ему это не под силу. Он улыбнулся, осознав это, и почему-то стало тепло на душе. Тот, кто на это способен…

– Тяжелее всех сейчас Мяте, – вдруг сказал Блюм.

– Почему это? – искренне удивился Альфред.

– Ну… она с ЭрДжеем.

– …таким образом, частицы с одинаковым зарядом отталкиваются, в то время как с противоположным наоборот – притягиваются. Так устроены электромагнитные поля. Ну что, Перчик, убедилась, что

тебе меня не переговорить? Так что выбирай: общаться на отвлечённые темы, не трогая духов леса или слушать закон сохранения энергии.

Мята шла, надув щёки. Она думала, что под «доигралась» ЭрДжей имел в виду догонялки или ещё какие-нибудь весёлые игры, но никак не лекцию по ужасно скучным и непонятным ей вещам.

– Не хочу закон.

– Вот и умница.

– Ты такой нудный, когда их рассказываешь...

– А вот это сейчас обидно было!

– Тебе, правда, всё это нравится? Эти сложные вещи, законы?

– Ну разумеется! И это совсем не сложно, Перчик. Просто я предпочитаю не просто проживать свою жизнь, а анализировать её. Меня всегда интересовало всё, что меня окружает. Я хотел понять, какая сила движет миром, какие законы управляют им. Для этого я с ноги открыл двери в жилище отшельника Рэя и приступил к «познанию мира», как сказал бы Блюм. Мне было очень интересно, и сейчас это никак не изменилось. Каждый день я узнаю что-то новое, дополняя то, что уже знаю. Хоть в Нижнем городе и староватый материал, но если честно, вряд ли было придумано что-то существенно новое. Все законы, формулы, алгоритмы – всё остаётся неизменным на протяжении многих веков. Единственным инноватором был Рэймонд, но… в любом случае, все необходимые знания уже есть, лежат в готовом виде – бери,

сколько хочешь! Я нашел как-то в Нижнем библиотеку и просидел там, пока не плюхнулся в обморок от голода.

– Ты серьёзно? – Мята улыбалась, не зная верить ему или нет.

– Да, Перчик. Мне настолько было интересно. Я поглощал всё, что находил там. Сколько же там было книг… Ты представить не можешь, что это за потрясающее чувство, когда информация поступает в твою голову, наполняет её. Непередаваемо… Я читал всё подряд несколько лет, но в один прекрасный день, Рэй решил доверить мне своё сокровище – крупицу знаний современного мира. Это был толстенный журнал о науке и технике. Цветной, глянцевый, с картинками и статьями о невозможных, как я думал, машинах. В том журнале было интервью с Рэймондом. Так я и узнал о нём и о том, над чем он трудился. Тогда всё изменилось. Я перестал читать всё подряд, выделил для себя то, что могло бы помочь мне закончить проекты Рэймонда и начал работать в том направлении. Я загорелся идеей вернуть людям электричество. Я предпринимал много попыток, вплоть до самых примитивных, но результаты не радовали. Самый удачный был эксперимент с солнечными батареями. В Верхнем городе можно найти уцелевшие. Кое-как собрал несколько, установил, вот первые попытки включить гаджеты и… провал! Аккумуляторы на основе химических реакций недолговечны, знаешь ли, а я даже не знаю, сколько времени они так без дела лежат. На тысячу смартфонов, один или два рабочие. Ну как рабочие, еле дышали… И то, там сплошная

ерунда какая-то! Куча фотографий, какие-то игры. У людей прошлого видимо было очень много свободного времени. В общем, все мои попытки одна за другой терпели неудачу. Стыдно признаться, но дальше я в одиночку не справлюсь… Мне нужны люди. Чтобы такое масштабное дело ожило – одного меня недостаточно.

– А тот, кто первым придумал электричество, у него были люди?

– Конечно! Перчик, мир менялся постепенно и тысячи великих умов и миллиарды умелых рук способствовали этому. Понимаешь, часто бывает, что идея вообще опережает время, и тот, кто придумал что-то, не всегда видит это в действии. Он осознанно трудится всю жизнь просто для того, чтобы оставить после себя несколько книг или статей, чертежи или какую-нибудь модель механизма и всё! Ни славы, ни признания.

– Это как-то несправедливо…

– По-настоящему великого творца не волнует слава, обогащение, почёт. Для него это пыль! Всё, что имеет значение – сделать открытие, послужить миру, сделать его лучше! Когда я читал тот журнал, всё, о чём я мог тогда думать – получится ли у меня создать что-то настолько же удивительное? И если быть уж совсем откровенным, то далеко не благородные цели я преследую.

– Но ты же хочешь вернуть людям свет! Помочь им!

– Да, Перчик, это дело всей моей жизни, но я это делаю, в первую очередь для себя. Мною всегда двигал страх так и не создать что-то стоящее… Как же меня это пугает… Я должен, понимаешь? Должен доказать себе, что способен добиться величайших результатов! Простая жизнь не для меня. Я не хочу отсиживаться в сторонке, пока другие творят историю, и когда мир начнёт меняться, я должен быть там, среди тех, кто его меняет. Должен выложиться на максимум, чтобы ни о чём не жалеть в конце.

И даже если я не увижу результат своего труда – не страшно! Главное прожить осознанно и оставить после себя что-то достойное, что сможет послужить следующим поколениям. По сути, каждый из нас – это всего лишь ступенька для будущего. Все мои труды прочно стоят на трудах моих предшественников, и я надеюсь, однажды и моя работа станет опорой для какого-нибудь молодого и талантливого учёного. Лесенка! Не бывает всё и сразу. Только шаг за шагом и только трудом, Перчик! Поняла?

Мята с большим интересом не только слушала ЭрДжея, но и наблюдала за ним. Он буквально светился, когда размышлял об этом всём. Он беззаботно улыбался во время рассказа, и Мята улыбалась вместе с ним, но в то же время, ей было немного грустно.

– У вас с Альфредом такие интересные истории жизни. У меня нет таких воспоминаний.

– Посмотри на всё с другой стороны. Ты стала ученицей Ала, да и я взялся тебя подучить. Сейчас мы твои учителя, но со временем ты найдёшь собствен-

ный путь и начнёшь создавать свои интересные воспоминания. Будешь рассказывать их потомкам или кому там полагается такое рассказывать.

Мята засмеялась.

– Я сомневаюсь, что твои слова подходят мне. Я ничем не выделяюсь, без особых талантов, я не гений, как ты.

– Пфф! Одно слово только. Когда рождается гений, он понятия не имеет, что он гений. Со временем все начинают его так называть, потому что он делает вещи, которые другие не могут. Зачастую гении так и не понимают, за что их так называют, ведь вся их гениальность – это адский труд, упорство, железная воля, вера в себя и немного наглости, чтобы пойти против общепринятых норм. Гения гением делают люди, которые отказались трудиться и развиваться, а потом говорят, ну ты же «гений»! А что вам мешало им стать? Так что, Перчик, все, кем ты так восхищаешься, много трудились, чтобы добиться такого результата. Ты тоже так можешь.

– Разве не поздно учиться всему этому… сейчас?

– Знаешь, когда будет поздно? Когда твоё тело придадут огню на затворках мегаполиса. А до этого момента всё происходит вовремя. Хватит мяться в нерешительности, стань таким же гением, как мы!

– Мне никогда не достичь ваших высот. Не стать таким же удивительным человеком, как Альфред, или ты, или Блюм...

– Ты и не должна это делать! Тебе не нужно достигать чьих-то высот или быть как кто-то. Себя найди – вот и вся удивительность.

Лес делал своё дело. Постепенно что-то менялось внутри них. Слова ЭрДжея вселили надежду в сердце Мяты, да и сам Изобретатель чувствовал небывалый прилив сил, вдохновляя её.

– А как ваша с братом жизнь складывалась? Чем вы занимались?

– Пытались выжить, – коротко ответила Мята.

– Как-то не весело. Что всё так плохо было?

– Нет, всё было… ну знаешь, странно, что ли. Я всегда была рядом с братом, и для меня это было нормально, но к нам из-за этого относились ужасно. Потти слабее меня, чаще болеет, устаёт быстрее, поэтому я всегда принимала удар на себя… Ну, в общем, это и вся история – нас обижали, мы отбивались. В основном я...

Потти постоянно извинялся за то, что слабее и за то, что у меня из-за него столько проблем, а я не понимала, за что он просит прощение. Он ведь мой брат. Почему мы должны были проходить через всё это? Только потому, что выбрали другой способ выживания? Горожане, по сути, тоже все жили кучами, просто постоянно бегали от одной шайки к другой – вот и вся разница. И этого было достаточно, чтобы издеваться над нами, но мне было плевать, если честно. Я люблю своего брата и никогда не откажусь от него.

– Вау! А говоришь, нет интересной истории.

– Что тут интересного?

– Ты наверно единственная во всём мегаполисе, даже нет, во всём мире, кто произнёс слово «люблю». Да кто у нас скажет такое другому человеку?

– Я не боюсь этих слов.

Изобретатель покосился на Мяту:

– Ты сильнее, чем кажешься.

Щёки Мяты покраснели. Это что, комплимент от ЭрДжея?

– Тебе нужно набраться смелости и начать жить в своём доме, как Ал. А там глядишь и ещё что-то революционное сделаешь.

– Семья?

– Ну да, почему бы и нет.

– Это так тяжело…

– Так тебя трудности пугают?

– Нет же, тяжело в смысле… Я не хочу мечтать в пустую. Кто в здравом уме в мегаполисе захочет жить так? Ограничить себя, связать жизнь с кем-то? Кому нужны эти проблемы? Все хотят полной свободы и никаких ограничений, а я думаю, что жизнь в семье она… ну, знаешь, чем-то нужно жертвовать, уступать, уживаться… С кем-то жить сложнее, чем одному. У тебя появляются обязательства перед человеком, и ты не в праве их нарушать, ведь… какая это тогда семья, если каждый сам по себе?..

– Ну, так-то ты права. Это действительно требует усилий и труда. Собственно, как и всё в нашей жизни. По сути, семья и все эти отношения – это такой же навык, как и… не знаю, любое ремесло, – улыбнулся ЭрДжей. – Всему нужно учиться и всему можно научиться. Так что, если это твоя цель и если ты идёшь на это сознательно, понимая какие трудности тебе придётся преодолеть, то не вижу причин не попытаться. Вот Дюк же смог. Вон семья какая большая! И ничего, уживаются.

– И это здорово! Но дело даже не в семье, а в том… какой смысл приводить новую жизнь в такой мир? Что будет ждать её здесь? Блюм сказал, что мы сами выбираем мир, в котором родились, а я в это не верю... Я же не настолько дура!

– Аха-ха-ха! Перчик, ты как раз настолько.

– Эй!

Ладонь ЭрДжея снова рухнула на макушку Мяты, и он начал лохматить её волосы.

– Ну вот, сам же жаловался, что мои косички быстро расплетаются, и кто в этом виноват? – бурчала Мята, поправляя причёску.

Чем больше ЭрДжей смотрел на Мяту, погруженную в свои размышления, тем больше он поражался красоте человеческого поиска. Беспрерывный процесс движения от одной мысли к другой. Нет даже малейшего шанса на остановку. Она изменилась. Если вспомнить, даже он сам был совершенно другим человеком, когда покинул мегаполис. Прошло всего несколько дней, а они уже столько раз переросли себя. Это тоже своего рода ступеньки. Ступеньки развития каждой отдельной личности.

Альфред и Блюм поднялись на небольшой холм. Симфония лесной жизни заставила их утонуть в звуке шелеста листьев, поскрипывании стволов, пения птиц. Воздух здесь тоже был особенным. Дыхание Альфреда выровнялось, сердце замедлило ритм. Было такое чувство, будто его тело входило в какой-то резонанс с окружающим миром. Уже не было его как Альфреда, он был частью природы, частью этого леса

и самой планеты. Чувство единения с целым миром восхищало и пугало одновременно. Мир так огромен, человек так мал. Но земля, по которой он шел, состояла из бесконечного множества маленьких песчинок. Он так же мал, как эти крупицы и так же велик, как целая Вселенная. «Я – мир». Значение слов, сказанных Блюмом немного ранее, всё же достигло Альфреда. Стоя на лесном холме, обдуваемый тёплым весенним ветром, он ощутил это, осознал и принял. Он никогда не был один, с ним всегда был рядом целый мир.

Альфред скину рюкзак и полез за флягой. Теперь он поделился водой со своим другом. Блюм вытер влажные губы рукавом и протянул Альфреду его флягу обратно. Тот не спешил её прятать. Сброшенный рюкзак с привязанным сломанным костылём стоял у его ног, а открытая фляга была в руках.

– Блюм, спасибо, что уговорил меня тогда пойти с вами… В мегаполисе я бы никогда не увидел столько прекрасных мест. Мир намного больше и красочнее, чем я себе представлял.

Блюм с невероятной нежностью посмотрел на Альфреда.

– Тебе спасибо.

– А мне-то за что?.. – Альфред наконец-то оторвался от пейзажа и начал закручивать флягу.

– За то, что выбрал этот мир и родился в нём. Я очень тебе за это благодарен.

Альфред не знал, как воспринимать эти слова, но почему-то он почувствовал, что внутри не осталось

ничего от него самого. Всё было заполнено теплом, светом, этим лесом и… самой жизнью.

– В таком случае и тебе спасибо. За то, что родился здесь, нашел меня и стал моим… другом.

– Найти тебя было не сложно. Свет твоей души ослепительно яркий.

Блюм первым двинулся вперёд.

– Интересно, мы не сбились с пути? – вслух подумал Альфред.

– Нет, мы идёт именно туда, куда должны.

– Полностью полагаюсь на твою интуи…ой! – Альфред снова схватился за колено. – Всё-таки трудно идти без опоры.

– Но ведь у тебя она есть.

– Так я же слома…

– Альфред!

Голос Мяты прервал его мысль, и он забыл, о чём хотел сказать.

– Мята!

– Альфред, Блюм, я так рада, что вы в порядке!

Друзья наконец-то воссоединились. Радость от долгожданной встречи переполняла каждого.

– Ну, наконец-то! Она меня совсем утомила своими «духами леса»… – жалобно простонал ЭрДжей.

– Это ты меня замучил своими теориями и законами!

– Правда? Я старался, – самодовольно произнёс ЭрДжей.

Мята тут же подняла с земли шишку и бросила её в ЭрДжея.

– Ну а вы нормально дошли? Без приключений? – спросил Изобретатель остальных.

– Ну, не совсем… – начал Блюм. – Ал сломал костыль.

– Чего? А ну покажи, – ЭрДжей присел, чтобы лучше рассмотреть поломку. – Ну, сейчас я бессилен. Попробовать починить можно, но мне нужны мои инструменты с мастерской. Поноси пока так, вернёмся, и я попробую что-то сделать, а пока... давайте присядем. Я зверски устал.

ЭрДжей плюхнулся на землю и облокотился спиной о ствол дерева. Все друзья без колебаний последовали его примеру.

– Эй, вы нашли себя? Как говорилось на той табличке? – спросил Блюм.

– Всё, что я нашел в этом лесу – это проблемы. Это ж невозможно! Несколько часов с ней наедине. Да я думал, с ума сойду! То духи, то ЭрДжей мне страшно, то ЭрДжей понеси меня!

– Эй! Что ты наговариваешь! – Мята снова бросила в него шишку.

– Хватит в меня бросаться. Ты как маленькая.

– Я и так маленькая. Маленькая песчинка в лесу жизни…. – Мята драматично возвела брови домиком, но не выдержала долго эту гримасу и рассмеялась.

– О нет, Перчик, нам достаточно одного карманного философа.

– А как насчёт второго зазнайки?

– Второй? А первый кто тогда?

Блюм, Альфред и Мята уставились на ЭрДжея.

– Ч-что? Хотите сказать я? Я зазнайка? Да мой ум и красота спасут этот мир! И я всего лишь объективно смотрю на вещи. Я красив, – ЭрДжей начал загибать пальцы, – умён, талантлив, находчив, чист сердцем и душой, а ещё… не делай такое лицо, Перчик. И такое не делай. Не-а, такое тоже запрещается.

Ребята беззаботно засмеялись.

– Интересно, не рано ли мы радуемся? – задумался ЭрДжей. – Мы ведь ещё не вышли из леса. Мало ли, куда ещё ты умудришься встрять.

– Нет, мы уже вышли, – сказал уверенно Блюм.

– Откуда ты знаешь?

– Земля подсказала, – улыбнулся Блюм. – Вон за тем холмом заканчивается лес.

– Хочется верить, – устало произнёс Альфред. – Ай! Да что ж такое?.. – он снова схватился за колено.

– Ал, ты как? – обеспокоенно спросила Мята.

– Знаете, что я вам скажу… – все напряженно ждали слов Лекаря. – Будет гроза…

– Глава 12 –

Проводник воли мира

Колени Альфреда не обманули ребят. Тёмные грузные тучи сгустились над ними, и этот болезненно серый цвет не предвещал ничего хорошего. Где-то вдалеке были слышны раскаты грома и виднелись вспышки молний.

Альфред в очередной раз восхитился силой природы – ветер сбивал с ног, давал пощёчины и гнал друзей в неизвестном направлении.

И в момент, когда всем уже начало казаться, что спасения от этой надвигающейся бури нет, неожиданно на горизонте выросло укрытие. Ветхий деревянный домик на опушке выглядел довольно приветливо и вполне мог послужить убежищем. Особого выбора всё равно не было.

– Не похоже, чтобы кто-то там жил, – сказал Альфред.

– А если всё-таки там кто-то живёт? И если этот кто-то обеспечит нам новые проблемы, как это обычно бывает с нами … – засомневался ЭрДжей.

Почему-то самого рационального человека из всей компании одолевало странное чувство, что это очень нехорошая идея. Почему-то ему не хотелось идти туда, но сам он не мог понять, с чем это связано.

– Ну что, идём? – умоляюще спросила Мята ещё сомневающихся мальчиков. – Блюм, а ты что скажешь?

Фантаст стоял молча и не выказывал никаких эмоций относительно этого странного места. Он внимательно смотрел на домик, смотрел и будто чего-то ждал. Вдруг окно дома залилось тёплым желтым светом – кто-то зажег внутри свечи.

– Пойдёмте, – спокойно сказал Блюм и пошел навстречу этому свету.

Все пребывали в недоумении – значит дом всё-таки жилой, но ведь изначально свет в нём не горел. Человек в доме, будто почувствовал, что к нему идут гости и зажег свечи, но это же невозможно.

То ли дело в холодном ветре, то ли в таинственной случайности, но у всех троих пробежали мурашки по спине. Только Блюм не сомневался. Он уверенно шел туда, пока друзья всё ещё занимались самоуспокоением и собирались с мыслями, чтобы сдвинуться с места.

– Не нравится мне всё это… – раздраженно сказал Изобретатель и друзья пошли догонять Блюма.

Когда до дома оставались считанные шаги, дверь открылась, и на пороге возник силуэт мужчины. Лица его не было видно, и у всех кроме Блюма, в этот момент сердце ушло в пятки. Теперь не было сомнений, что этот человек каким-то образом чувствовал их приближение. Но как? Кто он такой?

Не проронив ни слова, силуэт отошел назад, приглашая ребят войти в его дом.

– Спасибо тебе большое, что впускаешь нас, – сказал Блюм и подтолкнул Мяту к входу.

И как только все оказались внутри, природа обрушила небесную воду на эти земли. Дверь медленно закрылась и шум грозы стих.

На вид этот домик был старым, будто вот-вот развалится, но внутри оказалось очень уютно и тепло.

Первое, что бросается в глаза – это огромная прихожая, захламлённая горами вещей. И хотя само помещение было довольно просторным, но все эти пожитки съедали практически всё свободное пространство. Здесь даже не было места, чтобы элементарно развернуться. Любое неверное движение могло стать причиной лавины из коробок с вещами. Они неровно стояли друг на друге, и некоторые из таких башен были высотой до потолка. Но самое удивительное в этом месте – рисунки. Вся прихожая была увешана ими. Они висели на стенах один поверх другого, торчали из коробок или книг и даже валялись на полу.

По углам стояли какие-то непонятные вещи, а старые полки гнулись под весом книг. Совершенно забывшись, Мята сделала шаг, не глядя под ноги, и споткнулась обо что-то.

– Ой! Прости!

Она в панике посмотрела на то, во что врезалась – это была банка с краской. Мята очень удивилась размерам ёмкости, ведь она в своей жизни имела дело только с баллончиками, и то уже пустыми, а здесь таких банок было много, и они тоже стояли одна на другой. Кто же это всё-таки такой?..

Её мысли были прерваны голосом Лекаря:

– Спасибо, что впустил нас. У нас есть чем отплатить тебе.

Мята наконец-то решилась обернуться, чтобы тоже поблагодарить незнакомца, но как только она увидела его, у неё пропал дар речи.

Худощавый, ростом чуть выше ЭрДжея, человек без единого волоска на голове, стоял перед ней в одних только джинсах. На нём не было футболки, но его тело не было обнаженным. Руки от плеч до кончиков пальцев, весь торс, шея и даже часть лица были покрыты рисунками удивительного мастерства. Детали и образы восхищали, а то, что это было изображено не где-нибудь, а на теле, изумляло вдвойне.

У него был впалый живот, торчащие рёбра и костлявые плечи, но при этом на руках и груди виднелись мышцы, туго обтянутые разрисованной кожей. Хотя он и выглядел немного худощаво, но на лице это никак не отразилось. Приятный светлый оттенок кожи, высокие веки, и кристальные светло серые глаза. Брови и небольшая щетина были светлыми, хотя голова была идеально выбрита налысо.

Этот человек был уже не молод, хотя был ещё и не стар. Вокруг глаз и на лбу отчётливо виднелись морщины, которые время навсегда оставило на его лице. Он мог бы сгодиться Мяте в отцы, но выглядел прекрасно, – его тело дышало здоровьем и силой.

Молчание затянулось, и ребятам было уже неловко так откровенно рассматривать незнакомца, но татуировки на его теле рассказывали целую историю, и невозможно было отвести от них взгляд.

Надписи плавно перетекали в рисунки, рисунки сливались с символами, символы соединяли воедино картину его жизни. Никто не знал, что означают эти

изображения, но кажется, Блюм всё понимал. Он плавно прошел глазами по всему полотну, пока не дошел до лица. Под правым глазом было маленькое изображение земли в виде круга, под левым – полумесяца, а на лбу, чуть выше переносицы находилось маленькое солнце. Наконец-то их взгляды пересеклись. Оба изучающе смотрели друг на друга.

– Спасибо ещё раз, ты спас нас от большой беды. Меня зовут Альфред, – учтиво сказал он.

– Меня зовут Мята… – еле слышно произнесла завороженная девочка.

– А меня Блюм.

Но впустивший не слушал ребят, он не мог сконцентрироваться. Всё внимание взял на себя мальчик с удивительным цветом глаз. Хозяин дома почувствовал огромную энергию ещё задолго до их появления, но он и подумать не мог, что источник такой силы – этот юноша. Энергия была настолько велика, что он просто не понимал, как она могла поместиться в это тело.

– Кто ты такой? – с тревогой спросил хозяин дома Блюма.

– Эмм… – он был в некотором замешательстве. – Моё имя Блюм, но можешь звать меня Се́лькис, Тофос или Риши.

Незнакомец выглядел растерянно. Он прожигал взглядом юного путешественника, и никто не мог понять, в чём дело. Всё же хозяин дома сумел совладать с собой и отвёл испытывающий взгляд. Мужчина устало потёр глаза.

– Простите, что-то я… ужасно устал за сегодня… Не могли бы вы повторить.

– Мята, – девочка улыбнулась.

– Меня зовут Альфред. Спасибо ещё раз, что впустил.

– Не за что. Мой дом всегда открыт для тех, кто ищет. Моё имя Ми́рас. Я мастер росписи на теле.

У него был очень приятный голос. Низкий грудной звук как будто гипнотизировал и, услышав всего несколько фраз от него, Мята сделала вывод, что этот человек очень мудрый. Странно делать такие выводы по голосу, но ей так показалось.

Его движения были лишены суетливости, а лицо – абсолютно спокойным. Хотя он был наполовину обнажен, но это совершенно не сковывало его, – тело было расслабленным, а жесты естественными.

Только ЭрДжей всё это время стоял молча и сохранял спокойствие по мере возможности. Ему не нравился ни этот дом, ни этот странный изрисованный тип.

– Ты так и не назвал себя, это невежливо, – обратился к нему Мирас.

– Меня зовут ЭрДжей1-25-67-9, – холодно ответил тот. – А чем здесь так воняет?

– ЭрДжей, просто ЭрДжей! – быстро вмешалась Мята. – Цифры это его причуда, извини за это… – в отличие от ЭрДжея, ей очень понравился этот человек и она боялась его обидеть.

– Хорошо, буду звать тебя ЭрДжей, а насчёт запаха – это аромат тлеющих трав. Они служат, прежде

всего, для успокоения. Рисование на теле сопряжено с болью.

– А мне нравится запах, – еле слышно сказала Мята. И улыбнувшись, добавила: – но от них очень хочется спать.

– Это не только из-за трав, это ещё потому, что вы устали с дороги. Не волнуйтесь, здесь вы можете отдохнуть и телом и душей, но прежде, чем впустить вас дальше, я попрошу вас разуться – в моём доме ходят босиком. Вещи тоже оставьте здесь, – сказав это, Мирас развернулся и пошел по узкому не освещённому коридору, и свернул в другую комнату, в которой ещё не были зажжены свечи.

Когда Мирас уходил, их взгляды с Блюмом снова пересеклись. Фантаст не сводил с него глаз до тех пор, пока тот не скрылся в другой комнате.

Ребята быстро сняли обувь и принялись рассматривать этот чудно́й дом, который по своей странности спокойно обходил все дома отшельников.

Сразу с прихожей можно было попасть в мастерскую Мираса, но там не горели свечи, а света из прихожей не хватало, чтобы рассмотреть её, как следует. Прихожая плавно переходила в узкий коридор, по обе стороны от которого находились комнаты, но они были закрыты. Открытой была только самая дальняя комната, в которую только что и зашел Мирас.

Они не решались пойти за ним, поэтому всё, что оставалось – изумляться богатствам прихожей. В углу стоял ветхий шкаф, полностью забитый книгами. На стенах висело множество рисунков, и содержание некоторых оставалось полнейшей загадкой.

Странные символы, ритуалы из других эпох, астрономические карты, изображения людей, пирамиды, руины древних городов, созвездия, солнечная система, объёмные геометрические фигуры – всё это было изображено с величайшим мастерством, и даже незначительные наброски выглядели как произведения искусства. Но чтобы детально рассмотреть каждый рисунок, ребятам не хватило бы и целого дня, – так много их здесь было.

Одни рисунки висели поверх других, перекрывая те, что висели позади. ЭрДжей бегло обвёл их взглядом, но живописью он никогда особо не интересовался, поэтому не стал задерживать ни них внимание. Он подошел к книжному шкафу и принялся читать названия на корешках. Многие книги лежали горизонтально, поверх стоящих, поэтому приходилось наклонять голову.

– Только ничего не трогай… – предостерегла его Мята.

Но он и не думал слушать и вытащил одну из книг с очень заинтересованным видом, но стоило ему открыть её, как выражение его лица мгновенно изменилось.

– Какой ужас!

– Что?

– Что случилось? – испугались ребята.

– Он изрисовал теоретическую механику! У него нет сердца… Бесчувственный рисовака! Как можно так издеваться над великой книгой?!

И в доказательство беспрецедентного кощунства он повернул к ребятам открытую книгу, в которой

схемы были дорисованы карандашом, и из обычных технических чертежей они превратились в загадочные образы из головы художника.

– Не пугай нас так… – прошептал не на шутку испугавшийся Альфред.

ЭрДжей положил эту книгу не туда, откуда взял, и потянулся за следующей. На этот раз вместо интереса на его лице было недоумение. Он взял ещё одну с полки пониже, и его левая бровь озадачено приподнялась.

Мирас как раз вышел из той комнаты и принялся доставать что-то из ящика, стоящего в прихожей.

– Извини за любопытство, а эти книги?.. – начал ЭрДжей.

– Это книги собирали люди, жившие в этом доме до меня. В них можно найти ценные знания. Та, которую ты сейчас держишь, о древней науке астрологии, а вон те рассказывают о магии чисел. Там на второй полке сверху очень познавательные трактаты по герметúзму, агностицизму, сонники и мистические знания древних цивилизаций. Чуть ниже можешь поискать труды по космо и биоэнергетике, нетрадиционной медицине, психологии, а также йоге и духовных практиках. На третьей полке книги по геометрии, физике, экономике, истории, философии, астрофизике и многих других науках, а на самой первой – религии, легенды и мифы разных народов. Вон в той отдельной стопке собраны особые учения: буддизм, индуизм, даосизм, конфуцианство, а ещё основы медитации. Особенно рекомендую вот ту с красной обложкой – афоризмы и цитаты древних восточных мудрецов. Я

зачитал эти книги до дыр, так что спрашивай, если что-то заинтересовало.

– Ооо… – задумчиво протянул ЭрДжей. – Я, кажется, отвлёк тебя, ты что-то делал, извини.

Мирас ничего не ответил, только улыбнулся и скрылся в дверном проёме.

– Пора сваливать.

– Чего? – в один голос опешили ребята.

– Вы что, не поняли, что это? И кто он? Эти карты, рисунки, тлеющие травы. Это же… это… не рационально! Не хочу нарушать вашу идиллию, но с этим парнем явно что-то не так. Я говорю вам, он, – ЭрДжей обернулся проверить, нет ли сзади Мираса, и продолжил более тихим голосом: – он здесь явно что-то покуривает. Что-то, что я и сам не прочь покурить, только без него, он мне не нравится. Он вам такого навешает, это лженауки! – процедил громким шепотом Изобретатель и для большего эффекта постукал пальцем по обложке книги с изображением человека, у которого на месте головного мозга была нарисована космическая воронка.

– Ты ведёшь себя глупо! – возмутилась девочка. – Мирас – добрейший человек, который не оставил нас на улице умирать от холода и молний. Впустил в свой дом! А ты говоришь про него гадости.

– У этого человека сильное сердце, ЭрДжей… – задумчиво произнёс Фантаст.

– А вообще, ЭрДжей, ты прав. Пора валить, – неожиданно для всех сказал Лекарь.

– Вот! Вот умный человек.

– Вон дверь, а за ней непроглядная стена из дождя и молнии в придачу. Удачи.

ЭрДжей хотел было открыть рот, чтобы ответить, но его аргументы закончились на очередном раскате грома.

– Проходите, – в коридоре снова появился Мирас.

Все выжидающе смотрели на ЭрДжея.

– Ладно, так уж и быть, ситуация не в нашу пользу, но не вздумайте, чтобы он вам что-то рисовал! Не удивлюсь, если он что-то в краски свои подмешивает…

Все проследовали за Мирасом, оставив свои вещи в прихожей, но ЭрДжей решил не оставлять свой рюкзак и потащил его с собой. Ему здесь не нравилось абсолютно всё, в особенности хозяин. Хотя по сути остальные были правы, но что-то внутри ЭрДжея буквально вопило о необходимости поскорее отсюда убираться.

Ребята думали, что комната, в которую их пригласили, будет похожа на прихожую, заставленную до потолка вещами. Поэтому они были совершенно не готовы увидеть то, что ожидало их за дверным проёмом.

Здесь, в отличие от коридора, не было ничего. Ничего кроме мистики и тайны. Эта комната была небольшой, в ней не было окон, а из мебели был только коврик. Но переступая через порог, ты попадаешь в другое измерение, входишь в неизведанные просторы чужого разума.

Тусклый желтый свет освещал таинственные образы из глубин сознания Мираса. Стены, потолок и даже пол были изрисованы невероятными узорами, значение которых знал только хозяин дома. Чёткие чёрные линии пересекались и снова расходились, формируя мистические образы. Круги, знаки, геометрические фигуры, символы, надписи – всё слилось воедино в этой комнате. Таинственным был этот дом и человек, стоящий перед ними. Всё это он сотворил своими руками и воображением. Только поистине великий творец мог создать такое. Это пугало и завораживало одновременно. Не был впечатлён только Эр-Джей. То самое ощущение, что им здесь не место, возросло многократно. Что должно быть в голове у человека, чтобы рисовать такое?

Неприметный на первый взгляд символ, затерянный среди множества других, украл внимание Блюма. Он подошел к нему и осторожно прикоснулся.

– Этот знак. Что он означает? – спросил Фантаст.

– Это символ Солнца.

Блюм убрал руку и не мог оторвать взгляд от ровного круга с точкой по центру.

– Надо же… – прошептал Фантаст.

– Что-то не так?

– Нет, ничего. Просто напомнило кое-что.

Блюм провел рукой вдоль линии, пока не дошел до ещё одного круга с двумя ровными перпендикулярными линиями внутри.

– А это должно быть…

– Земля, – закончил Мирас с улыбкой.

Блюм тоже улыбнулся. Он положил обе руки на два символа, и теперь прямо перед его глазами оказался ещё один знак.

– Луна? – спросил Блюм.

– Да, – одобрительно кивнул Мирас.

– Ты сам всё это нарисовал? – спросил Лекарь, впечатлённый не меньше остальных.

– Да, на это ушел не один год, но я полностью доволен работой.

– Это потрясающе… – сказала Мята. – Я не знаю почему, но в этом месте такое странное ощущение… Я даже не могу описать его.

Девочка были в смятении. Она нерешительно сделала несколько шагов и снова остановилась, засмотревшись на узоры на потолке. Ей казалось, что она вот-вот узнает что-то очень важное из этих рисунков.

ЭрДжей, не разделяющий всеобщий восторг, просто вошел в комнату и бестактно сел в углу, скрестив руки на груди. Он старался не смотреть на эти жуткие орнаменты, но они были везде, и было просто невозможно не рассматривать их. И хотя всё это ему ужасно не нравилось, но нужно было признать, выглядело это искусно.

Единственное место, где не было ничего изображено – там, где сидел Мирас. Все знаки, символы и линии в непрерывном танце тянулись к единой цели – коврику, на котором располагался хозяин загадочного дома. Все линии доходили до этого места и, аккуратно сужаясь, сходили на нет.

– Присаживайтесь, где хотите и отдыхайте. Эта комната для этого и предназначена, – и Мирас непринуждённо расположился на коврике, приняв позу лотоса.

Ребята сели напротив хозяина дома, а ЭрДжей остался в углу ближе к выходу.

– Здесь так красиво и интересно, что невозможно оторваться, – улыбнувшись, сказала Мята.

– Я рад, что вы оценили мою работу. Как художнику, мне очень приятно. – После небольшой паузы он добавил: – Предложить еду, к сожалению, не могу. Я сейчас временно практикую голодание.

– Что ты! Ты нам и так очень помогаешь! – быстро пролепетала Мята. Она была так взволнована, сидя перед этим человеком. Он вызывал у неё огромное уважение и восхищение. – Но… если ты голодный, давай мы тебя покормим!

В ответ Мирас легонько улыбнулся.

– Спасибо большое, но я пошел на это добровольно и не хочу нарушать режим. Тем более это не в первый раз, и я хорошо себя чувствую.

– Добровольно? Но зачем? – удивилась она.

– Временное воздержание от пищи способствует укреплению духа.

– Разве от того, что ты не кушаешь, ты станешь сильнее? – недоверчиво переспросила Мята. На что Мирас улыбнулся:

– Суть не в том, что ты просто не ешь, а в воздержании, в добровольном ограничении, в вызове самому себе. Смогу ли я пройти через это испытание и

остаться собой, окрепнуть духовно и сохранить трезвость ума?

– Видимо не смог… – тихонечко сделал замечание ЭрДжей, но благо никто его не услышал.

Мята немного замялась, она услышала интересную для себя вещь, но не знала, стоит ли спрашивать о ней, но всё же решилась:

– А зачем… себя ограничивать? Ну, в смысле, все в мегаполисах живут свободно, ни в чём себе не отказывают. Зачем тогда это?

– Сознательное добровольное ограничение в какой-то степени и сделало нас людьми. Когда человек своим умом пришел к тому, что ему не всё дозволено, он стал разумным. А вот когда кто-то думает, что он властен делать всё, что хочет, он становится животным. Ест без меры, спит без счёта, не трудится, ни о ком не заботится или ещё хуже – причиняет вред другим.

– Закон, – отрешенно сказал Альфред. – Я когда-то читал книгу о законах, правах людей и их обязательствах. Я думаю это сродни тому, о чём говоришь ты.

– Ты мыслишь в верном направлении, мой друг, но закон подразумевает наказание за нарушение, и не сам человек решает, какое именно, а я говорю о сознательном выборе. И наивысшая точка всего этого – в отказе от насилия. Когда люди добровольно откажутся брать в руки оружие и убивать друг друга в войнах чужих интересов – это станет вершиной нашего сознания. Когда мы разумом придём к тому, что насилием ничего не решить и уж тем более никого

не освободить, тогда и только тогда мы станем разумным видом. И очень важно, чтобы этот отказ был сделан не из-за страха наказания, а осознанно.

Мирас говорил всё ровным и спокойным тоном. Резонирующий грудной звук, казалось, исходил отовсюду, и от его голоса становилось спокойно на душе.

– Это всё какие-то странные, не имеющие ничего общего с действительностью, утопичные фантазии… – пренебрежительно фыркнул из угла комнаты ЭрДжей.

– Садись ближе, и я с удовольствием поговорю с тобой на эту тему, – учтиво предложил Мирас.

– Воздержусь… – отвернулся ЭрДжей.

– Как знаешь, – Мирас перевёл свой взгляд на Мяту. – Я ответил на твой вопрос или хочешь ещё что-то узнать?

Она отрицательно покачала головой.

– Мне есть о чём подумать. Спасибо, – улыбнулась Мята.

Мастер в ответ кивнул головой и тоже улыбнулся.

– Как ты только придумал всё это? – спросил Альфред.

– Я ничего не придумывал. Часть знаний я получил из книг, которые оставили здесь мои предшественники, а часть я получил из вне.

– И каким же образом? – Блюма очень заинтересовали последние слова.

– Я любовался природой, изучал её формы, цвета, содержание. Мир – лучший учитель для художника. Каждая линия, каждый завиток в этой комнате – просто жалкое подражание великолепию природы.

– Ну да, как же, в природе полно символов солнца и луны. На каждом дереве… – отозвался из угла комнаты ЭрДжей.

Мирас добродушно улыбнулся.

– Ты обратил внимание на отдельные части и не увидел цельную картину.

Ребята стали внимательнее рассматривать работу художника. Им хотелось понять, о чём говорил Мирас.

– Я вижу! – воскликнула Мята. – Это же дерево!

– Где? – удивился Альфред.

– Вот смотри, из этого круга выходит другая линия и если проследить за ней, то получается верхушка, а вот та линия более прямая и если это всё соединить, то получится дерево, – Мята вела пальцем по воздуху, описывая увиденный образ.

– Всё равно не вижу дерево, но, кажется, я вижу птицу. Вон смотри, с той линии, о которой ты говорила, только ещё повести выше, получается птица в полёте.

– Да-да, точно!

– Я вижу реку прямо над своей головой, – улыбнулся Блюм и тоже попытался показать ребятам нужные линии.

– Да, именно так работает вера в богов и духов. Говоришь, что там что-то есть, а фантазия людей до-

думывает всё сама… – скептически произнёс ЭрДжей. – Там ведь нет ни дерева, ни речки, ни чего-то ещё.

– Кто знает, – загадочно ответил мастер и улыбнулся ЭрДжею.

– Почему всё нарисовано чёрным? – поинтересовалась девочка.

– На самом деле это тёмно-синий. Но дело в том, что обычно я нахожусь здесь без света, ведь это не обычная краска. Это одно из чудес прошлого. Если потушить свечи, рисунки будут светиться.

– Светиться? Разве такое возможно?

– Если хотите, могу показать, как это выглядит без света.

– Конечно! – в один голос ответили трое ребят.

ЭрДжей только приподнял левую бровь.

Мирас по очереди задул свечи, и ребята оказались практически в полном мраке, но постепенно символы на стенах и впрямь начали немного люминесцировать, а когда глаза привыкли к темноте, то и вовсе начало казаться, что свет этих линий чересчур яркий.

Друзья будто покинули землю и воспарили к ночному небу. Помимо толстых линий, образующих все те фантастические образы, на поверхности были рассыпаны еле заметные капли краски, напоминающие звёзды. При свете свеч их вовсе не было видно, но сейчас они создавали невероятную атмосферу космического пространства. Но ведь рисунки были не только на стенах и потолке. Мята опустила голову и сперва испугалась. Ей показалось, что она не сидит на

твёрдой поверхности, а парит над этими линиями. Она почувствовала себя звездой, окруженной тысячами других звёзд, затерянной где-то там во Вселенной. Чтобы прийти в себя она осторожно прикоснулась пальцем к линии и к счастью, почувствовала это. Значит это всё же она, а не одинокое небесное тело.

– Это магия… – прошептала Мята. – Это…

Вдруг густой желтый свет залил помещение, разом прогнав всё волшебство момента, – ЭрДжей зажег свою лампу.

– Люминесцентная декоративная краска. Никакой магии. – Он поставил лампу на пол и снова скрестил руки на груди.

Это было так неожиданно, что ребятам показалось, что они упали сверху, прямо из ночного неба обратно в свои тела.

– Магия не в самой краске, а в том, что это создано руками человека. Это удивительное полотно изначально было всего лишь мыслью, а теперь оно имеет форму, смысл и живёт в нашем мире, – произнёс Блюм.

– Зачем вообще делать такое место?.. – не унимался Изобретатель.

– Я здесь медитирую, – спокойно ответил Мирас.

– А я думал, жертвы приносишь…

Мята не выдержала и бросила на ЭрДжея сердитый взгляд.

– А что такое ме-ди-ти?.. – начала она.

– Медитация… Хмм… как бы тебе объяснить. Есть такое особое состояние души, когда ты полно-

стью свободен, когда тебя ничего не сковывает, ничего не тревожит, ничто не держит. Ты открываешься миру и становишься его частью – осознаешь себя в нём и его в себе. Между тобой и целым мирозданием стираются все границы, и ты волен путешествовать по неизведанным далям Вселенной – как этой, так и своей собственной. Просто так в это состояние не войти. Для этого нужно полное спокойствие и концентрация, а ведь мы всегда куда-то так спешим и о чём-то очень беспокоимся… – улыбнулся Мирас. – Медитация предназначена именно для этого – чтобы расслабиться, остановить хаотичный поток мыслей, отпустить всё лишнее и сосредоточиться.

– Эти символы как-то помогают тебе? – спросил Альфред.

– Да, очень. Но, по правде говоря, иногда я и сам гадаю, что нарисовал здесь. Всё это приходило ко мне откуда-то, и я не могу сказать, что я автор. Я скорее инструмент в чьих-то более умелых руках.

– Зачем ты отправляешься туда? В холодные просторы Вселенной? – спросил Блюм. – Что ты пытаешься там найти?

– Я хочу найти исток.

– Исток? – удивился Блюм.

– Я всегда хотел нарисовать исток жизни, но я не могу его даже представить. Место, где всё началось.

– В начале всего – не было ничего. Ничто было всем, и всё было едино... Извини, но источник тебе не найти. Жизнь сама по себе исток, – объяснил Блюм.

– Это интересная мысль. Откуда ты это узнал?

– Я, как и ты, получил свои знания от предшественников, и кое-что почерпнул из вне.

Они обменялись продолжительным взглядом и улыбнулись. Между Блюмом и Мирасом сразу возникло понимание, Мята была очарована необыкновенными знаниями, а Альфред был вдохновлён талантом этого мужчины. Один только ЭрДжей не мог разделить всеобщий восторг.

– Почему ты так напряжен? – обратился к нему Мирас.

– Как тут не напрячься… – пробурчал себе под нос ЭрДжей. – Вот скажи мне, если ты образованный человек, умеешь читать и писать, наделён талантом и воображением, как ты выбрал этот путь? Почему не стал использовать свои знания по назначению, а закрылся в хижине и рисуешь какие-то татушки? Ты мог бы делать чертежи, помогать людям отстраивать разрушенные дома, учить их, в конце концов!

– Я там, где я должен быть. Я помогаю заблудившим душам найти верный путь, ведь это не просто рисунки, а своего рода ориентиры. Некие подсказки, которые помогают людям понять их истинное предназначение.

– Ага. И многим ты помог в этой глуши?

Мирас снисходительно улыбнулся. На каждую новую издёвку или грубость от ЭрДжея он отвечал спокойствием и пониманием, что ещё больше раздражало Изобретателя.

– Мой дом, правда, находиться, в месте далёком от мегаполисов, но, несмотря на это, ко мне часто

приходят люди. Будто сама Вселенная подталкивает сюда души, чтобы я помог им.

Блюм одобрительно кивнул:

– Так и есть. Это мир людей, и его судьбу вершат люди, но иногда Вселенная всё же вносит свои коррективы, посылая в мир своих проводников. Эти сильные души, даже в самые тёмные времена, призваны напомнить всем о том, что действительно важно.

– Ты преувеличиваешь, – скромно ответил отшельник. – Не я напоминаю об этих вещах. Искусство показывает, кто мы и зачем здесь.

– Мудрость космоса сосредоточена в сердцах и умах людей. Через человека Вселенная воплощает свой план. Ты великий мастер, Мирас. Ты развил свой талант путём тяжелого труда и заслуженно получил этот дар.

Странно было наблюдать, как уже не молодой Мирас получает одобрение со стороны совсем юного Блюма, но эти двое определённо нашли друг друга. Высокие материи, о которых они рассуждали, немного смущали даже Альфреда, который привык воспринимать любые чудачества, как должное.

– А что означают твои татуировки? – поинтересовалась Мята. – И как ты рисовал у себя на спине?..

Мирас добродушно улыбнулся и вокруг его глаз появились морщины, напоминающие лучи солнца.

– На спине рисовал ещё мой учитель, а вот эти образы пришли ко мне первыми, – Мирас указал на свою левую руку. – С самого детства я видел во снах

озеро, наполненное тысячами солнц, и видел лес, зовущий меня шепотом деревьев. Я проходил сквозь него узкой тропой и выходил к одинокому деревянному дому, в котором меня всегда кто-то ждал. Я не видел лица этого человека, но в моих снах он протягивал мне руку ладонью вверх и приглашал войти в этот дом.

Но рождён я был в мегаполисе, лесов и озёр у нас по близости не было. Каждый день я проводил в городе, и каждую ночь бродил в том лесу. В какой-то момент мне начало казаться, что-то была реальность, а безликий мегаполис – сном. Видения становились всё ярче, голос внутри подбивал меня на безрассудства и однажды я решил пойти в Заброшенный Парк Развлечений, чтобы загадать желание и попасть в тот дом.

Я отправился в путь и сам не понял как, но оказался у того самого озера, что являлось мне во снах, прошел той самой лесной тропой, которой проходил уже не раз в своих видениях, и вышел к тому самому деревянному домику, в котором мы сейчас с вами сидим. Как и в моём сне, в доме был человек. Старый мудрый отшельник жил здесь на протяжении долгих лет. Он ушел от суеты мегаполиса и провёл всю свою жизнь в этом доме, познавая законы нашего мира. Он был художником. Когда я ступил на порог его дома, он в точности, как в моём видении протянул мне руку и пригласил в дом со словами: «Почему ты так долго, я тебя заждался».

Он обучил меня чтению, письму, арифметике, астрономии. Посвятил в основы тайных учений и объяснил, что знания можно черпать отовсюду: из книг, из других людей, из окружающего нас мира и из нас самих. Он рассказал о духовном пути и о долге перед человечеством сохранить искусство и не дать ему умереть. Когда я был готов, он ушел и больше я его не видел. Я продолжил своё обучение и по сей день совершенствую навыки, чтобы полотна, которые я пишу на телах, оставляли след в самом сердце. Вспомнив образы из своего сна, я написал картину собственной жизни на своём теле.

Мирас вытянул левую руку, чтобы ребята могли лучше изучить рисунки, но как друзья не старались, они не видели здесь ни леса, ни тропинки, ни уж тем более домика на опушке. Истолковать такие видения мог только человек, видевший их.

– Снов становилось всё больше, и я решил и дальше заносить их на себя, чтобы не сбиться с верного пути. И хотя этого здесь не изображено, но ваш приход я тоже видел.

– Что? – хором удивились ребята, а ЭрДжей фыркнул из угла комнаты.

– С полгода назад мне снилось, что я гулял по поляне, была солнечная погода, на небе ни тучки. Я наслаждался этой идиллией, как вдруг моё внимание украли три цветка, росшие на вершине холма. Я подошел ближе, чтобы полюбоваться ими, но тут, небо застелили грозовые тучи. Я понимал, что лепестки осыпятся после такой бури, и я решил сорвать цветы, чтобы они могли ещё какое-то время цвести у меня в

доме, но стоило мне сорвать первый цветок, как перед моими глазами начал вырастать новый мегаполис. Дома один за другим возвышались, и люди рекой спешили к ним, чтобы заселиться. Когда я опустил глаза, то двух других цветков уже не было, а тот, который я сорвал – превратился в крепкое дерево. Когда вы вошли, я понял, что сон был о вас. Люди во снах снятся не просто так. Видимо, с одним из вас моя жизнь будет тесно связана в будущем. Правда, почему-то в моём сне гостей было трое.

– Может это просто не мы? Хотя я вообще не понял, где в этом сне были люди… – не унимался ЭрДжей.

– Я чувствую, что это вы, – мягко сказал Мирас.

– А как твоя жизнь будет связана с одним из нас? – спросила Мята.

– Я не знаю, ведь сны не более чем черновой набросок.

– Может это и правда, не мы? – засомневался Альфред. – Всё-таки в твоём видении путешественников было трое, а нас четверо, и к тому же никто из нас не связан с чем-то подобным.

– А вот и нет! – осенило Мяту. – Там были цветы, а ты врачеватель. Это точно ты!

– Ты врачуешь? – удивился Мирас. – Какое сложное и благородное ремесло ты выбрал.

– Да ладно…. Тут скорее, оно меня выбрало, – Альфред улыбнулся и похлопал себя по больной ноге.

– Ты кстати говорил, что через лес сюда пришел. Ты часом, ни в какие странные места не проваливался? – отозвался из угла комнаты ЭрДжей.

– Подсядь ближе к нам, и я расскажу тебе о лабиринтах леса всё, что мне известно.

– Ну уж нет! Мне и тут хорошо.

ЭрДжей показательно отвернулся, но любопытство было его самым слабым местом. Ребята улыбались, зная, что он не устоит.

– Только из любви к науке и фактам!

И он уселся рядом с Альфредом.

Почему-то смотреть в глаза Мирасу было тяжело для ЭрДжея, хотя на лице мастера было полное спокойствие, и его совершенно не заботил негативный настрой собеседника. Но вот ЭрДжея эта чрезмерная доброта и всепонимание только сильнее выводили из себя.

– Я знаю лишь легенду и не могу сказать, что правда в ней, а что вымысел. Но согласно тому, что я слышал, было время, когда жизнь была совсем другой. Какой именно – никто не помнит, но люди были везде и возможности их были безграничны. Они возводили дома высотой до небес и запускали страшные машины к небесам, тем самым гневя Богов. И тогда те послали кару на этот мир и жизнь начала умирать. Смерть была отовсюду, и погибших было больше, чем можно сосчитать. И когда гибель стала привычным делом, появились почитатели Смерти. Согласно древнейшему ритуалу погребения, тела не сжигали, а закапывали в землю. Я думаю, поэтому почитатели выбрали туннели. Они погребали себя заживо в тех подвалах, переживая смерть при жизни. Эту историю рассказал мне один скиталец много лет назад. В его родном мегаполисе были точно такие же туннели. Я

спустился в лабиринты леса однажды, но мне не понравилась энергетика тех мест, и я больше туда не заходил.

Эта история объяснила ровным счётом ничего. Друзья и так знали, что раньше жизнь была иной, и что потом по каким-то причинам всё пошло на перекос, а историю про разгневанных богов Мята знала наизусть, потому что это была самая популярная поучительная история старших. И только ЭрДжей знал, что не было никаких богов. Эту кару люди послали на себя сами…

– Ну, в любом случае, туннели вырыли люди, – небрежно кинул ЭрДжей.

– А как вы туда попали? Нашли один из входов?

– Мы провалились! Было очень страшно… – вспомнила жуткие события Мята.

– И странно… – добавил Альфред. – Мы просто шли по лесу, как вдруг Мята увязла в землю, а потом и ЭрДжей.

– Так лес разделил вас, – отметил для себя Мирас.

– Поправка: не лес разделил, а мы разделились. Так вышло, – отрезал ЭрДжей.

– Ошибаешься, мой друг. Лес, через который вам пришлось пройти – не обычный. Все, у кого есть сомнения в сердце – теряются в нём, а если находят выход, значит смогли обрести себя. Я уверен, что когда вы зашли в него, у вас были вопросы к самим себе, а когда вышли – на душе стало гораздо легче.

– Ну… немного… – улыбнулась Мята.

– Это бред, – бросил ЭрДжей.

– Ты называешь бредом всё, что не в состоянии объяснить?

– Ха? Не в состоянии объяснить? Да что тут объяснять? Перекрывающая плита под весом грунта деформировалась, потом прошли мы, и она сломалась, а время, сырость, корни деревьев и прочие факторы только способствовали этому! Нет тут магии леса, разделяющей людей. Весь этот суеверный бред с летающими духами, разгневанными богами, душами, переходящими из тела в тело – всё это сказки, которые мешают развиваться умственно!

– То есть у тебя есть ответ на вопрос, что случится с человеком после смерти?

– Да, есть. С ним ничего не случится! Он просто умрёт. Мозг прекратит свою деятельность, клетки начнут отмирать, а сердце перестанет гонять по венам кровь и всё. Сознание угаснет и больше ничего не будет. Ни великих врат, ни страшного суда, ни новой жизни! – выпалил на одном дыхании ЭрДжей.

– Я тебя понял, – спокойно ответил Мирас. – Это твоя точка зрения, я не могу её разделить, но отдаю ей должное. Ты волен верить в то, во что хочешь.

– Тц! Это не точка зрения, это правда. У каждого религиозного учения разный исход. У одних ад, у других карма, у третьих ещё что-то, а истина одна – и она в науке!

– Почему обязательно должен быть один единственно верный исход? Почему только одна версия должна оказаться правдивой? На земле несколько континентов, почему там не может быть так же?

– Ох, континенты загробного мира… Не смеши меня!

– Почему ты так хочешь навязать другим свою точку зрения?

– Больно надо! Я хочу, чтобы люди начали думать головой, а не другими местами. Конечно, каждый хочет быть уникальным и избранным, вот великая Вселенная его направляет и ведёт к его цели. Ага, больше дел у неё нет! Так проще оправдать свою лень! Не получилось – значит, такая судьба, ничего не достиг – ну, может, в другой жизни больше повезёт. И сейчас это чуть ли не первостепенная проблема! Я не могу людей расшевелить, чтобы они чему-то учиться начали!

– И ты решил, что просто покричав во всё горло о том, что их убеждения ложны, люди одумаются и изменят свою точку зрения?

– Нет, но… Подожди, не о том речь! И что значит, «покричав»?! Я не…

– Нет, именно об этом. Я с тобой полностью согласен, вера – может быть губительной, если слепо следовать правилам, не осознавая их сущности, но учение не виновато в глупости последователей. И я, как и ты, не хочу, чтобы мир пришел в ещё больший упадок. Я избрал свой путь, чтобы предотвратить это. Я хочу раскрыть наш потенциал при помощи искусства. Ты выбрал путь науки, но неужели ты думаешь, что такими словами ты достучишься до кого-то?

– Если бы у меня было достаточно электричества, я бы показал всем, чего можно достичь при помощи знаний, но мне опять-таки нужны люди, чтобы

всё это сделать, а люди ничего делать не хотят. И вот мы снова пришли к началу!

– ЭрДжей, я чувствую в тебе огромную силу, способную многое изменить, но ты ещё юн и не зрело смотришь на вещи.

– Тц! Я между прочи…

– Не перебивай меня, пожалуйста. Я не закончил свою мысль.

ЭрДжей был недоволен, но замолчал.

– Возможно не стремись люди в прошлом так сильно доказать свою правоту другим, всего этого можно было бы избежать. Разве все конфликты происходят не из-за нежелания прислушаться к мнению другого? Вместо того, чтобы просто выслушать друг друга и почерпнуть знания с другого истока, мы пытаемся перестроить его под себя. Мы пытаемся сломать собеседника, чтобы тот принял твою истину и начал смотреть на мир твоими глазами, но это, как ты понимаешь, невозможно. В этой разности мнений и видений заключена великая сила дополнять друг друга. В этом бесконечном количестве комбинаций, которые могут породить объединения взглядов и умов, и заключается сущность развития. Мы мыслим и видим по-разному. Даже на объективные вещи, мы всё равно смотрим субъективно.

– Нет, есть абсолютно объективные вещи, с которыми никто поспорить не может. Человек давно понял мир, понял его структуру, вывел химические формулы, физические законы, мы строили роботов, летали в космос…

– И посмотри, где мы оказались.

– Хочешь сказать, наука в этом виновата?

– Ты даже не пытаешься меня услышать.

– Как и ты меня! Ты тем же самым занимаешься – пытаешься перестроить меня под себя, навязать свою точку зрения!

ЭрДжей смотрел на Мираса из-подо лба, насупивши брови. Взгляд мастера был таким же спокойным и понимающим, но Изобретателю казалось, что на него давит целая гора.

– Разве? И как это проявляется? Я не сказал ничего оскорбительного в адрес твоей точки зрения, не назвал её ложной и не призываю перестать так думать. Всё, чего я попросил – выслушать меня, а уже делать выводы или нет – решать тебе. И вот что я думаю: прежде чем летать в космос на больших машинах, человеку стоило бы сначала изучить свою собственную Вселенную, – Мирас ткнул пальцем в грудь ЭрДжея. – То, что находится здесь – наука никогда объяснить не сможет. В такие глубины ни одна подводная лодка не доберётся, и к таким высотам ни одна машина не долетит, – Мирас прожигал взглядом ЭрДжея. – Ты ведь ещё не решил… ещё сомневаешься…

– Не лезь ко мне…. – тихо процедил ЭрДжей.

Мирас перевёл взгляд на рюкзак ЭрДжея, который стоял рядом с ним.

– То, что ты там прячешь. Причина всех бед…

ЭрДжей резко откинул руку Мираса.

– Я сказал, не лезь ко мне!

Изобретатель был ужасно зол. Хотя слова Мираса можно было истолковать как угодно, но почему-

то мурашки пробежали по его спине. Будто мастер знал, что в рюкзаке находятся разработки Рэймонда.

Мирас ровным и серьёзным тоном продолжил:

– Этого не может быть, потому что этого не может быть – не аргумент. Ты родился во времена, когда вера в зыбкие вещи стала последней надеждой на спасение. Если хочешь что-то изменить, покажи всем во что ещё можно верить, а не пытайся отнять эту веру.

Раньше наука искала разгадки таинств мира, а потом стала средством удовлетворения бесконечно растущих потребностей. Небывалый взлёт технологий, за которым последовал духовный кризис, и всё стало товаром, даже человеческая жизнь. И всё это описывалось в учебниках истории, как стремительное развитие человечества. Ты с этим согласен? Лично я отказываюсь верить, что превращать две монеты в десять – это вершина того, на что мы способны.

Разгневались Боги или нет, но мир, в котором ты живёшь сейчас – это результат моральной деградации тех времён. Наука и духовность должны идти рука об руку, иначе человечество обречено ходить по кругу и совершать те же самые ошибки, – закончил свою мысль Мирас.

Блюм сидел с видом настоящего философа и почёсывал свой подбородок. Казалось, будто его не заботит спор, перерастающий в конфликт. Блюм размышлял о чём-то своём и видимо ушел в эти мысли достаточно глубоко.

– Ты дал нам кров на эту ночь, спас от стихии, и я благодарен тебе за это. Я выслушал тебя, как ты и просил. Это всё? – тихо и холодно процедил ЭрДжей.

– Да, это всё, – всё так же ровно и спокойно произнёс Мирас. – Я утомил вас, извините. Вы и так устали с дороги.

– Нет-нет, что ты! – Мята попыталась как-то разрядить обстановку. – Всё, что ты рассказал, было очень интересным! И про медитацию, и про… всё остальное.

Внезапно Мирас встал.

– Мне нужно сделать ещё несколько набросков. Образы пришли ко мне во время медитации, не хочу их забыть, а вы можете ложиться спать прямо здесь. Приятных сновидений.

Он улыбнулся ребятам и направился к выходу. Блюм внимательно провожал его взглядом, пока тот не скрылся из виду.

– Почему ты так ведёшь себя с ним? – спросила Мята, как только звук шагов Мираса отдалился.

– Отстань, Перчик.

– Если бы я впустил тебя к себе в дом, а ты мне так отвечал, я бы тебя выставил, даже не смотря на проливной дождь, – сказал Альфред.

– Чёрт… Да я и сам не знаю… Не нравится он мне и всё! Странный он. Ведёт себя так, как будто всё знает!

– Кого же он мне напоминает?.. – съязвила Мята.

– Очень смешно, Перчик…

– Вы с ним очень похожи – в этом вся проблема, – сказал Блюм.

– Чего? Мы с ним?

– Вы оба выбрали целью своей жизни познание мира и стремитесь постичь его. Изучаете мир, его

структуру и законы. Только зашли вы с противоположных сторон. У вас одна цель, но разные средства её достижения, и этот конфликт неразрешим ещё с давних времён. Вместо того чтобы увидеть в разных точках зрения перспективу, вы предпочитаете соревноваться. В результате вы двигаетесь медленней, но если бы вы объединили свои силы, то ваши поиски ускорились бы.

– Не смеши меня! К чему приведёт моё с ним объединение? Он научит меня добывать огонь трением? Или расскажет про мою судьбу по линиям на руке?

– Тебе есть, чему у него поучиться.

После этих слов все принялись укладываться спать прямо на полу в этой мистической комнате.

Духовность. ЭрДжей очень редко обращался к этому понятию. Что есть духовность для него, и чем она была для Рэймонда? В том его дневнике он постоянно говорил о ней, и вот к чему привела его вера в столь зыбкие вещи. Опираться нужно только на факты, а не потакать своим внутренним порывам.

С этой мыслью он и лёг спать, хотя уснуть получилось не сразу, ведь рисунки на стенах снова проявились, и ребята ещё некоторое время разглядывали их, пока усталость не взяла верх…

Веки Мяты медленно открылись и вот она уже не спит. Она приподнялась, чтобы осмотреться вокруг. Странный и тревожный сон приснился ей, но она совершенно не помнила его. Чувство внутреннего опустошения не покидало её, будто ей только что дали

очень важную подсказку, а она её забыла. Из дверного проёма доносился еле заметный тёплый свет. Неужели Мирас ещё не спит?

Одна безумная мысль забралась к ней в голову, но Мята поспешила прогнать её. Она снова попыталась уснуть, но та мысль всё никак не оставляла её в покое. С другой стороны, почему бы и нет? Мята тихонечко встала и на цыпочках пошла к выходу.

В мастерской и, правда, горел свет. Она осторожно заглянула в дверной проём и увидела Мираса, сидящего за его рабочим столом. Он переоделся и теперь рисунки на его теле были скрыты за чёрной футболкой. Перед ним стояла странная деревянная конструкция, которая держала холст под небольшим наклоном, а сам Мирас что-то увлечённо рисовал. Сейчас он выглядел совсем не так, как вечером, когда они пришли к нему.

Его спокойствие и безразличие куда-то исчезли, и теперь на его лице была целая палитра эмоций. Он проживал и чувствовал каждый мазок своего рисунка. Его пристальный взгляд был направлен на холст, но в тоже время, он будто смотрел сквозь него. Для мастера в это мгновение не существовало реальности и вымысла. Всё, что сейчас имело значение – образ, пришедший к нему из холодных далей космоса. В его руках был инструмент, но и он сам был инструментом. Он творил страстно и самозабвенно, совершенно не замечая пару любопытных голубых глаз. Мята замерла и боялась даже дышать, чтобы не спугнуть его состояние.

Одна кисть была решительно отложена в сторону, и рука творца потянулась к другой, более тонкой. Только сейчас Мята заметила, сколько же всего стояло на его столе. Жестяные банки из-под еды теперь служили подставками для кисточек и карандашей, и некоторые из них были разукрашены или декорированы бечёвкой. Маленькие коробочки хранили в себе уголь и пастель. Палитры, грязные и чистые, хаотично валялись на столе, а среди вспомогательных инструментов Мята заметила ножи и тряпочки. Краски, которые Мирас использовал в этот раз, были не из тех больших банок, а из тюбиков.

Сама комната была просторной, но свободного места здесь практически не было. Вдоль стен под весом содержимого гнулись широкие стеллажи, а пол был завален коробками и инструментами.

Помимо бумажных набросков, здесь так же были и полотна в рамах, но они стояли друг за другом у стены, и полюбоваться можно было только первым, а вот рисунков – не сосчитать! Они висели, стояли, лежали, были скручены, сложены, скомканы. Но, не смотря на такое огромное количество вещей, в этом безумном обители беспорядка определённо был свой порядок. Всё лежало на своих местах, и даже в этом хаосе была своя гармония.

Мята снова посмотрела на Мираса. Под его уверенной рукой прямо сейчас рождался новый мир, и простая мысль превращалась в реальность. Его рука двигалась очень утончённо – такая грация не свойственна людям. Это скорее были движения самой природы. Его рука поднималась вверх подобно ветру,

стремящемуся взлететь на холм. Он макал кисть в краску, как журавель погружал свой клюв в воды реки. Когда Природа создавала всё вокруг, она двигалась именно с такой страстью и утонченностью, уверенностью и трепетом.

Всё новые и новые краски принимали участие в этом акте творения. Мята чувствовала, что неправильно вот так подглядывать за чужой работой, но сил оторваться от этого зрелища у неё не было.

Вдруг кисть остановилась.

– Как давно ты там стоишь?

Хотя голос мастера звучал так же тепло и радушно, но Мяте было неловко. Будто она подсмотрела за чем-то слишком откровенным.

– Я… прости меня, Мирас… – её слабый голос было еле слышно. Она сгорала со стыда. – Я хотело только глазком взглянуть, а когда увидела, как ты рисуешь, не смогла оторваться и… осталась. Прости, пожалуйста!

Мирас удивлённо посмотрел на неё, затем откинулся на спинку стула.

– За что ты извиняешься? Входи.

Он улыбнулся ей и кивнул головой, подзывая к столу.

– Правда?.. Можно?..

– Ну конечно.

Мята вышла из-за дверного проёма и осторожно направилась к столу.

– Я давно не писал при ком-то, мне ужасно неловко. Надеюсь, я выглядел не очень безумно… – Мирас устало потёр свои глаза.

– Это мне очень стыдно, я не должна была подсматривать…

Она остановилась у стола и не решалась зайти за него, а саму картину не было видно из-за подставки.

– А что это? – спросила Мята, указывая на неё.

– Это мольберт. Когда работа лежит на столе, и ты долго сидишь за ней, начинает болеть спина, а с мольбертом легче. Но ещё он помогает избежать случайных касаний пальцами или ребром ладони, да и оценивать работу со стороны проще под таким углом.

Мята легонько улыбнулась.

– Я, наверное, задаю глупые вопросы. Парней постоянно достаю, теперь тебя.

– Каждый человек на твоём пути – учитель. Я рад, что есть что-то, чем я могу поделиться с тобой.

Мирас встал из-за стола, попутно вытирая руки довольно испачканной тряпкой. Он небрежно бросил её на стол и пошел к ведру с водой, чтобы смыть остатки красок. У неё был шанс рассмотреть стол и его принадлежности поближе. Использованные кисточки отмокали в баночке, а краски на палитре перемешались.

– Эти цвета такие красивые. У нас в мегаполисе есть только баллончики, и они ужасные, а ещё воняют…

– Это масляные краски. Я знаю одного перекупщика, он специально поставляет мне их. Но те, которые я использую для рисунков на теле, я делаю сам из того, что подарила природа.

Мята только сейчас заметила, что шум дождя прекратился. У Мираса больше не было причин оставлять их у себя, но он их не прогонял.

– Вы в Парк идёте? – внезапно спросил Мирас.

Мята не какое-то время оторопела, не зная, что ответить.

– А как ты?..

– Просто предположил. Можешь не рассказывать, если не хочешь.

– Да рассказать особо не чего. Мой брат пошел в Парк за желанием, ничего не сказав, Блюм решил помочь мне вернуть его, у Ала есть желание, а ЭрДжей туда идёт «разоблачить обман». Как-то так.

– Разоблачить обман? Интересно. А ты бы чего хотела, чтобы испытания Парка оказались правдой или выдумкой?

– Ну… как бы мне не было страшно, я бы хотела, чтобы там были испытания. У Альфреда есть желание, и если бы он смог его загадать, я была бы очень рада. Да и мой брат тоже пошел туда не просто так. Все идут туда не просто так, так что… – слабо улыбнулась девочка. – К тебе, кстати, не заходил мальчик моих лет с таким же цветом волос, глаз и с родинкой на щеке?

– Нет, Мята, мне очень жаль, но твой брат не приходил ко мне.

Она опустила глаза. Мирас сразу понял, как взбодрить её.

– Хочешь взглянуть? – он вернулся к рабочему месту и встал напротив картины.

Мята вопросительно посмотрела на него, но тот только улыбнулся в ответ и немного отошел в сторону, приглашая её на это место.

Она осторожно зашла за стол, следя за тем, чтобы ни во что не врезаться в этот раз, и как только она увидела работу мастера – весь мир вокруг перестал существовать. Она утонула в этих красках, рельефных мазках, мягких переходах от одного цвета к другому. Искусное сочетание цветов вместе с невероятной техникой исполнения заставили эту картину буквально ожить. Мяте казалось, что нарисованные облака вот-вот начнут плыть по предзакатному небу, а трава заволнуется от мельчайших порывов ветра.

– Не всё должно иметь смысл, не всё должно делаться с целью. Все эти картины не имеют ни малейшей практической ценности, но именно любовь к ним делает меня человеком. Я верю, что если что-то и заставит людей одуматься, так это искусство. Тяга к прекрасному всегда будет побеждать животную сущность.

Мята хотела запротестовать, сказать, что эти картины имеют большую ценность, но почему-то молчала. Слова застряли в её горле, и она не смогла их озвучить. Чувство собственной незначительности перед трудами этого мастера ввели её в ступор. Снова она встретила удивительного человека с удивительной историей. Ещё один гений на её пути. ЭрДжей сказал в лесу, что она тоже так может. Нет, не может. Так – точно не может. У этого человека дар. Он был рождён, чтобы творить. Эта картина была чем-то не

из этого мира. Крупица истины, залетевшая сюда волей случая. С каких далей пришла эта мысль? Как не заблудилась, нашла проводника и смогла ожить в этом мире?..

Мята хотела отложить в памяти каждый мазок. Мирас искоса глянул на её сосредоточенное лицо и улыбнулся.

– Что ты чувствуешь, глядя на неё?

– Мне грустно… – тихонечко ответила Мята.

– Почему?

– Потому что…я только и делаю, что смотрю на других, а сама ничего толком за свою жизнь не сделала. Я никогда не смогу создать что-то подобное. Поэтому мне грустно…

– С чего ты взяла, что никогда не станешь мастером в каком-то деле?

– Ну, я думаю… нужно родиться для этого. Я уверена, что ты, как ЭрДжей и Альфред с ранних лет знал, чего хочешь.

Мирас легонько засмеялся.

– Я был намного старше ЭрДжея, когда пришел в этот дом, а до моего прихода сюда я не занимался рисованием. Я даже не умел читать или писать.

Мята удивлённо посмотрела на него.

– Не важно, когда ты найдёшь то, к чему лежит твоя душа. Главное, чтобы ты нашел это. Да, мастерство требует времени, но и поиск, и обучение – это тоже важная часть твоего становления. По сути это и есть жизнь. Всё своё время, которое ты проведёшь здесь, ты будешь что-то искать и чему-то учиться. И нет такого понятия, как родиться для чего-то. Нет

определённого пути и известного исхода. Судьба будет меняться в зависимости от принятых тобою решений и сказанных слов. Она меняется постоянно. Нить судьбы прямо сейчас готова сделать новый виток вокруг кого-то или чего-то, но только после твоего решения.

Мирас закончил свою мысль и пошел ко второму столу, стоящему глубоко в комнате. Он принялся доставать какие-то другие краски с ящичков, оставив Мяту размышлять.

– Когда будешь готова, подходи сюда.

Не сразу, но всё же слова Мираса достигли её сознания.

– Готова к чему?.. – нерешительно переспросила она.

– Ты ведь пришла, чтобы сделать татуировку?

Мята нервно сглотнула.

– Эмм… Мне нечем заплатить, так что…

– Вещи очень редко имеют ценность. Подойди сюда, ближе к свету.

Мята неуверенно зашагала к столу.

– Хмм… – Мирас внимательно смотрел на её запястье. – Я хочу вот эту и улыбку.

Он указал пальцем на голубой браслетик, сплетённый из ниток замысловатыми узлами, с камушком посередине.

Мята растерянно посмотрела на своё запястье, а потом перевела свой взгляд на Мираса.

– Я отдам тебе все! – светясь от счастья, она начала снимать все браслеты подряд.

– Не стоит, Мята. Мне хватит одного.

– Я настаиваю! – обещанная улыбка не сходила с её лица.

Когда она сняла свою плату, села на стульчик по другую сторону стола.

– А как ты поймёшь, что мне нарисовать?

– Положи свои руки на стол ладонями вверх. Хорошо. А теперь закрой глаза и думай о белой реке, русло которой восходит к небесам.

– Млечный путь!

– Именно! Думай о Млечном пути. Думай о своём собственном пути…

Мята закрыла глаза и ощутила, как две большие тёплые ладони легли поверх её рук. Очень хотелось высвободиться, но она успокоилась, преодолела смущение, и как было велено, начала думать о Млечном пути.

Мирас же сделал глубокий вдох. По мере того, как воздух заполнял его лёгкие, сердце его успокаивалось. Живот работал подобно мехам для растопки, разжигая огонь его духа. Дыхание опускалось всё ниже, а душа поднималась выше. Не заблудиться, не улететь слишком далеко. Судьба человека всегда рядом с ним. Заглянуть внутрь, в самую сущность этой души. Чего она хочет, к чему стремится. Зачем пришла в этот мир? Какой опыт хотела получить? Её сердце полно любви и желания заботиться. У неё могло бы быть прекрасное будущее, вот только, где оно? Где её будущее? Почему из всех возможных путей она выберет этот?..

Мирас открыл глаза. Сосредоточенная Мята выглядела очень забавно. Она старательно думала о

Млечном пути, но в то же время её смущали руки Мираса, а ещё у неё чесался нос, но она боялась, что любое движение собьёт процесс, поэтому из последних сил терпела.

Мирас убрал свои руки.

– Всё? Я могу двигаться? – умоляюще спросила Мята.

– Да, конечно.

– Ну что, что ты увидел? – спросила Мята, почёсывая кончик носа.

Мастер ничего не отвечал. Он изучал цвет её глаз. Красивый голубой оттенок. Нужно запомнить его и сделать на следующей картине небо такого цвета.

– У тебя очень храбрая душа. Нет такой подсказки, которую я мог бы оставить тебе, потому что она тебе не нужна – ты никогда не собьёшься с верного пути. Все решения, которые ты примешь в будущем, станут доказательством этой силы. У меня есть один особенный образ, я хочу подарить его тебе.

Мята совершенно не понимала, о какой силе он говорит. Все эти качества были настолько далеки от неё, что она сомневалась, ту ли судьбу он увидел, но мастер уже достал из ящика стола один из своих эскизов, сделанных карандашом, и протянул ей.

– Это Древо Жизни.

Мята держала в руках изображение дерева, корни которого сплетались с его кронами и образовывали круг. Ствол дерева был крепким, но в тоже время утончённым. Мелкие листья покрывали верхушку, а

корни с ветками переплетались не в хаотичном порядке, а образовывали изящные пересечения линий.

– Это дерево – символ единства. Всё в жизни взаимосвязано, и мы все связаны. Мы живём в этом цикле, умираем в нём и возрождаемся, чтобы снова стать частью единого… Я бы хотел нарисовать его на запястье твоей руки, как напоминание о том, что жизнь – это бесконечный круг и даже смерть не в силах разомкнуть его.

Мята всё ещё держала эскиз в руках и не могла поверить, что скоро такой искусный рисунок будет на её теле. Она протянула его обратно Мирасу, а сама посильнее закатила рукав на левой руке.

Приготовления заставляли сердце Мяты учащённо биться. Она уже немного пожалела, что ввязалась в это. Инструменты выглядели пугающе. Мирас достал несколько тонких длинных палочек с примотанными к ним заострёнными наконечниками. Иглы были разные по калибру, и мастер сосредоточено подбирал нужный для нанесения именно этого рисунка. Краски для тату тоже отличались от тех, которые она видела на палитре. Каждый цвет хранился в отдельной маленькой, плотно закрывающейся баночке.

Видя, как Мята переживает, Мирас решил немного отвлечь её.

– Наконечники одноразовые, всегда новые, так что можешь не переживать. А это настой из коры ивы, дуба и тысячелетника. Эти травы обладают прекрасным обеззараживающим эффектом.

– Это Альфред знаток по травам, а я понятия не имею о чём ты… – нервно захихикала Мята.

Мирас поставил на край стола баночку с сушеными травами и поджег их, – запах не заставил себя ждать. Девочка принюхалась.

– Здесь есть Мята?

– Да, – улыбнулся Мирас. – Ещё мелиса, лаванда, тимьян, ромашка и валериана. Кстати, почему тебя зовут Мятой?

Мирас к этому времени уже разложил необходимые инструменты на столе, убрал всё лишнее, поставил перед собой краски и положил подушечку, на которую следует класть руку.

– Ну… Альфред нашел мяту, заварил чай и мне понравилось слово, – Мята говорила на автомате. Всё её внимание было приковано к палочкам с иглами. – А это сильно больно?.. – нерешительно спросила она.

– Нет, не сильно, – мягко сказал он. – Но потерпеть немного придётся.

Смочив иглу в краску, Мирас склонился над рукой Мяты. Она сжалась всем телом, не зная, чего ожидать, но вопреки её страхам, боль была терпимой. Это было неприятно, но в жизни ей доставалось и покрепче. Мирас наносил рисунок, резко и точечно вводя иглу в верхний слой кожи.

Разные участки кисти оказались разными по чувствительности. Боль была то тупой и несильно ощутимой, в иной раз пронзала электрическим током и отдавала по всему телу. Но Мята ни разу даже не пискнула. Она прикусила губу и просидела так почти всё время, принимая вызов этой боли и перенося её с достоинством.

А Мирас внимательно и осторожно выводил контуры на её запястье. Тёмно-коричневый, практически чёрный ствол и корни были уже готовы. Крона требовали большего внимания. Мята думала, что весь рисунок будет тёмным, но ведь это Мирас, мастер росписи по телу. Листья её Древа Жизни наносились глубоким и благородным изумрудным цветом. На некоторых листочках он даже добавлял более тёмный зелёный цвет или более светлый голубой, создавая утончённый градиент. Такое сочетание цвета листьев с тёмным стволом и ветками создавало контрастный и в то же время выразительный рисунок.

Боль отошла на самый последний план. Мята завороженно наблюдала за тем, как на её теле оживает Древо. С каждой новой каплей краски Мирас отдавал свою энергию, а Мята чувствовала, как силы прибывают к ней. И когда рисунок, казалось бы, был готов, творец потянулся за новыми красками. Он принялся наносить на ствол, ветки и корни другие оттенки коричневого, создавая объём. Тёмные, полутона и светлые составляющие дорисовывались и на листьях тоже.

Это дерево будто было живым и тоже обладало душей. Душой творца, создавшего его.

– Всё готово.

Мяты приподняла руку и внимательно рассматривала Древо Жизни. Невероятной красоты рисунок украшал её запястье. Кожа вокруг татуировки покраснела, и кое-где просачивалась кровь, но Мяту это совсем не волновало. Крошечное дерево, смыкающее круг жизни, теперь навсегда буде с ней.

– Спасибо тебе, Мирас. Это… я… я в жизни такой красоты не видела…

– Не за что, – улыбнулся он. – Я дам тебе специальный настой для протирки. Будешь пользоваться им утром и вечером на протяжении недели. С тобой в пути врачеватель, поэтому заживление пройдёт хорошо, в этом я уверен. А сейчас, позволь я обмотаю кисть ненадолго.

– Зачем? – Мята не хотела прятать рисунок, даже не смотря на покрасневший вид.

– Будет лучше, если свежая рана будет прикрыта. Завтра утром промоем, и я сделаю новую повязку.

Мята протянула ему руку, и Мирас бережно забинтовал её.

– Ты уверен, что браслетов достаточно за такую работу? Может, я могу что-то сделать для тебя? Помочь? Убрать, например.

Мирас как-то странно смотрел на неё. Тёплая улыбка была на его лице, но в то же время глаза были печальны.

– Ничего не нужно. Ступай, я сам всё уберу.

– Так давай я помогу!

– Не нужно, Мята, я всё сделаю сам.

– Но…

– Это обряд, который я должен полностью выполнять сам. Привести рабочее место в порядок – тоже важная часть церемонии.

Ей больше ничего не оставалось, кроме как ещё раз поблагодарить мастера, и покинуть комнату.

Когда она вернулась к ребятам, то заметила, что Блюм не спит. Он сидел и рассматривал рисунки.

– Почему не спишь? – шепотом спросила Мята.

– Принимаю решение.

– Какое? – удивилась девочка. – Погоди, ты… хочешь рисунок? – улыбнулась она.

– И это тоже, – Блюм хитро улыбнулся в ответ и встал, чтобы покинуть комнату. – Ложись спать, завтра трудный день.

Мирас ещё не начал убирать рабочее место. Он сидел на стуле, закинув голову назад, и размышлял с закрытыми глазами. Он отдал очень много энергии и сейчас был практически пуст. Его глаза устали, душа тоже. Ему нельзя говорить будущее, это под запретом. Его задача оставлять подсказки на телах – ни больше, ни меньше.

– Можно и мне рисунок?

Мирас дёрнулся от неожиданности. Он был так погружен в размышления, что не заметил, как на пороге появился Блюм.

Мастер потёр глаза, чтобы навести резкость.

– Извини, я очень устал. Вряд ли я сегодня смогу ещё что-то увидеть.

– Я расплачусь ответом на твой первый вопрос.

Их взгляды встретились – Блюм смотрел изучающе. Мирас почувствовал, будто его проверяют.

Он указал рукой на стул и Блюм присел на то место, где ещё недавно сидела Мята.

– Как ты понимаешь, что нужно рисовать? – Фантаст внимательно рассматривал инструменты на столе.

– Это очень сложно описать. Внутри меня будто есть какие-то врата, и они сдерживают меня. Я открываю их, в своём сознании, и поднимаюсь немного выше этого пространства-времени. Там я могу поговорить с душей. Она подсказывает мне, что я могу изобразить, чтобы помочь человеку найти верный путь. Это чувство сравнимо с открытым окном, в которое стремительно залетает ветер. Он бушует, переворачивает всё в комнате и наполняет её свежим прохладным воздухом, а потом ты закрываешь его, и ветра больше нет… Я возвращаюсь в себя.

– Кто дал тебе эти знания? Кто обучил открывать себя миру?

– Мой наставник научил меня медитировать и уже тогда я умел ненадолго покидать своё тело. Затем в одном из странствий я встретил очень яркую душу. Это была энергия не из этого цикла. Она и дала мне эти знания.

– Интересно, кто был тот нарушитель?.. – лукаво улыбнулся Блюм и протянул руки ладонями вверх. – Моя плата будет велика.

Ещё несколько мгновений Мирас колебался, но желание узнать, кто же перед ним брало вверх. Он положил свои ладони поверх и закрыл глаза, но уже совсем скоро открыл их в ступоре.

– Как же… это так?.. У тебя нет судьбы…

Любой человек испугался бы, услышав такое, но Фантаст выглядел абсолютно спокойным.

– Посмотри внимательней ещё раз. Может путь моей души всё же не окончен?

Мирас нерешительно повторил обряд, но желаемого результата получить так и не смог.

– Я всё равно ничего не вижу. Ни прошлого, ни настоящего, ни будущего…

– Так что же ты нарисуешь человеку без судьбы?

Мирас вопросительно посмотрел на Блюма. Это тоже часть испытания? Только кто его испытывает? Ни разу он ещё не сталкивался с подобным. У всех живущих на земле есть судьба. Она изменчива и непостоянна, но людей без судьбы нет…

– Ты потянулся тогда в комнате к символу Солнца. Я нарисую его. Где ты хочешь, чтобы рисунок был расположен?

Блюм снял с себя футболку.

– Вот здесь, – он указал пальцем на солнечное сплетение у себя на груди.

– На этом месте рисовать будет очень больно.

– Боль – свидетельство жизни.

Всё ещё колеблясь, Мирас смотрел на рыжего парня с золотыми глазами. Этот мальчик совсем юн, но у него взгляд старца. Он только сейчас заметил, как печальны его глаза. Они видели намного больше, чем положено земным душам.

Мирас взял новые инструменты и обновил палитру, а Блюм пододвинул стул ближе, чтобы художнику было удобнее рисовать.

Когда мастер закончил рисунок, то почувствовал, что полностью опустошен. Блюм же внимательно рассматривал свою татуировку. На этот раз Мирас использовал только один цвет – чёрный.

Он в очередной раз сонно потёр глаза и принялся не спеша убирать инструмент, а Блюм всё так же не мог оторвать взгляд от рисунка.

– Как странно, – произнёс он, – в далёких скитаниях моей души этот символ означал жизнь. Тонкий круг символизировал непрерывный процесс рождения и смерти, а зарисованный круг внутри означал единство всего. Ты вернул мне очень тёплые воспоминания. Спасибо тебе.

– Я не помню такой трактовки этого знака ни в одном источнике.

– Это не удивительно, ведь это знания из-за пределов этого мира. И того мира уже давно нет в живых… – Мирас удивлённо посмотрел на Фантаста, но тот продолжил, не отрывая взгляд от рисунка: – и остается только удивляться, как фрагменты знаний переходят из одного мира в другой. Немного видоизменяются, конечно, не без этого, но в целом...

Наконец-то Блюм оторвал глаза от татуировки и посмотрел на Мираса:

– Как много ты хочешь знать?

– О тебе? Или о чём ты?

Блюм не отвечал – он с интересом смотрел на Мираса.

– Ладно, я хочу знать, кто ты.

– И всё?

– Я не понимаю…

– Я всего лишь хочу выяснить, как много ты хотел бы знать.

Мирас не мог подобрать слова. Было такое чувство, что он играет с огнём. Многое он хотел бы узнать, но возможно ли это?

– Хорошо. Я хочу знать всё. Я хочу познать этот мир, понять, как он устроен, что им руководит, как он был создан и кем. Хочу осознать его законы и принципы. Хочу узнать, что есть жизнь. Хочу понять, кто есть человек, и какова его роль во Вселенной, – на одном дыхании произнёс Мирас. Блюм был доволен таким ответом. – Но я понимаю, что это невозможно. Поэтому просто скажи мне, кто ты.

– Ты получишь ответы на все свои вопросы, – улыбнулся Блюм. Мастер широко открыл глаза от удивления. – Ты отмечен Вселенной, Мирас. Твоя жажда познания привела тебя сюда, и позволила стать проводником воли мира. Теперь позволь мне стать твоим проводником на пути к высшей мудрости.

Блюм поднял свои золотые глаза на Мираса, и художник ощутил, как этот взгляд будто проникает внутрь, в его душу.

– Ты понял многие вещи, Мирас, но тебе ещё так много предстоит постичь. Ты и твои знания нужны этому миру, поэтому я помогу тебе. Я дам тебе ответы на все твои вопросы, но взамен ты должен поделиться ими с другими, дабы этот мир не пал…

Волна жара прошла по телу художника – снова эта энергия, не поддающаяся понимаю. Ему было очень страшно, но оторваться от этих глаз он почему-то не мог. Он так и застыл с инструментами в руках, которые собирался складывать. Он смотрел Блюму в глаза, не моргая, и вдруг почувствовал, что начинает

куда-то падать. Вокруг всё потемнело. Тело обмякло, инструменты выскользнули из его рук и звук их падения прервал этот транс. Страх неизведанного окутал Мираса, поэтому он встряхнул головой, чтобы прогнать это странное чувство.

– Не отводи свой взгляд! Смотри мне в глаза… Слушай меня внимательно, Мирас, и смотри прямо мне в глаза. Не бойся. Страх сковывает. Победи все сомнения, истреби весь хаос эмоций. Освободись от тела, приковавшего тебя к этому циклу. Внутри тебя сокрыт путь к другим Планам. Иди по нему. Следуй за мной в пространство, где берёт начало время. Не бойся, падай… падай… а затем – лети… Мудрость скрыта во тьме. Чтобы постичь её, ты должен стать светом...

Преодолевая расстояние непостижимое человеческому сознанию, находясь в месте, где время и форма не имеют значения, он ощущал вибрацию слов, открывающих путь к запредельному….

Блюм одел свою футболку, скрыв недавно нарисованный рисунок. Мирас сидел опустошенный, пытаясь прийти в себя.

– Почему я?.. – еле слышно спросил он.

– Как и вы все, я хочу, чтобы мир восстановился. Но я человек без судьбы – не мне вершить историю на этой земле. Всё, чем я могу помочь – направить. Я считаю, что ты достоин этих знаний, но ты должен обещать мне, что они не пропадут даром. Помоги с их помощью другим.

Мирас посмотрел на Блюма и в его глазах читался вопрос.

– Спрашивай.

– Девочка. Мята.

– Не волнуйся, всё будет хорошо.

Блюм тепло улыбнулся и покинул комнату.

– Глава 13 –

Путь души

– Давай просто тихонечко выйдем отсюда и всё… – шепотом сказал ЭрДжей.

– Нет, нужно попрощаться! Мирас так нам помог! – шепотом спорила с ним Мята.

– Я ему за эту помощь, на минуточку, большую банку тушенки оставил и изобретение! Так что всё нормально. Он почувствует твою благодарность и на расстоянии. Помедитирует там, или что-то в этом духе. А теперь пошли…

ЭрДжей стал подталкивать Мяту идти по узкому коридору к выходу.

– Нет же, стой!..

– Иди, Перчик.

– Да не толкайся ты!

Их спор шепотом в тихом доме был слышен не хуже обычного разговора. ЭрДжей в попытке подтолкнуть Мяту задел рукой одну из коробок, стоящих в коридоре, и самая верхняя полетела на пол. Чудом она не задела их самих, но с грохотом упала на пол. Содержимое рассыпалось по полу и двое виновников тут же засуетились, собирая всё обратно, но такой шум кого угодно разбудил бы.

Мирас появился в дверном проёме.

– О, Мирас, утречко доброе! – выпалил ЭрДжей.

– Извини!.. – Мята виновато посмотрела на мастера. – Мы не хотели.

– Перевернуть коробку или разбудить? – ёрничал ЭрДжей.

– Ни то, ни другое! И это ты вообще виноват!

– Опять я источник всех бед? И твои грабли здесь не при чём?

– Это у меня то грабли?

– А что с твоей рукой, кстати? Что за повязка?

– Эмм, ну это…

– Ну, где вы там? – в дом заглянул Блюм.

Он увидел сонного Мираса, который не мог понять, что здесь происходит с утра пораньше.

– Доброе утро. Хорошо выспался? – поинтересовался Фантаст.

Мастер ничего не ответил и как-то удивлённо посмотрел на Блюма, будто ожидая от него других слов.

ЭрДжей и Мята наконец-то собрали вещи обратно, и Изобретатель поставил коробку на место.

– Ну, вот теперь порядок. Фух!.. Спасибо ещё раз за гостеприимство и за… гостеприимство. Мы пошли. Береги себя! – ЭрДжей уже предвкушал, какое облегчение почувствует, когда покинет этот дом, как вдруг Мирас окликнул ребят:

– Стойте!

– Эмм, я расплатился с тобой, оставил там небольшую безделушку, уверен, ты оценишь. Так что, мы, правда…

– Я, кажется, могу помочь!

Мирас с беспокойным видом принялся отодвигать коробки и стопки с книгами, которые стояли в

узком коридоре. Он убирал их, пока не освободил деревянную дверь, скрытую за этими горами. Мирас открыл её и исчез в темноте.

Друзья не видели, что творилось в комнате, но прекрасно слышали треск, шуршание и как что-то упало. Это накаляло интерес ребят до предела, особенно у ЭрДжея. У такого чудака как Мирас, помощь может быть в виде чего угодно: благовонные свечи, звёздные карты, статуэтки духовных наставников прошлого, да хоть чьи-то останки! Но звук был устрашающе громким. Это что-то Мирас с трудом волочил по полу. Наконец-то его силуэт начал проявляться.

– Помоги мне, ЭрДжей.

Его не нужно было долго уговаривать. Они вдвоём выволокли нечто странное на улицу, и ЭрДжей присел возле этой штуковины, схватившись за голову.

– Это слишком хорошо, чтобы быть правдой…

– А что это? – спросила Мята, не понимающая восторг ЭрДжея.

– Я так и не смог отремонтировать его, так что, если починишь – можете забирать.

– Мирас, ты наш спаситель!

– Да что это такое?

– Это, Перчик, подарок судьбы! Это двухместный велосипед! Если я его починю… вернее, когда я его починю, мы на нём поедем! И доберёмся до Парка в разы быстрее!

– Я поняла! Старшие рассказывали про такие штуки.

– Я объездил на велике полстраны, когда отправился исправлять карту несколько лет назад. Я починю его в два счёта! Мирас, я беру назад все свои мысли, которые вчера надумал о тебе! Ты лучший!

Мирас позволил ЭрДжею пользоваться содержимым чулана, и Изобретатель то и дело бегал от комнаты к велосипеду, примеряя какие-то запчасти, делал чертежи в своём блокноте и вслух рассуждал о каких-то странных, никому не понятных вещах.

Спустя пару часов его энтузиазм немного угас, ведь волшебный чулан был волшебным только на словах. На самом деле полезного там было мало.

Нашлось что-то похожее на часть кресла, из которого можно было сделать сидение на раме. Багажник сзади был, поэтому всё, что требовалось – прикрепить к нему небольшую подушечку. Несколько гаек подошли по калибру и могли послужить. Самые главные детали, благо, были на велосипеде, хоть и в плохом состоянии. Цепь проржавела и требовала смазки. У Мираса не было проблем с маслами в доме, поэтому эта проблема тоже решилась. Решение пахло сосновым эфирным маслом, которое Мирас делал сам. Хотя сначала ЭрДжей был против применения растительных масел для смазывания механизмов, но выбора всё равно не было, поэтому пришлось использовать, что было.

Но проблема пришла оттуда, откуда ЭрДжей никак её не ожидал.

– Мне нужны инструменты.

Он прикусил большой палец и думал, что же делать дальше.

– А у тебя нет ничего в рюкзаке? – спросила Мята.

– Не, у меня только пару крестообразных и плоская отвёртки, но это совсем не то – мне ключи нужны. Всё разболталось и если не прикрутить это, как следует, можно забыть о поездке! Вот был бы семейный ключ…

– Семейный? Какое странное название. А почему его так назвали, ЭрДжей? ЭрДжей?..

Но Мята так и не услышала ответ. Руки ЭрДжея обмякли и опустились, а на его лице было полное недоумение. Он резко встал и пошел к своему рюкзаку.

– ЭрДжей, ты нас пугаешь. Скажи хоть что-нибудь, – произнёс Альфред.

Но Изобретатель с безумным видом принялся поочерёдно открывать все маленькие боковые карманы своего рюкзака. Ребятам не оставалось ничего, кроме как молча наблюдать за поиском. Наконец-то то, за чем он полез, было у него в руках.

– О, это же та железка с супермаркета! – воскликнула Мята.

А ЭрДжей всё так же недоумевал. Он смотрел на ту злосчастную железку, за которой сам чёрт дёрнул его полезть на второй этаж и из-за которой они чуть не погибли, а ведь потом он собирался её выкинуть, но почему-то не сделал это. Оказывается, вот почему. Вот зачем это всё было нужно.

– Это не просто железка, Перчик. Это и есть семейный ключ… – все, кроме Блюма, просто оторопели. – Малыш, ты что, будущее видеть можешь?..

Он закинул руки за голову и широко улыбался:

– Просто признай, что иногда не всё поддаётся объяснению.

ЭрДжей уже приоткрыл рот, и все замерли в ожидании ответа.

– Ну, нет. Я уверен, и это можно как-то объяснить!

Все засмеялись и почувствовали небывалый прилив сил. Теперь у них не было сомнений в успехе починки велосипеда.

Земля после дождя была ещё влажной, но лавочка возле дома уже подсохла. Ребята ничем не могли помочь, поэтому присели на неё и стали ждать обещанный чудо-транспорт.

Мирас удобно расположился на небольших деревянных ступеньках своего дома и с огромным удовольствием наблюдал за происходящим. Давно в его доме не было так оживлённо.

Мастер приложил руку к груди и стал слушать, как бьётся его сердце. Он поразился жизни внутри себя. Как он раньше этого не замечал? Нет никакого секрета или истока, который он всегда хотел отыскать. Всё оказалось таким очевидным.

Совершенно иные чувства будоражили его. Небывалая лёгкость в теле и ясность рассудка приводили его в восторг. Как же всё просто. Как всё легко и очевидно. Жизнь, свет и тепло солнца, голоса ребят, запах земли после дождя, шум деревьев – всё слилось воедино, и не было ничего важнее этого. Разгадка в единстве всего, в неделимости момента. Всё движется и идёт своим чередом. Здесь и где-то далеко, внутри

него и даже за пределами их планеты. В одно и то же мгновение во Вселенной происходит бесконечное количество событий, и он – одна из частиц, приводящих всё в движение.

Он живёт, мир живёт, вокруг него столько жизни, и нет ничего важнее этого. Чувства переполняли его. Он зашел обратно в дом, и никто не обратил на это внимание, ведь все взгляды, что здесь находились, были устремлены на ЭрДжея.

Вряд ли ребятам удастся ещё когда-нибудь увидеть ЭрДжея более вдохновлённым. Его лицо было серьёзным, а взгляд сосредоточенным. Он всё делал уверенно и без промедления. Своими умелыми руками он восстанавливал механизм, который, казалось бы, уже давно пришел в непригодность, но чем сложнее дело, тем сильнее загорается азартом мастер. Это была его стихия. Позабыв обо всём, он с головой ушел в рабочий процесс и иногда забывался настолько, что разговаривал сам с собой.

Солнце в этот день пекло сильнее обычного. Вдобавок после дождя парило, поэтому ЭрДжей быстро израсходовал свои запасы воды. Когда его фляга была опустошена, Мята принесла ему свою.

От прилично одетого и опрятного Изобретателя практически ничего не осталось. Светлые джинсы и белая футболка были навсегда испорчены, но, видимо, его это несильно беспокоило, ведь грязь была не только на одежде и руках, но кое-где на лице и даже на волосах.

– ЭрДжей, ты весь испачкался.

– Иметь технику и не испачкаться, Перчик? – он подмигнул ей, и Мята даже немного смутилась. – Спасибо за воду.

От ЭрДжея исходила небывалая уверенность. Его собственной энергии сейчас хватило бы, чтобы разрушенная электростанция снова заработала. Все чувствовали это и были рады подзарядиться от него. Пусть он и не изобрёл ничего нового, но та сила в его руках, с которой он приводил эти бесполезные по отдельности части в единый рабочий механизм, изумляла и вдохновляла всех здесь присутствующих.

ЭрДжей продолжил свою мысль, намертво завинчивая очередную гайку.

– Все великие открытия, Перчик, вершились в тёмных грязных подвалах, на холодных полах, инструментами давно не новыми и людьми совершенно неприметными, тут я конечно исключение. Но все изобретения, которые меняли мир, делались с целью сделать жизнь лучше, а это работёнка грязная и не из лёгких! Так что имей в виду, ты не достоин зваться мастером, если не готов с головой отдаться делу и запачкаться. Твоя цель должна быть на первом месте. Важнее всего! И уж тем более важнее испорченной одежды, Перчик, – улыбнулся ЭрДжей и принялся вставать.

Разогнув спину, он поднял с земли тряпочку, чтобы вытереть руки. После, он небрежно засунул её в карман своих некогда светлых джинсов.

Мята ещё раз посмотрела на перепачканного ЭрДжея. Грязная одежда, небрежно уложенные волосы,

проступающая щетина и инструменты в руках придавали ему небывалой мужественности.

– Проще простого! – сказал ЭрДжей и, приподняв заднюю часть велосипеда, крутанул ногой педаль. Колесо закрутилось, издавая приятный потрескивающий звук.

– Вау… – в один голос изумились ребята.

ЭрДжей осторожно положил велосипед на землю, а сам присел возле него. Он откинул голову назад и наслаждался моментом. Очередной хлам в его руках превратился в полезную вещь, которая послужит людям. И не просто людям, а его друзьям. ЭрДжей сделал для себя удивительное открытие: делать что-то для дорогих тебе людей намного приятнее.

– Как же я устал… – простонал он.

Теперь его заряд был полностью исчерпан, и он нуждался в подзарядке. Его друзья чувствовали это и незамедлительно пошли к нему. Они стали рядом и любовались плодом его трудов.

– Неужели, он, правда, поедет? – спросил Альфред, всё ещё сомневаясь в реальности их плана.

– Конечно! Мои золотые руки починили этот кусок металлолома. При чём, это действительно металл. Страшно думать, сколько ему лет…

Вдруг ладонь Мяты рухнула на макушку ЭрДжея, и она неуверенно взъерошила ему волосы. ЭрДжей удивлённо посмотрел на неё:

– Ты это… чего?..

– Почувствуй себя на моём месте… – смущённо ответила она.

– На нашем месте ты хотела сказать! – и Блюм принялся неумолимо путать его светлые волосы обеими руками.

– Эй, эй, эй! Ал, и ты туда же?

Но друзья не ограничились этим и применили их недавно приобретённое оружие – щекотку.

– Всё перестаньте! – сквозь смех умолял ЭрДжей.

Когда ребята вдоволь насмеялись, они тоже присели рядом с ним на тёплую, нагретую за день землю. Солнце прошло большую часть своего пути, а значит…

– Нам пора выдвигаться, – сказал ЭрДжей. – Проедем, сколько сможем. Ещё нужно научиться ездить на этой штуковине. Это не так-то просто, скажу я вам.

– А как я?.. – нерешительно начал Альфред.

– Блюм будет рулевым – он меньше ростом, и я буду хорошо видеть за ним. Ты сядешь сзади на багажник, а Мята сядет впереди на раму.

– Я могу крутить!

– Не сомневаюсь, Перчик. Просто Блюм быстрее найдёт равновесие, я в этом уверен. Он умеет с головой подходить к делу.

– А я что, не умею?

– Как тебе сказать, ты делаешь – потом думаешь. Не рационально конечно, но наблюдать само удовольствие.

– Чего? Я всегда думаю и… А ну не смейтесь надо мной!

– Только как мы отплатим Мирасу за такую щедрость?.. – почесал затылок Альфред.

– Мне не нужна плата. Я сделал это, потому что сам так захотел.

Ребята обернулись на голос хозяина дома. Никто и не заметил, как он вернулся.

Мирас снова сидел на ступеньках, держа в руках карандаш. Вокруг него было разбросанно множество других художественных принадлежностей, а на его коленях лежала доска с листом бумаги.

– Ты что-то рисуешь? – Мята любознательно наблюдала, как Мирас резкими движениями что-то вырисовывал, а затем растушевывал пальцем.

– Это ещё один мой вам подарок.

У ЭрДжея ныло всё тело и меньше всего ему хотелось сейчас вставать, но рука Блюма, протянутая ладонью вверх, стала для него отличной опорой, и он снова был на ногах. Ребята подошли к Мирасу, чтобы посмотреть, что он нарисовал для них и все, как один, застыли, когда мастер показал им свою работу.

У Мяты навернулись на глаза слёзы, а Блюм потянулся к рисунку.

– Это же… мы…

Блюм коснулся указательным пальцем своего лица. Рисунок был настолько реалистичным, что казалось, будто нарисованный Фантаст сейчас взмахнёт рукой, чтобы убрать назойливый палец. Но этого не произошло. Запечатлённые на долгие годы, молодые и счастливые, ребята никуда не денутся с этого листа бумаги. Они навсегда останутся здесь, будут стоять

возле уютного деревянного домика Мираса, и всегда будут с улыбкой смотреть в будущее.

ЭрДжей осторожно взял в свои руки лист. Это было другое измерение, другой мир, в котором не действуют законы пространства и времени. Они никогда не состарятся и никогда не исчезнут с этого изображения. Вот настоящая сила искусства – оно способно остановить время.

– Я не уйду из этого мира бесследно… Спасибо тебе, Мирас… – с благодарностью прошептал Блюм.

– О чём ты, малыш. Никто из нас не уйдёт бесследно. Мы все добьёмся бессмертия, – сказал ЭрДжей.

– Каким образом? – спросил Альфред, не отрываясь от рисунка.

– Своими поступками. А этот рисунок всегда будет напоминать нам, что время неумолимо идёт и нам нужно спешить. Чтобы вечно жили не только наши образы, но и наши дела.

ЭрДжей перевёл свой взгляд с рисунка на Мираса. Он уже не раз смотрел на него, но только сейчас увидел. Он разглядел черты лица, морщины вокруг глаз, татуировки на шее и голове, добрый взгляд, светлую щетину с еле заметной проседью, дорожки бугристых вен на руках, сажу на кончиках пальцев… Он вдруг понял, каким дураком себя выставил, осудив Мираса, совсем его не зная.

ЭрДжей протянул Мирасу руку и тот без колебаний пожал её. На лице мастера появилась тёплая улыбка, и он обвёл взглядом всех ребят.

– Многое открылось мне после встречи с вами. Я рад, что смог вам помочь.

Мята вытерла рукой навернувшиеся слёзы:

– Спасибо тебе. Большое-пребольшое. Самое большое спасибо!

– Спасибо… – коротко ответил Альфред, чтобы его голос не дрогнул.

Тепло улыбки Мираса согрело ребят. Они чувствовали, будто прошли какой-то таинственный обряд очищения. Внезапно стало легко и просто. Всё плохое отошло куда-то далеко и ещё не скоро вернётся. С новыми силами они собрались в путь.

Всё ещё находясь под впечатлением момента, они не совсем понимали, что им сейчас предстоит сделать.

Друзья одели рюкзаки и принялись усаживаться на велосипед.

– Ох, чуть не забыл, костыль! – Альфред оставил своего поломанного помощника на лавочке.

Он поспешно схватил его и вернулся к остальным. Блюм и ЭрДжей уже заняли свои позиции, Мята тоже умостилась на сиденье рамы. Кое-как усевшись сзади, Лекарь с тревогой думал о предстоящем безумии.

Ребята ещё раз посмотрели на Мираса на прощание. Этот человек сделал очень много для них. Увидятся ли они снова? Все были уверены, что да, но сейчас их звала дорога.

– Нашу благодарность не выразить словами, – сказал напоследок Блюм.

– Зато её прекрасно выражают ваши глаза. Не оборачивайтесь, – Мирас сделал несколько шагов назад, освобождая им путь.

Теперь все были готовы ехать. ЭрДжей поставил одну ногу на педаль и скомандовал Блюму сделать так же. Затем нужно было полностью полагаться на внутреннее чутьё, слушать своё тело и доверять ему, но на деле всё оказалось гораздо сложнее, чем все себе представляли.

Первая попытка прокрутить педели чуть не обернулась падением Мяты с рамы. Альфред вцепился свободной рукой в сидение ЭрДжея и старался не опускать ногу с точки опоры, на которую показал ЭрДжей, но как только велосипед двинулся с места, его нога сама ушла в сторону. Он быстро вернул её на место, чтобы никто не увидел.

И вторая попытка, и третья, и даже десятая не давали нужный результат. Раз за разом ребята теряли равновесие, не сумев сделать и одного оборота колёс.

– Мята, чуточку в сторону, пожалуйста.

– Блюм, я сейчас свалюсь!

Фантаст не мог нормально держать руль из-за неё, потому что та тоже вцепилась в него, чтобы не упасть.

– Эй, Ал, сиди ровнее! – прокричал Изобретатель.

– Я пытаюсь, но нога постоянно соскальзывает… – недовольно пробурчал Лекарь в ответ.

– Блюм, держи руль ровно! – скомандовал ЭрДжей.

– Может, поменяемся местами, и сам попробуешь порулить?

– Ни за что! – прокричала Мята.

– Как мне это понимать, Перчик? Чем это я тебе так не угодил?

– Ну, я не в этом смысле. Ну, там, ты же сам говорил, Блюм меньше тебя ростом, так удобней просто…

– А может я был не прав! Сейчас как поменяемся с ним местами!

– Может, сконцентрируемся на равновесии? – раздраженно сделал замечание Альфред.

– Чья бы корова мычала! Не хочешь покрутить?

– Далеко же мы тогда уедем…

Мирасу было и тревожно и смешно наблюдать за их неудачными попытками поехать. Сам он никогда не ездил, поэтому даже представить не мог, насколько это тяжело. Но эти ребята были не из тех, кто легко сдается.

Мало-помалу, интервалы между их торможением сокращались, и им удавалось несколько раз прокручивать педали. Попутный ветер как нельзя кстати подбадривал их, подталкивая в нужном направлении.

Руль ещё неуверенно вилял, но ребята не сдавались. Мята благодаря хорошей физической подготовке уже нашла удобное положение, а вот Альфред никак не мог справиться со своим вестибулярным аппаратом.

– Ал, обними меня! – скомандовал ЭрДжей.

– Чего?! Тебе нежности в жизни не хватает?

– Просто обними! Мы теряем равновесие из-за тебя!

– Чёрт…

Свободной рукой он приобнял ЭрДжея за талию. Волосы неприятно лезли в глаза из-за усилившегося ветра и на какое-то время он зажмурился. Но вдруг ветер стал стремительнее и волосы больше не лезли в лицо – они свободно развивалась позади. Он неуверенно открыл глаза и не сразу поверил, что это происходит взаправду. Они ехали и набирали скорость. Деревья мелькали всё чаще, а шум ветра в ушах усиливался.

– У нас получается! – победно кричал Блюм!

– Мы едем! – подхватила Мята.

Мирас улыбался, и его переполняла радость. Он решил подбодрить ребят, которые уже уехали достаточно далеко. Он приложил свои ладони ко рту и прокричал:

– Главное внутреннее равновесие! Баланс должен исходить изнутриии!

Его слова с ветром долетели до ребят, и они радостно рассмеялись.

– Даааaa! – победно прокричал ЭрДжей.

Альфред сидел сзади, зачарованный зрелищем, скоростью, ветром, движением, силой его друзей и непредсказуемостью жизни. Та скорость, с которой они ехали, превосходила его воображение. Ему даже показалось, что они способны обогнать солнце. Он прижмурился, всматриваясь в огромный красно-оранжевый диск, стремящийся воссоединиться с горизонтом.

Но вдруг его вернула на землю тяжесть в левой руке. Он растерянно посмотрел на неё – он сжимал поломанный костыль. За эти несколько мгновений Альфред уже успел позабыть о том, что зависим от этих палок. А если задуматься, правда ли, что он от них зависим? Он снова посмотрел на горизонт и ощущение лёгкости вернулось. Ветер всё сильнее шумел в ушах. Эта свободная стихия всегда восхищала Альфреда. Он всегда мечтал стать ветром, поднимать столпы пыли, заставлять трепетать озёра и танцевать траву на полях. Этот момент настал, это его шанс. Левая рука разжалась, и костыль полетел на пыльную землю, оставшись далеко позади. Альфред расправил плечи, блаженно закрыл глаза и отпустил свободную руку. Она с лёгкостью рассекала воздух пополам, и не было больше ничего в этом мире, что сковывало бы его. Теперь не осталось сомнений, он – ветер…

Счастье заполнило сердца друзей до краёв. Они сломя голову мчались к своей мечте…

Мирас провожал их взглядом, пока ребята не скрылись за горизонтом. К тому времени на небосводе появилась первая звезда. Мастер долго любовался ею, затем присел в позу лотоса, чтобы заняться медитацией под открытым небом…

Всё же друзьям не удалось обогнать солнце, и оно уже начало проваливаться за линию горизонта. Градиент от тёплых тонов к холодным, куполом окружил ребят. Но этот закат преподнёс им волнующий сюрприз.

Они были так увлечены ездой, что совсем позабыли, куда именно держат путь. Когда солнце практически село, и на небе осталась последняя розовая полоса света, Мята внимательно всмотрелась в горизонт.

– Смотрите… Вот там! Смотрите!

Она резко дёрнулась, указывая рукой на объект своей тревоги. Блюм из-за этого на мгновение потерял равновесие, но им чудом удалось избежать падения.

– Перчик, осторожнее! Что ты там такое увидела?

– Парк…

Сердце Альфреда издало очень громкий удар, который эхом разнёсся по всему телу. И правда, вдали виднелись очертания города. Полоса неровных квадратов напоминала силуэт их собственного мегаполиса, за исключением огромного круга.

Радость и тревога смешались в сердцах друзей. Парк всё-таки не выдумка, он действительно существует. И чёртово колесо из легенд поистине устрашающих размеров, раз его видно отсюда.

Завтра они будут там, завтра начнутся их испытания. У Мяты заныло в животе от этих мыслей, но поворачивать никто даже не думал. Они пройдут этот путь до конца, чего бы им это не стоило.

– Я спасу тебя, Потти… – прошептала Мята. – Я успею…

Блюм и ЭрДжей, не переговариваясь, интуитивно начали замедлять скорость езды: пора было делать привал.

Ноги гудели, колени ныли, а в мышцах чувствовалось неровное покалывание – вот такие новые ощущения подарила езда на велосипеде Блюму. ЭрДжей хоть тоже давненько не ездил, но всё же был не так вымотан, как Фантаст. Велосипед облокотили о ствол дерева, а сами ребята отдыхали вокруг костра. Несколько одиноких деревьев обеспечили им костёр и удобный ночлег. В Трактире друзьям дали немало еды про запас, поэтому сегодня они решили отпраздновать, и каждый открыл по целой банке каши с тушенкой.

Все молча ели, мечтательно уставившись в костёр. Пережитое было настолько фантастическим, что в это было трудно поверить. Всем сейчас было невероятно спокойно и уютно.

Мята подняла глаза на небо – бесконечное множество ярких огней куполом окружали её. Она искала в этом свете поддержку. Завтрашний день пугал её, но в тоже время вселял надежду. Главное – спасти брата, но раз уж она проделала такой путь, возможно, стоит попытаться загадать то самое желание. Если бы у неё только получилось…

Мята посмотрела на своих друзей.

– А давайте, каждый расскажет самое заветное желание после первого, – предложила она. – Самое заветное говорить не будем, плохая примета. Кто о чём мечтает?

– Хмм… – начал ЭрДжей. – Я не мечтаю, я ставлю цели и добиваюсь их. Так что, Перчик, мне не чего тебе рассказать.

– Переживу. Уверена, твоя мечта оказалась бы самой скучной.

ЭрДжей ехидно улыбнулся ей и вернулся к поеданию каши.

– Альфред, а ты что расскажешь?

– Нууу… Вторая заветная мечта. Наверное, восстановить медицину. Взять себе учеников, обучить их и, чтобы они потом обучали других. А потом… вернуть бы обряд давать клятву Гиппократа.

– Что это за клятва? – спросил Блюм.

– Это священный обряд, который проходили врачи в прошлом. Они клялись служить людям и делать всё, что в их силах для спасения каждой жизни, вверенной им. Я, конечно, дал клятву себе, но… не знаю, как сказать… Я всегда представлял себе большой зал, и много людей, которые пришли стать свидетелями этой церемонии. Они смотрят на нас – будущих врачей, и мы даём эту клятву, глядя им в глаза, одетые в белые халаты. У меня то и халаты все серые… – улыбнулся Альфред. – В общем, я надеюсь, что однажды медицина снова обретёт свою силу, и врачи будут давать торжественные клятвы в подобающих местах.

Альфред понял, что его откровение заставило ребят загрустить.

– Да чего вы, это я так, к слову. Тем более я уже дал эту клятву себе.

– Альфред, ты должен дать её нам, – решительно сказал ЭрДжей.

– Ох, ЭрДжей, не нужно… Я просто так рассказал. И к тому же текста у меня всё равно нет. Я просто

дал себе слово, что буду помогать другим, пока жив сам. Мне этого достаточно, правда.

Он улыбнулся друзьям и те, хоть и не сразу, но всё же сдались в попытках уговорить его провести этот обряд здесь.

– Мы совсем забыли про нашу игру, – пытался перевести тему Ал. – Блюм, а твоя вторая заветная мечта?

– Хмм… Пожалуй это… чтобы ты подстриг чёлку.

– Что? – засмеялся ЭрДжей. – Это твоё второе «заветное» желание?

– Что может быть лучше путешествия с друзьями в таком удивительном мире? Вы исполнили все мои заветные желания разом. А вот Альфред скрывает свои глаза. Так нельзя, ведь глаза – это двери в душу человека, и нельзя закрывать эти двери на замок. Так что я бы загадал это.

Мята и ЭрДжей засмеялись, Альфред же скрестит руки на груди.

– Мне всё равно никто в глаза толком то и не смотрит… Отрастил и всё тут. Я привык. Может мне нравится!

Друзья засмеялись – им удалось смутить Ала.

Мята задумчиво посмотрела на Альфреда. При их первой встрече он был вынужден завязать волосы в хвостик, чтобы они не мешали работе. С тех пор она толком и не видела его лицо, ведь во время спасения Элис и малышки ей было не до причёсок.

– Торжественно клянусь на правах первой ученицы Лекаря Великого Альфреда, что передам все

свои полученные знания ещё кому-нибудь и… уговорю его обрезать чёлку. Однажды.

Альфред поперхнулся едой, когда услышал слова про Лекаря «Великого», но от души смеющийся ЭрДжей сразу же пришел ему на помощь и постукал по спине.

– А на правах первой ученица Изобретателя Великолепного и Непревзойдённого что обещаешь?

– На правах первой ученицы Изобретателя слишком умного зануды ЭрДжея торжественно клянусь, что научусь считать, освою те твои равнины, или как их там, и ты больше не будешь называть меня Перчиком!

ЭрДжей недовольно посмотрел на неё:

– Значит так, закон сохранения массы гласит…

– Ооой, нет, ЭрДжей…

– Только не сегодня…

– Такое настроение хорошее…

В один голос жалобно простонали ребята.

– Чего? Ну, я вам ещё припомню… – пробурчал ЭрДжей, догребая ложкой остатки каши со стенок жестяной банки. – И вообще, кем-кем, а занудой меня назвать точно нельзя! Тоже мне, первая ученица…

ЭрДжей доел остатки каши и пошел по нужде, бурча под нос.

– И всё-таки он зануда, – констатировала Мята.

– Определённо, – подтвердили Альфред и Блюм

– Я всё слышу! – донёсся из темноты голос ЭрДжея. На что в ответ друзья рассмеялись.

– Мы так и планировали! – прокричала Мята.

– Планировали они… – возвращался бурчащий ЭрДжей. – Ух, там такая холодина, скажу я вам. – Он поднёс ладони к огню.

– Ну, мы же возле костра, поэтому и не ощущаем это, – сказал Альфред, подбросив ещё веток.

– Дело даже не в костре. Мы с вами будто под каким-то куполом, – ЭрДжей жестом показал его. – Там реально холодно, а мы будто на другой планете со своим персональным солнцем.

Блюм захихикал.

– Ты чего, малыш?

– Я думаю, Солнцу бы понравилась твоя шутка.

– Но я согласен с ЭрДжеем, – сказал Альфред. – Наши костры на удивление долго горят.

– Это потому что мы вместе… – с улыбкой произнёс Блюм.

Друзья переглянулись, и тепло этого момента согрело их куда сильнее огня.

Сейчас всё было хорошо. Ребята чувствовали усталость каждой клеточкой своего тела, но это было им в радость. Они проделали огромный путь, и им было чем гордиться.

Завтрашний день изменит их жизни навсегда. Что же за испытания преподнесёт им Парк? Хватит ли им сил, чтобы пройти их? Мята чувствовала тревогу, но присутствие ребят успокаивало и внушало уверенность. Нет ничего, с чем они не могли бы справиться вместе.

Чайник наконец-то закипел, и Альфред принялся заваривать чай. Эти моменты Мята особенно любила. Наблюдать за осторожными движениями Альфреда,

принимать из его рук чашку, благодарить его, вдыхать аромат свежезаваренных трав, прежде чем отпить… Это уже стало своего рода ритуалом, без которого она теперь не могла представить и дня. Интересно, если они пройдут испытания и вернутся в мегаполис, будет ли он заваривать ей чай, как сейчас? А Блюм и ЭрДжей, что собираются делать они? ЭрДжей вернётся – у него проект и великая цель, а вот Блюм… Он вечный скиталец и его душа всегда находится в поиске.

– Блюм, можно тебя кое о чём спросить?

– Конечно, – ответил тот и продолжил остуживать чай.

– А что ты собираешь делать после Парка? Если у нас получится пройти испытания, и загадать желания… Куда ты потом?

– Продолжу свой путь, – спокойно ответил Фантаст.

– Ты оставишь нас? – Альфред отставил чай и удивлённо посмотрел на Блюма.

Тот отсёрбнул чай и собирался с мыслями:

– Да, я оставлю вас.

У всех похолодело внутри. Друзья догадывались, что Блюм продолжит свои поиски, но никто не был готов услышать это от него лично.

– Мне придётся, – продолжил он. – Я не могу вам объяснить всё сейчас, извините, но я обязательно расскажу вам, когда придёт время.

Все молчали.

– Почему вы грустите? – спросил Блюм.

– Что значит почему? – возмутился ЭрДжей. – Ты сказал, что не вернёшься с нами. Как тут не грустить?

Блюм улыбнулся, и в его улыбке были и грусть, и смирение, и счастье.

– Человек исчезает из вашей жизни не тогда, когда вы перестаёте его видеть, а когда вы перестаете о нём думать. Пока я буду жить в ваших сердцах и мыслях, я буду рядом. Просто продолжу свой путь, как и вы свой. К тому же, я не говорил, что не вернусь с вами.

– Ты только что сам сказал, что продолжишь свой путь, – сказала Мята.

– Но ведь сейчас мы с вами идём одной дорогой, – улыбнулся Блюм.

– Ааа, Фантаст, у меня от тебя мозг зудит! – выругался ЭрДжей. – Вот не мог так и сказать – я вернусь с вами. Нет, нужно было что-то про путь начать рассказывать... Выражайся точнее, пожалуйста!

Блюм снова улыбнулся, но затем выражение его лица стало серьёзным:

– Я не оставлю вас, пока не буду уверен, что Страж вам не навредит.

– Я уже и забыла о нём… – задумалась Мята. – А ведь, правда, как же нам быть? Как вернуться домой?..

– Хорошо, Перчик, если испытания Парка существуют, и мы их пройдём, и великие духи не поймичего дадут нам право загадать желание, я загадаю, чтобы Страж ничего нам не сделал и отвалил от тебя и брата.

– Правда?

– Слово Изобретателя! Но ты ведь понимаешь, что там нет никаких испытаний?

– А вот и есть! И завтра ты сам в этом убедишься!

– Эй, Перчик, осторожно, у меня чай в руках!

– Есть магия в мире! Есть!

– Смиритесь, нет никакой магии. Не-ет!

– А я говорю есть!

– Аргументы. Факты. Доказательства, пожалуйста!

Блюм и Альфред с улыбкой наблюдали за шуточной перепалкой Мяты с ЭрДжеем, и наконец-то Фантаст решил вмешаться.

– Магия есть во всём и везде. Она абсолютна и повсеместна, она в каждом и за пределами каждого, она внутри и снаружи, сверху и снизу, едина и неразделима. Магия – это сама Жизнь. Этой силой обладает каждый, но не каждый понимает, как ею пользоваться… – сделав длинную паузу, Блюм поворошил костёр, и яркие искры брызнули в разные стороны, приворожив к себе взоры ребят. – Разве не магия? Огонь жизни…

Блюм отложил палочку в сторону. Все заинтригованно переглянулись, потому что поняли, что сейчас они познакомятся с тем самым Фантастом, которого с таким удовольствием слушал мегаполис.

– Вокруг нас столько удивительных вещей, которые мы с вами делаем каждый день, не осознавая их ценности. Вы чувствуете, как устали ваши ноги и руки? Вы ощущаете, как вам тепло? Вы слышите, как шумит ветер, видите это мерцание вдали? Всё это…

Вы это чувствуете? – Блюм приложил руку к груди. – Каждый вздох, каждый удар моего сердца поражает и восхищает меня. Каждое движение оставляет след, каждое слово имеет смысл, каждый прожитый миг – меняет мир... Разве это не магия?

Как прекрасно устать за день и ночью насладиться сном. Как удивительно взбежать на гору и почувствовать учащённый ритм своего сердца. До чего поразительно говорить и чувствовать, как звук резонирует в твоём теле. Или насколько необычно… видеть. Вы задумывались о том, как невероятно иметь возможность каждый день видеть столько прекрасного вокруг себя! А как волшебно подарить другу улыбку! – на этих словах Блюм улыбнулся Мяте, и та непроизвольно улыбнулась в ответ.

Наша жизнь полна невообразимых чудес, которые мы почему-то перестали замечать, – продолжил Блюм. – Чего стоит смех и хорошая шутка, запах прибавшей пыли после дождя или отражение неба в какой-то маленькой неприметной луже. А наши руки… – Блюм перевёл на них взгляд. – Просто невообразимо, сколько прекрасного мы способны создать с их помощью! В наших силах вдохнуть жизнь в любое творение! В руках сокрыта невообразимая мощь созидания. Хотя всё гораздо проще.

Я могу провести рукой по траве и ощутить её свежесть. Могу положить её на плечо друга, и он ощутит мою поддержку, – и он положил свою руку на плечо сидящего рядом Альфреда. – Я могу провести

ладонью над костром, и он меня укусит… – Блюм иллюстрировал все свои слова жестами. – В конце концов, я могу обнять другого человека…

Душа без тела – довольно бесполезная вещь. Магия этого мира – это возможность чувствовать. Вам доступен великий дар – не только любить, но и проявлять свою любовь… Ведь за пределами этого мира чувства теряют свою ценность. И как, делая такие удивительные вещи каждый день, ты можешь утверждать, что магии в этом мире нет?

Блюм посмотрел на ЭрДжея. То, что говорил Фантаст, было в порядке вещей для каждого человека, и это никак не было магией в её классическом понимании, но он отдавал должное Фантасту. Начало его истории создавало очень уютную атмосферу и его хотелось слушать.

– Ни одной душе во Вселенной не повезло так, как человеку. У вас есть всё, чтобы творить чудеса: есть душа, есть разум, есть воображение и тело. Из всех невообразимых форм жизни, человек – самая удивительная из всех. Уже не беспомощная, но ещё не зрелая. Стремящаяся к балансу между животным прошлым и духовным будущем, пребывающая в вечном поиске самоопределения. Жаждущая всеми силами отыскать своё место во Вселенной…

Блюм внимательно посмотрел на ребят, оценивая, готовы ли они слушать дальше. Лекарь и Мята выглядели действительно заинтересовано. Даже ЭрДжей, казалось, был готов дослушать до конца. Блюм пришел к выводу, что можно продолжать.

– Я поделюсь с вами мудростью, которую получил в своих бесконечных скитаниях. Эти знания не новы – они забыты, но не утеряны. Их тщательно оберегают Хранители миров, и сейчас самое время вспомнить о них и открыть их в себе. Людям нужно обратиться к истокам и осознать, что они есть часть единства, и что судьба мира зависит от каждой отдельной судьбы. Так и только так люди вернутся на путь света. Пусть не сразу, но вы поймёте, что всё, что я сейчас расскажу – чистая правда. Я поведаю вам о пути души, раскрою правду о Циклах, и открою вам тайны жизни…

Блюм снова взял в руки палочку, которой ворошил костёр.

– Всё движется, меняется, формируется, идёт от своего начала к своему концу, который есть новым началом. И нет предела этому совершенствованию, и совершенство не предел всему, потому что даже истина вечно возрастает – она тоже развивается, как следствие вашего роста. Всё, наделённое жизнью, стремится к этому развитию. Душа тоже постоянно движется вперёд в вечном поиске мудрости. Это движение и есть цикл, – Блюм начертил той палочкой на земле ровное кольцо. – Цикл – это замкнутый круг, по которому обречена ходить душа, пока путём труда не вознесётся над собой, и круг не начнёт закручиваться в спираль, что позволит ей перейти в следующий цикл выше… – кончик палочки вывел новый завиток на пыльном грунте. – В каждом цикле свои испытания, но сущность их не меняется: совершая ошибки и ис-

правляя их, душа получает опыт, который обязана обратить в мудрость. Сейчас вы проходите самое сложное испытание – выбором. Всю вашу жизнь вы принимаете решения, которые формируют ваши судьбы, и как следствие формируют судьбу всего вашего мира. На ваших плечах лежит огромная ответственность, ведь мир, который вы видите сейчас – есть не что иное, как результат деяний людей прошлого. И мир, который вы хотите увидеть однажды, который подарите вашим потомкам – будет следствием ваших собственных действий. Всё определит путь, который выберет душа. Пойдёт она путём созидания или предпочтёт разрушение... Ведь души не всегда были светом…

Всё зародилось во тьме. Свет зародился во тьме, а не наоборот. Поэтому души так часто возвращаются туда и теряются там. Ведь после того, как твои глаза видели свет, они становятся беспомощными во тьме. Единственный способ спасти заблудшую душу – стать для неё светом. Засиять так сильно, что бы во тьме она увидела твой огонь и смогла найти дорогу обратно.

– Прямо как звёзды… – прошептала Мята.

– Да, Мята, они светят именно для этого, – нежно улыбнулся Блюм. – Чтобы души не терялись во тьме. Ты тоже звезда. Никогда не теряй свой свет, чтобы эти двое не сбились с пути, ладно?

Она смущённо улыбнулась и кивнула.

– Сказанное мной гораздо буквальнее, чем может показаться. Двигаясь по спирали, возвышаясь с

каждым новым циклом, душа однажды снова спустится вниз, только не на землю, а в форме Земли. На протяжении всего времени своего существования вы взращиваете внутри себя будущий мир, которым однажды станете. Но даже это не конец. Иные миры, ещё не рождённые, покорно ждут в лоне Вселенной тот самый свет души, который позволит прорасти новой жизни в новых циклах. Ваш свет души…

Над вами не просто одинокие огни. Прямо сейчас сверху за вами наблюдают души изо всех уголков Вселенной, но, как и у людей, цели их бытия разнятся. Одни попали на небосвод заслужено, перейдя в следующий цикл, другие же – были пленены из-за своей жадности и злобы. Души, свернувшие с пути света… – Блюм кинул ту самую палочку в костёр и языки пламени тут же поглотили её. – Звёзды, чей свет почти не заметен – это души искупления, души переосмысления, души ожидания... Они, потакая гордыни и жадности, переступили черту и причинили вред другим, помешав им сыграть их роль в картине мира. Эти души позабыли об истинной цели своего прихода в мир и их необходимо вернуть на путь света и развития. Для этого их заточают в небесном теле без возможности говорить и прикасаться. В немом ожидании они проходят обряд искупления, анализируя свою жизнь. И если душа раскаялась, ей разрешается перероднться и снова ступить на землю. Снова иметь возможность говорить и ощущать.

Те звёзды, чей свет вы видите над собой – это души, которым больше не нужно возвращаться в миры. Их свет яркий и тёплый. За все свои долгие

жизни, они выполнили всё, что им было предназначено и теперь они помогают людям, направляют их и освещают им путь в трудные времена, подталкивая к добру и справедливости, чтобы те, в свою очередь, однажды стали одними из них. Они могут говорить между собой, и многие из них обладают весьма неплохим чувством юмора. Я полагаю… – Блюм почесал затылок и заулыбался. – Так же в их обязанности входит помогать великим планетам и звёздам-хранителям миров.

– Хранителям миров? – зачарованно переспросила Мята.

– Для этой планеты это… Солнце. Земля – создатель, Солнце – защитник, Луна – проводник. Они хранители всего живого в этом мире. Так учат мудрейшие.

– А кто они? Мудрейшие?.. – осторожно спросила девочка.

Блюм задумчиво посмотрел на звёздное небо, приложил руку к подбородку.

– Нет таких слов, чтобы объяснить, кто же такие Мудрейшие. Правда, Мята, я не знаю. Они те, кто вышли из тьмы чистым светом. Те, кто превратили Ничто в Единое. Их взглядом было создано пространство, а их дыхание породило время. Первые души... Они помогают нам, испытывают нас, обучают. Они ткут полотно Мироздания, вплетая в него каждую судьбу всех душ во всех циклах и во всех мирах…

– Во всех мирах? То есть, где-то ещё есть земля?

– Конечно! Жизнь есть везде, где есть свет. Золотое сияние жизни, рождённое дыханием пламени. Это есть человек.

– Как красиво…

Наконец-то усталость взяла верх и ЭрДжей громко зевнул. В него тут же прилетела галька из рук Мяты.

– Что? – ЭрДжей смотрел на неё удивлённым сонным взглядом.

– Блюм рассказывает такую историю, а ты зеваешь! – возмутилась она.

– Ничего, Мята, завтра я расскажу ещё, если хотите, – добродушно ответил Блюм.

– Признаю, твои истории весьма красивые и поэтичные, отдаю должное тебе, малыш, рассказчик ты, что надо, но вы ведь не думаете всерьёз, что кто-то сверху смотрит за вами, решает что-то за вас, делает вам «судьбу»?

– Вообще-то, сверху за нами присматривают Боги, а на земле нас направляют духи! – возмутилась девочка.

– А я верю в нечто большее над нами. Я не могу это описать, так же, как и Блюм не может сказать, кто такие Мудрейшие, но я верю, что Вселенная это не просто звёзды и планеты. Есть что-то или кто-то, кто… ведёт нас.

– Яясно… – ответил ЭрДжей, закатив глаза. – Ладно, всем пора спать.

Мята кинула в него ещё одну гальку и показала язык. Тот кинул гальку в ответ и тоже не упустил возможность скорчить ей в ответ какую-то гримасу. Но тут его осенило:

– Стой, малыш, а куда же в таком случае отправляются хорошие души? Ну, без процесса искупления и прочего. Если жизнь прожил «хорошо» и «космические хранители порядка» сочли тебя невиновным, а в следующий цикл ещё рановато, то куда? – с неприкрытым сарказмом спросил ЭрДжей.

– Ну, всё очевидно – в Землю.

– Что? – засмеялся ЭрДжей.

– Куда? – даже девочка не ожидала услышать такой ответ.

– То есть плохие души попадают на небо, а хорошие в землю? Я правильно понял? – переспросил ЭрДжей.

– Именно.

– Плохие наверх, а хорошие вниз?

– Да, мой друг.

– Во всех суеверных рассказах горожан, во всей литературе, которая мне только попадалась на эту тему, везде сверху ярко сияют тучки, за которыми страна блаженства, а внизу какие-то не очень симпатичные парни наказывают тебя за всё плохое.

– Никто не будет наказывать душу путём насилия! – возмутился Блюм. – Это противоречит учению света. Душу заточают в небесное тело не для того, чтобы она мучилась, а чтобы переосознала содеянное. Ведь нет в этом мире ни абсолютного зла, ни абсо-

лютного добра, и все наши действия не более чем результат разных причин. Всё и всех можно понять, достаточно лишь посмотреть на ситуацию с другой точки зрения.

Порой, зло для одного – благо для другого. Всё так неоднозначно и тонко переплетено в ткани мироздания, но мы все без исключения несём ответственность за содеянное, и когда наши поступки вредят другим, когда мы вносим раздор и дисбаланс в чужие судьбы, мы губим и себя. Никто не имеет права распоряжаться чужими жизнями под этим небом. Здесь каждый играет важнейшую роль в достижении миром процветания.

Поэтому ЭрДжей, внутри планеты не может быть ничего плохого или кого-то плохого, кто будет тебя наказывать. Душа Земли когда-то была всего лишь душей травинки на другой планете. Она прошла колоссальный путь, который ты, будучи человеком, не можешь себе даже вообразить! И однажды она стала целым миром, хранящим покой других душ.

В центре планеты находится огромное золотое озеро, раскалённое жаром её души. Именно туда направляются души, чтобы отдохнуть и насытиться светом перед новой жизнью. Каждый сам решает, когда он хочет родиться на свет и как испытать себя, чтобы в новой жизни получить уникальный опыт, который не переживал прежде. Всё для того, чтобы тренировать свой разум, совершенствоваться телом и душей, развиваться духовно и однажды стать звездой помощником, затем звездой-хранителем или целой новой планетой!

– Сколько же душа должна пройти, чтобы стать планетой? – воодушевленно задумалась Мята.

– Для этого необходимо прожить неисчислимое множество жизней и во всех без исключения, когда перед душой стоит выбор, она должна выбрать путь света…

– Если бы твой рассказ был правдой, мы бы до такого не докатились… – серьёзно сказал ЭрДжей.

– Есть ошибки, которые, не совершив – не выучишь урок. Вы не первые и не последние, кто будет восставать из руин прошлого, но у вас всё получится.

– Как ты можешь быть так уверен?.. – спросила Мята.

– Потому что вы здесь. Мир в надёжных руках.

– Пфф! – подавил смех ЭрДжей. – Просто хочу уточнить, это в её надежных руках, да?

– Эй!

– И в её в том числе, – засмеялся Блюм.

– Пожалуй, это самая фантастическая часть из всего рассказа! – засмеялся ЭрДжей и тут же получил новую порцию галек в свой адрес.

– А бывало так, что души не возвращались назад? Не раскаялись? – спросил, всё ещё размышляющий Ал.

– Нет, – сразу ответил Блюм. – Есть в этом мире кое-что, что заставляет всех раз за разом желать сюда вернуться.

– Что может заставить вернуться в эти развалины? – с насмешкой спросил ЭрДжей.

Блюм хитро улыбнулся:

– Любовь.

– Любви нет. Есть игра гормонов, – отрезал ЭрДжей.

Блюм от души засмеялся.

– Сколько же тебе ещё предстоит узнать, мой друг!

– Это ты мне говоришь? Мне, Изобретателю? Человеку, починившему за несколько часов наш транспорт? Нет, ну он серьёзно? Вы мне скажите, он серьёзно?

Друзья смеялись, пока ЭрДжей в шутку возмущался самоуверенным заявлением Фантаста.

– Ты, конечно, можешь мне не верить, но любовь стоит у истоков всего. Во всех мирах, какую бы форму она не принимала, как бы не выражалась, но она есть везде. Даже после всего, что выпало на долю этого мира, любовь не угасла. Это прекрасное чувство сильнее любой тьмы. Желание снова ощутить её и проявить – всегда берёт верх, и не было ещё ни одной души, которая, в конечном итоге, не захотела бы вернуться в материальный мир. Странный мир, но такой прекрасный… И таковым его делаете вы и ваши чувства.

– Эх, Фантаст, ты просто наивный романтик. Да и к тому же, в твоём возрасте рановато ещё знать о «любви», – хитро заулыбался Изобретатель.

– Я знаю достаточно, – улыбнулся Блюм.

– Да ладно, был влюблён?

– Я и сейчас влюблён. Я влюблён в этот мир.

– Ах, ясно… – в шутку закатил глаза ЭрДжей. Он перевернулся на спину и закинул руки за голову. – Я

повторюсь, если бы твой рассказ был правдой, мы бы до такого не докатились…

Друзья заметили странную грусть в глазах ЭрДжея. Он задумчиво уставился на звёздное небо и явно хотел поразмыслить о чём-то своём.

Ребята решили, что пора спать, ведь завтра большой день. Они улеглись, удобно расположившись вокруг костра, но сон пришел к ним не сразу. Слова Блюма о магии мира засели в их головах. А ведь и правда, каждый поймал себя на мысли, что совершенно разучился радоваться мелочам. Если обернуться назад, сколько же там было счастья, которое они попросту не заметили! Не придали значения или приняли, как должное.

Кто знает, сколько ещё времени они смогут быть здесь. Нужно радоваться каждому мгновению, проведённому вместе. Нужно ценить каждую улыбку, каждый вздох, каждый шаг, каждый новый поворот, каждый закат, и даже каждую неудачу. Всё это и есть жизнь.

Не поздно ли осознать это перед смертельно опасными испытаниями? А может это самое подходящее время. Мята открыла глаза и тревожно посмотрела на друзей, – они спали или пытались уснуть. Страшно ли им так, как страшно ей? Вот только чего она боится больше: испытаний или того, что ЭрДжей может оказаться прав?.. Она прогнала эти мысли и снова легла, в надежде, что сон скоро её найдёт.

Позже всех уснул Альфред. Он много думал о справедливости, счастье и выборе. Ведь Блюм прав, у

него есть всё, чтобы жить и творить. Пусть он ограничен в определённых вещах, но, возможно, так было нужно. Не будь он таким, он никогда бы не подумал становиться врачом, и тогда он никогда бы не вылечил Блюма и не познакомился с Мятой и ЭрДжеем.

Эти мысли были очень странными. Они навевали благоговение и некий страх перед механизмами, которые приводили всё это в движение. Будь то Мудрейшие или разум Вселенной, но что-то или кто-то неустанно делает всё, чтобы люди оказывались в нужное время в нужном месте. Они не одни. Или не хотят быть одними? Что же из сказанного Фантастом правда?..

– Глава 14 –

Испытание правдой

Сиреневой мглой был покрыт силуэт заброшенного про́клятого Парка Развлечений. Солнце только собиралось просыпаться, а ребята уже были в пути. Тревога и страх перед неизвестностью не дали им выспаться, и они отправились в путь ещё до рассвета.

Мята не могла отвести взгляд от силуэта Парка, скрытого в тумане. Всё внутри переворачивалось и ныло от самого его вида, а ведь совсем скоро начнутся испытания... Что же их ждёт, там ли её брат, ничего ли с ним не случилось?

Спокойным был только ЭрДжей. Самой большой проблемой для него был холод, из-за которого мышцы ног будто окаменели. И даже то, что Парк был скрыт в густом тумане, не произвело на него ни малейшего впечатления. «Это всего лишь природное явление», – так он заявил с утра Мяте, чтобы та не паниковала, хотя её это совершенно не успокоило.

Наконец-то хранитель этого мира начал величественно подниматься над горизонтом и согревать ребят. У тумана не было шансов против этой силы. Ещё какое-то время видимость была плохой, но затем воздух прогрелся, туман рассеялся, и можно было хорошо рассмотреть незнакомый мегаполис на горизонте.

Неровные ряды высоток стояли один за другим, как и в любом другом мегаполисе. Если бы не чёртово

колесо, то этот город мало чем отличался бы от Верхнего. Разве что высотки Парка выглядели немного ниже.

– К полудню будем на месте! – прокричал ЭрДжей.

Страх горячей волной прошел по всему телу Мяты, и она сильнее вцепилась в руль. Сколько же легенд ходило об этом месте, сколько ужасов рассказывали старшие. Неужели она сейчас увидит всё своими глазами и ощутит на себе все те кошмары?

Множество смельчаков отправлялось в Парк с их мегаполиса. Даже на памяти Мяты был один отшельник, который покинул город в погоне за желанием и больше его не видели.

Страж проходил испытания целых три года и вернулся лишенным всякой человечности. Что же станет с ними?

Чем ближе они подъезжали к мегаполису, тем внушительней становилось знаменитое чёртово колесо. Оно было значительно больше, чем они себе представляли. Даже ЭрДжей был сражен этим гигантским кругом, но теперь он своими глазами видел, что Парк – это никакое не мистическое место из легенд. Это обыкновенный мегаполис, возведённый людьми.

Магия здесь не при чём, ведь это чёртово колесо в прошлом предназначалось для развлечений. ЭрДжей это знал, но даже так его и самого терзали смутные опасения. В том, что многие не возвращались, он тоже видел угрозу. У этого факта могли быть и объективные причины, например, агрессия местных жи-

телей, ведь не известно, какие нравы у здешних горожан. Он успокаивал себя тем, что это ещё их страна, а значит, вдруг чего, можно попытаться договориться. Но всё же нужно быть готовым ко всему.

Альфред не испытывал вчерашнюю лёгкость во время езды. Пусть он и не верил в магию Парка так сильно, как Мята, но всё же он проделал весь этот путь в надежде, что это место необычное. Он готов к испытаниям, готов к своей смерти. Если будет хоть малейший шанс загадать его самое заветное желание, то пусть, свою жизнь ему не жалко. Но что если ЭрДжей прав, и там ничего нет? Пожалуй, этого он боялся даже больше, чем испытаний…

– Мы подъезжаем! – прокричал Блюм, увидев вдали очертания каких-то сооружений.

Это была нежилая территория с кучей коммуникационных труб, щитков и будок. Здесь было невозможно ехать на велосипеде, поэтому пришлось слезть с него.

– Я предлагаю дальше идти пешком, а велик спрятать вон за теми трубами, – сказал ЭрДжей.

– Давайте… – согласился обеспокоенный Альфред.

– Да чего вы? Всё нормально будет, – попытался ободрить всех ЭрДжей.

Но даже Блюм был встревожен, а Мята вообще вполне могла сойти за призрака. Её лицо было мертвенно-бледным, она нервно мяла ладони и испуганно оглядывалась по сторонам.

– Перчик! – грозно сказал ЭрДжей. – А ну не дрейфь! Совсем на себя не похожа…

Ребятам пришлось долго пробираться через эти лабиринты коммуникаций незнакомого им города. Сначала шли трубы, затем начали вырастать щитки и кабины. ЭрДжей время от времени отвлекался и подходил к ним, заглядывая вовнутрь.

Мята шла в напряжении и дёргалась каждый раз, когда мимо пробегала крыса, или невысоко пролетала птица, но ничего больше не происходило. Призраки не нападали, трубы не оживали, воздух не душил, и небо не разразилось громом.

Со временем ребята начали отдалённо слышать шум, свойственный городу. Голоса, стуки, детский смех, позвякивание – всё это было где-то далеко, но с каждым новым шагом становилось всё более отчётливым.

– Вы это слышите?.. Это же… – прошептала Мята… – Это первое испытание!

– Что? – удивились все.

– Это голоса предков! Они будут усиливаться и сводить тебя с ума… Началось, началось…

– Таааааак, Перчик. Это никакие не голоса предков, это шум города. Как и везде, здесь есть люди.

– Ты не понимаешь… это, это… это начало… уже скоро… – Мята невнятно что-то бормотала, прикрыв рот руками.

– Пошли дальше и сама всё увидишь.

Мята ещё отказывалась верить, но Блюм и Альфред уже всё поняли. Неужели всё это время ЭрДжей был прав?..

Они прошли через эти хитросплетения труб и наконец-то попали в сам мегаполис.

Местная центральная улица была немного у́же, но заметно чище. Здесь не было куч гниющего мусора и свор бродяг. Высотки у своих оснований не были изуродованными народным творчеством из баллончиков, да и сами люди были совершенно другими. Их было в разы больше и казалось, будто им нет дела до пришедших незнакомцев. В их мегаполисе чужаков сразу бы заприметили и доложили Стражу. Здесь же было такое впечатление, что люди даже не знали друг друга. Оживлённость этого места отняла дар речи у ребят.

– Эй! – послышалось откуда-то из стороны. – Йо! Привееет! Эй вы, зеваки!

ЭрДжей первый пришел в себя и повернул голову в сторону голоса. Светловолосый лопоухий парень с большим носом сидел на лавочке и внимательно смотрел на них. Он приветливо помахал им рукой. ЭрДжей вопросительно указал пальцем на себя.

– Да-да, вы! Может чем-то помочь? Вы выглядите так, будто призрака увидели.

– Призрака?! – моментально спохватилась Мята. – Где призраки?

– Аааа, я понял… – многозначительно протянул парень гнусавым голосом. – Туристы. Испытания Парка вон там – прямо и налево. Зайдёте в центральные ворота Парка, а там синее здание с красной вывеской. Мимо не пройдёте.

Друзья ничего не ответили и просто молча пошли в указанном им направлении.

– Пожалуйста, вообще-то! Какие не воспитанные... – пробурчал себе под нос парень.

Ребята подошли к тем самым воротам и остановились, чтобы получше их рассмотреть. Это был вход в знаменитый Парк Развлечений, в самое опасное место на земле. По крайней мере, так гласила легенда, и как выяснилось, она не имела ничего общего с действительностью.

Огромные П-образные ворота в виде двух переплетающихся драконов служили входом в знаменитый Парк. Только был он никаким не Проклятым и Заброшенным, как гласило его полное название.

В этом месте было много сооружений, цель строительства которых оставалась загадкой. ЭрДжей знал, что раньше на таких вот аттракционах люди както развлекались, вот только, на первый взгляд, все эти штуки выглядели, как орудия для пыток.

Одни были похожи на очень высокие качели, другие были в форме горок, рядом стоял аттракцион с лодками. Таких необычных строений здесь находилось много, и каждое было уникальным. Они все были не рабочими, но всё равно вокруг носилось много детворы, да и взрослых было не меньше. В поле зрения попало большое синее здание, о котором говорил парень. Ещё издалека в глаза бросалась огромная вывеска с красной надписью, сделанная в стиле кровавых потёков.

Под ней у входа на лавочке сидел парень с ассиметричной причёской и в довольно странном одеянии, – помимо обыкновенных джинсов и футболки, он ещё носил чёрный плащ. Парень беззаботно дремал, подперев голову рукой.

ЭрДжей громко покашлял, и парнишка резко подорвался. Мята, которая всё ещё не могла осознать происходящее, испуганно отшатнулась от него. Незнакомец же резко принял необычную позу, прикрыв нижнюю часть лица плащом.

– Испытайте себя и свою судьбу! Подвергните себя немыслимым испытаниям Парка! Посмотрите Страху в глаза и осознайте свою беспомощность перед ликом Смерти…

– У вас там это…в слове «комнота» ошибка, – сказал ЭрДжей.

– Да, ладно… Где? Роджер по словарю сверял, – парень, позабыв про свой плащ, снова встал в обычную позу, чтобы рассмотреть вывеску.

– «Ком-но-та стра-ха», – внимательно перечитал парень. – Правильно там всё! Что ты меня путаешь?

– Словарь? – оторопев, переспросил ЭрДжей.

– Словарь – это такая книжка со словами. Ну, короче, входить будете, нет? Две монеты с человека.

– Монеты?.. – ещё больше удивился Изобретатель.

– Ну как монеты… Они то называются монеты, но просто слово получше пока не придумали. Короче, входить будете, платить есть чем?

– То есть… это и есть испытания?.. – наконец-то к Мяте вернулась речь.

– Я понимаю, что это не совсем то, что ты хотела здесь увидеть, но я, правда, не знаю, кто пустил этот дуратский слух о нашем мегаполисе! Наш город – прекрасен! Да, он не такой древний, как руины Север-

ного мегаполиса, не такой таинственный, как Затопленный и не такой фантастический, как знаменитый Верхний… зато у нас – мегаполис мастеров, умельцев и ремесленников! Добро пожаловать в город Искусств! Ну, над названием мы ещё думаем… Здесь все что-то умеют и все чему-то учат. Луи рисует, Сан обучает боевым искусствам, Ми́стерис фокусы показывает, а наша Глори даёт по вечерам такие концерты – заслушаешься! Так что вы попали куда нужно. Все сюда приходят и думают, что их тут пытать будут! Пфф! В общем, походите денёк по городу, и откуда бы вы ни были, вы точно не захотите возвращаться! Все здесь остаются, потому что наш мегаполис лучше всех! Правда, недавно пришел один – тоже за испытаниями… и ушел! Представляете? Ушел! Вот чудик.

– Как он выглядел? И как давно приходил? – встрепенулась Мята.

– Эмм… Ну, вообще я не сильно помню. Точно светлые волосы были. Приходил… примерно дня четыре назад, или больше.

– Это мой брат… Он жив! С ним всё хорошо! – Мята сложила ладони в молитвенной позе и мысленно благодарила всех известных ей Богов.

– И сейчас он на пути в наш мегаполис, где его ждёт Страж… – подумал вслух ЭрДжей.

– А ещё, если надумаете остаться, сначала нужно зарегистрироваться, и тогда вам скажут, где вы можете поселиться. Новеньким дают необжитые квартиры в высотках, так что много придётся делать са-

мим, но это только звучит сложно. У нас люди отзывчивые, обычно все помогают друг другу, так что не переживайте.

– То есть вы всегда в одном месте живёте? – удивилась Мята.

– Ну, конечно! Нет, естественно в будущем можно поменять квартиру. Если район не понравился, или места стало мало. В принципе, можно обустраивать свой дом где угодно. Здесь тебя никто не ограничивает.

– Дом… – шепотом повторила Мята. – А семьи здесь есть?

– В смысле? Валом!

– А врачеватели? – спросил Альфред.

– Врачи ты хотел сказать? – засмеялся парень. – Ну, есть несколько, но лучше не болеть. С медициной у нас не так хорошо, как с развлечениями.

– Может у вас ещё и школа имеется? – решил попытать удачу ЭрДжей.

– Ну разумеется! Целых три!

– Обалдеть… – в один голос вырвалось у ребят.

– В общем, идите, гуляйте по городу и обустраивайтесь, а я дальше дремать…

Парень снова начал умащиваться на лавочке.

– Вот это контраст. Как два разных мира… – ошеломлённо сказал ЭрДжей. – Теперь понятно, почему все здесь остаются. Смысл возвращаться в тот ад, если здесь такая цивилизация? Дома дают, школы есть, врачи...

– Постой-ка, а вы случайно не из… Верхнего мегаполиса?

– Да, оттуда, – спокойно ответил ЭрДжей.

– Воу! – парень снова подскочил. По его горящим глазам можно было понять, что он нашел то, что давно искал. – Я только обрывками слышал истории о вашем мегаполисе – мрак полнейший по рассказам… Всегда было интересно узнать о нём больше, но «ваших» у нас тут не много, и они не сильно любят его вспоминать... Скажите, а, правда, что у вас заставляют детей прыгать с высоток, чтобы проверить, кто сильнее и кто выживет?

– Не тупи. Любой умрёт, если прыгнет с высотки. Это бред.

– А вот это правда, что вас бросают родители спустя год от рождения в полнолуние?..

– Нас просто…бросают. Не зависимо от возраста или времени суток.

– А почему вас вообще бросают?

– Традиция, историю которой никто не помнит. Я полагаю…

– А, правда, что вам с детства ставят клеймо раскалённым железом?..

– Ч-Чего?! Нет, конечно! Откуда ты вообще это всё услышал?

ЭрДжей уже хотел грубо отвязаться от этого надоеды, как его взгляд упал на Мяту, отрешенно смотревшую себе под ноги. Альфред выглядел не лучше. ЭрДжей всегда знал, что магии в мире не бывает, но эти двое в душе надеялись, что здесь с ними произойдёт чудо. Не сложно догадаться, какое желание было у Альфреда. Он проделал такой путь…

– Слушай, парень, мы тоже не сильно хотим рассказывать о нашем мегаполисе. Приходи и посмотри на всё сам. Лучше расскажи, где здесь можно раздобыть провизию?

– Провизию? Вы что, собрались уходить?

– Да. Мы пришли сюда за тем парнем, который ушел отсюда несколько дней назад. Нам позарез нужно его догнать, иначе быть беде.

Мята дрогнула. Если магия Парка действительно выдумка, тогда Страж…

По её щеке скатилась слезинка.

– … и тогда направо. Там что-то вроде обменного пункта. У нас своя валюта ходит, без неё ничего не купите. А потом… – парень остановился. – Эй, ты чего?..

Два тонких ручейка стекали по щекам Мяты. Слёзы добежали до конца подбородка и, немного задержавшись, упали на землю.

Альфреда будто молнией прострелило.

– Мята… – его рука бессознательно потянулась к ней, но замерла в паре сантиметров от её головы, а она быстро начала вытирать слёзы руками.

– Извините. Простите меня. Просто я… Я очень рада, что здесь ничего нет. Правда, я очень счастлива, что мой брат не подверг себя этим дуратским испытаниям и нам не придётся… Просто… просто всё, во что я верила… и Страж… всё было… не правдой…

Она закрыла лицо руками, и какое-то время стояла так. У парней внутри всё сжалось, – видеть, как она плачет было ужасно. Парень из комнаты страха

не знал, как лучше поступить, ему тоже было не по себе от её слёз. Он растерянно начал:

– Если хочешь, можешь пройти испытания, я не возьму плату. Если для тебя это так важно и…

– Нет, спасибо, – отрезала она, вытирая слёзы. – Нам ещё такие испытания предстоит пройти в нашем мегаполисе, что легендарные ужасы Парка ничто на их фоне.

Мята больше не плакала, но её глаза всё ещё болезненно блестели и были красноватыми. Она взяла себя в руки. Часть её убеждений рухнула, но она быстро пришла в себя и была готова двигаться вперёд. Альфред задержал на ней взгляд. Откуда эта сила? Он так не может. Его желанию не суждено сбыться. В глубине души он всегда знал, что в мире не бывает таких зыбких вещей, как волшебство, желания, магия. Он ведь врачеватель. Сколько раз он молил о чуде, но оно не происходило… Исход похода был очевиден с самого начала, но как же велико разочарование...

Парень рассказал, куда идти дальше и пожелал им удачи на прощание.

ЭрДжей взял на себя заботу о покупках и всём остальном, ведь его друзья сейчас были разбиты. Единственный, чьё лицо не показывало определённых эмоций, был Блюм. Сложно было сказать, что это означало для него. Он не выглядел грустным или подавленным, скорее он был насторожен, а может ЭрДжею показалось.

Изобретатель вёл всех по указанному маршруту до обменного пункта и не мог налюбоваться местными постройками. Ничего конструктивно нового в архитектуру не было внесено, но при этом все дома были достроены и облагорожены. В них действительно можно было жить. Не выживать, а жить. В основном были заселены нижние части высоток. Очень редко встречались дома обжитые до середины здания, и это касалось в основном центрального района, где жизнь просто кипела.

Парк оказался далеко не сердцем этого мегаполиса. Местные привыкли к нему и ходили туда просто прогуляться, а вот районы, в которых велось «строительство» были по-настоящему людными.

– Вы бы хоть глаза от земли оторвали. Это место стоит проделанного пути. По сравнению с тем ужасом, который творится у нас, здесь всё совершенно по-другому!

Ребята послушались ЭрДжея, но, даже подняв глаза, их настроение не сильно улучшилось. Им просто нужно было немного времени.

А ЭрДжей вернулся к изучению местной архитектуры. Он так увлёкся этим, что забыл, в какой момент ему нужно было сворачивать, и сбился с пути. Он всеми силами пытался не подать виду, что заблудился, потому что для него это было просто неприемлемо! Спрашивать у местных – подавно не хотелось, поэтому он просто шел дальше, надеясь найти обменный пункт в местах с большим скоплением людей. Тем более его друзья не сильно следили за маршрутом передвижений.

Всё это время Блюм шел позади всех и со встревоженным видом вертел головой. ЭрДжей обратил на это внимание, потому что Ал и Мята безучастно волокли ноги, а Фантаст, будто что-то искал.

ЭрДжей немного замедлил шаг, чтобы идти наравне с Блюмом.

– Ты не выглядишь сильно расстроенным или удивлённым, – сказал Изобретатель.

– Я бывалый путешественник. Я знаю, что мы не всегда приходим туда, куда рассчитывали.

– И ты не расстроился?

– Я очень расстроился. Мы не сможем загадать наши желания.

– А что ты собирался загадывать? Ну, теперь то можно сказать, уже не «сглазим»…

– Здоровые ноги Альфреду.

ЭрДжей удивился.

– А разве не это собирался загадать сам Ал?

– Нет, у него было другое желание.

Изобретатель посмотрел на неровную спину ковыляющего впереди Альфреда.

– Но что для него важнее этого?..

– Здесь… – Блюм внезапно остановился и ЭрДжей врезался в него.

– Малыш?

– Блюм?.. Блюм, это ты?.. – незнакомый женский голос произнёс его имя, и все ребята остановились, чтобы убедиться, не послышалось ли им. – Золотые глаза! Блюм, это и правда, ты!

– А́стери!

Худощавая девушка в джинсовом комбинезоне со светлыми кудрявыми волосами до плеч подбежала к Блюму. Она заключила Фантаста в объятия, и тот обнял её в ответ. Они оба улыбались и, закрыв глаза, чувствовали момент. Объятия разомкнулись, и девушка стала напротив Блюма, не отрывая рук от его плеч. Блюм очень нежно улыбнулся, и его рука легла ей на макушку.

– Я не могу поверить, что снова встретила тебя! Сколько времени прошло, а ты совсем не изменился! Вообще ни капельки! Даже не вырос считай!

Незнакомка была немного выше Блюма и стояла, слегка наклонившись вперёд. Её зелёные глаза светились счастьем, и она широко улыбалась.

– А ты очень изменилась. Я бы не узнал твоё лицо, если бы не свет твоей души.

– Ну, точно не изменился! – она звонко засмеялась.

– Эмм, я прошу прощения, что нарушаю ваше воссоединение, но может, представишь нас?.. – приходил в себя ЭрДжей.

– Извините. Это А́стери, мой давний друг из Затопленного мегаполиса. А это Мята, Альфред и ЭрДжей.

Девушка приветливо кивнула головой.

– Из Затопленного? – переспросил удивлённый ЭрДжей. – Но что ты тогда здесь делаешь?..

– Как и многие, я отправилась в Парк за желанием и осталась здесь.

– Как тесен мир… – сделал для себя вывод ЭрДжей.

– Я так рада, что мы снова встретились. Я столько хочу тебе рассказать! Столько хочу спросить! Кстати, а ты что здесь делаешь? И… ты нашел то, что искал?

– Да, – улыбаясь, ответил Блюм.

Ребята, позабыв о горечи разочарования, стояли растерянные и немного смущённые.

– Ну, эммм, Блюм, не хочу портить момент, но нам нужно спешить. Её брат с каждой минутой ближе к Стражу, так что нужно быстрее найти обменку, тот рынок, взять запасы и… ну, ты понимаешь… снова в путь!

ЭрДжею было неловко говорить всё это. Блюм и Астери явно были близкими друзьями, но ЭрДжею почему-то не хотелось, чтобы кто-то ещё был в их компании. Остальные разделяли его чувства.

– Так ты уйдёшь? – спросила она.

– Да. У меня ещё есть незавершенные дела в том мегаполисе.

– А потом не хочешь вернуться сюда? Тебе здесь понравится! Этот город совершенно не похож на наш. Здесь никто не будет тебя обижать или осуждать…

– Извини, – ответил Блюм, нежно улыбаясь. – После того, как я завершу все дела там, я отправлюсь домой. Это наша последняя встреча.

Ребята тревожно переглянулись. Блюм сказал вчера, что вернётся с ними, но он ничего не говорил о том, что останется. Неужели следующие несколько дней последние и для них?

– Ты вернёшься в Затопленный? Но зачем? Там же было ужасно и к тому же…

Блюм как-то странно улыбнулся ей. Его многозначительный взгляд не дал ребятам ровно никакой подсказки, а вот она, кажется, всё поняла.

– Ясно. Я уже и забыла… – девушка явно грустила, но при этом улыбалась. Она изо всех сил старалась не показывать, насколько опечалена. – Хорошо! Ты сказал, что вам нужно в обменный пункт и на рынок. Я отведу вас туда и всё здесь покажу. Устрою экскурсию по городу.

– Спасибо, красавица, но мы сами, – попытался отвертеться ЭрДжей.

– Разве мы не заблудились? – лукаво спросил Блюм.

ЭрДжей на долю секунды растерялся, ведь он был уверен, что никто не заметил этого.

– Изобретатели не блудятс… в смысле не теряются! Я уверен, что рынок там. – ЭрДжей указал рукой в предположительном направлении.

– Почти… – улыбнулась Астери. – Рынок в противоположной стороне.

– Гид не помешает, – сказал Альфред, пожав плечами.

– Вот и славно! – одобрительно кивнул Блюм, а Астери энергично вырвалась вперёд, приглашая ребят следовать за ней.

Хотя ребята первое время и чувствовали стеснение от присутствия кого-то нового в их компании, но нужно было признать, что Астери была очень весёлой, приятной в общении, и они быстро привыкли к ней. У неё была обаятельная улыбка с ямочками на щеках, а кудрявые волосы одуваном торчали в разные

стороны, что только прибавляло лёгкости её походке. Она была так рада встречи со старым другом, что иногда подпрыгивала при ходьбе. Такая детская искренность очень шла ей, и в иной раз ЭрДжей приударил бы за такой милашкой, но сегодня всё смешалось в голове, и он быстро прогнал эти мысли.

Астери была отличным проводником. Она привела ребят к обменному пункту и ЭрДжей понял, что никак не нашел бы его самостоятельно, потому что здесь практически не было людей, а он наоборот искал его в людных местах.

ЭрДжей наменял немало денег на свои изобретения. Теперь его рюкзак был временно опустошен, но это было поправимо. Рынок этого мегаполиса пестрил огромным количеством товаров. Здесь свободно торговали все, кому было что предложить. Но парень с комнаты страха преувеличил насчёт их валюты. Торговцы с радостью соглашались и на бартер, если вещь того стоила.

Рынок, множество людей, необычные товары – всё это действительно отвлекало, и ребята, мало по малу, пришли в себя и начинали наслаждаться прогулкой по незнакомому городу.

На рынке ЭрДжей узнал очень много о том, что и как здесь устроено. Почти все люди жили в этом центральном районе, чтобы проще было вести общее хозяйство. Из года в год сюда приходит множество странников и практически все остаются, поэтому город непрерывно растёт.

Здесь многие заняты в аграрном хозяйстве и строительстве – это две самые популярные области

работы. Если ты умеешь выращивать овощи или строить, то ты сразу же становишься уважаемым человеком, а если у тебя есть хотя бы толика инженерного таланта и воображения, то тебя вообще будут на руках носить. ЭрДжей понял это, когда случайно влез в разговор двух строителей, и, оперируя не знакомыми для ребят словами, дал мужчинам дельный совет. Правда, сразу же пожалел об этом, потому что эти двое ещё около получаса ходили за ним, уговаривая остаться в мегаполисе и вступить в их бригаду.

Кое-как отделавшись от них, ребята вернулись к покупкам. Помимо инструментов, которых «в нашей дыре не достать», ЭрДжей купил ещё карту посвежее, пополнил запасы керосина для лампы и потратил немало на такие нужные для вдохновения постеры с привлекательными леди. Но ЭрДжей был не единственный, кто пополнял свои запасы.

Альфред выменял немного местных денег на свои настои и некоторые инструменты, которые было не проблематично заменить. Он очень долго искал нужного ему продавца. Человек, торговавший медикаментами, седой бородатый старик с добрыми карими глазами, хорошо знал свой ассортимент, и они с Альфредом очень долго разговаривали о медицине. Продавец оказался тоже врачевателем, хоть и больше по теоретической части. Но даже так, для Альфреда было настоящим чудом встретить кого-то, кто разделял его взгляды и ремесло. Старик дал Альфреду намного больше товара, чем тот мог оплатить. Лекарь с благодарностью принял медикаменты, пообещав, что поможет многим людям с их помощью.

Мята сконцентрировалась на пополнении съестной провизии и изучала лотки с продуктами. Сама она поменять валюту не смогла, поэтому просто говорила ЭрДжею сколько нужно, а он с недовольным видом оплачивал их расходы.

Все были увлечены покупками и не заметили, что Блюм и Астери на какое-то время пропали из виду. Когда эти двое вернулись, ребята увидели, что на руках у Блюма пропали почти все его браслеты. Он объяснил это тем, что ему тоже нужно было кое-что купить, чтобы не нарушить важное обещание.

ЭрДжей не устоял от соблазна наведаться в здешнюю школу. Это здание видимо и в прошлом служило для образовательных целей. В нём было много просторных классов, широкие коридоры и всего пять этажей. Вся мебель была сделана вручную и выглядела довольно корявенько, но своё предназначение выполняла.

ЭрДжей застал один из уроков математики и решил посетить его ненадолго. Он зашел в класс прямо посреди урока, и никто не обратил на это внимание. Астери объяснила, что здесь образование является добровольным началом, и каждый сам решает, в какой момент он хочет начать или закончить обучение.

Урок вёл пожилой человек, вполне походивший на отшельника с их мегаполиса. Он был чудно́ одет, сочетая красную шляпу, рваные джинсы и вязаный свитер с бабочкой, но при этом он говорил дельные вещи и ЭрДжей время от времени кивал головой, как бы давая своё немое согласие на истинность сказанного.

В классе кроме него было не много людей. Все они были разных возрастов и каждый по-своему выделялся. Фривольные позы, в которых они сидели, никого не смущали, а сам процесс обучения проходил тихо и размеренно.

Каждый пришедший был заинтересован в получении этих знаний, потому что они давали больше возможностей в городе, где каждый обязательно должен что-то уметь. Молодые и не очень люди с энтузиазмом слушали учителя и часто задавали вопросы. Ребята были очень удивлены тем, что ЭрДжей не лез впереди лектора и не показывал, что всё знает. Наоборот, он сам иногда вклинивался в разговор, задавая вопросы по теме, хотя, конечно же, знал на них ответ. Когда он посчитал, что услышал достаточно – встал, поблагодарил учителя и покинул класс.

Следующие несколько часов он был молчалив и задумчив. Он ходил по городу и внимательно изучал его. Ритм жизни этого мегаполиса был быстрым, возможно даже немного суетливым, но это была притягательная черта этого места. Здесь хотелось работать, развиваться и так же спешить сделать, как можно больше полезного за день.

Отовсюду были слышны звуки постукивания молотка или ручной пилы. Музыка звучала на каждой улице и была очень мелодичной. ЭрДжей подолгу засматривался на вывески зданий, которые приглашали людей в разные развлекательные или образовательные заведения, а также в места культурного досуга. Все вывески были сделаны вручную, часто кроме надписей, на них были ещё и рисунки.

Всё здесь делалось с творческим подходом. Абсолютно каждый человек чем-то выделялся в одежде или причёсках. Все старались проявить свою индивидуальность, сами того не осознавая. Это была уже не безликая масса, а люди, определившие для себя цели в жизни и стремившиеся их воплотить. И тут ЭрДжей застыл посреди улицы, осознав – люди готовы к переменам.

Вдруг перед ним пробежал мальчик с игрушкой в руках. Он споткнулся и выронил свою драгоценность. Малыш посмотрел на сломанную игрушку и был уже готов заплакать, но тут незнакомый дядя с большим походным рюкзаком присел рядом с ним и поднял её с земли.

– Что это? – спросил ЭрДжей.

– Пропеллер… – сказал мальчик, шмыгнув носом.

– Ты сам его сделал?

– Угу.

Пластмассовые лопасти от небольшого вентилятора были примотаны к палочке. Одна лопасть отлетела, и теперь вместо пяти лепестков – было четыре.

ЭрДжей полез в рюкзак и достал оттуда скотч и ножик.

– Сам починить сможешь? – ЭрДжей протянул ему только что найденные инструменты.

Мальчик снова шмыгнул носом и взял скотч. Он покрутил его в руках и вопросительно посмотрел на ЭрДжея.

– Это скотч. Он клейкий с одной стороны. Вот, смотри.

Малыш сразу сообразил, что нужно делать. ЭрДжей отдал ему моток и мальчик начал исправлять поломку.

– Осторожнее на стыке. Да, вот так. Придержи вот здесь, – подсказывал ЭрДжей.

Парнишка гордо поднял починенный пропеллер. Обмотанная часть выглядела не очень, но зато все лопасти были на месте.

– Спасибо, дядя! – и малыш подарил ЭрДжею широкую улыбку без одного переднего зуба, а затем снова побежал по улице, пока не скрылся за поворотом.

– Как он меня назвал? Дядя?..

Астери захихикала сзади.

– Не думал остаться у нас учителем?

– Я ещё вернусь к вам, но не в качестве учителя.

– И кем же ты будешь?

– Строителем нового мира.

– Ох, амбициозно! – засмеялась она.

– Цели должны быть больше тебя, иначе не будет стимула расти.

– Мечты должны быть слишком большими для тебя одного, чтобы было их с кем разделить. Так сказал мне Блюм когда-то.

– Да, он смышлёный малый.

Астери посмотрела на Блюма, беззаботно болтающего с Мятой.

– Давно вы знакомы? – спросил ЭрДжей.

– Если честно, я и не вспомню, когда точно мы встретились, но ты ведь знаешь Блюма, с ним с первого дня кажется, что вы…

– …знакомы уже очень давно, – улыбнулся ЭрДжей.

– Я была маленькой… и плаксой! – засмеялась Астери. – Всего боялась, и всё время пряталась за его спиной. Я выросла рядом с ним.

– Ого, даже не думал, что вы так долго знакомы.

– Да… Имя, кстати, мне Блюм дал, – улыбнулась Астери. – Оборачиваясь назад, я думаю, если бы не он, я бы не выжила…

– А в какой момент он стал Фантастом? Мне всегда было интересно, когда у него проснулась эта тяга к космосу.

– Он всегда им был, – улыбка не сходила с лица девушки, пока она вспоминала своё детство, проведённое с Блюмом. – В первый же день знакомства он огорошил меня тем, что Земля круглая, а океан не бесконечный и за ним есть другие континенты. Я ему не верила первое время, но он был старше и так уверенно обо всём этом говорил, что я…

– Постой, что? – перебил её ЭрДжей. – Старше? Ты возрастом, как Перчик, если не больше.

– Я сказала старше? Я хотела сказать младше! Вот дурёха, младше, конечно же! – засмеялась Астери. – Извини, оговорилась. Ну что, вы готовы к нашей центральной площади? – девушка энергично подбежала к остальным ребятам, оставив ЭрДжея позади, переваривать услышанное. – За этим зданием находится самое популярное место для отдыха в нашем мегаполисе.

– А разве не Парк? – удивилась Мята.

– Нет, если мы хотим просто побездельничать, то идём на Центральную площадь.

ЭрДжей встал рядом и покосился на неё, а девушка же делала всё, чтобы их взгляды не пресекались.

Пройдя между двумя высокими зданиями, ребята вышли на Центральную площадь. Хотя Парк впечатлил их куда сильнее, но площадь тоже была достойна внимания.

Она была восхитительно большого размера, просторная, не зажатая в тиски высотками, как в их городе. Площадь находилась как раз напротив Парка, и колесо обозрения от этого казалось ещё масштабней. Но не только архитектура украшала это место. Рядом с площадью раскинулся небольшой залив, который образовался после катастроф прошлого, но горожане не растерялись и превратили его в чудесную набережную. Ступеньками можно было спуститься к песчаному пляжу и посидеть у воды. Но просто сидеть и смотреть на воду никто не хотел, поэтому ребята пошли гулять по площади.

Здесь находилось много уличного творчества в виде статуй или инсталляций. Уличные художники заняли целую аллею, и выставили вряд свои работы, предлагая купить готовые картины или приобрести что-то на заказ.

Музыкантов было в избытке, но большинство играли не громко, просто для себя, для души, но было одно трио, которое пришло сюда подзаработать, и артисты, не жалея сил, давали настоящий концерт.

Здесь были даже представители редчайших творческих профессий, которых в Верхнем мегаполисе никогда и не было. Альфред был под большим впечатлением от жонглёра, который подбрасывал одновременно пять шариков. Его буквально пришлось оттаскивать от артиста, настолько он был восхищён координацией этих движений.

Уличный театр собрал вокруг себя немного народу и показывал какую-то легенду о древних завоевателях. Астери сказала, что это очень скучная история и в конце все герои умрут, поэтому ребята не стали задерживаться возле них.

Но абсолютно все были в восторге от танцовщицы в длинной красной юбке. У неё были чёрные роскошные волосы по пояс и пухлые алые губы. Она кружилась в страстном танце под музыку одной только гитары, а из реквизита у неё была юбка-солнце в пол и её вьющиеся локоны. Девушка искусно использовала юбку в танце, будто та была продолжением её самой. Она собрала вокруг себя целый аншлаг, и ребятам пришлось потрудиться, чтобы пробраться сквозь толпу.

Все её движения были настолько утончёнными и изящными, что каждый шаг, каждый взмах рукой, каждый поворот давались ей так легко, будто она от рождения умела так танцевать. Всё её тело двигалось в унисон, плавно переходя от одного элемента к другому.

Стройная, высокая, гибкая словно кошка, она очаровала ЭрДжея одним только взмахом своих

длинных ресниц. Секундный взгляд карих глаз, которым она одарила его во время этого пылкого танца, отнял у него дыхание.

ЭрДжей смиренно дождался окончания танца, чтобы подойти к ней. Они недолго о чём-то поговорили, и она, кокетливо улыбнувшись, отрицательно покачала головой. Ребятам было ужасно интересно узнать, о чём они там говорят, но кроме обольстительного смеха девушки ничего не было слышно. Напоследок ЭрДжей наклонился к её уху и сказал что-то, что очевидно смутило её. Затем он поцеловал её руку и вернулся к друзьям.

– Ну что?

– Что ты сказал ей?

Сгорали от любопытства девушки.

– Что она украла моё сердце. Я хотел узнать её имя, но она не сказала.

– Не удивительно, – улыбнулась Астери. – Это самая знаменитая танцовщица не только нашего мегаполиса, но и соседних трёх, но её имя я знаю и могу сказать, если хочешь.

– Не нужно. Я верну электричество, стану героем и тогда она сама скажет мне его… И даже больше…

Мята и Астери переглянулись и захихикали.

Дальше ребята решили присесть и отдохнуть. Найти свободную лавочку было не так-то просто, но удача улыбнулась им, и они успели занять только что освободившуюся. Каждая лавочка была уникальной, потому что делалась из разных материалов или имела необычную форму. Та, на которой сидели они, имела

привычную форму со спинкой, но была оригинально раскрашена красивыми яркими маками.

– У вас всегда здесь так оживлённо? – спросил ЭрДжей.

– Этот ещё ничего. В выходной вообще не протолкнуться! Продавцы выносят палатки с едой, и начинается целое гуляние. У нас самое популярное развлечение – это конкурсы. Люди соревнуются во всём! Есть конкурс на самую громкую песню, на самый зажигательный танец, на самый дальний бросок, на самого быстрого бегуна, на самого сильного силача! – засмеялась Астери. – И раз в году выбирают самую красивую девушку Парка.

– Участвуешь? – наклонился к Астери ЭрДжей.

– Нет, конечно! – снова засмеялась она.

– Зря. Ой, зря.

Они посмеялись и на какое-то время все утихли, прокручивая в голове сегодняшний день.

– Удивительное сооружение, – восхитился ЭрДжей, глядя на чёртово колесо. – Как бы мне хотелось привести его в движение.

– У нас даже конкурс объявили, тому, кто первым приведёт колесо в движение, поставят самый большой памятник в городе, но электричества у нас не так уж и много, и для него есть применения и попрактичней.

– Солнечные батареи?

– Да. И ещё ветрогенераторы за городом, но практически всё сломано, создать новые не получается, очень много пробелов в знаниях и наши учёные не справляются.

– Учёные… Чёрт подери, никогда не подумал бы, что услышу это слово от кого-то ещё. Я так впечатлён, что даже слова с трудом подбираю. У вас здесь всё такое разное, необычное. Даже эта лавочка. Она одна так разрисована, а здесь этих лавочек больше сотни!

– Для нас это привычно. Все что-то делают, все чем-то делятся. Так интересней и проще – затрачивается меньше сил. В Затопленном каждый сам себе ловил рыбу, и сам себе её готовил, но ведь не у всех это получается одинаково хорошо. Здесь же одни люди рыбу ловят, другие – её жарят. Одни лавочку строят, другие её красят. В зависимости от…

– От способностей человека, – закончил за неё ЭрДжей. – Разделение труда и взаимозависимость заставляет вас сотрудничать, а не враждовать. Каждый знает, что его собственное благо отчасти зависит от другого человека, как и чье-то благо, зависит он него самого. Это потрясающе! Все работают для общего процветания, потому что знают, что от этого будет зависеть и их собственная жизнь. И вы пришли к этому сами. Я сейчас просто лопну, как меня распирает! Я и не думал, что где-то найду такое.

– Ну, это получилось не сразу, и, по правде говоря, у нас тоже всякое случается…

– Всё равно, это уже что-то. Это начало. И довольно хорошее начало! Я провёл почти день в этом городе и увидел достаточно, чтобы понять, что я не один. Кроме меня есть ещё множество людей, которые разделяют мои взгляды и стремления. Я думал, что всё время буду грести против течения, и вся моя

жизнь уйдёт только на то, чтобы расшевелить мышление, а здесь уже есть люди готовые к переменам. Одного не могу понять, почему вы не отправитесь по разным мегаполисам, чтобы рассказать другим о вас?

Астери опустила глаза.

– Дело в том, что были добровольцы, которые отправлялись в другие мегаполисы, и вся западная часть уже знает. В следующем году готовятся походы на юг, а на востоке ближайший мегаполис – ваш, Верхний. Но… – Астери замялась, – только за прошлый год туда отправилось пять человек, и не один не вернулся…

– Не может быть… – прошептал Альфред.

– Страж… – побледнела Мята. – Неужели он… пошел даже на такое?

– И всё ради чего? Ради своей лжи… – Альфред, для которого человеческая жизнь была самой большой ценностью, сильнее всех был шокирован бесчеловечностью этого поступка.

Астери, недоумевая, посмотрела на ребят.

– А что такое? Вы что-то знаете об этом? И кто такой этот Страж?

– Ох, в двух словах и не расскажешь, – задумчиво произнёс ЭрДжей. – Один очень хитрозадый гад, который наведался к вам сюда в Парк, якобы прошел испытания и заполучил желание. Вернулся к нам и стал настоящим плохишом. За ним куча погромов, драк, налётов и даже убийства… Я думаю, что пропажа ваших ребят тоже его рук дело. Прикрывался он всё это время великой силой, подаренной Парком, но теперь то мы знаем, что желания у него никогда не

было. Он спокойно мог пойти на такое, чтобы скрыть свою ложь.

– Какой ужас! Они ведь помочь хотели. Они пошли туда, чтобы помочь! Как так можно?

– На что только не идут люди ради власти, красавица. Страж пошел по протоптанной тропинке. Так уже велись дела в прошлом и вот, куда нас это привело. С ним нужно срочно что-то делать. Мы должны разоблачить его, иначе дальше будет хуже. Вот только, если Парк выдумка, получается, он сам по себе такой сильный. Это плохо.

– И в чём заключается его сила? – спросила Астери с мрачным видом.

– Он якобы подчиняет себе волю других, а ещё чертовски хорош в драках. Видел раз, как он с пятью изгоями сразу дрался. Раскидал их меньше, чем за минуту.

– Хорошо дерётся? А как он выглядит?

– Ну, обычный с виду. Тёмные волосы, но он их красит, светлые глаза, весь в чёрном, татуировки на обеих руках. На одной что-то тёмное, смазанное, вроде демона, а на другой то ли ангел, то ли птица…

– Нет, такого я точно никогда не видела.

– У него ещё есть татуировки! Чёрное пламя на груди и шее, – вспомнила Мята.

– Чёрное пламя? – мгновение Астери находилась в размышлениях. – Пойдёмте за мной.

Ребята тревожно переглянулись и последовали за своим проводником. По дороге она не проронила ни слова, предоставив ребятам возможность накрутить в голове самые разные догадки.

Астери привела их к зданию, немного похожему по строению на школу. Оно было ограждено самодельным деревянным забором с невысокими воротами. Она спокойно открыла их и вошла во двор.

Внутри двора шли какие-то спортивные занятия. Парни и девушки выполняли упражнение, стоя на одной ноге. Вторжение незнакомцев никак не отразилось на их тренировке, и никто не отреагировал на их приход. Они сосредоточено выполняли своё задание и даже не думали отвлекаться.

Астери прошла мимо учеников и повела ребят вдоль здания, затем свернула за угол. Теперь друзья оказались в очень красивом саду. Большие пологие камни были эстетично расставлены по всему саду и были его частью.

На одном из таких камней сидел пожилой старик. Друзьям редко доводилось видеть настолько старых людей, ведь в их мегаполисе мало кто доживал до преклонных лет, но, не смотря на солидный возраст, этот старик выглядел прекрасно. Он был подтянут, и сидел в позе лотоса.

Астери осторожно подошла к нему и позвала:

– Сан, можно тебя на минутку?

Старик ещё какое-то время был погружен в себя, но вскоре медленно открыл глаза и внимательно посмотрел на пришедших гостей. Когда он увидел среди них знакомое лицо, то тепло улыбнулся и сказал:

– Привет, Астери. Ты привела новых учеников?

Старик был очень радушным. Он слез с камня, поправив своё длинное одеяние, и стал напротив ребят.

– Нет, Сан, я хочу спросить у тебя про парня с татуировками чёрного пламени на груди и шее, он ведь когда-то учился у тебя?

– Элай? Да, он был моим учеником, но он ушел много лет назад. А что, он вернулся? Ты его видела?

– Так Страж учился у тебя? – переспросил ошеломлённый ЭрДжей.

– Кто?

– Ну, этот, как его Эл…

– Все звали его Чёрное Пламя, но настоящее его имя было Элай. Чёрное Пламя – это бойцовское прозвище. Он заслужил его не только из-за татуировок, он и был сам, как чёрное, уничтожающее всё на своём пути, пламя…

Друзья не верили своим ушам.

– Так получается, все три года, которые он якобы проходил испытания, он учился драться? – переваривал ЭрДжей.

– Он попал ко мне ещё совсем юным, не старше тебя. Когда он узнал, что здесь нет испытаний, и никто не даст ему желание, он был буквально разбит. Я встретил его на улице, и мы разговорились. На мой вопрос, чего же он так хотел, он ответил: «Стать сильнее всех». Тогда я спросил, зачем ему это, на что он ответил: «Чтобы сделать мир лучше». Я без размышлений взял его к себе в школу. Он был очень одарённым учеником, гением! Схватывал всё на лету, был силён и вынослив, быстр и внимателен. Он был так же хорош и в других дисциплинах, особенно любил историю. Он окреп на моих глазах и стал моим луч-

шим воспитанником, но в последний год он стал меняться... Тьма овладела его мыслями и душой. В парных схватках он терял над собой контроль и избивал товарищей. Я попытался с ним поговорить, вразумить, но всё, что его интересовало – сила и способы её распространения. Однажды он спросил меня, какое самое сильное оружие. Ответ был очевиден – вера. Я надеялся, что этот разговор вернёт его к нам, но он совсем меня не понял, и позже... напал на меня.

– Он избил тебя? – испугалась Мята.

– Нет, он не смог одолеть меня. Опыт и рассудительность всегда будут побеждать молодость и нетерпеливость. Он принял своё поражение и по всем правилам нашей этики поблагодарил меня. «Я не стал сильнее всех, но этого достаточно». Это последнее, что я слышал от него. В тот же вечер он покинул наш город и больше я его не видел.

Друзья не могли вымолвить ни слова. Потрясение за потрясением преследовали их сегодня.

– Вы его знаете? – спросил старик ребят.

– Более чем… – мрачно ответил ЭрДжей.

– Каким он стал? Я дал ему эти знания, и я несу ответственность за его деяния…

– Нет, старик, ты не виноват в том, кем он стал, – сказал ЭрДжей. – Каждый сам делает свой выбор и несёт ответственность за его последствия тоже сам.

Учитель с отчаянием посмотрел на ЭрДжея.

– Он… он отнимал жизнь?..

ЭрДжей уже приоткрыл рот, чтобы ответить, но его опередил Блюм:

– Нет.

ЭрДжей покосился на Блюма.

– Я был его наставником. Я должен был увидеть эту тьму раньше. Должен был вразумить его…

– Иногда семена тьмы, посеянные в одной жизни, прорастают уже в другой. Ты ни в чём не виноват, – сказал Блюм.

– Это не снимает бремя с моих плеч…

Старик провёл их до ворот и напоследок поклонился. Ребята впервые видели такой способ прощания и неуклюже поклонились в ответ.

Экскурсию продолжать они не стали. Им нужно было переварить новости о Страже, поэтому Астери привела их на крышу одного из невысоких зданий, чтобы они могли поговорить вдали от посторонних глаз. Несмотря на их безрадостное положение, оказаться на крыше перед заходом солнца, было хорошей идеей – они почувствовали небольшое облегчение.

Ребята присели на выступ крыши, и колесо обозрения предстало перед ними во всей красе. Только сейчас они осознали его масштабы и наконец-то разглядели в нём чудо, созданное руками человека. Эти мысли навеивали некую уверенность в том, что у них хватит сил во всём разобраться. Если люди прошлого смогли построить такую штуковину, то они сумеют разоблачить какого-то Стража.

– Теперь мы знаем, откуда у него эта сила, – сказал ЭрДжей.

– Да, но это не объясняет того, почему люди повинуются ему, – заметил Альфред.

– Да, я не могу понять, почему тогда перестал двигаться. Он приказал мне, и моё тело больше не слушалось, – подтвердил Блюм.

– Это мы спросим у него лично.

– Как ты собрался это сделать? Если он так силён? – обречённо спросила Мята.

– Даже самый сильный кулак не устоит перед пулей. Не забывай, у меня есть пистолет.

– Ты собрался пристрелить его?! – испугался Альфред.

– Нет, конечно! Я человек науки, а не убийца! Прострелю ногу, и он обездвижен…

– Ты серьёзно? – оторопела Мята.

– Перчик, ты понимаешь, что теперь это дело вышло за рамки простых суеверий про Парк с желанием? Речь идёт о тех, кого он в будущем прихлопнет ради своих целей. О жизни твоего брата в том числе. Мы обязаны его разоблачить, это наш долг, потому что на этом он не остановится. Это самый большой наркотик – вера в то, что ты избранный. Страж умело играет на этом и одного мегаполиса в какой-то момент ему покажется мало. Нам нужен план и… – Эр-Джей немного помедлил, – ещё оружие. Хотя бы ножи…

– Я не возьму в руки оружие, – отрезал Альфред.

– Я не говорю, что ты должен им размахивать и кромсать людей, но ты должен быть готов защищать жизнь не только на больничной койке.

Все ушли в мрачные размышления. Сидя здесь, на нагретой за день крыше, они чувствовали себя в безопасности, но у каждого без исключения всё

внутри переворачивалось от мыслей о предстоящей миссии. Как попасть в город незамеченными, как успеть перехватить брата и разоблачить Стража? И послушают ли их вообще?..

С приближением вечера центральная площадь преображалась. Отсюда было хорошо видно, как люди зажигали факелы, свечи, фонарики, и площадь превращалась из шумного и суетливого, в место романтичное и уютное. Сотни огней горели тёплым светом, и за каждым таким мерцанием стояла чья-то жизнь.

– Всё это… мы должны защитить, – тихонечко произнёс ЭрДжей.

Чтобы хоть как-то прогнать от себя эти тяжелые мысли он обратился к Астери:

– А ты тоже к нему ходила? К Сану?

– Да, и сейчас хожу. Нам с Блюмом многое пришлось пережить в прошлом, и я тогда ужасно злилась на себя за свою беспомощность. Когда я узнала, что здесь можно научиться постоять за себя, сразу пошла к Сану. Хоть у нас и прекрасный город, но времена всё равно тяжелые. Ко всему нужно быть готовым.

Астери покосилась на руки Блюма. После того, как большая часть браслетов ушла на обмен, шрамы стали заметнее.

– Извини… – прошептала девушка.

– Сколько раз ты уже извинялась? Перестань, я никогда не винил тебя, – улыбнулся Блюм.

Ребята давно заметили эти шрамы, скрытые за большим количеством браслетов, фенечек и верёвочек. На ногах тоже были затянувшиеся порезы.

Первым не выдержал ЭрДжей:

– Ладно, вы все слишком вежливые, а у меня чувство такта напрочь отсутствует. Откуда у тебя эти шрамы и почему она извиняется?

Астери опередила Блюма с ответом:

– Он спас меня от хулиганов постарше. Они пытались столкнуть меня в воду, а я… плавать не умела и воды ужасно боялась. Странно, да? Для человека, родившегося в самом мокром месте на земле. А там глубина была такая, что до дна никто никогда не доплывал. Я кричала, плакала, билась, но казалось, это только сильнее веселило их, и тогда мне на помощь пришел Блюм. Он растолкал их, я высвободилась и убежала, а его схватили вместо меня. Воды он не боялся, и они решили изрезать его руки и ноги стеклом, которое валялось вокруг. Я спряталась в одном из закоулков, всё видела и ничего не сделала…

– Ты ни в чём не виновата.

– Если бы я не была такой трусихой и не боялась плавать…

– Ты была маленькой. Не переживай, шрамы на теле для меня ничего не значат.

– Хоть я и сделала перевязку, когда старшие ушли, но Блюм очень долго выздоравливал…

– Зато потом мы стали друзьями, – улыбнулся он.

– Так ты из-за этого ушла из Затопленного мегаполиса? Из-за боязни воды? – поинтересовалась Мята.

– Нет, Блюм научил меня плавать и любить воду. Не сразу, постепенно, но я осознала какое это чудо

погружаться в воду, ощущать свободу и лёгкость, которую она тебе дарит. Я очень любила истории Блюма о жизни и о том, что она зародилась именно в воде. Ещё он рассказывал о подводных жителях и затопленных мирах. Всё было таким интересным! Я в Парк то и пошла, чтобы жабры себе загадать. Хотела научиться дышать под водой! – рассмеялась Астери.

– А мне вот интересно, малыш, ты всегда таким образом знакомства заводишь? – пошутил ЭрДжей.

Блюм захихикал, а Мята от стыда закрыла лицо руками.

– О чём ты? – удивилась Астери.

– Он чуть не умер, когда решил помочь Мяте и пошел с ней к Стражу. Он его избил, а затем собирался убить, но ему помешали, – вкратце объяснил Альфред.

Блюм ничего не сказал в ответ, только пожал плечами и улыбнулся. Все засмеялись, и ЭрДжей взъерошил его огненные волосы.

– Этот день принёс слишком много потрясений, – задумчиво произнёс Блюм, глядя на колесо.

– Но он ещё не подошел к концу. Нужно отправляться в путь.

Астери провела их до выхода из города. Пока путешественники паковали рюкзаки и усаживались на велосипед, она стояла в стороне и с тревогой смотрела на Блюма.

– Не смотри так печально, – Фантаст оставил рюкзак и подошел к ней.

– Однажды я уже провожала тебя и была уверена, что не увижу снова, но вот ты передо мной.

– Мы ещё увидимся, но уже не здесь… – Блюм улыбнулся и заключил её в крепкие объятия.

Больше они не сказали друг другу ни слова. Блюм сел на переднее сидение и обернулся. Ребята тоже повернулись и помахали ей на прощание. Хоть Астери и помахала им в ответ, но глазами она смотрела только на Блюма. Её взгляд был полон печали и тревоги, но она взяла себя в руки и подарила другу на прощание улыбку теплее любого солнца.

Педали закрутились, велосипед тронулся, и ребята снова были в пути.

Астери ещё долго махала рукой им вслед, и когда велосипед с её дорогим другом был уже далеко, она дала волю чувствам и заплакала. Девушка обернулась в сторону заходящего солнца, которое близилось к горизонту.

– Уже не здесь, да?.. – когда она снова повернулась в сторону уезжавших, то велосипеда уже не было видно. – Тогда до встречи…

Блюм всегда говорил ей, что любовь есть везде и во всём, но Астери сделала для себя другой вывод. Иногда ты любишь целый мир только потому, что в нём есть один единственный человек…

Она вытерла слёзы и медленно пошла обратно в город, пытаясь успокоить бурю в своей душе. Неужели одного дня достаточно, чтобы обмельчавшее озеро снова превратилось в океан?..

Блюм ехал, потупив взгляд вниз. Ребята чувствовали его тоску, но ничего не говорили. Знакомый пейзаж, который они проезжали сегодня утром, был каким-то другим. Всё было другим. Пусть по-своему, но

всё же Парк испытал их. Домой они вернутся совершенно другими людьми. Каждый что-то нашел и что-то потерял в этом путешествии, но мы всегда находим больше, чем теряем…

Велосипед лежал в стороне, а ребята молча сидели вокруг костра каждый в своих мыслях. Аппетита почему-то не было, да и бойцовского настроя тоже. Альфред полез в рюкзак за чайником.

ЭрДжей внимательно наблюдал за ним. Он всегда заваривал чай с такой лёгкостью в движениях, а сейчас еле держал чайник, и даже выронил один раз чашку, благо пустую.

– Слушайте… – нерешительно начал ЭрДжей. – Как вы вообще? Я имею в виду, я-то был к этому готов, но вы сейчас…

– Мы в порядке, – коротко ответила Мята.

Снова наступило молчание, а Альфред продолжил возиться с чайником.

Даже Блюм был безрадостным. Встретить старого друга и снова потерять его за один день трудно даже для этого солнечного человека. Он подпёр лицо руками и смотрел на огонь.

Чаепитие тоже проходило в тишине.

ЭрДжей не понимал, почему ему так плохо. Он оказался прав, он разоблачил очередной суеверный миф, но это заставило его друзей грустить, и из-за этого он и сам чувствовал то же самое. Он и не подозревал, что способен разделить чьи-то переживания. В порыве этого откровения ЭрДжей приоткрыл рот, чтобы сказать что-то, но слова застряли у него в

горле, а друзья уже были во внимании. Он растерянно обвёл их взглядом:

– Ничего. Я и сам не понял, что хотел сказать…

– Мысль должна прозвучать, чтобы обрести жизнь, – произнёс Блюм.

– Я просто думаю… извините, что спрашиваю об этом, но что вы хотели загадать?

Первой собралась с духом Мята:

– Я хотела, чтобы детей перестали бросать. Чтобы снова были семьи и дома, как в Трактире или в Парке. Чтобы в будущем детям не приходилось выживать, как нам... – Мята скрестила руки на груди. – Вот такое желание.

– Я шел не за желанием, но я загадал бы здоровые ноги Альфреду, – спокойно ответил Блюм.

Мята и ЭрДжей вопросительно посмотрели на Ала. Изобретатель до сегодняшнего дня тоже думал, что это и было желанием Лекаря, но Блюм днём уже говорил, что тот хотел не этого.

– Моё желание… Я понимаю, что мне, врачевателю, глупо было надеяться на такое чудо, но я хотел загадать, чтобы больше никто… чтобы никто не рождался больным... Чтобы дети приходили в мир здоровыми и, как сказала Мята, чтобы им не пришлось проходить через те же трудности, что были у нас … – Мята и ЭрДжей не знали, что сказать и с горечью смотрели на друга. – Не берите в голову. Я всегда знал, что это несбыточно. Даже если бы магия Парка существовала, то вряд ли она смогла бы исполнить такое большое желание. Сколько бы ты ни знал, сколько бы ни выучил, всё равно в глубине души

надеешься, что чудо существует. Что нам помогут, нас защитят. Что мы не одни...

– Вы не одни... Поверь мне. Пожалуйста, поверьте, – прошептал Блюм. – Просто есть вещи, которые сложно объяснить. И не всегда можно вмешаться или…

– О чём ты? Я и не говорю, что кто-то должен вмешиваться. Я не жду, что кто-то решит за меня мои проблемы или заговорит со мной с небес и скажет, что делать дальше или как правильно жить. Просто Шо, мой учитель, столько рассказывал мне о магии и чудесах, о том, что раньше люди были от природы, были её частью, и она помогала им, и что, возможно, Парк – это последнее такое место, где можно попросить у Природы помощи, и она ответит. Да, это сказки, просто истории, но они вселяли надежду. По большому счёту, я не сломался, потому что верил в другую жизнь. Верил в другой мир, прямо здесь. Вот есть то, что мы видим, а есть то, что увидеть не можем, но от этого оно не перестаёт существовать. Как душа...

И пусть Парк не исполнил моё желание, но своего рода магия там была. Она была во всём этом путешествии. По крайней мере, для меня. В этом был смысл, и я многое понял за время, проведённое с вами. Всё было не зря.

Слова Альфреда тронули каждого. Они вдруг осознали, какой огромный путь прошли, и какой ещё пройдут. Сколько всего им предстоит сделать в будущем, сколько их ждёт открытий, препятствий, откровений, безумств, подъёмов и падений. Как же много

людей им предстоит ещё встретить. Скольких они вдохновят, сколькими будут вдохновлены…

ЭрДжей посмотрел на своих друзей и вдруг понял, как сильно нуждается в них, чтобы двигаться дальше.

– Я вам не всё рассказал… – ЭрДжей отставил чашку с чаем. – По поводу мира и того, как он стал таким. В общем, когда я был в башне Рэймонда, я там кое-что нашел. Вернее, я нашел там всё, что хотел, но когда получил это, уже ни в чём не был уверен …

– О чём ты говоришь? – тревожно спросила Мята.

ЭрДжей молча полез в свой рюкзак и вытащил с самого дна толстую папку.

– Это разработки Рэймонда и секрет неисчерпаемого источника энергии, а это его предсмертная записка, написанная за несколько минут до полного краха мира… а вот это… – он снова занырнул в свой рюкзак, – маленький электрогенератор. Полностью рабочий. Он предназначался для домашнего использования. Просто ставишь его у себя в доме и пользуешься электричеством, и тут начинается самое интересное. Источник этой энергии – мы. Вернее, наши души.

Я начал изучать разработки, но в них нет сложных схем, алгоритмов или формул. Всё что здесь есть – это чертежи машины, которая на ровном месте преобразовывает энергию вокруг и внутри нас в электричество. «Энергия души». Это… это нонсенс! Но я попробовал включить этот генератор, когда мы были на

озере, и он заработал! А ещё я нашел лампочку, которая не нуждается в подзарядке… – ЭрДжей опустил глаза. – В этой папке то, что я искал всю жизнь, и как оказалось, именно это стало причиной такого упадка...

– Но если это источник вечной энергии, как же вышло, что всё провалилось? – спросил озадаченный Альфред.

– Его разработки украли и использовали в военных целях. Какое-то сверхмощное оружие дало отдачу или что-то в этом роде. Рэймонд пишет, что эту силу нельзя было использовать для убийств, ведь это не просто энергия, это как бы… сама жизнь. Поэтому все, кто были убиты этим оружием, не просто умерли, они… исчезли навсегда. И да, это звучит как полный бред с точки зрения науки, но кажется, действительно есть вещи, которые существуют, несмотря на то, что мы их не видим...

– Зачем он вообще придумал что-то настолько опасное? – спросила шокированная Мята.

– Он не думал, что это будут использовать, как оружие. В те времена продвигалась программа всемирного разоружения, но видимо кто-то подумал, что он умнее всех и решил избавиться от старого оружия, но создать новое. И Рэймонд что-то писал про заранее продуманный сценарий. Возможно, это всё было какой-то политической игрой, и нужно было освободить территорию или уменьшить численность, или убрать неугодных людей, я не знаю… но, этот факт остается фактом – его разработки привели к краху всего мира… И что самое ужасное, он действительно

отчасти виновен в случившемся. Он скрыл истинный источник этой энергии, прикрывшись катаклизмами и назвав это «энергией бушующей природы», но ведь на деле всё было не так. Он соврал всем. Он обманул весь мир, и цена этой лжи была слишком велика… Я не знал, стоит ли вам говорить, но, в общем, мои поиски тоже зашли в тупик. Теперь я не уверен, что нужно возвращать что-то подобное.

Блюм сложил руки в молитвенной позе и поднёс их к губам.

– Я не представляю, как эти знания попали в ваш мир тогда, но они не должны были появиться здесь так рано. Люди были просто не готовы. Вы бы пришли к этому, вы бы открыли этот источник в себе, но гораздо позже. Всему своё время и место… Но так или иначе, прошлое не изменить, ЭрДжей. Можно бесконечно размышлять о том, как всё могло бы сложиться, вот только это пустая трата времени.

Перемены всегда сопряжены с риском, но если бы все сидели, сложа руки, и даже не пытались что-то изменить, то мира не было бы вообще. Развитие возможно только при интенсивном столкновении с трудностями. Рэймонд столкнулся с проблемой и ухватился за новую возможность. Ни больше, ни меньше.

ЭрДжей задержал свой взгляд на языках пламени.

– Блюм, скажи, что мне делать? Ты всегда рассказывал о незримой энергии, о чудесах, магии мира и о прекрасных добрых людях, но вот что эти люди натворили. Как мне быть? Что дальше делать?

– Я не могу дать тебе совет в этом вопросе.

– Почему?

– Я не имею права влиять на твои решения. Я скажу только одно: мир в своём развитии подобен человеку. Есть беспомощное младенчество, есть капризное детство, есть бушующая юность, на смену ей приходит зрелость и только потом наступает мудрость. Реши сам, на какой стадии мир сейчас и готов ли он к этим знаниям.

ЭрДжей опустил глаза на папку, которую держал в руках. Старая, но аккуратная обложка, красивые, съеденные желтизной белые ленты, небольшое окошко для имени автора. Всё, что он так усердно искал всю свою сознательную жизнь, сейчас было у него в руках.

ЭрДжей взял посмертную записку, сложил её в четыре раза и положил в дневник Рэймонда, который спрятал обратно в рюкзак. Затем он бережно завязал бантик на папке и бросил её в костёр.

– Ты с ума сошел?! ЭрДжей, она же сгорит!

Мята бросилась к костру, но Ал остановил её.

– Ты же сам говорил, что это последняя надежда мира! Как восстановить всё без них?

– Я не знаю, Перчик. Пока не знаю. Но этим путём мы уже пошли и вот к чему он привёл. Я пойду своим собственным и посмотрю, что из этого выйдет. Как писал один великий учёный прошлого, глупо повторять одно и то же действие и надеяться на другой результат.

Мята смотрела на него круглыми глазами, готовая в любой момент доставать папку из огня, но ЭрДжей сидел расслабленно и не собирался ничего предпринимать.

– Не смотри так, Перчик. Я – Изобретатель, человек, который не оборачивается, покидая свой дом. Считай, что я ничего не находил. Блюм прав, если даже тогда, в том развитом мире люди совершили такое зло, то сейчас эти разработки куда опаснее. Мир не стабилен. Мира нет вообще! Есть отдельные островки с оставшейся жизнью. Они разобщены и растеряны, связи между ними не осталось. Сначала нужно напомнить всем, что значит быть человеком. Я должен наглядно показать, на какие высоты способна мысль и талант. Это мой первостепенный долг, как учёного и как человека. Я найду способ, как вернуть людям свет, но я должен сделать это по-своему…

Мята продолжала смотреть, как сгорает папка. Обложка расплавилась и даже, если бы она сейчас её достала, бумага внутри всё равно уже была испорчена.

– Перчик, я ещё кое-что понял… – Мята оторвала взгляд от сгорающей папки и с тревогой посмотрела ЭрДжея. – Почему нас бросают. – Теперь все уставились на ЭрДжея. – Когда мы с тобой упали в туннель в лесу, там были надписи. Что-то подобное я видел и у нас в мегаполисе, в Нижнем городе. Раньше я сильно не задумывался, что это такое, а сейчас кажется, понял. Эти надписи оставили выжившие после той катастрофы, обречённые на медленную и мучительную смерть от неизвестного им недуга, который

поражал без какой-либо причины. Мне кажется те, кто чувствовали первые «симптомы», старались изолировать себя, оставляя детей, в надежде, что те не заразятся от них. Одни уходили в Нижний, другие рыли себе туннели. Они бросали детей, чтобы спасти их, ведь думали, что заражены чем-то…

– А нас тогда…зачем?

– Согласно дневнику Рэймонда, эти процессы должны были происходить постепенно, и видимо продолжались очень долго. Кто знает сколько, может даже сотни лет! Я думаю, это наставление передавалось из поколения в поколение, как догма, и сейчас все просто слепо следуют учению старших, совершенно забыв об истинных причинах того обычая, а нам просто… не повезло.

Мята и парни буквально поникли. Правда о крахе мира не так впечатлила их, как правда о том, почему они не знали тепла матери и почему были брошены в столь юном возрасте. Мята всю жизнь слушала старших, потому что её так учили. Ведь это был единственный способ получить необходимые знания, чтобы выжить. По крайней мере, как говорили... Но это оказалось не правдой. У неё с самого начала был выбор. Если бы она, как Ал или ЭрДжей, пошла к отшельникам и научилась читать, то ей не нужна была бы чужая голова, чтобы принимать такие важные решения.

Мята вдруг поняла, что чуть не совершила огромную ошибку, ведь она могла всю жизнь бездумно слушать других и повторять чужие проступки.

Столько лет люди ходят кругами из-за страха принимать собственные решения, не желая брать за них ответственность. Мяте было ужасно осознавать, что она чуть не пошла тем же путём. Чуть не повторила чужие ошибки, стоимостью в невинные судьбы…

– Спасибо, ЭрДжей… Спасибо, что всё рассказал нам…

– Перчик…

– Какой ужасный мир оставили после себя люди прошлого… Мы должны сделать всё, чтобы это исправить… – прошептала она.

– А что бы ты хотела изменить? Я имею в виду, каким должен быть мир, чтобы тебе стало хорошо в нём жить? – обратился к Мяте ЭрДжей, чтобы хоть как-то отвлечь её.

– Ммм… – задумчиво протянула Мята. – Наверно без плохих людей было бы лучше. Без таких, как Страж, или Молт и Кетч, или Барбаро́с. Я не имею в виду, чтобы они умерли, а просто перестали обижать других. Ещё... если бы зимой было не так холодно. Тогда многие не замерзали бы до смерти. Ну и еды побольше, болезней поменьше, и… если бы мы перестали бросать детей и жить сами по себе… наверно это сделало бы мир чуточку лучше…

– А ты что скажешь? – обратился Изобретатель к Альфреду.

– Я бы хотел, чтобы в мире были некоторые правила, которых все негласно придерживались. Например, убийство – наказуемо, избиение или воровство – запрещено. Раньше были законы и люди соблюдали

их. Это привнесло бы порядок в наш нестабильный мир.

ЭрДжей кивнул и перевёл взгляд на Блюма.

– Для меня мир станет лучше, не когда в нём снова появится свет, а когда люди сами станут светом. Когда они осознают силу, сокрытую в них, перестанут тратить энергию на вражду и начнут действовать сообща на благо всего мира, а для этого изменения должны произойти, прежде всего, внутри. Ведь вы – зеркальное отражение своего мира. Поэтому я бы хотел, чтобы в вопросах воспитания уделялось больше внимания духовности и культуре.

ЭрДжей приложил пальцы к губам и размышлял.

– Да, ты прав, малыш. Ты абсолютно прав… Всё тщетно, если человек сам не захочет меняться, а значит, мы хотим то, чего никогда не получим.

– Почему это? – удивился Альфред.

– Мы может создать видимость того, что у нас получилось, но на деле этого не произойдёт. Сам посуди, можно изолировать плохих людей, но они никуда не денутся. Можно написать законы, но люди будут исполнять их из-за страха, а не сознательно. Можно спрятаться в тёплом доме, но зима не перестанет быть холодной. Можно придумать новые вакцины, но болезни никуда не исчезнут. Можно снова сбиться в кучи, жить семьями, но мы были, есть и будем одиноки!..

Нам не стать лучше! Мы самый несовершенный вид из всех живущих на планете! Ни одно животное не станет убивать сородича из-за бумаги, не станет

сбрасывать бомбы на земли, на которых хотел бы жить сам! Мы… мы неисправимы!

Я всю жизнь представлял, как верну людям свет, как верну их к нормальной жизни, как мы вместе будем отстраивать эти чёртовы руины, но это же нереально! Кто это будет делать? В смысле кто-то же захочет нажиться, другой подумает, что он не дурак этим заниматься, другие ещё что-то выкинут! Даже, если я верну свет, разве что-то изменится?!

ЭрДжей с отчаянием посмотрел на своих друзей. Ал и Мята были растеряны и не могли подобрать нужные слова, а вот Блюм, кажется, был готов к такому.

– Ты прав, это ничего не изменит.

– Блюм?.. – Мята удивлённо посмотрела на него.

– И всё, что ты сказал о людях – правда. И да, когда ты вернёшь свет – ничего не изменится. Мир не проснётся обновлённым и люди не станут вмиг другими. Тебе не отыскать совершенство и тебе его не создать. Во всех этих шероховатостях, недостатках и слабостях и заключается природа людей. Вы все разные, но именно это способствует вашему развитию и даёт вам силы постигать новые вершины.

Пойми, ЭрДжей, что всё, что ты можешь – это трудиться и расти, каждый день становиться лучше, сильнее и мудрее. Ради себя и дорогих тебе людей. Своим собственным примером показывать, как можно жить. Ведь все люди без исключения каждый день меняют мир. Будь они плохими или хорошими, добрыми или злыми, глупыми или мудрыми – это не

важно. Абсолютно каждый вносит свой вклад в развитие мира. И возможно, это совершенно незаметно, но это так.

И да, когда люди станут жить семьями, всё равно будет предательство, ложь, безразличие. Это всё никуда не денется. Плохие люди и плохие поступки всегда будут в материальном мире, как Закон, уравновешивающий всё сущее, но вместе с этим никуда не денется и множество других вещей. Хороших вещей, ЭрДжей! Если будет общее дело, будет больше друзей. Если будут рождаться новые идеи, будут появляться те, кто способен их воплотить. Если вернуть людям свет, у них появится надежда на лучшую жизнь. Если придумать новую вакцину, болезнь не исчезнет, но многие жизни будут спасены. Если будет тёплый дом, в который можно вернуться зимой, будет чуточку больше счастья... И мы не одиноки, ЭрДжей, мы едины! Разница взглядов, верований, народностей – это всё иллюзия. Иллюзия разобщённости, которая мешает нам видеть, что мы все родом из одного истока и что в каждом из нас живёт частичка другого! Мы все злодеи и все святые, мы все ошибаемся и все исправляем ошибки, мы все учим наши уроки и творим нашу реальность! Каждый день, каждый час, каждое мгновение, каждое поколение!

А если только жаловаться и ничего не делать, даже эта малость не сможет осуществиться! Если сидеть, сложа руки, та крупица жизни, что осталась здесь – угаснет, и для Вселенной это будет означать ровно ничего! Каждый день миллионы звёзд гаснут, взамен им рождаются новые, галактики сжимаются,

планеты взрываются, кому какое дело до этого мира, кроме вас самих? Если вы не попытаетесь, то кто? И не бывает такого мира, в котором всё хорошо. Что искать тогда в нём? Какие вопросы задать себе, если ничего не тревожит? Путь на то и путь, чтобы укрепить твои ноги и сделать тебя выносливее! И не говори мне, что ты сдаёшься, ЭрДжей!

– Малыш…

– Ваш мир умрёт рано или поздно. Каждый из вас рано или поздно встретит свой конец. Ваше право, как распорядиться этим мигом, названным жизнью. Можете отдохнуть, ничего не делать и время от этого не остановится, а можете взять судьбу в свои руки и прожить так, чтобы в конце ни о чём не жалеть и осознавать, что вы хорошо потрудились!

Блюм смотрел на него решительным и прожигающим взглядом. ЭрДжею стало даже немного стыдно за себя и за свои слова. Он посмотрел на Мяту и Альфреда.

– Мы это… верим, что у тебя всё получится. Ты же чёртов гений… – Мята улыбнулась ему.

– И как мне только пришло в голову сомневаться в себе, когда в меня верит «столько» людей? – засмеялся ЭрДжей.

– Именно! Целых… раз, два… – Мята начала считать друзей. – Целых три!

– Не обязательно было говорить это вслух, но спасибо, – продолжал улыбаться ЭрДжей.

– В вас верит намного больше душ, – серьёзно сказал Блюм.

– Хорошо! Вот мой план на грядущую жизнь. Я буду делать всё, что в моих силах и не буду думать о поражении! Я не могу заглянуть в будущее, не могу даже предположить, к чему приведут мои действия, но я точно знаю, что я не могу – сдаться, даже не попробовав! Я буду пахать, как проклятый и не дам себе попросту времени на сомнения. А ещё, я изменю историю! Историю пишут победители. Я выжил в этом чёртовом мире – значить я победитель. Значит, я имею право немного исказить факты ради общего блага. Я сожгу все упоминания о войнах, найду все оставшееся оружие и уничтожу, я перепишу историю всего человечества, и людям даже не придёт в голову снова повторять все те ошибки… Злость и насилие не искоренить, но эту энергию можно попробовать перенаправить. Пусть на это уйдёт вся моя жизнь, и пусть у меня даже не выйдет, но, по крайней мере, я буду знать, что попытался! Но сам я с этим точно не справлюсь. Что скажете, поможете мне с этим?

– Спрашиваешь! Конечно! – резво отозвалась Мята.

– Я в деле, – улыбнулся Ал.

– Блюм, а ты?.. Малыш? Ты чего?..

Друзья тревожно посмотрели на Фантаста. С его золотых глаз сорвались две блестящие слезинки и упали за землю.

– Хах… Простите, просто я… я вдруг вспомнил зачем я здесь.

– О чём ты, малы…

– Я здесь ради вас... – прошептал он.

– Малыш…

– Я пришел в этот мир только ради вас… – он посмотрел на друзей влажными от слёз глазами. – У вас получится. Даже не сомневайтесь.

То, что происходит с вами, вы забываете с каждой новой жизнью, но однажды вам вернут память обо всём, что с вами было, и тогда эти воспоминания будут самым ценным, что у вас есть. Спасибо вам за этот путь, за эти воспоминания. Они будут ещё очень долго согревать мою душу…

Никто не мог подобрать слов после откровения Блюма.

– Простите, испортил такой момент, – улыбнулся он, вытирая глаза рукавом.

– Блюм… – начала Мята. – Не уходи потом домой. Останься с нами, помоги нам построить этот мир.

Выражение лица Блюма изменилось. Он приоткрыл рот, но так и не решился произнести слова, которые хотел. Губы сомкнулись и приняли форму улыбки.

– Я никуда не уйду. Я всегда буду присматривать за вами.

– Но ты сказал Астери, что вернёшься в Затопленный.

– Я такого не говорил. Я сказал, что вернусь домой, а мой дом там, где вы.

– Ах! – Мята хлопнула в ладоши. – Правда?

– Правда, – тепло ответил он.

– Правда-правда?

– Да, Мята…

– За это нужно выпить, малыш! Я специально оставил немного для особого случая! – ЭрДжей полез в рюкзак за своим вином.

– На этот раз и я попробую! Такие хорошие новости!

– Ну и я тогда… – нерешительно сказал Ал. – Отпразднуем начало нового времени.

– Новый мир не за горами, – сказал ЭрДжей, разливая вино в чашки, с которых они недавно пиши чай.

– Но ведь ещё столько нужно придумать! – вдруг осенило Мяту.

– Всё придумано до нас, Перчик. Нам нужно только не облажаться, – сказал ЭрДжей и протянул ей чашку. – И так, пьём за будущее, которое создадим своими руками, но сначала разберёмся со Стражем. Люди должны понять, что в этом мире действует только одна великая сила – их собственная воля! И ещё разум.

– Ваш разум вам только мешает, – улыбнулся Блюм.

– Почему это?

– Разум всегда думает, прежде всего, о вашей безопасности и будет делать всё, чтобы отговорить от безумств, но вот душа всегда! Всегда жаждет приключений...

– Тогда за это и выпьем!

– А как же за новый мир, который ты собрался строить? – улыбнулась Мята.

– Не ты, а мы! И не переживай – за всё выпьем!

– Боюсь, меня хватит только на один тост… – насторожено понюхал содержимое чашки Альфред.

– Я видел, как ты выпивал в Трактире, пьянчуга, не прибедняйся!

– Наглая ложь! Я и кружки не выпил!

– А здесь всего лишь чашечка.

– Даже не надейся, я всё не выпью!

– Ну, тогда ответственность падает на плечи твоей ученицы.

– Чего?!

С лица Блюма не сходила нежная задумчивая улыбка. Он и не заметил, как спор закончился шуткой, и друзья поднесли свои чашки к его, чтобы произнести тост.

– Не спи, малыш, ночь только начинается. За старый новый мир! До дна!

– За старый новый мир! – хором повторили друзья и, скривившись, залпом выпили всё содержимое чашек.

ЭрДжей приложил кулак ко рту и сделал глубокий вдох.

– Я спалил разработки. Ну не идиот!

Друзья громко засмеялись, но не только с его слов – больше для того, чтобы отвлечься от ужасного кисло-горького привкуса во рту...

– Глава 15 –

Навстречу рассвету нового дня

Выспавшись и плотно позавтракав, ребята с новыми силами двинулись вперёд. Вернее, назад.

Деревьев вокруг становилось всё больше, а это означало, что скоро они проедут дом Мираса. Все единогласно решили, что к мастеру росписи по телу следует заехать, потому что, если кто и мог сделать знаменитые татуировки Стража, то только такой великий художник, как Мирас, но нужно было в этом убедиться лично.

Мирас ждал их у своего дома, и когда ребята появились на горизонте, он приветливо помахал им рукой.

– Он что, шаман? Как он узнал, что мы будем ехать именно сейчас?.. – пробурчал ЭрДжей.

– Постарайся не грубить, – предупредила Мята. – Помни на чьём велосипеде мы едем.

– Да помню я…

Мирас радушно встретил их, как старых друзей. Он сразу пригласил их в дом и предложил воды.

– Всё же вы решили вернуться, а не остаться в городе, – произнёс Мирас, наполняя стаканы прозрачной жидкостью.

– Подожди, так ты знал? Знал, что Парк выдумка? – удивился ЭрДжей.

– Да, я знал. На их рынке я часто покупаю материалы для своей работы.

– Почему тогда не сказал нам?.. – спросила Мята.

– Чтобы вы развернулись обратно, так и не побывав в таком чудесном городе? – улыбнулся мастер. – Правда то, во что вы верите. Глазам редко доступна истина. Хоть Парк и не исполняет желания, но вам было полезно побывать там. Я прав?

– Да, тут ты прав, – согласился ЭрДжей и осушил залпом стакан с водой. – Мирас, у нас к тебе вопрос. Ты помнишь все татуировки, которые делал?

– Разумеется.

– Тогда скажи, делал ли ты когда-нибудь татуировки на обеих руках в виде каких-то противоположных существ или людей? Такое что-то типо…

– Создатель и Разрушитель. Я делал их несколько лет назад парню по имени Элай.

– Да, это он! Мирас, ты нам очень поможешь, если расскажешь, что они означают?

– Что ты увидел в его судьбе? – дополнила Мята.

– Тот юноша был силён духом. Природа даровала ему великий дар вести за собой других. Я увидел судьбу лидера, объединяющего множество людей, но я вижу не так далеко, ведь судьба изменчива. Его душа стояла на развилке, и перед ней было два пути: один вёл по дороге труда и процветания, другой же – испепеляющий путь тьмы. Я нарисовал ему две противоположные стороны единого, два начала – добра и зла, чтобы он помнил, что человек объединяет в себе обе силы, и что между ними тончайшая грань, которую очень легко переступить. Абсолютно каждый может быть создателем, но и каждый может стать разрушителем.

– Увы, он не понял твою подсказку.

Мирас опустил глаза.

– Такие тату делаются очень долго, мы много разговаривали с ним. Мне очень жаль, что я не смог достучаться до него…

– Последняя не разгаданная загадка Стража это его способность подчинять людей. У меня есть безумная догадка… Возможно, он умеет вводить в гипноз.

– Это точно был не гипноз, – ответил Блюм. – Я знал одного гипнотизёра, и чтобы ввести человека в транс, ему нужно было спокойствие и концентрация, а мы со Стражем дрались. К тому же, он подчинил только моё тело, а не волю.

– Мирас, он тебе ничего не говорил о своих планах или о том, как можно управлять другими?

– Нет, о таком мы точно не говорили. Он был замкнут, и молчалив. В основном говорил я.

– Хмм… – ЭрДжей почесал подбородок. – Не хватает всего одного паззла, чтобы картинка прояснилась. Как же нам быть?

– Давайте мне ваши фляги, я наберу воды, – предложил Мирас.

– Спасибо большое.

– Как мы планируем остановить его? – спросил Ал.

– Я планирую придумать это сегодня ночью после того, как крепко напьюсь, – ответил ЭрДжей.

– А напиваться ты чем собрался? Мы же допили твоё «вкуснейшее» вино… – поморщилась Мята.

– Поднапряги память, Перчик. Забыла уже, где нам всегда рады и где выпивки больше, чем воды в море?

– Мы заедем в Трактир? – удивился Альфред.

– Да, мой друг. За сегодня до мегаполиса мы всё равно не доберёмся, а там хоть выспимся нормально.

– Не хотелось бы снова им мешать, – нерешительно сказала Мята, хотя в душе очень хотела заехать к ним.

– Мирас, мы вернём велосипед, когда разберёмся со Стражем.

– Конечно. Главное, приезжайте полным составом.

ЭрДжей удивился его словам:

– По-другому быть и не может.

Блюм и Мирас вскользь переглянулись, и Фантаст пошел усаживаться на велосипед.

– Мирас, можно как-то объехать лес? Я боюсь, что поездка через него снова добром не кончится.

– Да, его можно объехать. Так будет дольше, но вы на велосипеде, поэтому уверен, за сегодня управитесь. Смотри, всё время прямо вдоль леса, потом, когда увидишь котлован, нужно будет свернуть, и снова вдоль леса. Если свернёшь позже, то попадёте на бугристую равнину, а там ехать будет сложно, так что не пропустите нужное место.

– Понял, спасибо ещё раз, – ЭрДжей крепко пожал руку мастеру на прощание.

Небольшой отдых и вода прибавили ребятам сил. Ехать днём под жарким солнцем было задачей не

из лёгких. Верхнюю одежду все давно сняли, но даже та малость, что оставалась на них, раздражала. Футболки прилипли к телу, и кошмарный зуд от синтетики не давал покоя всю дорогу.

Ещё один привал был принят единогласно. Найдя тень для отдыха, они открыли по баночке консервов и утолили голод. Такой сытный обед заставил их разлениться, и ребята с большим трудом заставили себя продолжить путь.

Не обошлось и без непредвиденных бед: раскрутились гайки на багажнике, где сидел Альфред, и им пришлось делать незапланированную остановку, чтобы ЭрДжей подтянул болты.

Когда ребята объехали лес, солнце уже близилось к горизонту. Пейзаж снова менялся, но теперь от плодородных и цветущих полей к каменистому пустырю. Ехать на велосипеде по такой бугристой равнине было кошмарно. Ребята то и дело подпрыгивали на кочках, поэтому пришлось слезть с велосипеда и остаток пути идти пешком. И как раз, когда на небе стали появляться первые звёзды, ребята уже стояли у дверей Трактира и упоительно слушали громкую и не очень складную музыку, доносящуюся изнутри.

– Как будто вечность прошла, – сказала Мята.

– А ведь были здесь совсем недавно.

– Эй, вернёмся сюда, когда расправимся со Стражем? Отметим, как следует, – предложил ЭрДжей.

– Я только за, – отозвался Альфред.

– Я тоже.

– А ты чего молчишь, малыш? Блюм?

Фантаст содрогнулся от звука своего имени.

– Конечно… – сказав это, он толкнул входную дверь.

Знакомый запах алкоголя и еды, уже новые музыканты, но всё те же три брата у барной стойки. Людей сегодня было намного меньше, чем в тот раз, но это никак не отразилось на атмосфере. Посетители выпивали, танцевали или громко о чём-то говорили.

Ребята подошли к барной стойке.

– Эй, Трактирщик, по кухолю самого крепкого пива четырём отважным скитальцам! – громко прокричал ЭрДжей.

– А заплатить хоть есть ч… Ал, ЭрДжей, Мята, Блюм! Вы вернулись! – старший брат Тод бросил все свои дела и, обогнув барную стойку, подошел к ребятам, чтобы обнять их. – Вы так быстро вернулись! У вас всё хорошо?

– Да, мы немного поменяли цель нашего путешествия. Ничего, если мы переночуем у вас? У нас завтра очень тяжелый день, хотелось бы как следует отдохнуть, – сказал ЭрДжей.

– Конечно, о чём речь!

– Спасибо, – улыбнулась Мята.

– Тод, у меня ещё просьба. У нас там снаружи стоит велосипед, его бы припрятать где-то, ну, чтобы никто не увёл.

– Без проблем, я спрячу его в сарае. Подожди только свечу возьму.

– Не нужно, у меня лампа.

– Я и забыл, с кем имею дело, – Тод похлопал его по плечу, и они поспешно ушли из Трактира.

Остальные провели их взглядом, а когда повернулись к барной стойке, то перед ними уже стояли заказанные кружки пива. Гейн улыбнулся ребятам и пошел принимать другие заказы.

– Снова пить? – жалобно простонал Альфред.

– Сегодня грех не выпить… – сказала Мята и разом осушила половину бокала.

Парни смотрели на это, разинув рты. Она поставила кухоль на стойку и вытерла рукавом влажные губы, а Блюм и Ал всё так же таращились на неё.

– Что? Вспомните, что нас завтра ждёт! – оправдывалась Мята.

– Кого я вижу! Друзья мои! – хозяин Трактира шел к ним с широко разведёнными руками. – Погодите! Кого-то не хватает! Неужели один из вас?..

– Нет-нет! – в один голос встрепенулись ребята.

– ЭрДжей вышел спрятать велосипед вместе с Тодом.

– Фух, а я уж было о худшем подумал. Как и полагается родителю! Аха-ха-ха!

Друзья уже забыли насколько громкий и заразительный смех у Дюка.

– Уже веселитесь без меня? – послышался сзади голос ЭрДжея. – Привет, Дюк! – и они крепко пожали друг другу руки.

– Как Вита? – спросил Ал.

– О, малышка прекрасно! Такая милая, и так забавно сопит, а какой у неё носик и щёчки! А как она сжимает своими крохотными пальчиками мой палец! – коренастый мужчина с волосатыми руками и пив-

ным животом выглядел непередаваемо мило, рассказывая о таких вещах. Но его глаза светили настоящим счастьем.

– А Элисия как? – спросила Мята.

– Спасибо, милая, ей намного лучше. Маленькая дочь придаёт ей сил.

– Может, я осмотрю её, пока ЭрДжей не напоил меня всем, чем только можно?

– Вот это заявление! Кто тебя поил то? Твои руки кружки брали, не мои!

Все снова засмеялись и Дюк, похлопав Альфреда по плечу, повёл его наверх. Мята и Блюм тоже хотели пойти проведать малышку и Элис, но ЭрДжей остановил их, схватив за воротники.

– Эй, ты чего?

– А вы останьтесь.

– Что за хитрый взгляд?

– Я нашел кое-что интересное у них в сарае, и у меня появилась одна идейка, но мне нужна ваша помощь. С Тодом я уже договорился… – ЭрДжей и Тод как-то подозрительно переглянулись и кивнули друг другу. – И на тебе, Перчик, самая ответственная часть. Значит так, план такой…

Альфред достал кучу пластинок с таблетками, которые купил в Парке и, прищурившись, внимательно читал надписи на них. Он и не заметил, как Мята тихонечко подошла к нему.

– Я могу чем-то помочь?

Альфред с головой ушел в дело и не сразу ответил Мяте.

– А, нет, я ищу обезболивающее. Вот найду его и закончу… – Альфред снова вернулся к таблеткам.

– Как ты себя чувствуешь? – Мята обратилась к Элис.

– Мне намного лучше. Спасибо… – легонько улыбнулась она. – Извини, я не помню тебя, как твоё имя?

– Мята… – смущённо произнесла девочка.

Элисия и правда, выглядела лучше, но её слабый голос и бледный цвет кожи говорил о том, что ей ещё далеко до полного выздоровления.

– Вот она! – Ал держал в руках пластинку с таблетками. – Смотри, это средство не для лечения, а для снятия симптомов. Принимай по необходимости, если боль усилится.

– Под вечер обычно.

– Сейчас как?

– Сейчас терпимо. Вчера было хуже…

– Тогда смотри, количество их ограниченно, поэтому пей в случае крайней необходимости. Как принимать антибиотики я объяснил, но ещё на всякий случай расскажу Дюку. А, точно, Элисия, обязательно помни, что…

Мята присела рядышком и стала наблюдать за Альфредом. Он достал из рюкзака настои и серьёзным тоном начал рассказывать Элис об их свойствах и дозировке, которую ей следует принимать. Альфред активно жестикулировал, рассказывая ей о строении организма, чтобы она понимала, какие процессы сейчас происходят в её теле, и каких правил ей стоит придерживаться.

– … а вот этим мажь раны и помни, что главное правило – никаких нагрузок и полный покой. Даже если чувствуешь, что силы снова появились, ни в коем случае не вставать без необходимости! Твоё тело само по себе превосходный врач, но чтобы организм боролся и лечил себя, тебе нужно создать для него определённые условия. Никаких переживаний, переохлаждений или нагрузок.

– Спасибо тебе, Альфред, – Элисия нежно улыбнулась ему.

– На здоровье.

Мята всё так же внимательно наблюдала за ним. Как он собирал и упаковывал медикаменты, как поправил одеяло своей пациентки, как поставил выписанные настои возле её постели.

– Я теперь к малышке наведаюсь. Она сейчас с Дюком в соседней комнате. Ты со мной?

– А? Да, конечно! – подскочила Мята.

– Отдыхай. Я зайду утром, – он улыбнулся и пошел на выход.

Мята повернулась к Элис, но что ей сейчас сказать она не знала, поэтому просто улыбнулась и последовала за Альфредом.

– Я в своё время точно так же смотрела на Дюка, – улыбнулась Элисия.

– А? Ты о чём? – удивилась Мята.

– Да так. Ступай, ему может понадобиться твоя помощь.

– Поправляйся.

Улыбнулась Мята и побежала догонять Ала.

Он очень быстро закончил дела у малышки. Во время осмотра он проверил её рефлексы и слух. Послушал, как бьётся сердце, осмотрел руки и ноги на наличие искривлений. Все свои действия он детально объяснял Дюку, чтобы тот не волновался. Придя к выводу, что малышка абсолютно здорова, Ал собрался уходить.

– Эмм, ты уже всё сделал? Может ещё что-то нужно? Там, может протирки, или ещё разочек проверить её… – заикаясь, начала тараторить Мята.

– Нет, всё в порядке. Я уже закончил.

– Ясно… Хорошо… – улыбнулась Мята и пошла за Альфредом вниз по ступенькам.

– О, Ал! Как здорово, что ты так… быстро... – ЭрДжей укоризненно посмотрел на Мяту, а та растерянно пожала плечами. – Что, всех осмотрел?

– Ну да, – Альфред снова присел за барную стойку.

ЭрДжей очень странно сидел, держа руки за спиной. Блюм старался как-то прикрыть его, приняв довольно неестественную позу.

– У вас всё в порядке?

– В полном!

– Ну ладно. Может правда стоить выпить. Нервы ни к чёрту… – Ал подтянул к себе бокал.

Блюм тем временем незаметно забрал нечто из рук ЭрДжея и спрятал себе под футболку.

ЭрДжей отклонился немного назад и посмотрел на Мяту, высказывая взглядом своё недовольство. Их диалог глазами за спиной Альфреда выглядел

настолько смешно, что Фантасту даже пришлось прикрыть рот рукой, чтобы не было заметно улыбку.

– У вас точно всё в порядке? Вы какие-то странные, – не выдержал Альфред, нутром чуя, что здесь что-то происходит.

– Это ты какой-то странный! Мы в таком месте, а ты сидишь! – возмутилась Мята, только выглядело это очень неестественно.

– Эмм… что?

– Пошли снова танцевать!

– Мята, почти никто не танцует, да и я ещё не напился. Мне духу не хватит оказаться в центре внима…

– Ха! А я хочу и пойду! Догоняй!

Она встала из-за барной стойки и пошла совсем не в сторону танцевальной площадки.

– Что это с ней?.. – недоумевал Лекарь.

– Ох, Альфред, женщины прекрасные актрисы. Если ты видишь на её лице какую-то эмоцию, значит, она хочет, чтобы ты её увидел. В противном случае ты даже не догадаешься, что она чувствует на самом деле…

ЭрДжей упоительно произнёс эти слова и кивнул в сторону Мяты.

– Чего?

ЭрДжей сделал глубокий вдох и положил руку на плечо Ала.

– Альфред, если довольно умная девушка говорит глупости, значит, она просто ищет повод для разговора.

– И? – Альфред в упор смотрел на ЭрДжея, не понимая, что он ему только что наговорил.

– Тц! Просто иди за ней!

– Зачем? Я же..

– Просто иди! – раздраженный ЭрДжей буквально спихнул друга со стула и снова кивнул в сторону Мяты.

– Всему вас учить нужно… – буркнул он.

Блюм только засмеялся.

– Ты чего? – удивился ЭрДжей.

– Карманный философ.

– Эээ нет, это твой хлеб, малыш, я не претендую. Давай лучше думать. У меня идей ноль! Что там вообще должно быть?

– Я сам не знаю, – Блюм достал из-под футболки блокнот с ручкой.

– Эй, пссс, ребята. Я тут это, услышал от папы, что вы планируете. Я принёс вам книгу, не знаю, поможет ли. Таких у нас немного, но всё же. А ещё я нашел тихое место, – Гейн позвал их за собой и ЭрДжей с Блюмом совсем не подозрительно исчезли из-за барной стойки, прихватив свои кружки с пивом...

Когда Альфред подошел к Мяте та заметно нервничала.

– Слушай, Мята…

– Ал, извини! Я там наговорила глупостей.

– Да ладно…

– Я просто не знала, как сказать или намекнуть.

– На что?

– Эмм... Обработаешь моё тату? – сейчас Мята корила себя, что эта идея не пришла ей в голову раньше, но зато это хоть немного объясняло её поведение. По крайней мере, она надеялась на это.

– И всего-то? – улыбнулся Альфред. – Имей в виду, рано или поздно ЭрДжей её увидит, и тогда тебе не избежать подколов.

– Ну, оттягиваю, как могу… – неуверенно улыбнулась она.

– Я рюкзак на втором этаже оставил, в комнате, которую нам дали для ночлега. Пойдём туда.

Мята последовала за ним, радуясь тому, что ей всё-таки удалось его отвлечь.

Они вошли в комнату, и Альфред закрыл двери, чтобы музыка стала тише. Он полез в свой рюкзак и снова начал искать нужный пузырёк. Мята присела рядом на пол.

– Знаешь, в такие моменты, я очень хочу, чтобы ты как можно скорее научилась читать, и… – Альфред прищурился, всматриваясь в очередную надпись, – и я бы только говорил: «Мята, настой из календулы!», или «Мята, мне нужен спирт! Ассистент Мята, подать щипцы!».

Она только захихикала в ответ.

– О, нашел! Снимай повязку.

Она разбинтовала запястье, Альфред осторожно взял её руку и начал рассматривать тату, а Мята в это время боролась со смущением изо всех сил. Он всего лишь держал её руку, но этого хватило, чтобы её щёки предательски загорелись.

– Знаешь, всё уже зажило. Я ещё перевяжу сегодня, но в следующий раз можешь смело снимать повязку. Так, сейчас помажем… Где же ватка…

Мята смущённая и красная всё так же старалась не подать виду, насколько ей неловко.

– А что означает твоё тату? Что Мирас увидел?

– Ну, он сказал, что у него нет для меня подсказки, что я и так вроде бы знаю, каким путём идти, и предложил это Дерево Жизни.

– Очень красиво получилось.

– А ты хотел бы себе рисунок?

– Нет, – Альфред начал обрабатывать рану. – Мне нравится видеть тату на ком-то, но такие штуки… просто не для меня. Мне такое не подойдёт…

– Ты не прав… – очень тихо, но уверенно сказала Мята. – Знаешь, Ал, красота… она разная бывает. И я думаю, Блюм прав. Мы сами выбираем себе жизнь, и если мы так решили, значит так нужно. Не будь ты таким, какой ты есть, мы бы не встретились! А я бы этого очень не хотела… – Альфред перестал протирать татуировку и посмотрел на Мяту. – И да, подстриги эту чёлку. Ты видишь мои жутко красные щёки, а я даже в глаза тебе посмотреть не могу. Это не честно.

Альфред молчал. Его глаза были спрятаны за ширмой тёмных волос, но Мята чувствовала на себе его взгляд.

– Спасибо… – тихо сказал он. – Ещё совсем недавно мне было страшно даже представить такие приключения, дружбу с кем-то. Это всё казалось таким

нереальным, а сейчас я вне своего мегаполиса и пережил столько захватывающих событий вместе с вами.

Всё это время Альфред так и держал Мяту за руку, забыв о цели их прихода сюда.

– Знаешь, всё, что ты думал, что с тобой никогда не случится – это произойдёт, я уверена. Хорошее, я имею в виду. То, что мы пережили – это ещё не всё. Это только начало. Завтра всё не закончится… Завтра не последний день…

– Мята…

Она опустила голову и обмякла. Тяжелый груз переживаний за брата и друзей обрушился на неё. Она отгоняла эти мысли от себя так долго, а сегодня у неё уже просто не осталось на это сил.

– Я так боюсь потерять кого-то из вас…

Альфред беспомощно смотрел на неё, всё глубже падающую в свои страхи. То, чего он всегда хотел, но гнал сами мысли об этом – обнять человека. Её съедали сомнения, и он хотел как-то помочь ей справиться с этим, поддержать, но так и не решился. Ведь у него тоже есть страхи. Наверное, страх быть отвергнутым никогда не исчезнет. Поэтому он просто взял в руки ватку, смоченную настоем, и продолжил обрабатывать рану.

– Мы боимся потерять тебя не меньше. Но знаешь, я говорил с Блюмом днём, он сказал, что с нами всё будет хорошо. Если кто-то что-то и знает, так это он. Я ему верю.

Мята немного подняла голову и посмотрела на рисунок на своём запястье.

– Почему ты взял меня в ученицы? У меня таланта не больше, чем у камня на дороге.

– Талант – это труд. Запомни это, – сказал Альфред, перевязывая руку. – Я никогда не думал брать себе учеников. Даже не так, я не думал, что кто-то захочет у меня учиться. Ты меня тогда врасплох застала, и я, если честно, не сильно думал. Просто согласился и всё. Но я очень рад, что отключил тогда свой разум и доверился сердцу. Уже во второй раз, кстати, – засмеялся Ал. – Я хочу обучить тебя. Даже если ты не станешь врачевателем, просто передать кому-то свои знания – это тоже одна из вещей, которую я всегда в тайне хотел, но боялся даже вообразить. Когда знания находятся только в тебе – от них мало проку. Они должны витать в мире, как воздух, должны быть везде, чтобы каждый имел возможность пользоваться ими. Поэтому если ты не передумала, я с удовольствием продолжу обучать тебя, когда мы разоблачим Стража.

Мята посмотрела на Альфреда, складывающего свои принадлежности обратно в рюкзак. Она потянулась рукой к его лицу и указательным пальцем отодвинула часть чёлки. Альфред удивлённо смотрел на неё правым глазом.

– Хи-хи… – она опустила ширму. – Прости, само как-то вышло.

Она снова захихикала и немного замялась, Альфред тоже улыбнулся в ответ. Он полез в рюкзак и достал оттуда резинку. Собрав волосы в хвостик, как в первый день их встречи, он сказал:

– Чёлку я не состригу.

– Сострижешь.

– Нет.

– Да!

– Даже не надейся! Буду хвост завязывать, но чёлку не состригу.

Их шуточный спор сопровождался смехом и забавными гримасами.

– Спасибо, Альфред.

– На здоровье. Делов-то.

– А, да, за перевязку тоже спасибо…

Наконец-то их глаза встретились без всяких преград.

– Мята… – нерешительно начал Альфред, – помнишь, ты спросила в первый день встречи, прятал ли я у себя кого-то из здоровых?

Она кивнула.

– Так вот, я тогда соврал. Ты первая не из пациентов, кого я оставил у себя в доме. Но я очень рад, что отключил тогда разум и доверился сердцу. В первый раз, кстати.

Он встал, снова распустил волосы и пошел к двери.

– Пойдём, сегодня мы должны веселиться.

Когда Мята и Альфред вернулись в главный зал, Блюм и ЭрДжей снова сидели за барной стойкой и весело травили какие-то истории, собрав вокруг себя немало народу.

– … а потом эта собака, как рванёт на второй этаж! Мы все на панике давай к лестнице бежать, а малыш, знаете, что учудил? Знаете, что пришло в эту

рыжую голову? Он кааааак прыгнул со второго этажа, обвязавшись верёвкой! Это нужно было видеть!

Ал и Мята растеряно стояли в стороне, не зная, стоит ли подходить. Пожалуй, оказаться в центре внимания, они были не готовы. Вдруг Альфреда окликнул Гейн.

– Слушай, мне очень неудобно, вы пришли отдохнуть, но ты не мог бы и мне немного помочь? У меня уже год, как ужасно болит спина и в одном месте прямо немеет. Ты не знаешь, что это может быть?

– Возможно, нерв защемило. Пошли наверх, я посмотрю.

– Спасибо! Ты золотой человек!

Мята провела его взглядом и ещё какое-то время стояла улыбаясь. Все вокруг веселились, танцевали, отдыхали. Просто жили. Без суеты и забот, без вражды и злобы. Это место очаровывало именно этим. Люди отовсюду, люди с разными взглядами на жизнь, с разными убеждениями и разными судьбами просто проводили хорошо время.

Когда они разоблачат Стража, им необходимо будет место, подобное этому в мегаполисе. Вот только, хватит ли у них сил?

Мята посмотрела на ЭрДжея. Он сказал, что придумает что-то, когда напьётся, но не похоже, чтобы он что-то планировал. Да и вообще, как можно что-то спланировать. Завтрашний день действительно, может стать последним…

Очередной удар её сердца эхом разнёсся по всему телу. Громкий и глубокий удар заставил всю её

содрогнуться. Нужно гнать этим мысли. Нельзя притягивать плохое. Духи дурных мыслей всегда рядом.

– …Мята! Мята!

– Перчик!

– А?

ЭрДжей и Блюм звали её к себе. Они уже закончили свой героический эпос о недавних приключениях и остались вдвоём у барной стойки.

– Ты что там, уснула? Иди сюда!

Мята приложила руку к грудной клетке – сердце снова билось нормально. Она встряхнула головой и пошла к ребятам.

– А где Ал?

– Пошел с Гейном, у него что-то со спиной.

– Ни минутки покоя у нашего врачевателя. Аж завидно! Вот вернусь в мегаполис, тоже ни одной свободной секундочки себе не дам! Буду работать днём и ночью, чтобы мозг буквально плавился от идей и информации!

Мята захихикала, приняв его слова за шутку.

– Эх, тебе не понять, лентяйка! Ладно, я ещё за тебя возьмусь. А сейчас давайте пить!

ЭрДжей повернулся к барной стойке и заказал ещё пива. Мята тоже присела и подтянула к себе кружку.

Толпа слушателей вокруг ЭрДжея и Блюма переместилась к столику недалеко от барной стойки, где какой-то пожилой мужчина рассказывал о своих приключениях в лесу. Ребята волей-неволей тоже стали прислушиваться, ведь что-то подобное случилось и с ними.

– … а потом я вижу… дыра! Прямо в лесном бугре дыра! Всё, как рассказывали мне странники! А я старый дурак не послушал и пошел через этот лес. Клянусь вам Богами ветра и воды, я провёл там вечность, в этих тоннелях! Всё, как в рассказах! Всё!

ЭрДжей скептически приподнял бровь.

– Самовнушение.

– А потом... раз! Крыса на меня бежит! Здоровая, как смерть!

ЭрДжей подпер голову рукой.

– Страх всегда искажает реальность.

– … я думал, что и помру там!

– И как же ты спасся? – спросил один из слушателей.

ЭрДжей поднёс бокал к губам, чтобы сделать очередной глоток.

– Меня вывел из леса отшельник по имени Мирас. Умнейший человек!

– Пфф! – брызги пива полетели на барную стойку и ЭрДжей закашлялся.

Мята тут же засмеялась, а Блюм постукал его по спине.

– Как он сказал? Кха! Умнейший?

Мята заливалась смехом, а Тод со снисходительным выражением лица вытирал барную стойку.

– Чего ты, хорошая история, – сказал старший сын.

– Я бы интересней рассказал… – пробурчал Изобретатель и взял себе ещё одну кружку пива.

Скоро Альфред тоже вернулся к ним, но, правда, ненадолго. Слава о врачевателе, спасшем дочь Трактирщика, быстро догнала Лекаря и у него то и дело спрашивали советы или даже просили осмотреть. Друзья были не очень рады пропаже друга, но Альфред, кажется, был всем доволен. Он любил своё дело и был рад помочь в любое время и в любом месте. Трое оставшихся у барной стойки налегали на выпивку и расслаблялись, потеряв счёт бокалам.

Несколько девушек подошли к парням.

– Мы насчёт той истории, которую ты обещал рассказать.

– А, хотите ещё раз послушать, как я в одиночку подорвал базу злодеев? – повернулся к ним ЭрДжей с самоуверенным видом.

– Мне вот ту, про звёзды!

– А мне про солнце! Пошли за наш стол, там многие хотят послушать.

– О, с удовольствием!

Фантаст слез со стула и пошел за ними, оставив огорошенного ЭрДжея.

– Старею…

– Хи-хи…

– А ты чего смеешься? Просто мои истории для ценителей! Не все понимают их глуби… Эй, ты чего это?.. Напилась, что ли?

Мята не прекращала смеяться и заметно пошатывалась, даже сидя на стуле.

– Эй-эй, ты чего так набралась? У нас ещё важное дело, помнишь? А ну пошли, проветримся!

И он начал стягивать со стула Мяту, которую это всё только больше веселило. Вывести её оказалось той ещё задачей. Её топографические способности, которые и без того были хуже не куда, сейчас вообще вышли из строя. Мята будто делала всё, чтобы врезаться в кого-то. ЭрДжей только и успевал вовремя её оттягивать, чтобы избежать столкновения.

Она успешно преодолела ступеньки, но споткнулась о бордюрчик у входной двери и чуть не упала. ЭрДжей успел вовремя подхватить её.

Они сели на прохладную траву недалеко от входных дверей.

– Нет, ну правда, чем ты думала?

– Прости… Как-то само вышло…

Она уронила голову на колени. ЭрДжей покосился на Мяту.

– Эй, тебе не сильно холодно? Ал меня съест, если простужу тебя.

– Только бы он не успел… – не очень внятно сказала Мята.

– Что?

– Только бы не дошел раньше нас… Я себя не прощу, если с ним что-то случится… если он…

– Давай, успокаивайся. С ним всё будет в порядке.

Она сидела совсем обессиленная. Рука ЭрДжея потянулась к Мяте и легла ей на макушку. Он не растрепал её волосы, как обычно это делал, а просто положил ладонь на голову и не убирал.

– ЭрДжей?

– Ммм?

– А что ты делаешь?..

Он резко убрал руку.

– Ничего не делаю. Торможу. Я тоже пил, между прочим.

Мята подняла голову и села нормально.

– Спасибо, что вывел меня. Здесь, правда, легче.

– Главное приходи в себя быстрее, а то Ал не обрадуется, если его драгоценная единственная ученица не будет присутствовать на таком важном мероприятии.

– Что? Я там буду! Я собралась! Вот, смотри, я уже собралась! – Мята резко вскочила.

– Молодец. А теперь сядь обратно и посиди ещё немного. И не вскакивай так резко, а то всякое случиться может…

Мята и ЭрДжей засмеялись и она сквозь смех сказала:

– Как же всё противно кружится… Больше никогда не буду пить!

– Аха-ха-ха! Если ты так говоришь – значит, пьянка удалась. Поверь мне, Перчик, будешь. Ещё как будешь!

И они оба начали смеяться.

– Здорово, что я вас встретил, – сказал ЭрДжей, когда они успокоились.

– Погоди-погоди…Что я слышу? Неужели ЭрДжей1-2-3-9-0 привязался к кому-то?

– Эмм… почти. ЭрДжей1-25-67-9. Но ты была близко. Даже девятку и ноль запомнила, молодец! – засмеялся Изобретатель. – Я думал и так уже понятно, что я к вам привязался. Я, конечно, говорил, что не

подпускаю никого близко к себе, но это был очень старый я. Я всегда думал, что человек лучше развивается, когда он один, когда ему никто не мешает и никто не отвлекает, но сейчас понимаю, что один ты растёшь до определённого момента, а потом…

Я выжал всё из того себя. Если я останусь один, то дальше уже не смогу двигаться вперёд. Мне нужны другие люди. Нужны их знания, их мнение, ви́денье, точки зрения. Да и, по сути, все твои достижения не имеют никакого смысла, если тебе не с кем их разделить… Я вдруг понял, что большую часть своей жизни был не прав. Так что да, гении тоже ошибаются.

– Мы будем рядом, ЭрДжей, получится у тебя или нет. Мы разделим с тобой всё.

Мята очень серьёзно смотрела на него, сведя брови. Такой настойчивый и даже немного обеспокоенный взгляд подвыпившей Мяты выглядел очень забавно.

– Спасибо, Перчик, – улыбнулся ЭрДжей, – но я надеюсь, поражение разделять со мной не придётся. Я здесь не для того, чтобы сдаться.

Мята опустила глаза:

– Я тоже ошибалась, когда наговорила тебе всякого возле супермаркета…

– Ну… для тебя это нормально. Ты всё-таки не гений.

Не сильный удар кулаком в плечо последовал за его словами.

– Ауч! Поосторожней с энергетическим потенциалом мира! – Мята звонко смеялась, а ЭрДжей потирал плечо. – Жаль, очень жаль.

– Что жаль?

– Жаль отдавать тебя Алу на обучение. Когда наиграешься с бинтиками и пробирками, приходи в мою мастерскую, я покажу тебе, что такое настоящая наука.

– Спасибо тебе, ЭрДжей.

Она улыбнулась и встала, чтобы вернуться в Трактир.

– Ты идёшь? – спросила Мята.

– Я догоню. – Девочка пошла к входу, а ЭрДжей задержал на ней взгляд. – Не за что, Перчик… – на выдохе сказал он. – Только этого мне не хватало…

ЭрДжей тоже встал, отряхнул джинсы и пошел в Трактир.

Внутри ничего не изменилось, кроме одного – теперь все танцевали. Все, кроме Альфреда. Он сидел за барной стойкой и непринуждённо общался с Тодом, попивая пиво.

– Что здесь происходит? – еле пробрались через толпу танцующих ЭрДжей с Мятой.

– Дюк объявил, что лучший танцор получит бесплатную кружку пива и все сорвались в пляс.

– Даже малыш там! – воскликнул ЭрДжей.

– Ну, я думаю, Блюм там не ради пива, – засмеялся Альфред.

– Однако, какая не складная музыка сегодня! – ЭрДжей посмотрел в сторону играющих. – А ну-ка, пойдёмте за мной! И Блюма прихватите!

Изобретатель подошел к музыкантам и начал о чём-то с ними переговариваться. Заинтересовавшиеся ребята перестали играть, и музыка прекратилась. Все, конечно же, обратили на это внимание и уставились на самодельную сцену. Ал, Мята и Блюм почувствовали на себе все эти недовольные взгляды.

– Эмм, ЭрДжей, а что ты там удумал?.. – спросила Мята явно обеспокоенная настроем толпы.

– Я, Перчик, создаю историю. Сегодня исторический момент. И начнётся он с гимна путешественников!

– С чего? – засмеялся Гейн.

– Сейчас сам всё увидишь! А ну-ка одолжи мне свою балалайку! – обратился он к одному из музыкантов.

– Это гитара вообще-то, – недовольно ответил парень с проколотым носом и губой.

– Талантливый человек талантлив во всём! Руками же нужно, а я мастер на все руки! Ал, иди сюда, петь будешь! Блюм, что умеешь?

– Эээ…

– Отлично, за тобой слова! Да только, чтоб в рифму было!

Блюм очень смутился и покраснел от неожиданности. Весь трактир смотрел сейчас на них. Нужно было быстро придумать слова, но о чём петь? О чём должен быть гимн путешественников? Он всю свою

жизнь в дороге, но эта ситуация так его смущала, что в голове было ни словечка!

ЭрДжей с наглым видом уже подкручивал колки на гитаре, чем весьма раздражал хозяина инструмента, ведь он знал, как тот должен звучать. ЭрДжей же полностью полагался на свою гениальность.

– Ал, иди сюда! Вот тут стой. И пой. Перчик, а за тобой … хорошее настроение!

– Что петь то?

– Блюм?

Фантаст стоял около импровизированный сцены с Мятой. Он нерешительно обернулся и посмотрел на скучающую толпу сзади.

– Эмм… Гимн путешественников?

– Он самый! Если кто и может сочинить слова к нему, то только ты, малыш!

Мята покосилась на Блюма. Этот парень привык рассказывать истории, но сейчас он был полностью растерян и заметно нервничал.

– Нуу… Если дорогой идёшь… каменистой…

Или судьба… привела не ту…да… эээ…

– А, что он сказал?

– Как-то грустно, парень!

– Да, давай веселее!

Послышались недовольные выкрики сзади.

Блюм выглядел совсем беспомощно. Его спасла довольно пьяная Мята:

– Блюм, вспомни о том, что возможно мы завтра умрём, и расслабься.

Блюм с тревогой посмотрел на неё:

– Ты боишься? Того, что может случиться завтра?

Мята подняла на него свои уставшие голубые глаза и улыбнулась самой нежной улыбкой на свете.

– Конечно. Как и все люди на земле, я боюсь завтра. Поэтому очень ценю сегодня.

– Мята, можно тебя обнять?

Её щеки и без того горели от алкоголя, но внезапный вопрос Блюма сделал их краснее красного.

– Нет, конечно! – возмутилась она. Затем шепотом добавила: – Все смотрят…

Блюм и сам смутился от своего вопроса. Он не ожидал, что так проникнется её словами про «здесь и сейчас». Они оба рассмеялись, но скучающий ЭрДжей перебил всю атмосферу:

– Блюм, слова будут или нет?

– Будут тебе слова, ЭрДжей, будут! Пообещай мне, что не забудешь ни одно слово из этой песни и когда придумаешь своё электричество, сделаешь так, чтобы она жила даже после нас!

– Можешь на меня положиться, малыш!

– Мне нужен ритм! – крикнул Блюм, и девушка за этническими барабанами начала выстукивать интригующий и энергичный ритмический рисунок. Темп был не слишком быстрым, но и не медленным. Ритм совпадал с учащённым ритмом переполненного чувствами сердца, идущего за новыми приключениями. То, что нужно, чтобы начать новый путь.

Идём мы дорогой, опасной и длинной,
Дорогой длинною в жизнь,

С нами бок о бок идут неустанно
Ветер, солнце и мысль.

Одежда в пыли, а ботинки все в дырках,
Тяжелый рюкзак на плечах,
Но сердце наполнено счастьем и радостью,
Ведь рядом шагают друзья.

Ребята переглянулись и заулыбались. К барабанам добавилась дудка, и песня стразу же поменяла настроение, – от тёплого и нежного она перешла к волнующему и даже захватывающему. У всех, кто был сейчас в Трактире, ноги загудели, чтобы отправиться в путь. Блюм развернулся лицом и публике и продолжил:

И хотя временами путь каменистый –
От этого не стал он сложней,
Ведь всё что угодно преодолимо
В компании верных друзей.

Новый инструмент подключился к песне и теперь это был Гейн, отстукивающий звонкий удар ложкой по железной тарелке. Многие прихлопывали в ладоши или постукивали ботинками. ЭрДжей ещё сидел, выжидая подходящий момент, а вот вторая гитара решила вступить, и песня сразу же обрела объём в звуке и заполнила всё сводное пространство в помещении. Тод достал откуда-то трещотки и тоже присоединился к песне.

Свободны мы духом, ничто нас не держит,
Идём, куда сердце велит,
За каждой преградой – новая тропка
Ведёт в неизведанный мир.

Свободны мы сердцем от всех предрассудков,
От страхов, падений, тревог,
Ведь всё, что случается с нами в дороге –
Это бесценный урок!

А Мэтт тем временем подошел к сцене и вручил Блюму бубен. Этот инструмент прекрасно расставлял акценты в музыке, от чего мелодия стала более танцевальной.

Какой-то бородатый мужчина из толпы присел на краю сцены и подключился к песне с губной гармошкой.

И кто-то нам скажет, как же так можно:
Не жизнь, а одни мозоли́!
Мы хором ответим, кто говорит так –
Просто слишком ленив!

Да, мы не спорим – эта жизнь не слабых,
Всегда на износе сил!
Но чем сидеть в ожидании чуда,
Мы лучше будем в пути!

Дудка вела незатейливую, но энергичную линию. Этот легко запоминающийся мотив прекрасно подходил для ведущей партии в этой песне. Но вдруг

Блюм подал сигнал играющим, и музыканты приглушили свои инструменты, оставив ведущим только ровный ритм барабанов.

В это мгновение Блюм громко пропел речитативом:

Не нужна нам карта и компас не нужен,
Ведь небо над нами, и сердце ведёт нас
Дорогой, что верной будет всегда –
Навстречу рассвету нового дня!

Единогласно инструменты взорвались с новой силой, а Блюм ухватил Мяту за руку, и они начали закручивать всех танцующих в хоровод. Альфред повторял строчки, которые стали припевом раз за разом. Все подхватили эти незатейливые слова, и они становились всё громче.

Хозяева трактира стучали по всему, что издавало звук, люди кружились в общем хороводе, а музыканты играли, не жалея сил. Казалось, даже само здание было радо пуститься в пляс!

Несмотря на свою уверенность, ЭрДжей бездарно играл. Он упорно бренчал по открытым струнам, иногда зажимая какую-то ноту на первой струне, но благо, в общей атмосфере этого не было слышно. Зато свистел он, как бог. Звонко, громко, с глубоким вибрато в голосе – он повторял ведущую партию дудки, только выше. Альфред поддерживал его своим прекрасный грудным баритоном.

Все присутствующие, совершенно не переговариваясь, закончили песню как единое целое, и стали

громко хлопать себе и другим. То, что они только что сделали, было чем-то невероятным и по истине историческим. Незнакомцы со всех уголков, собравшиеся здесь сегодня, стали пульсирующим сердцем новой истории.

Дав всем минутку, чтобы отдышаться, ЭрДжей подал сигнал Тоду и тот быстро достал из-под барной стойки реквизит, приготовленный для их секретного плана.

– А теперь минуточку внимания! – громко заявил ЭрДжея со сцены. – Тод, Гейн, будьте так добры.

– А что происходит? – спросил Альфред, когда к нему подошел Тод и накинул на плечи белую простынь. Ткань была уже желтовата и кое-где на ней были пятна. Она никак не держалась на костлявых плечах Альфреда, и ему пришлось придерживать её руками.

– Как я уже сказал, здесь сегодня вершится история. Этот человек – врачеватель, или как все его зовут – Лекарь. Тот самый Лекарь, который спас жизни дочери Дюка и его жены.

Альфред замялся от такого внимания.

– ЭрДжей, что ты творишь?..

– Так вот. Издавна существовал древний обычай. Обряд, который проходили все врачеватели без исключения, дабы засвидетельствовать свою преданность делу, несокрушимость врачебных принципов и готовность посвятить всего себя служению другим людям.

Альфред начал понимать, что происходит, но всё ещё не мог в это поверить.

– Да, Альфред, это белая простыня, а не халат, и это не большой зал с другими врачами – ты пока что здесь один. Но вот твоя первая ученица, а вот люди, которые поверили в чудо благодаря твоим рукам.

Хозяин объятиями сгрёб в охапку всех своих сыновей.

– Это не совсем клятва Гиппократа, потому что мы понятия не имеем, что в ней было написано. Поэтому если кто-то ещё захочет принести клятву во имя будущего, то сейчас самое время.

Альфред всё так же держал простынь на плечах и смотрел на всех широко распахнутыми глазами.

– Приступим!

Все ушли со сцены, оставив там одного Альфреда, а ребята стали сбоку. Блюм и Мята читать не могли, поэтому текст был в руках Изобретателя.

– Врачеватель Альфред, известный всем как Лекарь, – торжественно начал ЭрДжей, – готов ли ты принести торжественную клятву Гиппократа людям и миру и никогда её не нарушать, ибо очернено будет имя твоё, и имена всех, кто причастен к этому ремеслу.

– Да. Я готов, – его голос на мгновение дрогнул от переполняющих его чувств, но он собрался, насколько это было возможно.

– Врачеватель Альфред, добровольно ли ты начал постигать это мастерство?

– Да.

– По собственному ли желанию ты продолжаешь им заниматься?

– Да.

– И готов ли ты к ответственности, что ложится на твои плечи? Ответственности за чужую жизнь.

– Абсолютно. – Он посильнее натянул на свои плечи простынь.

– Тогда все здесь присутствующие, зримые и незримые, будьте же свидетелями клятвы этого юного врача. Клянешься ли ты, врачеватель Альфред, посвятить своё тело, разум и душу врачебному делу, приложить все свои силы для восстановления медицины как науки и как искусства?

– Клянусь.

– Клянешься ли ты, врачеватель Альфред, исполнять свой долг честно, по совести, придерживаясь строгой морали и этики?

– Клянусь.

– Клянешься ли ты, врачеватель Альфред, не отказывать нуждающимся в помощи, если в твоих силах помочь им? Не проходить мимо бед и делать всё, что ты можешь, дабы жизнь была спасена?

– Клянусь.

– Клянешься ли ты, врачеватель Альфред, бороться за жизнь каждого своего пациента до последнего удара его сердца? Мыслить здраво и беспристрастно в принятии решений, не поддаваться излишним чувствам и выполнять свою работу, несмотря ни на что?

– Клянусь.

– Клянешься ли ты, врачеватель Альфред, помогать всем не зависимо от веры, возраста, внешнего вида, жизненных целей или приоритетов? Не судить и не осуждать. Без сомнений, корыстного умысла и

затаённой злобы оказывать всем равную помощь и без предубеждений выполнять свой долг перед людьми и миром?

– Клянусь.

– Клянешься ли ты, врачеватель Альфред, хранить тайны своих пациентов, как свои собственные? Не использовать их тайны в своих целях, а преследовать лишь намерение помочь и излечить?

– Клянусь.

– Клянешься ли ты, врачеватель Альфред, помогать, наставлять и обучать других врачевателей, если они проявят такое желание? Не отказать им в совете или же уроке, будь-то письменном или устном, дабы искусство медицины развивалось, и знания твои служили людям и миру даже после твоей смерти?

– Клянусь!

– Да будет так. Произнеси трижды клятвенное слово и обязательство вступит в силу. Подумай, ведь…

– Клянусь! Клянусь! Клянусь! – Альфред не дал закончить ЭрДжею его мысль, ведь ему не о чём было размышлять.

Он был собран и уверен в каждом своём слове. Хотя его голос по-прежнему дрожал от переизбытка эмоций и чувств.

– Прекрасно. Будь чист помыслами и честен с собой и другими. Ты, врачеватель Альфред, дал непреложную клятву в присутствии всех этих людей, и у тебя нет права её нарушать. Твой долг исполнить обет и пронести бремя его ответственности через всю жизнь.

Гейн пробрался сквозь толпу и дал ЭрДжею деревянный костыль. Изобретатель полез в карман за ручкой, а Тод принес маленькие угольки и мелки.

– Прошу засвидетельствовать всех присутствующих клятву этого юного врача, оставив свою роспись или любую пометку на этом костыле!

Костыль пустили по людям и все с удовольствием оставляли там свои каракули, символы или рисунки. Некоторые высекали ножом памятные знаки. Один суровый посетитель достал из кармана нож и, сделав надрез на указательном пальце, оставил на нём свою кровь.

Альфред стоял на помосте и смотрел, как костыль передавали из рук в руки и люди оставляли на нём свои отпечатки. Слёзы навернулись на его глазах, но они были спрятаны за ширмой из длинных волос.

Кто-то из толпы подошел к сцене и сказал Альфреду:

– Ты молодец. Где тебя искать, вдруг чего?

– Я… я из Верхнего…

– Замётано!

«Ты молодец!», «Умница!», «Так держать, парень!», «Дал клятву – держи слово!», «Возьмёшь в ученики?», – люди всё подходили и подходили, и он больше был не в силах сдерживать свои чувства. Обжигающие слёзы потекли с его глаз. Он опустил голову и изо всех сил старался перестать плакать, но от каждого нового ободряющего слова в свой адрес, поток слёз только увеличивался. Когда их не могла скрыть даже длинная чёлка, он отпустил белую скатерть и закрыл лицо руками.

Когда на костыле расписался последний человек, он вернулся к своему новому хозяину.

– Держи, – ЭрДжей протянул его Альфреду. Тот хотел уже взять костыль, но ЭрДжей внезапно потянул его назад. – Но только в качестве сувенира на память. Для ходьбы он тебе больше не нужен.

Альфред шмыгнул носом и взял костыль.

– Спасибо… Спасибо вам, спасибо вам всем! Спасибо…

ЭрДжей тепло улыбнулся.

– Я тоже хочу дать клятву! – крикнул он, поднявшись на сцену. – Я клянусь, что верну электричество, чего бы мне это не стоило! Я не знаю, к чему это приведёт, но я сделаю всё, чтобы наш старый дряблый мир получил второй шанс. Я клянусь, что не пожалею жизни для этой цели и посвящу всего себя восстановлению мира!

– И я клянусь, что спасу брата! Я не дам его в обиду, а после я… я найду себя! – Мята тоже поднялась на помост. – Клянусь! Я найду своё место, и тоже буду помогать людям, как мои друзья…

– Я тоже клятву хочу дать, – сказал человек из толпы. – Клянусь, что разыщу своего друга детства Лота, и мы вместе сходим на рыбалку, как и мечтали!

– Моё ремесло – это резьба по дереву. Я клянусь, что однажды создам статую женщины в полный рост!

– А я клянусь, что выиграю ту кружку пива, которую обещал нам Дюк! Эй, Трактирщик, предложение в силе?

– Ещё бы! Музыканты, начинайте!

Музыка возобновилась, но люди всё равно продолжали подниматься на сцену и говорить клятвы. Одни были серьёзными, другие – полным бредом, но все без исключения присоединились к клятвенному обряду.

Блюм тоже поднялся на сцену и пробрался сквозь толпу к своим друзьям, которые теперь были оттиснуты назад. С серьёзным лицом и с горящими глазами он сказал:

– Я приношу клятву миру и вам: я клянусь, что защищу вас и ваши стремления любой ценой!

– Блюм?..

– Люди будут уходить из вашей жизни, и вы должны быть к этому готовы. Но я клянусь, что завтра с вами ничего не случится.

Пока гости Трактира веселились и давали друг другу безумные клятвы, друзья стояли позади всех, обнявшись вчетвером, и собирались с духом, ведь до рассвета нового дня оставались считанные часы.

– Глава 16 –

Конец пути

ЭрДжея разбудила надоедливая пульсирующая боль в висках. Он нехотя приподнялся, чтобы немного размять шею и был весьма удивлён, увидев серьёзного Блюма, сидящего напротив окна на полу. Обладатель золотых глаз смотрел куда-то вдаль и выглядел очень задумчиво.

– Ты так рано встал?

– Я вообще не ложился.

– Ты с ума сошел? Нам ещё педали крутить и Стражу навалять нужно. Стоило бы отдохнуть...

– Просто я хочу пробыть здесь, как можно дольше.

ЭрДжей только проснулся и не мог до конца осознать, что имеет в виду Блюм, да и по правде говоря, не сильно хотел. Друзья давно привыкли к тому, что Блюм иногда бывал слишком философичен.

ЭрДжей снова рухнул на постель и завернулся в одеяло, но мысль о Страже уже засела в голове.

– Чёрт… Не усну снова… Сколько сейчас время интересно.

– Семь утра, – ответил Блюм.

ЭрДжей посмотрел на свои часы.

– И правда, только семь…

Сначала ЭрДжей не придал значения словам Блюма, но постепенно до него начал доходить смысл сказанного.

– Постой-ка, Блюм… а как давно ты научился определять время? Ты выучил цифры?..

Фантаст ничего не ответил, только молча встал и пошел будить Мяту и Альфреда. ЭрДжей озадачено провёл его взглядом.

Альфред быстро проснулся – по всей видимости, он и не сильно крепко спал. Его лицо было бледнее обычного, и от него исходила мрачная аура, но в остальном порядок, а вот Мяту разбудить получилось не сразу. Её потрёпанный внешний вид и рассеянный взгляд говорили о том, что ночные гуляния дались ей тяжело.

– Да уж, – сказал ЭрДжей, – не лучший день для спасения мира.

– Другого шанса у нас не будет, – серьёзно произнёс Блюм. – Приходите в себя и собирайтесь. Я буду внизу.

И Блюм незамедлительно покинул комнату.

– Что это с ним? – спросила Мята.

– Не знаю. Сказал, совсем не спал.

– У меня плохое предчувствие… – Альфред приложил руку к сердцу.

– Ал, только этого нам не хватало...

– Вы помните, что он сказал нам вчера? Что люди будут уходить из нашей жизни. Что он имел в виду?

– Ал, пожалуйста, не нагнетай. У всех нервы и так ни к чёрту, даже меня лихорадит. Блюм просто Фантаст. Говорить такие вещи для него в порядке вещей. Давай остановимся на этом варианте.

Когда ребята спустились вниз, их снова ждал тёплый сытный завтрак, заботливо приготовленный Дюком. Только на этот раз вид еды не вызывал восторга и аппетита. После такой попойки кушать совершенно не хотелось.

– Вы чего такие грустные? Вы же домой возвращаетесь! Домой! Это всегда приятное событие! – рассмеялся Дюк и пошел по своим делам, а ребята безрадостно переглянулись.

– Так, чтобы съели всё до последней крошки. Силы нам нужны! – скомандовал ЭрДжей.

– Я не хочу… – жалобно простонала Мята.

– Перчик, свяжу и силой запихну. Ешь!

Все вяло взяли в руки столовые принадлежности и заставили себя подкрепиться перед отъездом.

Дюк и трое сыновей вышли провести ребят.

– Если что-то пойдёт не так, вы знаете, куда можно вернуться, – сказал хозяин на прощание.

– Спасибо, старик. Мы обязательно приедем ещё. Только чтобы отметить победу, а не поражение.

– Я... оставлю это здесь, – Лекарь протянул Трактирщику свой новый костыль. – Я приду за ним, когда мы со всем разберёмся.

– Я тоже кое-что оставлю, – ЭрДжей протянул Дюку папку. – Там рисунок и он очень ценен для нас, так что мы точно вернёмся сюда и закатим славную попойку.

– Договорились, – улыбнулся Дюк.

В этот погожий день ехать на велосипеде было не так-то просто из-за ветра. Неукротимая стихия гоняла облака, которые то закрывали собой солнце, то позволяли лучам снова освещать землю. Когда солнце было спрятано за облаками, ребята чувствовали холодок, бегущий по телу, а когда снова показывалось небесное светило, появлялось ужасное липкое ощущение холодного пота на спине.

Мята постоянно крутила головой в надежде увидеть где-то своего брата и перехватить его до прихода в мегаполис, но к её величайшему разочарованию, по пути никого не было.

ЭрДжей, хоть и старался сохранять спокойствие, но его нервы тоже выходили из-под контроля. Он всю дорогу ломал голову над последней загадкой Стража – его силой повелевать людьми. Если ему удастся разгадать её до встречи с ним, то у них появится рычаг давления, но на ум ему ничего не приходило.

Альфред тоже безрезультатно прокручивал одни и те же мысли, пытаясь понять, как им вести себя со Стражем. Вожак долго пробыл у него в качестве пациента, но он был неразговорчив, а потом кардинально изменился. К каждому можно найти подход, но в случае со Стражем это казалось нереальным.

И только Блюм не выглядел встревоженно. Он был сосредоточен, собран и ни разу не позволил себе потерять контроль над рулём. Такое состояние Фантаста только усиливало тревогу ребят. Лучше бы он нервничал, как и все.

Наконец-то на горизонте показалась электростанция. Ребята решили, что здесь стоит остановиться.

– Так, это последний привал. Советую хорошо насидеться и дать отдохнуть ногам. Что будет дальше, даже я не могу спрогнозировать, – серьёзно сказал ЭрДжей и полез в рюкзак за сухим перекусом для всех, заодно достав и лампу, чтобы подзарядить.

Мята нервно мяла холодные ладони.

– Мы его не встретили... Он может быть уже там… А если его схватили… если его мучают…

– Перчик, всё будет хорошо. Страж не глупый, он не станет избавляться от единственного рычага давления на нас. – ЭрДжей снова разложил карту. – И так, я обещал придумать план – я придумал. Смотрите, когда мы покинули город, то вышли вот отсюда, с этого туннеля, который шел прямиком из Нижнего города, – друзья напряженно смотрели на карту и на то, как ЭрДжей водил пальцами по ней. – Но в нашем мегаполисе не все подземные туннели ведут в Нижний. Есть ещё шахты, которые должны были служить выходом из бункера.

– Бункер под контролем стражей, нам ни за что не пройти там незамеченными, – сказал Альфред.

– Не совсем. Нас никто не тронет, если мы зайдём с северной стороны и выйдем здесь.

– Это бункер в районе отшельников? – спросила Мята.

– Именно.

– Он замурован, – оборвал блестящий план Лекарь.

– Именно поэтому нас оттуда ждать никто не будет.

– А как ты собрался стену сносить?

– Я тебя умоляю, это же стражи! Как они, по-твоему, замуровали стену? Камень на камень сложили и своего волка у входа намалевали, чтобы страху нагнать – вот и вся преграда! Я ножкой толкну – и стены, как и не было!

– А ты уверен в этом? – тревожно спросила Мята.

– Конечно! Я там бывал после того, как они замуровали стену. Сами подумайте, цемента или любых других строительных материалов нет.

– Хорошо. Допустим, у нас получилось пройти незамеченными. Дальше что? Где нам искать её брата?

– Три варианта развития событий. План «А» – её брат ещё хуже ориентируется на местности, чем она, и он ещё не в городе. Тогда мы прячемся в Нижнем в одном из моих убежищ, и делаем продуманный хитрый план по разоблачению Стража. Возможно с использованием взрывчатки.

План «Б» – он всё-таки пришел в город, был замечен и схвачен. Тогда нужно идти к Стражу и применять тончайший инструмент психологического воздействия под названием шантаж. Мы знаем, что силы Парка нет, он это тоже знает. Нам будет, о чём поговорить.

План «В» – брат пришел в город, но не был схвачен. Тогда поступаем согласно плану «А», только ещё Потти с собой захватим незаметно.

– Гениально! – с неприкрытым сарказмом сказал Альфред. – Это и есть твой план?

– А чем не план то?

– А как ты вообще собрался узнать, там брат или нет?

– Ты забыл, Альфред, с кем имеешь дело. Я же Изобретатель! У меня по всему городу есть проверенные люди, которые всё мне расскажут. За определённую плату, конечно же.

– И ты думаешь, они не сдадут тебя?

– Как вы уже наверно позабыли, во время вашего громкого побега, я с вами замечен не был, и сейчас это наш козырь в рукаве. Для меня вполне естественно высунуться в город, навести справки и снова уйти в Нижний. Это не вызовет подозрений, а вы тем временем спрячетесь где-нибудь.

Друзья поменялись в лице. Им стало немного спокойнее, но ненадолго.

– Но если Страж всё-таки схватил Потти, я не представляю, куда он поведёт его, но это определённо будет уединённое место. Их главная площадь, например. Она скрыта за баррикадами и там нет лишних глаз. Страж понимает, что если Потти или мы что-то скажем, то он будет разоблачён. Наша задача как раз выманить его на людное место, на ту же главную улицу. Сегодня хорошая погода и там будет много народу. Так сложнее поймать нас, а нам легче рассказать всем правду, – друзья тревожно переглянулись. – Если у вас ещё осталась вера в богов и духов, самое время помолиться им, потому что даже я не знаю, что

с нами случится через несколько часов, – сказал ЭрДжей серьёзным тоном и полез в рюкзак. – Вот, одолжил у Дюка.

ЭрДжей протянул им три ножа. Никто не спешил их брать, поэтому Изобретатель положил их на землю и полез снова в рюкзак. Он достал оттуда три мотка верёвки, один кастет и аэрозоль с какой-то химической ерундой.

– С меня самого боец так себе, но запомните основное. Не дайте схватить себя за руку, иначе вас легко обездвижат. Не упадите, иначе вы сразу проиграете. Не вступайте в бой, если противников слишком много, лучше бегите. Ну и по возможности прикрываем друг друга, как это было с Сэмом. А, ещё, земля и песок ваши друзья, – их всегда можно кинуть в глаза. Играем грязно, но куда деваться. Вроде бы всё…

Все молчали и собирались с мыслями.

– Но вообще я надеюсь на дипломатические переговоры, а не на вот это всё. Это так, на всякий случай.

– А что это такое, дипламм… – начала Мята.

– Дипломатия, Перчик, это когда ты пытаешься решить всё мирно, но с заряженным пистолетом за пазухой.

ЭрДжей достал из рюкзака своё главное оружие.

– Не такая ли «дипломатия» нас погубила?.. – подумал вслух Альфред.

Изобретатель попытался спрятать пистолет спереди под свитер.

– Ну как?

– Ну, так-то не понятно, что это пистолет, но это «что-то» очень явно выпирает, – сказала Мята.

– Чёрт, правда… Может так?

ЭрДжей попробовал спрягать его сзади, выглядело ненамного лучше, но всё же не так бросалось в глаза.

– Сколько патронов? – спросил Блюм.

– Один. Заряжен на нужный.

Блюм покосился на торчащий из-за пазухи пистолет, затем перевёл взгляд на лежащие на земле ножи. Он не стал брать ничего из этого и просто направился к велосипеду.

– Блюм? Ты кое-что забыл.

– Нет, не забыл.

– Блюм, возьми нож. Ты же понимаешь, что это…

– Ладно, спор отнимет время. Я возьму вон тот, самый маленький.

Все ножи были складными и легко помещались в карман. Блюм взял свой и снова пошел к велосипеду.

– А рюкзак? – спросила Мята.

– Он мне больше не понадобится.

У ребят похолодело внутри. Было в его словах что-то пугающее. В нём самом сегодня было что-то пугающее. Его спокойствие, его смирение, концентрация. Будто он был готов. Готов к чему-то, о чём другие могли только гадать.

– Я… я думаю, Блюм прав, – начал ЭрДжей. – Походные рюкзаки будут мешать. Заберите самое необходимое, что можно уместить в карманы, а остальное спрячем тут. Ты ведь это имел в виду, Блюм?

ЭрДжей настойчиво смотрел на Фантаста в ожидании ответа.

– Да, именно это, – холодно ответил Блюм.

Мята решила, что ей нечего брать для себя, но у неё было то, что принадлежало её брату. Она достала из маленького кармашка рюкзака медальон Потти и одела себе на шею. ЭрДжей, кроме своего комплекта молодого бойца, взял ещё лампу, которую одел наперевес и бинокль с одной рабочей линзой, купленный в Парке. Альфред взял что-то для обеззараживания ран, таблетки от боли и бинт.

Теперь всё было готово для финального рывка. Друзья направились к велосипеду, но эти несколько метров дались им очень тяжело. Ноги будто налились свинцом и еле поднимались. Сердце билось так громко и ощутимо, что казалось, будто оно сейчас проломит грудную клетку.

– Следующая остановка будет уже возле мегаполиса. Помните, наше главное оружие в этой битве – информация. Не разделяемся и делаем всё, чтобы остаться незамеченными, – дал последние указания ЭрДжей.

Заняв свои места на велосипеде, ребята снова двинулись в путь. И никто даже не обратил внимания на то, что нож, который взял Блюм, так и остался лежать на белом бордюре, где они сидели…

Каждый оборот колёс приближал их к родному городу, но они не чувствовали трепет от предстоящего возвращения. Все мысли были заняты Стражем и опасностью, ждущей их впереди.

Сердце снова обливалось кровью, когда ребята проезжали мимо огромных воронок от бомб. Мята отвела взгляд от них и посмотрела на свою перемотанную руку. Она уже и забыла, что Альфред вчера сделал перевязку. Она осторожно размотала бинт и отдала его ветру. На запястье росло Древо Жизни. Древо её жизни. Оно должно ей сегодня помочь. Она сжала посильнее руль, – на горизонте начал вырастать Верхний Мегаполис.

Знаменитые высотки, пронзающие сами небеса, даже отсюда выглядели впечатляюще. Мята с ещё большей тревогой принялась вглядываться в горизонт, но её брата нигде не было. Значит он там. Она это чувствовала. Её внутренний голос говорил ей, что он жив, но это не означало, что с ним всё в порядке. Если его схватили стражи, одним богам известно, что они с ним сейчас делают.

– Блюм, сворачиваем! – прокричал ЭрДжей. – Иначе заметят!

Велосипед плавно поменял курс и теперь двигался к северной стороне. Блюм увидел вдали шахту, с которой они вышли, когда покинули мегаполис, но вскоре она исчезла из виду, когда ребята подъехали к великой стене вплотную.

Похоже, что им всё-таки удалось остаться незамеченными. В северной части стражи были редкими

гостями, ведь это район отшельников, но всё же ЭрДжей первым делом осмотрелся в бинокль, когда ребята слезли с велосипеда. Он внимательно проверил верхушку великой стены, и не заметил ни одного стража.

Мята тем временем поспешила к входу в шахту. Он был закрыт огромной дверью высотой в несколько раз больше её самой, а сбоку от двери находилась старая треснувшая сенсорная панель.

– Нет… – прошептала Мята. – Я знаю эти штуки, они не позволят открыть двери! ЭрДжей, нам такой замок не сломать!

– Успокойся, Перчик, его сломали до тебя. Ещё когда первый бункер открывали, тогда и дверь шахты вскрыли. Ну, по крайней мере, так говорят.

ЭрДжей подошел ближе к двери. Она была двойной, и посередине находился приоткрытый стык, в который можно было просунуть руку. Но вот пролезть через такую узкую щель было невозможно.

– Придётся попотеть… Так, все вместе, тянем!

Ребята приложили немало усилий, чтобы сдвинуть дверь с места, но когда она мало-помалу начала приоткрываться, то тащить стало легче. К тому же им не нужно было открывать её полностью.

Когда дверь со скрипом открылась, в нос сразу ударил запах прелого.

– Хочу уточнить, это не вход в бункер. Этот туннель выведет нас к коридорам перед ним, где собственно и разместились стражи, поэтому мы свернём раньше, чтобы не столкнуться с ними. Но эти шахты огромны, по ним доставляли провизию для бункера

на машинах, так что не отходите далеко друг от друга, иначе…

Мята, не дожидаясь окончания инструктажа, бесстрашно шагнула во тьму. ЭрДжей ещё не успел зажечь лампу, и ребятам пришлось догонять её. Изобретатель на всякий случай спрятал в шахту и велосипед.

Мята шла впереди всех, и Альфред не всегда поспевал за ней, но со временем она сбавила темп. Шахта была намного длиннее и в разы больше, чем она себе представляла. Потолки здесь были очень высокие и свет от лампы еле-еле дотрагивался до них. Каждый шаг или позвякивание эхом разносилось по туннелю. От этого было немного жутко, но в то же время, в этом было преимущество – если бы кто-то шел им навстречу, они бы сразу это услышали.

Друзья подошли к развилке шахт и теперь ЭрДжей взял на себя роль проводника. Перекрёстков было несколько на их пути, но Изобретатель точно знал, куда им нужно идти.

Со временем в туннеле начал появляться мусор. ЭрДжей остановился и подал сигнал друзьям.

– Дальше идём тише и старайтесь не наступать на мусор. То, что он здесь лежит, говорит о том, что выход близко…

Ребята нервно сглотнули и зашагали, глядя себе под ноги.

Шахта внезапно сузилась и превратилась в привычный коридор, по которому можно было добраться до бункера. В центральной части в таких коридорах

стражи основали свой рынок, но здесь, как и предполагал ЭрДжей, никого не было.

Вдали показалось пятно белого дневного света, и ЭрДжей погасил лампу.

– Вход должен быть замурован… – прошептал Альфред.

– Не нравится мне это… – ЭрДжей повесил лампу на плечи Альфреда.

– Зачем это?

– На случай, если вам придётся отступать без меня.

Когда они подошли ближе к выходу, то увидели, что вокруг валялись камни, а сам проход был свободен.

– Я выйду первым, – очень тихо сказал ЭрДжей. – Если услышите, что меня схватили, уходите вглубь как можно дальше.

– А как же ты?

– Я выкручусь, не сомневайтесь.

Друзья провели его тревожным взглядом. Он украдкой подошел к выходу, затем осмотрелся и исчез из поля зрения. Ребята напряженно слушали, но никакого шума драки или побега не последовало.

И тут ЭрДжей снова заглянул в проём:

– Всё чисто.

Трое ребят одновременно выдохнули с облегчением и последовали за Изобретателем.

Дальше им приходилось перемещаться короткими перебежками, прячась за углами домов, мусорными баками, или нерабочим транспортом на обочинах. Такими зигзагами они прошли почти половину

района отшельников и были не замечены, но в какой-то момент ЭрДжей потерял бдительность и, сделав новый шаг, чтобы выйти из-за угла, увидел какого-то стража, стоящего спиной.

Тело среагировало молниеносно – он отпихнул рукой назад Мяту, прижав её спиной к стене, и прижался сам. Блюм и Альфред тоже замерли на месте и боялись даже дышать.

Звук шагов и звон цепей усиливался. Вдруг послышались новые шаги. Риск был так велик, что даже ЭрДжей подумывал помолиться духам этой улицы, чтобы отвели беду.

– Чёрт, их нигде нет! Почему мы должны искать их здесь, пока всё веселье… не здесь?.. – раздосадовано спросил какой-то страж.

– Потому что Страж сказал, что они могут прийти с района отшельников. Не нам с тобой решать. Ищем дальше.

– Ну вот… С самого утра тут без дела камни пинаем.

Стражи шли дальше прямо по улице, пока ребята, вжавшись в стену за поворотом, с ужасом наблюдали, как они идут, глядя себе под ноги. Первый снова недовольно пробурчал:

– Здесь совсем ничего не происходит… – и продолжил идти, буравя глазами землю под своими ногами.

Ребята провожали их спины взглядом, пока они не исчезли из виду. Как только опасность миновала, друзья обмякли и чуть не попадали на землю.

– Что теперь делать? Они ищут нас здесь… – прошептала Мята.

– Хорошо, что они идиоты, ничего не знающие о засаде, но нам нужно укрытие, – вытер пот со лба ЭрДжей.

– Через два поворота дом Шо. Он точно нас не выдаст.

– Он разве не в другой стороне живёт?

– Нет, он уже год как здесь.

– Нужно почаще навещать своих учителей…

Ребята с особой осторожностью продолжили свои зигзагоподобные перемещения.

Новое жилье первого учителя Альфреда на вид было той ещё лачугой. В лучших традициях отшельников, он покинул высотки и соорудил своё жильё в развалинах упавших домов. Перед входом стояло пугало, а входная дверь была капотом машины.

ЭрДжей первым подошел к двери и отодвинул её, чтобы запустить ребят, затем занырнул сам. Внутри было довольно темно и тихо. Вдруг в затылок ЭрДжея уткнулось что-то твёрдое и холодное.

– Пошли вон отсюда, иначе здесь ваша служба и закончится.

– Шо! – крикнул шепотом Лекарь. – Это я – Альфред!

Он поковылял к отшельнику и тот сразу убрал оружие от головы ЭрДжея.

– Альфред! ЭрДжей! Как я рад, что вы в порядке!

– А ты, старик, не потерял сноровку. Откуда пистолет?

– Да какой пистолет? Палка это! – он протянул ЭрДжею своё оружие и эти трое рассмеялись.

– Я так рад, что вы живы. Страж будто с ума сошел! С неделю назад до меня дошли слухи, что кто-то ослушался его и отправился в Парк за желанием, и я ужасно испугался, когда услышал в их числе твоё имя, Альфред. Так это правда? Вы были в Парке?

– Да, вот только… там не было никаких испытаний, Шо… – печально сказал Альфред.

– Я знаю, мальчик мой, но я всё равно рад, что с вами ничего не случилось по дороге.

– Ты знал? – удивился ЭрДжей. – И до сих пор не рассказал всем?

– ЭрДжей, кто в этом городе послушает человека, который убивает хороших духов и продаёт их плохим?

– Чёрт, нас ведь тоже могут не послушать… – задумался он.

– Тогда зачем ты столько рассказывал мне о Парке, если знал, что он выдумка?.. – спросил Альфред.

– Я не думал, что ты когда-нибудь пойдёшь туда. Ты был маленьким мальчиком, я хотел, чтобы ты верил в чудеса, чтобы мечтал! Прости меня, Альфред, я хотел, как лучше…

– Нет, тебе не за что извиняться… и спасибо тебе. Эта вера в чудо дала мне намного больше, чем ты думаешь.

– Не хочу прерывать ваш трогательный разговор, но к нам идут стражи, – произнёс ЭрДжей, вглядываясь в дверную щель.

– Вам пора уходить… – прошептал Шо. – Вон за тем баком проход, который выведет вас к руинам павших высоток, а за ними улица Щенячьей Ласки и там…

– … там высотки с паркингом! То, что нужно! Спасибо, Шо! – ЭрДжей незамедлительно направился к выходу.

– Спасибо, – улыбнулся Альфред учителю.

Мята с Блюмом тоже поблагодарили отшельника, и пошли следом за остальными, и когда стражи зашли с рейдом к Шо, ребята были уже далеко.

По развалинам было сложнее пробираться, зато было больше шансов остаться незамеченными. Альфреду было ужасно тяжело взбираться и спускаться по бетонным глыбам. Их присутствие могло выдать его громкое сбитое дыхание.

– Я не могу больше… – задыхался он. – Простите, я не могу…

– Обопрись на меня, – скомандовал ЭрДжей и подхватил Альфреда под руку.

– Это не поможет... ЭрДжей… я не могу по этим глыбам взбираться…

– Пригнитесь! – шепотом скомандовал Блюм.

Все молниеносно присели между камней и стали прислушиваться к происходящему на улицах. Топот бегущих ног усиливался, и Мята закрыла глаза в надежде, что духи разрушенных высоток помогут им.

– Они точно где-то здесь! – прокричал какой-то страж.

Звук шагов был совсем рядом, но ребята остались незамеченными и топот пошел на убыль.

– Отдохнул? – спросил ЭрДжей.

Альфред ничего не ответил, только кивнул и начал тяжело вставать, опираясь на бетонную глыбу. Немного медленнее, но друзья снова продолжили путь.

Развалины рухнувших зданий подошли к концу, и чтобы попасть в подземный парковочный комплекс, нужно было сделать решительный рывок – перебежать улицу поперёк.

Здесь они были, как на ладони. Если какой-то страж появится в неподходящий момент, всей их конспирации придёт конец.

– Мешкать нельзя. Пока ничего нет – побежали!

Они вылетели на дорогу и мчались, что есть силы, и когда ребята были уже почти у цели, произошло непоправимое – двое стражей выбежали из-за угла им наперехват.

Ребята замерли с ужасом глядя на стражей. Злорадно ухмыляясь, те двинулись к своим долгожданным жертвам. Вдруг гениальный мозг ЭрДжея выдал план:

– А ну стоять, где стоите, крысиные хвосты! Иначе познаете силу, дарованную мне Парком!

И стражи тут же остановились. Гадкие ухмылки исчезли с их лиц, и они растерянно переглянулись.

ЭрДжей принял воинственную позу и продолжил:

– Хотите на своей шкуре испытать, на что я сейчас способен? На что способна сила Парка?

Стражи явно занервничали.

– Что будем делать? – тихо спросил один страж второго.

– Да чёрт его… Начнём драться – отхватим от них. Отпустим – отхватим от Стража.

– Согласен.

Стражи единогласно двинулись на ребят – блеф ЭрДжея не удался.

– Ладно. Бежим!

Трое рванули в сторону от стражей, а Блюм наоборот побежал им навстречу.

Фантаст ловко сделал выпад с подножкой и оба стража плюхнулись лицом вперёд.

– А как же парковка? – прокричала Мята.

– Там нас выдаст свет! Бежим к домам, спрячемся внутри!

Манёвр Блюма выиграл для них немного времени, чтобы спрятаться в одной из высоток. Они забежали в здание и остановились, чтобы перевести дыхание.

– Малыш... где ты этому научился?..

– Меня обучили… в какой-то из моих жизней... – запыханно ответил Блюм. – Не помню, в какой именно...

– Ха-ха! – ЭрДжей похлопал его по плечу. – Даже в такой ситуации остаешься Фантастом.

– Тише! – скомандовал Ал.

Топот ног и ругать пронеслись мимо ребят, и они облегчённо выдохнули.

– Так, давайте думать. Сейчас мы в высотке Слепой Совы, дальше у нас Зубчатые и потом… Азартный Хвост! То, что нужно! В той высотке частенько ошиваются мои информаторы.

– А кто они? – спросила Мята. – Грязный Вилли или может Сорвиголова? Говорят, они душу дьяволу продадут за сигарету.

– Нет, мои информаторы более … эммм… чистолюбивы…

– Ты хотел сказать, честолюбивы?

– Нет, Альфред, чистолюбивы…

– А что это за высотка такая? – спросил Блюм.

– Там играют со ставками, – ответил Альфред. – В кости, в карты, в шашки, есть и более жестокие игры с собаками или другими животными. В общем – мерзкое место…

– Да, но именно там рассадник сплетен.

– Погоди, мне рассказывали про эту высотку, когда я сюда пришел. Разве там не стражи заправляют?

– Ну да, – коротко ответил ЭрДжей.

– И как ты собрался там информацию добывать, если там точно будут стражи?

– Да, малыш, там будут стражи, но кроме них там будет ещё куча народу. Я знаю тайные ходы, так что проблем быть не должно.

– Действительно, что может пойти не так?.. – пробурчала себе под нос Мята.

ЭрДжей бросил на неё недовольный взгляд, а Блюм и Ал заулыбались.

Добрались они до высотки без препятствий. Выглянув из-за угла, ЭрДжей увидел, что возле парадного входа было немало народу, в том числе и стражи.

– Хорошо. Идите за мной, я знаю, где потайной вход.

С другой стороны здания находилась неприметная серая дверь, которой обычно пользовались «работники» заведения. К счастью, сейчас там никого не было, и ребята поспешили воспользоваться отсутствием стражей. Внутри оказалось очень темно, но ЭрДжей хорошо знал это место, поэтому без проблем провёл друзей тёмными затхлыми коридорами к главному игральному залу. Они спрятались за одной из уцелевших стен и оценивали обстановку.

– Так, уже вижу своих… – прошептал ЭрДжей.

Остальные никогда не бывали в этом месте, поэтому с интересом рассматривали зал. Большую часть стен снесли, и практически весь первый этаж высотки превратился в огромную игральную комнату.

Контингент здесь был зловещий. Свирепые игроки с нездоровым блеском в глазах делали ставки и ругались отборным матом всякий раз, когда проигрывали. Выигравшие же не скрывали своего презрения к проигравшим, и использовали не менее интересные речевые обороты для описания своих побед.

Подобная ситуация развернулась за одним из карточных столов.

– Победил жирный! – крикнула смуглая девушка в рваных джинсах и топике, стоящая у этого стола.

Её кудрявые каштановые волосы лавиной спадали на глаза и прекрасно скрывали отвращение к происходящему.

За каждым игральным столом сидело по красотке. Их задача следить за тем, чтобы игроки не мухлевали, а ещё отвлекать, ведь им самим нередко приходилось мухлевать в пользу договорённых лиц. Так можно было легко и быстро подзаработать, ведь такой победитель делился со стражами, а те жертвовали кое-что своим драгоценным сотрудникам.

Среди них Мята увидела и несколько своих знакомых, и она никогда бы не подумала, что они могут «подрабатывать» в таком опасном месте.

Та самая девушка с роскошными кудрявыми волосами принялась перетасовывать колоду. За её стол никто не садился, поэтому она отложила карты в сторону и с уставшим видом пошла к чёрному выходу.

– Сидите здесь. Я сейчас.

ЭрДжей оставил ребят у стены, а сам спрятался немного глубже в темноте коридора. Девушка прошла мимо притаившихся ребят и ничего не заметила. Она поправила густые волосы и достала из кармана самокрутку, но не успела она чиркнуть спичками, как ЭрДжей произнёс из темноты:

– Огоньку дать?

Она подскочила на месте и чуть не выронила самокрутку от неожиданности. Испуганная девушка принялась всматриваться в полумрак.

– О дух Белого Пса, ЭрДжей, ты напугал меня!

– Рида, не так громко!.. Хорошо, что сегодня здесь ты. У меня к тебе вопрос жизни и смерти!

– Да знаю я твой вопрос. Мой ответ всегда да, – она хитро улыбнулась ему.

– Ох, Рида, что ты такое говоришь, – поперхнулся смущённый ЭрДжей, зная, что за стеной его друзья. – Мы же старые друзья и мне нужна твоя помощь.

– Снова, – хитро улыбаясь, добавила она.

– Да, милая, мне снова нужна твоя помощь.

Блюм и Альфред, стоящие за стенкой, были готовы сквозь землю провалиться, а Мята боролась с собой, чтобы не затопать ножкой, как она была возмущена выбором таких ненадёжных информаторов.

– Рида, ты слышала что-то про парня, который вернулся с Парка?

– Ну, допустим, – она тут же поменялась в лице. – ЭрДжей, милый, знаешь, тут о тебе тоже слухи ходят. Мол, ты не на дно залёг, а… тоже в Парк отправился с этими беглецами. Ты ведь не был в Парке, правда? Это только слухи, ведь так?

– Конечно слухи, милая! Просто интересно. Я же любопытный, ты меня знаешь, – ЭрДжей улыбнулся своей коронной улыбкой, но в ответ улыбку не получил.

– Он на Пике Страха.

– Пфф... Да туда взбираться чёрт знает сколько! Ну, зато Страж молодец в кое-то веки. Высоко, нет лишних глаз… – нервно пробормотал ЭрДжей.

– А ещё я слышала, что если до конца этого дня те беглецы не придут к Стражу, он прикончит мальца.

Мята, сидящая за стенкой, побледнела.

– ЭрДжей, я рада, что это только слухи, про тебя и Парк, – начала девушка. – Вот что я тебе скажу по старой дружбе: в каждой норке сидит мышка, за каждой дверкой играется малышка, за каждой стенкой прячется… воришка.

Лицо ЭрДжей в мгновение изменилось, и он двинулся бежать, что есть силы:

– Бежим в зал! – прокричал он друзьям и те в панике бросились за ним.

Из темноты коридоров чёрного выхода выбежало с десяток стражей.

– Что ты там ему наплела?! – прорычал один из преследователей.

– Ничего, детская считалочка, – пожала она плечами.

Он бросил на неё свирепый взгляд и побежал следом за остальными.

В зале тоже были стражи, но друзья сыграли на эффекте неожиданности. Охрана не сразу поняла, что к чему, и какое-то время они просто стояли, соображая, что важнее: догонять каких-то ребят или следить, чтобы в суматохе ничего не украли или не начали жульничать.

ЭрДжей по ходу побега переворачивал столы и толкал игроков. Он мастерски посеял панику и негодование среди пребывающих в зале, а также перетянул на себя всё внимание, ведь пока он крушил зал, Блюм и Мята помогали Альфреду окольными путями подобраться к выходу.

На улице ребят уже ожидало подкрепление из троих стражей. Особого выбора не было, кроме как принять бой.

Мята бросилась на самого ближнего и точным ударом в пах вывела его из игры. ЭрДжей не умел хорошо драться, но он знал некоторые приёмы и сразу поспешил подбить противника в колене и нанести удар в нос. Блюм снова сделал какой-то хитрый выпад, и страж мгновенно потерял равновесие. Этого хватило, чтобы выиграть немного времени для Ала, который как бы не хотел, но бежать быстрее не мог.

Друзья мчались изо всех сил только чтобы оторваться и совершенно не думали о маршруте. Так побег завёл их в тупик. Они упёрлись в одну из стен подворотни и не знали, что делать дальше, а тем временем стражи догнали друзей и, увидев их незавидное положение, стали медленно наступать, сильнее прижимая их к стене.

– Ал, видишь ту палку?

– Вижу!

– Хватай её!

– Схватил!

– Здорово! А теперь защищайся!

ЭрДжей поднял увесистый кирпич, а Мята стала в боевую позу.

– Минуточку, – ЭрДжей всмотрелся в лица стражей, медленно шагающих к ним.

– Это другие… Возврат к плану «Хитрый Эр»! – он выбросил кирпич и встал в воинственную позу.

– Стойте презренные! Иначе познаете на себе силу, дарованную мне Парком!

Эти стражи тоже остановились. Слепая вера, которой Страж манипулировал столько лет, теперь обернулась оружием против него.

– И что же ты можешь?

ЭрДжей нервно сглотнул.

– Я… повелеваю… повелеваю я…

Внезапно Блюм встал на одно колено и положил руки на землю. Друзья только непонимающе посмотрели на Фантаста.

– Так что ты там загадал, Изобретатель?

– Небось, книжку!

– Ха-ха! Книжку, точно!

Стражи противно заржали, схватившись за животы, ведь шутка была очень смешной, по их мнению, но они перестали смеяться, как только сильный порыв ветра хлестнул их в спины. Маленький смерч из пыли и мусора, высотой в пару метров, прошел сквозь них, запорошив им глаза. Несколько стражей даже не смогли устоять на ногах и упали.

Когда этот мимолетный порыв прошел, напуганные стражи в недоумении уставились на ЭрДжей. Тот не растерялся и протянул руки вперёд, подобно владыке.

– Я повелеваю ветром! И это только малая часть моей новой силы! Прочь с дороги!

Ошалевшие стражи расступились, а затем бросились в рассыпную.

– Нужно доложить Стражу! – послышался крик одного из них.

– А это… что сейчас было?.. – спросил Альфред, всё так же стоящий с палкой в руках.

– Сила, дарованная мне Парком, что же ещё?

Пик Страха – знаменитое на весь город сооружение. Оно служило памятником разрушению, и было одним из самых мистических мест мегаполиса, ведь по легенде дух огромного Белого Пса откусил часть здания, чтобы люди перестали строить такие высокие дома. Поэтому в верхней его части зияла огромная дыра в форме полумесяца. К тому же оно было довольно высоким. Чтобы взобраться туда, нужно было много времени и сил. Ни того, ни другого у ребят не было, собственно, как и выбора.

ЭрДжей осторожно выглянули из-за угла соседнего здания.

– О великий Рэймонд…

– Что?

– Там… никого нет.

– И что плохого?

– А чего хорошего? Значит, они все внутри засаду готовят! Перчик, соображай.

– Это не единственный вход, да? – спросил Блюм, тоже выглянув.

– Да, тут куча входов с разных сторон. Только, я боюсь, они все заблокированы…

– За мной, – загадочно сказал Блюм и пошел обратно вдоль здания, за которым они прятались.

– Блюм, ты что творишь? Куда ты нас ведёшь?

– Доверьтесь мне.

Блюм и ребята осторожно обошли здание вокруг периметра, издали заглядывая в каждый вход, и нигде никого не было. В очередной раз Блюм выглянул из-

за угла, чтобы оценить обстановку возле входа. Этот был разрушен больше, чем остальные и возле него так же никого не было, но именно он привлёк внимание Фантаста.

– Здесь, – сказал он.

– Что здесь?

– Пошли, – и Блюм стремительно поспешил к входу.

Ребята ничего не успели сообразить – просто побежали следом. Они влетели в полу-заваленный вход и стали вертеть головами, но, кажется, стражей здесь не было.

– Как ты узнал?.. – удивился ЭрДжей.

– Это ненадолго. Спешим наверх.

Они быстро преодолели несколько этажей и спрятались в одной из комнат. Это здание было хорошо тем, что в нём было множество коридоров, залов, коморок, шахт лифтов или вентиляционных шахт. Всё это могло послужить хорошим прикрытием, но так будет не всегда. Практически на самом верху, где здание разрушено сильнее всего, есть только одни уцелевшие ступеньки, которыми можно подняться на крышу. Их и назвали Пиком Страха. Они идут по самому краю обрыва, и только безумец может захотеть взойти по ним. По одну сторону – здание, по другую – смертоносная пропасть….

Ребята присели в полутёмной комнате и восстанавливали дыхание.

– Я никогда не взбиралась на Пик Страха. Как пройти по тем дьявольским ступенькам?

– Не паникуй раньше времени, Перчик. Они не такие хиленькие, как кажется, – уверенно ответил ЭрДжей.

– Ты был на Пике?

– Нет, конечно! Я что псих? – он совсем не облегчил переживания Мяты. – Я как-то пришел туда, ну к ступенькам. Посмотрел на них и ушел... На самом деле они довольно широкие. Там пару человек поместиться могут! Запросто!

Альфред нервно сглотнул.

– Ты чего, дружище? – ЭрДжей похлопал его по плечу. – Тебе туда не нужно. По, правде говоря, тебе бы вообще стоило… ну знаешь, переждать зде…

– Я не оставлю вас, – решительно сказал Лекарь.

– Ал… – ЭрДжей умоляюще посмотрел на друга, – сто двадцать этажей. Двадцать три этажа в развалах и целый этаж с одними уцелевшими ступеньками над пропастью.

– Можете идти вперёд, но я не стану ждать здесь, пока вы будете рисковать собой, чтобы разоблачить Стража.

– Он должен идти с нами, – сказал Блюм.

– Малыш, это не те приключения, которые всегда хочет душа. Это настоящая битва с реальными людьми. Как ты вообще представляешь себе всё это? Что мы поднимемся на крышу, вежливо попросим Стража отдать Потти, его нам вернут и мы такие, а вы знаете, уважаемые стражи, ваш предводитель немножечко недоговаривает. Так? Блюм, мы идём туда сдаться.

– Что? – опешила Мята. – Но как же наш план? Мы собирались разоблачить Стража!

– Перчик, успокойся. Планы временно изменились. Сейчас самое главное – вытащить из этой передряги твоего брата живым. И кому ты там правду рассказывать собралась? Его шавкам, которые его чуть ли не богом считают?

Мята смотрела на него с непониманием.

– То есть, ты с самого начала так планировал?..

– Я понял это, как только услышал про Пик Страха... А как иначе, Перчик? Ладно, если бы нам удалось выманить его на главную улицу, там мы могли бы попытаться, но ты слышала, что сказала Рида – Страж убьёт твоего брата, если мы сами к нему не придём. У нас нет времени его выманивать или придумывать что-то хитрое.

– Но там ведь будут другие стражи! Если рассказать им…

– Я с первого дня нашего знакомства доказываю тебе, что духов не существует и что, ты уже перестала в них верить? – Мята опустила глаза. – Нас никто не послушает. Шо прав, кому нужна правда? Страж много лет укреплял свою власть, кто мы против него? Наша задача убедить его, что мы никому ничего не расскажем в обмен на жизнь твоего брата. Сдаться им на милость и ждать подходящий момент.

– Но ведь, можно посеять сомнения… – нерешительно начала Мята, – ну, духи – это духи, а Страж он реальный, видимый, и если доказать, что его сила не действует, то он будет разоблачён!

– Именно! Если доказать, что его силы нет! А я до сих пор не знаю, как он это делает, как подчиняет себе других людей. И пока я не смогу понять, в чём хитрость, как я могу утверждать, что я прав? Сегодня мы ничего не докажем, Перчик. Как только Стражу покажется, что мы посягаем на его власть, он свиснет своим парням, и мы навсегда замолчим. Поэтому важно, чтобы нас не поймали. Поймают – сразу обезоружат, а нам нужно застать их врасплох, а не наоборот. Тем более, у меня есть пушка. До разрушенных этажей мы обязаны не попасться, а там сплошная импровизация и я понятия не имею, чем всё закончится. Именно поэтому было бы хорошо, если бы кто-то остался и начал рассказывать людям правду изнутри.

Ал, тебя здесь никто не найдёт. Переждёшь, пока всё уляжется. Я бы и тебя, Перчик, оставил. Страж видит в тебе угрозу не меньшую, чем в твоём брате.

– Я не позволю никому рисковать жизнью вместо меня! Раз на то пошло, сам оставайся и жди подходящий момент! Я сделаю, всё, что в моих силах сегодня, здесь и сейчас!

Она резко вскочила, но ЭрДжей потянул её за руку назад.

– У тебя мозг испарился? Что ты можешь?

– Я знаю, что я не могу – бездействовать!

– Замолчите оба! – прорычал Блюм. – Ни за что, ни при каких обстоятельствах, чтобы там не происходило – мы не должны разделяться! Все идут вместе на крышу и никто, слышите, никто не отходит от меня дальше моего поля зрения!

Все удивлённо посмотрели на Фантаста. Он с самого утра был сам не свой, но сейчас от такого Блюма просто мурашки бежали по спине.

– Хорошо, если мы идём все вместе, как Алу подняться? – спросил ЭрДжей.

– Будем делать перерыв каждые пять этажей. Так мы сохраним силы и будем всегда настороже. А сейчас пойдёмте, скоро здесь будут стражи. Идём другой лестницей. За мной!

Мята сразу пошла за Блюмом, ЭрДжей и Ал переглянулись и тоже последовали за ними.

Все придерживались плана Блюма и делали перерыв каждые пять этажей. Они прятались в разных закоулках, и было просто чудом, как их до сих пор не засекли. Стражи шныряли по всему зданию вдоль и поперёк, но Блюм вёл всех, полагаясь на внутреннее чутьё, и у него это очень хорошо получалось.

Они прошли только половину, а Альфред уже был на пределе. Идти по ступенькам не то же самое, что по ровной дороге. Он всеми силами старался скрыть свою усталость, но всё было очевидно. Блюм завёл их в какую-то очень отдалённую практически тёмную комнату. Свет проступал сюда только через небольшую расщелину в стене ближе к потолку. Этого хватило, чтобы ребята могли различать силуэты друг друга. Они молча сидели и переводили дух. ЭрДжей полез за флягой с водой.

– Дальше прятаться будет сложнее, – сказал он. – Там больше разрушенных стен.

Подъём продолжился, но после этого перерыва идти стало только тяжелее. Ребята сбились со счёта и

проходили уже не по пять этажей, а сколько могли, пока Альфред сам не просил перерыв.

Чем выше они взбирались, тем больше охраны становилось. До разрушенных ступенек, именуемых Пиком Страха, оставались считанные этажи, и прятаться здесь было действительно очень сложно.

Ребята прижались к стене за ступеньками и ждали, пока стражи пробегут вниз.

– Фух… как же долго мы поднимаемся, – шепотом сказал ЭрДжей. – Может, дадим себя поймать, и они нас понесут?..

Трое измученных друзей недовольно уставились на ЭрДжея.

– Понял. Молчу.

– Тише! – шепотом скомандовал Блюм.

Он жестом указал им на углубление в стене, похожее на коморку без дверей. Они мигом забежали туда и присели.

Звук этих шагов ребята узнали сразу. Так уверенно и тяжело мог ступать только один человек в этом городе – Страж. Но он был не один – топот ещё двух пар ног доносился сверху.

– Стой! Стой, Страж! Да подожди ты, Элай! – крикнул незнакомый голос.

– Не называй меня так! Никогда! – прорычал Страж.

– Тогда остановись и давай поговорим! – прокричал второй незнакомец.

Мята сразу узнала в нём одного из Последователей. Это был тот самый парень, который помешал убить Блюма.

– Страж, к чему всё это?

– Куда нас, по-твоему, заведёт твоя жажда крови?

– Это не жажда крови, это вынужденные меры.

– Вынужденные меры? Да какие это к чёрту меры? Наши люди, как полоумные носятся второй день в погоне за… за… детьми! Страж, детьми! Мы за изгоями такую охоту не вели!

– Изгои глупые, а эти, как ты говоришь, «дети» слишком много знают.

– Страж, мы пошли за тобой, потому что верили в твои идеалы, но сейчас, мы тебя не узнаём... – с отчаянием в голосе сказал спаситель Блюма. – Что с тобой? Мы простили тебе зачистку, прикрывали тебя перед стражами за избиение своих же, но это уже слишком. Это ни в чём неповинные дети. Разве не ради таких, как они мы всё это начали? Чтобы стало спокойнее, безопаснее. Для подрастающих в первую очередь! Эти ребята отправились в Парк за желанием, как и ты в своё время, следуя за мечтой! Возьми себя в руки, с ними можно договориться. Они не глупые, раз вернулись живыми.

– Ты не понимаешь! Нельзя рисковать! Мы так близко, у нас всё получится. Страх – самый быстрый способ контроля. Это только на первое время и…

– Да твоё первое время длится уже несколько лет! Посмотри сколько негодяев мы наплодили! Стражи выходят из-под контроля, им нравится грабить, избивать. Они так и на тебя скоро нападут!

– Они этого не сделают! Они меня уважают и боятся моей силы!

– Какой силы? Какой? Мы оба знаем, что твоя сила…

– Заткнись! Я знаю, что я делаю. А если ты меня предашь…

– Да ты сам себя предаёшь! Я на крышу. Прослежу, чтобы они мальца ненароком не убили, – и парень без промедления направился наверх.

– Не пойдёшь за ним? – холодно спросил Страж.

Второй из Последователей в упор смотрел на него.

– Ты знаешь, кто есть среди них? Там Лекарь и Изобретатель. Они нам нужны. Хочешь их тоже убить?

– Их нет.

– А ты думаешь, они будут сотрудничать после того, как мы убьём их друзей? Изобретатель сам сумел организовать тот взрыв, и это было только предупреждение. Мне страшно думать, на что он будет способен, если мы его разозлим. А если бы не Лекарь, то тебя вообще бы здесь не было! Он спас не только тебя, он многим помог в мегаполисе. – Страж скрестил руки на груди и ничего не отвечал. – Ты сказал тогда, что знаешь, как сделать мир лучше. Ты сказал, что мы вырвемся из этой грязи, преодолеем предрассудки и сделаем наш мир лучше, но вместо этого мы только погрузились в больший хаос...

– По-твоему мы не сделали ничего полезного? Посмотри сколько у нас людей! Я дал им своё имя, я дал им дом, работу, цель! Всё, к чему так стремились люди в прошлом, я им дал! И они взяли это! Возьмут

и другие. Но нельзя позволить этим детям сейчас разрушить наши планы!

– Страж, да услышь ты себя со стороны!..

Мята сидела позади всех и с тревогой слушала спор Стража со своим приближенным. В глубине души она надеялась, что ему удастся убедить своего лидера отпустить их, но у него не получалось. Вожак даже не пытался его слушать.

Мята отвернулась от голосов, и её взгляд случайно упал на небольшую пожарную лесенку, ведущую наверх по шахте. Может ли быть, что она выведет её прямо на крышу?

Она повернулась к ребятам, – те сосредоточенно слушали диалог. Это её шанс. Страж здесь и его отвлекает Последователь. Это её брат и ей рисковать собой, чтобы спасти его.

Мята осторожно привстала и бесшумно подошла к пожарной лестнице. Напоследок она взглянула на друзей и мысленно попросила у них прощение. Ребята тем временем напряженно слушали перепалку дальше.

– Как ты не понимаешь?! – орал Страж. – Как я вижу угрозу в них, они видят угрозу во мне! Они попытаются что-то выкинуть. Ты хоть понимаешь, что все наши труды пойдут прахом, если всё… всё раскроется сейчас… – он произнёс последние слова тише.

– А может это самое подходящее время? Не думал об этом? Сколько можно врать себе и другим?

– Сколько нужно.

Последователь с болью в глазах посмотрел на Стража.

– Ладно, я тоже наверх, буду ждать их там, а ты имей в виду, если сегодня будут жертвы, ты потеряешь половину Последователей! Трое из нас уже устали от твоей лжи и жадности!

Снизу подоспели рядовые стражи.

– Страж, их нигде нет!

– Ищите лучше! Идите снова вниз и прочёсывайте все закоулки!

Несколько мгновений тишины, затем Страж что есть силы, ударил ногой по стене. Он с рыком и лютой ненавистью бил стены и один из ударов пришелся на ту, за которой сидели ребята. Они содрогнулись от испуга, но Страж не стал продолжать избиение стен и поспешил наверх.

Когда они снова остались одни на этаже, и речь вернулась к ним, Блюма, будто молнией прострелило:

– Мята!

– Ты чего?

– Где Мята?

Все обернулись и не увидели её.

– Нет… – с отчаянием в голосе прошептал Блюм. – Мы должны держаться вместе... Ей нельзя уходить! Нельзя!

Блюм резко вскочил и побежал по ступенькам наверх, совершенно не думая о возможной встрече со стражами.

– Блюм, стой!

ЭрДжей и Лекарь как можно скорее последовали за ним, и уже через два этажа они столкнулись со

стражами. Ребята попали в ловушку, потому что снизу уже доносился топот ног.

– Где она? – панически прошептал Блюм. – Мята… Мятаааа! – срывающимся голосом прокричал Блюм.

Мята, которая как раз вылезла из шахты, содрогнулась от далёкого звука своего имени. Но пути назад не было. Она осторожно огляделась и убедилась, что сейчас на этаже никого нет – все спустились вниз к ребятам. Шахта вывела её за один этаж до Пика Страха. По одну сторону от неё уже не было большей половины здания. Ветер шумно гулял, поднимая клубы пыли, но, несмотря на такую разруху, здесь было очень спокойно. Волосы, выпавшие из косичек, щекотали лицо, и она застыла на мгновение. С десяток этажей отделял её от брата, но это был самый сложный отрезок пути, ведь этажом выше Пик Страха…

Она засмотрелась на разрушенную часть здания – отсюда прекрасно было видно другие высотки. В какой-то из них она познакомилась с Блюмом, и так начались самые интересные приключения в её жизни.

Мята сделала глубокий вдох и зашагала к ступенькам, но вдруг кто-то схватил её за волосы, и с силой отшвырнул назад к стене. Она ударилась спиной и затылком и тут же схватилась за голову. Когда она открыла глаза, то ужаснулась – Страж навис над ней.

– Не переживай, ты не умрёшь здесь. Я же говорил, что сначала ты увидишь смерть своего брата.

Она вжалась в стену, но вожак схватил её за руку и потянул наверх.

– Нет, пусти, не смей! На помощь! Помогиитеее!

Ребята услышали её крик.

– Мята! – Блюм отчаянно смотрел наверх, будто пытался понять, где именно она находится.

– О себе лучше подумай, – ехидно заржал один из стражей.

– Прочь с моей дороги! – голос Блюма был необычно твёрдым и громким.

– А то что?

– Я сказал прочь!

Без капли сомнения Блюм вступил в схватку. Альфред и ЭрДжей даже не сразу поверили собственным глазам, когда увидели, как совсем юный Блюм бесстрашно сражается сразу с несколькими стражами и побеждает. Враги наступали со всех сторон, но Блюм будто чувствовал, откуда последует следующий удар и успевал заблокировать его раньше. Невиданная ранее гибкость, ловкость и сила появилась в его движениях. Это не было побоище, это было целое искусство. Досконально отточенные приёмы были направленны на блокировку соперника, а не на его избиение. Блюм вращался, делал выпады, ставил блоки, и стражи просто не поспевали за ним. Они спотыкались, подали, промахивались и иногда даже случайно ударяли друг друга, но как бы Блюм не был хорош, противников было слишком много для него одного.

ЭрДжей наконец-то пришел в себя и тоже вступил в схватку. Альфред поднял с пола камень и начала отступать назад. Какой-то худощавый страж шел на него и не спешил нападать, ведь он понимал,

что Ал ему не противник. Альфред всё так же отступал назад, пока не упёрся спиной в стену. Его прерывистое тяжелое дыхание говорило о панике.

– Нет, я не смогу… – он разжал ладонь, и камень упал прямо перед ним.

– Вот и молодец, – лиходей подошел практически вплотную к нему.

И тут Альфред сжал свою руку в кулак и со всей силы ударил противника в нос. Тот сложился пополам и с криком схватился за лицо. Альфред пританцовывал, пытаясь снять боль со своей руки.

– Прости! – извинился он перед стражем. – Я потом вправлю!

У ЭрДжея дела шли получше. Он успешно вывел из строя пару стражей не очень честными приёмчиками, но он считал, что сейчас было не лучшее время для благородства. ЭрДжей был увлечён схваткой и совсем не заметил, как сзади к нему подошли. Один единственный точный удар под дых и Изобретатель упал, схватившись за живот. Стражи тут же перестали атаковать Блюма и тот тоже остановился. Вожак собственной персоной пришел сюда и сразу одолел одного из врагов.

– Заберите его.

ЭрДжей, скрючившись, лежал на полу.

– Ты… гад…

Пятеро стражей поволокли ЭрДжея наверх.

– Пустите…

– Ты и ты – останьтесь. Остальные наверх.

Стражи быстро поспешили выполнить приказ вожака и на этаже остались Блюм, Альфред, Страж и два довольно крепких прислужника из толпы.

– Держите рыжего, – скомандовал вожак и повернулся лицом к Альфреду.

– Знаешь, Лекарь, я человек слова, но даже у моего терпения есть придел.

– Страж, послушай, – умоляюще начал Альфред, – Ты был моим старшим, я помню всё, что ты тогда говорил о мире и о том, как сделать его лучше. Все смеялись, но мне было не смешно. Я верил тогда и верю сейчас, что это возможно. Не иди против нас, давай объединимся! Я начну восстанавливать медицину, ЭрДжей вернёт людям электричество, ты и стражи можете хранить закон, и мир хоть чуточку, но станет лучше. Это возможно! Страж!

Вожак не спеша подходил к Альфреду.

– Да, это возможно. И вы с Изобретателем, так или иначе, будете работать на меня, вот только мы не объединимся, вы подчинитесь … – Страж засунул руку во внутренний карман кожанки. – Призываю силу, дарованную мне Парком! Повинуйся мне Альфред! Отдай свою волю! А вы, верные мне стражи, смотрите! Чтобы никто не смел сомневаться! Никто! В силе своего вожа…

Прислужники не сумели сдержать Блюма, и он бросился на защиту Альфреда. Рука Стража уже тянулась к горлу Лекаря, и вожак еле успел уклониться от внезапной атаки Блюма. Фантаст воспользовался тем, что тот на мгновение замешкался и сделал замах ногой с разворота, но Страж вовремя поставил блок и

удар пришелся по его плечу. Следующий приём вожак предугадать не смог, и Блюм выбил что-то из его рук.

Крохотный автоинъектор размером с колпачок от ручки упал прямо к ногам Лекаря.

– Это же…

Двое стражей позади тут же начали присматриваться, что же такое там выпало, а на лице вожака была настоящая паника и ненависть к Блюму.

– Вы, пошли отсюда! Пошли вон! – Страж прорычал на любопытных стражей и те нехотя начали уходить, всё ещё выглядывая таинственный предмет.

– Так это был ты… – собирал воедино кусочки Альфред. – Ты ограбил меня тогда, а не изгои. Это ты вынес все медикаменты и поджег мой дом… Я помог тебе, вколол анестезию, а потом ты расспрашивал о ней. Шприц-комарик с анестезией быстрого действия для неотложных операций… я же мог ими… столько жизней… а ты… так это и есть твоя си…

– Замолчи! – Страж достал нож и двинулся на Альфреда, но Блюм успел поставить блок.

Одной рукой он удерживал свободную руку Стража, а другой – блокировал нож, направленный в живот. И хотя Блюм был нечеловечески ловок в самообороне, но его юное тело не могло долго сопротивляться огромной физической силе взрослого Стража. Огромных усилий ему стоило оттолкнуть вожака в сторону.

– Страж, перестань, я никому не расскажу! Только не трогай его! Прошу, перестань! – кричал Альфред.

Но он и не думал слушать и с новой силой двинулся на Фантаста.

– Нужно было прикончить тебя ещё тогда!

Блюм понимал, что на одну и ту же уловку Страж не попадётся, поэтому в этот раз он решил только уворачиваться. Фантасту нужно было время, чтобы понять, как двигается противник и что можно противопоставить его силе.

Приёмы Блюма было сложно читать даже обученному Стражу. Он впустую тратил силы, пронзая ножом воздух, Блюм же сохранял предельное спокойствие и рассудительность, анализируя каждый новый приём Стража. Вожак абсолютно потерял контроль в пылу сражения. Ни правда про Парк, ни его великая цель больше не интересовали его. Всё, чего он так жаждал – нанести смертельный удар по рыжему выскочке. Он столько лет упорно трудился, чтобы стать сильнее всех, и тут какой-то малец уделывает его без особых усилий. Страж решил, что есть только один способ заставить Фантаста раскрыться. Вожак замахнулся ножом на Альфреда и тогда Блюм бросился спасать его, загородив собой, поставив тот же блок, что и в первый раз и теперь Страж был к этому готов.

Он шел на них с чудовищной силой и прижал Блюма к Альфреду, который был уже у самой стены.

– Страж, остановись! – взмолил Альфред.

Блюм держал блок, пока мог, но силы были не равны. Фантаст больше не мог сопротивляться Стражу, и нож вошел ему в живот. Вожак резко вы-

дернул его, и зелёная толстовка Блюма вмиг окрасилась в красный. Альфред только и успел подхватить ослабевающего друга, и они оба опустились на пол.

– Нет, нет, нет… – Лекарь держал в своих дрожащих руках, истекающего кровью друга. – Блюм!

Страж выкинул нож в сторону, схватил Альфреда за шиворот и потащил за собой.

– Нет! – Ал предпринял отчаянную попытку вырваться и укусил вожака за руку. Страж тут же разжал её от боли.

Альфред упал возле Блюма и начал доставать из карманов всё, что взял с собой «на всякий случай». Спирт, бинты и какие-то таблетки выпали на грязный пол и Лекарь дрожащими окровавленными руками начал перебирать эти медикаменты в поиске чего-то, что могло бы помочь Блюму. Будто что-то из этого могло ему помочь…

Страж снова схватил его.

– Нет! Прошу, дай мне спасти его! Я должен остановить кровь, иначе он умрёт!

– Пусть подыхает!

Но Блюм не выглядел, как умирающий. Его лицо было спокойным. Он нежно улыбнулся своему другу:

– Альфред, мир, который ты однажды будешь держать на своих плечах, будет прекрасен.

– Чёрт тебя дери! Блюм, не смей, слышишь, не смей говорить мне такое! Не умирай!

Лекарь впопыхах стянул с себя кофту, скомкал её и прижал к ране Блюма.

Страж потерял терпение и потащил Лекаря, заломив его руку за спину.

– Прижми кофту к ране! Прижми её как можно сильнее! Блюм! Не умирай! Не умри!

– Я не умираю, Альфред. Я перерождаюсь… – прошептал Блюм. Он посмотрел на кофту, которую Ал велел прижимать к ране, улыбнулся и убрал её. – Спасибо, мой друг, но она мне не поможет…

Страж тащил наверх задыхающегося от слёз Альфреда. Он не переставал думать о том, как бы ему вырваться и вернуться к Блюму. Его человеческие чувства ещё брали верх над выдержкой врача, и где-то внутри он надеялся, что его друга ещё можно спасти, но ведь было уже поздно. Такое глубокое ножевое ранение. Блюм не выживет…

– Зачем?.. – сквозь слёзы прошептал Лекарь. – Никогда… Я тебе это никогда не прощу…

– Заткнись и иди! – Страж толкнул Лекаря вперёд, и тот, запутавшись в своих ногах, упал.

– Никогда… Никогда я не буду за тебя!

Альфред с малых лет был спокойным и рассудительным. В его жизни было много ситуаций, когда его несправедливо обижали, но он и не думал давать сдачи. Какой смысл отвечать насилием на насилие? Так он всегда считал. Поэтому он даже вообразить не мог, что однажды возьмёт в руки оружие и попытается навредить живому человеку… Сейчас его разум был затуманен, гнев и скорбь смешались в рассудке и он достал из кармана нож, который ЭрДжей велел взять для подстраховки.

Он незаметно вынул его и разложил, пока тяжело вставал с земли после падения. Страж никак не ожидал, что у кого-то вроде Лекаря будет с собой оружие, поэтому, когда он снова схватил его за руку, чтобы повести дальше, Альфред нанёс удар. Он махнул ножом, не глядя куда, и тут же отскочил. У Стража была потрясающая реакция, но даже он не смог уклониться от такой внезапной атаки.

Остриё прошло чуть выше колена, оставив глубокую рану. Опешивший Страж посмотрел на порез, затем перевёл свой безумный взгляд на Лекаря. Альфред выставил впереди себя нож и, задыхаясь от слёз, закричал:

– Не подходи! Не подходи я сказал!

Страж не стал двигаться, вместо этого он криво улыбнулся.

– Ну, вот и ты запятнал свои руки кровью врага, Лекарь, – злорадно ухмыльнулся он. – А ведь только представь, если бы у тебя получилось... Представь это чувство. Как это должно быть приятно… отомстить…

Альфред отрицательно закачал головой, глотая слёзы.

– Это всё ты…

– Нет, Альфред, это был ты. И посмотри же, куда ты меня ранил. Не эту ли ногу ты мне лечил? Ну же, Альфред, не отвора…

– Заткнись, ты чёртов убийца! Как ты мог?! У него должно было быть ещё столько времени! Он столько всего должен был сделать, рассказать! Как он смотрел на мир, как жил и как поступал! Ты не имел права отнимать это всё у него! У меня! Он был моим

другом! Другом! – Лекарь не помнил себя от отчаяния. Слова сами срывались с его губ, и он совершенно не думал о том, что говорит. Просто кричал на Стража до хрипоты в голосе.

Но Стража эти слова совершенно не трогали, он был только рад этой реакции. Желание отомстить и выплеснуть гнев, – такое поведение ему было больше понятно.

Он спокойно подошел к Альфреду, чтобы забрать нож. Это было проще, чем отнять у ребёнка конфету.

– Не подходи! Я буду защищаться! Нет!

Нож полетел в сторону, а Страж снова обездвижил Альфреда, скрутив его руку. Вожак потащил Лекаря дальше, но не на Пик Страха. На этом этаже в одном месте в потолке была сквозная дыра, и вожак повёл Альфреда туда.

– Спускайте! – прокричал он. Прислужники бросили с верхнего этажа верёвку, и Страж обвязал ею безучастного Лекаря. – Держись крепче, если не хочешь упасть и сломать себе шею. И я вижу, ты немного растерян. Я помогу тебе собраться. Там наверху пока ещё живы двое других твоих друзей.

Лекарь бросил на Стража взгляд полный отчаяния и ненависти, но не успел он ничего ответить, как его начали тащить наверх.

– Не делай глупостей, Альфред, и никто больше не пострадает, – сказал Страж и бесстрашно направился к Пику Страха.

Лекарь отрешенно преодолел все оставшиеся этажи выше Пика Страха и за всё это время не проронил ни слова.

Выход на саму крышу был открытым люком в потолке последнего этажа. Чтобы попасть туда, нужно было взобраться по небольшой пожарной лестнице. Страж подтолкнул Альфреда ползти первым и тот безразлично начал подъём.

Когда они наконец-то были на крыше, Лекарь увидел с два десятка стражей, стоящих по периметру вокруг. ЭрДжей сидел около одного из бортов со связанными позади руками и был ужасно бледным. По его скрюченной позе было понятно, что его ещё не раз били в живот.

Мята стояла у самого края крыши, закрывая собой брата. Они были похожи, как две капли воды, только у Потти не было косичек. Мята стояла перед ним и была готова наброситься на каждого, кто подойдёт к нему. С её губы сочилась кровь, а глаза блестели от недавних слёз.

Страж толкнул Лекаря, и он упал неподалёку от Мяты.

– Теперь все в сборе.

– Все? – Мята непонимающе посмотрела на Альфреда и увидела на его руках кровь. – Нет… Страж, ты… Ты!

– Поосторожней девочка, а то не досчитаешься ещё парочки своих друзей.

Мята тут же замолчала. Она начала искать глазами помощь среди стражей, но почему-то на крыше

не было ни одного из Последователей, хотя они все должны были быть здесь...

– Страж, давай договоримся, – слабым голосом начал ЭрДжей.

– Ну, давай.

– Мы тебе нужны. Ал и я. Развяжи меня, отпусти Мяту с братом, и мы поговорим, как взрослые люди.

– А теперь мои условия. Ты и Лекарь становитесь стражами и выполняете все мои указания. Ах да, это не условие. Это единственный вариант для вас. А эти двое будут нашими пленными, как гарант того, что вы не сбежите или не начнёте говорить… всякие глупости.

– Ха-ха! Ай… – ЭрДжей тут же сжался от боли после попытки посмеяться. – Страж, один вопрос… и от ответа зависит, будем ли мы сотрудничать…

Изобретатель с отвращением посмотрел на Стража.

– Где малыш?

Страж криво улыбнулся.

– На пути к Богам.

Стражи не отличались особой внимательностью и не заметили, что у ЭрДжея в руке был маленький нож. Он разрезал верёвку и бросился на Стража. Тот успел отскочить, а его подручные растерялись. Этой секундной паузы хватило, чтобы ЭрДжей достал пистолет, но как только он попытался навести прицел, боль в боку пронзила его насквозь, и он упал на колени.

Страж тут же вырвал пистолет у него из рук.

– Нет! – закричал ЭрДжей.

– Наконец-то я нашел его… Пистолет. Настоящее оружие! Отшельники хорошо его прятали от меня, но тебе хватило глупости принести пушку сюда. Спасибо, Изобретатель.

После щелчка, дуло было направлено прямо на Мяту.

– Ну что, готовы «сотрудничать»?

Удар сердца. Один, затем ещё один, и ещё один… Ритм замедлялся, и до последнего удара оставались считанные мгновения. Его глаза были полузакрыты, дыхание прерывисто, но спокойно.

Блюм сидел, облокотившись спиной о стену, и упоительно слушал звук гуляющего ветра между стен. Он из последних сил вдыхал запах пыли, бетона и камня, и сейчас эти запахи казались ему слаще аромата цветов. Он нашел в себе силы открыть глаза.

Луч света из выбоины в стене падал прямо на его лицо. Ему не нужно было жмуриться, чтобы смотреть на свет. Свет был тёплым. Каждой клеточкой тела он чувствовал это тепло. Оно наполняло его изнутри. Его душу переполняла любовь и светлая грусть.

Блюм с усилием убрал окровавленную руку от раны и положил на землю. Он медленно провёл рукой по полу и ощутил под ладонью маленькие камушки. Затем рука потянулась к стене. Шершавая, рыхлая, потрескавшаяся. Блюм хотел вобрать в себя всё, что его окружало, хотел всё это ощутить, потому что знал, что скоро это закончится…

Рукой он потянулся к лучу света, чтобы дотронуться до него, но сил уже не осталось. Рука безвольно опустилась и больше не могла двигаться силой мышц и нервных импульсов.

Блюм медленно погружался во тьму, прокручивая в голове события последних лет. Он закрыл глаза и стал ждать. Он терпеливо ждал, когда этот момент настанет. И когда время пришло, когда последний выдох сорвался с его губ, он снова открыл глаза, встал и пошел на крышу.

– Страж, опусти пистолет! Если ты хоть пальцем её тронешь! – рычал сквозь боль ЭрДжей.

– Страж, прошу, убери оружие! Не нужно! Мы будем за тебя! Будем! – умолял его Альфред.

Он попытался вырваться, чтобы заградить собой Мяту, но страж, приставленный охранять его, тут же повалил его обратно на землю.

Сама Мята была в таком растерянном состоянии, что совершенно не понимала, что происходит. Крики вокруг были такими гулкими, будто она была в какой-то колбе. Вокруг было столько движения, но она не могла понять, что все эти люди делают. Что вообще происходит? И с ней ли?

Ей было не унять дрожь в теле. Она потеряла ощущение реальности и, казалось, ничто не способно вернуть её в сознание, но вдруг в люке выхода на крышу показался человек.

Блюм спокойно и без спешки поднялся наверх и, выпрямившись, встал напротив Мяты, только на дру-

гом конце крыши. Как только их взгляды пересеклись, в её затуманенное сознание вмиг вернулась ясность, и в то же мгновение внутри всё сжалось от боли, – толстовка Блюма была залита кровью, но его глаза были лишены страха. Он выглядел совершенно спокойным.

Мята отчётливо слышала в голове его слова: «Ничто не умирает, всё перерождается». Но сейчас она никак не могла понять их смысл. Блюм вот-вот умрёт. Её друг скоро уйдёт навсегда. Это последние мгновения, когда она видит его живым! С её глаз потекли слёзы. Он не выживет в этот раз…

Страж заметил, что девочка стала смотреть куда-то позади него и обернулся.

– Что за?.. Ты должен быть уже мёртв.

Блюм не обратил ни малейшего внимания на опешившего Стража и продолжал смотреть на Мяту, а она на него.

Она вдруг вспомнила их первую встречу на последнем этаже высотки. Вспомнила его слова о том, что судьба мира зависит от судеб всех людей, живущих в нём, и что даже один человек в силах многое изменить. Тогда она не понимала, о чём он говорил. Теперь поняла. Выбор человека предопределяет его судьбу, и сейчас она предопределит свою.

Быть пленниками Стража – всё равно, что умереть. Рано или поздно он решит от них избавиться. Альфреда и ЭрДжея он не тронет. Потти позади неё, патрон всего один, а Блюма… уже не спасти.

Как и не спасти всех тех, кто пришли сюда из Парка и стали жертвами его лжи, как и не вернуть тех,

кто погибли той кровавой осенью… Но ведь ещё остались те, кого можно защитить. Стража нужно остановить любой ценой. Здесь и сейчас.

Она перевела взгляд на Альфреда, – не стоило ей этого делать. Её решимость пошатнулась, как только их глаза встретились. Не только брат давал ей силы двигаться вперёд. Было кое-что, что она хотела бы сказать Альфреду, но видимо возможности уже не представится, поэтому она просто нежно улыбнулась ему, и тот всё понял.

– Нет… – прошептал он, но было уже поздно.

То мгновение, на которое Страж отвлёкся на Блюма, дало ей время, чтобы принять это решение. Она закрыла глаза и закричала, что есть силы:

– Страж врёт! Желания Парка нет! И сил у него нет! Парк выдум…

Никто раньше не слышал звук выстрела. Он оказался очень громким и пугающим. Пуля попала в грудную клетку, и тело упало наземь. Все, кто находились на крыше, стояли оцепеневшие, глядя на упавшее тело.

– Что за чёрт?.. – только и вырвалось у Стража.

Его руки дрожали, а в голове был полный беспорядок. Он смотрел на обездвиженное тело и не мог собрать воедино кусочки происходящего. Паника овладела им.

– Что за чёрт я спрашиваю?! Как это произошло? Кто это видел? Ты? – он прорычал на прислужника, держащего Лекаря.

– Нет, Страж, я…

– Тогда ты? Как это вышло?!

Страж буйствовал, но никто не мог дать ответ на его вопрос. Все были шокированы не меньше, чем он. Больше всех была потрясена Мята. У её ног лежал Блюм, принявший пулю вместо неё. Но ведь мгновение назад он был напротив, далеко, на другом конце крыши. Тогда как же он переместился сюда?

Громкий хлопок, будто хлыстом ударил Стража и тот резко обернулся, наставив пистолет на пустоту, – люк закрылся порывом ветра, отрезав путь назад находящимся здесь. Вожак в боевой позе держал пистолет наготове. Не мог же простой порыв ветра закрыть тяжелый люк.

Вдруг один за другим стражи начали падать и засыпать там, где стояли.

– Сестрён…ка…

– Потти! – Мята успела подхватить своего брата, который тоже начал терять сознание.

Стражи продолжали медленно погружаться в сон, пока в сознании на крыше не остались только ребята и вожак. Они были в напряжении и не знали, чего ожидать.

Новый шум заставил всех насторожиться. Страж резко обернулся, и на этот раз реальность была страшнее любой выдумки – Блюм начал подниматься.

Он выпрямился и встал напротив Стража, который не мог понять, правда это или он сошел с ума.

– Я же выстре…лил… в тебя…

– А я не умер. Тебе страшно? – голос Блюма звучал совсем иначе. Тембр не изменился, но сам звук был настолько тяжелым и плотным, что заставлял

тело испытывать слабость. Это было что-то не подвластное их пониманию.

– Нет… сгинь… Умри!!!

Страж в панике снова наставил пистолет на Блюма и начал раз за разом нажимать на курок. И хотя пуль больше не было, он всё равно нажимал и нажимал в надежде, что этот кошмар наяву исчезнет.

– Достаточно, заблудшая душа.

Блюм подошел к Стражу, положил свою руку на дуло пистолета и тот вмиг начал плавиться. Капли металла полетели вниз, а Страж с неистовым криком боли выбросил пистолет. Рука так жгла, что казалось, будто он не чувствует всё тело. Ноги онемели, и он упал с ужасом глядя на свою ладонь, обожжённую до плоти.

– Не переживай, скоро боль материальной формы перестанет волновать тебя.

– Блюм, что происходит? – дрожащим голосом спросила Мята. Слёзы покатились по её щекам.

Блюм повернулся к ней лицом и нежно улыбнулся. Хотя это было лицо её друга, она не могла его узнать. Это он, его тёплая улыбка, его мудрые глаза, но теперь это был совершенно другой человек.

Блюм подошел к Мяте и протянул руку, чтобы вытереть слёзы. Она закрыла глаза и сжалась после увиденного, но её лицо не было обожжено. Вместо этого она почувствовала нежное прикосновение ладони. Она открыла глаза и увидела тёплую улыбку Фантаста. Он не убирал ладонь с её щеки.

– Я никогда не причиню боль твоей светлой душе.

– Блюм, твои волосы… и… руки…

Фантаст снова нежно улыбнулся ей.

– Моё время вышло. Мне пора возвращаться в свой цикл, – Блюм поднял глаза на небо. – Дело в том, что это тело дала мне Земля, и теперь настало время мне его вернуть и принять свою истинную форму.

С рук Блюма капала вода, а волосы разлетались, как песчинки, которые против законов гравитации поднимались вверх.

– Это тело служило мне ограничителем, чтобы я мог находиться здесь и жить, как человек. Оно создано из воды, необходимых для физической оболочки элементов и первичной материи. Простите, что не рассказал вам раньше, но моей целью было не подчинять или внушать страх. Я пришел сюда, чтобы подтолкнуть вас. Не мне вершить историю на этой планете, но я обязан сохранить на ней жизнь. Я хранитель вашего мира, вы называете меня Солнцем.

Обжигающие слёзы с новой силой покатились с глаз Мяты.

– Я… тебе не верю… – всхлипывая, сказала она. – Ты Блюм. Наш Блюм…

Хранитель ничего не ответил. Он продолжал нежно улыбаться и истончать волны согревающего тепла, физически ощутимые всем здесь присутствующим.

– Малыш, ты ведь не серьёзно?..

Он перевёл свой взгляд на ЭрДжея.

– Ты храбро защищался, мой друг, но у тебя сломано несколько рёбер. Тебя нужно подлечить.

Блюм подошел к нему и присел рядом. Он прикоснулся указательным пальцем лба ЭрДжея и боль тут же ушла. Тот был настолько шокирован, что даже не смог вымолвить и слова.

Блюм же поднялся и серьёзно начал:

– А теперь слушайте меня внимательно. У меня осталось мало времени. Судьба мира – это слияние судеб всех душ. Очень давно несколько людей, потакая своей жадности и страху, позволили тьме овладеть их сердцами. Они совершили непростительный поступок, извратив священное знание из-за пределов вечности. Знание об управлении энергией души…

Эти слова наконец-то вернули ЭрДжея к реальности.

– Ты говоришь о…

– Слишком рано эти знания попали в ваш цикл. Уровень сознания не позволил людям принять их, и они были использованы в той жестокой войне… Полные невежества, люди совершили ошибку, платой за которую стала жизнь целой планеты и всех её жителей. Дисбаланс духовной энергии вывел Землю из равновесия, и она начала умирать. Все миры однажды встречают свой закат, но вы ещё даже не увидели рассвет. Поэтому Мудрейшие разрешили мне снова спуститься в ваш цикл, чтобы исправить эту чудовищную ошибку.

– Но… почему вы просто не остановили ту войну? Почему никто не спустился раньше? – перебил его ЭрДжей.

– Наивысшее проявление любви – дать своему чаду свободу, возможность совершать ошибки и самостоятельно исправлять их, ведь только так возможно развитие, только этим путём знания превращаются в опыт. И если бы с небес к вам спускались боги и говорили, чего делать нельзя – вы бы только больше этого хотели. Для вас кажется жестокостью наше бездействие, но мир придёт к своему рассвету только тогда, когда люди сами откажутся от насилия и вражды, от войн и бессмысленных жертв. Не под чьим-то давлением, наставлением и не под страхом наказания, нет. Только из-за искреннего желания прекратить это, и пойти другим путём – мира и гармонии.

Но то была не обычная война. Мы и сами не думали, что она приведёт к таким последствиям, ведь никто раньше не использовал эти знания с такой целью. Этой войной вы ранили свою мать-планету в самое сердце, и мир начал умирать слишком рано, а вы ещё не исполнили свою роль в картине Вселенной.

Поэтому земля дала мне это тело, чтобы я смог отыскать три великие силы, необходимые миру для развития. Отыскать и… сберечь. Мне нужны были любовь, мудрость и сила, и к моему великому счастью, я нашел их. Нашел в вас, мои друзья. Нашел и не дал уничтожить…

Мята, – серьёзным тоном обратился к ней Блюм, – сегодня ты должна была умереть. Но ты нужна Альфреду, чтобы он выполнил своё предназначение, а вы оба нужны ЭрДжею, чтобы он исполнил своё. У вас три великие судьбы, и каждый из вас играет важную

роль. Я изменил картину мира, когда вмешался в историю сегодня, и никто из вас не пострадал. Но баланс душ должен быть соблюдён…

– Поэтому ты уходишь?.. Чтобы был баланс?.. – сквозь слёзы спросила Мята.

– Нет, моя жизнь не имеет здесь ценности, ведь в этом мире меня быть не должно. Элай, – Страж содрогнулся, услышав своё имя, – как я и сказал тебе при нашей первой встрече, моя смерть будет концом и для тебя. Ты пойдёшь со мной.

Страж с мольбой посмотрел на него:

– Я… я просто хотел избавиться от всего плохого... и я не…

– Я знаю. Ты не зло, ты просто оступился. Если бы этот мир не был на грани, кто знает, какой путь ты бы выбрал тогда. Но в этой жизни ты немного заплутал, поэтому я и забираю тебя с собой. Потому что знаю, что в следующий раз ты сможешь выбрать верный путь.

– И что со мной будет? Как меня… накажут?

– Ты пройдёшь обряд немого искупления в небесном теле.

– А как же вечный огонь и муки?..

– О, поверь мне, уже после нескольких лет в одиноком молчании, твоё сознание будет пылать. Но это ничто по сравнению с невозможностью ходить, дышать, чувствовать жизнь, переполняющую твоё тело, – Блюм посмотрел на свою растворяющуюся ладонь, которая практически утратила цветность. – Ты захочешь вернуть всё это. И тогда ты уже не совершишь

те же ошибки. Твоя душа будет помнить урок, выученный столь высокой целой.

Страж ничего не ответил и отвернулся от Блюма и ребят.

– Ты обещал остаться с нами и помогать нам! Присматривать за нами! – прокричала Мята.

– Я не нарушу обещание, я всегда буду рядом.

– Это не рядом! – она указала рукой на солнце.

– Что внутри, то и снаружи, помнишь? У тебя внутри тоже есть Солнце. Частичка моей души всегда будет внутри тебя.

– Но как же?.. Блюм…

– Малыш, я хотел с тобой поговорить. Мне нужен твой совет. Много советов. Я думал, когда мы вернёмся… то сможем… – дрожащим голосом начал ЭрДжей.

– Жизнь всегда обрывается внезапно. Не откладывай разговор с человеком на потом, ведь потом его может уже и не быть.

ЭрДжей не верил ни единому его слову. Он не верил, что перед ним стоит Солнце. Вот только его тело ставилось прозрачнее с каждой минутой, и вскоре сквозь оголённые части тела на руках и ногах можно было увидеть очертания того, что находилось позади него. Он буквально растворялся в воздухе.

Блюм продолжил:

– Я больше не смогу поговорить с тобой, но всегда смогу выслушать. Если я буду нужен тебе, возьми бутылочку своей лучшей выпивки и приходи ко мне на закате. Я всегда поддержу тебя теплом и светом.

– Но Блюм… какая к чёрту у меня великая судьба, если я не могу спасти друга?! Почему всё так?..

– ЭрДжей, это мой выбор и я прошу его уважать. Солнце не переставало светить для этого мира ни на мгновение, но моё отсутствие не может продолжаться вечно. Как и любому монаху, отделившему свою душу от тела, мне опасно так надолго покидать его. Мудрейшие поддерживали меня, но моей душе пора вернуться в свой цикл.

– Малыш, это не может быть правдой. Просто не может. Скажи, что это плохая шутка, прошу…

– Разве ты не привык доверять своим глазам? Вот, смотри, – Блюм протянул ему свою полупрозрачную руку, с которой продолжала стекать вода. – Я понимаю, что тебе тяжелее всех принять эту реальность, но то, что ты видишь, ЭрДжей – правда. Помни, что разум – это только часть твоих удивительных способностей и его одного не достаточно, чтобы в полной мере постичь эту Вселенную. Многие вещи, увы, тебе и вовсе не откроются, пока ты в этой форме. Но когда ты всё узнаешь, окажется, что всё было так просто. Ты всё узнаешь, друг мой, а пока, наслаждайся неведением.

ЭрДжей осознал свою беспомощность и на его глаза навернулись слёзы. Все его знания, умения, всё, на что он так полагался – сейчас было просто бесполезным. Человек был бессилен перед ликом смерти. Перед вещами на порядок выше нас самих.

– ЭрДжей, не годится мужчине быть таким сентиментальным, – улыбнулся Блюм. – Вы втроём будете идти бок о бок всю вашу жизнь, но пути у вас разные. ЭрДжей, они не всегда будут с тобой. Тебе понадобится верный союзник. Как насчёт души Рэймонда?

– Что?

– Его безгранично добрая душа, спустя много лет впервые переродилась именно сейчас, потому что знала, что на земле появишься ты и разделишь его идеалы. Он здесь, чтобы помочь тебе.

– Но как же?.. Разве его душа не была уничтожена навсегда?..

– Нет. В безумном хаосе того кровавого дня, Рэймонд был убит из обычного пистолета, человеком, который до последнего был верен ему. Тот знал, что случится с душей Рэймонда, если он умрёт вместе со всеми. Сквозь боль и горькие слёзы он убил своего друга, чтобы спасти его душу…

– Так значит, он… Но как же мне найти его?

– Вы уже встречались, – улыбнулся Блюм. – Это Мирас. Эту жизнь он решил провести тихо и размеренно, посвятив себя духовному поиску, но он тоже сыграет важную роль. Я обучил его языку звёзд, так что вы всегда сможете спросить совета у любой просветлённой души.

– Научи нас! – выпалила Мята. – И мы сможем говорить с тобой в любое время!

Блюм нежно улыбнулся ей.

– Это не твой путь. Твоя юная душа не справится с этими знаниями. И мы однажды снова поговорим,

Мята, обязательно. Когда твоя душа вырастит и перейдёт в мой цикл.

– Я не хочу ждать так долго!

– Не воруй, не лги, не завидуй, не потакай жадности, не покушайся на жизнь и не иди на поводу у гордыни. Люби, доверяй, пробуй, отпускай. Дари радость, уважай других, учись и будь учителем, иди по жизни с улыбкой и никогда не опускай руки. Позволь любви вести тебя через все твои жизни и в каждой без исключения будь счастлива …Так ты приблизишь нашу встречу.

– А моя? – спросил Альфред. – Ты говорил, моя душа достаточно стара. Я справлюсь с этими знаниями.

Блюм серьёзно посмотрел на Лекаря.

– Альфред, сейчас, когда мои силы вернулись ко мне, я могу дать тебе здоровое тело.

Мята и ЭрДжей не могли поверить в это, но вот сам Альфред никак не отреагировал на такую новость. Не обрадовался, как друзья, но и не расстроился. Он просто размышлял, опустив глаза.

– Знаешь, возможно, мои недостатки это лучшее, что у меня есть. Они сделали меня собой. Я это я, независимо от того какое у меня тело. Тем более ЭрДжей обещал сделать мне ноги, да и… – Альфред запнулся, сдерживая слезы, – у меня есть новый костыль, который вы дали мне…

Блюм улыбнулся и кивнул головой в знак принятия решения Лекаря.

– Ты готов.

– К чему? Выучить язык звёзд?

– Альфред, друг мой, мне незачем учить тебя языку. Уже совсем скоро ты выучишь его сам, но не спеши, у тебя впереди ещё длинный путь. И ещё одно, у меня к тебе просьба. Посмотри на свои руки. Они созданы не разрушать, а исцелять. Поэтому я очень прошу тебя, больше не бери в них оружие, ладно?

Альфред лишь молча кивнул и опустил глаза.

Блюм перевёл свой взгляд на Мяту.

– Почему ты так грустишь? – обратился он к ней.

– Ты умер из-за меня… Из-за меня ты уходишь. Не нужно было менять ход истории. Это увидел Мирас, и ты сказал не отходить от тебя. Ты знал. Ты умер, потому что я не послушала. Я думаю, ты ошибся, и я не одна из тех сил.

– Но ведь ключ именно ты. Не будь ты такой смелой, чтобы полюбить своего брата всем сердцем, в мире, где это не принято, не погонись ты за ним, рискуя собственной жизнью – мы не встретили бы Альфреда, а затем и ЭрДжея. Именно ты собрала нас вместе. Мята, абсолютно не важно, как ты мал или велик, как много знаешь и умеешь, какого цвета твои глаза или во что ты веришь. Каждая маленькая частичка важна как целый мир!

И великая судьба – не всегда создателя. На твоих плечах куда более сложная задача – ты будешь поддерживать строителей нового мира. Ты будешь их вдохновлять и иногда ругать. – Мята улыбнулась сквозь слёзы. – Возможно даже, что им пару раз крепко от тебя достанется, когда они удумают сомневаться в себе. – Она засмеялась и начала вытирать

слёзы. – Я не ошибся. Все эти три силы в разной степени, присущи всем вам, а когда эти силы будут в каждом живущем человеке – наступит баланс между телом, разумом и душей и тогда ваш мир встретит долгожданный рассвет.

– Блюм, вчера… если бы я только знала… Блюм, можно тебя обнять?

Он посмотрел на свои практически прозрачные руки, с которых сбегали остатки воды.

– Боюсь, что уже поздно.

– Но ты сказал, что тело дала Земля. Попроси ещё одно! – прокричала она.

– Не выйдет, Мята. Шанс всегда всего один. Вот тебе моя последняя мудрость – успей выразить свою любовь, пока вы живы, поспеши обнять того, кто дорог… кого любишь всем сердцем, – он улыбнулся ей и отошел от ребят к краю крыши.

– Моё земное время давно вышло. Я всего лишь проводник к вашей цели, но я благодарен вам, ведь вы вернули мне такие тёплые воспоминания о том, как прекрасно идти навстречу приключениям бок о бок с друзьями.

– Мы без тебя не справимся… – прошептала Мята.

– Пока я буду жить в ваших сердцах, я всегда буду рядом.

Знайте же, не будет потом, не будет второго шанса, не будет возможности всё вернуть и прожить по-другому. Всё, что вам необходимо всегда находится на расстоянии вытянутых рук. Так протяните

же их и помогите тому, кому в силах помочь, поговорите с тем, в ком нуждаетесь, проведите время с теми, кого давно не видели… Не откладывайте вашу жизнь на потом, ведь потом… её может уже и не быть.

Помните, что человек от света и свет от человека. Всё едино и неделимо. Человек есть только то, во что он верит – брат тьмы или дитя света.

Каждое сознание в каждом цикле следует своему собственному пути, к конечной цели. Каждый играет свою роль в плане Космоса, но в конечном итоге мы всего лишь странствующие души, которые обречены на вечный поиск любви и гармонии. В этом мире, я нашел их в вас, мои друзья…

Никогда вы не будете более могущественными, чем сейчас. Даже, когда перейдёте в следующий цикл и получите все знания о себе и мире, вы всё равно не сможете быть более живыми. В вас сокрыт колоссальный потенциал! Вы обладаете телом, у вас есть разум, сквозь вас протекает духовная энергия, у вас есть интуиция, вам доступно вдохновение, вы способны чувствовать и у вас есть выбор, как всем этим распорядиться. И ваша высшая задача использовать всё это без остатка!

Эта жизнь – самое сложное и самое прекрасное время, что у вас будет. Не тратьте его на споры и обиды, вдохновлённо трудитесь и остро чувствуйте всё, что вас окружает. Ведь в каждом листе дерева, в каждой песчинке земли, в каждой капле воды находится жизнь...

Осознайте себя частью этой жизни, и привнесите что-то от себя в этот огромный мир. Он огромен благодаря вам. Он прекрасен благодаря вам и жив благодаря вам. Но он может и умереть из-за вас. Помните про эту ответственность, ведь каждое ваше решение будет менять этот мир…

Вы так могущественны, так велики и неопытны. Культивируйте, совершенствуйте себя и свою душу как ремесленник, как скульптор, как сам Творец! Доведите до совершенства вашу природу, вознеситесь над всеми распрями, философиями, взглядами, религиями – над всем, что делит вас и отделяет от истины, а истина в единстве.

Пусть это покажется вам сложным, но постарайтесь понять, что в каждом из вас есть частичка другого человека и вы можете узнать себя в других. То, что вы любите в окружающих вас людях и то, что ненавидите – всё это присуще и вам самим, но лишь в разной степени. И вся ваша вражда и всё непонимание не более чем иллюзия, созданная вашим разумом. Так начните же болезненно и остро чувствовать и верить в вещи, что так реальны, но незримы. Это ваша реальность, это ваш мир и ваши судьбы. Вы все мои дети, каждый из вас есть Солнце от моего Солнца и это не изменит ни язык, ни место вашего рождения, ни то, за кем вы следуете или во что верите. Нет такой силы, что разобщит вас, если вы поймёте, что вы есть одно. Вы все есть Жизнь.

– Блюм! Постой! – закричал Альфред, видя, как образ Блюма практически растворился.

– Простите меня, друзья, но моё время вышло. Запомните эти слова и пусть они ведут вас как путеводная звезда… – голос Блюма становился всё тише и будто отдалялся. – Прощайте, мои друзья, и спасибо, за этот путь… я в вас верю…

– Малыш!

– Нет, Блюм, стой! Блюм!

Мята хотела схватить Блюма, но схватила воздух. Его вещи упали наземь, а она так и осталась стоять со сжатой ладонью.

– Нет… как же… так… – прошептала она.

Альфред и ЭрДжей потерянно и безмолвно смотрели на упавшие вещи своего друга и не могли поверить в случившееся. Блюма больше нет. Он только что покинул этот мир. Но он не умер, он исчез. Испарился!

ЭрДжей в попытке прийти в себя случайно посмотрел в сторону Стража.

– Ах! – отшатнулся Изобретатель.

Страж с умиротворённым выражением лица будто спал, но его грудная клетка больше не вздымалась. Блюм забрал его душу с собой…

Мята стояла над вещами друга и слёзы медленно скапывали с её подбородка. Её нос забился, и она дышала ртом. Найдя в себе силы оторвать взгляд от вещей, она посмотрела на небо. Ни единой тучки. Хранитель этого мира беспрепятственно простирал свои тёплые предзакатные объятия на жителей мегаполиса, на эту высотку и на своих друзей. Мята закрыла глаза и на мгновение, будто отрешилась от себя. Чувства от потери друга вытеснили всё её естество, но

именно ради него, ради Блюма она не должна позволить горю взять верх.

Открыв глаза, Мята резко обернулась и обожгла Альфреда каким-то неоднозначным взглядом. В её глазах он читал горе, но ещё будто и злость. Возможно, она винит его в случившемся, ведь именно он не смог помешать Стражу нанести тот удар.

– Мята, послушай… я…

Она не стала дожидаться окончания его мысли и стремительно зашагала к нему. Альфред весь сжался, ожидая пощёчины или толчка, но вместо этого она схватила его за шиворот и потянула вниз. Наклонившийся Альфред не сразу понял, что она сжимает его в крепчайших объятиях.

– Мята… – только и смог прошептать он.

Своими дрожащими руками-палками он ответил на её объятия, и Мята заплакала навзрыд, дав выход чувствам, переполнявшим её сердце. Альфред только сильнее обнял её и опустил голову, скрыв свои слёзы за ширмой тёмных волос.

ЭрДжей смотрел на них и на его глаза тоже навернулись слёзы. Только сейчас он осознал произошедшее. Именно в это мгновение он понял, что Блюм, правда, ушел. Его последние слова эхом разносились в голове, и не было ничего, что могло бы унять эту боль…

Вдруг Потти зашевелился.

– Сестрён…ка…

– Потти! – Мята тут же помчалась помогать брату.

– Сестрёнка, что произошло?.. И что со Стражем? А чьи это вещи?..

Она не знала, что ему ответить, поэтому просто обняла его. Потти растерянно смотрел на Альфреда и ЭрДжея и искренне не понимал, что творится вокруг.

Стражи тоже начали медленно просыпаться и приходить в себя.

– Потти, я, – начала Мята, когда наконец-то нашла в себе силы отпустить брата, – я пошла за тобой в Парк и… – вдруг взгляд Мяты упал на вещи Блюма.

Из кармана бриджей торчала конфетка в красной обёртке, похожая на ту, что дал ей Блюм при их первой встрече. Мята улыбнулась сквозь слёзы и осторожно взяла её в руки.

Она не спеша сняла со своей шеи медальон и одела его на хозяина, а затем сказала:

– Вот, Потти, это тоже тебе.

– Конфета?.. Но от кого?

– От солнышка…

Мята посмотрела на закат, столь прекрасный и волшебный, как при их первой встрече с Блюмом. Могла ли она подумать тогда, что-то решение подойти к странному рыжему парню, сидящему на подоконнике, так сильно изменит её жизнь? Могла ли она вообразить такие невероятные приключения и такой печальный исход?.. Если бы она только знала…

Но никому не дано знать, куда приведут нас наши решения. Как повлияет на нас наш собственный выбор. Как изменится мир от наших поступков, или каков будет итог наших странствий.

Но все мы точно знаем одно: мы – и есть наш мир.

Мы в каждой песчинке, что формирует долину, в каждой капле воды, что наполняет океан, в каждом листочке дерева, что порождает лес, мы в каждом отдельном атоме, что создаёт Вселенную…

Мы все есть мир. Ты есть мир. Запомни это, странник. И делая новый шаг в неизвестность, всегда помни, что это может изменить всё мироздание.

Задумайся, что у тебя под ногами, перед глазами или над головой, – и возможно ты наконец-то увидишь там себя...

Да, это странный мир, но такой прекрасный. И таким его делаем мы и наши поступки. И только от нас зависит, увидит ли наш старый мир новый рассвет…

– Эпилог –

Конец – это новое начало

Желтый густой свет электрической лампы освещал силуэт человека, сидевшего за столом. Седовласый старик, сгорбившись над листами, старательно выводил буквы на бумаге. Стол же был завален разными книгами, блокнотами, вырванными листами и канцелярскими принадлежностями. Этот бардак не сильно отличался от бардака в самой комнате. Вещи были разбросаны, по углам валялись инструменты или просто хлам, а скомканные листы бумаги вываливались из переполненного мусорного ведра. Рядом с высоким книжным шкафом стоял диван, на котором небрежно лежало мятое покрывало и подушка.

Старик время от времени бурчал себе что-то под нос, улыбаясь или вытирая наворачивающиеся слёзы.

– Тц! – его ручка закончилась, и он потянулся за другой.

«Истинно подлинная биография
ЭрДжея Изобретателя

Ну что ж, пришло и моё время написать биографию. Настоящую, без тайн и недомолвок, без лжи и фальши. Такого не прочитаешь в официальном издании, которое к слову очень скучное, ведь я не заканчивал никакие институты, не ходил на курсы, не имею учёной степени и прочей ерунды. Да что там, я

даже дату своего рождения не знаю! Вот такой вот необразованный гений получился.

Моя привычка писать сначала от руки, а потом набирать всё на компьютере, уходит далеко в моё странное детство, юность, и даже зрелость, когда электричества попросту не было! Да, будущим поколениям будет сложно в это поверить, но большую часть своей жизни я провёл, пытаясь восстановить подачу электричества для населения земли. И в сторону ложную скромность, я чёртов гений, у которого это получилось!

Даже не знаю, с чего начать и о чём вообще говорить. Немного странно – больше семидесяти лет жизни, а биография всего в несколько страниц. Хотя наверно у всех так. По итогу каждый из нас всего лишь обыкновенный человек. Энергия, заточённая в телесную оболочку на определённое время. И как бы велик ты не был, каких бы высот не достиг – в конце имеют значение только воспоминания о дорогих тебе людях. И нет у меня теплее воспоминаний чем с того короткого путешествия с одной непоседливой взбалмошной блондиночкой, талантливейшим врачом и ~~с душей великого Солнца в теле юного~~ … одним карманным философом по имени Блюм.

Блюм… Если бы не рисунок Мираса, на котором мы изображены вчетвером, я бы усомнился в подлинности тех воспоминаний. Но я помню, как мой друг растворился в воздухе у меня на глазах и я ничего не смог с этим поделать. Его уход часто являлся мне во снах, как напоминание о скоротечности времени. Каждый раз, когда я сомневался в себе, я вспоминал

юное лицо Блюма и его тёплую исчезающую улыбку. Как я могу бездействовать, если и я могу исчезнуть в любой момент? Это двигало меня вперёд, это заставляло меня бояться не успеть.

Та правда, которую открыл мне Блюм о законах мироздания, позволила мне расширить горизонты сознания и познавать мир с разных его сторон. Разум – далеко не всё, чем наделила природа человека. Наше воображение, интуиция, сила воли, духовная энергия, самосознание – всё это загадка, которую человечество никогда не разгадает. И я, учёный, считаю, что это правильно. Так и должно быть.

Я много размышлял о хитросплетении судеб и о важности наших решений, а ещё я понял, как же много знаний можно скопить всего за одну жизнь. Если прожить таких жизней тысячу, то я стану самым мудрым хранителем мира за всю историю Вселенной! Но не буду забегать так далеко. И не буду печалить бумагу своими горестями. Лучше расскажу о хорошем...

После потери своего вожака, стражи были растеряны, а те, кто находились тогда на крыше и вовсе позабыли все события того дня. Им нужен был новый идейный лидер и им стал Диффер – один из семерки Последователей. Тот самый, который когда-то спас Блюма. Далеко не все Последователи захотели продолжать это дело, но те, кто остались, сумели навести порядок. Да и далеко не все стражи остались на посту. Узнав правду о силе своего предводителя, о том, что это был обман, многие были разочарованы

настолько, что решили больше не продолжать службу, даже под новым началом. Но в помощь новым стражам, пришли ребята из Парка, интересовавшиеся законом и правом. Много лет мы писали свод законов, но ещё больше времени потребовалось на его внедрение. Особенно сложно было иметь дело с такими ребятами, как изгои, которые даже после пропажи Стража были переполнены ненавистью. Но время и упорная работа способны сломать любые преграды.

Пожалуй, самой большой проблемой тех лет было непонимание. Долгие годы ушли только на поиски тех, кто хотел перемен и был готов работать для их достижения. Можно сказать, что половину своей жизни я искал соратников. Об электричестве, электростанции, энергетике речь вообще не шла! Я вёл долгую внутреннюю борьбу с собственным эго, которое хотело свершений, величия и славы. Я хотел войти в историю с разбега и стремительно. Но как сказал мне один мудрый человек, если хочешь идти быстро – иди один, но если хочешь уйти далеко – иди с кем-то… Так и прошла чуть ли не половина моей жизни, пока я путешествовал по материку, находя там разобщённые остатки жизни, и пытался убедить каждого, что нам нужно сплотиться вокруг общей цели. В каждом новом месте я встречал сопротивление, но и обязательно находил единомышленников. Их было катастрофически мало, но я даже не думал сомневаться в правильности выбранного пути. Ну и конечно, с самого начала я был не один.

Альфред позаботился о том, чтобы я не переживал о восстановлении медицины, и, конечно же, его верная супруга Перчик всегда была рядом с ним и помогала в этом нелёгком деле. Ох, простите, Мята. И кто бы мог подумать, что она выучит те проклятые равнины с двумя переменными…

Но между нами говоря, Мятой я её назвал всего трижды. Первый, когда приехал к ним в гости по случаю рождения их первого сына Блюма, названного в честь нашего солнечного друга, второй, когда мне досталось от неё из-за того, что я назвал ее Помидорчиком, и вот собственно третий здесь.

Перчик… Она много работала с Альфредом на благо медицины, но делала она это по большей части ради любимого мужа. Она нашла своё место, как и поклялась тогда в Трактире. Её призванием стала работа в школе. До чего же я был удивлён. Учительница! Она обучала детей разным дисциплинам и нужно сказать справлялась с этим прекрасно. Её сильный характер и жесткая рука без проблем наводили дисциплину в классе. Все её ученики с уважением относились к ней и некоторые признавались, что даже немного побаивались… И я их понимаю.

Кстати, Мята с Альфредом стали первой парой в современном мире, кто поженились согласно всем традициям. Ох, до чего же Перчик была прекрасна в тот день! Её платье украшали живые цветы, а её волосы, которые к тому времени отрасли почти по пояс, были заплетены в длинную косу на бок. А Альфред сделал ей необычный свадебный подарок – подстриг чёлку. Всё-таки Перчик добилась своего. И нужно

сказать, что это было правильное решение. Поженил их не кто-нибудь, а Мирас, и их брак был благословлён самим Хранителем мира…

Мирас тоже сделал огромный вклад в наше общее дело. Сначала он помогал мне отстраивать дома в качестве архитектора, но была одна проблема – где бы мы ни появились, он собирал вокруг себя толпу слушателей, которые в дальнейшем становились его учениками. Он обладал поистине великим художественным талантом, но самым большим его достоинством всё же была его безмерно глубокая душа, открытая всему миру. Я не стал говорить ему, кем он был в прошлой жизни. Я решил, что ему ни к чему нести бремя прошлого на своих плечах...

В общем, всего через несколько лет он собрал вокруг себя огромную общину, которая стала развивать искусство и духовные учения. Он основал несколько школ по всему континенту, и любой желающий мог обучаться в ней различным творческим дисциплинам, не только рисованию.

Как я уже сказал, я начал своё путешествие с Мирасом, но вскоре мы разделились. После нескольких лет совместного труда, я решил на время вернуться в Верхний мегаполис, и до чего же я был удивлён активности Мяты с Альфредом! И когда они только между восстановлением медицины и образования успевали пополнять своё семейство?.. Их второй сын – Тэ́лис, внешне больше похож на маму, хотя характером пошел в отца. А вот старший внешне хоть и был вылитый папа, но характером – весь в мать! Такого наглого и бестолкового ребёнка ещё поискать

надо было! Но ничего, я взял его себе в ученики, и сделал из него человека...

Долг звал Альфреда отправляться в мир и развивать медицину в других городах континента, и первые несколько лет он путешествовал один, пока Тэлис подрастал. Но когда ему исполнилось пять, они с Перчиком отправились помогать отцу, а я взял восьмилетнего Блюма к себе в ученики.

Он был гиперактивным, упрямым, своевольным, со всеми спорил и никого не слушал. Никого, кроме меня, разумеется. Я сразу нашел к нему подход. Когда он в первый раз попал ко мне в мастерскую в возрасте шести лет, я увидел эти горящие глаза и сразу понял, что он не пойдёт по стопам родителей. Ал с Перчиком как прекрасные родители не стали ничего навязывать сыну, тем более он был в надёжных руках.

Много лет прошло, прежде чем их семья снова воссоединилась, хотя иногда мы пересекались в наших странствиях. Я даже в шутку называл Блюма своим внебрачным сыном. Мы столько времени провели вместе, так много знаний я передал ему, что мы по праву можем называться семьёй.

Но, к слову о семье… Пока я потел, просвещая мелкого Блюма, где-то там между странствиями у Альфреда с Перчиком родилась дочурка Мелисса… (Не сложно догадаться, кто имя выбирал). А я вот восхищался и недоумевал одновременно. Я иногда спать не успевал, а когда они находили время для всего этого, я вообще без понятия… Но более любящей и крепкой семьи я не встречал. Они всё делали вместе, понимали друг друга с полуслова, безмерно уважали,

всегда поддерживали и прислушивались друг к другу. Ал умел сглаживать углы и ссоры в их семье были очень редкими, а Перчик всегда знала, как ободрить и вселить уверенность в Альфреда. К тому же, она была прекрасной матерью. Наше странное детство навсегда оставило глубокие шрамы в наших сердцах, поэтому она делала всё, чтобы их дети были уверены, что они с папой их очень любят и никогда не бросят.

А я тем временем крепко взялся за торговлю. Сильная экономика – это фундамент развития страны. Наш закон делал всё, чтобы люди, готовые что-то производить занимались этим, получали прибыль, но делились ею на благо общества. Налогообложение, менеджмент, аудит, – всё, что я знал об этом, что не хочу этим заниматься. Но мне пришлось! Я сам пытался охватить все сферы жизнедеятельности, необходимые обществу для нормального существования, и в какой-то момент я понял, что у меня ни черта не получается! И тогда судьба снова свела меня с Мирасом. К тому времени его община обросла огромным количеством талантов, и среди них я нашел немало идейных лидеров, которые сняли с моих плеч весь этот экономический и организационный груз. И через несколько лет в каждой области образовались целые команды, которые занимались профильной работой и курировали команды нижних уровней.

Среди моих верных соратников были так же Астери и Потти. Они нашли себя в сфере спорта и занялись организацией особых игр, цель которых была в дружеских соревнованиях и укреплении духа, но самое главное – они были призваны сплотить нас. Игры

проводились раз в два года, и с каждым разом участников и зрителей становилось в разы больше. Это, на первый взгляд, развлекательное мероприятие имело огромное значение в культурном плане, поэтому Потти и Астери не жалели сил и каждый год придумывали просто нереальные программы! Они настолько ответственно подошли к делу, что в один из моих приездов я узнал, что они поженились и даже успели родить близнецов.

Вообще это было странное время и все массово стали заводить семьи, обустраивать свои дома, воспитывать детей. Это означало только одно – мы сдвинулись с мёртвой точки. Люди перестали бояться будущего, они стали смотреть на него с надеждой. И видели они эту надежду, прежде всего, в своих детях. Это было прекрасно. Каждый раз, возвращаясь в какой-то город, первым делом я узнавал именно такие новости, и это не могло не радовать.

К слову, тогда в обществе возник большой спрос на радость. Потребность в чём-то приятном, весёлом и в тоже время бесполезном, была просто невообразимой! Мы все так упорно трудились, что совсем разучились отдыхать. Но Тод, Гейн и Мэтт напомнили нам о том, как правильно расслабляться.

Эта троица не на шутку загорелась идеей общих праздников и как-то в одном из Трактиров, после знатной попойки, мы утвердили годовой праздничный календарь, и у нас вмиг стало много праздников. Мы отмечали день мира, день начала нового времени, день труда, день искусств, день семьи, ох, я всего и не перечислю! Но моим любимым праздником стал…

день Солнца! Традиционно в этот день на улицах происходит оранжевое сумасшествие! Все одевают что-то оранжевое, красят свои лица в этот цвет, обвязываются яркими ленточками и носят чудны́е головные уборы, которые напоминают то ли солнце, то ли цветок… На этом празднике гимн Путешественников звучал чаще других песен. Я так часто пел его, что не удивлюсь, если и в следующей жизни не забуду мотив.

И как раз в один из дней Солнца, у Перчика с Альфредом появился четвёртый сынишка – Лукас. Никак не мог понять, зачем им столько, ну да ладно, может хобби у людей такое… Мне вечному скитальцу это не понять. Главное, чтобы они были счастливы. А они были очень счастливы. К тому времени Блюму было уже ни много ни мало пятнадцать лет, и я на время вернул его в семейство, чтобы он помогал, пока подрастает младший брат. Блюм под моим началом делал большие успехи, и иной раз я поражался, как у такой невыносимой по характеру занозы, может быть такая светлая голова. Ну, хотя, что удивляться, всё-таки он сын своего отца. Он и все их дети унаследовали всё самое лучшее от родителей и опасения Альфреда были напрасны. Все его дети были от рождения здоровы.

А ведь не только я отхватил себе ребёнка друзей в ученики. Вита стала ученицей Альфреда и выбрала себе не просто профессию врачевателя, а самую сложную и востребованную. Она решила стать хирургом. Дюк и Элисия очень гордились её выбором и всегда поддерживали…

Время неумолимо шло и люди, которые пошли за мной ожидали выполнения моего главного обещания – вернуть электричество. Идти по пути Рэймонда я решительно отказался, значит, нужно было идти по пути наших предков и внедрять солнечные батареи. Кроме солнечных электростанций, мы активно воссоздавали ветроэлектростанции и даже успешно начали покорять энергию волн. Затопленный мегаполис был прекрасным местом для этого. За силой ветра мы обратились к северным мегаполисам. А вот солнечную станцию мы решили основать на месте старой электростанции Рэймонда. Там уже было поле солнечных батарей, и это был кротчайший путь к началу, но впереди было ещё столько работы. Колоссальных усилий стоило нам переоборудовать станцию под наши нужды и начать собирать собственные солнечные батареи. Люди со всего континента приходили к нам на помощь, чтобы общее дело жило и развивалось.

Но кроме переоборудования станции на мне ещё лежала другая миссия – я должен был сломать генератор Рэймонда, ведь он постепенно начинал напитываться энергией жизни, пришедшей в наши края. Но к моему величайшему удивлению, я не испытывал ни сожаления, ни горести по этому поводу. Я просто пришел туда и сделал своё дело. Я знал, что так было нужно, знал, что время таких технологий ещё не пришло, поэтому просто исполнил свой долг. Тайком, с помощью Мираса, знавшего всю правду, мы постепенно вынесли генератор по частям и позаботились о маленьких генераторах тоже. Это была не последняя

моя ложь во благо, но зато я был уверен, что события той страшной войны больше не повторятся…

А тем временем, всё чаще можно было увидеть в окнах домов свет. Его экономили, берегли, но с каждым годом у нас становилось всё больше и больше ресурсов, и вскоре мы стали подавать свет по расписанию. Затем был длительный этап запуска систем водоснабжения… Надо же, на листе бумаги запуск этих систем занял предложение, а в жизни это длилось около десятка лет. Как же летело время, пока мы работали… Годы стали пролетать, как дни, но постепенно барьер непонимания начинал рушиться, и все, кто говорили, что им и так было хорошо, начали видеть, что можно в разы лучше.

Седина уже окрасила мою голову, а работы становилось только больше. Ведь дальше мы наконец-то решили отправить экспедицию за океан, чтобы установить связь с другими континентами. Команда молодых ребят уплыла за горизонт на долгие годы и признаться честно, мы уже думали, что потеряли их навсегда, как спустя пять лет они вернулись и привезли с собой отличные новости. А ещё новых друзей. На других материках люди тоже постепенно начинали восставать из руин прошлого, но мы все нужны были друг другу, чтобы дело развивалось.

Разные языки стали большой проблемой для нас и мы, недолго думая, решили создать единый язык. Поэтому следующие экспедиции были вооружены новым орудием в борьбе с непониманием – словарями. Но эту победу, я, увы, не увижу. Когда я был молодым, и кровь кипела в моих жилах, я думал, что

всё произойдёт быстро и лавинообразно, и уже на моём веку мы будем пожинать плоды наших трудов, но на деле всё оказалось кудаааа сложнее. Мы и мои друзья заложили крепкий фундамент для будущих поколений, но как принято в мире науки – я стал всего лишь ступенькой, для тех, кто придёт после меня.

А после меня, к слову, будет немало талантов. Уже сейчас я вижу, как их взгляды и идеи ломают моё представление о мире и его порядке. И хотя мне грустно понимать, что время моих свершений подходит к концу, но в то же время моё сердце радуется, когда я вижу, сколько прекрасных талантов мы вырастили. И пусть я не оставил после себя новую жизнь, но моё наследие будет ещё долго помогать этому миру. Я никогда не видел себя примерным семьянином, вроде Ала. Женщинам нужно внимание. Они как цветы без солнца – вянут без любви и внимания, а я не мог себе позволить отвлекаться на такое.

Но я никогда не чувствовал себя одиноко. Наоборот, мне иногда казалось, что я близок к тому, чтобы стать настоящим отшельником, закрыться в своей маленькой хижине и никого не пускать к себе. Но обычно, как только я начинал об этом думать, кто-то врывался в мою мастерскую и звал меня на помощь… Так эта идея и не дошла до воплощения.

К сожалению, мы не смогли придумать что-то существенно новое. Деньги, потребность ходить на работу, получать образование, оформлять паспорта, регистрировать своё место жительства – вся эта рутина никуда не делась, ведь без неё не было бы порядка. Да я и не ставил себе за цель реформаторство

системы как таковой. Зачем ломать её, если она себя неплохо показала в прошлом, как прочная и живучая. Но то, что я хотел изменить – это подход к её восприятию. И до чего же я был удивлён, что этот подход менялся сам по себе, без моего участия. Все, кто прикасались к общему делу, заряжались этой удивительной энергией, и от этого её становилось только больше. Мы меняли мир и менялись вместе с ним. Это было удивительно.

И кстати, я всё-таки оправдал своё имя Изобретателя, ведь я сделал для Альфреда уникальный бандаж для ног, чтобы ему было легче ходить. И хотя в основу легла всем знакомая идея высокой подошвы, но уникальная технология в комбинации с облегчёнными материалами произвели на свет ранее не существовавший механизм для поддержки и упрощения передвижения для людей с такими же проблемами, как у Альфреда. Так что, я заслужено называюсь Изобретателем и гордо ношу звание учёного. Хотя, если быть откровенным, учёным меня назвать сложно...

Ведь всю свою жизнь я только и делал, что врал. Хоть это и была ложь во благо, но это никак не оправдывает меня. Возможно, за такой большой обман меня заточат в небесное тело для искупления лет так на миллион, но я воспользовался тем хаосом, что царил вокруг и убедил весь мир в том, что всё это результат нашей разобщённости. Что раньше мир был единым, и была одна вера, один язык, общая история, общие победы и горести. И что только после того, как

мы были разобщены, начались эти катастрофы, которые привели к той ужасной войне. И чтобы вернуть человечеству силы, мы снова должны объединиться. Сколько же «научных» трудов я написал на эту тему – не сосчитать! За мной числится более ста книг и почти половина посвящена идее объединения мира в единый организм.

Но я был не один в этом сложном деле. Как и обещал Мирас, он поделился подаренными Блюмом знаниями со всем миром. Он написал три великолепных тома книги о духовном развитии человека и становлении его как части всего мироздания – «Путеводитель для души». И у меня есть секретная информация, что сам малыш приложил к этому руку.

Прекрасная получилась книга. Я много раз перечитывал её и вдохновлялся ею для своих «научных» работ. Хотя конечно и научные работы у меня тоже имеются.

К слову мой план по объединению мира вполне себе может провалиться. Я смог переписать историю человечества и обернуть всё в нашу пользу, и этот план был хорош. Знаете, что может мне помешать? Интернет! Этот чёртов интернет! На кой он вообще им сдался?! Все только о нём и говорили, с тех пор, как мы запустили систему водоснабжения. «Нам срочно нужно вернуть интернет!» Нет, конечно, это может дать положительные результаты. Так мы, по крайней мере, будем иметь связь с другими континентами, но все вдруг загорелись этой идеей и сутками напролёт стали сидеть за компьютерами! Таращатся в эти мониторы, как будто от количества проведённых

перед экраном часов быстрее заработает интернет. Порой бывало, что даже в Трактир сходить было не с кем…

А кто главный активист? Ну, кто идейный лидер и главный каламутильщик воды? Мой лучший ученик! Самоуверенный, наглый, вспыльчивый – весь в мамашу! Ну да ладно, для того чтобы вернуть Интернет нужны сервера, магистрали, ну и в идеале конечно спутники, а мы худо-бедно до них ещё лет сто не доберёмся, так что я надеюсь, что к тому времени мир уже окончательно сплотится и будет единым целым … И вся информация, которую они найдут, не сможет пошатнуть их уверенность в правильности наших решений.

Я сделал всё, что было в моих силах. Я отдал всё своё время этому миру, но всё равно чувствую, что этого недостаточно. Думаю, что уже совсем скоро снова вернусь сюда и продолжу своё дело. Но уже в другой жизни и в другой роли.

И я ни о чём не жалею. Я сам выбрал свой путь. Даже не будь я одной из тех сил, о которых говорил Блюм, я бы всё равно положил свою жизнь к подножью этого прекрасного мира и раз за разом посвящал бы себя ему. Я много не успел из того, что хотел, но меня это совершенно не огорчает. Я полагаю, никто не успевает сделать всё, потому что нет предела нашим стремлениям и желаниям. Я сделал то, что было нужно – я вернул людям свет, и возможно, речь совсем не об электричестве…

Прожив такую длинную жизнь, я понимаю, что наверно нам нужно было пройти через всё это, погрузиться в самую тьму, чтобы снова захотеть увидеть свет. Невосполнимы потери того времени, непростительны преступления тех, кто виновен, но мы не в силах изменить прошлое. Мы живём сейчас, а это уже что-то. Если мы здесь, значит, в наших силах что-то изменить. Я понял это именно благодаря трудностям, а не успехам.

Много важных уроков я выучил на этом пути. Моими учителями были все: от друзей до недругов, но самый главный урок я получил на той крыше от своего солнечного друга. И с тех самых пор я с неподдельной страстью проживал каждый свой день и был очень счастлив, ведь у меня было с кем поделиться этим всепоглощающим чувством.

Я всю жизнь провёл в странствиях, восстановил столько городов, помог стольким людям, прикоснулся к стольким судьбам. Это непостижимый дар, настоящая магия этого мира и я благодарен за каждый миг, проведённый здесь. Ведь если задуматься, это мгновение бывает только раз на вечность. Этот миг уникален и больше никогда не повторится. Это и делает его таким ценным. Даже незначительные вещи становятся настоящим чудом, если смотреть на это под таким углом.

Я помню, как брал крохотного Блюма на руки, а потом сразу вспоминаю, как он взрослый и возмужавший возглавил свою первую команду. Помню свадьбу Перчика и Альфреда, а потом вижу их последнюю годовщину. Я помню заплаканную Виту после

первой неудачной операции, но и ясно вижу её счастливую улыбку на церемонии клятвы Гиппократа. Все в моей памяти улыбаются, плачут, стараются изо всех сил, спорят, преодолевают трудности, поддерживают друг друга, падают, встают, иногда сдаются, иногда отступают, но никогда не теряют уверенность и веру. Веру в завтрашний день. Веру в новый мир, который мы вместе строили…

Вот таким был мой настоящий путь. Путь человека, положившего свою жизнь на благо других. Зато жизнь полная смысла без капли сожаления. Я хорошо поработал. Можно теперь и отдохнуть. Наконец-то увижусь с малышом, Мятой и Алом. Они наверно заждались меня. Сидят там, у берегов раскалённого озера в центре планеты и скучают без моих шуток. Пока ещё не знаю, что скажу им, но что-нибудь придумаю. Я же чёртов гений. И кто знает, может, мы снова вчетвером начнём новый путь…»

Старик перечитал написанное, вытер навернувшиеся слёзы и, сложив листы, запихнул их в нагрудный карман пиджака.

Он неуклюже шел по набережной, опираясь на деревянную трость. Длительные пешие прогулки давались ему с трудом, поэтому он частенько делал передышки, останавливаясь и любуясь красотой этого вечера. Его светлый брючный костюм выглядел довольно чудаковато в сочетании с рюкзаком, но видимо старого отшельника это не смущало.

Наконец-то он пришел, куда хотел. Аккуратные ступеньки вели к одинокому песчаному берегу у

моря. Тихое место так и приглашало на уединённую беседу с собой.

Достав из рюкзака покрывальце, старик неуклюже начал усаживаться на берегу, кряхча и ругаясь. Он откупорил бутылку с вином и поставил около себя два бокала. Осторожно налив в оба ароматный напиток, он принялся не спеша выпивать, наслаждаясь закатом.

Яркие краски разливались по всему небу и восхитительно отражались в воде. Шум волн успокаивал и наполнял сердце радостью. Он чувствовал свободу и счастье, находясь здесь. Этот пляж он очень любил и всегда старался прийти сюда, когда приезжал в этот город. Это место навевало столько воспоминаний и дарило ощущение молодости и силы в теле. Как будто он снова юный путешественник в страстных поисках новых знаний и открытий. Хотя в те годы всё было открытием…

Старик улыбнулся и снова отпил вино. Солнце уплывало всё дальше за горизонт и в городе начали зажигать огни. Чёртово колесо вмиг озарилось огнями, и он отдалённо услышал восторженные голоса горожан.

По песчаному пляжу прогуливалась семья. Родители с маленькой дочкой шли вдоль берега и, смеясь что-то обсуждали. Вдруг малышка закричала:

– Смотри, мамочка это он!

– Кто, солнышко?

– Дедушка, вернувший свет!

Тот поперхнулся вином и чуть не заляпал свой светлый пиджак.

– Да, милая, это он. И его зовут ЭрДжей Изобретатель, а не дедушка. Ему в нашем городе поставили самый большой памятник, и он очень уважаемый человек.

Малышка помахала ему, и он помахал в ответ.

«А с другой стороны, я действительно дедушка. Как будто вчера бегал по крышам высоток, а сегодня еле с кровати встал. Время беспощадно. Но смотри, малыш, жизнь не угасла. Она возрождается. В каждой новой душе, в каждой новой улыбке, с каждым новым рассветом я всё яснее ощущаю это… Я чувствую. Чувствую, что всё было не зря… всё имело смысл…»

Старик достал из нагрудного кармана сложенные листы и принялся перечитывать их. С его лица не сходила улыбка, пока он в очередной раз прокручивал в голове события своей жизни. Когда последняя сточка была дочитана, он вытащил из кармана зажигалку и поджег листы. Старик отпил очередной глоток вина, пока страницы догорали. Поставив бокал на землю, он с удивлением заметил, что вино во втором бокале испарилось.

– А ты не разучился пить, малыш. Но смотри не охмелей, мой друг, как охмелел я от безграничного счастья быть здесь и пройти такой удивительный путь…

***

Как же я заблуждался. Каким невежей я был. Как же я хотел всё скорее узнать, а теперь всё, чего я хочу – это снова ступить на землю и не знать, что ждёт меня завтра. Но, увы, тот путь давно пройден. Пусть другие открывают новые дали, переходят глубокие реки, смотрят с надеждой на небо и отправляются в путь за мечтой. А я буду здесь… Я буду здесь ради вас до конца времён, чтобы присматривать за вами. Пока горит огонь моей души… Пока мой свет дарит вам надежду…

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарности

Я благодарю Михаила Божко за неоценимую помощь в создании книги. Всех своих университетских друзей, в частности Валерию Шевченко, Татьяну Нефёдову, Марину Троненко, Дмитрия Пономаренко, Руслана Бойко, Артёма Мамина, Алину Кононенко и многих других. Профессорско-преподавательский состав кафедры «Экономики и Предпринимательства» ХНУГХ им. А.Н.Бекетова и всех преподавателей этого прекрасного вуза, у кого я имела возможность учиться. Так же выражаю свою благодарность Елене Бондаревой, Валерии Криковцовой, Максиму Дидинёву и Сергею Мальченко.

Отдельная благодарность моей семье и моим замечательным родителям – Катруше Сергею и Катруше Ольге. И, конечно же, Вселенной за возможность быть здесь и идти по этому пути.

Музыка, которая вдохновляла меня во время написания книги: песнопения Hildegard von Bingen «O Ignis Spiritus» в исполнении Filia Sion, «Karitas Habundat», «Meditation I, II, III IV» в исполнении Vox Cosmica by Arianna Savall & Petter Udland Johansen; Сергей Табачников и «Nobody.One» с композициями «Astronomy», «Lifeline», «Soul», «Home», «March of Youth»; группа «Lumen» и песни «Не спеши», «Гори», «Когда», «Дух времени», «Кроме любви»; группа

«Epica» с композициями «Canvas of life», «Natural Corruption», «Consign to Oblivion», «Design Your Universe», «Tides of Time», «Kingdom of Heaven», «Chasing the Dragon»; «Little light of Love» исполнителя Eric Serra; «Et Ensomt Minne» в исполнении Vali; бессмертная песня «Who wants to live forever» группы Queen; группа S.O.A.D. и композиция «Aerials»; «Supercrush» музыканта Devin Townsend; Michael Jackson и «Earth Song», многочисленный работы композитора Hiroyuki Sawano, саундтрек к мультсериалу «Аватар: легенда об Аанге».

Так же на сюжет и историю книги оказали влияние: книга «Изумрудные скрижали» Тота-Атланта, трилогия «Мы боги» Бернара Вербера, «Маленький принц» Антуана де Сент-Экзюпери; учение Садхгуру; художественный фильм «Пятый элемент» и анимационный сериал «Аватар: легенда об Аанге».

Спасибо Вам, дорогие читатели, что прошли этот путь вместе с героями истории и позволили ей ожить в вашем воображении.

Надеюсь, что Вы нашли что-то интересное для размышлений.

До встречи в новых книгах!

Уважаемые читатели, пожалуйста, не размещайте текст книги где-либо без письменного разрешения автора. Давайте будем уважать труд друг друга! Спасибо!

По всем вопросам: katrusha.books@gmail.com

Поддержите книгу в социальных сетях отзывами, комментариями, лайками, публикациями или сторис с отметкой аккаунта @anna.katrusha

Если Вам понравилась книга, расскажите о ней другу!

Купить печатный экземпляр можно на сайте:

https://annakatrusha-books.com.ua

Спасибо!